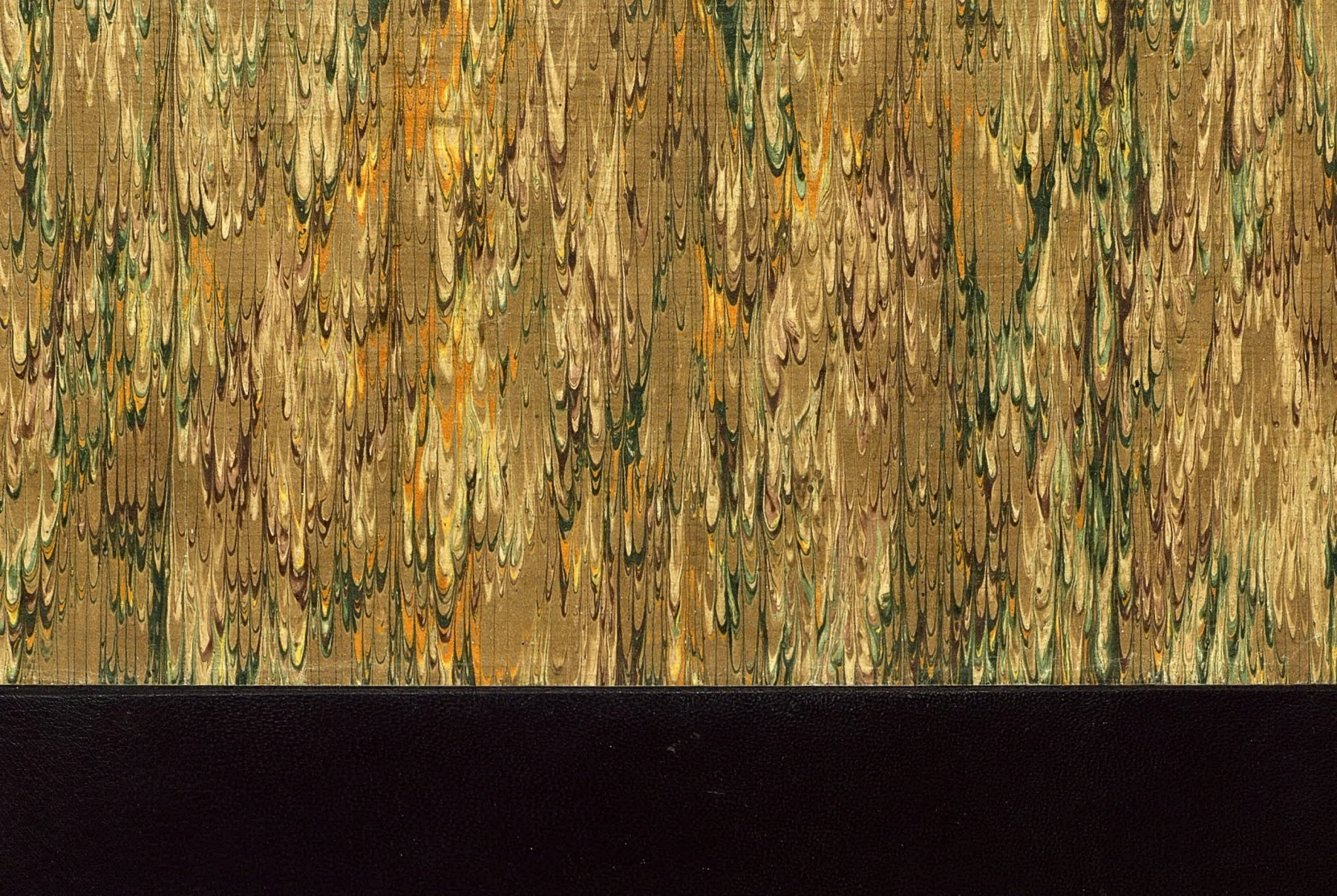
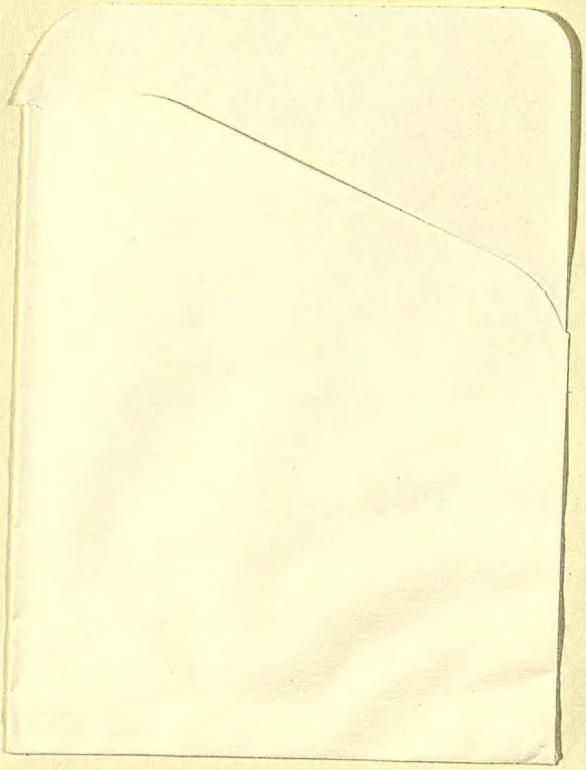




Борис Подгорный

т. II.

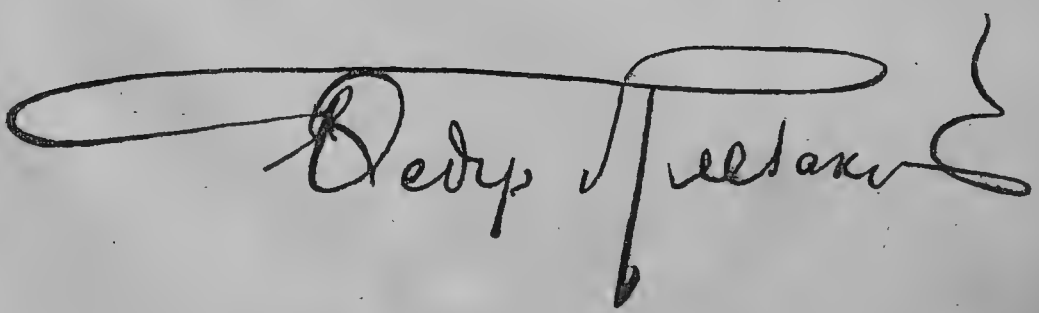
Федор Плетаков

РѢЧИ

Международный [illegible]
Московской [illegible]

Vous verrez un jour que, dans l'histoire du développement politique de la Russie, le barreau tiendra une large place.
(373. 2 m. L'Empire des Tsars)

A. Tillbourg



Ѳ. Н. ПЛЕВАКО.

ЭК
343
П38

РѢЧИ

49 Г.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Н. К. МУРАВЬЕВА.

Т. II.

ИЗДАНІЕ М. А. ПЛЕВАКО.
МОСКВА—1910.

343

ПОРТРЕТЪ-ГЕЛІОГРАВЮРА РАБОТЫ ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
СЪ НЕГАТИВА ФОТОГРАФА ТРУНОВА.

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.

Т. II.

РѢЧИ ПО ДѢЛАМЪ ОБЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

343
П38

Отъ редактора.

Во исполненіе плана настоящаго изданія, во II-й томъ рѣчей Ѳ. Н. Плевако вошли его судебныя рѣчи по дѣламъ объ имущественныхъ преступленіяхъ.

Такихъ рѣчей удалось собрать 29. Онѣ распредѣлены, какъ и рѣчи перваго тома, на группы не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ „органическомъ“ ихъ сочетаніи,—по характеру дѣяній, послужившихъ предметомъ судебнаго разбирательства.

Такихъ группъ образовалось десять.

Второй томъ начинается переходной отъ перваго тома группой дѣлъ, по которымъ обвиненіе въ имущественномъ преступленіи сочеталось съ обвиненіемъ въ преступленіи противъ личности.

Вторую группу составляютъ два дѣла (игумена Митрофанія и Булахъ), хотя и различныя по свойствамъ обвиненія, но вполнѣ аналогичныя по личности и характеру дѣятельности обвиняемыхъ, сопоставленіе между которыми напрашивается само собой.

Далѣе идутъ группы дѣлъ о вымогательствахъ, растратахъ, подлогахъ и друг.

Томъ заканчивается значительной, и по количеству рѣчей и по объему ихъ, группой дѣлъ о банковскихъ злоупотребленіяхъ.

Характерной особенностью рѣчей настоящаго тома является то, что, въ противоположность первому тому, гдѣ собраны дѣла о преступленіяхъ противъ личности, въ болѣе чѣмъ $^1/_3$ дѣлъ, приведенныхъ во

второмъ томѣ, Ѳедоръ Никифоровичъ выступилъ гражданскимъ истцомъ. Въ частности, изъ серіи банковскихъ дѣлъ (6 дѣлъ) Ѳедоръ Никифоровичъ въ 4-хъ случаяхъ защищаетъ интересы гражданскихъ истцовъ—потерпѣвшихъ и только въ двухъ случаяхъ онъ—на сторонѣ подсудимыхъ.

При составленіи этого тома пришлось бороться съ тѣми же затрудненіями, которыя обнаружились уже при обработкѣ перваго тома изданія: трудность установить дату произнесенія той или другой рѣчи, время и мѣсто ея напечатанія, найти наиболѣе близкій къ тексту произнесенной рѣчи печатный текстъ ея и т. п.

При этомъ приходится, къ сожалѣнію, констатировать, что призывъ о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ, обращенный редакторомъ изданія къ товарищамъ по профессіи Ѳедора Никифоровича и лицамъ, его знавшимъ, почти не встрѣтилъ отклика, и блестящій внѣшній успѣхъ изданія (первый томъ въ первомъ изданіи распроданъ приблизительно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ появленія его въ свѣтъ) не сопровождался активнымъ желаніемъ читателей книги оказать содѣйствіе дальнѣйшему улучшенію изданія и облегчить тяжесть труда его редактированія.

Не теряя надежду на измѣненіе въ этомъ отношеніи настроенія читателей, среди которыхъ есть, конечно, не мало лицъ того сословія, гордость котораго составлялъ сошедшій въ могилу ораторъ, мы позволяемъ себѣ напомнить, что всѣ указанія на неполноту изданія, желательныя въ немъ измѣненія и проч. можно направлять по адресу: Москва, Тверская, 64, редактору изданія, которымъ все, что можетъ способствовать улучшенію изданія, будетъ принято съ глубокой благодарностью.

Содѣйствіе всѣхъ лицъ, когда-либо соприкасавшихся съ покойнымъ Ѳедоромъ Никифоровичемъ, и сообщеніе всякаго рода фактическаго матеріала, характеризующаго личность и дѣятельность его, въ особенности необходимо при составленіи біографіи покойнаго, которую предполагается приложить къ III-му тому его произведеній.

Этотъ третій томъ, который редакторъ надѣется выпустить осенью текущаго 1910 года, будетъ посвященъ литературному наслѣдію покойнаго. Въ него войдутъ: автобіографія Ѳедора Никифоровича (къ

сожалѣнію, неоконченная), отрывки изъ его воспоминаній, выдержки изъ его литературныхъ статей, письма, листки изъ записныхъ книжекъ, стихотворенія (лирика, пародіи, переложенія) и проч.

Къ этому тому будутъ приложены также нѣсколько портретовъ Ѳедора Никифоровича въ различныя эпохи его жизни.

Москва.
13 Апрѣля 1910 года.

Содержаніе II тома.

От редактора.

ДѢЛА О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ИМУЩЕСТВЕННЫХЪ.

I.

Стр.

1. Дѣло КОСТРУБО-КАРИЦКАГО, обв. въ кражѣ и изгнаніи плода. Защитительная рѣчь 1
2. Дѣло НОВОХАЦКИХЪ, обв. въ лишеніи свободы сестры, вымогательствѣ денежнаго обязательства и подлогѣ. Защитительная рѣчь 27

II.

3. Дѣло ИГУМЕНІИ МИТРОФАНІИ, обв. въ подлогахъ и мошенничествахъ. Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца — опеки Солодовниковой и Медынцевой . 49
4. Дѣло БУЛАХЪ, обв. въ причиненіи съ корыстной цѣлью разстройства умственныхъ способностей Мазуриной. Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца — опеки Мазуриной 75

III.

5. Дѣло БР. БОСТРЕМЪ, обв. въ ограбленіи прис. повѣр. Гольдсмита и вымогательствѣ у него документовъ. Защитительная рѣчь 99

Стр.

6. Дѣло ЗАМЯТНИНЫХЪ, обв. въ вымогательствѣ векселей. Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца Курбатова 113

IV.

7. Дѣло ПЕРВУШИНЫХЪ, обв. въ уничтоженіи духовнаго завѣщанія. Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца Григорія Первушина 131

8. Дѣло ГОРНШТЕЙНА, обв. въ поджогѣ. Защитительная рѣчь 141

V.

9. Дѣло КН. ГОЛИЦЫНА, обв. въ растратѣ и мошенничествѣ. Защитительная рѣчь 151

10. Дѣло КН. ОБОЛЕНСКАГО и А. Ф. МОРДВИНА-ЩОДРО, обв. въ растратѣ лошадей. Защитительная рѣчь . . . 161

11. Дѣло МЕЛЬНИЦКАГО, обв. въ растратѣ казенныхъ денегъ. Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца — Московскаго воспитательнаго дома 177

VI.

13. Дѣло КАШИНА, обв. въ ростовщичествѣ. Защитительная рѣчь 191

VII.

14. Дѣло МАРУЕВА, обв. въ подлогѣ. Защитительная рѣчь . 201

15. Дѣло КОВАНЬКО и др., обв. въ подлогѣ. Защитительная рѣчь 213

16. Дѣло „КЛУБА ЧЕРВОННЫХЪ ВАЛЕТОВЪ“. Рѣчь въ защиту обв. Мазурина 225

17. Дѣло РОСКОВШЕНКО, обв. въ подлогѣ векселей. Защитительная рѣчь 233

Стр.

18. Дѣло АЗБУКИНОЙ (ГРАФИНИ МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ), обв. въ подлогѣ въ актахъ о рожденіи ребенка. Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца 243

VIII.

19. Дѣло ГАВРИЛОВА и БЕКЛЕМИШЕВА, обв. въ поддѣлкѣ билетовъ Государственнаго казначейства. Защитительная рѣчь 255

20. Дѣло БР. АЛЕКСАНДРА и ИВАНА ПОПОВЫХЪ, обв. въ мошенничествѣ. Рѣчь въ защиту интересовъ гражд. истца 281

IX.

21. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ ТАГАНРОГСКОЙ ТАМОЖНѢ. Рѣчь въ защиту обв. Муссури 293

22. Дѣло объ искусственныхъ аваріяхъ въ КЕРЧЕНСКОМЪ ПРОЛИВѢ. Рѣчь въ защиту обв. Франческо и др. . 303

23. Дѣло С. И. МАМОНТОВА, обв. въ злоупотребленіяхъ въ обществѣ Московско-Ярославско-Архангельской жел. дор. Защитительная рѣчь 319

X.

24. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ МОСКОВСКОМЪ ССУДНОМЪ КОММЕРЧЕСКОМЪ БАНКѢ (СТРУСБЕРГА и др.). Рѣчь въ защиту обвиняемыхъ Борисовскаго, Лѣнивова и Вишнякова 345

25. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ ХАРЬКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ВЗАИМНАГО КРЕДИТА (Левченко и др.). Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца 383

26. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ СКОПИНСКОМЪ Городскомъ Общественномъ Банкѣ (Рыкова и др.). Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца 395

Стр.

27. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ ЛЕБЕДЯНСКОМЪ БАНКѢ. Рѣчь въ защиту обвиняемыхъ Чурилина, Попова и Уланова 409

28. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ САРАТОВСКО-СИМБИРСКОМЪ Банкѣ (Борисова и др.). Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца — Государственнаго Дворянскаго Банка 419

29. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ ХАРЬКОВСКИХЪ ЗЕМЕЛЬНОМЪ и ТОРГОВОМЪ Банкахъ. Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца 429

I.

Дѣло Кострубо-Карицкаго.

Дѣло Кострубо-Карицкаго,

обв. въ кражѣ и изгнаніи плода.

23 іюля 1868 года жившій въ своемъ имѣніи майоръ Перемѣшко-Галичъ сообщилъ полиціи о томъ, что у него украдено разныхъ процентныхъ бумагъ на сумму около 38.000 рублей. Онъ заявилъ, что эти процентныя бумаги вмѣстѣ съ другими находились въ ящикѣ письменнаго стола въ его кабинетѣ, что 20 іюля онъ, не пересматривая, взялъ ихъ съ собой въ Липецкъ, а по возвращеніи домой обнаружилъ недостачу въ 38 т. рублей. Ящикъ стола взломанъ не былъ. Ключъ же, которымъ ящикъ открывался, былъ найденъ въ той же комнатѣ.

Въ то время, когда, по предположенію Галича, произошла кража, въ квартирѣ его изъ постороннихъ находились воинскій начальникъ Николай Кострубо-Карицкій и племянница Галича Вѣра Павловна Дмитріева. Относительно участія Корицкаго или Дмитріевой въ кражѣ денегъ ни у кого подозрѣнія не возникало.

Черезъ 3 мѣсяца послѣ пропажи % бумагъ Галичъ узналъ, что въ г. Ряжскѣ Вѣра Дмитріева, назвавшись женой майора Буринской, продала одному мѣстному купцу 2 выигрышныхъ билета.

Допрошенная, по указанію Галича, судебнымъ слѣдователемъ, Дмитріева признала фактъ продажи ею въ Ряжскѣ двухъ билетовъ. Объяснить происхожденіе этихъ билетовъ она, ссылаясь на запамятованіе, отказалась. Назвалась она чужимъ именемъ потому, что не хотѣла, чтобы стало извѣстно ея пребываніе въ это время въ Ряжскѣ. Въ слѣдующемъ своемъ показаніи, данномъ черезъ нѣсколько дней послѣ перваго, Дмитріева дала другое объясненіе, которое устанавливало участіе Кострубо-Карицкаго въ кражѣ денегъ у Галича.

Дмитріева показала, что въ Ряжскъ она ѣздила въ виду приближенія родовъ, что проданные ею билеты далъ ей Карицкій, съ которымъ она въ теченіе 4-хъ лѣтъ находилась въ связи, что назвалась она чужимъ именемъ тоже

по его совѣту. Она разсказала затѣмъ о своей поѣздкѣ вмѣстѣ съ Карицкимъ въ Москву, гдѣ она по его порученію мѣняла % бумаги. При всѣхъ этихъ поѣздкахъ, связанныхъ съ наступленіемъ родовъ, она постоянно получала отъ Карицкаго различныя % бумаги. Въ послѣдній разъ, когда она уѣзжала, Карицкій далъ ей большое количество купоновъ и попросилъ ее купоны эти размѣнять только въ Москвѣ, въ другихъ же городахъ ими не пользоваться.

О кражѣ % бумагъ у своего дяди Галича она сообщила Карицкому. Онъ велѣлъ ей объ этомъ никому не говорить.

Кострубо-Карицкій заявилъ, что все разсказанное о немъ Дмитріевой невѣрно. Предварительное слѣдствіе, однако, дало какъ будто нѣкоторыя указанія, подтверждающія участіе Карицкаго въ кражѣ. Было выяснено слѣдующее: во время предполагаемаго совершенія кражи Карицкій былъ у Галича и имѣлъ свободный доступъ къ письменному столу, въ которомъ хранились деньги. Допрошенные свидѣтели показали: служащій подъ начальствомъ Карицкаго кап. Радугинъ, что Карицкій, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Дмитріевой ѣздилъ въ Москву; одинъ изъ купившихъ у Дмитріевой билеты, — что у нея было свидѣтельство, выданное Карицкимъ на поѣздку въ Москву, и, наконецъ, отецъ Дмитріевой Павель Галичъ показалъ, что она созналась въ кражѣ % бумагъ лишь послѣ долгаго уединеннаго разговора съ Карицкимъ.

Изъ послѣдующихъ показаній Дмитріевой выяснились факты, послужившіе причиной обвиненія Кострубо-Карицкаго также и въ томъ, что онъ, съ согласія Дмитріевой, употребилъ средства къ изгнанію ея плода. Она объяснила, что Карицкій, узнавъ отъ нея, что ей предстоятъ роды, неоднократно предлагалъ ей различныя средства для производства выкидыша. Для этой цѣли онъ обращался къ докторамъ Дюзингу и Сапожкову (оба эти лица были привлечены по этому дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ). Сапожковъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ сдѣлать ей выкидышъ, отъ этого отказался. Тогда самъ Карицкій, узнавъ отъ Сапожкова, какъ надо дѣлать выкидышъ и получивъ отъ него же для этой цѣли инструкціи, у себя на квартирѣ сдѣлалъ Дмитріевой операцію, послѣ которой у нея родился недоношенный ребенокъ.

Карицкій и по этому обвиненію отрицалъ свою вину и утверждалъ, что съ Дмитріевой въ связи никогда не былъ и что она на него клевещетъ.

Свидѣтели отчасти подтвердили разсказъ Дмитріевой и показали, что о близкихъ отношеніяхъ Карицкаго съ Дмитріевой знали многіе.

Врачъ Сапожковъ, отрицая свою вину, показалъ, что Дмитріева нѣсколько разъ просила его устроить ей выкидышъ, что отъ нея онъ слышалъ, что беременна она отъ Карицкаго и что послѣ выкидыша Карицкій обѣщалъ ему достать мѣсто врача въ гимназіи.

Дюзинъ сначала призналъ себя виновнымъ въ томъ, что уговаривалъ Сапож-

кова произвести выкидышъ Дмитріевой, а затѣмъ отъ этого объясненія отказался.

Всѣ эти лица вмѣстѣ съ обвинявшейся за недонесеніе Кассель судились Рязанскимъ Окружнымъ Судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 18—27 января 1871 г.

Полковнику Николаю Кострубо-Карицкому было предъявлено обвиненіе въ кражѣ % бумагъ на сумму около 38 т. рублей и въ употребленіи съ вѣдома и согласія Дмитріевой средствъ для изгнанія ея плода; вдова штабсъ-капитана Дмитріева обвинялась въ укрывательствѣ похищенныхъ бумагъ, въ именованіи себя непринадлежащимъ ей именемъ и въ употребленіи средствъ для изгнанія плода; врачъ Павелъ Сапожковъ — въ употребленіи средствъ для изгнанія плода; инспекторъ врачебнаго отдѣленія Рязанскаго Губернскаго Правленія врачъ Дюзинъ — въ подстрекательствѣ къ этому преступленію; и, наконецъ, Елизавета Кассель въ недонесеніи объ этихъ преступленіяхъ означенныхъ лицъ.

Предсѣдательствовалъ Родзевичъ. Обвинялъ тов. прокурора Петровъ. Защищалъ Кострубо-Карицкаго — Ѳ. Н. Плевако; Дмитріеву — кн. А. И. Урусовъ; Сапожкова — Городецкій; Дюзина — Спасовичъ и Кассель — Кирѣевскій.

На судѣ всѣ подсудимые свои показанія подтвердили. Кострубо-Карицкій продолжалъ настаивать на полной своей непричастности къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя ему ставились въ вину; указывалъ на свое высокое положеніе, которое не могло позволить ему совершить преступленіе и все объяснялъ желаніемъ Дмитріевой опорочить его.

Дмитріева, сознавшись въ принятіи мѣръ къ вытравленію плода, подробно разсказала объ участіи въ этомъ преступленіи, а также въ похищеніи денегъ у Галича Кострубо-Карицкаго.

Защитникъ Дмитріевой кн. Урусовъ, подробно разбирая показанія Дмитріевой и Карицкаго, приходитъ къ заключенію, что показаніе Дмитріевой правдиво, что оно заслуживаетъ полнаго довѣрія, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Дмитріева клевещетъ на Кострубо-Карицкаго.

Не смотря на отсутствіе прямыхъ уликъ противъ Кострубо-Карицкаго, кн. Урусовъ, указывая на рядъ противорѣчій въ его показаніяхъ, на цѣлый рядъ очень тяжкихъ косвенныхъ уликъ, полагаетъ, что Карицкій совершилъ какъ первое, такъ и второе преступленія. Своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ Кострубо-Карицкій хочетъ обмануть правосудіе.

Рѣчь Плевако въ значительной своей части посвящена возраженію кн. Урусову.

Всѣ подсудимые были оправданы.

Рѣчь въ защиту Кострубо-Карицкаго.

Гг. присяжные! Вчера вниманіе ваше было посвящено двумъ рѣчамъ: рѣчи обвинителя и рѣчи защитника Дмитріевой, которая, по свойствамъ своимъ, была тоже обвиненіемъ противъ Карицкаго.

По окончаніи этихъ рѣчей, когда слово мое было отложено до другого дня, признаюсь, не безъ страха отпустилъ я васъ въ вашу совѣщательную комнату; не безъ страха за участь того подсудимаго, который ввѣрилъ мнѣ свою защиту, оставилъ я васъ подъ убійственнымъ впечатлѣніемъ обвиненій, которыя такъ безпощадно сыпались вчера на его голову.

Защитникъ, кончая свою рѣчь, обращалъ къ вамъ не просьбу о помилованіи Дмитріевой, а требованіе обвинить Карицкаго, обвинить— во имя равенства, братства, во имя христіанскаго милосердія, — и послѣднія слова этой рѣчи: „обвините, обвините его, согните его гордую голову!“ провожали васъ въ вашу комнату, какъ бы стараясь проникнуть туда вслѣдъ за вами...

Это страшно!..

Но защита Карицкаго не лишена еще слова,—и вотъ, съ надеждой на свои силы, я приступаю къ исполненію своей обязанности.

Я увѣренъ, что вы не допустите укорениться въ вашей совѣсти убѣжденію, что послѣ слышанныхъ вами вчера обвиненій нѣтъ надобности въ дальнѣйшемъ разъясненіи дѣла, нѣтъ возможности иными доводами, которыхъ еще не слыхали вы, разъясненіемъ иныхъ обстоятельствъ, которыя были обойдены моими противниками, подорвать цѣну всѣхъ ихъ словъ и соображеній.

Вы поймете, почему слышанный вами вчера защитникъ, защищая Дмитріеву, обвинялъ Карицкаго и вносилъ какую-то особенную страстность во всѣ свои обвинительные доводы, — вы должны понять, что виновность или невинность Карицкаго есть вопросъ жизни или смерти для Дмитріевой...

Вы слышали рѣчь защитника, — эта рѣчь была особенная, исполненная нехорошихъ словъ противъ всѣхъ свидѣтелей, которые показывали въ пользу Карицкаго. Вы слышали, что этими свидѣтелями руководила трусость передъ начальствомъ, что они чуть не клятвопреступники, что на нихъ были затрачены огромныя деньги, и проч. и проч. Ослѣпленный страстностью борьбы, защитникъ Дмитріевой и во время всего судебнаго слѣдствія, и въ рѣчи своей ука-

зывалъ вамъ, что свидѣтели говорятъ заданные уроки, что мы явились во всеоружіи интриги и подкупа...

Я не пойду этимъ путемъ.

Здѣсь, въ храмѣ правосудія, единственное дѣло защиты должно заключаться въ спокойной и безстрастной оцѣнкѣ фактовъ, въ обстоятельномъ разъясненіи уликъ. Здѣсь не мѣсто увлеченіямъ, — мы должны быть чужды ихъ, мы должны отогнать отъ себя все недостойное дѣла правосудія, которому мы служимъ. И обвинитель и защитники одинаково спеціально изучаютъ дѣло, хотя и смотрятъ на него съ различныхъ точекъ зрѣнія; обвиненіе не выше защиты, и защита не выше обвиненія, — законъ признаетъ ихъ равноправными: всѣ должны быть равны передъ закономъ...

Положеніе мое въ настоящемъ процессѣ особенно трудно, и потому я прошу васъ, гг. присяжные, пожертвовать мнѣ нѣсколькими часами усиленнаго вниманія. То обстоятельство, что, кромѣ обвинителя отъ правительства противъ моего кліента, явился еще другой обвинитель, заставляетъ меня и даетъ мнѣ, кажется, право обратить къ вамъ эту просьбу и просить, требовать отъ васъ ея исполненія. Когда обвиненіе одного подсудимаго раздается въ судѣ изъ устъ защитника другого, когда задушить другого — значитъ снять петлю съ себя,—тогда начинается страстная борьба не на жизнь, а на смерть, и средства уже не разбираются.

Какъ бы то ни было, но эта борьба объявлена мнѣ, и я долженъ вступить въ нее.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что ни обвинитель, ни защитникъ Дмитріевой не доказывали вамъ прямо виновность Карицкаго въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняется онъ по опредѣленію московской судебной палаты. Нѣтъ, они требовали отъ васъ разрѣшенія другихъ вопросовъ, которые, правда, наводятъ на нѣкоторыя размышленія, способны даже бросить тѣнь на Карицкаго, но, въ смыслѣ прямого обвиненія, ничего не доказываютъ ни за, ни противъ него.

Такихъ вопросовъ поставлено было передъ вами три: доказана ли связь Карицкаго съ Дмитріевой, доказано ли свиданіе ихъ въ острогѣ и, наконецъ, имѣла ли какія-нибудь основанія Дмитріева для своей клеветы? Затѣмъ, разрѣшивъ утвердительно два первыхъ изъ этихъ вопросовъ и отрицательно послѣдній, обвиненіе заранѣе торжествовало побѣду.

Но я не признаю этой побѣды. Я не признаю себя побѣжденнымъ даже и въ томъ случаѣ, если вы, не рѣшаясь совсѣмъ обратно отвѣ-

тить на предложенные вамъ вопросы, допустите только иную комбинацію отвѣтовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если вы рѣшите, что и связь и свиданіе Дмитріевой съ Карицкимъ доказаны, и въ то же время скажете, что Дмитріева могла все-таки оклеветать его,—то и въ такихъ отвѣтахъ вашихъ обвиненіе еще не найдетъ для себя прямой опоры. При наличности трехъ фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, передъ нами встаетъ новый, самый существенный въ дѣлѣ вопросъ, на который еще нѣтъ отвѣта: достаточно ли ихъ для обвиненія, можно ли на основаніи только этихъ фактовъ признать Карицкаго виновнымъ? Вѣдь, кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ о связи и свиданіи, судебное слѣдствіе не дало намъ ничего такого, на чемъ могло бы быть построено обвиненіе Карицкаго. Кража денегъ, подговоръ Дюзингомъ Сапожкова, проколъ пузыря — не имѣютъ ни въ чемъ подтвержденія, кромѣ словъ Дмитріевой... Несуществующій фактъ не можетъ имѣть доказательствъ,— оттого ихъ и нѣтъ, и на нихъ никто не указываетъ.

Оба обвинителя, чувствуя недостаточно крѣпкую почву подъ ногами, даютъ въ своихъ рѣчахъ обширное мѣсто такимъ соображеніямъ, которыя вовсе не идутъ къ дѣлу и даже не заслуживаютъ отвѣта съ моей стороны.

Вамъ говорили объ особенной важности настоящаго дѣла, о высокомъ положеніи одного изъ подсудимыхъ, о друзьяхъ и недругахъ его. Вамъ говорили, что дѣло это рѣшаетъ вопросъ о силѣ судебной реформы, рѣшаетъ болѣзненное недоумѣніе общества, — можетъ ли новый судъ справиться съ высокопоставленными подсудимыми. Обвинитель указывалъ вамъ на положеніе и извѣстность защитниковъ, связывалъ съ этимъ возможность ихъ вліянія на общественное мнѣніе и рядомъ указывалъ на свою малоизвѣстность.

Униженіе паче гордости, — подумали мы тогда!

Вамъ говорили о какихъ-то слухахъ,—что вліяніе сильныхъ людей и денегъ коснулось даже и васъ...

И все это, какъ вѣнцомъ, покрылось послѣдними знаменитыми словами того обвиненія, которое вы слышали вчера изъ устъ кн. Урусова. Проповѣдуя вамъ символъ либерализма — великія идеи равенства и братства, онъ, во имя этихъ идей, сумѣлъ просить васъ осудить Карицкаго,— осудить его даже и въ томъ случаѣ, если противъ него нѣтъ основательныхъ уликъ, если и плохо доказано обвиненіе...

Свѣтлое ученіе равенства, думаю, хорошо знакомо мнѣ, вамъ и всѣмъ людямъ: оно прожило уже тысячелѣтія. Но съ того самаго дня, когда впервые было возвѣщено оно на землѣ, и до вчерашняго, ко-

нечно, никому не удавалось сдѣлать изъ него такого пристрастнаго, такого извращеннаго примѣненія!..

Пусть же пройдутъ мимо васъ всѣ эти громкія, благозвучныя, но недостойныя фразы. Вы пришли сюда сотворить правый судъ, котораго ждутъ отъ васъ и общество, и подсудимые. Вы не рѣшите и не должны рѣшать вопросовъ о судебной реформѣ, о томъ, быть или не быть новому суду, силенъ или слабъ онъ въ борьбѣ съ подсудимыми.

Такимъ вопросамъ здѣсь не должно быть мѣста.

Здѣсь другіе вопросы: жизнь и смерть, позоръ и честь, свобода и несвобода...

Жизнь одного человѣка дороже всякихъ реформъ, и если бы за оправданіемъ Карицкаго долженъ былъ послѣдовать конецъ новаго суда, то и тогда вы все-таки обязаны оправдать его, если только по совѣсти не признаете его виновнымъ.

Вы не обвините его, по ученію равенства и братства, за то, что онъ стоитъ выше другихъ. Вы знаете, что каково бы ни было положеніе человѣка въ обществѣ, оно — его заслуга, его трудъ, пользоваться плодами котораго онъ имѣетъ полное право. Лишить его принадлежащихъ ему правъ за то только, что онъ выработалъ себѣ высокое положеніе въ обществѣ, во имя братства, несмотря на бездоказательность обвиненія, приготовить ему, по-братски, позоръ и безчестіе, — такую просьбу могло сказать вамъ только ослѣпленіе, только человѣкъ, которому совершенно чуждо и неизвѣстно то ученіе, которое онъ здѣсь такъ старательно проповѣдывалъ. Но вы иначе понимаете это ученіе и ваша совѣсть научитъ васъ иначе примѣнять его къ житейскимъ вопросамъ...

Теперь я послѣдую за рѣчью товарища прокурора и постараюсь во всѣхъ подробностяхъ разобрать ее.

Обвинитель прежде всего говоритъ, что ребенка Дмитріевой не Кассель бросила на мосту, а Карицкій, и какъ-то непонятно доказываетъ это тѣмъ, что ребенокъ оказался именно на мосту, а не подъ мостомъ, въ оврагѣ, спускаться куда было бы Карицкому опасно.

Я положительно не понимаю такого соображенія и думаю, напротивъ, что если бы Карицкій бросилъ ребенка, то онъ бросилъ бы его непремѣнно подъ мостъ. И для этого вовсе не нужно было спускаться въ оврагъ, — вѣдь ребенокъ былъ мертвый, а съ мертвымъ нечего церемониться: можно было бросить внизъ и прямо съ моста.

Не ясно ли, что неопытная, трусливая рука работала это дѣло?

И если вы припомните, что Кассель признала себя виновною въ

подкинутіи ребенка, то, конечно, вы никоимъ образомъ не припишете это Карицкому, хотя товарищъ прокурора и старается доказать противное разнорѣчіемъ Дмитріевой и Кассель относительно того часа, въ который послѣдовали роды.

Онъ спрашиваетъ: „матери ли не знать этого часа?“ Я отвѣчаю: конечно, мать, лежащая въ родовыхъ мукахъ, врядъ ли имѣетъ возможность наблюдать за часами...

Далѣе, переходя къ оговору Дмитріевой Карицкаго относительно прорванія ей околоплоднаго пузыря, товарищъ прокурора считаетъ этотъ оговоръ вполнѣ вѣроятнымъ и искреннимъ. Карицкій беретъ у Дмитріевой уроки, какъ вводить зондъ въ матку,—значитъ, это для него новое дѣло, и онъ не можетъ знать, какъ оно кончится: можетъ-быть, Дмитріева даже умретъ отъ этой операціи. Но Карицкій считаетъ лишними подобныя опасенія: онъ настолько смѣлъ, что рѣшается проколоть пузырь въ своей квартирѣ, хотя это не трудно бы сдѣлать и въ квартирѣ Дмитріевой, гдѣ дѣлались и вспрыскиванія, и души, гдѣ можно положить больную прямо въ ея постель.

Что за нелогичность! И неужели такой оговоръ, такое странное показаніе можно не считать клеветою?!..

Изъ числа свидѣтелей болѣе всѣхъ не понравился обвинителю Стабниковъ, показаніе котораго дышетъ правдою, хотя и служитъ въ пользу Карицкаго. Показаніе это точно, подробно, и вмѣстѣ съ нимъ на сцену является записка Дмитріевой, которая бросаетъ новый, яркій свѣтъ на все дѣло.

Какъ быть? Какъ подорвать значеніе этого неумолимаго факта?

Свидѣтеля заподозриваютъ, его начинаютъ сбивать и для этой цѣли обращаются къ суду съ просьбой вызвать цѣлую массу новыхъ свидѣтелей. И вотъ гонцы отъ суда разсылаются по всей Рязани и въ какіе-нибудь полчаса собираютъ толпу людей, которыхъ судъ начинаетъ допрашивать.

Но свидѣтели не противорѣчатъ Стабникову, а только подтверждаютъ его показаніе. Тогда показаніе это заносятъ въ протоколъ, не скрывая намѣренія преслѣдовать Стабникова за какое-то преступленіе...

Все это совершается передъ вами; но несмотря на все это, фактъ, что Кассель разсказывала Стабникову о томъ, что проколъ сдѣланъ врачомъ Битнымъ, что Кассель показывала ему записку Дмитріевой,—остался неопровергнутымъ. Изъ словъ Кассель, изъ словъ жены Стабникова, вызванной въ свидѣтельницы изъ числа публики, сидѣвшей въ залѣ, происхожденіе записки еще болѣе подтвердилось.

Дѣйствительно, г-жа Стабникова иногда разнорѣчила съ мужемъ,— но возможно ли помнить всѣ мелочи въ жизни, особенно, когда не знаешь, что помнить ихъ надобно для какого-нибудь дѣла? А говорить, что сходство показаній всѣхъ этихъ свидѣтелей находится въ связи съ темными предположеніями о вліяніи, — было бы совершенно неумѣстно. Свидѣтели эти взяты по просьбѣ защитника Дмитріевой солидарнаго съ прокуроромъ въ обвиненіи Карицкаго,—взяты вдругъ... Не вся же Рязань закуплена Карицкимъ! Стабниковъ даже и вызванъ въ судъ Сапожковымъ. Неужели Карицкій самъ не вызвалъ бы его, если бъ только онъ зналъ, что будетъ показывать Стабниковъ!..

Обвинительная власть поставила передъ вами вопросъ о побужденіяхъ, какія могли имѣть подсудимые для совершенія выкидыша. Понятно, что у Дмитріевой могли быть побужденія: скрыть беременность было ей нужно и по отношенію къ мужу, и по отношенію къ отцу, и къ кругу знакомыхъ.

Но нѣтъ этихъ побужденій для Карицкаго!..

Теперь я долженъ нѣсколько остановить ваше вниманіе на показаніяхъ Галича, дяди Дмитріевой, который, по дѣлу о кражѣ, является въ качествѣ потерпѣвшаго лица.

Этотъ свидѣтель объяснилъ намъ, что въ іюнѣ 1868 года, когда у него въ деревнѣ ночевалъ Карицкій, всѣ деньги были цѣлы. Были онѣ цѣлы также и въ началѣ, и въ серединѣ іюля, т.-е. до и послѣ поѣздки его въ Воронежъ. Пропажа обнаружилась въ концѣ іюля. Галичъ помнитъ, какъ и когда онъ бралъ съ собой деньги. Украденная пачка лежала отдѣльно, когда была въ Липецкѣ, въ деревнѣ же деньги лежали вмѣстѣ. Въ іюлѣ Карицкій у Галича не былъ, а Дмитріева была и въ деревнѣ, и въ Липецкѣ.

Показаніе это даетъ намъ капитальные факты: Карицкій былъ въ іюнѣ, деньги при немъ и послѣ него были цѣлы; деньги пропали въ іюлѣ; пропажа случилась въ Липецкѣ. Вы, вѣроятно, помните, что, когда окончилъ Галичъ свое совершенно ясное показаніе, на него напали и цѣлыми сотнями вопросовъ цѣлый день старались сбивать несчастнаго старика! Всякая малѣйшая неточность его вызывала всеобщее изумленіе. Доходило до того, что фразы: „я повѣрялъ бумаги и видѣлъ, что онѣ цѣлы“, и „я провѣрялъ пачки, вижу, что онѣ цѣлы, — отсюда я заключалъ, что все въ цѣлости,“ — называли противорѣчіемъ, называли доказательствомъ ничтожности словъ свидѣтеля.

Но вѣдь это заходитъ за предѣлы житейской опытности, за предѣлы здраваго разсудка. Кому придетъ на мысль сомнѣваться, что въ жизни развѣ только незанятый ничѣмъ человѣкъ будетъ еже-

дневно перебирать всѣ свои бумаги и деньги? Обыкновенно, если деньги лежатъ въ пачкахъ, то цѣлость этихъ пачекъ ведетъ къ заключенію о цѣлости и денегъ.

Свидѣтель, говорятъ, сбивался подъ перекрестнымъ допросомъ. Еще бы не сбиться! Вмѣсто вопросовъ о дѣлѣ, вмѣсто выпуклыхъ фактовъ, надолго остающихся въ памяти, его закидали вопросами о мелочахъ, которыхъ человѣкъ не помнитъ и не считаетъ нужнымъ помнить. Путемъ различныхъ подробностей, путемъ утомленія свидѣтеля повтореніемъ одного и того же наконецъ добились какихъ-то неточностей, о чемъ и было во всеуслышаніе объявлено.

Но кто внимательно прислушивался къ показанію Галича, тотъ вынесъ изъ него, конечно, то, что вынесъ и я, т.-е. что деньги похищены не въ іюнѣ, что онѣ были цѣлы въ іюлѣ и пропали въ концѣ этого мѣсяца, когда Карицкаго не было у Галича.

Въ это время тамъ было другое лицо, — оттого-то защита Дмитріевой и стремится къ невозможному усилію—моментъ кражи объяснить заднимъ числомъ.

Предполагая въ Галичѣ свидѣтеля, поющаго по нотамъ, изготовленнымъ Карицкимъ, обвинители забываютъ, что дружба Карицкаго и Галича сильна только вѣрой въ честность Карицкаго, и что дружеская услуга Галича Карицкому, простирающаяся до укрывательства его вины, были бы слишкомъ необъяснимою странностью.

Давая полную вѣру всѣмъ росказнямъ Дмитріевой, товарищъ прокурора требуетъ отъ Карицкаго ясныхъ доказательствъ того, что онъ не ѣздилъ съ нею въ Москву мѣнять украденные билеты.

Карицкій представилъ такое доказательство въ видѣ свидѣтельства, выданнаго ему изъ канцеляріи воинскаго начальника. Развѣ этого мало? Развѣ свидѣтельство это не подтверждено свидѣтельскими показаніями?

Но обвинители Карицкаго не останавливаются ни передъ чѣмъ, не пренебрегаютъ никакими средствами: они бросаютъ темныя тѣни на всѣ наши доказательства. Они оспариваютъ формальное свидѣтельство, говорятъ, что свидѣтели не могли объяснить закона, который допускаетъ выдачу подобныхъ справокъ. Кн. Урусовъ глумится, указывая на то, что свидѣтельство выдано подчиненными Карицкаго своему начальнику.

Неправда! День выдачи свидѣтельства опровергаетъ эту остроумную замѣтку: Карицкій былъ не воинскимъ начальникомъ, а о б в и н я е м ы м ъ въ то время, когда было дано ему это свидѣтельство. А между тѣмъ свидѣтели совершенно ясно разъяснили, почему

отсутствіе Карицкаго должно было оставить за собою слѣдъ въ дѣлахъ его управленія...

Что касается до вопроса о пропажѣ контромарокъ, то свидѣтели подтвердили этотъ фактъ, и мы видимъ, что обвиненіе обрадовалось этому: оно доказываетъ этимъ, что у Карицкаго было побужденіе украсть деньги.

Но, увы, комтромарокъ пропало только на 37 рублей!..

Теперь мнѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о показаніи свидѣтеля Соколова, бухгалтера здѣшняго казначейства, которое, по моему крайнему убѣжденію, должно быть истолковано въ пользу моего кліента, потому что оно изобличаетъ само себя...

Но мнѣ что-то дурно, и я прошу у предсѣдателя небольшого отдыха...

(Послѣ 10-минутнаго перерыва).

Я остановился, гг. присяжные, на показаніи свидѣтеля Соколова, продавая которому похищенные у Галича билеты, Дмитріева будто бы сказала, что билеты эти принадлежатъ Карицкому: такъ показалъ свидѣтель на судѣ.

Но странно, почему ни однимъ словомъ не заикнулся онъ объ этомъ на предварительномъ слѣдствіи? Между тѣмъ, изъ показанія г. Соколова видно, что онъ хорошо понимаетъ значеніе того факта, о которомъ свидѣтельствуетъ, и потому, я думаю, если бы только этотъ фактъ былъ въ дѣйствительности, то онъ, сознавая его важность, непремѣнно показалъ бы о немъ слѣдователю...

И вотъ я снова спрашиваю: почему не сдѣлалъ онъ этого? Не потому ли, что самаго факта не было, что ничего подобнаго сама Дмитріева никогда не говорила ему, что показать такъ понадобилось теперь по какимъ-нибудь постороннимъ соображеніямъ?..

Не подумайте, чтобы я желалъ вступить на тотъ путь, который самъ осуждалъ въ началѣ своей рѣчи. Нѣтъ, я не буду кидать въ свидѣтеля грязью, не возьму на себя права называть ложью его показаніе.

Притомъ, по моему мнѣнію, всякое показаніе можетъ быть и не лживо, и не достовѣрно въ одно и то же время: свидѣтель можетъ говорить неправду и думать, что онъ говоритъ правду,—это совершенно естественно. Онъ можетъ ошибаться, можетъ, будучи очевидцемъ нѣкоторыхъ фактовъ, придать къ нимъ много новыхъ,—такихъ, о которыхъ только слышалъ онъ, и которые были восприняты его умомъ путемъ различныхъ предположеній.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ: свидѣтель Соколовъ легко могъ усвоить себѣ несуществующія обстоятельства и показывать во вредъ моему кліенту, предположивъ, что онъ виновенъ... И это неудивительно! Въ дѣлѣ, которое надѣлало такъ много шума, въ которомъ обвиненіе противъ одного подсудимаго несвоевременно раздается даже изъ вчерашнихъ газетъ, неумѣстно вспоминающихъ судъ надъ Юрловымъ и Обновленскимъ,—подобныя обвинительныя обстоятельства могутъ являться на устахъ свидѣтелей.

Но васъ не должно смущать это.

Далѣе, въ качествѣ улики противъ Карицкаго, товарищъ прокурора выдвигаетъ и то обстоятельство, что въ началѣ 1869 года, около станціи Рязанской желѣзной дороги, въ снѣгу, найденъ былъ конвертъ съ купонами отъ билетовъ Галича. Дмитріева находилась въ это время уже подъ арестомъ,—значитъ, она не могла подбросить конверта, и въ этомъ я совершенно согласенъ съ обвинителемъ.

Но что жъ изъ этого? Товарищъ прокурора спрашиваетъ: кто, кромѣ Дмитріевой, могъ подбросить купоны?.. И отвѣчаетъ: конечно, тотъ, кто боялся оставить ихъ у себя, какъ улику въ кражѣ, т.-е. Карицкій, ежеминутно ожидавшій обыска.

Я положительно не понимаю этого соображенія. Мнѣ кажется, что если бы купоны дѣйствительно находились у Карицкаго, и ему нужно было уничтожить этотъ слѣдъ преступленія, то достигнуть этой цѣли, не разъѣзжая подбрасывать ихъ, онъ могъ бы болѣе легкимъ способомъ: зимою въ каждомъ домѣ, каждый день, топятся печи и камины...

Вотъ какъ несостоятельна эта улика.

Выдвигая ее, обвиненіе само подрываетъ довѣріе къ себѣ: оно прибѣгаетъ къ натяжкамъ,—изъ этого видно, что оно доказываетъ невозможное или, по крайней мѣрѣ, то, что не можетъ быть доказано.

Перейдя къ свиданіямъ въ больницѣ и острогѣ, изъ которыхъ первое имѣетъ за себя дѣйствительно вѣскіе аргументы, я и здѣсь не могу не указать на то, что свиданіе острожное далеко не безспорно.

Морозовъ, смотритель острога, и ключница утверждаютъ, что его не было, и послѣдняя свидѣтельница обвинителемъ не опровергнута. Для нея, какъ уже оставившей занятія въ острогѣ, для Морозова, который уволился отъ должности смотрителя, нѣтъ особыхъ причинъ скрывать свое упущеніе по службѣ.

Ихъ опровергаютъ бывшіе арестанты Громовъ, Юдинъ и Ярополькій.

Но, вопреки предварительному слѣдствію, одинъ изъ нихъ показалъ, что не видалъ, а ему сказали, что былъ Карицкій, другіе разнорѣчатъ въ обстоятельствахъ, относящихся до одежды, въ какой былъ Карицкій, и другихъ, правду сказать, мелочахъ, которыя однако имѣютъ свое значеніе.

Свидѣтели эти появились на предварительномъ слѣдствіи при странныхъ обстоятельствахъ. Они сидѣли въ одной камерѣ вмѣстѣ съ десятками другихъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ, Громовъ, поступаетъ въ дворянское отдѣленіе, чтобы прислуживать въ камерѣ дворянина-арестанта. Тамъ лицо, которому онъ прислуживаетъ, разспрашиваетъ его и затѣмъ доноситъ, что къ Дмитріевой пріѣзжалъ Карицкій.

Доносчикъ называетъ изъ полусотни арестантовъ только троихъ, и всѣ трое арестантовъ оказываются изъ числа такихъ, которые на другой день должны оставить тюрьму. Прочіе оставшіеся, которыхъ можно было бы десятокъ разъ переспрашивать, почему-то не знаютъ ничего объ этомъ свиданіи.

Сближая эту странность съ тѣмъ, что донесъ о свиданіи Карицкаго никто другой, какъ Сапожковъ, въ то время находившійся подъ стражей, мы получаемъ относительно свидѣтельскихъ показаній арестантовъ совсѣмъ иной выводъ. Выводъ этотъ дѣлается еще болѣе основательнымъ, если вспомнить, что Дмитріева сама здѣсь опровергаетъ единообразное показаніе свидѣтелей о часѣ свиданія. По ихъ словамъ, свиданіе было въ 7 часовъ, при огнѣ, а по ея словамъ, это было въ 3 часа, т.-е. днемъ.

Опровергая свидѣтеля Морозова, обвинитель и защитникъ Дмитріевой главнымъ доводомъ считаютъ показаніе нотаріуса Соколова. Непримиримое противорѣчіе—между нимъ и Морозовымъ.

Одно странно въ показаніи г. Соколова: разговоръ Морозова съ нимъ ограничился, по его словамъ, двумя фразами. Разъ приходитъ къ нему Морозовъ и говоритъ: просится у меня Карицкій къ Дмитріевой. И болѣе ничего.

Соколовъ не можетъ указать по этому дѣлу никакого разговора Морозовымъ, хотя, по его словамъ, дѣло его интересовало. Морозовъ ему ничего болѣе не говорилъ. Интересное признаніе Морозова имъ хранилось почему-то въ секретѣ, и только благодаря особенному участію, съ какимъ одинъ изъ свидѣтелей заботился о ходѣ процесса, секретъ сдѣлался извѣстенъ защитнику Дмитріевой и обнаружился на судѣ.

Странно, почему Морозовъ, ни о чемъ по дѣлу Дмитріевой не раз-

говаривавшій съ Соколовымъ, приходилъ къ Соколову, сказалъ ему эти двѣ фразы, необходимыя для будущаго его уличенія на судѣ, и болѣе никогда ни о чемъ не говорилъ. Въ этой странности простая причина недовѣрія моего къ Соколову.

Свиданіе въ больницѣ прокуроръ основываетъ на показаніи Фроловой. Но самый ея разсказъ, что между Карицкимъ и Дмитріевой, людьми, относительно говоря, состоятельными, шелъ, споръ о томъ, далъ или не далъ Карицкій Дмитріевой 10 рублей за то, чтобы она показала у слѣдователя такъ, какъ онъ ей сказалъ, служитъ лучшимъ опроверженіемъ дѣйствительности событія. Если припомнимъ, что, по осмотру, оказалось, что замазка окна, которое, если вѣрить Дмитріевой, отворялось для свиданія, была суха, какою она не могла бы быть, если бы была недавняго употребленія, то обстоятельство свиданія будетъ далеко не достовѣрно, если можно считать событіе это все-таки возможнымъ.

Вопросъ, во всякомъ случаѣ,—спорный и рѣшить его я предоставляю вашей совѣсти и убѣжденію, гг. присяжные.

Вотъ и всѣ фактическіе доводы, выставленные обвиненіемъ. Какъ видите, будучи озарены свѣтомъ защиты, они лишаются всякой силы и значенія.

Болѣе фактовъ нѣтъ въ дѣлѣ,—я покончилъ съ ними. Теперь я долженъ вступить въ темный лѣсъ тѣхъ обвинительныхъ предположеній, которыя опираются, главнымъ образомъ, на оговоръ Дмитріевой, имѣющій видъ чистосердечнаго сознанія.

Много ли въ немъ чистосердечія—это мы увидимъ...

Была ли связь между Карицкимъ и Дмитріевой? Вотъ неразрѣшимый вопросъ, вокругъ котораго вращалось все судебное слѣдствіе. Дмитріева упорно настаивала на связи,—Карицкій также упорно отрицалъ ее.

Я, съ своей стороны, не придаю большого значенія разрѣшенію того, кто изъ подсудимыхъ болѣе правъ въ настоящемъ случаѣ; но, если угодно моимъ противникамъ, я готовъ даже признать существованіе связи, хотя и долженъ заявить, что судебное слѣдствіе не убѣдило меня въ этомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, свидѣтельницы Царькова и Акулина Григорьева, т.-е. прислуга Дмитріевой, и свидѣтельница Елена Гурковская, дочь хозяйки того дома, въ которомъ нѣсколько лѣтъ живетъ подсудимая, не дали намъ рѣшительнаго, категорическаго отвѣта на вопросъ о связи. А между тѣмъ, отъ прислуги, отъ людей, съ которыми живешь

подъ одной крышей, мнѣ кажется, трудно утаить подобную связь, какъ бы секретны ни были сношенія любовниковъ.

Никто не видалъ, чтобы Карицкій и Дмитріева дозволяли себѣ ту простоту и безцеремонность обращенія, которыя допускаются между людьми близкими. Царькова показала, что иногда она уходила ночевать къ матери и, по возвращеніи, получала отъ г-жи Кассель выговоры, что „вотъ-молъ тебѣ спокойно, а я всю ночь безпокоилась,— у насъ ночевалъ Карицкій"...

Давая вѣру этому показанію, придется допустить, что несчастные любовники дожидались случая остаться наединѣ и провести вмѣстѣ ночь до тѣхъ поръ, пока ихъ горничной придетъ въ голову случайное желаніе уйти на ночь изъ дому. Что за странныя отношенія! Я не буду, да и не могу проникать въ душу Царьковой,—вы сами оцѣните ея показаніе. Замѣчу только, что, если Дмитріева остерегалась своей горничной, то, вмѣсто того, чтобы постоянно скрываться, она могла бы, кажется, совсѣмъ прогнать ее отъ себя...

Существуетъ еще одинъ сильный аргументъ противъ связи: это— тѣ близкія, родственныя отношенія Дмитріевой къ семейству Карицкаго, которыхъ не отрицаютъ ни мой кліентъ, ни сама Дмитріева. Жена Карицкаго чуть ли не каждый день ѣздитъ къ Дмитріевой, ухаживаетъ за нею, цѣлые часы просиживаетъ у ея постели, съ теплымъ сочувствіемъ слѣдя за той болѣзнью, виновникомъ которой былъ Карицкій...

Скажите, въ какомъ краю мы живемъ? Что это за Аркадія?! Жена въ нѣжной дружбѣ съ любовницей мужа... Естественно ли это?..

Близкія отношенія свои къ Карицкому Дмитріева хотѣла доказать, между прочимъ, и письмами, которыя она писала къ нему на „ты", какъ къ своему „милому Николаю".

Но что за странная судьба этихъ писемъ на „ты". Одно изъ нихъ, содержащее въ себѣ упрекъ и вѣсть о погибели, не доходитъ до Карицкаго и прямо изъ кармана Дмитріевой попадаетъ къ слѣдователю; другое, вмѣсто Карицкаго, посылается къ Каменеву, который, къ сожалѣнію, не полюбопытствовалъ прочесть его. Напротивъ, тѣ письма, которыя получаются Карицкимъ, писаны всѣ на „вы", самымъ холоднымъ и вѣжливымъ тономъ.

Далѣе, въ числѣ доказательствъ связи слѣдуютъ солдаты, которыхъ посылалъ Карицкій къ Дмитріевой. И, наконецъ, право этой послѣдней пользоваться экипажемъ Карицкаго. Вотъ и все.

И всѣ эти доказательства, повторяю, не убѣждаютъ меня въ существованіи связи...

268682

Но вамъ говорили еще о слухахъ, говорили, что связь была извѣстна всей Рязани.

Я — не рязанецъ, не знаю здѣшнихъ сплетенъ и не могу судить, насколько основательны онѣ. Но вы, быть можетъ, признаете ихъ за доказательство. Хорошо. Признайте существованіе связи, — я уже сказалъ, что не придаю ей никакого значенія въ настоящемъ дѣлѣ.

Что же изъ того, что связь между Карицкимъ и Дмитріевой дѣйствительно была?.. Если смотрѣть на дѣло безпристрастно, безъ предвзятой мысли во что бы то ни стало обвинить человѣка, то нечего было и спорить изъ-за этого вопроса. Неужели мужчина, находящійся въ связи съ женщиною, непремѣнно участвуетъ во всѣхъ дѣлахъ своей любовницы, непремѣнно главный виновникъ всѣхъ ея преступленій?

Мнѣ возразятъ на это, что, въ противномъ случаѣ, если бы подсудимый не сознавалъ себя виновнымъ, — ему незачѣмъ бы было скрывать свою связь передъ судомъ, зная, что всякое отрицаніе доказаннаго факта можетъ служить во вредъ ему. Я вполнѣ согласенъ съ этимъ: отрицаніе подсудимымъ безразличныхъ фактовъ, дозволительныхъ поступковъ кидаетъ тѣнь на всѣ его показанія.

Но дѣло въ томъ, что связь мужа съ чужой женой, съ точки зрѣнія общественной нравственности, — вещь далеко не дозволительная; связь эта на обыкновенномъ языкѣ называется преступною, и открытое признаніе ея, хотя бы и здѣсь, на судѣ, не могло быть безразлично для Карицкаго, который не весь на этой скамьѣ, но имѣетъ дома больную жену и дѣтей, имѣетъ, наконецъ, и извѣстное общественное положеніе, не какъ подсудимый, а какъ человѣкъ.

Этимъ объясняется поведеніе Карицкаго на судѣ. Можетъ быть, онъ сталъ на ложную дорогу и, разъ допустивъ себя до этого, все болѣе и болѣе сбивается съ прямого пути.

Но ложь, обнаружившаяся въ одномъ случаѣ, еще не доказываетъ лжи во всемъ. Допустимъ, что Карицкій солгалъ въ отношеніи связи, — развѣ это доказываетъ, чтобъ и всѣ его показанія, отъ перваго до послѣдняго слова, были ложью?

Нѣтъ! Оставьте за нимъ право не представлять собою особыхъ совершенствъ и быть такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ другіе...

Рядомъ съ вопросомъ о связи въ настоящемъ процессѣ стоитъ другой вопросъ, на который и во все время судебнаго слѣдствія, и въ рѣчахъ съ особенною силой напирали обвинители, надѣясь найти въ его разрѣшеніи твердую улику противъ Карицкаго.

Это — вопросъ о свиданіи, которое, также какъ и связь, и не дока-

зано и, какъ я думаю, не имѣетъ въ дѣлѣ обвиненія моего кліента никакого значенія.

Свиданіе въ острогѣ само по себѣ не составляетъ преступленія: арестанты имѣютъ полное право видѣться съ родственниками, людьми близкими, знакомыми; въ тюрьмѣ, какъ извѣстно, происходятъ сотни вполнѣ законныхъ свиданій. Значитъ, въ настоящемъ случаѣ весь вопросъ сводится къ цѣли и средствамъ свиданія, къ тому, что было результатомъ его.

Прежде всего признаемъ самый фактъ: пусть свиданіе въ острогѣ совершилось,— между Карицкимъ и Дмитріевой, какъ людьми когда-то близкими, оно совершенно естественно.

Но какую же цѣль могло имѣть это свиданіе? Вотъ существенный для обвиненія вопросъ.

Дмитріева говоритъ, что Карицкій явился просить ее снять съ него оговоръ и заставилъ, умолялъ ее, написать извѣстную записку.

Правда ли это? Разсмотримъ показаніе Дмитріевой.

Карицкій приходитъ къ ней просить о снятіи оговора о выкидышѣ, когда еше нѣтъ никакихъ данныхъ у слѣдователя для обвиненія его, и ничего не предпринимаетъ по кражѣ, относительно которой Дмитріева уже дала показанія. Карицкій торгуется съ ней, предлагаетъ 4.000. Она проситъ 8.000 р. изъ числа выигранныхъ по внутреннему пяти-процентному билету.

Но никакихъ 8.000 р. Дмитріева никогда не выигрывала; а такъ какъ на предварительномъ слѣдствіи этотъ фактъ былъ положительно опровергнутъ справкой изъ банка, который указалъ имена выигравшихъ по 8.000 р., и въ числѣ ихъ Дмитріевой не было, то Дмитріева почти объ этомъ не упоминала, и, слѣдовательно, разсказъ Дмитріевой о торгѣ между нею и Карицкимъ относится къ области вымысловъ, какъ и весь ея оговоръ.

При свиданіи все время сидѣлъ смотритель Морозовъ, а когда ему надобно было выти, то вмѣсто него былъ поставленъ часовой солдатъ. Такимъ образомъ, если вѣрить Дмитріевой, то Морозовъ допустилъ тайное свиданіе, но не допустилъ разговоровъ Дмитріевой одинъ на одинъ и, уходя, поставилъ свидѣтеля—часового, чтобы сдѣлать это свиданіе извѣстнымъ большему числу лицъ.

Въ этой путаницѣ подробностей я вижу дальнѣйшее неправдоподобіе оговора. Дмитріева покончила на этомъ, когда давала свои объясненія суду. Далѣе она не шла. Замѣчу, что столько же подробностей свиданія занесено и въ обвинительный актъ.

Надобно замѣтить, что у Дмитріевой господствуетъ пріемъ пока-

зывать на судѣ только то, что записано въ обвинительномъ актѣ. Сколько бы показаній у нея ни было на предварительномъ слѣдствіи, но на судебномъ она ихъ знать не хочетъ: она держится только словъ, занесенныхъ въ этотъ актъ.

Но на судѣ обнаружились записки, писанныя ею изъ тюрьмы. Записки эти оказались цѣлы въ рукахъ г-жи Кассель. Появленіе ихъ было до извѣстной степени ново. Но Дмитріева, однако, знала о нихъ, такъ какъ мужъ Кассель приходилъ къ ней и напомнилъ о существованіи этихъ записокъ не болѣе мѣсяца тому назадъ.

Пришлось дать объ нихъ показаніе, и Дмитріева разсказала, что въ то время, когда она видѣлась съ Карицкимъ въ острогѣ, она, по просьбѣ его, написала ихъ. Но такъ какъ онъ ей не далъ денегъ, то она ему ихъ не отдала, а потомъ отдала ихъ смотрителю. Смотритель возилъ ихъ къ Карицкому, потомъ привезъ ихъ назадъ, зажегъ спичку и сжегъ ихъ при ней. А такъ какъ записки цѣлы, то, значитъ, что смотритель ее обманулъ,— сжегъ вмѣсто этихъ записокъ похожія на нихъ бумажки.

Вотъ какія объясненія даетъ г-жа Дмитріева.

Выходитъ, что при свиданіи она не согласилась снять оговоръ съ Карицкаго, но написала, по его приказанію, записки на имя Кассель. Выходитъ, что Карицкій, которому нужно немедленно снять съ себя оговоръ, опозоривающій его имя, выманиваетъ у нея записки, которыя цѣли своей не достигаютъ и во все время слѣдствія не были извѣстны, не были представлены къ дѣлу.

Записки, которыя такъ дорого цѣнятся, которыя смотритель ѣздилъ продавать, которыя притворно сжигаются, чтобы убѣдить Дмитріеву, что ихъ нѣтъ, — записки эти вдругъ гибнуть въ неизвѣстности и ими не пользуется Карицкій во время предварительнаго слѣдствія, когда онѣ могли дать иное направленіе дѣлу.

Соотвѣтствуетъ ли природѣ вещей, чтобы записки, при происхожденіи которыхъ была, по словамъ кн. Урусова, разыграна глубоко задуманная іезуитская интрига, — были оставлены въ тѣни, были ввѣрены г-жѣ Кассель и при малѣйшей ея оплошности могли перейти въ руки враговъ Карицкаго, благодаря экономическимъ соображеніямъ г-жи Кассель?

Объясненіе о происхожденіи записокъ, составляющее послѣднюю часть показанія Дмитріевой объ острожномъ свиданіи, лишено всякаго вѣроятія. А если вы раздѣляете со мною недовѣріе къ слову Дмитріевой, то отъ этого, сначала такъ много обѣщавшаго, факта, для обвиненія ничего не остается.

О всѣхъ преступленіяхъ Карицкаго мы слышали только отъ Дмитріевой: она обвиняла его во всемъ, сваливала на него все, — и это называютъ ея сознаніемъ, и на этомъ основываются всѣ выводы и надежды обвиненія!

Всѣ обвинительные пункты противъ Карицкаго построены на оговорѣ Дмитріевой, — значитъ, болѣе серьезныхъ, болѣе основательныхъ доказательствъ его несуществующихъ преступленій нѣтъ въ дѣлѣ.

Что же касается до тѣхъ соображеній обвинительной власти и тѣхъ разсказовъ Дмитріевой, которые я возобновилъ въ вашей памяти, то на нихъ, собственно говоря, не стоило и останавливаться, и если вы позабудете ихъ, то дѣло ничего не потеряетъ отъ этого...

Что долженъ я опровергать? Оговоръ? Но это такая слабая улика, которая почти не требуетъ отвѣта. Оговоръ всегда служитъ въ пользу оговаривающаго и во вредъ оговариваемаго, — это всѣмъ извѣстно. Поэтому въ старомъ Сводѣ оговоръ никогда не быть признаваемъ за улику.

Оговаривая Карицкаго, Дмитріева перешла даже черту, отдѣляющую міръ дѣйствительности отъ міра фантазіи. Несуществующіе выигрыши, неестественнѣйшія интриги изобрѣтаетъ она для своихъ цѣлей.

Я не хочу обвинять ее, но я долженъ обличить ея ложь. У Карицкаго въ острогѣ она требуетъ восемь тысячъ, которыя когда-то выиграла и передала ему. Онъ соглашается отдать четыре. Но въ дѣлѣ есть свидѣтельство государственнаго банка, которое положительнымъ образомъ утверждаетъ, что никакихъ 8 тысячъ никогда Дмитріева не выигрывала. Слѣдовательно, этотъ выигрышъ—ложь съ ея стороны, а кто лжетъ въ одномъ, тотъ лжетъ и въ другомъ,—эта ложь обличаетъ и весь оговоръ Дмитріевой.

Обвиненіе въ кражѣ колеблется межъ двухъ лицъ: между Карицкимъ и Дмитріевой. Повторяю, я вовсе не хочу обвинять Дмитріеву, не желаю слѣдовать примѣру ея защитника, бывшаго обвинителемъ моего кліента, но, какъ защитникъ Карицкаго, я обязанъ выставить передъ вами нѣкоторые факты, можетъ быть и не совсѣмъ выгодные для Дмитріевой.

Изъ тѣхъ двухъ лицъ, между которыми колеблется обвиненіе, одно было за 300 верстъ отъ мѣста кражи въ моментъ совершенія ея, другое присутствовало на этомъ мѣстѣ, въ обоихъ вѣроятныхъ пунктахъ, т.-е. и въ деревнѣ, и въ Липецкѣ; у одного никто не видалъ краденой копѣйки въ рукахъ, другое разъѣзжаетъ и размѣниваетъ краденые билеты; у одного не видно ни малѣйшихъ признаковъ пе-

ремѣны денежнаго положенія, у другого и разсказы о выигрышахъ, и завѣщаніе, и сверхсмѣтные расходы — на тарантасъ, на мебель, на отдѣлку чужого дома...

И кто возьметъ на себя смѣлость, на основаніи одного оговора, обвинять человѣка, противъ котораго нѣтъ ни одной существенной улики, въ то самое время, когда цѣлая масса уликъ противъ оговаривающаго подрываетъ значеніе этого оговора?

Неужели ничего не значитъ то обстоятельство, что Дмитріева, вскорѣ послѣ кражи, созналась въ ней отцу, дядѣ, теткѣ и, наконецъ, Карицкому, который былъ призванъ ея родными, какъ близкій человѣкъ, какъ родственникъ? Сознаваясь, Дмитріева плакала, раскаявалась, умоляла о прощеніи,—сознаніе ея было искренно, всѣ повѣрили ему, никто не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго притворства.

Напрасно защитникъ Дмитріевой называетъ отвратительною сцену этого сознанія и старается подорвать въ вашихъ глазахъ ея значеніе. Мы дорожимъ этой сценой, мы смотримъ на нее прямо, видимъ ее такою, какова она есть, и считаемъ ее уликой противъ Дмитріевой. Вы видѣли, что отецъ ея, вызванный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, отказался дать показаніе, на основаніи закона, который даетъ это право близкимъ родственникамъ подсудимыхъ.

Но что означаетъ отказъ отца Дмитріевой? Неужели онъ уклонился бы свидѣтельствовать передъ судомъ ея невинность, если бы только былъ убѣжденъ въ этой невинности, если бы только имѣлъ хоть одно слово, хоть одинъ фактъ въ пользу своей дочери?

Нѣтъ! Онъ отказался быть свидѣтелемъ, вѣроятно, потому, что зналъ о невозможности оправдывать ее и вѣрилъ, и до сихъ поръ вѣритъ тому ея признанію въ кражѣ, которое слышалъ отъ нея три года назадъ...

Теперь нѣсколько словъ объ оговорѣ Дмитріевой относительно прокола околоплоднаго пузыря.

Судите, насколько состоятеленъ этотъ оговоръ, когда ни одно свидѣтельское показаніе, ни одинъ, хотя бы самый ничтожный, фактъ не подтвердили его на судебномъ слѣдствіи.

Сапожковъ и Кассель прямо заявили, что виновника прокола надо искать не между подсудимыми, и, мнѣ кажется, всѣ мелкія обстоятельства дѣла подтверждаютъ достовѣрность этого заявленія. Сапожкову незачѣмъ укрывать Карицкаго,—онъ никогда не отличался особою дружбою къ нему; что же касается до Кассель, то о дѣйствительномъ виновникѣ выкидыша она говорила еще Стабникову, задолго до на-

стоящаго засѣданія. судебномъ На слѣдствіи они назвали имя этого виновника...

Намъ остается разрѣшить еще одинъ вопросъ, который, видимо, интересуетъ васъ и который служилъ однимъ изъ краеугольныхъ камней для обвинителей моего кліента. Вопросъ, дѣйствительно, серьезный: какія побужденія, какія причины могла имѣть Дмитріева для того, чтобы такъ нагло оклеветать Карицкаго?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, я приму двѣ точки отправленія: иная причина клеветы, если *была* между подсудимыми связь, иная — если связи *не было*.

Допустимъ сначала послѣднее. Если Карицкій не имѣлъ связи съ Дмитріевой, но, какъ близкій знакомый, какъ родственникъ, убѣждалъ ее сознаться въ кражѣ, увѣряя, что ей ничего за это не будетъ, что дѣло будетъ потушено, то, весьма естественно, когда не сбылось это обѣщаніе, когда она попала въ острогъ, у ней могла явиться мысль отмстить ему. А разъ закравшись въ душу человѣка, эта мысль уже не умираетъ, не даетъ ему покоя до тѣхъ поръ, пока не выполнитъ онъ ее.

И вотъ, Дмитріева начала оговаривать Карицкаго въ кражѣ. Потомъ, когда она увидала, что оговоръ этотъ несостоятеленъ, что противъ Карицкаго нѣтъ уликъ, то чувство злобы и мести заставило ее создать и новый оговоръ въ произведеніи выкидыша...

Теперь допустимъ, что существованіе связи доказано: Дмитріева *была* любовницей Карицкаго. Въ концѣ 1868 года, узнавъ, что она совершила преступленіе, кражу у дяди, Карицкій разрываетъ эту связь, и разрываетъ окончательно, — совсѣмъ перестаетъ ѣздить къ Дмитріевой, совсѣмъ отвертывается отъ нея. Въ этомъ случаѣ оговоръ дѣлается для насъ еще понятнѣе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что женщина рѣшается жестоко отмстить человѣку, котораго она любила, который былъ отцомъ ея ребенка и который бросилъ ее въ ту самую минуту, когда его помощь была для нея нужнѣе всего, когда погибала она, уличенная въ преступленіи...

И вотъ, Дмитріева всю себя отдаетъ этой страсти, вся проникается ею и не разбираетъ болѣе средствъ для того только, чтобы обвинить его, чтобы отмстить ему...

Мы можемъ взглянуть на дѣло еще и съ третьей стороны, со стороны практической пользы. Вы видѣли, что оговоръ Дмитріевой не безполезенъ для нея: имъ она выгораживаетъ себя и все обвиненіе складываетъ на голову Карицкаго. Предположите же, что она была въ связи не съ Карицкимъ, а съ другимъ лицомъ: допустите это

предположеніе,—оно естественно,—и тогда все дѣло предстанетъ вамъ въ новомъ, яркомъ свѣтѣ.

Сознавшись въ кражѣ, Дмитріева попадаетъ въ острогъ и тамъ, въ этой академіи разврата, начинаетъ изучать теорію уголовнаго права. Тамъ нѣтъ тайнъ, нѣтъ ничего сокровеннаго. Профессорамъ искусства она разсказываетъ свою жизнь, свои преступленія, и ее научаютъ оговорить Карицкаго, чтобы спасти себя за его связями, за его высокимъ положеніемъ. Когда оговоръ въ кражѣ представляется недостаточнымъ, ей говорятъ, что она можетъ оговорить его въ выкидышѣ, — оговорить, пожалуй, вмѣстѣ съ нимъ и себя, для большей достовѣрности, такъ какъ хуже отъ этого не будетъ. Въ острогѣ хорошо знаютъ, что произведеніе выкидыша — такое преступленіе, за которое женщинъ, большею частью, оправдываютъ...

Теперь—продолжайте итти по пути этихъ предположеній и будьте увѣрены: ни одно обстоятельство дѣла не станетъ для васъ препятствіемъ...

Не могу не замѣтить вамъ, гг. присяжные, что прошедшее Дмитріевой не настолько чисто, чтобы можно было во всемъ безусловно вѣрить ей и считать ее невинною, напрасно погибающею жертвой, какою съ одинаковымъ усердіемъ хотятъ ее представить вамъ и обвиненіе и защита. Вспомните, что въ связи съ именемъ Дмитріевой, Галичъ говорилъ о кражѣ серегъ у жены его, свидѣтель Радугинъ о кражѣ часовъ у Карицкаго...

Но въ связи съ именемъ моего кліента нѣтъ такихъ темныхъ фактовъ: во все время судебнаго слѣдствія вы не слыхали ни одного слова, ни одного намека, который бросалъ бы тѣнь на это честное имя.

Вспомните, наконецъ, какъ мѣняла Дмитріева свои показанія,—на это указывали вамъ всѣ подсудимые. Не ясно ли, что отъ сознанія, отъ правды, которую она сказала въ 1868 году, она шла въ острогѣ къ нравственному растлѣнію и далеко ушла впередъ по этому пути,—глубоко упала нравственно...

Я попрошу г. предсѣдателя дать мнѣ еще разъ нѣсколько минутъ отдыха...

(Послѣ 5-минутнаго перерыва).

Что́ я зналъ, что́ вспомнилъ, то сказалъ вамъ, гг. присяжные! Вы мнѣ простите и не поставите въ вину моему кліенту, если я забылъ вамъ что-нибудь сказать.

Вы видѣли, какую горячую, страстную борьбу цѣлые девять дней

приходилось мнѣ выдерживать; вы, конечно, замѣтили, что въ борьбѣ этой большимъ числомъ орудій, большимъ числомъ средствъ располагали мои противники.

Вы видѣли, какъ велось настоящее дѣло: другого подобнаго образца не встрѣтите вы въ практикѣ уголовнаго судопроизводства.

Прокурорскій надзоръ и защита Дмитріевой не скрывали своихъ предубѣжденій противъ Карицкаго.

Мы допускали къ допросу всѣхъ свидѣтелей и ко всѣмъ имъ относились съ равнымъ безпристрастіемъ.

Но когда являлись наши свидѣтели, противъ нихъ всѣ возставали,— ихъ, не задумываясь, клеймили грязью, обвиняли въ полномъ забвеніи долга и святости присяги.

Мы не платили такимъ же оружіемъ, зная, что сбить всякаго свидѣтеля легко, и думая, что честная защита никогда не рѣшится воспользоваться вынужденными противорѣчіями показаній.

Мы ошиблись: все это д ѣ л а л о с ь,—во имя высокаго положенія нашего кліента.

Ополчаясь противъ нашихъ свидѣтелей, противъ нашихъ доказательствъ, вызывая цѣлую толпу новыхъ свидѣтелей и изъ публики, и съ разныхъ концовъ Рязани, обвинители пользовались полною благосклонностью суда, — это вы видѣли. Они заявляли, что если только свидѣтели наши, подобно всѣмъ прочимъ, удалятся на ночь изъ суда,— все дѣло погибнетъ, всѣ слѣды преступленій Карицкаго сотрутся съ лица земли...

При такихъ данныхъ борьба часъ отъ часу становилась труднѣе для насъ...

Теперь, слава Богу, насталъ конецъ ея. Теперь наступила ваша очередь разрѣшить, кто побѣдилъ въ этой борьбѣ,—разрѣшить наши недоумѣнія, дать намъ судъ правый.

Я буду ждать вашего приговора съ полнымъ убѣжденіемъ, что совѣсть, управляемая разумомъ и опытомъ жизни, познаетъ истину.

Не поддавайтесь вліянію первыхъ впечатлѣній: судъ по инстинкту не можетъ быть справедливъ.

Лучшій въ мірѣ, англійскій институтъ присяжныхъ, передъ которымъ склоняются всѣ авторитеты науки, всегда руководствовался правиломъ — произносить обвинительный приговоръ надъ человѣкомъ только на основаніи строгихъ, точныхъ, доказанныхъ слѣдствіемъ уликъ, такихъ, которыя заключали бы въ себѣ неотразимую силу факта и убѣжденія.

Вы пойдете этимъ же путемъ, вы не обвините подсудимаго по

одному оговору женщины, мѣняющей показанія такъ же легко, какъ и свой гардеробъ...

Вы не обвините Карицкаго потому только, что онъ сильный человѣкъ,—потому, что онъ не склоняетъ своей головы передъ вами и ждетъ отъ васъ не милосердія, а правды.

Вамъ говорили, что старая теорія уликъ, требовавшая основательныхъ доказательствъ вины, болѣе не существуетъ; вамъ говорили, что если безъ уликъ вы обвините Карицкаго, то сдѣлаете великую заслугу передъ обществомъ и передъ правосудіемъ, совершите честное дѣло, — покажете, что русскій судъ можетъ сладить и съ высокопоставленнымъ подсудимымъ, что онъ — сила, надъ которою смѣяться нельзя...

Такъ, господа! Страстности было много въ этомъ дѣлѣ.

Но гдѣ — страсти, увлеченія,—тамъ истина скрыта.

Прочь эти фразы! Не вѣрьте легкомысленнымъ приговорамъ толпы.

Обществу нужны не жертвы громкихъ идей, а правосудіе. Общество вовсе не нуждается въ томъ, чтобы для потѣхи однихъ и на страхъ другимъ время отъ времени произносились обвинительные приговоры противъ сильныхъ міра, хотя бы за ними и не было никакой вины...

Не поддавайтесь той теоріи, которая проповѣдуетъ, что для полнаго спокойствія на землѣ нужно иногда звучать цѣпями осужденныхъ, нужно наполнять тюрьмы жертвами и губить ихъ изъ-за одной идеи правосудія...

Будьте судьями разума и совѣсти!..

Разумно ограничивъ свою задачу разрѣшеніемъ того, что дало вамъ судебное слѣдствіе, отрѣшившись отъ всѣхъ страстей и увлеченій, вы, оставаясь въ строгихъ рамкахъ судейской мудрости, правда, не понравитесь проповѣдникамъ теоріи равенства или теоріи жертвъ и цѣпей, но за то вашъ честный приговоръ найдетъ себѣ привѣтъ и оправданіе и въ вашей чистой совѣсти и въ мнѣніи общества, котораго вы являетесь здѣсь представителями!..

II.

Дѣло А. И., Н. И. и М. Д. Новохацкихъ.

Дѣло А. И., Н. И. и М. Д. Новохацкихъ,

обв. въ лишеніи свободы сестры, вымогательствѣ денежнаго обязательства и подлогѣ.

Дѣло это слушалось въ засѣданіи Екатеринославскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ г. Верхнеднѣпровскѣ 25 — 27 сентября 1874 года.

Какъ видно изъ обвинительнаго акта, А. И. и Н. И. Новохацкіе обвинялись въ томъ, что по предварительному между собою соглашенію въ августѣ 1870 года самовольно и насильственно лишили свободы родную свою сестру Марію Новохацкую, помѣстивъ ее въ Москвѣ, на квартирѣ у нѣкоей Аверьяновой, гдѣ она находилась по 5-е іюля 1871 года, и въ томъ, что въ августѣ 1869 г. угрозами и побоями заставляли брата своего Константина Новохацкаго подписать невыгодное для него условіе объ отдачѣ имъ въ аренду имѣнія. Условіе это не было, однако, подписано, благодаря вмѣшательству штабъ-ротмистра Вейгнера.

Кромѣ того, Николай Ивановичъ Новохацкій и его жена Марія Дмитріевна обвинялись въ томъ, что 18 октября 1865 года составили отъ имени Маріи Ивановны Новохацкой подложный вексель на сумму 15.000 рублей.

Эти преступленія предусмотрѣны 9, 1160, 1 ч. 1.540, 1.544, 1686 и 1687 ст. ст. Улож. о Нак.

Судебное слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ П. П. Веселовскаго продолжалось три дня. Обвинялъ товарищъ прокурора Г. Э. Винклеръ. Защищали подсудимыхъ присяжные повѣренные Ѳ. Н. Плевако и М. Я. Городецкій.

Передъ судомъ прошли 29 свидѣтелей. Судебное слѣдствіе, сопровождавшееся оглашеніемъ почти всѣхъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, нарисовало въ конечномъ итогѣ слѣдующую картину.

Потерпѣвшая Марія Ивановна Новохацкая послѣ окончанія въ 1864 году харьковскаго института поселилась у своей матери Екатерины Новохацкой въ ея имѣніи. Тотчасъ по выходѣ изъ института у Маріи Ивановны появились

припадки падучей болѣзни, которые, отъ времени до времени учащаясь, продолжались до самаго процесса.

Дѣдъ Маріи Новохацкой, Байдакъ, завѣщалъ своей любимой внучкѣ три тысячи десятинъ земли, находившіяся въ пожизненномъ владѣніи ея матери, и десять тысячъ рублей деньгами, помѣщенными на ея имя въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія.

Марія Новохацкая была больной и малоинтересной невѣстой и, если и было не мало охотниковъ жениться на ней,—ихъ, несомнѣнно, привлекало ея состояніе.

Въ августѣ 1869 года братъ Маріи Новохацкой, Николай Новохацкій, возившій ее раньше для лѣченія въ разные города юга Россіи, помѣстилъ ее въ Екатерининскую больницу въ Москвѣ. Черезъ годъ онъ взялъ оттуда сестру и поселилъ ее въ Москвѣ же, на квартирѣ у нѣкоей Аверьяновой, гдѣ она прожила также около года. Жизнь Новохацкой у Аверьяновой протекала въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, и первыми ея показаніями, данными судебному слѣдователю Безкровному была очерчена въ крайне непривлекательномъ видѣ. Новохацкая занимала небольшую комнату, ее плохо кормили, изъ квартиры Аверьяновой не выпускали, содержали антигигіенично, никакихъ извѣстій отъ родныхъ она не имѣла и т. д.

Другой потерпѣвшій, Константинъ Ивановичъ Новохацкій, судя по многимъ признакамъ, былъ тоже ненормальнымъ субъектомъ и страдалъ клептоманіей. Обстоятельства, при которыхъ онъ подвергся насилію со стороны братьевъ, достаточно изложены въ рѣчи защитника.

Такое больное, семейное дѣло возникло слѣдующимъ образомъ.

До слуха мѣстнаго полицейскаго пристава Селезнева на обѣдѣ у помѣщиковъ сосѣдей Новохацкихъ, доходятъ разговоры о неладахъ въ семьѣ Новохацкихъ, о таинственномъ исчезновеніи больной дочери Маріи, получившей наслѣдство отъ дѣда. Эти слухи, нагромождаясь одинъ на другой, вырастаютъ въ цѣлую исторію, и уже 18 мая 1871 года Екатеринославскій Губернаторъ увѣдомляетъ Прокурора Окружнаго Суда, что въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ изъ имѣнія дворянки Екатерины Новохацкой полтора года назадъ увезена старшимъ сыномъ Николаемъ дочь, дѣвица Марія, которая съ тѣхъ поръ неизвѣстно гдѣ находится, несмотря на то, что имѣетъ три тысячи десятинъ земли, находящейся въ арендѣ у братьевъ.

Анонимное письмо, полученное г-жою Вейгнеръ, сестрою Новохацкой, о томъ, что Марія насильно помѣщена въ Москвѣ въ домѣ умалишенныхъ своими братьями, подтверждаетъ носившіеся слухи, и въ результатѣ братьевъ Новохацкихъ и жену Николая, Марію Дмитріевну, слѣдственная власть привлекаетъ въ качествѣ обвиняемыхъ.

Показанія, записанныя слѣдователемъ со словъ потерпѣвшихъ, даютъ почву для обвинительнаго акта.

Впослѣдствіи, 6 ноября 1871 года, тѣми же потерпѣвшими были поданы судебному слѣдователю заявленія о томъ, что они отказываются отъ своихъ первоначальныхъ показаній.

Вердиктомъ присяжные засѣдателей всѣ подсудимые оправданы.

Рѣчь въ защиту подсудимыхъ.

Господа присяжные засѣдатели!

Судя по страстности, съ какой велось слѣдствіе, я думалъ, что мнѣ придется спорить съ обвинительною властью на каждомъ шагу, — спорить о пріемахъ преній, о предметахъ, подлежащихъ вашему разрѣшенію, о средствахъ борьбы.

Но я ошибся. Оказывается, что обвиненіе сходится съ защитой во взглядѣ на способъ веденія дѣла.

Напрасно страшился я, ѣдучи сюда для защиты Новохацкихъ, что на исходъ дѣла будетъ имѣть вліяніе давно заведенная сплетня. Напрасно боялся я, что общественное мнѣніе, сложившееся на основаніи непровѣренныхъ на судѣ слухахъ и разговорахъ, будетъ указываться прокуратурой какъ сильнѣйшая улика противъ подсудимыхъ. Напрасно опасался я, что всѣ усилія защиты сломить ложныя улики, поколебать сомнительныя свѣдѣнія, уничтожить противорѣчивыя свидѣтельства пропадутъ безплодно подъ нажимомъ предвходящаго въ дѣло предубѣжденія. Совершенно согласно съ долгомъ, лежащимъ на блюстителѣ закона, обвинитель просилъ васъ ограничиться лишь тѣмъ, что провѣрено и пріобрѣтено на судѣ.

Къ этой просьбѣ позвольте присоединиться и мнѣ.

Бросьте сплетни, невѣдомо гдѣ зарождающіяся, заражающія воздухъ, — бросьте ихъ: онѣ создаются праздношатающимся людомъ, которому необходимо сочинять и распространять клевету, чтобы занять свой умъ и совѣсть подходящею работою. Не мало на Руси подобныхъ людей, этихъ завсегдатаевъ провинціальныхъ клубовъ, которые, по мѣткому замѣчанію одного писателя, способны, вслѣдъ за гнусной клеветой на васъ, подойти и пожать вашу руку, предложивъ пить за ваше здоровье.

Отъ сплетни беззащитенъ человѣкъ: за стѣною ему не видать чужихъ оскорбительныхъ взглядовъ. Лишь тогда, когда прямо и гласно ему бросаютъ обвиненіе и зовутъ на судъ, онъ знаетъ, въ чемъ его

подозрѣваютъ и обязанъ доказательствами очистить свою личность отъ того, что считаетъ несправедливымъ. Новохацкіе теперь знаютъ, въ чемъ ихъ подозрѣваютъ. Они пришли опровергнуть обвиненіе и просятъ вниманія къ ихъ слову.

Планъ обвинительной рѣчи я нѣсколько измѣнилъ въ своемъ воззраженіи. Спорить удобно, когда ясно поставленъ спорный вопросъ, когда знаешь, о чемъ говорить и что не идетъ къ дѣлу.

Не такъ поступило обвиненіе: оно собрало изъ дѣла данныя, которыя говорятъ объ ошибкахъ, объ уклоненіи отъ правды, о темныхъ сторонахъ быта Новохацкихъ за ихъ 40-лѣтнюю жизнь, и за это предлагаетъ обвинить ихъ въ подлогѣ, лишеніи свободы и вымогательствѣ обязательствъ у младшихъ членовъ семьи.

Путь этотъ сложенъ: намъ нужно уяснить сначала, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Когда это будетъ выяснено, тогда видно будетъ, какія свѣдѣнія идутъ къ дѣлу и что надо бросить.

Вѣдь если передъ вами посадятъ обвиняемаго въ кражѣ и начнутъ доказывать, что онъ не почитаетъ отца съ матерью, то будутъ говорить не то, что слѣдуетъ. Нехорошо быть мотомъ, нехорошо не почитать отца съ матерью; но кто это дѣлаетъ, тотъ еще не воръ, — его поступки кражу не доказываютъ. Если мы за то, что человѣкъ нехорошъ по другимъ дѣламъ, обвинимъ его въ томъ, чему нѣтъ доказательствъ, обвинимъ въ пылу увлеченія и негодованія, — мы обвинимъ неправосудно.

Уяснимъ себѣ предметы обвиненія.

Споръ идетъ о трехъ преступленіяхъ.

Обвинительный актъ приписываетъ А. и Н. Новохацкимъ противозаконное лишеніе свободы своей сестры Марьи въ теченіе больше года времени. Здѣсь вамъ говорили, что Новохацкіе насильно лишили сестру свободы; обвинительный актъ выражается мягче: въ немъ сказано, что А. и Н. Новохацкіе отвезли сестру противъ ея желанія и безъ надобности въ больницу, а потомъ взяли оттуда и помѣстили у Аверьяновой, у которой она прожила до освобожденія, потому что братья лишили ее средствъ на возвратъ домой, не оставивъ денегъ. Физическаго насилія тамъ, кажется, не было, и въ этомъ поступкѣ обвиненіе видѣло нравственное насиліе.

Здѣсь была оставлена эта система обвиненія, и заявлено было, что лишеніе свободы было насильственно.

Этотъ скачокъ обвиненія не оправдывается судебнымъ слѣдствіемъ, хотя понятно, зачѣмъ онъ сдѣланъ. Дѣло въ томъ, что обвинитель ея можетъ по своему произволу карать дѣянія людей и подвергать

ихъ наказанію. Уложеніе, книга Уголовнаго Свода Россійской Имперіи, — вотъ единственная указательница того, что запрещено. Что ею запрещено — то наказуемо; за то, что ею не запрещено, будь оно дурно, очень дурно, наказывать нельзя.

Между тѣмъ обвиненіе, изложенное въ актѣ, грѣшитъ тѣмъ недостаткомъ, что оно преслѣдуетъ *не*наказуемое, *не*преступное дѣяніе. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 1540 говоритъ вотъ что: „Кто по какой-бы то ни было причинѣ и съ какимъ бы то ни было намѣреніемъ... самовольно и насильственно лишитъ кого-либо свободы, тотъ... приговоривается за сіе...“

Ясно и просто требованіе закона. Но обвиненіе искажаетъ его смыслъ и вводитъ новую теорію лишенія свободы.

Къ счастію, высшее толкованіе принадлежитъ Сенату, а Сенатъ смотритъ иначе на дѣло. Лишеніе свободы немыслимо безъ того, чтобы оба эти средства были въ ходу со стороны лица, лишившаго свободы

Таковъ выводъ изъ рѣшенія Сената 1871 г. № 712 по дѣлу Мельмана.

Но насилія и угрозъ, требуемыхъ 1540 ст., въ дѣлѣ Новохацкихъ не было, и простой смыслъ подскажетъ вамъ, что никто этой статьи не нарушалъ, что всѣ слышанныя вами и подобранныя въ одно цѣлое рѣчью прокурора подробности дѣла требованія этой статьи не удовлетворяютъ, и эта часть обвиненія лопается, какъ мыльный пузырь.

Но такъ какъ въ отношеніяхъ Новохацкихъ къ сестрѣ, по свѣдѣніямъ предварительнаго и судебнаго слѣдствій, есть что-то жесткое и непріятное, то позаймемся и пообсудимъ эти факты.

Нечего бояться подсудимымъ, если я напомню подробности, открою уголокъ ихъ семейной жизни и неурядицъ, — вѣдь вы обѣщались не обвинять невиннаго, не оправдывать виновнаго, и — сдержите слово.

Вы поймете, что, если въ дѣлѣ не окажется того зла, за которое по дѣломъ вору и мука, а откроются иныя, можетъ быть, и непохвальныя семейныя ошибки, то нельзя злоупотреблять правосудіемъ и за малое дурное обвинять въ большомъ преступленіи.

Вспомнимъ же свѣдѣнія о бытѣ Новохацкихъ, только не такъ, какъ это дѣлало обвиненіе, скользившее мимо хорошаго и долго-долго останавливавшееся на дурномъ: не станемъ останавливаться на бородавкѣ и морщинѣ, составляющихъ недостатки лица, а бросимъ взглядъ на всего человѣка, на всю его фигуру.

Концы настоящаго дѣла лежатъ далеко. Недавно умерла старушка Байдакова, бабушка подсудимыхъ. У ней была дочь — Екатерина Новохацкая, мать подсудимыхъ. Ее прижила Байдакова еще до брака. У Екатерины Новохацкой, кромѣ подсудимыхъ и потерпѣвшихъ, — еще три дочери, выданныя замужъ. Этихъ сестеръ мы здѣсь допрашивали, и онѣ сказали намъ, что братья Н. и А. Новохацкіе съ ними обращались родственно и по-братски и что никакихъ притѣсненій никогда себѣ не позволяли.

Обвиненіе было безсильно опровергнуть эту черту семейныхъ отношеній Новохацкихъ и старалось свободнымъ толкованіемъ одного изъ писемъ А. Новохацкаго доказать, что подсудимые были дурны съ матерью. Позднѣе мы оцѣнимъ этотъ доводъ, а теперь прошу васъ вспомнить слова самихъ потерпѣвшихъ, Маріи и Константина Новохацкихъ, три дня постоянно отрицавшихъ обвиненіе и завѣрявшихъ, что не было мѣста ни тому истязанію, ни тому притѣсненію, которыя приписываетъ подсудимымъ обвиненіе. Получается черта изъ жизни, совсѣмъ не похожая на то, что доказываетъ обвиненіе.

У подсудимыхъ—сестра Марья больна падучей болѣзнью. Болѣзнь эта началась еще въ дѣтствѣ, съ испугу. Такъ завѣряетъ мать ея, которой, конечно, лучше извѣстна жизнь ея дѣтища. Болѣзнь усиливалась съ годами и по выходѣ изъ института достигла сильнѣйшаго развитія.

Что это за болѣзнь, — вы знаете. Ужасны приступы ея. Когда больного корчитъ судорога, похожая на предсмертную агонію, когда появляется пѣна у рта и закатятся зрачки глазъ, страхъ нападаетъ на окружающихъ. Одинъ видъ болѣзни заражаетъ другихъ, пугаетъ дѣтей; привыкшіе къ страданіямъ доктора заявляютъ здѣсь, что даже для нихъ невыносимы эти сцены. А этой болѣзнью страдала Марья Новохацкая.

Какъ же поступили съ ней братья, — эти злодѣи и разбойники, по выводамъ обвинительнаго акта? Отвернулись? Бросили на произволъ?

Нѣтъ! Въ теченіе трехъ дней всѣ свидѣтели единогласно показывали, что Александръ и Николай Новохацкіе (именно они изъ всей семьи) ѣздили съ больной то въ Екатеринославъ, то въ Харьковъ, то въ Кіевъ и Одессу, посѣтили всѣхъ знаменитостей южнаго края по части медицины и искали помощи. Не ихъ вина, что болѣзнь не поддавалась усилію врачей, но ихъ заслуга, что они ни времени, ни труда не жалѣли для сестры своей. И такъ же, какъ сыновья, заботилась о больной мать; у ней, говорили здѣсь, другого разговора съ

гостями не было, какъ разспросы о томъ, какъ бы помочь бѣдной дочери.

Что же обусловливаетъ тотъ рѣзкій переходъ, который допустили Александръ и Николай Новохацкіе по отношенію къ сестрѣ въ послѣднее время? Почему изъ братьевъ, такъ братски заботившихся о сестрѣ (о чемъ умалчиваетъ обвиненіе), они превратились въ разбойниковъ, въ заточителей сестры своей? Изъ желанія обобрать? Но они люди умные, самые развитые въ семьѣ своей, а Марья—дѣвушка такая неразвитая и больная, что у ней можно взять, безъ всякихъ особыхъ умѣній, всякую, какая понадобится, бумагу; сажать ее для этого въ сумасшедшій домъ или дѣлать то, что приписываютъ подсудимымъ по отношенію къ ней, было безцѣльно.

Были *другіе* поводы и *другія* побужденія.

Марья Новохацкая больна падучей болѣзнью, но рядомъ съ этимъ у ней развита особая, страстная склонность — во что бы то ни стало выйти замужъ. Доктора и опытъ говорили, что удовлетворить этому желанію опасно. Иногда болѣзнь усиливается отъ брака, иногда она передается потомству.

Приходило на умъ, что порядочный женихъ не рѣшится связать себя съ больной узами брака. А между тѣмъ сыскались женихи: то были не изъ числа искренно любящихъ дѣвушку, искренно ищущихъ въ ней прежде всего ее самое. То были люди, которымъ сама невѣста была не нужна, а нужны были ея средства. То были какой-то выгнанный за пьянство писецъ и за тотъ же порокъ разсчитанный Новохацкими управляющій. Здѣсь, на судѣ, кромѣ этихъ двухъ искателей, говорили еще о третьемъ. Недавно, на этихъ дняхъ, по словамъ свидѣтеля, когда Екатерина Новохацкая уѣхала изъ деревни, живущая у нея женщина чуть-чуть не устроила свадьбы Марьи Новохацкой съ однимъ изъ служащихъ при имѣніи, и только горничная дѣвушка спасла свою госпожу отъ ловушки, заявивъ о болѣзни невѣсты священнику.

Противъ такихъ людей боролись въ семьѣ Новохацкихъ: такихъ людей опасается старшій братъ, когда пишетъ, что держать сестру взаперти нельзя, но нужно спасти ее и себя.

„Спасти себя“, прибавляютъ братья, то-есть, они не желаютъ, чтобы состояніе сестры перешло къ ловкому обманщику, а предпочитаютъ лучше, чтобы оно перешло послѣ сестры въ ихъ руки. Желаніе эгоистическое, себялюбивое; но кто же назоветъ это мошенничествомъ или преступленіемъ? Пожелать, чтобы имѣніе сестры послѣ

нея досталось имъ, а не какому-нибудь постороннему лицу, ищущему не невѣсты, а ея денегъ,—совершенно естественно и извинительно. А это и руководило братьями.

Вамъ уже извѣстно, что мужъ недавно умершей Байдакъ, дѣдушка Новохацкихъ, любилъ больше всѣхъ свою больную внучку Марью, которая жила съ дѣтства у него. У него было прекрасное состояніе — имѣніе Соленое, которое онъ пожелалъ оставить ей. Но такъ какъ ему въ то же время хотѣлось обезпечить и дочь свою, мать Новохацкихъ, Екатерину Новохацкую, то онъ оставилъ имѣніе этой послѣдней въ пожизненное владѣніе, а Марьѣ—въ собственность, не ранѣе смерти ея матери.

Изъ смысла завѣщанія выходило, что въ случаѣ, если Марья Новохацкая не переживетъ своей матери, то и не наслѣдуетъ имѣнія дѣда, и оно тогда поступаетъ, какъ наслѣдственное, въ родъ Байдака. При этомъ, такъ какъ мать Новохацкихъ, дочь Байдака, Екатерина, прижита имъ до брака со своей женой, то имѣніе Соленое къ Екатеринѣ Новохацкой не поступитъ, а перейдетъ въ родъ Байдака, къ его боковымъ родственникамъ. Слѣдовательно, отъ случайности, переживетъ или не переживетъ Марья Новохацкая свою мать, зависѣло то, останется или не останется въ семьѣ Новохацкихъ Соленое. Затѣмъ, если Соленое достанется Марьѣ Новохацкой какимъ бы то ни было образомъ, то, принимая во вниманіе ея болѣзнь, семья рѣшила, что она управиться съ имѣніемъ не сможетъ, и, вѣроятно, судьба этого имѣнія будетъ та, что оно попадетъ въ руки одному изъ тѣхъ женихов, который сумѣетъ обдѣлать дѣльце.

Надобно было выйти изъ этихъ двухъ затрудненій, надо было закрѣпить имѣніе за семьей,—противъ случайности и противъ происковъ женихов. Этого думали достичь первой сдѣлкой, и рѣшили, что по купчей крѣпости Марья Новохацкая уступитъ свои права матери. Такую купчую написали. Въ тотъ же день мать завѣщаніемъ уступала это имѣніе Александру и Николаю, съ тѣмъ, чтобы они пожизненно, подъ страхомъ двойного взысканія, вносили сестрѣ по 2000 р. въ годъ.

Обвиненіе вамъ напомнило это завѣщаніе, но оно отступило отъ обязанности безпристрастія, упустивъ изъ завѣщанія пунктъ о выдачѣ 2000 руб., что даетъ совсѣмъ иной характеръ сдѣлкѣ. Безъ этого сдѣлка похожа на своекорыстную работу, а съ этимъ условіемъ выясняется, что мать и братья, закрѣпляя за собой имѣніе, заботились о сестрѣ. Безъ имѣнія отъ нея отстанутъ женихи, но она двумя тысячами рублей обезпечена въ средствахъ жизни. Если и теперь кто

на ней женится, то обманетъ ее годъ, другой, но у ней все же впереди останется вѣчный кусокъ хлѣба.

Однако вся эта сдѣлка оказалось негодною. Купчая крѣпость, которою преждевременно, до момента наступленія права собственности, Марья Новохацкая продавала свое будущее наслѣдство матери, была недѣйствительна. Явилась необходимость другимъ путемъ добиться той же цѣли. На семейномъ совѣтѣ рѣшили, что Екатерина Новохацкая откажется отъ пожизненнаго владѣнія. Тогда, конечно, Марья сдѣлается собственницей. Въ качествѣ собственницы она уступитъ это имѣніе по купчей крѣпости своей матери, и тогда—дѣло сдѣлано: имѣніе за семьей Новохацкихъ закрѣплялось прочно.

Но при совершившемся отказѣ Екатерины Новохацкой въ пользу дочери отъ пожизненнаго владѣнія до момента перепродажи имѣнія ей же ея дочерью наступала минута самая опасная для семейства, самая интересная для искателей руки Марьи Новохацкой. До этого отказа Марья Новохацкая была только б у д у щ е й наслѣдницей Соленаго, а съ отказа въ ея пользу она дѣлалась собственницей этого имѣнія. Жениться на ней въ эту минуту было особенно выгодно: ждать богатства не придется,— оно уже въ ея рукахъ; не придется уступать доходы съ имѣнія въ пользу матери,—она отреклась. Ловкій человѣкъ въ это время могъ быть особенно опаснымъ для Новохацкихъ.

И вотъ предпринимается поѣздка въ Москву, поѣздка, въ которой были двѣ цѣли: лѣченіе Марьи Новохацкой и удаленіе ея изъ опаснаго для нея и семейства мѣста. Кромѣ этихъ цѣлей — другихъ не было.

Поѣздка совершилась съ согласія матери, даже по прямой ея на то волѣ. Всѣ родные знали, что мать приказала отвезти больную дочь.

Гдѣ же тутъ насиліе и лишеніе свободы? Давно ли мать и братья не смѣютъ лѣчить больную отъ падучей болѣзни безъ ея разрѣшенія? Съ больными не совѣтуются! А если болѣзнь такова, что въ это время надъ больнымъ можетъ быть сдѣлано много дурного злыми людьми, спасти отъ нихъ, удалить отъ нихъ больную — не право, но едва ли не долгъ здоровыхъ членовъ семейства. Новохацкіе, увозя сестру, творили не преступленіе, но исполняли долгъ и волю матери.

Но если такъ, то зачѣмъ они не сообщали подробнаго адреса ея въ Москвѣ, зачѣмъ роднымъ и знакомымъ не было извѣстно, гдѣ живетъ Марья Новохацкая?

Отвѣтъ на это простъ. Больную удалили отъ искателей ея средствъ. Если бы они узнали, гдѣ Марья,—всѣ усилія Новохацкихъ пропали бы. Вотъ почему въ письмахъ къ матери Николай Новохацкій не пишетъ объ адресѣ, а передаетъ его уже потомъ, на словахъ, какъ утверждаетъ мать. Затѣмъ и не говорится вовсе роднымъ и знакомымъ о ея мѣстопребываніи. Это для того, чтобы слухъ не дошелъ до тѣхъ, кого боятся.

Доводъ обвиненія, что Марью Новохацкую увезли въ больницу безъ надобности, падаетъ передъ тѣмъ фактомъ, что ее признали больной въ Екатерининской университетской больницѣ въ Москвѣ. То, вѣдь, не какіе-нибудь неизвѣстные медики,—то были люди науки, профессора старѣйшаго университета на Руси: неужели же менѣе обвинителя они смыслятъ въ распознаваніи болѣзни? А возражать противъ добросовѣстности ихъ мнѣнія не найдется смѣлости ни у кого.

Когда Марью Новохацкую взяли изъ больницы, домашнія мѣры еще не были кончены. Везти ее домой было рано. Ее помѣстили у Аверьяновой.

Обстановка была небогата. Но это не вина братьевъ. Мать, уступившая дочери Соленое, все же считала себя хозяйкой имѣнія и на себя тратила доходы. Будучи человѣкомъ стараго покроя, отличаясь замѣченной здѣсь скупостью, она мало давала на содержаніе дочери. Братъ Николай помѣстилъ ее по этимъ скуднымъ средствамъ. Онъ могъ бы прибавить своихъ, но, если онъ этого не сдѣлалъ по скупости, унаслѣдованной отъ матери, то онъ сурово, но не беззаконно поступилъ.

Объ этомъ мѣстопребываніи родные не знали. Но гдѣ законъ, обязывающій давать имъ знаніе о мѣстѣ жительства ихъ родственника? Мать знала,—матери писалось чуть не въ каждомъ письмѣ о здоровьѣ дочери; мать оставалась спокойной и довѣряющей своимъ дѣтямъ судьбу ихъ сестры. Братья даже другъ съ другомъ мѣняются свѣдѣніями о сестрѣ. Неужели такъ выражается преступленіе?

Небогата была квартира Марьи,—но вѣдь это зависѣло отъ средствъ, даваемыхъ матерью. Небогатъ былъ гардеробъ; но вы слыхали протоколъ осмотра: и бѣлья и платья было довольно. Просто, небогато все, но Новохацкіе всѣ и здѣсь одѣты просто, и крайне ненарядно. Гардероба этого не стало, и Марью Новохацкую водятъ въ одномъ платьѣ только тогда, когда она живетъ у Безкровнаго.

Марью Новохацкую не пускали одну изъ дому у Аверьяновой, но вѣдь и у Безкровнаго ее не пускали одну даже на свиданіе къ род-

ной сестрѣ. Почему же дозволенное Безкровному обращается въ преступленіе для другихъ. Безкровный, по-человѣчеству заботясь о больной, не позволялъ ей этого... Но позвольте думать, что мать и братья съ бо̀льшимъ правомъ и съ бо̀льшей искренностью могутъ рѣшить, что̀ дозволительно и что̀ опасно для ихъ больной дочери и сестры. Безкровный по отношенію къ Марьѣ Новохацкой былъ слѣдователемъ,—не больше.

По закону онъ обязанъ преслѣдовать тѣхъ, кто нарушаетъ чужія права. Внѣ закона у него нѣтъ побужденій быть особо внимательнымъ къ этой женщинѣ. Но, тверже и глубже писаннаго закона, иной законъ господствуетъ въ душѣ человѣка,—законъ права и родственныхъ узъ: онъ переживетъ писанную правду, онъ—вѣченъ.

Да будетъ же позволено сказать, что сердце матери и братьевъ надежнѣе заботъ Безкровнаго, и увѣрять, что мать—убійца здоровья и свободы своей дочери, что она и братья хотѣли терзать ее, это—слишкомъ много приписывать Безкровному, слишкомъ сильно клеветать на человѣческую природу.

Нѣтъ, мать и братья боролись съ болѣзнью и съ врагами семьи и сестры. Они удалили больную изъ опаснаго мѣста. Этимъ-то искателямъ принадлежитъ починъ дѣла. Вы слыхали, что оно началось съ анонимныхъ писемъ. Когда Марью Новохацкую увезли въ Москву лѣчить, кто-то писалъ на имя жены Вейгнера, что Новохацкую увезли въ сумасшедшій домъ. При этомъ въ письмѣ писалось прямо: „спасите ея 3000 десятинъ, ея имѣніе отъ рукъ братьевъ“.

Приставъ произвелъ дознаніе. Дознаніе дало только тотъ результатъ, что Марьи Новохацкой въ деревнѣ нѣтъ. Сплетня заботившихся о цѣлости ея имѣнія лицъ создала остальное, создала небывалые московскіе ужасы, и—началось дѣло.

А между тѣмъ, не удали ее, и она—жена перваго проходимца, имѣніе ея—въ рукахъ перваго плута, и все это было бы запечатлѣно формальностью и печатью внѣшней справедливости. Совершилось бы возмутительное мошенничество, и жизнь больной была бы загублена для корыстной цѣли обманщика, изъ брака сдѣлавшаго выгодную аферу.

Вотъ противъ чего сознательно боролась семья, вотъ кого безсознательно беретъ подъ свое покровительство обвиненіе. Усвой обвиненіе эту точку зрѣнія и отрекись отъ предвзятаго намѣренія обвинить во что бы то ни стало, а не разрѣшить спорный вопросъ о виновности,—и ему было бы ясно, что для обиранія Марьи Новохацкой не нужно было больницы: обобрать ее было легче подъ

шумъ московскихъ удовольствій и среди богатой, непривычной для нея обстановки. Было бы ясно, что молчаніе о ея жительствѣ—мѣра противъ искателей. Было бы ясно, что по окончаніи сдѣлки о Соленомъ имѣніе перешло бы къ матери, Марья возвратилась бы домой; но, не будучи обладательницей 3000 десятинъ, она не была бы лакомымъ кускомъ для жениховъ и покойно вела бы дни свои. Было бы ясно, что жизнь у Аверьяновой не была лишеніемъ свободы. Лишить свободы безъ замка или стражей нельзя. А Марья не сидѣла подъ замкомъ, и Аверьянова ее не держала силой, ибо она тогда была бы преступницей и сидѣла бы на скамьѣ подсудимыхъ, а она суду не предана и свободна.

Правда, здѣсь ее назвали публичной женщиной, чтобы показать, кому ввѣрили больную. Но противъ этого я не стану даже возражать. За что оскорбили честное имя? За что позоромъ заклеймили человѣка? Я не допускаю подобнаго забвенія обязанностей со стороны обвинителя, убѣжденъ, что онъ не рѣшится повторить этого имени, и думаю, что жестокое, несправедливое слово сгоряча сорвалось съ языка, вопреки серьезному желанію прокурора.

Обвиненіе останавливается на показаніи Марьи Новохацкой. Вы слыхали его: она любитъ братьевъ, не жалуется на нихъ. Не этому показанію, а другому, на предварительномъ слѣдствіи данному, просило васъ вѣрить обвиненіе. Почему? Потому что сестра, хотя и потерпѣвшая, говоритъ оно, склонна говорить въ пользу брата.

Вѣрю. Но если такъ, то чѣмъ же объяснить полную злобы и жестокосердія рѣчь ея, записанную тогда? Вѣдь и тогда она была сестрой. Значитъ, не ея, не ея языкъ читаемъ мы въ протоколѣ!..

Прокуроръ далъ намъ объясненіе, что слѣдователь Безкровный 12 лѣтъ былъ здѣсь извѣстенъ за лучшаго дѣятеля суда.

Разгадка найдена. Мѣстный житель,—онъ былъ охваченъ, сдавленъ мѣстною сплетнею, величавшей себя общественнымъ мнѣніемъ. Какъ слѣдователь, онъ уже видѣлъ преступленіе тамъ, гдѣ о немъ предполагалось.

Вопросы и протоколы всюду носятъ слѣды предвзятости, и только сознательные отвѣты способны не сбиться съ дороги.

Не такова Марія Новохацкая. Она легко могла быть увлечена на тотъ отвѣтъ, который уже предвходитъ въ вопросы. Ея неразвязная рѣчь, ея съ трудомъ понимаемые и безсвязные отвѣты,—то ли это, что мы читаемъ въ ея протоколахъ?

Нѣтъ!

То—рѣчь живая, бойкая, связная. А по замѣчанію г. Орлова,

бывшаго прокурора Одесской Палаты, она не можетъ выражаться связно, она почти слабоумная. Значитъ, вопросы, диктуемые слѣдователю заранѣе убѣжденной мыслью, сбивали на отвѣтъ, какого ему желалось. Плохо высказанный отвѣтъ толковался предубѣжденнымъ слѣдователемъ такъ, какъ, по его убѣжденію, было дѣло

Припомните, что слѣдователь записалъ даже разсказъ о томъ, что Александръ и Николай Новохацкіе били бабушку Байдакову и сажали въ погребъ, требуя денегъ. Всѣ со смѣхомъ и негодованіемъ отвергаютъ эту клевету; Марья Новохацкая рѣшительно оспариваетъ возможность такого показанія,—всѣ, всѣ рѣшительно дѣлаютъ то же; а между тѣмъ въ протоколѣ Безкровнаго красуется такая сцена!

Жаль, что оставлена система допросовъ, гдѣ на одной сторонѣ пишутся вопросы слѣдователя, а на другой отвѣты. Тогда легко видно было бы, какъ предвзятость вопросовъ вліяла на отвѣты. Тогда мы увидѣли бы, какъ совершенно добросовѣстно, подъ вліяніемъ поспѣшно сложившихся убѣжденій, Безкровный могъ и себя и людей ввести въ заблужденіе. А такихъ мѣстъ въ дѣлѣ не мало...

Покончивъ съ общими для подсудимыхъ вопросами, я долженъ обратиться къ моей задачѣ, которая состоитъ въ защитѣ интересовъ Александра Ивановича Новохацкаго. Какъ бы вы ни посмотрѣли на это дѣло, было ли оно преступно или не было, но васъ спросятъ объ участіи каждаго изъ обвиняемыхъ въ этомъ дѣлѣ.

Что же собрано противъ Александра Новохацкаго? А вотъ что: сама прокуратура не споритъ, что отвезъ въ Москву Марью Новохацкую Николай Ивановичъ Новохацкій по порученію матери. *Александръ* Ивановичъ въ этомъ не принималъ участія. Сама прокуратура, ссылаясь на письма Александра Ивановича Новохацкаго, доказывала только то, что Александръ Ивановичъ, заботясь о семейномъ дѣлѣ, писалъ, что, по его мнѣнію, единственное средство избавиться отъ врага—пока отвезти Марью Ивановну куда-нибудь подальше. Ни слова, ни намека, что это „подальше"—должно быть заточеніе. Онъ даже говоритъ въ одномъ изъ писемъ, что постоянно держать сестру взаперти нельзя.

Затѣмъ, само обвиненіе не отрицаетъ того факта, что Александръ Ивановичъ Новохацкій даже не зналъ, до возбужденія дѣла, гдѣ живетъ Марья Ивановна.

Переведемъ духъ. Не правда ли, что выводы изъ фактовъ непонятны?

Какимъ образомъ человѣка, не знающаго, какъ въ Москвѣ обра-

щаются съ Марьей Ивановной, можно винить въ томъ, какъ съ ней обращались? Какимъ образомъ человѣкъ, который дозволяетъ только удалить сестру свою изъ мѣста опасности, можетъ быть обвиненъ въ преступномъ лишеніи свободы?..

Далѣе: когда началось дѣло о заточеніи сестры, Александръ Ивановичъ пріѣхалъ къ Марьѣ Ивановнѣ, чтобы освѣдомиться о томъ, насколько основательно взводилось обвиненіе. Если бы Александромъ было дѣйствительно дознано, что здѣсь совершается преступленіе, то онъ не сталъ бы оглашать это событіе передъ мировымъ судьею, а онъ просилъ судью изслѣдовать образъ жизни и обстановку своей сестры.

Къ этому же моменту относится письмо Александра Ивановича къ матери: не имѣя причины недовѣрять Николаю Ивановичу, онъ сообщаетъ матери, что Марья Ивановна живетъ хорошо, со словъ и изъ писемъ Николая Ивановича. Вотъ все, что есть въ дѣлѣ относящагося до моего кліента по вопросу о заточеніи.

Обвиненіе утверждаетъ, что А. И. Новохацкій получилъ изъ приказа общественнаго призрѣнія деньги сестры, въ количествѣ 20.000 руб. Гдѣ доказательства? Говорятъ, что видѣли довѣренность сестры на этотъ предметъ. Но развѣ довѣренность — доказательство? Если я даю довѣренность на покупку дома, это не значитъ, что домъ уже купленъ. Такъ и здѣсь. Довѣренность даже не помѣчена на поляхъ цифрой, что обыкновенно бываетъ, когда она представлена въ присутствіе, гдѣ на основаніи ея ведется какое-либо дѣло. А это знакъ, что она не была предъявляема.

Да если бы обвиненіе желало серьезно убѣдиться, получалъ ли Александръ Новохацкій деньги изъ Приказа, оно бы предложило слѣдователю навести справку. Но оно само отвернулось отъ возможности раскрыть истину и рѣшается здѣсь обвинять въ бездоказательномъ проступкѣ.

Деньги эти никогда Александръ Новохацкій не бралъ,—такъ онъ утверждаетъ, — и это правда, потому что обвиненіе не возражаетъ тѣмъ, чѣмъ возразить (если-бы могло) обязано: безусловнымъ доказательствомъ, справкой изъ Приказа, справкой, которая всегда къ услугамъ прокуратуры и которая положила бы конецъ всякимъ слухамъ.

Желаніе, раздѣляемое и матерью, спасти сестру отъ несчастнаго брака — братскій долгъ, а не тиранія или стѣсненіе. Пока существуетъ законъ, что воля родителей имѣетъ значеніе при совершеніи брака, пока существуетъ въ обычаяхъ нашей земли обязанность ро-

дителей и старшихъ заботиться объ устройствѣ счастья члена семьи, пока дорожатъ благословеніемъ и волею матери при вступленіи въ бракъ, до тѣхъ поръ обвиненіе не смѣетъ упрекать семью за ея вмѣшательство въ супружескій вопросъ Марьи Новохацкой.

Вычеркните статью изъ свода, вырвите обычай изъ правовыхъ убѣжденій страны, тогда ставьте въ вину имъ ихъ заботу, а пока,— братья, везущіе больную сестру на излѣченіе, мать, желающая счастья дочери и препятствующая безумному браку, — не злодѣи, и подсудимыхъ мѣсто не здѣсь, а тамъ, среди добрыхъ согражданъ, въ сторонѣ отъ сплетниковъ...

Второе дѣло важнѣе перваго. Изъ семейной ссоры создано преступленіе ужасное. Этой ссоры, перешедшей въ потасовку, я не отвергаю.

Но во что обратило ее тяготѣющее надъ Новохацкими предубѣжденіе?

Говорятъ, что они вымогали у брата арендный контрактъ, побоями и истязаніями насилуя его волю. По закону такое дѣяніе приравнивается къ грабежу. Неужели же было мѣсто и поводъ къ такому злодѣйству?

Константинъ Новохацкій, предполагаемый потерпѣвшій,— младшій братъ въ семьѣ. Это — личность характерная: онъ и теперь едва умѣетъ говорить; съ дѣтства онъ былъ недаровитъ, наука не далась ему. Рядомъ съ простоватостью, по свидѣтельству матери и сестеръ, у него развилась страсть къ воровству: онъ бралъ мелочь у своихъ, бралъ и у чужихъ (вспомните бритвы Безкровнаго, кажется—отца слѣдователя).

Вотъ, наконецъ, онъ стащилъ у матери 800 руб. Правда, онъ увѣряетъ, что стащилъ потому, что считалъ ее должной ему эту сумму за раздѣлъ, но онъ не отвергаетъ, что взялъ *тайно*.

Обвинитель ставитъ въ вину Новохацкимъ, что они заставили брата сознаться въ похищеніи, и отстаиваетъ п р а в о Константина Новохацкаго на эти деньги.

Но обвиненію менѣе всего умѣстно возводить проступокъ въ право.

Не раздѣляя такого ученія, Новохацкіе оскорбились. Досадно имѣть дѣло съ похитителемъ, еще досаднѣе, когда это — свой человѣкъ, братъ. Сознаніе, что онъ порочитъ семью, безчеститъ фамилію, — раздражаетъ.

Подъ такимъ чувствомъ братья преслѣдуютъ Константина. Для разбоя въ чужомъ домѣ ловить своего брата Новохацкіе не стали бы.

Константинъ жилъ у Александра Новохацкаго десять лѣтъ въ его домѣ: вотъ гдѣ ловко и тайно могли они, если хотѣли бы, обобрать брата; но *у него* тамъ ничего не взято, а только ему давались безплатно и квартира и столъ.

Драка случилась на глазахъ всѣхъ. Разбой, какъ всякое преступленіе, ищетъ тайны. О разбоѣ ограбленный заявилъ бы, а объ этой ссорѣ Константинъ ничего не заявлялъ, и она сдѣлалась предметомъ дѣла только тогда, когда Константинъ показывалъ, какъ свидѣтель, по дѣлу сестры. Тогда слѣдователь открылъ особое производство, и въ протоколѣ его изъ устъ Константина полилось тяжелое обвиненіе въ разбоѣ.

Здѣсь мы слыхали его братски мягкое, хотя едва понятное, слово. Ничего похожаго на его рѣчь въ предварительномъ слѣдствіи, ничего схожаго съ тѣмъ, что тамъ записано, нѣтъ.

Скажутъ, что здѣсь онъ говорилъ ложь, у Безкровнаго говорилъ правду.

Господа! Константинъ, — вы сами видѣли, — малоумная личность. Умныхъ лжесвидѣтелей изобличаетъ перекрестный допросъ, съ нимъ ли не сладили бы, если онъ говоритъ неправду?

Самъ законъ говоритъ, что судебное слѣдствіе есть провѣрка предварительнаго, самъ законъ допускаетъ увлеченіе, пристрастіе, ошибку, неправду въ предварительномъ слѣдствіи... Протоколы Безкровнаго оправдываютъ соображенія законодателя. Семейная ссора, обыденный грѣхъ многихъ семействъ, возведена въ разбой! Зачѣмъ арендный контрактъ, когда еще старый не кончился? Какая громадная выгода—вмѣсто 1 р. за десятину заплатить по 75 к., гдѣ всего 800 десятинъ?!. Вѣдь это 200 руб. въ годъ! Изъ-за этого-то станутъ насиловать побоями брата въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ?

Гдѣ доказательства, что подобный контрактъ писался, когда потерпѣвшій не утверждаетъ этого, а говоритъ, что его звали къ матери, чтобы тамъ написать контрактъ. Между тѣмъ, сами подсудимые говорятъ другое: они говорятъ, что съ него требовалась расписка, что онъ дозволяетъ, въ случаѣ повторенія кражи, подвергнуть его мѣрамъ домашняго исправленія.

Имъ не вѣрятъ и ссылаются на то, что во время драки Вейгнеръ кричалъ, что у него въ домѣ разбой.

Да кто изъ насъ не слыхивалъ, что въ обыденной жизни буяна обзываютъ разбойникомъ, потасовку обзываютъ разбоемъ?!

Слабо обвиненіе, если ищетъ въ случайно сорвавшемся во время драки словѣ юридическаго опредѣленія событія! Односторонняя и

ложна привычка всякій приписываемый подсудимому фактъ истолковывать самыми худшими для него предположеніями. Драка возводится въ насиліе, клочокъ бумаги—въ невыгодный контрактъ, ссора—въ принужденіе къ выдачѣ обязательства. Съ такой логикой всякаго покупающаго ножъ надо считать за приготовляющагося къ убійству, всякаго гуляющаго ночью съ фонаремъ—за поджигателя.

Мнѣ кажется, что человѣчество не заслужило такого пріема. Только тѣ, кто потерялъ вѣру въ нравственную природу людей, тѣ, кто, не проповѣдуя матеріализма, какъ догмы, на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни, заражены практическими выводами этого ученія и между природой бѣшенаго звѣря и природой человѣка не видятъ разницы,—только такіе люди приписываютъ человѣку все самое дурное, самое звѣрское и не могутъ подобрать другихъ мотивовъ для нашихъ дѣйствій, кромѣ неразборчиваго на средства эгоизма и захвата чужого, не разбирая пути и правъ своей жертвы. Только при этомъ пессимизмѣ, при этомъ человѣкоуниженіи понятно то мнѣніе, которое мы здѣсь слыхали при обсужденіи дѣйствій Новохацкихъ.

Здѣсь, указавъ вамъ, что Александръ Новохацкій проѣхалъ Москвой, когда въ больницѣ лежала его сестра, и не навѣстилъ ее, говорили, что этимъ однимъ доказывается жестокость брата съ сестрой.

Вы слыхали, когда и зачѣмъ онъ проѣзжалъ Москвой? Въ Петербургѣ разрѣшалось бракоразводное дѣло Александра Новохацкаго, исходъ котораго былъ ему важенъ. Не онъ нарушилъ брачную вѣрность, не его обрекали на безбрачіе. Нѣтъ, ему готовилась свобода отъ нарушенныхъ брачныхъ узъ, а эту свободу онъ искалъ для того, чтобы отдать ее той дѣвушкѣ, которую любилъ, которая ждала его здѣсь, чтобы сдѣлаться его женой.

Въ чаду любви, въ ожиданіи счастія, въ ожиданіи ласки любимаго существа, позвольте человѣку хотя нѣсколько дней забыть о всѣхъ, кромѣ себя, позвольте позабыть ему, что, кромѣ тѣхъ, кого онъ любитъ, есть кто-нибудь на свѣтѣ, кромѣ того мѣста, гдѣ рѣшается его судьба, есть что-нибудь на свѣтѣ, и томиться всякой минутой, отдаляющей его отъ счастія...

Перейдемъ къ подлогу. Доказанъ ли онъ?

Марья Новохацкая здѣсь, по желанію присяжныхъ, обозрѣвала вексель и признала его. Что она могла выдать его въ Кишиневѣ, что она тамъ была,—это доказывается ея показаніями и здѣсь и на предварительномъ слѣдствіи: поѣздку въ Кишиневъ она не отвергала. Подорожная на ея имя подтверждаетъ эту поѣздку независимо отъ ея словъ.

Экспертиза дала выводъ за насъ. Я ссылаюсь на мнѣніе эксперта-учителя, человѣка, призваннаго обращать вниманіе на почерки. Что же касается до секретарей, то это — не эксперты: нынѣшній день онъ секретарь, завтра — нѣтъ; нынѣ вы его не считаете экспертомъ, завтра онъ поступитъ въ секретари, и вы его признаете свѣдущимъ человѣкомъ. Очевидно, что на такую экспертизу положиться нельзя: качество эксперта здѣсь чисто формальное.

Происхожденіе векселя объяснено естественно. Передъ поѣздкой за границу Николаю Ивановичу Новохацкому надо было денегъ, а ихъ не было. Взятъ былъ безденежный вексель, чтобы дисконтировать его съ своимъ бланкомъ. Марья Ивановна одолжила брата этимъ векселемъ. Вотъ почему она на предварительномъ слѣдствіи даже показывала, что она ссудила брата 15.000 руб. Дать вексель для дисконта — это одолженіе, ссуда.

Если бы вексель былъ подложенъ, его бы беречь не стали, а здѣсь мы видимъ, что во время слѣдствія Николай Новохацкій отдаетъ его на сбереженіе Романову, которому и прежде отдавалъ цѣнныя бумаги. Отдавая, Николай Новохацкій не скрывалъ, что это его документъ, а собственной рукой надписалъ на конвертѣ, что посылается пакетъ отъ такого-то.

Вексель писанъ и явленъ у маклера въ 1865 году. Подлога безъ цѣли не бываетъ. Если бы дѣлали подлогъ, нуждаясь въ деньгахъ, его бы не держали безъ употребленія, а вексель лежалъ шесть лѣтъ, пока его не представилъ Романовъ слѣдователю.

Что же за удовольствіе составить подложный вексель и хранить его у себя?

Очевидно, что это не подлогъ.

Вексель я в л е н ъ. Значитъ, онъ записанъ въ книгѣ маклера и тамъ еще разъ подписанъ. Отчего же слѣдователь не вытребовалъ этой книги? Тогда бы было видно, что маклеръ удостовѣрилъ личность векселедержательницы, и если вексель подложенъ, то слѣдовало привлечь и его.

Но слѣдователь чувствовалъ, что книга опровергнетъ обвиненіе, что маклеръ докажетъ самоличность Марьи Новохацкой и разобьетъ неосновательное обвиненіе.

Безпристрастіе требуетъ, однако, иного пріема: оно требуетъ стремиться къ истинѣ, а не отворачиваться отъ нея.

Не представляя доказательствъ, когда ихъ можно достать и взвѣсить, обвиненіе само себя обрекло на недоказанность...

Вотъ очеркъ дѣла. И этихъ данныхъ было достаточно прокура-

III.

Дѣло игуменьи Митрофаніи.

Дѣло игуменьи Митрофаніи,

обв. въ подлогахъ и мошенничествахъ.

Игуменья Митрофанія, въ міру баронесса Прасковья Григорьевна Розенъ, дочь генералъ-адъютанта барона Розена, фрейлина Двора, основательница многихъ благотворительныхъ учрежденій, предстала передъ Московскимъ Окружнымъ Судомъ по обвиненію въ цѣломъ рядѣ мошенничествъ и подлоговъ.

Игуменья Митрофанія родилась въ 1825 году. Въ дѣтствѣ она обнаружила большую талантливость, между прочимъ талантъ къ рисованію. Молодость свою она провела въ свѣтскихъ удовольствіяхъ: выѣзжала на балы, участвовала въ пріемахъ, устраивавшихся ея матерью, очень увлекалась спортомъ. Благодаря своему высокому происхожденію, баронесса часто назначалась дежурной фрейлиной Государыни.

Переворотъ въ ея душевной жизни, приведшій ее въ монастырь, произошелъ не сразу. Вначалѣ она стала все меньше и меньше выѣзжать въ свѣтъ, затѣмъ порвала связи почти со всѣми до того времени окружавшими ее и встрѣчалась только съ нѣсколькими близкими ей людьми.

Въ этотъ періодъ своей жизни она начала интересоваться жизнью монастырей. Она поддерживала ихъ денежными пожертвованіями сама и организовывала поддержку другихъ.

Къ этому времени относится возобновленіе ею занятій церковной живописью.

Въ 1854 г. она была пострижена въ монахини, а въ 1861 г. посвящена въ игуменьи Серпуховского владычнаго монастыря.

Популярность ея начинаетъ расти. Имя ея дѣлается извѣстнымъ. Благодаря связямъ и близости ко двору, ей удается значительно поднять матеріальное благосостояніе своего монастыря. Мало-по-малу дѣятельность ея расширяется: помимо улучшенія монастыря, ею создается нѣсколько новыхъ благотворительныхъ учрежденій.

Уже много лѣтъ спустя послѣ постриженія Митрофаніи на почвѣ этой ея дѣятельности открывается цѣлый рядъ преступленій: тонко и хитро обдуманныя вымогательства, ловкія мошенничества, цѣлый рядъ подлоговъ обнаружились въ благотворительной работѣ иг. Митрофаніи. Нѣкоторыя изъ нихъ всплыли съ такой ясностью, съ такою очевидностью, что преданіе ея суду стало неизбѣжнымъ.

Судилась игуменья Митрофанія въ Московскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Дѣло ея слушалось съ 5—19 ноября 1875 г. Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Суда Дейеръ; обвинялъ прокуроръ Жуковъ и товарищъ прокурора Смирновъ; повѣренными потерпѣвшихъ были: Лебедева — Лохвицкій, Солодовникова и Медынцевой — Ѳ. Н. Плевако, дѣтей Солодовникова — Громницкій, Тицнера — Алексѣевъ.

Защищали: игум. Митрофанію — Щелканъ и Шайкевичъ, Макарова — Харитоновъ, Махалина — Пржевальскій, Трахтенберга — Кейкутовъ, Красныхъ — Френкель.

Игуменья Митрофанія судилась по обвиненію въ преступленіяхъ, которыя можно раздѣлить на три группы, связанныя съ именами потерпѣвшихъ отъ этихъ преступленій: Медынцевой, Солодовникова и Лебедева. Сущность первой группы преступныхъ дѣяній сводится къ тому, что, выманивъ у Медынцевой путемъ обмана бланковыя надписи и векселя, игуменья Митрофанія дала имъ противное желанію Медынцевой назначеніе, обративъ ихъ въ свою пользу и заполнивъ бланки текстами, датированными болѣе ранними числами; затѣмъ, при содѣйствіи Трахтенберга и опекуна Медынцевой, Макарова, обвиняемая получила изъ опекунскаго по дѣламъ Медынцевой управленія болѣе 300,000 руб. и, кромѣ того, присвоила отданныя ей на храненіе вещи Медынцевой.

Отношенія игуменьи Митрофаніи къ Медынцевой представляются въ слѣдующемъ видѣ: надъ имуществомъ и личностью почетной гражданки Медынцевой была учреждена опека. Медынцева очень тяготилась опекой и очень хотѣла отъ нея освободиться. Для этой цѣли знакомые Медынцевой посовѣтовали ей обратиться къ игум. Митрофаніи, которая, благодаря своему положенію и связямъ, могла будто бы сдѣлать все. Медынцева обратилась къ Митрофаніи, которая обѣщала ей полное содѣйствіе. Она поселила Медынцеву у себя, совершенно подчинила ее своему вліянію, запретила ей даже выѣзжать безъ себя куда бы то ни было и заставила ее порвать всякія сношенія со своими прежними знакомыми. Два года Медынцева прожила въ заточеніи у игум. Митрофаніи, и это время Митрофанія использовала въ своихъ интересахъ. По ея требованію Медынцева избрала себѣ опекуномъ Макарова, человѣка, который не только не мѣшалъ осуществленію преступныхъ замысловъ Митрофаніи противъ Медынцевой, но и помогалъ ей. Митрофанія подъ видомъ прошеній о снятіи опеки давала Медынцевой подписывать бланки, впослѣдствіи дѣлавшіеся обязательствами на большія суммы.

Увезя ее въ Петербургъ, Митрофанія только тогда согласилась отпустить Медынцеву въ Москву, когда послѣдняя подписала нѣсколько чистыхъ листовъ бумаги, на которыхъ должны были быть написаны прошенія о снятіи опеки. Эти бумаги впослѣдствіи оказались векселями.

Кромѣ этого Митрофанія, подъ предлогомъ того, что для снятія съ Медынцевой опеки необходимы 50 т. руб., выманила у нея на эту сумму векселей.

Такими способами Митрофанія получила отъ Медынцевой на имя близкихъ Митрофаніи лицъ: Трахтенберга, Махалина и Красныхъ долговыхъ обязательствъ на сумму 300,000 руб., при чемъ всѣ эти обязательства были написаны болѣе ранними числами, т.-е. оказались датированными тѣмъ временемъ, когда надъ Медынцевой еще не было учреждено опеки.

Обвиненіе Митрофаніи во второй группѣ дѣяній заключалось въ томъ, что она составила отъ имени купца Лебедева нѣсколько подложныхъ векселей на сумму 16,000 руб.

Лебедевъ былъ членомъ Петербургской общины сестеръ милосердія. Какъ членъ общины, онъ зналъ игум. Митрофанію, которая, когда были обнаружены подложные векселя, объяснила, что векселя эти Лебедевъ далъ ей въ видѣ пожертвованія на общину, согласно ея о томъ просьбы.

Помимо обстоятельствъ дѣла, опровергавшихъ такое объясненіе, ложность его была твердо установлена экспертами, которые, произведя тщательное изслѣдованіе подписей на векселяхъ, пришли къ единодушному заключенію, что подписи эти подложны.

Наконецъ, послѣдняя группа предъявленныхъ къ игуменьѣ Митрофаніи обвиненій заключалась въ составленіи цѣлаго ряда подложныхъ обязательствъ и расписокъ отъ имени извѣстнаго въ то время московскаго богача Гавріила Солодовникова. Отъ его имени были составлены: векселя на сумму 460,000 р., рядъ расписокъ на 500,000 р. и одна расписка на 580,000 р.

Относительно всѣхъ этихъ обязательствъ Солодовникова игум. Митрофанія показала, что они представляютъ собою добровольныя пожертвованія Солодовникова. Но и въ дѣлѣ Солодовникова всѣ обстоятельства говорили противъ такого утвержденія Митрофаніи. Къ тому же векселя эти, будто бы выданные игуменьѣ, продавались ею за незначительныя суммы, а для большей вѣрности къ векселямъ обвиняемой представлялись дополнительныя расписки, подтверждающія ихъ подлинность. Заключеніе экспертовъ разсѣяли въ этомъ отношеніи всякія сомнѣнія: всѣ векселя и расписки были признаны подложными.

Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ игуменья Митрофанія настаивала на своей полной невиновности. Обвиняемая сама допрашивала свидѣтелей, стараясь доказать, что ко всѣмъ воззведеннымъ на нее обвиненіямъ она совершенно непричастна.

Въ своихъ объясненіяхъ игуменья указывала на свою подвижническую

жизнь, посвященную Богу. Она указывала на свою плодотворную работу на поприщѣ благотворительности, на необходимость этой работы, на то, наконецъ, что безъ нея рушатся всѣ тѣ учрежденія, которыя она съ такимъ трудомъ создала.

Присяжные засѣдатели, оправдавъ всѣхъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ соучастіи съ главной обвиняемой, признали игуменью Митрофанію виновной, но заслуживающей снисхожденія по всѣмъ предъявленнымъ къ ней обвиненіямъ.

Приговоромъ Суда она присуждена къ лишенію всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Енисейскую губернію.

Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскихъ истцовъ — опекъ Медынцевой и Солодовникова.

Гг. судьи и присяжные засѣдатели!

Пришло время свести счеты игуменьѣ Митрофаніи по дѣламъ ея съ Солодовниковымъ и Медынцевой, за которыхъ я пришелъ ходатайствовать на судѣ. Пришло время рѣшить: клевета враговъ или темнота собственныхъ поступковъ привели игуменью и весь этотъ штатъ на скамью подсудимыхъ.

Десятидневное, доказанное вашими вопросами, вниманіе къ дѣлу обязываетъ меня щадить ваше время, и вы позволите мнѣ прямо вступить въ средину этого дѣла, прямо заняться рѣшеніемъ существеннаго вопроса процесса.

Хороши ли документы, написанные отъ имени Медынцевой? Взяты ли они задними числами, когда она еще не была подъ опекой? Выманены ли путемъ обмана и пущены въ свѣтъ съ цѣлью разорить ее?

На этотъ вопросъ нѣтъ возраженія.

Особенность процесса Медынцевой въ томъ и состоитъ, что подсудимые не отвергаютъ обмана, только стараются свалить зло съ одной головы на другую.

Отъ хорошей вещи, отъ честнаго дѣла никто не отказывается: хорошую вещь не прочь имѣть и тотъ, кому она не принадлежитъ. А здѣсь мы видимъ не то: всякій чуждается этихъ векселей!

Спрашиваемъ Трахтенберга: ваши эти векселя? — Нѣтъ, нѣтъ, это матушка мнѣ ихъ дала... Спрашиваемъ Красныхъ: а на ваше имя писанные—ваши? — Нѣтъ, мнѣ матушка велѣла написать, я напи-

салъ и ей отдалъ... Макаровъ тоже отмахивается рукой въ ея сторону, а игуменья, въ свою очередь, валитъ вину на Макарова, Трахтенберга и Толбузина...

Есть векселя, писанные на подрядчиковъ общины и на монахинь, но и тѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ, что съ Медынцевой векселей не брали, дѣлъ не имѣли и что до опеки она была имъ неизвѣстна.

Казалось бы, при такомъ порядкѣ вещей слѣдствіе должно было остановиться на тѣхъ, на чьи имена писаны векселя. Но, къ чести правосудія, оно не остановилось на внѣшности, на орудіяхъ преступленія: оно проникло вглубь, отыскало дѣйствительныхъ виновниковъ, отыскало душу преступленія и предложило труды свои вашему вниманію.

Слѣдствіе доказало вамъ, что было время, когда Медынцева, отданная подъ опеку, жила у игуменьи Митрофаніи и подчинялась ея вліянію.

Защита не оспариваетъ подобной черты характера Медынцевой и въ теченіе этихъ дней очень часто обращала вниманіе на то, что и сейчасъ Медынцева подчиняется слѣпо вліянію тѣхъ, кто ее окружаетъ и кому она вѣритъ.

Медынцева была такою и тогда, и игуменья имѣла всѣ средства взять съ нея бланки.

Но когда они взяты?

Обвиненіе предполагаетъ, что это случилось въ квартирѣ Трахтенберга, когда взяты были съ нея подписи на продолговатыхъ, бѣлыхъ бумажкахъ.

Я не стану поддерживать этого положенія. Медынцева, съ полною откровенностью показывавшая о дѣлѣ, что́ она помнитъ, разсказала, что всегда и вездѣ безпрекословно подписывала все, что ей приказывала игуменья; но, разсказывая, что она помнитъ, она сочла долгомъ не утверждать того, чтобъ эти бѣлыя бумажки были векселя.

Не уловивъ момента, когда были взяты бланки, обвиненіе и потерпѣвшая сторона ничего отъ этого не теряютъ. Въ дальнѣйшей судьбѣ векселей, въ пользованіи ими и способѣ ихъ обращенія, выясняются люди, которымъ эти векселя были надобны, и средства, какими они пользовались при этомъ.

У насъ — фактъ, что текстъ векселей въ большинствѣ написанъ измѣненною рукой игуменьи, въ чемъ она здѣсь созналась, хотя и отрицала это на слѣдствіи; фактъ — что они написаны на имя ея

послушницъ, на имя ея подрядчиковъ и ея спутниковъ въ дѣлахъ — Махалина, Трахтенберга.

Какимъ же образомъ могло случиться, что обманывали Медынцеву Трахтенбергъ и Толбузинъ съ Макаровымъ, а на векселяхъ появлялись, не отвергаемые ея послушницами, безоборотные бланки и собственноручные тексты игуменьи?

Игуменья говоритъ, что тексты и бланки были заранѣе написаны для дѣлъ Смирновыхъ, что эти тексты и бланки исчезли и ими злоупотребили ея бывшіе друзья и ближніе.

Неправдоподобное объясненіе!

По дѣлу Лебедева игуменья говорила другое,—что она, напротивъ, любительница, на случай нужды, брать съ купцовъ бланки безъ текста, а здѣсь увѣряла, что у ней заранѣе заготовляются, на случай надобности, тексты безъ подписей.

Затѣмъ,—есть правда или нѣтъ ея въ объясненіяхъ игуменьи о похищеніи бланковъ,—но написанныя заднимъ числомъ и выманенныя у Медынцевой подписи на векселяхъ въ началѣ 1873 года всѣ собираются въ рукахъ игуменьи. Это—время сушкинской сдѣлки. Она очень характерна. Въ ней мы увидимъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой обирающей Медынцеву компаніи и единодушную ихъ работу для этой цѣли.

Изъ словъ Ушакова вы знаете, что на 150.000 рублей векселей Медынцевой онъ свезъ къ Сушкину. Сушкинъ не изумлялся, не сомнѣвался: отъ игуменьи онъ уже зналъ о товарѣ, ему предложенномъ. За векселя онъ заплатилъ полтину за рубль, заплатилъ товаромъ, который цѣнилъ втридорога; и свидѣтели обвиненія, и свидѣтели защиты единогласно свидѣтельствуютъ о чудовищномъ барышѣ, о ростовщической жестокости Сушкина, который захотѣлъ попользоваться 150.000 руб. Медынцевой, заплативъ за это много-много по 30 или 35 коп. за рубль.

Куда же пошли вырученныя деньги?

Въ общину и къ Макарову.

Изъ чего состояли векселя?

Изъ векселей руки Митрофаніи и прибавленнаго десятаго векселя, писаннаго на имя Яненко, свояченицы Макарова. Эта Яненко признаетъ, что она писала его по просьбѣ Макарова. Прежде она говорила, что подпись Медынцевой уже была; на судѣ она отступила отъ прежняго показанія: она сказала, что, когда текстъ былъ написанъ, подписи не было.

Мы не вѣримъ этому: это показаніе поддѣлывается подъ объясне-

ніе Макарова, на судѣ утверждавшаго, что этотъ вексель безъ подписи онъ вручилъ игуменьѣ, а та уже добыла подпись Медынцевой. Мнѣ кажется до очевидности яснымъ, что Макаровъ былъ владѣльцемъ этого векселя, что онъ просилъ Яненко, какъ она и показала на слѣдствіи, вписать текстъ.

Зачѣмъ же онъ попалъ къ нему?

Да недаромъ же Макаровъ, опекунъ Медынцевой, помогалъ игуменьѣ и Сушкину обобрать Медынцеву!

Что за безкорыстное служеніе злу!..

И вотъ вексель на имя Яненко и часть денегъ, уплаченныхъ Ушаковымъ Макарову и Порохонцеву, обличаютъ Макарова. Нѣтъ сомнѣнія, что бланкъ Медынцевой есть даръ, предложенный Макарову за содѣйствіе при сбытѣ векселей опекаемой.

И поработалъ Макаровъ!

Въ опекунскихъ бумагахъ мы читаемъ: запросъ Сушкина опекѣ о достоинствѣ векселей Медынцевой; такой же запросъ опекуна—Медынцевой, и ея покорное признаніе, что эти векселя дѣйствительны и писаны въ 1869 и 1870 годахъ, до опеки.

А вѣдь о томъ, что эти векселя дурны и эта подписка Медынцевой не вѣрна, никто не споритъ.

Къ чему же было лгать себѣ во вредъ Медынцевой?

Подписка эта могла быть взята или принужденіемъ, или на заранѣе подписанномъ бланкѣ, данномъ Макарову. Но Медынцева не обвиняетъ Макарова въ принужденіи и взятіи бланковъ; слѣдовательно, этимъ матеріаломъ его ссудила та личность, которая владѣла такими бумагами, а личность эта — игуменья, по свидѣтельству ряда лицъ, здѣсь допрошенныхъ.

Этимъ работа не кончилась.

Домашнія подтвержденія недостаточны для Сушкина, и Макаровъ задумалъ взять съ Медынцевой подтвержденіе нотаріальное, чтобы ни время, ни мѣсто взятія бумаги не подлежали сомнѣнію.

Является къ Медынцевой нотаріусъ Подковщиковъ и беретъ заявленіе. Макаровъ сидитъ уже у Медынцевой и даетъ ей совѣтъ подписать заявленіе, обнадеживая ее ничтожностью этой бумаги. Никого другого, кто бы, повидимому, отъ игуменьи дожидался этой бумаги, нотаріусъ не видалъ. Кто же, какъ не Макаровъ, бралъ эту бумагу?

А въ это время не дремлетъ и игуменья. Обезпеченная первымъ завѣщаніемъ Медынцевой, совершеннымъ у нотаріуса Рукавишникова въ пользу общины, игуменья замѣняетъ это завѣщаніе другимъ. Ме-

дынцева ѣдетъ въ Серпуховъ и, при участіи священниковъ Владычнаго монастыря въ качествѣ свидѣтелей, совершаетъ завѣщаніе, гдѣ спеціально подтверждаетъ свои до опеки данные долги, долги, которыхъ, по общему сознанію всѣхъ, не существуетъ.

Не Медынцевой нужна была эта ложь, а тѣмъ, кого это касалось. Что завѣщаніе есть дѣло игумены — это несомнѣнно: оно у ней и хранилось до сихъ поръ. Что этимъ завѣщаніемъ укрѣплялись интересы Сушкина — ясно; что съ этою цѣлью оно писалось — несомнѣнно. Значитъ, въ Серпуховѣ хлопотали о Сушкинѣ и интересовались имъ.

Получивъ эти векселя, Сушкинъ хорошо понималъ, что они — низкой пробы.

Какъ же поправить дѣло?

Придумано недурно: Сушкинъ, старожилъ московскій, хорошо знающій, что Медынцева живетъ въ Москвѣ, знающій это отъ ея опекуновъ, съ которыми велъ переговоры до покупки векселей, вдругъ усылаетъ векселя для взысканія въ Курскъ, Орелъ и Тамбовъ. Переѣзжая изъ города въ городъ, его услужливый повѣренный заявляетъ, что Сушкину неизвѣстно мѣстожительство Медынцевой, и вызываетъ ее чрезъ Сенатскія Вѣдомости. Кто изъ гражданъ читаетъ эту газету? Никто. Пройдетъ срокъ, и вотъ по закону суды постановятъ заочное рѣшеніе, оно войдетъ въ законную силу. Сушкину выдадутъ исполнительные листы, съ которыми уже спорить нельзя, и деньги отдать придется.

Но, къ счастію, въ лицѣ опекуна Гатцука и повѣреннаго Иванова, Медынцева встрѣтила защиту. Было доведено до свѣдѣнія властей о подковщиковской бумагѣ, и приняты законныя мѣры къ уничтоженію вредныхъ послѣдствій.

Тогда пошла иная работа, направленная къ тому, чтобъ устранить вредныхъ людей, а вредные люди — тѣ, кто мѣшаетъ обобрать Медынцеву. Вы знаете, что старались смѣстить Гатцука: именемъ Медынцевой, безъ ея воли, уничтожаютъ въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ довѣренность, данную Иванову.

„За что же вы лишаете меня полномочія? Не я ли спасъ васъ отъ разоренія, задуманнаго Макаровымъ?“ — спрашивалъ онъ довѣрительницу.

Она изумлена. Она этого не дѣлала.

Тогда дѣлается въ газетахъ новая публикація и обнаруживается ложь первой.

Что же дѣлаетъ Макаровъ? Онъ спѣшитъ заявить, что первая пу-

бликація была искажена, что типографія ошиблась. Публикація эта дѣлается отъ имени типографіи, въ родѣ извѣщенія объ опечаткѣ.

Но кто не видывалъ, кто не читывалъ Полицейскія Вѣдомости? Скажите мнѣ, случалось ли вамъ встрѣтить редакторскія поправки въ этой газетѣ?

Не запомню такого случая.

Поэтому та особая щепетильность, съ какою исправляется первая публикація Медынцевой, не есть ли дѣло Макарова, который увидалъ, что онъ нарвался въ этомъ дѣлѣ?

Я думаю, что дѣло Сушкина — общее дѣло игуменьи и Макарова...

Векселя на имя Красныхъ носятъ тотъ же слѣдъ работы игуменьи и Макарова. Красныхъ признался, что игуменья упросила его написать текстъ, указывая на благо общины; игуменья факта не отвергаетъ. А по передачѣ этихъ векселей какой-то г-жѣ Тицнеръ, по словамъ того же чистосердечно сознающагося Красныхъ, вѣдь ужъ не игуменья, а Макаровъ потребовалъ расписки о продажѣ векселей и полученіи расчета.

Кромѣ Тицнеръ, оказались векселя еще на имя несуществующаго лица, Карпова. Отъ Карпова они переходятъ къ какому-то Мейергейму.

Гдѣ этотъ Мейергеймъ? Кто онъ?

Этого, какъ и личности Тицнеръ, мы не могли узнать.

Вообще, кромѣ Сушкина, характеръ котораго и жадность къ наживѣ мы достаточно изучили и котораго смерть освободила отъ отвѣтственности, прочіе владѣльцы куда-то скрылись, куда-то бѣжали... Темные люди... Они охотно вступили въ темное дѣло и скрылись отъ опасности, выдавъ одну игуменью, расчитывая, не спасетъ ли ее санъ и положеніе, не удастся ли ей какимъ-нибудь способомъ обмануть правосудіе и выйти чистою.

А если это совершится?

О! Тогда выползутъ они изъ своихъ норъ и, осмѣливая слабость правосудія, начнутъ рвать въ куски чужое добро и уже не спрячутся, а гласно будутъ заявлять свое мѣстожительство, можетъ быть, придадутъ ему блескъ и роскошь на добытыя средства...

Но довольно объ этомъ. Темное происхожденіе и ничтожность добытыхъ обманомъ векселей явны, явно и участіе подсудимыхъ. Оно вызвало со стороны сиротскаго суда преслѣдованіе. Къ нему присоединилась Медынцева. Началась борьба.

И какія же средства для этой борьбы затѣяла игуменья?

Игуменья подрываетъ значеніе слѣдствія тѣмъ, что поданная Медынцевой жалоба писана не ею, а мною, а ею подписана.

Да, это такъ. Но что же изъ этого?

Развѣ просьбы, подаваемыя суду, пишутся тѣми, кто подписывался? Развѣ вы, являясь къ вашему повѣренному или знающему законы человѣку, заставляете его подъ вашу диктовку писать нужныя бумаги? Вы излагаете ваше желаніе, просьбу, обстоятельства, а знающій человѣкъ или адвокатъ даетъ отдѣлку или форму бумагѣ.

И мнѣ странно, что на это обращено вниманіе ваше не только подсудимыми, но и защитой игуменьи.

Развѣ въ вашемъ портфелѣ, въ вашей дѣятельности нѣтъ такихъ случаевъ? Развѣ вы стѣсняете себя способомъ выраженія неразвитыхъ просителей, заявляющихъ свои справедливыя, но неловко выраженныя просьбы?

Адвокатъ—не писарь: онъ обязанъ согласоваться съ желаніемъ, а не съ развитіемъ кліента.

Защита подрываетъ дѣло, указывая на нравственные недостатки такихъ свидѣтелей, каковы Толбузинъ и Ефимовъ, и ставитъ это въ укоръ обвиненію.

Да развѣ они — основа дѣла? Развѣ на нихъ держится дѣло и наше требованіе?

Съ довѣріемъ къ Толбузину мы не относимся: два года — приближенный игуменьи, два года — наперсникъ ея торговопромышленныхъ тайнъ, пособникъ ея въ дѣлахъ Медынцевой, могъ ли онъ остаться добросовѣстною личностью? Онъ — улика, живое обличеніе игуменьи. Онъ—страшенъ намъ, и опека ни минуты не сомнѣвается въ его вредномъ вліяніи на Медынецеву.

Но на судъ нельзя тянуть человѣка нехорошаго, пока не уловятъ его въ дѣлахъ. А вѣдь Толбузинъ именно и стоитъ въ такомъ положеніи...

Говорятъ, что ему и Трахтенбергу данъ былъ вексель на 6.000 рублей отъ имени Медынцевой. Но вѣдь вексель этотъ нашелся не у него, а у игуменьи, и написанъ онъ на имя одного Трахтенберга. Онъ сознаетъ, что расписку въ 6.000 рублей игуменья просила его написать на его имя, но мы ее не могли найти.

Словомъ, пока Медынцева была въ рукахъ Макарова и игуменьи Митрофаніи, явилось на сотни тысячъ векселей, а теперь, пока не оторваны еще отъ Медынцевой Ефимовъ и Толбузинъ, никакихъ обязательствъ не появляется.

А если эти люди, обойдя бдительность теперешней опеки, сумѣютъ

воспользоваться Медынцевой, то развѣ сегодня же закроется судъ на Руси? Уйдете вы домой, — на ваши мѣста сядутъ другіе; вотъ эта рѣшетка и скамья подсудимыхъ не уберутся; мы не устанемъ просить тѣхъ, кто займетъ ваши судейскія мѣста, о законности и правосудіи.

Новая опека — опека энергичная. Съ передачей въ руки ея дѣлъ Медынцевой судебная власть встрѣтила поддержку и ни малѣйшаго противодѣйствія. Медынцева въ первый разъ спокойна и довольна ею.

Начинать же съ Толбузина и Ефимова было бы безтактно. Это — маленькіе и неопасные злодѣи. Преслѣдуя маленькихъ, мы даемъ дерзость большимъ, а справившись съ большими, до маленькихъ дойти всегда успѣемъ. Когда, войдя въ кладовую, хозяинъ выгоняетъ тайно забравшихся крысъ, — и мыши разбѣгутся по норкамъ...

Далѣе защитникъ разбираетъ показанія инокинь и показаніямъ монахинь Магдалины и Зинаиды противополагаетъ показаніе монахини Ѳеодосіи.

Она сперва дала благопріятное для игуменьи показаніе, но затѣмъ, мучимая совѣстью, показала слѣдователю, что она боялась депутата отъ духовнаго вѣдомства, оттого и говорила, что вексель Медынцевой она писала по приказанію игуменьи. Ея слова: „я въ монастырь пошла не для того, чтобы лгать!“, ея слова: „я подъ присягой лгать не могу!“ — какой укоръ игуменьѣ, какое обличающее тайну ея обители слово!..

Отъ тѣхъ показаній, въ которыхъ есть все, кромѣ правды,—какъ разнится свидѣтельское показаніе архимандрита Григорія!

Вотъ свидѣтель—не изъ подвластныхъ игуменьи Митрофаніи, свидѣтель, носящій на себѣ высокій санъ монашества и долгъ священства. Глядите, какъ онъ держитъ себя на судѣ. Одно слово его за игуменью могло бы поколебать обвиненіе, но онъ дорожитъ правдой и поэтому ничего полезнаго не можетъ сказать для обвиняемой.

Тою же правдой дорожитъ и выше его стоящій архипастырь, митрополитъ Иннокентій, письмо котораго мы прочли вчера. Каждое слово, каждое выраженіе его знаменательны.

Вы помните, что игуменья, по словамъ владыки, два раза привозила къ нему Медынцеву. „Разъ она была одѣта, — говоритъ митрополитъ, — неприлично, крайне бѣдно; а другой разъ — прилично“.

Слышите: не успѣла еще сшить ей приличнаго платья, а везетъ уже къ владыкѣ. Зачѣмъ такая торопливость?

Отвѣтъ въ томъ же письмѣ.

„Игуменья,— продолжаетъ архипастырь,— сказала, что Медынцев жертвуетъ общинѣ домъ", что Медынцева подтвердила.

Вотъ зачѣмъ ее возила игуменья Митрофанія. Не успѣла одѣть, а беретъ уже съ нея домъ.

Замѣтьте еще, что у владыки эта словоохотливая женщина, которая здѣсь говорила такъ много о себѣ, о своей опекѣ, молчитъ и только подтверждаетъ чужую рѣчь — рѣчь игуменьи.

Слышите ли вы въ этомъ ту дѣятельность, которую мы и доказываемъ,—что игуменья держала Медынцеву въ рукахъ и заставляла ее только подтверждать ея слова, запрещая всякую отъ себя исходящую бесѣду, всякое проявленіе своей личной воли?

Вотъ, когда началось дѣло съ Н. Медынцевымъ, когда онъ цѣною дома въ 125.000 рублей и обязательствъ на 50.000 рублей купилъ право говорить съ матерью, игуменья дѣйствуетъ иначе: Николая Медынцева она съ собой не везетъ къ владыкѣ, а, по словамъ письма, только доноситъ о немъ архипастырю. Обвиняемая знала, что онъ скажетъ, почему онъ рѣшился на вынужденную жертву, и что архипастырь не похвалитъ затѣй игуменьи...

Указавъ еще на нѣсколько данныхъ по дѣлу противъ подсудимыхъ, защитникъ такъ заключилъ свою рѣчь по дѣлу Медынцевой:

Неприглядная картина рисуется передъ нашими глазами, когда мы вспомнимъ все, что продѣлывалось съ этою женщиной!

И кѣмъ продѣлывалось?!

Игуменья — душа этого дѣла; темныя личности, въ родѣ тѣхъ, кого она привела съ собой на скамью, и тѣхъ, чьи имена такъ часто повторялись на судѣ,— Фриденсоны, Сушкины, Тицнеры, Мейергеймы,— ея друзья и сообщники сомнительныхъ денежныхъ сдѣлокъ.

Инокини—векселедержательницы и бланконадписательницы, и потомъ услужливыя ея свидѣтельницы на судѣ. И какія, къ стыду своему, свидѣтельницы!

Вѣрь, послѣ этого, внѣшности!

Путникъ, идущій мимо высокихъ стѣнъ Владычнаго монастыря, ввѣреннаго нравственному руководительству этой женщины, набожно крестится на золотые кресты храмовъ и думаетъ, что идетъ мимо дома Божьяго,—а въ этомъ домѣ утренній звонъ подымалъ настоятельницу и ея слугъ не на молитву, а на темныя дѣла!

Вмѣсто храма — биржа; вмѣсто молящагося люда — аферисты и скупщики поддѣльныхъ документовъ; вмѣсто молитвы — упражненіе въ составленіи вексельныхъ текстовъ; вмѣсто подвиговъ добра — приготовленіе къ ложнымъ показаніямъ,—вотъ что скрывалось за стѣнами.

Стѣны монастырскія въ нашихъ древнихъ обителяхъ скрываютъ отъ монаха мірскіе соблазны, а у игуменьи Митрофаніи—не то...

Выше, выше стройте стѣны ввѣренныхъ вамъ общинъ, чтобы міру не было видно дѣлъ, которыя вы творите подъ покровомъ рясы и обители!..

Игуменья говоритъ: „не для себя,—для Бога я дѣлала все это!"

Я не знаю, для чего совершали это ограбленіе, но Богу такихъ жертвъ не надо. Каинова жертва не можетъ быть Ему пріятна; лепта добровольнаго приношенія вдовицы Ему—лучше золота фарисейскаго.

Ей это извѣстно лучше насъ!

Такъ пусть же не прикрывается она этимъ, пусть кощунствомъ не обморочиваетъ умы. Пусть ея дѣла, во всей наготѣ своей, свидѣтельствуютъ на нее и на друзей ея!..

Солодовниковское дѣло,—этотъ вѣнецъ дѣлъ игуменьи, по выраженію обвинительной власти,—имѣетъ ту особенность, что подсудимой не на кого сбрасывать вины.

Люди медынцевскаго кружка давно оказались ненадежными: дерзость преступленія могла смутить преданныхъ ей инокинь;—пришлось все совершить одной, довѣривъ лишь часть тайны Махалину.

Если же сбрасывать вины не на кого, то оставалось одно средство—отрицать преступленіе, отрицать до крайности, съ невозможной, раздражающей смѣлостью, отбиваться средствами отчаянной схватки, которыя сами по себѣ обличаютъ подсудимую въ томъ, въ чемъ ее обвиняетъ прокуратура и за что преслѣдуемъ мы.

Вы слышали, что чудовищная масса векселей—на 460.000 рублей, рядъ расписокъ—на 35.000 рублей, на 50.000 рублей, на 200.000 рублей, двѣ по 250.000 рублей и, наконецъ, расписка на 580.000 рублей,—вотъ творенія ея рукъ. Сумма, далеко превышающая все состояніе Солодовникова,—вотъ приписываемая ему жертва. Сотни писемъ и записокъ, будто бы имъ писанныхъ, писанныхъ, когда онъ еще былъ живъ, и направленныхъ на то, чтобы подорвать настоящее дѣло,—вотъ средства ея борьбы.

Мы усомнились въ этой жертвѣ и начали борьбу.

Что же сказало слѣдствіе въ нашу защиту?

Обзоръ документовъ, сдѣланный вами и экспертизой, показалъ, что мы имѣемъ дѣло съ подлогомъ. Вы слышали слово экспертовъ: никогда еще на судѣ не раздавалась такая энергическая, такая богато мотивированная рѣчь свѣдущихъ по этого рода дѣлу людей. Потративъ нѣсколько дней напролетъ на самое тщательное изученіе рукописей настоящаго дѣла, доказавъ своими отвѣтами по дѣлу Ле-

бедева и по вопросу о сличеніи почерковъ игумены на разныхъ векселяхъ осторожность, они рѣзко и рѣшительно высказались о подлогѣ документовъ Солодовникова и его писемъ.

Литографъ Беканъ взялся на судѣ публично изложить ходъ мысли экспертовъ и указать на матеріалы, которые дали основаніе ихъ мнѣнію. Онъ чертилъ вамъ буквы, какъ ихъ пишетъ Солодовниковъ и какъ онѣ написаны въ подложныхъ бумагахъ, и вызывалъ защиту указать отступленія или исключенія.

Она не нашла ихъ.

Онъ открылъ вамъ, что подъ подражаніемъ рукѣ Солодовникова, старческой, дряблой, но весьма оригинальной, скрывается рука, пишущая прекрасно, владѣющая почти искусствомъ каллиграфа.

То же сказали и другіе эксперты.

Они сказали и доказали вамъ, что, кромѣ неумѣнія писать, Солодовниковъ не зналъ и правописанія, и привели рельефные примѣры на словахъ „генварь“, „дикабрь“, которыя написаны правильно лишь въ документахъ игумены. Они указали вамъ, что Солодовниковъ писалъ свое отчество всегда „Грасимовичъ“, сливая оригинально букву е и букву р въ одну букву, а на подложныхъ документахъ вездѣ написано „Герасимовичъ“. Эти указанія весьма важны.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего Солодовниковъ, всегда пишущій однимъ почеркомъ, только для игумены перемѣнилъ его? Отчего, всегда пишущій неправильно, только для игумены Солодовниковъ пишетъ и отчество свое, и названіе мѣсяцевъ безупречно въ грамматическомъ отношеніи?

Отвѣтъ—одинъ: оттого, что не Солодовникова, а чужая рука, умѣющая писать какъ каллиграфъ, знающая грамматику, потрудилась за него.

Хорошо пишущій можетъ еще иногда писать дурно; но чтобы Солодовниковъ, до 70 лѣтъ писавшій дурно, связно, такъ что трудно читать, вдругъ бы съ 18 декабря 1870 года по 5 января 1871 года сталъ писать каллиграфически—это невозможно и прямо изобличаетъ поддѣлку. Точно такъ же, вдругъ появившаяся грамматическая правильность въ названіи мѣсяцевъ, правильность, исключительно замѣченная въ документахъ игумены и не повторяющаяся въ современныхъ поддѣлкѣ безспорныхъ документахъ, можетъ быть объяснена лишь преступнымъ происхожденіемъ документовъ. А характеристическая манера писать „Грасимовичъ“ вмѣсто „Герасимовичъ“, развѣ не улика?..

Правда, защита обращала ваше вниманіе на то, что поддѣлыватель не станетъ настолько свободно отступать отъ оригинала.

Но защита забыла, что единственный безспорный документъ — расписка въ 6.000 рублей, бывшій въ рукахъ игуменьи и подписанный именемъ, отчествомъ и фамиліей, былъ ею поданъ ко взысканію еще въ 1871 году, при жизни Солодовникова, когда о поддѣлкѣ она еще и мысли не имѣла, — откуда онъ, оплаченный, тогда же перешелъ къ намъ, и у игуменьи не было подписаннаго отчествомъ оригинала. У нея оставались письма Солодовникова, которыя ей и служили оригиналами, а въ письмахъ отчествомъ не подписываются; вотъ почему ей слово „Герасимовичъ“ пришлось воспроизводить по отдѣльнымъ буквамъ, и оно изобличило ее.

На экспертизу, конечно, будутъ нападки, будутъ говорить: что за наука чистописаніе!

Но, господа, не всегда научныя свѣдѣнія необходимы для суда бываютъ предметы и вопросы, гдѣ спорный вопросъ есть вопросъ ремесленный, гдѣ хорошій мастеръ — лучшій экспертъ дѣла. Едва ли портной не лучше всѣхъ рѣшитъ вопросъ о прочности шитья; едва ли мастеръ фабрики не лучше всѣхъ укажетъ достоинства и недостатки издѣлій, которыя онъ производитъ.

Чистописаніе — не наука, письмо — не премудрость, но все же никому, какъ лицамъ, занимающимся обученіемъ письму, исправленіемъ почерка, лицамъ, постоянно воспроизводящимъ въ качествѣ граверовъ и литографовъ чужія письмена, такъ не знакомъ навыкъ видѣть малѣйшія особенности почерка и находить сходство и несходство въ сравниваемыхъ рукописяхъ.

Беканъ — экспертъ, вызванный самой защитой, сверхъ того, доказалъ, что̀ можетъ сдѣлать любовь къ дѣлу и добросовѣстное исполненіе обязанности: онъ показалъ, что не сразу, не съ перваго впечатлѣнія, а по сличеніи и сравненіи всѣхъ особенностей, давая заключеніе о дѣлѣ, экспертиза письма можетъ имѣть убѣждающее значеніе въ процессѣ.

Сама защита почувствовала силу этой экспертизы и прибѣгла къ рѣшительному испытанію ея: съ разрѣшенія суда она предлагала г. Бекану нѣсколько дѣйствительныхъ и фальшивыхъ писемъ Солодовникова, съ тѣмъ, чтобы онъ различилъ ихъ, и вы помните, съ какимъ торжествомъ вышелъ изъ этой борьбы экспертъ.

На такую экспертизу можно положиться. Съ знаніемъ она соединила и нравственное достоинство: энергическіе, прекрасно мотивиро-

ванные отвѣты ея говорили ясно, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, убѣжденными въ правотѣ своего мнѣнія.

Отъ единогласной экспертизы отдѣлился только одинъ Михайловъ. Одинъ онъ твердилъ, что вездѣ и во всемъ онъ видитъ полное сходство.

„Почему“,—невольно задавали мы вопросъ,—„вы держитесь особаго мнѣнія?“

Но отвѣта не получали!

Его письменное мнѣніе лишено было всякой попытки на опредѣленность, его отвѣты вы сами помните. Когда же послѣ Бекана предложили и ему объяснить ходъ его мыслей, то онъ для объясненія своего мнѣнія представилъ предположеніе о томъ, что Солодовникову кто-то указывалъ, какъ писать отчество, когда онъ писалъ векселя игуменьи, что расписки онъ списывалъ съ какого-то оригинала, словомъ,—рядъ такихъ выводовъ, которые не рѣшалась поддерживать даже сама обвиняемая.

Я не вѣрю этому эксперту, да и вы не повѣрите.

Экспертиза требуетъ двухъ качествъ: знанія дѣла и добросовѣстности. Безъ знанія — невозможно производить экспертизу, безъ нравственныхъ качествъ—невозможно ручаться за соотвѣтствіе отвѣта эксперта съ тѣмъ, что онъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ. Обоими ли этими свойствами обладаетъ Михайловъ,—вамъ то подскажетъ ваша совѣсть...

Но довольно объ экспертизѣ: и безъ нея, если бъ ея вовсе не было, подлогъ былъ бы очевиденъ.

Припомните, что тексты на солодовниковскихъ векселяхъ, подобно тому, какъ и на медынцевскихъ документахъ, писаны Митрофаніей. Это она признаетъ. Но было время, когда она отступалась отъ этого, такъ что понадобилась экспертиза, которая и узнала руку. Рука измѣнена,—иначе бы отказываться было нельзя,—измѣнена настолько, что даже Михайловъ далъ о сходствѣ ея нерѣшительный отвѣтъ.

А зачѣмъ сдѣлано это измѣненіе почерка и затѣмъ — отказъ отъ своей руки? Цѣль очевидна: игуменья знала, что векселя эти нечисты, что они — плодъ преступленія,—вотъ почему она и заметала слѣдъ и отказывалась отъ своей работы.

Невинный человѣкъ, какое бы преступленіе ни совершилось въ мѣстности, въ домѣ, гдѣ онъ провелъ время,—такъ не дѣлаетъ: онъ не боится сказать правды; а лицо, которое знаетъ за собой дурное, старается всѣми силами уничтожить слѣды своей работы и своего пребыванія въ заподозрѣнной мѣстности. Такъ поступила и игуменья.

Выдаетъ ее и другой образъ дѣйствій: вспомните с б ы т ъ векселей.

Въ 1872 году наступаютъ сроки векселямъ. Ей нужны деньги. Не проще ли было бы дать знать наслѣдникамъ, что у нея—груды векселей, сотни тысячъ пожертвованій? Но она скрываетъ векселя и продаетъ ихъ тайно. Не проще ли было бы въ любомъ банкѣ дисконтировать? Фирма Солодовникова прочна, вѣра въ нее не поколеблена: банки изъ-за одной копейки въ мѣсяцъ учли бы векселя.

Но и этого не дѣлается, а по 60 коп., по 50, даже по 40 коп. за рубль сбываются эти векселя темнымъ личностямъ подъ строгимъ секретомъ.

Хорошій товаръ, гг. присяжные, не такъ сбываютъ. На хорошій товаръ есть и хорошій покупатель,— неси лишь на базаръ свое сокровище. Но если товаръ краденый, воровской, низкопробный,— тогда бѣда съ нимъ показаться на биржѣ. Такой товаръ сбываютъ изъ-подъ полы, въ темныхъ закоулкахъ, темнымъ, промышляющимъ покупкой краденаго, людямъ.

И не то ли самое мы видимъ? Кому сбыты векселя? Какіе-то могилевскіе и минскіе евреи,—какіе-то Израильсоны, Фриденсоны, Маасы, Мейеры, Эпштейны, Россіянскіе выползли изъ своихъ норъ, скупили и ждутъ минуты запустить свои жадныя до чужого руки въ чужое добро. Ужъ по одному этому видна доброкачественность векселей.

Эти люди напоминаютъ мнѣ червей: ихъ не видать на свѣжемъ кускѣ мяса, на свѣжемъ, только-что созрѣломъ плодѣ. Но они кишатъ на всемъ разлагающемся и гниломъ. Какъ по чутью, бѣгутъ они на нечистое дѣло, но ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ идетъ честная и открытая сдѣлка, — а такой сдѣлки не могло выйти изъ кельи игуменьи Митрофаніи.

Изобличаетъ игуменью и сумма векселей, и видъ ихъ.

Когда пошли поразившіе своею неожиданностью слухи о векселяхъ Солодовникова, мой вѣритель пріобрѣлъ вексель въ 2.000 руб. Домашняя экспертиза утвердила насъ въ мысли о подлогѣ. Но врагъ казался сильнымъ, надо было собирать данныя. Пока шла эта приготовительная работа, печать огласила слухи.

Тогда игуменья печатно, совершенно ясно заявляетъ, что у ней векселей только на 200.000 рублей. Ни о какихъ другихъ векселяхъ, ни о какихъ обязательствахъ нѣтъ и помину. Между тѣмъ проходитъ мѣсяцъ, и сумма векселей растетъ до 460.000 рублей, являются сверхъ того расписки.

Не ясно ли послѣ той статьи, которую здѣсь читали, что всѣ документы, кромѣ векселей на 200.000 рублей, сфабрикованы уже послѣ?

Но если она была способна къ поддѣлкѣ послѣ статьи, то развѣ до статьи она была неспособна на то же?

Изучивъ векселя, вы замѣтили, что они дѣлятся на двѣ группы: векселя черные и векселя, писанные рыжими чернилами. Послѣдніе имѣютъ ту особенность, что фамилія Солодовникова писана во всѣхъ съ начала строки, а первые имѣютъ особенность ту, что фамилія Солодовникова начинается и съ начала, и съ середины, и съ конца строки.

Вотъ эти-то черные векселя и суть векселя второй группы, позднѣйшіе: они появились тогда, когда, по обозрѣніи образчиковъ первой группы въ моемъ домѣ, было сказано ея посланному (Толбузину), что форма подписи Солодовникова сомнительна и изобличаетъ сколку съ одного векселя.

Цвѣтъ чернилъ текста совпадаетъ съ цвѣтомъ чернилъ подписи.

Игуменья здѣсь дала объясненіе странное до смѣшного: она разсказала, что Солодовниковъ привозилъ ей пузырекъ чернилъ и такой же прислалъ съ Досифеей.

Я не стану оспаривать то, чему невозможно повѣрить, но лучше вамъ напомню, что весь этотъ разсказъ и свидѣтельство Досифеи явились уже тогда, когда экспертиза предварительнаго слѣдствія изобличила руку игуменьи въ текстѣ и сходство чернилъ текста и подписи. Сознавшись въ писаніи текста, игуменья утверждала, что Солодовниковъ привозилъ ей бланки, подписанные дома, а она у себя вписывала текстъ, но сходство чернилъ изобличило единовременность текста и подписи. Надо было выйти изъ затрудненія, и игуменья придумала исторію съ пузырьками, а Досифея явилась поддерживать игуменью. Насколько ловко и умно это объясненіе и сколько въ немъ правды,—на это мнѣ не нужно обращать вашего вниманія.

Оно само себя обличаетъ.

Кромѣ удостовѣреній, игуменья дала слѣдствію груды писемъ по тѣмъ же предметамъ. Глядя на нихъ, изумляешься, неужели у Солодовникова, заплатившаго 250.000 рублей за хлопоты о своей свободѣ, боявшагося ареста, вдругъ съ 27 декабря по 6 января нѣтъ другого дѣла, кромѣ того, чтобы возить къ игуменьѣ векселя, да по два раза съ ней о томъ въ одинъ и тотъ же день переписываться?!

Особенно интересно письмо отъ 5 января 1871 года. Оно надписано: „Секретно. 5 января рокового для меня 1871 года".

5 января—начало года. Въ это время Солодовниковъ еще не былъ арестованъ. Онъ еще не зналъ, что если его арестуетъ слѣдователь, то удержитъ ли эту мѣру судъ? Ему было еще неизвѣстно, преда-

дутъ ли его суду, будетъ ли онъ живъ или мертвъ. Поэтому впередъ обзывать этотъ годъ роковымъ онъ не могъ. Только тотъ, кто зналъ, когда писалъ это письмо, что 7 января Солодовникова заарестовали, что этотъ арестъ продолжался до 3 октября, что въ это время Солодовникова предали суду, что въ этотъ годъ онъ померъ, могъ заклеймить этотъ годъ именемъ р о к о в о г о. 5 января Солодовниковъ, не будучи пророкомъ, не могъ всего этого знать; представившая это письмо къ дѣлу въ 1873 году игуменья знала всѣ событія 1871 года въ жизни Солодовникова и могла обозвать этотъ годъ роковымъ.

Сведя результатъ знакомства съ письмомъ, защитникъ продолжалъ.

Смѣлость подлоговъ игуменьи—кажущаяся, внѣшняя. На самомъ же дѣлѣ это грубый и далеко не умный подлогъ. Съ механической стороны онъ легко обнаруженъ экспертизой; съ внутренней, съ точки зрѣнія содержанія, онъ самъ себя выдаетъ головой.

Вы видите, что женщина рѣшилась на подлогъ въ 200.000 рублей. О немъ заговорили. Она огласила сумму векселей, но и ихъ поддѣлка кидалась въ глаза. Тогда она вздумала пустить новую серію векселей, высшаго сорта, вразрѣзъ съ собственнымъ заявленіемъ о 200.000 рублей.

Но векселя были слабы, и вотъ она начинаетъ закрѣплять ихъ удостовѣреніями.

Пришла ей мысль, что будутъ оспаривать денежность,—она составила удостовѣренія по этому поводу. Могутъ возразить торговыми книгами,—она ихъ противополагаетъ фирмскимъ документамъ.

Но червь сомнѣнія ее душитъ, никакія удостовѣренія самое ее не могутъ убѣдить въ подлинности ей извѣстнаго подлога, и она, громоздя удостовѣреніе на удостовѣреніе, создала кучу противорѣчивыхъ бумагъ.

Но всего этого мало. Она пишетъ расписки, вписываетъ ихъ между строками въ старыя монастырскія книги, въ чемъ здѣсь наивно сознается, замѣняетъ одну расписку другою, заканчиваетъ дѣло подлогомъ въ 580.000 рублей,—распиской, о которой въ началѣ 1872 года, когда она переговаривалась съ наслѣдниками Солодовникова, не упомянула и съ которой копіи не прислала, потому что ея въ это время еще и составлено не было.

Запутавшись въ подлогахъ, она забываетъ, что въ 1871 году былъ эпизодъ, изобличающій ее въ томъ, что у нея въ этомъ году не было тѣхъ документовъ, которыми она теперь владѣетъ. Расписка въ 6.000 рублей, писанная въ октябрѣ 1870 года, безспорна. Она вѣдь послу-

жила и для экспертизы. Она была въ рукахъ игуменьи до іюня 1871 года. Въ это время Солодовниковъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Брать съ него, какъ брала она вкупѣ съ Серебрянымъ, ей не приходилось; петербургская юстиція указала ей, что ея дѣло молиться, а не хлопотать по дѣламъ скопцовъ. Изсякъ источникъ дохода, касса Солодовникова закрылась, и онъ потерялъ въ ея глазахъ всякую цѣну. „Хоть шерсти клокъ съ дурной овцы", подумала она и стала взыскивать 6.000 рублей по распискѣ 1870 года. Вы слышали, какъ она искала: въ судъ подала, встревожила старика.

Я васъ спрашиваю теперь: если бы настоящіе документы были дѣйствительны, то вѣдь въ іюнѣ 1871 года они бы уже были у нея. Въ іюнѣ 1871 года Солодовниковъ былъ для нея жертвователемъ почти милліона! Имѣя милліонъ векселями и обязательствами отъ щедраго вкладчика, неужели рѣшилась бы она его безпокоить изъ-за 6.000 рублей, сердить старика и портить дѣло?

Конечно, нѣтъ.

И я утверждаю, что вымогательствомъ уплаты 6.000 рублей по распискѣ ясно доказывается, что въ это время ей щадить его было незачѣмъ, что расписка въ 6.000 рублей была единственная расписка Солодовникова, послѣдній клокъ шерсти, и игуменья не поцеремонилась.

Послѣ разбора каждой расписки въ отдѣльности гражданскій истецъ перешелъ къ фактамъ предварительнаго и судебнаго слѣдствій.

Появленіе документовъ, оправдывающихъ игуменью, каждый разъ тотчасъ послѣ обнаруживавшейся при слѣдствіи улики, заявленія и дополнительныя показанія монахинь, вспоминавшихъ забытое только тогда, когда это было нужно для игуменьи, странная находка документовъ въ столѣ у діакона Сперанскаго, разсказъ игуменьи о подкупѣ экспертовъ, о подкупѣ Трахтенберга, о подкупѣ кучера, котораго однако не побоялись прогнать съ мѣста, — напоминаютъ тѣ же средства защиты, съ какими вы, гг. присяжные, ознакомились въ дѣлѣ Медынцевой.

Секретная переписка изъ Сущева, въ которой игуменья Валерія доноситъ Митрофаніи о томъ, что дѣлается по слѣдствію, а Митрофанія проситъ Торопова подтвердить ея показаніе, Зинаидѣ передаетъ цѣлую программу лживыхъ фактовъ, Эпштейна проситъ не проговориться о времени полученія векселя, о Блюменфельдѣ безпокоится, благополучно ли у него обошелся обыскъ, — рисуетъ намъ характеръ подсудимой и ея друзей.

Имъ ничего не стоитъ тормозить правосудіе, они за добродѣтель считаютъ скрывать слѣдъ преступленія, за подвигъ — ложь на судѣ.

Вся эта переписка указываетъ, что правды нѣтъ въ поступкахъ игуменьи, и средства, свойственныя защитѣ невинности, ей не годятся. Искренность и правдивость показаній ей опасна, она прибѣгаетъ къ обману и подстрекательству на лжесвидѣтельство.

Самымъ грандіознымъ образчикомъ средствъ защиты игуменьи служитъ знаменитое донесеніе въ консисторію о пожертвованіи.

Извѣстно, что донесеніе это перехвачено въ декабрѣ 1873 года, и изъ письма игуменьи Валеріи видно, что оно писано наканунѣ, между тѣмъ какъ оно помѣчено 2-мъ апрѣля 1872 года, т.-е. сдѣланъ подлогъ въ рапортѣ по начальству.

Цѣль его была очевидна: доказать, будто бы въ 1872 году уже существовали всѣ тѣ документы, которые она приготовила въ позднѣйшее время.

На успѣхъ этого подлога игуменья разсчитывала вполнѣ. Зинаидѣ было приказано солгать о времени врученія ей донесенія, а на Розанова, секретаря Консисторіи, возлагалась твердая надежда, что онъ знаетъ свое дѣло.

И весь этотъ подлогъ, эта тонкая работа, сопровождался самымъ циническимъ кощунствомъ: Митрофанія писала Валеріи, что Ангелъ Хранитель и Св. Анастасія вразумили ее на это дѣло...

Когда донесеніе попало не туда, куда слѣдовало, и игуменья сознала, что оно писано заднимъ числомъ, она задумала поправить дѣло оглашеніемъ своего завѣщанія.

Это завѣщаніе носитъ слѣды времени и мѣста своего происхожденія. Оно не подписано свидѣтелями, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ распоряженія объ имуществѣ. Игуменья, женщина дѣловая, не могла не знать, что завѣщаніе безъ свидѣтелей ничтожно.

Если бъ она дѣйствительно писала его въ 1871 и 72 годахъ, то, будучи на свободѣ, конечно, скрѣпила бы его свидѣтелями и дала бы ему силу. Но ничего этого нѣтъ. Ясно, что она писала его тамъ, гдѣ свидѣтелей достать было нельзя, т.-е. въ Сущевскомъ частномъ домѣ, куда къ ней никого не допускали.

Это соображеніе подтверждается и содержаніемъ завѣщанія. Точно у ней вся жизнь и была только рядомъ отношеній къ Солодовникову, — вѣдь все завѣщаніе есть докладная, лучшая защитительная записка противъ данныхъ предварительнаго слѣдствія. О другихъ важныхъ событіяхъ—ни слова, о Медынцевской опекѣ—тоже.

Затѣмъ въ завѣщаніи помѣщенъ разсказъ о рытовскихъ векселяхъ,—фактъ, опровергнутый судебнымъ слѣдствіемъ.

Такимъ образомъ, характеръ завѣщанія опредѣляется вполнѣ: это — фабрикація позднѣйшаго времени, написанная для того, чтобы доказать, что векселя и расписки Солодовникова дѣйствительно получены въ тѣ дни, какъ это утверждается ею на слѣдствіи.

Затѣмъ, конецъ завѣщанія — восхваленіе своей личности, своихъ добродѣтелей и увѣренія въ своей невинности прямо расчитаны на то, что, будучи предъявлено слѣдователю, завѣщаніе это прочтется на судѣ и увлечетъ слушателей и судей.

Вотъ почему игуменья сама заявила, что она требуетъ, чтобы завѣщаніе было прочитано...

Изъ пріемовъ, которые употребляла игуменья на судебномъ слѣдствіи, заслуживаетъ вниманія сцена между игуменьей Валеріей и подсудимой. На судѣ Валерія заявила, что она можетъ подтвердить дѣйствительность векселей Солодовникова, но ее сдерживаетъ честное слово, взятое Митрофаніей. Та ее торжественно на судѣ освобождаетъ отъ честнаго слова. Тогда Валерія сказала, что при жизни Солодовникова она уже видѣла документы его, но Митрофаніей взятъ былъ съ нея обѣтъ молчать о жертвѣ.

Показаніе, повидимому, сильное. Но отчего же игуменья Валерія не сказала этого судебному слѣдователю, когда отъ него зависѣла честь ея подруги? Честное слово связывало уста? Но вѣдь и тогда Митрофанія могла ее разрѣшить!

Мало того: если слово было взято въ 1871 году, потому что жертва была тайная, то вѣдь въ 1873 году тайна миновала, всѣ документы были оглашены, — чего же было не сказать слѣдователю о томъ, что знала Валерія?

Изъ этой нелѣпости—одинъ выводъ: Валерія говоритъ неправду; весь этотъ грустный эпизодъ сочиненъ недавно и сшитъ такими живыми нитками, что совѣстно даже и возражать на него.

Все, что я изложилъ вамъ,—достаточно для признанія подлога. Но это не все, что можно сказать противъ подсудимой. На сотни рѣчей, на цѣлые годы бесѣдъ достанетъ матеріаловъ, приготовленныхъ этой женщиной въ свое обличеніе.

Позвольте же надѣяться, что вы признаете подлогъ и не дадите семейству, тридцать лѣтъ отличавшемуся образцовою коммерческою честностью, разориться, не дадите возможности сообщникамъ игуменьи, накупившимъ у нея ея издѣлій, разжиться неправедно на чужой счетъ.

Наружные знаки благочестія да не увлекутъ васъ. Давно и искусно злоупотребляла ими эта женщина. Вы уже знаете, что, отыскивая темными и безчеловѣчными средствами деньги на свое мнимое служеніе человѣчеству, она передъ тѣми, чье имя и вниманіе ей было нужно, разыгрывала роль добродѣтельной и смиренной отшельницы.

Тартюфы бываютъ и въ женскомъ платьѣ!

Но, къ счастію, ее скоро разгадали, и когда-то принятая, какъ гостья, во дворцѣ Ея Высочества Александры Петровны, она скоро оказалась недостойной этого мѣста.

Свергнутая по заслугамъ, она продолжала своими поступками отвращать отъ себя людей, ей когда-то близкихъ. Даже Трахтенбергъ просилъ ее освободить его отъ своего посѣщенія, и гдѣ-то въ гостиницѣ она должна была пріютиться во время своихъ петербургскихъ аферъ.

И послѣ этого она смѣетъ говорить, что жизнь ея всецѣло посвящена Богу, что безъ нея погибнутъ сироты и бѣдные, находящіеся на рукахъ ея! Неужели эти фальшиво звучащія фразы найдутъ отголосокъ въ вашей душѣ, неужели вы рѣшитесь изъ состраданія къ мнимой добродѣтели не только признать ее невинной, но и дозволительными средства ея? Этого благочестія, которое примиряетъ съ людьми и многое прощаетъ имъ, здѣсь мы не видали.

Овечья шкура на волкѣ не должна ослѣплять васъ!

Я не вѣрю, чтобы люди серіозно думали о Богѣ и добрѣ, совершая грабительства и подлоги. Не можетъ дочь утѣшить свою мать, если цѣною разврата она достанетъ ей какой-либо даръ; не можетъ церковь одобрить благотвореніе вѣрующаго, милосердіе на чужой счетъ, путемъ грабежа и мошенничества!

Такъ пусть не прикрываются они Ея защитой и не зовутъ христіанскимъ милосердіемъ ужасающаго душу ряда преступленій!

Не увлечь ей васъ и ученіемъ о снисходительности къ средствамъ, когда благая цѣль достигается ими. Наша церковь, наша восточная церковь гнушалась этого правила. Не ошиблись послы Владиміра предпочесть ее католичеству. Изъ этого послѣдняго родилось и охватило міръ іезуитство, все оправдывающее во имя цѣли, опозорившее и себя, и ту церковь, изъ которой оно развилось.

Человѣчество проклинаетъ его, а она, игуменья, пересаживала это ядовитое дерево на нашу почву. Не давайте пустить ему корней: вредное — плодовито, вырвите его, чище вырвите на первыхъ порахъ и спасите и честь церкви, къ которой прививаетъ она этотъ ядъ, и честь русскаго правосудія.

Не умиляйтесь судьбою сиротъ и храмовъ ея обители! На Руси благотвореніе не оскудѣло: и здѣсь, и тамъ у насъ воздвигнуты сотни школъ и заведеній, равно какъ вся Русь переполнена храмами и христіанскими общинами.

Но какія же изъ этихъ зданій воздвигнуты на обманы, насилія и подлоги?..

Подсудимая скажетъ вамъ: „Да я многаго не знала, что оно противозаконно. Я — женщина".

Вѣримъ вамъ, что многое, что написано въ книгахъ закона, вамъ невѣдомо. За это я не рѣшусь осудить васъ.

Но вѣдь въ этомъ же законѣ есть и такія правила, которыя давнымъ-давно приняты человѣчествомъ, какъ основы нравственнаго и правового порядка

Съ вершины дымящагося Синая сказано: „не укради", — вы не можете не знать этого, — а что вы творите?..

Вы обираете до нищеты прибѣгнувшихъ къ вашей помощи.

Съ вершины Синая сказано: „не лжесвидѣтельствуй", — вы посылаете ввѣрившихъ вамъ свое спасеніе инокинь говорить неправду и губите ихъ совѣсть и доброе имя.

Оттуда же запрещено „всуе призывать имя Бога",—а вы, призывая Его благословеніе на ваши подлоги и обманы, дерзаете обмануть правосудіе и вмѣсто себя свалить вину на неповинныхъ.

Нѣтъ, этого не удастся вамъ: правосудіе молодо и сильно, и чутка совѣсть судей...

Пусть строитъ защита оплотъ противъ насъ, — ей придется защищать полное противорѣчій и неправды показаніе подсудимыхъ; ей придется его ставить въ основаніе своего зданія, придется пользоваться, какъ матеріаломъ, показаніями такихъ личностей, какъ Ираида, Магдалина, Валерія, Фриденсоны и т. п...

Жалкій матеріалъ!.. Хрупкое зданіе!..

Отъ перваго вопроса вашего испытывающаго ума оно пошатнется, отъ перваго прикосновенія судейской совѣсти падетъ въ прахъ. Въ вашей памяти ничего не останется отъ ихъ усилій и, если вы захотите разрѣшить дѣло по правдѣ, вы правдой удовлетворите всѣ наши требованія...

IV.

Дѣло Булахъ.

Дѣло Булахъ,

обв. въ причиненіи съ корыстной цѣлью разстройства умственныхъ способностей Мазуриной.

Въ январѣ 1881 г. до прокурорскаго надзора г. Ржева дошли свѣдѣнія, что живущая въ учрежденномъ на ея средства духовномъ училищѣ потомственная почетная гражданка дѣвица Анна Васильевна Мазурина лишена свободы начальницей училища Н. А. Булахъ, что помѣщается Мазурина въ комнатѣ, имѣющей сообщеніе лишь съ квартирой Булахъ, никуда оттуда не выходитъ, не бываетъ даже въ церкви и банѣ, доступа къ ней почти никто не имѣетъ, а тѣ, кому приходится случайно видѣть главную учредительницу училища, поражаются ея безсмысленнымъ и неряшливымъ видомъ.

Судебный слѣдователь, прибывшій въ училище, нашелъ Мазурину въ состояніи, близкомъ къ идіотизму.

Находившійся при осмотрѣ врачъ, принимая во вниманіе, между прочимъ, то обстоятельство, что во время своей безсвязной рѣчи Мазурина не отрываетъ глазъ отъ взора Булахъ, заключилъ, что больная находится подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ послѣдней, что воля ея вполнѣ подавлена, и что, если Мазурину отдѣлить отъ этого вліянія и дать ей медицинскую помощь,—ея умственное состояніе можетъ быть до нѣкоторой степени улучшено.

Предварительнымъ слѣдствіемъ по этому дѣлу обнаружены слѣдующіе факты.

А. В. Мазурина родилась въ Москвѣ въ 1843 г., дѣтство свое провела въ монастырѣ съ болѣзненной матерью-вдовой. По смерти матери круглая сирота поступила подъ опеку родныхъ и перешла жить въ домъ бабушки своей А. М. Зѣвакиной.

Въ 1861 г. Мазурина получаетъ въ свои руки весьма значительный наслѣдственный капиталъ въ размѣрѣ 514,426 р., а въ 1863 г. внезапно тайно скрывается изъ дома бабушки вмѣстѣ съ своей гувернанткой Булахъ, захвативъ

часть своихъ капиталовъ и драгоцѣнныя вещи. Послѣ оказывается, что онѣ обѣ живутъ въ г. Ржевѣ, гдѣ у Булахъ есть родные.

По мнѣнію знавшихъ Мазурину людей, побѣгъ ея объяснялся исключительно вліяніемъ Булахъ, которая, съ одной стороны, пріобрѣла любовь питомицы, во всемъ ей угождая, а съ другой, принимая личину угодливости, всячески старалась перессорить дѣвушку съ родными.

Въ Ржевѣ гувернантка тотчасъ же отстраняетъ отъ Мазуриной всякое постороннее вліяніе,—даже портниха не видитъ дѣвушки и шьетъ ей платья по старымъ образцамъ. Родныхъ, дѣлающихъ попытку видѣть Мазурину, Булахъ приказываетъ выгонять. Протоіерей Поповъ, старикъ, удаленъ отъ знакомства съ Мазуриной, послѣ того какъ въ разговорѣ наединѣ предложилъ ей жениха. Въ то же время Булахъ внушаетъ своей питомицѣ мысль готовиться къ монастырю, совѣтуетъ надѣть черное платье.

Въ 1864 г. Мазурина уже даетъ Булахъ довѣренность на замѣну билетовъ Коммерческаго Банка и Сохранной Казны другими билетами, а лавки свои въ Москвѣ около этого же времени продаетъ при посредствѣ племянника Булахъ. Съ этихъ поръ у Булахъ и близкихъ ей людей начинаютъ являться дома, быстро растущіе вклады въ банкахъ.

Въ 1865 г. Булахъ и Мазурина учреждаютъ духовное училище, потомъ пріютъ для призрѣнія дѣтей,—на все это тратится 170 т. Начальницей училища дѣлается Булахъ...

Лѣтомъ 1869 г. ржевская благотворительница выѣзжаетъ въ Тверь. Цѣль поѣздки — формальная передача мазуринскихъ капиталовъ Булахъ и поступленіе въ монастырь. Деньги передаются, у Мазуриной остается лишь 5,000 р.

Изъ Твери Мазурина уѣзжаетъ путешествовать по монастырямъ, ища, гдѣ бы остаться навсегда. Вскорѣ она, однако, возвращается въ Ржевъ: жизнь въ монастырахъ ей не нравится,—въ ней много несимпатичнаго. Но затѣмъ дѣвушка опять начинаетъ странствія по разнымъ монастырямъ, а въ 1871 г. ѣдетъ, „съ благословенія“ все той же Булахъ, миссіонерствовать на Алтай. Въ Томскѣ она селится въ женскомъ монастырѣ, но и тамъ думаетъ лишь о возвращеніи во Ржевъ. Однако на ея письма объ этомъ Булахъ отвѣчаетъ отказомъ—пишетъ, что въ училищѣ нѣтъ и помѣщенія для Мазуриной.

Находясь въ крайности, Мазурина въ 1873 г. выѣзжаетъ въ Ржевъ съ женой эсаула Буяновой. Пріѣздъ, очевидно, непріятенъ Булахъ. Буянову немедленно удаляютъ: ее не допускаютъ даже проститься съ Мазуриной. Вернувшись въ Томскъ, Буянова пишетъ Мазуриной письмо, но отвѣта не получаетъ.

Съ этихъ поръ бывшая богачка начинаетъ вести уединенный и странный образъ жизни, не занимается дѣлами, не одѣвается и, наконецъ, впадаетъ въ состояніе слабоумія. Даже для случайно встрѣчающихся съ ней людей замѣтенъ упадокъ ея физическихъ и нравственныхъ силъ отъ недостатка общества, чи-

стаго воздуха, движенія и какихъ бы то ни было занятій; одна Булахъ, повидимому, не обращаетъ на это вниманія и не даетъ больной никакой медицинской помощи. Лица, могущія обнаружить болѣзненное состояніе Мазуриной, особенно люди вліятельные, не могутъ, во время посѣщеній училища, добиться разрѣшенія видѣть главную учредительницу его. Люди, обнаружившіе поползновеніе войти въ какія-либо сношенія съ Мазуриной, удаляются, а порой и прямо преслѣдуются Булахъ. Такъ, начальницѣ пріюта Волковой отказываютъ отъ должности за то, что въ отсутствіе Булахъ она вошла къ Мазуриной.

Такъ идетъ дѣло до января 1881 г., когда было возбуждено уголовное разслѣдованіе по поводу отношеній Булахъ и Мазуриной.

Какъ только удалось отдѣлить Мазурину отъ Булахъ и дать ей лучшее помѣщеніе, здоровье пострадавшей, видимо, начинаетъ улучшаться. Она, какъ дитя, радуется удобствамъ жизни, прилично одѣвается, ищетъ общества, у нея, наконецъ, являются признаки сознанія, рѣчь пріобрѣтаетъ болѣе осмысленности. Изъ словъ ея можно заключить, что она вовсе не была расположена къ тому образу жизни, какой вела подъ вліяніемъ Булахъ, и не выходила никуда только боясь эпидемій, которыми ее постоянно пугали.

Подъ вліяніемъ тоски одиночества, бездѣйствія и совѣтовъ своей наставницы, утверждавшей, что смерть есть переходъ къ лучшей жизни, который всякій человѣкъ въ правѣ устроить себѣ самъ, Мазурина не разъ помышляла о самоубійствѣ, но не знала, какъ это сдѣлать.

Булахъ—вдова небогатаго врача, бывшая крѣпостная, воспитанная на счетъ помѣщицы, до поступленія къ Мазуриной ничего не имѣла. Въ 1881 г. у бывшей гувернантки оказывается до 400,000 р. въ банкѣ, которыя она спѣшитъ вынуть, какъ только возбуждается противъ нея дѣло.

Зато у Мазуриной при слѣдствіи оказывается почти полное отсутствіе даже носильнаго бѣлья.

Врачи, свидѣтельствовавшіе потерпѣвшую, нашли, что она находится въ состояніи неизлѣчимаго постепенно развивавшагося слабоумія — результатъ ея продолжительнаго одиночнаго заключенія и полнаго бездѣйствія умственныхъ способностей. Изъ всѣхъ способностей у Мазуриной сохранилась только память. Сравнительно хорошо одаренная отъ природы, немного робкая, застѣнчивая и нелюдимая, дѣвушка прожила бы, вѣроятно, счастливой и здоровой, не будь хорошо разсчитанныхъ мѣропріятій Булахъ, развившихъ въ ней чувство полной несамостоятельности, желаніе свою слабую волю подчинить волѣ другого лица, которое и навязало Мазуриной образъ жизни и цѣли, чуждыя ея натурѣ. Не случись перемѣны обстановки, Мазурина прожила бы недолго.

Надъ личностью и имуществомъ потерпѣвшей учреждена опека.

Судебныя засѣданія по этому дѣлу происходили 18, 19, 20, 21, 22 и 23 мая 1884 г. въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Моск. Окр. Суда

В. Н. Лаврова. Обвинялъ прокуроръ Моск. суд. пал. С С. Гончаровъ. Гражданскими истцами со стороны опеки явились пр. повѣренные Ѳ. Н. Плевако и С. В. Щелканъ. Защищалъ подсудимую прис. повѣренный П. А. Швенцеровъ. Потерпѣвшая Мазурина на судъ не явилась.

На рѣшеніи прис. засѣдателей поставленъ вопросъ о виновности Булахъ въ томъ, что, подчинивъ слабую отъ природы волю Мазуриной всецѣло своей волѣ, а затѣмъ, достигнувъ передачи послѣднею ей, Булахъ, большей части своего состоянія, она въ 1873 г., живя въ Ржевѣ съ Мазуриной и замѣтивъ въ ней предрасположеніе къ психической болѣзни, съ намѣреніемъ нанести вредъ здоровью Мазуриной, какъ физическій, такъ и нравственный, окружала ее въ теченіе семи съ лишкомъ лѣтъ вредною обстановкою, чѣмъ завѣдомо довела къ 1881 г. до полнаго разстройства умственныхъ способностей, выразившагося въ состояніи неизлѣчимаго слабоумія.

Присяжные отвѣтили на этотъ вопросъ утвердительно, не давъ подсудимой даже снисхожденія.

Судъ приговорилъ: подсудимую Булахъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ не столь отдаленныя мѣста Сибири на поселеніе.

Гражданскій искъ предоставлено разсмотрѣть гражданскому суду.

Рѣчь гражданскаго истца въ защиту интересовъ опеки А. В. Мазуриной.

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели!

Есть на свѣтѣ больная и жалкая слабоумная дѣвушка—А. В. Мазурина, Богъ знаетъ зачѣмъ коротающая ни себѣ, ни людямъ ненужную жизнь.

Есть на свѣтѣ другая женщина,— она передъ вами,— почтеннаго вида и преклонныхъ лѣтъ, которой, казалось, не слѣдъ и сидѣть на скамьѣ позора, на скамьѣ отверженниковъ общества.

А, между тѣмъ, судьбѣ угодно было связать общей нитью эти двѣ противоположныя натуры.

Замѣчательная энергія, завидная сила воли этой и безсиліе и безволіе той — дали мѣсто драмѣ, реальностью ужасовъ и страданій превосходящей сотни созданій фантазіи сердцевѣдцевъ, по которымъ мы изучаемъ внутренній міръ человѣка.

У этой драмы до сегодня не доставало только эпилога. Какой онъ будетъ, — трагическій или комическій, съ побѣдой добра въ концѣ концовъ, или же съ вакхическимъ смѣхомъ торжествующаго и без-

наказаннаго порока, — это досочините вы и напишите намъ на томъ листѣ, который, по окончаніи нашихъ преній, вручитъ вамъ руководящая вами и нами судебная коллегія.

Наша драма разыгрывалась во многихъ уголкахъ Россіи, но самый главный моментъ ея, на который вы обратили особое вниманіе, происходилъ въ Ржевѣ. Въ этомъ городѣ есть два выдающіяся благотворительныя заведенія, воздвигнутыя на средства Мазуриной, но управлявшіяся Булахъ. Въ одномъ изъ этихъ заведеній есть небольшая, сомнительной опрятности, комната, которую слѣдовало бы сохранить какъ историческій памятникъ растлѣнія нравовъ. Знаете ли что это? Это — единственное убѣжище и то данное нехотя Булахъ Мазуриной, созидательницѣ этихъ домовъ, когда она, нищая и больная, постучалась у воротъ, прося корки хлѣба и крова для ночлега... .

Главные дѣятели драмы вамъ уже названы. Отмѣтимъ выдающіяся черты ихъ.

Мазурина — дочь и наслѣдница богатаго отца; въ дѣтствѣ она не выдавалась особо сильными способностями, но и не была обижена судьбой. Она была молода, сильна надеждами юности, у ней былъ,— правда, небольшой,—умишко, который ждалъ только опытныхъ рукъ для своего развитія.

Булахъ отъ воспитателей и мужа не получила богатаго наслѣдства, но за то ей было много дано судьбой. Она много знала, могла этимъ знаніемъ добывать себѣ честный кусокъ хлѣба.

И онѣ встрѣтились.

Настало время ученія, родственники Мазуриной пригласили къ ней подсудимую. Началась священная связь воспитательницы и питомки: эта учила, та училась.

И вотъ, когда курсъ ученія кончился и данный Богомъ талантъ Мазуриной дошелъ до того предѣла, который соотвѣтствовалъ взглядамъ руководительницы, она, гордая своимъ успѣхомъ, потребовала платы, выплативъ которую, ученица осталась нищей...

Что же она взяла и что дала?

Было у Мазуриной прекрасное состояніе, обезпечивавшее спокойную жизнь, — его взяла Булахъ, взяла до послѣдней крохи. У Мазуриной были молодыя силы и умишко,—ихъ не взяла Булахъ, потому что въ умѣ не нуждалась,—у нея своего довольно, какъ гордо заявила она въ своемъ литературномъ трудѣ, вчера здѣсь прочитанномъ, — а молодыя силы не передаются отъ лица къ лицу. Но эти силы и этотъ умъ мѣшали Булахъ, — и она растоптала, уничтожила ихъ; а когда

довела ее до потери разума, этого образа божества, когда довела ее до состоянія муміи, мычащаго подобія человѣка, разбила, растоптала живую душу,—она признала курсъ ученія конченнымъ, а себя—правомѣрной и законной обладательницей того, чего не нужно болѣе ея воспитанницѣ...

Опытная, глубоко проникающая въ жизнь, Булахъ знала, что міръ завистливъ къ быстрому обогащенію, что, какъ песъ, лающій на татя, пробирающагося къ чужой сокровищницѣ, огрызается міръ на всякое незаконное присвоеніе чужого. Она бросила этому міру подачку, — бросила два куска, въ образѣ двухъ, чужими руками созданныхъ, заведеній любви и милости, и пока, обнюхивая и смакуя добычу, міръ прервалъ свое ворчаніе,—одѣтая въ тогу благотворительности, окруженная почетомъ, Булахъ не дремала: казнохранилища Мазуриной опустѣли, а у Булахъ,—и не только у нея, но и у всѣхъ ея приснoблизкихъ, — воздвигнулись богатыя хоромы, а въ нихъ закрома... И наполнила она ихъ казной черезъ край, захвативъ, безъ всякихъ правъ, чужое добро, чужое достояніе.

Исторія этого превращенія богатой питомки въ нищую, а бѣдной гувернантки въ богачку и составляетъ преимущественное содержаніе дѣла. Въ обвинительной рѣчи прокурора эта исторія освѣщена лучами свѣта правды подзаконной, и мы видимъ, какую длинную, слишкомъ длинную и черную, тѣнь кидали отъ себя факты изъ жизни подсудимой.

Теперь очередь за мной, теперь меня послушайте, пришедшаго ходатайствовать за разбитое и больное существо...

Я пришелъ съ болѣе смиренной цѣлью: добиваться съ вашей помощью того, чтобы въ годы будущей печали и отчаянія несчастной жертвы законъ обязалъ эту женщину изъ того, что она еще не прожила или не сумѣла схоронить отъ власти, — дать хотя ничтожныя средства для борьбы съ нищетой и голодомъ жертвѣ своего безсердечія. Идя къ этой цѣли, я, можетъ быть, во многомъ разойдусь съ представителемъ обвиненія. Не смущайтесь: это не противорѣчіе. Мы идемъ съ нимъ къ одной цѣли, по одному направленію. Но, сохраняя за собою свободу мнѣнія, я не хочу отказаться отъ права всякаго человѣка — опредѣлять прямую и кратчайшую линію, идущую къ данной точкѣ, своимъ глазомъ и своимъ разумѣніемъ.

Итакъ, вотъ положеніе, котораго я буду держаться и въ чемъ хочу васъ убѣдить: Булахъ не съ момента встрѣчи съ Мазуриной задумала преступленіе. Рядъ эгоистическихъ предпріятій ея и въ Москвѣ, и даже въ Ржевѣ, вплоть до захвата состоянія Мазуриной, будучи

рядомъ безнравственныхъ дѣйствій, истекающихъ изъ ея характера и взгляда на цѣль жизни,— не былъ преступленіемъ въ смыслѣ закона. Преступленіе началось съ возврата Мазуриной изъ Сибири, когда для обезпеченія себѣ пріобрѣтеннаго положенія и средствъ Булахъ увидѣла, что ей полезно не допускать къ Мазуриной постороннихъ, держать ее безвыѣздно въ Ржевѣ и, въ особенности, не только не заботиться объ ея выздоровленіи отъ ясно обрисовавшагося душевнаго недуга, но и способствовать ему итти къ своему довершенію.

Развивая эти положенія, я не буду вновь перечислять передъ вами оглашенные здѣсь факты дѣла. Я думаю, что судебный ораторъ, говорящій передъ присяжными, и не долженъ этого дѣлать: вы вѣдь не даромъ и не безцѣльно здѣсь сидѣли; лѣтопись событій повторялась преимущественно для васъ, и ваше соборное единомысліе и память, конечно, лучше насъ сохранили видѣнное и слышанное. Мое дѣло, на основаніи вамъ извѣстнаго, дать общіе взгляды. Если же взгляды не будутъ противорѣчить тому, что было, вы ихъ примете, вы имъ повѣрите. Но если мои взляды будутъ основаны на произведеніи моей фантазіи, на фактахъ несуществующихъ, вы поднимете въ недоумѣніи свое чело и скажете мнѣ: „Равви! Что это?“... И отвергнете мое слово.

Точно также я не буду стараться ввести въ мои слова выводъ изъ всей совокупности фактовъ. Масса свѣдѣній, намъ сообщенныхъ, поразительна, но она не вся идетъ къ дѣлу; попытка воспользоваться ими всѣми была бы даже ошибочной. Подобно скульптору, стоящему передъ глыбой мрамора, адвокатъ долженъ угадать, какое цѣльное, говорящее уму и сердцу, живое, жизненное созданіе воспроизвести изъ даннаго матеріала, и, угадавъ, смѣло своимъ рѣзцомъ отсѣкать ненужное, какъ массу мертвой матеріи

Во имя положенія, мной поддерживаемаго, я прошу васъ изъ разныхъ періодовъ совмѣстной жизни Булахъ и Мазуриной удержать пока имѣющее несомнѣнное значеніе,— то, что вы сейчасъ услышите. Я постараюсь зато вашему вниманію дать матеріалы, не заимствованные изъ спорныхъ источниковъ; я возьму только такія обстоятельства, которыя не отвергаютъ обѣ стороны, или которыя, какъ очевидныя истины, не вызывали даже и попытки сомнѣнія.

Въ московской жизни дѣятелей нашего процесса запомните черты, рисующія раннюю молодость Мазуриной.

Ребенокъ рано лишился отца и, живя съ матерью, конечно, сохранилъ въ себѣ впечатлѣнія, оставленныя ему ею.

Мать ея была женщина вѣры, любви и отреченія. Богатая вдова,

имѣвшая возможность окружать себя благами міра, она уходитъ въ монастырь, отрекается отъ богатства, какъ отъ грѣха, и, въ тиши келіи, молитвой и милостыней наполняетъ жизнь.

Дѣвочка впитала въ себя взгляды матери: на всю жизнь осталось въ ея душѣ неуничтожимое, перешедшее изъ мысли въ ощущеніе, связанное съ ея натурой, мнѣніе, что богатство—тягость, долгъ Богу, который мы должны отдать чрезъ руки нищихъ. Дитя, когда оно было уже круглой сиротой и когда неравенство состояній являлось ей лишь въ образѣ ея съ ея богатой родней, а съ другой стороны—въ образѣ бѣдной и нуждающейся прислуги, любило утѣшать послѣднюю словами: „когда выросту и буду хозяйкой, я не стану держать васъ такъ, — я дамъ вамъ много, много"...

Ребенокъ сохранилъ и другую черту материнскую — нелюбовь къ блеску и роскоши. Сама она безъ ропота переноситъ тѣ неудобства, которыя впервые испытала у бабушки.

Но все это отходитъ на второй планъ при воспоминаніи объ одной чертѣ дѣтства: у ребенка было любящее сердце, то сердце, которое самой природой награждается способностью нести радость и счастье тѣмъ, къ кому оно стремится, а съ другой стороны — до поры, до времени ограничивается въ выборѣ предмета любви. Дѣтское сердце еще не знаетъ ни той любви, которая вспыхиваетъ съ лѣтами, сверстниками страстей, ни той, которой болѣютъ за все человѣчество. Дѣтское сердце способно любить и довольствоваться любовью къ тому, кто далъ ему жизнь и питаетъ его.

Но, рано потерявшая отца и мать, круглая сирота тщетно носила эту свѣжую силу въ сердцѣ: ея не къ кому было примѣнить и некому было отдать. Дитя привязалось бы къ бабушкѣ, но эта послѣдняя, принявшая ребенка въ домъ не съ первыхъ дней его появленія на свѣтъ и, къ тому же, по натурѣ холодная женщина, не сумѣла привязать къ себѣ ребенка: сердце, искавшее любви, было одиноко и рвалось къ другому сердцу.

И вотъ въ эту-то пору ребенокъ поступаетъ на руки Булахъ. Его доселѣ не удовлетворенное ласками прислуги сердце кидается навстрѣчу новому лицу; а это лицо, путемъ исполненія долга учительницы и воспитательницы, захватываетъ всѣ затребы молодой души.

Пусть Булахъ руководило здѣсь только разсчетливое и вмѣстѣ отчетливое исполненіе своей службы, пусть любовь и сердечность отсутствовали: ребенку этого не понять. Предубѣжденіе, что инстинктъ открываетъ дитяти теплоту или сухость тѣхъ, кто его ласкаетъ,—невѣр-

но. Чистые сердцемъ всюду видятъ то же согласіе между дѣломъ и намѣреніемъ, какое живетъ и въ ихъ душѣ...

Теперь рядомъ поставимъ Булахъ и по отдѣльнымъ чертамъ, уцѣлѣвшимъ отъ ея прошлаго, возстановимъ и ея обликъ.

Оставшись вдовой и помѣстившись въ Москвѣ для пріисканія занятій, Булахъ сразу сказалась натурой, ищущей прежде всего выгоднѣйшаго приложенія своего труда: стоило ей дать сравнительно болѣе, чѣмъ получала она въ данномъ мѣстѣ, она переходила на новое. Нельзя же предполагать, чтобы въ томъ, доселѣ почтенномъ московскомъ купеческомъ семействѣ, гдѣ ее застаетъ г. Филипповъ, она была обдѣлена или дурно содержима. Это была, однимъ словомъ, натура, ищущая, глѣ лучше ей жить, и для этого пренебрегающая привычками и привязанностями.

Если же, подобясь историкамъ и соціологамъ, объяснять настоящее, пользуясь указаніями прошлаго, и наоборотъ, то изъ послѣдующихъ данныхъ, припомнивъ гордый и властный, не знающій состраданія и прощенія характеръ Булахъ, мы можемъ сказать, что, поступивъ къ Мазуриной, подсудимая не руководилась желаніемъ болѣе ей подходящаго мѣста: поддаваясь временно необходимости — „мелкимъ бѣсомъ унижаясь предъ родней Мазуриной“ — обезпечивать себѣ прочность положенія, Булахъ не желала и не могла долѣе оставаться въ бездѣйствіи, а всякій моментъ времени, когда это могло представиться надежнымъ, она стремилась устранить принижающія ее препятствія и достигнуть высшей роли сравнительно съ ролью наемной и вѣчно зависящей отъ каприза родственниковъ Мазуриной интеллигентной слуги дома.

Ея положенію угрожаетъ ворчливость няньки, — она отдаляетъ отъ нея питомку; ей опасно возможное въ будущемъ родственное сближеніе бабушки съ подрастающей внучкой, — она взаимно возбуждаетъ ихъ другъ противъ друга. Нетребовательной дѣвушкѣ она внушаетъ мысли, благодаря которымъ та заявляетъ и, при посредствѣ опекунши, кн. Оболенской, достигаетъ перемѣны помѣщенія, отдѣльнаго хозяйства, и будто бы необходимой для дѣвушки самостоятельности.

Но и этого мало. Московская жизнь даже и въ лучшей обстановкѣ дѣлается неудовлетворяющей дѣвочку, — она уѣзжаетъ въ Ржевъ.

Кому же нужно было бѣжать изъ Москвы? Г-жѣ Булахъ или Мазуриной?

Я утверждаю, что это нужно было Булахъ.

Вотъ мои аргументы.

Изъ всѣхъ угловъ Россіи избирается Ржевъ, городъ, съ которымъ у Мазуриной не было никакой связи. У Булахъ — наоборотъ: тамъ ея свойственники, ея сынъ; туда посылала она совѣтныя письма, приглашая помочь побѣгу. Для Мазуриной, полной любви и желанія посѣщать святыни вѣры, Москва могла быть смѣнена Питеромъ, Кіевомъ, но не Ржевомъ. Ни исторической святыней, ни широтой жизни общественной Ржевъ не выдается среди городовъ Россіи.

Бѣжала ли туда Мазурина, ища свободы, удобствъ жизни?

Нѣтъ! Ни та обстановка, въ которой нашли ее въ 1881 году, ни та, въ которой она жила въ шестидесятыхъ,—не лучше, а хуже позднѣйшей московской обстановки.

А свобода? Да когда же въ Москвѣ стѣсняли такъ дѣвушку, какъ стѣсняли ее въ Ржевѣ! Возьмите всю совокупность свидѣтельскихъ показаній—и останется въ итогѣ, что видѣться съ Мазуриной было не легко, писать ей — значило терять даромъ время.

Увезти туда Мазурину, уговорить ее тамъ поселиться былъ прямой расчетъ для Булахъ: этимъ расчетомъ связь съ Москвой разрывалась, уничтожалась возможность потерять мѣсто по домашнимъ соображеніямъ Мазуринской родни.

Слѣдуетъ взять во вниманіе и то, что богатство и возрастъ дѣвушки дѣлали ее въ началѣ 60-хъ годовъ предметомъ искательствъ для брачнаго союза. Найдется мужъ, увезетъ жену и вытѣснитъ изъ сердца привязанность къ гувернаткѣ.

Бѣгство Мазуриной изъ Москвы было умѣстно, пока ее тѣснили, въ годъ же ея отъѣзда она пользовалась наибольшей самостоятельностью. А для Булахъ это было подходящимъ временемъ: теперь Мазурина получила деньги и не обязана никому давать отчетъ; теперь вмѣсто роли зависимой гувернантки она чувствовала наступившую новую пору, — пору руководительницы богатой и независимой дѣвушки, пору, лучше которой пока ничего и не желала Булахъ, но зато и не желала потерять того, что пріобрѣтено...

Теперь послѣдуемъ за ними въ Ржевъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что хорошо изучившая почву Булахъ понимала, что какъ бы ни была податлива ея питомка, но нельзя забирать власть надъ ней далѣе предѣловъ упругости личности.

Прибавьте къ тому и то, что Булахъ, еще недавно бѣдная труженица, при переходѣ къ достатку имѣла сравнительно неширокій идеалъ удобства. Только достигнувъ одной ступени и свыкнувшись съ ней, она мечтала о лучшей и дѣлала шагъ далѣе. Это общій законъ.

Прилагая этотъ общій законъ къ событіямъ, становится понят-

нымъ, что первый періодъ ржевской жизни не могъ быть полной подавленностью Мазуриной: надо было фактами поддержать авторитетъ совѣта ѣхать именно сюда; надо было здѣсь дать пищу наклонности Мазуриной — благотворить и любить нуждающееся и страждущее человѣчество. Отсюда ей даютъ указанія на способъ благотворенія и сосредоточиваютъ на устройствѣ двухъ широко задуманныхъ учрежденій любви и милосердія. При этомъ Булахъ, еще стремящаяся только къ прочному сожительству съ Мазуриной, какъ къ теплому и почетному мѣсту, не идетъ далѣе совѣта сдѣлать и ее номинальной участницей жертвованія, а вмѣстѣ учредительницей и пожизненной распорядительницей воздвигаемыхъ заведеній.

Личныя цѣли ея пока еще умѣренны: все ограничивается тѣмъ, что мѣстная портниха получаетъ заказъ на платья болѣе богатыя для нея и менѣе богатыя для Мазуриной, да одной парой новыхъ сапогъ стало продаваться болѣе въ Ржевѣ, потому что до той поры шатавшійся безъ дѣла, одѣтый въ старое платье и дырявые штиблеты сынъ Булахъ, Николай Егоровичъ, вдругъ сталъ одѣваться и обуваться прилично и, доселѣ нуждавшійся въ 5 к., чѣмъ уплатить долгъ за бритье цирульнику, сталъ заказывать новыя одежды и даже модный халатъ для своего обихода.

Вскорѣ однако податливость Мазуриной, считавшей Булахъ за высшій образецъ того, къ чему она стремится, а съ другой — ея дальнѣйшія благочестивыя намѣренія принудили задуматься Булахъ и дали толчокъ слѣдующему шагу — изъ роли подруги-руководительницы въ роль властной распорядительницы судьбами покорной ученицы-подруги.

Дѣло въ томъ, что Мазурина, создавшая дома призрѣнія для ржевскихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, обезпечившая ихъ, имѣла большую часть своего имущества еще нетронутой. Но эта натура не могла остановиться на полдорогѣ въ своихъ намѣреніяхъ и одной частью своихъ дѣлъ отрицать другую. Коли деньги — грѣхъ, коли добро и милость — долгъ и потребность души, то она хотѣла отвернуться отъ всего грѣха и исполнять долгъ до предѣла ея силъ. Денегъ много, а бѣдныхъ на Руси еще больше: значитъ, надо ѣхать, смотрѣть, искать и благотворить.

Вотъ этого-то и не захотѣла Булахъ. Мазурина уѣдетъ, уѣдутъ съ ней ея средства, а Булахъ ничего болѣе не пріобрѣтетъ, кромѣ того, что уже есть, что уже приглядѣлось, что только раззадорило аппетитъ.

Булахъ пошла далѣе.

Отпустить Мазурину, значитъ—отпустить ту имущественную силу, около которой тепло и уютно жилось Булахъ. Податливая подъ чужую волю, впечатлительная и довѣрчивая, Мазурина встрѣтитъ новыхъ людей, новыя нужды и другимъ отдастъ то, что такъ цѣнно въ ней, — ея богатство.

И вотъ, рядомъ совѣтовъ и рѣшеній, Мазурина убѣждается въ томъ, что лучшаго помѣщенія для денегъ, лучшей гарантіи, что онѣ будутъ отданы на добро, какъ въ передачѣ ихъ всѣхъ на руки Булахъ, — нѣтъ.

И Мазурина отдаетъ, увѣренная, что этимъ обезпеченъ переходъ ихъ на добрыя цѣли, что надежный повѣренный ея намѣреній остается при дѣлѣ, а она можетъ, оставивъ себѣ только умѣренную долю, — всего 5000 руб. на всю жизнь,—ѣхать и искать мѣста полнаго душевнаго покоя; если же встрѣтится ей надобность въ деньгахъ, для себя или для бѣдныхъ, ей стоитъ сказать—и хранительница выполнитъ ея волю.

Деньги переданы. Мазурина соблюдаетъ всѣ формы, какія необходимы, а Булахъ освѣдомляется у одного изъ своихъ родственниковъ, сильнаго въ знаніи законовъ, достаточно ли крѣпки формы перехода къ ней имуществъ Мазуриной. Перечитываются статьи закона, пересматриваются документы, предусматриваются случаи, при которыхъ возможно возвращеніе дара. Только укрываетъ Булахъ на семейномъ совѣтѣ, что даръ этотъ оставляетъ дарительницу нищей, укрываетъ, что дарительница, не чая души въ своей воспитательницѣ, дѣлаетъ не то, чего хочетъ, а то, что ей совѣтуютъ.

Словомъ, возбуждены и разрѣшены были всѣ вопросы формы и права, а не было и помина о томъ, что вопросы справедливости и морали требуютъ и своего участія въ дѣлѣ и отвѣта на нихъ.

Однако мнѣніе юриста-свойственника, что даръ возвращается въ случаѣ доказанной неблагодарности, а можетъ быть и боязнь мнѣній свѣта, гдѣ Булахъ заняла и положеніе и уваженіе, заставляютъ ее прибѣгнуть къ старому, давно практикуемому пріему искусственнаго обѣленія своего несовсѣмъ хорошаго для самой себя поступка.

Она, — если допустить, что странная молва, о которой говорилъ г. Филипповъ, и подтверждающая эту молву мука, тяготившая душу покойнаго святителя, митрополита Филофея, имѣли основаніе, — она, говорю, припутываетъ къ дѣлу мѣстнаго архипастыря, — даритъ ему не лично, но какъ епархіальному начальнику на нужды церкви 30,000 рублей.

Это маневръ тѣхъ, кто знаетъ за собой грѣхъ, — они любятъ становиться за людьми чистыми и ихъ достоинствами прикрывать свои проступки: смотрите, не я одна, но и святитель не побоялся взять изъ этого источника,—значитъ, дѣло чисто и поступокъ праведенъ... Но это старый, избитый способъ, и въ наше время вы никого имъ не обманете!

Отдавая деньги, Мазурина уѣзжаетъ.

Но, прежде чѣмъ мы ее встрѣтимъ еще въ Ржевѣ, остановимся на данномъ періодѣ жизни: мнѣ нужно убѣдить васъ, что, уѣзжая, Мазурина не дарила, а только препоручила свои деньги, какъ фондъ своихъ будущихъ цѣлей.

Вотъ мои доказательства по этой части моихъ утвержденій:

1) Весь строй души Мазуриной — ея неизмѣнныя, даже позднѣйшимъ слабоуміемъ непоколебленныя основы ея взглядовъ на богатство, доказываютъ, что дареніе состоянія одной личности было бы противорѣчіемъ ея природѣ.

2) Письма Мазуриной свидѣтельствуютъ о томъ, что дара не было.

3) Несвязныя рѣчи періода слабоумія оставляютъ впечатлѣніе, что денегъ она не отчуждала отъ себя.

Съ дѣтства привыкнувъ тяготиться деньгами, какъ грѣхомъ, съ дѣтства стремившаяся ими утѣшить горе страждущихъ, глубоко убѣжденная, что и Булахъ живетъ и согрѣта той же любовью и тѣми же помыслами, Мазурина не повѣрила бы, если бы услыхала, что Булахъ стремится къ личному обогащенію. Дать все свое 300-тысячное состояніе ей одной, перенести на нее тотъ грѣхъ и ту тяжесть, которые мучили ее, она не могла, не впадая въ непримиримое противорѣчіе. Булахъ не возьметъ, обидится, оскорбится такой черной неблагодарностью. Деньги могутъ быть на рукахъ Булахъ только для передачи бѣднымъ: вѣдь онѣ и взяты отъ нихъ...

Позднѣе, уже совсѣмъ безумная, она продолжала лепетать: „мужички бѣдны, мы имъ должны давать, это — ихъ“... Болѣе здоровая, она поступила такъ, какъ говорила, и кассу бѣдныхъ отдать въ даръ хотя бы подругѣ, отдать для богатой и роскошной жизни для Мазуриной было такъ же невозможно, какъ взять и утаить чужое.

Вспомните письма Мазуриной, писанныя послѣ совершенія дара: есть ли намеки на радость, испытываемую тѣмъ, что любимая воспитательница награждена до возможности жить на широкую ногу и утопать въ блаженствѣ? Есть ли заочныя мечтанія о той обстановкѣ, въ которой можетъ жить теперь царственно-одаренная подруга-руководительница?

Нѣтъ! Мазурина пишетъ о своемъ вѣчномъ долгѣ передъ потерявшей на нее время воспитательницей, извиняется за причиненныя безпокойства, мечтаетъ о Ржевѣ и просится туда; зоветъ Булахъ къ себѣ на краткое свиданіе и опять извиняется, что ее безпокоитъ.

Такъ не пишутъ къ тому, кто награжденъ до возможности комфорта и кого не стѣснятъ расходы, вызываемые краткосрочной поѣздкой на свиданіе къ своему щедрому дарителю...

Наконецъ, о томъ, что дара не было, свидѣтельствуютъ въ полубредѣ и въ минуты ослабленія душевнаго недуга слова, высказываемыя Мазуриной. Она говоритъ о деньгахъ, что онѣ—ея деньги и ихъ надо взять; иногда она говоритъ, что ихъ не надо трогать, потому что Булахъ знаетъ, что съ ними дѣлать, что ихъ — 200.000 р., что онѣ — цѣлы.

Не бойтесь прислушаться порой и къ бреду больной: разрушенный человѣческій организмъ, какъ старыя руины древняго храма, своими остатками иногда краснорѣчивѣе свидѣтельствуютъ объ истинѣ, чѣмъ живые и здоровые люди. Здоровый человѣкъ, имѣя свободу воли, можетъ сознательно извращать истину; больной и безумный, коли его языкъ безпрестанно повторяетъ одно и то же, какъ мертвый своей смертельной раной, не давая сознательнаго отвѣта, даетъ путь къ уразумѣнію правды...

А допустивъ, что подъ наружными формами дара скрывалось порученіе денегъ на добрыя цѣли, мы совершенно ясно поймемъ и поводъ къ преступленію, совершенному Булахъ по возвращеніи Мазуриной изъ Сибири, и необходимость его для нея.

Кіевскаго періода, жизни въ Сибири, воспроизведенной показаніемъ Буяновой, — всего этого нечего повторять. Лучше отдадимъ себѣ отчетъ, какимъ образомъ могло случиться, что г-жа Булахъ вдругъ измѣнила свои отношенія къ Мазуриной и отпустила послѣднюю.

Дѣло просто: все, что привлекало Булахъ къ ея ученицѣ, ея сила, — въ рукахъ у ней: Булахъ богата, сильна; теперь люди, вновь приблизившіе къ себѣ Мазурину, возьмутъ у Булахъ то, что она выносила какъ бремя, а то, что ей нужно, — деньги,—въ ея рукахъ: крѣпко держитъ она ихъ. Устои надежны, осмотрѣны и одобрены совѣтами людей, свѣдущихъ въ законѣ...

Вдали отыскивающая себѣ мѣста успокоенія, дѣвушка, полная и теперь вѣры и любви къ своей учительницѣ, едва ли перемѣнитъ образъ мыслей. Булахъ, зная ее безвольной, еще не знаетъ, что эта слабость характера—плодъ душевнаго недуга. Она увѣрена, что Ма-

зурина спокойна, что деньги ея пойдутъ на добро, и не заикнется о нихъ. А тамъ, среди скитаній и аскетическихъ трудовъ, глядь, и кончитъ свое земное странствованіе, надломленное существованіе... Тогда конецъ всему, конецъ сомнѣніямъ и заботамъ...

Но судьбѣ угодно было поразить г-жу Булахъ неожиданностью, спутавшею всѣ ея расчеты.

Въ 70-хъ годахъ, въ одно прекрасное утро, къ воротамъ одного изъ Мазуринскихъ богоугодныхъ заведеній подъѣхала телѣга, а въ ней сидѣла Мазурина съ какой-то женщиной. Долго, долго не видали бѣдные люди своей благотворительницы и, увидавъ ее, съ крикомъ: „вотъ мать наша пріѣхала!“ бросились къ ней навстрѣчу.

Бросились съ тѣми же привѣтствіями и прислужники дома, ничѣмъ ей не обязанные, но благоговѣвшіе передъ ея добротой. Одна Булахъ, пораженная, встрѣчаетъ ее сухо, нерадостно; друзья и враги Булахъ не проронили ни одного слова здѣсь, изъ котораго можно было бы заключить о ласкѣ, поцѣлуяхъ и объятіяхъ...

Когда къ намъ неожиданно является другъ и близкій изъ дальняго странствія, когда онъ своимъ приходомъ приноситъ намъ счастіе и наслажденіе, всѣ и все, что способствовало этому другу вернуться къ намъ, всѣ и все намъ дорого, намъ любезно. Ямщикъ, слуга, послужившій ему, въ этотъ часъ намъ близокъ, пріятенъ...

А г-жа Булахъ? Какъ приняла она Буянову, 4,000 верстъ проѣхавшую, чтобъ помочь Мазуриной доѣхать до Ржева?

Она не удостоиваетъ ее слова, она сажаетъ ее съ прислугой, она обрѣзываетъ всякую копейку, возвращая ей дорожныя издержки, — да и это даетъ только потому, что на утро считаетъ долгомъ выпроводить Буянову вонъ изъ города.

А Мазурина? Ее вмѣсто радостной встрѣчи ждетъ здѣсь суровая доля; ей, со властью былого времени, запрещается свидѣться даже съ той, которая оказала ей услугу. Ни во что считаетъ Булахъ тотъ стыдъ, который она вызвала у Мазуриной, не смѣвшей исполнить простого долга гостепріимства передъ той, кого звала она, надѣясь вознаградить ее ласками какъ своими, такъ и своей подруги-воспитательницы...

Но что же дѣлать съ Мазуриной?

Этотъ вопросъ должна была задать себѣ Булахъ.

Выгнать вонъ ни на что болѣе ненужную нищую? Но что будутъ говорить въ городѣ, въ печати? Вѣдь дѣвушку знаютъ всѣ, вѣдь заступятся за нее! Кто знаетъ, можетъ быть, родственники заговорятъ о возвратѣ дара? Найдется человѣкъ, — не одинъ же Т. И. Филип-

повъ имѣетъ добрую душу, — возбудитъ дѣло. А Булахъ дорожитъ репутаціей, дающей ей положеніе и обезпечивающей ее отъ неосторожныхъ покушеній заподозрить ее въ нечистыхъ способахъ обогащенія.

Нѣтъ, отпускать Мазурину нельзя. Тамъ, далеко, въ Сибири и въ Кіевѣ, — другое дѣло: тамъ Мазурина безопасна.

Но у дѣвушки нашлась энергія выдержать долгій путь и вернуться въ Ржевъ; болѣе отпускать ее безцѣльно.

Остается одно — держать ее около себя. Для этого не нужно тюрьмы: безъ гроша въ карманѣ, безъ достаточной силы, чтобъ не смутиться властью Булахъ, Мазурина будетъ опять покорна, какъ рабыня. Не нужно будетъ теперь и ухаживать за ней: она ничего болѣе дать не можетъ.

И приговоръ произнесенъ: свобода сношеній съ міромъ, съ тѣми самыми дѣтьми, которыя воспитываются на средства Мазуриной, съ отцами ихъ, съ подчиненными, — все устранено съ удвоенной строгостью.

А между тѣмъ возвратившаяся изъ Сибири Мазурина привезла зерно болѣзни, которое быстро дало ростъ подъ давленіемъ на ея душу обстоятельствъ, перевернувшихъ въ ея глазахъ все ея міросозерцаніе.

Она увидала, что вмѣсто ласки, дружбы, о которой она такъ долго и постоянно мечтала и писала, ее окатили холодностью безсердечія; идеалъ благотворенія, вѣрная хранительница ея казны, посвященной на добро, оказалась эгоисткой, скрягой, отказывающей ей въ нищенской подачкѣ, изгоняющей изъ дому ея подругу и открыто завладѣвшей въ свою пользу и въ пользу дѣтей своихъ благами, данными ей съ другой цѣлью.

Все перепуталось въ головѣ Мазуриной, а ея умственныя и нравственныя силы и безъ того были утомлены: до сихъ поръ, отрекшаяся отъ всего, она жила въ Ржевѣ, хоть скудно, но — необходимое у ней было; Кіевъ и Сибирь впервые познакомили ее съ тернистымъ путемъ отреченія на самомъ дѣлѣ: она не раскаивалась, не отступала, но она падала, уставала и разбила свои незакаленныя въ трудѣ силы...

Ударъ, нанесенный на ослабѣвшія силы, само собой, еще легче въ конецъ пошатнулъ ихъ.

Мазурина заболѣваетъ. Родъ ея болѣзни становится очевиднымъ. Умной ли женщинѣ, какъ Булахъ, не замѣтить этого?

И она замѣтила, но не вопросомъ, какъ помочь несчастной за-

нялся ея умъ: что дѣлать, чтобы не упустить своихъ выгодъ, — вотъ что теперь было на очереди.

Еще опаснѣе, чѣмъ прежде было, еще опаснѣе стало отпустить Мазурину: ее отдадутъ въ больницу, учредятъ опеку и... поколеблютъ то положеніе, которое завоевано Булахъ.

Самой отправить ее въ подходящее заведеніе — тотъ же результатъ: опека, иски о возвратѣ подареннаго... Къ чему же было столько трудиться? Неужели отдать назадъ взятое, отдать деньги?

А для г-жи Булахъ деньги — все: божество и сила. Вѣдь и здѣсь, на судѣ, и всѣмъ поведеніемъ своимъ не даетъ ли она знать, что, въ противоположность библейскому Іову, она не блага и сокровища отдаетъ, чтобы соблюсти душу, но, наоборотъ, она лучше отдастъ и отдаетъ себя на пропятіе, но зато скрываетъ то, что ей всего дороже, — награбленное богатство; скрываетъ такъ, что едва ли соединенныя усилія суда и власти что-нибудь отымутъ у нея.

Остается держать, держать дѣвушку, удесятеривъ тѣ мѣры разобщенія, которыя принесли плоды и прежде: пусть никто не знаетъ объ ней ничего, пусть не доходятъ до властей и родичей соблазнительные слухи объ ея болѣзни.

Относительно низшихъ по положенію издаются строгія повелѣнія: не допускать, гнать, смѣнять за попытку свиданій; а въ отношеніи сильныхъ пускается хитрость и дерзость: тщетно стараются проникнуть къ Мазуриной духовники, учителя. Изгоняются и отступаютъ архіереи и губернаторы. А когда одинъ изъ архипастырей во что бы то ни стало хочетъ увидать аскетку-благотворительницу, Булахъ становится между нимъ и дверью и озадачиваетъ его своими каноническими познаніями: „Отецъ, говорила она ему, дѣвушка больна и полураздѣта, а кормчая не дозволяетъ монаху видѣть обнаженное женское тѣло!“

Болѣзнь Мазуриной могла быть задержана, дать или обратный ходъ, къ лучшему, или, медленнѣе развиваясь, на многіе годы сохранить въ ней разумныя человѣческія способности.

Но, если сношенія съ міромъ прерваны, родственники устранены и, видимо, примирились съ этимъ, — къ чему стремиться къ здоровью а, слѣдовательно, и къ такому состоянію Мазуриной, когда она можетъ требовать назадъ своего или, если и не требовать, то сознательно укорять ее, Булахъ, за измѣну дѣлу? Пусть идетъ своей дорогой разрушающій дѣвушку недугъ. Не мѣшать, а, наоборотъ, очищать ему путь, чтобы шелъ онъ торжественно и быстро къ полной побѣдѣ надъ своей добычей—вотъ что стало мечтой и дѣломъ Булахъ.

Я боюсь вѣрить болѣе убійственнымъ замысламъ Булахъ, но зато въ данномъ поступкѣ убѣждаюсь рядомъ мыслей и выводовъ изъ слышаннаго нами.

Когда дѣло шло о захватѣ состоянія Мазуриной, сколько трудовъ на соблюденіе формъ и обрядовъ закона, сколько семейныхъ совѣтовъ употребила Булахъ!

А когда заболѣла Мазурина, когда наступилъ долгъ позаботиться о ней, пригласить тѣхъ, кто силой науки могъ бы помѣшать враждебнымъ силамъ недуга,—хоть бы одно слово въ Питеръ и тому же совѣтнику своему по дѣламъ, чтобы онъ указалъ свѣдущихъ людей, чтобы обратиться къ ихъ помощи!

Сколько заботливости и мѣръ для того, чтобы злопріобрѣтенное закрѣпить за своей семьей; сколько рѣшительныхъ мѣръ, чтобы остаться безнаказанной, когда началось дѣло, спасти деньги отъ иска опеки Мазуриной, мѣръ съ точки зрѣнія цѣли разумныхъ, дѣйствительныхъ!

А когда заболѣла Мазурина, у Булахъ не промелькнуло мысли, что нужна медицинская помощь, что обстановка, въ какой живетъ та,—убійственна, нравственная атмосфера—невыносима. Не умѣла сама ухаживать—вспомнила бы, что есть дома для подобныхъ больныхъ; не хотѣла сама—дала бы знать родству, которое и теперь своимъ попеченіемъ утѣшило и, видимо, уменьшило болѣзнь несчастной.

Наоборотъ, систематично, бездушно соединено все, что сокращаетъ періодъ разрушенія больного ума, устранено все, что, питая и поддерживая силы, отдаляетъ конечную гибель.

Что у Булахъ въ душѣ не жило ни малѣйшаго чувства къ Мазуриной—этому рядъ очевиднѣйшихъ доказательствъ: обобравъ до нищенства дѣвушку, возвратила ли она ей, въ ея настоящемъ положеніи, хоть частицу?

Нѣтъ!

Душа растоптаннаго существа и ея муки для Булахъ—ничто. Сотни тысячъ, и не сотни тысячъ, а одинъ рубль,—для нея выше и священнѣе правъ загубленной личности.

А если настоящее таково, то не ясно ли, что тѣмъ же чувствомъ велась эта женщина и въ тѣ 7 лѣтъ, когда рядомъ съ ней стонала и медленно таяла ея ученица? Не ясно ли, что боязнь потерять пріобрѣтенное и уменьшить его хоть бы на малую долю руководила волею Булахъ, и она сознательно шла къ быстрой и желанной развязкѣ, терпя Мазурину около себя лишь изъ расчета, чтобы не выпустить въ свѣтъ улику противъ своего бездушнаго эгоизма?

Зло, знающее, что законъ и право не одобрятъ его, не выставляется наружу, а дѣйствуетъ тайно, скрытно. Для того же, чтобъ достигнуть преступныхъ цѣлей въ данномъ случаѣ, вовсе не нужны были явныя и грандіозныя мѣры. Здоровье Мазуриной разрушилось путемъ постепеннаго устраненія противодѣйствующихъ мѣръ: люди неопытные могли не замѣчать ихъ...

Великій поэтъ Англіи Мильтонъ говоритъ, что сатанинская природа такова, что она можетъ сократиться до булавочной головки и носить цѣлый адъ зла въ груди своей...

Такъ и поступала эта женщина.

Ея хитрый умъ обошелъ не однихъ прислужниковъ того дома, гдѣ жила Мазурина: люди умные, законовѣды, успокоивали ее, говоря, что въ ея поступкахъ нѣтъ предусмотрѣннаго закономъ преступленія.

Можетъ быть Булахъ и вамъ станетъ говорить про то же. Не идите на этотъ опасный путь непринадлежащихъ вамъ вопросовъ!

Васъ спросятъ не о томъ, преступны ли дѣла этой женщины; васъ спросятъ, творила ли она то, что ей приписывается, и творя, была ли нравственно повинна. Если дѣла ея и ея вина въ нихъ, вами установленная, однако, просмотрѣны закономъ — судъ освободитъ ее, а если ошибется судъ, силу закона возстановитъ Сенатъ.

Ваша же задача, судьи совѣсти,—вмѣнить въ вину человѣку его дѣла, если они не могли быть совершены безъ злой и преступно настроенной воли.

Если судъ поставитъ передъ вами человѣка, обвиняемаго въ томъ, что онъ ложными обѣщаніями вступить въ бракъ довелъ дѣвушку до самоубійства, и если спросятъ васъ, виноватъ ли онъ, что обманулъ ее, вамъ нечего рыться въ книгахъ закона для того, чтобы сказать, что онъ виновенъ въ обманѣ.

Другое дѣло — судьи: ихъ дѣло, получивъ вашъ отвѣтъ, справиться, *какъ* наказуемо то, что совершилъ обманщикъ. Найдя отвѣтъ, что дѣяніе ненаказуемо, судъ отпуститъ виновнаго, и пусть отпуститъ: это — вина не ваша и не судей,—вина закона или его государственное соображеніе, что фактъ ненаказуемъ.

Вы же, обвиняя, не нарушите вашей обязанности, ибо судъ совѣсти тогда и святъ, когда руководится при оцѣнкѣ людей и ихъ поступковъ чистыми побужденіями нравственнаго чувства, вмѣняя злой волѣ ея зло и освобождая волю, если она не водилась, совершая ошибку, цѣлями преступными и человѣконенавистными.

Обратите вниманіе и на то, что довести человѣка до безумія

можно намѣреннымъ употребленіемъ вредныхъ средствъ и намѣреннымъ устраненіемъ полезнаго: я и мой братъ, мы— два злодѣя, желаемъ довести до безумія двѣ жертвы: я даю своей жертвѣ сильно дѣйствующія средства, а братъ мой томитъ своего врага голодомъ, и, когда тотъ мучится имъ, онъ ставитъ около него хлѣбъ, но мѣшаетъ ему взять его... Муки голода сводятъ съ ума и этого человѣка. Я употреблялъ средство, братъ — мѣшалъ жертвѣ пользоваться необходимымъ для жизни, и оба достигли одного результата. Неужели же вы раздѣлите насъ: одного сочтете виновнымъ, а другого безнаказанно простите? Всякая мѣра дѣланія или воздержанія отъ дѣла, направленная къ достиженію той или другой цѣли, есть способъ добиться ея...

Но не довольно ли? Не думаетъ ли эта женщина, что надежда на возвратъ ею взятаго руководитъ по преимуществу нами и тѣми, кто взялъ изъ рукъ Булахъ загубленную душу?

О, вы жестоко ошибаетесь, г-жа Булахъ! Всѣ наши права, всѣ наши средства, которыя были, мы бы кинули вамъ въ лицо за то, чтобы вы отдали невозвратно погибшее, — за нашу молодость, силу, душу и разумъ! Ихъ вы взяли и звѣрски растерзали человѣка.

Знаете ли вы, что у насъ отнято? Слыхали ли вы, что есть горе и есть страданія, предъ которыми смертный часъ—ничтожный ударъ, для которыхъ гробъ — райская отрада?

Когда пресѣкается жизнь, преждевременно отнятая злодѣйской рукой, у жертвы,—если за гранью земного существованія насъ ждетъ не ложное обѣтованіе вѣры, — есть міръ новый, лучшаго бытія. И эта вѣра утѣшаетъ тѣхъ, кто теряетъ дорогихъ сердцу!

А безумный? Какая скорбь для его друзей созерцать, какъ образъ разумнаго созданія на ихъ глазахъ превращается въ юродствующее, скотоподобное существо! Какое отчаяніе для вѣры въ безсмертное и духовное достоинство личности, когда вчерашній нашъ братъ по разуму и чувству здѣсь, въ мірѣ очевидности, перестаетъ быть человѣкомъ, не переставая быть чѣмъ-то.

А если безумный иногда на минуту возвращается къ сознанію, или, наконецъ, отъ частныхъ переходовъ отъ боли къ моментальному посвѣтлѣнію, въ быстробѣгущія мгновенія послѣдняго, знаетъ, что оно преходяще? Какую адскую муку долженъ онъ испытывать!

Помните у Шекспира сцену тѣни отца съ сыномъ, Гамлетомъ?

На краткій срокъ уходитъ онъ изъ міра небытія въ міръ живыхъ надеждъ, чувствъ и упованій. Онъ спѣшитъ скорѣй-скорѣй насладиться созерцаніемъ любимаго сына и сказать ему все то, что тяго-

титъ его душу... Но вотъ поетъ пѣтухъ, утренній, предразсвѣтный вѣтерокъ возвѣщаетъ наступленіе восхода солнца, и тѣнь спѣшитъ назадъ, въ ужасный міръ небытія и сѣни смертной...

Не то же ли и съ безумными? Заговорить вновь человѣческимъ языкомъ, зажить человѣческимъ чувствомъ и знать, что сейчасъ, сейчасъ опять—возвратъ въ пучину, худшую смерти, шагъ назадъ изъ царства разума и духа въ царство неразумнаго и скотскаго прозябанія!..

Подсудимая, вы знали, что вы дѣлали, но вы сознательно принесли право ближняго на его жизнь въ жертву вашей ненасытной жажды обогащенія. И мы, пораженные глубиной васъ охватившаго порока, не боимся прегрѣшенія, призывая законъ отмщенія на вашу голову!

И намъ дадутъ его, дадутъ передъ вашимъ удивленнымъ взоромъ!..

Знаю я, что непонятно вамъ все то, что совершается, и—торжествую, ибо это начало казни вашего злобнаго духа!

Вы жили упованіемъ, что сила—въ богатствѣ; вы думали, какъ говоритъ поэтъ, что „передъ златомъ гнется копье стальное правосудія“, и вдругъ,—о, чудное зрѣлище!—вы, владѣтельница несмѣтнаго достоянія—на скамьѣ позора! Васъ не спасли ни лживый почетъ, ни сила вашихъ связей!

А она,—нищая и обезличенная, не могущая промолвить слова, стоитъ передъ вами, какъ личность, имѣющая право, правда, не сама,—ей, благодаря вамъ, этого уже не придется сдѣлать,—но стоитъ, представляемая мной, пришедшимъ говорить за нее.

А меня слушаютъ и о бѣдной заботятся и законъ, который вы хотѣли обойти, и прокуроръ, не жалѣвшій труда, и судьи, внимательно изслѣдующіе событіе. Разсудить васъ съ какой-то ничтожностью, на вашъ взглядъ, пришли люди общества и терпѣливо отдаютъ трудъ и время, считая вашу жертву за равноправное со всѣми человѣческое существо! Еще часъ-другой, и раздастся слово правосудія, котораго вы не ожидали.

Разставаясь съ мѣстомъ и уступая его тѣмъ, кто будетъ говорить по мнѣ, я хочу бросить еще одно послѣднее, сравнительное, соображеніе по дѣлу.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ этомъ самомъ зданіи, подъ этими самыми сводами, на эту самую скамью была приведена женщина, облеченная въ черныя одежды и обличаемая въ черныхъ поступкахъ.

То была—игуменья Митрофанія.

Духовная гордыня внушила ей мысль дать учрежденной ею общи-

нѣ, безспорно благому дѣлу, размѣры, превосходящіе ея средства. Она не остановилась, и подлогами хотѣла дополнить то, чего не доставало.

Ваши предшественники, сидѣвшіе на вашихъ мѣстахъ, спросились у совѣсти и во имя ея велѣній осудили нечистое дѣло.

Знаете ли, что поступки Булахъ во стократъ хуже и нравственно гаже поступковъ Митрофаніи?

Тамъ дурно понятое человѣколюбіе и извращенныя благочестивыя цѣли натолкнули ее на преступленіе, а здѣсь — само благочестіе эксплоатировалось какъ орудіе для хищническихъ захватовъ.

Тамъ, правда, крали, но краденымъ, по скудости ума и сухости сердца, думали угодить Богу, воздвигая алтари. Здѣсь—строили храмъ молитвы и милости на чужія средства, чтобъ въ притворахъ его, заманивъ свою жертву, растерзать ее!

Далѣе еще не шло человѣческое лицемѣріе!..

Дадите ли вы право гражданства этому способу наживы?

Не думаю!

Нѣтъ, вы исторгнете зло; вы произнесете судъ, который будетъ отраженіемъ нравственнаго міросозерцанія васъ и того общества, котораго вы плоть отъ плоти и кровь отъ крови.

Во имя этого общества, во имя правды и справедливости, въ которыхъ оно нуждается, я молю васъ: воздвигните попранное право, подайте руку обиженной, защитите сиру и убогу.

Да воскреснетъ законъ въ вашемъ приговорѣ и да расточатся враги его, явные и тайные, дерзкіе и, какъ кротъ подъ землей, подкапывающіеся подъ его истину.

А нечестивыя дѣла, о которыхъ намъ свидѣтельствовали, и тѣ, нечистыя руки, ими же зло совершено и внесено въ міръ, отъ негодующаго на неправду людскую мановенія вашей властной руки, какъ исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ!..

V.

Дѣло братьевъ Бостремъ.

Дѣло бр. Бостремъ,

обв. въ ограбленіи прис. повѣр. Гольдсмита и вымогательствѣ у него документовъ.

Въ сентябрѣ 1874 года въ семью Оскара Бостремъ присяжный повѣренный Гольдсмитъ, случайный знакомый брата Оскара, Александра Бостремъ, помѣстилъ на воспитаніе ребенка.

Гольдсмитъ, навѣщая ребенка, сталъ часто бывать въ квартирѣ Бостремъ.

Молодая жена Оскара Бостремъ черезъ нѣкоторое время послѣ принятія на воспитаніе ребенка Гольдсмита стала жаловаться своему мужу, что Гольдсмитъ ухаживаетъ за ней и даже предлагаетъ ей сожительство, обѣщая за это всевозможныя блага.

24 ноября 1874 года Гольдсмитъ, по его показанію, явился, какъ это онъ часто дѣлалъ, въ квартиру Бостремъ. Едва онъ туда вошелъ, какъ братья Бостремъ напали на него и, сильно избивъ, потребовали, чтобы онъ выдалъ вексель въ 5,000 рублей. Гольдсмитъ выдалъ имъ вексель, но въ тотъ же день заявилъ объ этомъ судебному слѣдователю, сообщивъ при этомъ, что, кромѣ векселя, братья Бостремъ угрозами же заставили его выдать долговую расписку въ 1,000 рублей и во время драки изъ бывшихъ у него 7,000 рублей похитили двѣ тысячи.

Оскаръ Бостремъ не отрицалъ факта избіенія Гольдсмита и полученія отъ него векселя въ 5,000 рублей. Онъ разсказалъ, что, дѣйствительно, въ этотъ день по приходѣ Гольдсмита онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ потребовалъ отъ него выдачи векселя въ 5,000 рублей. Сдѣлалъ онъ это съ тою цѣлью, чтобы проучить Гольдсмита за его постоянныя приставанія къ его женѣ. Вексель они взяли съ Гольдсмита, кромѣ того, въ цѣляхъ обезпеченія такимъ способомъ ребенка Гольдсмита. Расписку же въ 1,000 р. Гольдсмитъ выдалъ самъ для того, чтобы вексель не былъ тогда же предъявленъ ко взысканію. 2,000 рублей ни онъ, ни его братъ у Гольдсмита не похищали.

Гольдсмитъ, напротивъ, объяснилъ, что, по его мнѣнію, вымогательство Бостремъ векселя, расписки и похищеніе 2,000 рублей сдѣланы исключительно съ цѣлью обогатиться на его счетъ; нападеніе на него было для него совершенною неожиданностью.

Въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Гольдсмитъ указалъ на то, что за г-жей Бостремъ онъ никогда не ухаживалъ; что ѣздилъ онъ къ Бостремъ только для того, чтобы провѣдать ребенка; что въ комнаты г-жи Бостремъ заходилъ рѣдко и то только тогда, когда г-жа Бостремъ приглашала его туда и, подъ предлогомъ необходимости произвести различные расходы на ребенка, часто просила у него денегъ.

Всѣ домашніе Бостремъ подтвердили разсказъ Оскара Бостремъ о постоянныхъ, для всѣхъ очевидныхъ ухаживаніяхъ Гольдсмита за женой Бостремъ. Никакихъ доказательствъ того, чтобы Бостремъ похитили у Гольдсмита 2,000 р., кромѣ собственнаго показанія послѣдняго, обнаружено не было.

Братья Бостремъ были преданы Московскому Окружному Суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель суда Загоскинъ. Повѣреннымъ гражданскаго истца выступилъ Громницкій.

Защищали: Оскара Бостремъ Ф. Н. Плевако, Александра Бостремъ кандидатъ правъ Высоцкій.

Вердиктомъ присяжныхъ братья Бостремъ были признаны по Суду оправданными.

Рѣчь въ защиту обвиняемаго Оскара Бостремъ.

Защитнику, прежде всего, необходимо постараться пріобрѣсти довѣріе къ себѣ. Довѣріе пріобрѣтается основательностью рѣчи; но бываютъ рѣчи основательныя, которымъ, однако, нѣтъ вѣры: это бываетъ тогда, когда явится подозрѣніе, что человѣкъ говоритъ не то, что хочетъ его сердце,—сердце въ разладѣ съ умомъ.

Подобное подозрѣніе могло явиться у васъ, гг. присяжные, противъ меня, защитника, потому что Гольдсмидтъ въ началѣ засѣданія заявилъ, что я собирался быть повѣреннымъ его, какъ гражданскаго истца.

Но я очень счастливъ, что не искалъ, гдѣ глубже, гдѣ лучше, гдѣ больше даютъ: это видно изъ того, что я, слава Богу, защищаю по назначенію отъ суда и, слѣдовательно, никакого личнаго интереса, кромѣ душевнаго, сердечнаго расположенія, въ переходѣ изъ одного лагеря въ другой не имѣлъ.

Поэтому я полагаю, что вы отнесетесь ко мнѣ съ довѣріемъ настолько, насколько этого будетъ заслуживать внутренняя правда моихъ словъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ, что ни шагъ, то трудности. На скамьѣ потерпѣвшаго сидитъ нашъ товарищъ, присяжный повѣренный, призваніе котораго защищать подсудимыхъ, защищать истину и говорить на судѣ только правду.

Послѣ этого не положить ли ужъ оружіе?!. Если присяжный повѣренный Гольдсмидтъ говоритъ, что съ нимъ поступили такъ-то, то не правда ли все, что онъ говоритъ отъ перваго и до послѣдняго слова, не дѣлаю ли я большой ошибки противъ сословія, къ которому принадлежу что рѣшаюсь доказывать возможность неправды въ словахъ потерпѣвшаго лица?

Господа, я не думаю, что дѣлаю ошибку: только гнилымъ корпораціямъ, гнилымъ сословіямъ свойственна такая идея, чтобы непремѣнно отстаивать поступки своихъ членовъ, не подвергать ихъ критикѣ, не подвергать суду.

Всякое же сословіе, которое вмѣщаетъ въ себѣ членовъ, достойныхъ добраго имени, не боится предстать предъ судомъ, не боится слова правды...

Итакъ, нимало не стѣсняясь тѣмъ, что предо мною въ качествѣ потерпѣвшаго лица стоитъ товарищъ по сословію, я скажу: я вамъ не дамъ болѣе вѣры, чѣмъ каждому человѣку, явившемуся на судъ поддерживать свои жалобы; если вы не подтвердите ихъ, я сочту себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ не вѣрить вамъ, потому что во имя высокихъ человѣческихъ интересовъ нельзя довѣрять тому, чего не докажетъ жалобщикъ.

Нѣтъ сословія, званія, состоянія, въ которомъ человѣкъ не могъ бы сказать такой вещи, которая оказалась бы неправдой, даже въ томъ случаѣ, когда онъ самъ полагаетъ, что говоритъ правду...

Подсудимые обвиняются въ преступленіи, которое по закону приравнено къ разбою.

Но дѣятельность подсудимыхъ, ихъ общественное положеніе прежде всего противорѣчатъ всѣмъ извѣстной характеристикѣ разбойника: они только что начали жить, жили честнымъ трудомъ, между тѣмъ какъ имѣли возможность запускать свои лапы въ чужое добро, если бы не были люди нравственные.

Если положеніе, воспитаніе, средства, которыя они имѣли къ жизни, не могли предохранить ихъ отъ соблазна на чужую собственность, то, по крайней мѣрѣ, ихъ умъ, образованіе даютъ основаніе ожидать,

чтобы средства, избранныя ими для достиженія корыстной цѣли, соотвѣтствовали ихъ уму, развитію. Между тѣмъ всѣ обстоятельства дѣла указываютъ на то, что это—или невинные люди, или найвнѣйшіе нарушители чужой собственности.

Хотя товарищъ прокурора отказался отъ одного изъ обвиненій, взведенныхъ на подсудимыхъ, именно отъ обвиненія въ ограбленіи подсудимыми 2.000 р., но гражданскій истецъ все-таки приводитъ два соображенія въ подкрѣпленіе этого обвиненія: во-1-хъ, онъ смѣло и свободно заявляетъ, что можно назвать участницами грабежа и разбоя двухъ честныхъ женщинъ, противъ которыхъ не представлено никакого пятна, заявляетъ только потому, что женщины эти не были обысканы, и во-2-хъ,—гражданскій истецъ указываетъ на то, что одинъ изъ подсудимыхъ имѣлъ возможность до обыска сходить на Никольскую улицу...

Но если бы подсудимые дѣйствительно желали скрыть что-нибудь, то они скорѣе должны были бы позаботиться скрыть внѣ дома не деньги, а документы, потому что принадлежность документовъ видна, деньги же, пріобрѣтенныя честнымъ трудомъ и пріобрѣтенныя преступленіемъ, по внѣшнему виду не отличаются другъ отъ друга.

Итакъ, по поводу ограбленія 2.000 р. противная сторона не представила никакихъ доказательствъ; за отсутствіемъ данныхъ она только бросаетъ тѣнь на людей честныхъ, имя которыхъ должно пользоваться уваженіемъ съ большимъ правомъ, чѣмъ имя тѣхъ, кто возбудилъ настоящее дѣло...

Переходя къ другому обвиненію, — къ обвиненію подсудимыхъ въ вымогательствѣ обязательствъ, защитникъ счелъ нужнымъ выяснить понятіе нашего закона объ этомъ преступленіи.

Такъ называемое вымогательство обязательствъ у другого лица путемъ насилія или угрозъ по нашему закону относится къ преступленіямъ, направленнымъ противъ имущества другого лица. Конечная цѣль такого преступленія — что-нибудь пріобрѣсти: угрозы, побои, насиліе разсматриваются здѣсь, какъ средства. Если я встрѣчаю на улицѣ человѣка, бью его и говорю, что буду бить до тѣхъ поръ, пока онъ не отдастъ мнѣ своихъ часовъ, то я совершаю грабежъ; но если человѣкъ отправился къ своему пріятелю за двумя вещами—получить долгъ и, кстати, поссориться за неаккуратность, приходитъ къ нему, видитъ на столѣ деньги, хватаетъ ихъ: „ты мнѣ долженъ, я не хочу ждать судебнаго рѣшенія и беру эти деньги“,—здѣсь будетъ только самоуправство, а не грабежъ.

Если съ противной стороны будетъ сказано рѣзкое слово, если я

въ отвѣтъ также скажу рѣзкое слово и затѣмъ выйдетъ брань и драка, то, хотя здѣсь, какъ и въ грабежѣ, были одинаково драка и переводъ имущества отъ одной стороны къ другой, но ни одинъ серьезный юристъ не станетъ утверждать, что тутъ и тамъ было одинаковое дѣяніе.

Это мнѣніе имѣетъ за себя такой авторитетъ, предъ которымъ долженъ преклониться авторитетъ каждаго суда. Именно, въ 1869 г. до кассаціоннаго Сената, какъ видно изъ рѣшенія его № 327, доходило дѣло, въ которомъ возникалъ такой вопросъ: не слѣдуетъ ли считать грабежомъ переходъ имущества отъ одного лица къ другому, когда въ это же время между лицами случилась драка, хотя бы эта драка и не была средствомъ для вымогательства имуществъ.

Сенатъ призналъ, что грабежомъ называется только такое дѣяніе, въ которомъ насиліе, побои, угрозы,—все это было затѣяно для того, чтобы добиться пріобрѣтенія имущества; если же одно изъ другого не вытекаетъ, какъ слѣдствіе изъ причины,—тогда нѣтъ грабежа.

На основаніи этихъ соображеній легко разрѣшить вопросъ о вымогательствѣ.

Если обязательство выдано путемъ угрозъ, вслѣдствіе боязни обиды дѣйствіемъ, то тогда обязательство выдано черезъ вымогательство; но если между двумя лицами по поводу семейныхъ или другихъ обстоятельствъ происходила ссора, драка, если оскорбленное лицо наноситъ побои другому не для того, чтобы взять вексель, а чтобы проучить оскорбителя, и если обязательство предложено не какъ послѣдствіе побоевъ, а какъ плата, чтобы я не обращался къ законной власти и не оглашалъ дѣйствительныхъ событій, — тогда угрозъ и вымогательства не было.

Посмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ происходило столкновеніе Бостремъ и Гольдсмидта.

Какъ я уже сказалъ, подсудимые не занимались по ремеслу дѣяніями, имъ приписываемыми, — прошлое ихъ безупречно. Здѣсь была оглашена только одна печальная сцена изъ ихъ семейной жизни, печальная не въ томъ смыслѣ, чтобы существовалъ разладъ въ семьѣ, а въ томъ, что явился внѣшній врагъ, разрушитель семейнаго счастія.

Факты, которые мы выслушали здѣсь, заставляютъ меня согласиться съ обвинительною властью относительно того, какимъ образомъ развилось настоящее дѣло.

Я не стану говорить о томъ, откуда г. Гольдсмидтъ привезъ ребенка; можетъ быть, тотъ фактъ, по поводу котораго заявлялись разныя темныя предположенія, свидѣтельствуетъ о Гольдсмидтѣ, на-

противъ, съ хорошей стороны,—человѣкъ, который, имѣя къ тому возможность, не бросаетъ ребенка на произволъ судьбы, а воспитываетъ его, недостоинъ порицанія: онъ исполняетъ только священный долгъ природы.

Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ объ одномъ,—что у почтеннаго нашего товарища, который здѣсь является гражданскимъ истцомъ, были легкія воззрѣнія на семейныя отношенія. Это—его дѣло: онъ за это отвѣчаетъ передъ судомъ собственной совѣсти...

Но каково людямъ, къ которымъ въ домъ онъ войдетъ и будетъ проповѣдовать тѣ же легкія воззрѣнія?!..

Есть люди, которые имѣютъ полное право смотрѣть гораздо строже на семейныя отношенія, и идеи, разрушающія семейный союзъ, не должны проникать въ ихъ домъ...

Я нисколько не сомнѣваюсь, что первоначально г. Гольдсмидтъ посѣщалъ гг. Бостремъ съ одною только цѣлью,—съ цѣлью устроить ребенка, и никакъ не больше.

Но вотъ фактъ, котораго нельзя отвергать: мать этого ребенка умерла, а молодая женщина, только что вышедшая замужъ, взяла на себя обязанность второй матери.

У матери—разныя обязанности. Почему же не распространить эти обязанности на даму, которая была такъ любезна, что взяла на себя воспитаніе ребенка?..

И вотъ, г. Гольдсмидтъ начинаетъ разговоръ, не вѣрить которому я не имѣю права, потому что, хотя его сообщаетъ жена подсудимаго, въ немъ столько внутренней правды, что не вѣрить этому невозможно.

Г. Гольдсмидтъ спрашиваетъ Елизавету Александровну Бостремъ: любитъ ли она своего мужа?

Очень удачно, съ большимъ тактомъ заданъ вопросъ!..

Но здѣсь, повидимому, встрѣтилось противодѣйствіе: жена любитъ мужа... любитъ человѣка бѣднаго, живетъ въ нуждѣ.

Тогда, имѣя въ виду, что блага міра всѣмъ дороги, г. Гольдсмидтъ указываетъ ей на возможность измѣнить свое положеніе. А такъ какъ она любитъ мужа, то лучшимъ средствомъ для этого представляется пріискать мужу хорошее мѣсто.

Женщина, любящая мужа, могла задуматься надъ этимъ предложеніемъ, потому что есть женщины, готовыя жертвовать всѣмъ, даже жизнью, для человѣка, котораго онѣ любятъ.

Первый шагъ сдѣланъ—представлена прелесть богатства.

Но у женщинъ, даже у тѣхъ, которыхъ можетъ прельщать богатство, есть еще другая, болѣе дорогая, вещь: честь, цѣломудріе...

Нужно разбить и эту брешь.

Что такое честь?

Доброе имя передъ общественнымъ мнѣніемъ и, въ особенности, передъ своимъ мужемъ.

Но вѣдь только четыре стѣны будутъ свидѣтелями нашихъ отношеній, говоритъ обольститель, а стѣны — нѣмы: не бойтесь, онѣ никогда не измѣнятъ...

Но и этого мало: честная женщина должна колебаться, въ особенности, когда не любовь влечетъ къ человѣку, а человѣкъ этотъ средствами старается сбить ее съ долга.

„Чего же вы боитесь? Вы знаете, что людская природа такъ устроена, что нѣкоторые грѣхи, совершенные женщиной по выходѣ честною замужъ, могутъ быть прикрыты?!..“

Я сомнѣваюсь, чтобы 18-лѣтняя женщина, 5 мѣсяцевъ вышедшая замужъ, могла такъ ловко лгать, передавать такъ естественно исторію, которая извѣстна всѣмъ намъ, — какъ обманываютъ мужчины честныхъ женщинъ!..

Елизавета Александровна, какъ порядочная женщина, обратилась съ жалобой къ мужу.

И здѣсь является естественный фактъ: ее оскорбила та вольность, которую позволилъ Гольдсмидтъ, поцѣловавъ руку.

Но мужъ благоразумнѣе и говоритъ: здѣсь нѣтъ ничего дурного,— можетъ быть, это сдѣлано изъ чувства благодарности за твои заботы о ребенкѣ!.. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ классахъ общества цѣлованіе руки женщины считается только вѣжливостью... Заводить изъ-за этого исторію — преждевременно, говоритъ мужъ.

Но Гольдсмидтъ счелъ долгомъ итти кверху и отъ руки добрался до шеи...

Этотъ фактъ — движеніе къ шеѣ — также былъ переданъ мужу.

Мужъ не нашелъ въ лексиконѣ свѣта такого обыкновенія, чтобы можно было цѣловать шею посторонней женщины, и онъ рѣшился отмстить.

Разбойничьи, грабительскія идеи начинаются такъ: человѣку нужны деньги, и онъ обдумываетъ, гдѣ бы достать ихъ.

Здѣсь же на первомъ планѣ желаніе не достать денегъ, а какъ бы наказать человѣка, отучить отъ извѣстнаго дома.

Есть пословица, что извѣстныхъ людей можно доѣхать не дубьемъ, а рублемъ...

И дѣйствительно, въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, вѣкъ меркантильныхъ интересовъ, рублемъ можно задѣть всякаго за живое.

Почему же не наказать рублемъ человѣка, который считалъ въ деньгахъ все величіе, желалъ даже обольстить ими женщину, наказать не потому, чтобы для насъ былъ дорогъ рубль, а чтобы показать, что нельзя вторгаться въ чужой міръ безнаказанно?!..

Обыкновенно разбойникъ, воръ, задумавъ разбойничать, воровать, идетъ на мѣсто преступленія; здѣсь же предполагаемые разбойники и грабители остаются дома, а жертва пріѣзжаетъ къ нимъ.

Жертва эта входитъ въ кабинетъ и начинаетъ разговоръ.

Какъ этотъ разговоръ перешелъ въ драку и какъ появились обязательства—исторія темная, которую можетъ разъяснить Гольдсмидтъ, а если его объясненія недостаточны, то подсудимые.

По утвержденію Гольдсмидта, на него напали подсудимые, потребовали подписанія обязательствъ и тутъ же вытащили 2.000 руб.

Неправдоподобность этого послѣдняго заявленія, въ виду 4.000 р., оставшихся цѣлыми въ карманѣ, когда грабители обшаривали свою жертву, достаточно разъяснена обвинительною властью, такъ что едва ли вы можете дать какую-нибудь вѣру этому заявленію объ ограбленіи 2.000 руб.

Это заявленіе Гольдсмидта даетъ мнѣ право сказать: нельзя губить цѣлую жизнь подсудимыхъ на основаніи словъ такого недостовѣрнаго свидѣтеля, которому вѣрить отказываются даже во имя здраваго смысла.

Значитъ, Гольдсмидтъ—недостовѣрный свидѣтель событія...

Обратимся къ другому источнику—къ показаніямъ братьевъ Бостремъ.

Они говорятъ, что между ними и Гольдсмидтомъ происходила драка, драка вслѣдствіе оскорбленія, нанесеннаго Гольдсмидтомъ женѣ одного изъ Бостремъ. Дѣло началось изъ-за этого. Цѣли пріобрѣсть во что бы то ни стало денежное обязательство, у нихъ не было. Обязательство это появляется, какъ путь къ соглашенію,—чтобы г. Гольдсмитдъ не былъ опозоренъ публично, чтобы до свѣдѣнія лицъ, отъ которыхъ зависѣло его положеніе, не было доведено объ обстоятельствахъ, его компрометирующихъ.

На это указываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты: обыкновенно полученіе обязательства есть послѣднее дѣйствіе грабежа, насилія, и потерпѣвшее лицо сопротивляется до послѣдней степени.

Здѣсь же происходитъ предварительно спокойный разговоръ о замѣнѣ одного обязательства другимъ, и обнаруживаются до того добрыя отношенія, что Гольдсмитъ находитъ даже нужнымъ успокоить гг. Бостремъ, боясь, что они раздумаютъ воспользоваться до-

кументами: я, говоритъ Гольдсмидтъ, далъ имъ документъ и успокоивалъ ихъ, что деньги отдамъ.

Для чего дѣлалось это?

Для того, чтобы явиться къ слѣдователю и накрыть противниковъ.

Года два назадъ наше общественное мнѣніе сильно возмущено было подобными фактами: извѣстные чины полиціи, узнавъ, что такое-то лицо желаетъ совершить преступленіе, вмѣсто того, чтобы остановить его на приготовленіи или на покушеніи, выжидали, пока совершится преступленіе, чтобы накрыть преступника и получить похвалу, награду.

Почтенный нашъ товарищъ не принадлежитъ къ этому сословію—онъ не нуждается въ какой бы то ни было наградѣ; но у него была другая цѣль: онъ желалъ отомстить людямъ, которые подрались съ нимъ.

Онъ даетъ имъ денежное обязательство, но боится, чтобъ они не раздумали, и поэтому старается успокоить ихъ, чтобъ они,—напримѣръ, по совѣту женъ,—не отказались отъ злого дѣла.

Ей-Богу, мнѣ кажется, что, если здѣсь совершено было преступленіе, то совершенію его усердно помогало само потерпѣвшее лицо...

Затѣмъ защитникъ перешелъ къ изложенію доказательствъ того, что между г. Гольдсмидтомъ и женой Оскара Бостремъ дѣйствительно существовали тѣ отношенія, о которыхъ упоминается выше.

Объ этихъ отношеніяхъ показываютъ: Елизавета Александровна Бостремъ и кухарка, Матрена Ѳедорова.

Гражданскій истецъ не довѣряетъ г-жѣ Бостремъ, потому что она, какъ существо, очень близкое своему мужу, готова показать въ пользу него неправду.

Не вѣрьте ей, говоритъ гражданскій истецъ, если она плачетъ; не вѣрьте, если въ ея голосѣ слышится правдивость; не вѣрьте даже тогда, когда ваше сердце начинаетъ вѣрить.

Но источникъ правды есть сердце; если ваше сердце говоритъ вамъ, что такой-то человѣкъ говоритъ правду, то значитъ такъ и есть... Отказаться отъ этого значитъ отказаться отъ очевидной истины...

Затѣмъ противная сторона говоритъ: не вѣрьте кухаркѣ, что для нея показались подозрительными продолжительныя свиданія Гольдсмидта съ Елизаветою Бостремъ, потому что развѣ свиданіе кума съ кумой — вещь рѣдкая?..

Я не спорю, что кумъ съ кумой могутъ видѣться, но когда эти

свиданія очень часты, то у насъ даже есть пословица, что они опасны.

Если бы кума молчала, то наше сомнѣніе разрѣшилось бы въ пользу Гольдсмидта; но въ виду заявленія Елизаветы Бостремъ слѣдуетъ думать, что, кромѣ духовнаго родства, въ отношеніяхъ Гольдсмидта къ кумѣ было еще нѣчто другое. По свойству человѣческой природы всегда возможенъ переходъ изъ міра духовнаго немного къ міру реальному, и вотъ этотъ-то реальный міръ и выяснился въ томъ фактѣ, который видѣла кухарка.

Противная сторона ссылается на кормилицу, которая, дѣйствительно, говоритъ, что Гольдсмидтъ никогда не бывалъ болѣе пяти минутъ у г-жи Бостремъ.

Но вы припомните, что кормилица — чешка, которой не съ кѣмъ слова было перемолвить; вѣроятно, она была поставлена въ такія условія, что весьма рѣдко выходила изъ своей комнаты и потому не могла знать, подолгу ли оставался г. Гольдсмидтъ у г-жи Бостремъ.

Но, если дѣйствительно со стороны Гольдсмидта было ухаживаніе за женой Оскара Бострема, то взятіе съ него денежнаго обязательства не есть ли фактъ нравственно-безобразный, ради котораго нужно отвернуться отъ подсудимыхъ, и не доказываетъ ли этотъ фактъ преступленія, въ которомъ обвиняютъ Бострема?

Повторивъ, что въ дѣяніи подсудимыхъ нельзя видѣть корыстную цѣль, потому что первымъ побудительнымъ мотивомъ и цѣлью этого дѣянія не было полученія отъ Гольдсмидта денежнаго документа, защитникъ задался вопросомъ: самый фактъ взятія векселя, заемнаго письма всегда ли указываетъ на корысть?

Не всегда: напримѣръ, жена живетъ несчастливо съ мужемъ, и послѣдній, хотя согласился жить врозь, но все-таки иногда приходитъ къ ней, мучаетъ ее, и, если съ такого мужа будетъ взято обязательство въ 15—20 тысячъ, съ тѣмъ, что, какъ скоро онъ нарушитъ свое обѣщаніе не приходить къ женѣ, то обязательство будетъ представлено ко взысканію, — въ такомъ случаѣ нѣтъ корыстной цѣли, потому что здѣсь обязательство служитъ средствомъ только для другой болѣе отдаленной цѣли.

Точно также и въ настоящемъ дѣлѣ, если согласиться съ подсудимыми, что документъ былъ взятъ за то, чтобы отказаться отъ преслѣдованія Гольдсмидта по суду и передъ общественнымъ мнѣніемъ путемъ оглашенія извѣстныхъ фактовъ, то здѣсь нельзя видѣть корысть, а—месть или пріобрѣтеніе документа по добровольному соглашенію...

Но не приняла ли здѣсь месть форму чрезвычайно нелѣпую, отталкивающую?

Дѣйствительно, скверно безчестье оцѣнивать на деньги. Но когда семейство торжествуетъ, когда человѣкъ, покушавшійся разрушить семейный союзъ, со стыдомъ выгнанъ изъ дома, — тогда нѣтъ такого желанія мести, которое требовало бы другой, болѣе благородной формы, а есть только желаніе, чтобы тотъ, кто пытался нарушить миръ въ семьѣ, тяжело поплатился за свою попытку.

Вотъ это-то обстоятельство,—что покушеніе на честь жены его не удалось, и примиряетъ съ личностью Бострема.

Здѣсь не было вымогательства, а было полученіе документа безденежнаго, безъ всякой валюты.

Подсудимые считали этотъ документъ до того законнымъ, что, когда явился слѣдователь, они добровольно представили его: они, конечно, этого не сдѣлали бы, если бы считали, что пріобрѣли документъ путемъ незаконнымъ, путемъ насилія.

Документъ явился результатомъ соглашенія: или будутъ оглашены такіе-то факты, или долженъ быть представленъ такой-то выкупъ: при этомъ уголовный, преступный характеръ, приписываемый дѣянію подсудимыхъ, самъ собою падаетъ.

Правда, если люди расправляются съ другими, сами пріискиваютъ мѣру удовлетворенія, играютъ въ одно и то же время роль и оскорбленныхъ, и обвинителей, и судей, то такое самоуправство нетерпимо.

Но въ данномъ случаѣ событіе совершилось при такихъ обстоятельствахъ, которыя заставляютъ относиться къ нему болѣе мягко.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этой семейной драмѣ, въ драмѣ между мужемъ оскорбленной женщины и лицомъ, которое желало быть обольстителемъ, кто былъ истинно потерпѣвшій и кто нападалъ на самое дорогое сокровище?

Конечно, ни на одну минуту вы не остановитесь въ выборѣ, и этотъ выборъ, разумѣется, падетъ не на тѣхъ, кто сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ.

Подсудимый Оскаръ Бостремъ только за 5 мѣсяцевъ до событія женился и женился на дѣвушкѣ 18 лѣтъ, которая вышла по любви за человѣка, не имѣющаго ничего, кромѣ трудового рубля.

Образовавъ семейный миръ, этотъ человѣкъ только что началъ наслаждаться, когда въ его домъ явился нежданный другъ въ лицѣ потерпѣвшаго отъ преступленія.

Этотъ нежданный другъ, вмѣсто того, чтобы, благодаря высшему развитію, стоять за соблюденіе долга и нравственнаго закона, старался

разрушить семью. Цѣлое семейное счастье, съ радостями мужа и жены, отца и дѣтей, этотъ человѣкъ хотѣлъ принести въ жертву минутнаго сладострастія, минутнаго удовлетворенія своей потребности, погубить навсегда, безвозвратно, — потому что павшая и затѣмъ раскаявшаяся жена никакими слезами не заставитъ мужа позабыть оскорбленіе, нанесенное ему.

Если же люди узнали, что въ ихъ домъ подъ видомъ друга вошелъ обольститель и если противъ этого обольстителя приняты мѣры, которыя немного не сошлись съ требованіями закона, то такіе люди, въ виду страшнаго несчастія, которое угрожало имъ, заслуживаютъ той доли вниманія и участія, какого заслуживаетъ человѣкъ, когда онъ въ бѣдствіи ополчается на своихъ враговъ...

VI.

Дѣло Замятниныхъ.

Дѣло супруговъ Замятниныхъ,

обв. въ вымогательствѣ векселей.

13 марта 1881 года въ Козьмодемьянскѣ, въ своей квартирѣ, купецъ Семенъ Замятнинъ путемъ угрозы убійствомъ, съ револьверомъ въ рукахъ, заставилъ казанскаго купца Устина Курбатова подписать въ свою пользу 4 векселя на сумму 100.000 рублей.

Въ домъ Замятнина Курбатовъ явился къ его женѣ Маріи Алексѣевнѣ по дѣлу о поставкѣ послѣдней дровъ для своего пароходства.

Еще до 13 марта проѣздомъ изъ Нижняго-Новгорода, постояннаго мѣста своего жительства, въ Ирбитъ Курбатовъ заѣзжалъ къ Замятнинымъ, но не видѣлъ ихъ и оставилъ записку, что заѣдетъ на обратномъ пути въ Нижній.

Съ Замятниной Курбатовъ и раньше имѣлъ торговыя дѣла. Послѣ смерти перваго мужа Замятниной между ней и Курбатовымъ установились близкія отношенія. Со вторымъ мужемъ Замятниной Курбатовъ познакомился впервые 13 марта 1881 года.

Когда Курбатовъ явился къ Замятнинымъ, имъ прежде всего была заключена съ Замятниной сдѣлка о поставкѣ дровъ, по которой онъ вручилъ Замятниной въ задатокъ 3.000 рублей.

Послѣ предложеннаго чая Замятнинъ пригласилъ Курбатова изъ зала въ другую комнату и здѣсь, вынувъ изъ кармана револьверъ, заявилъ ему, что за существовавшія между нимъ и женой Замятнина отношенія пришло время расплатиться. Продолжая держать револьверъ въ рукѣ и угрожая смертью, Замятнинъ заставилъ Курбатова подписать сначала два векселя по 25.000 р., затѣмъ одинъ въ 50.000 р., а оставшіеся при немъ вексельные бланки, еще на 150.000 р., онъ тутъ же уничтожилъ, заявивъ, что удовлетворяется векселями на выданную имъ сумму, хотя раньше собирался требовать ихъ на 250.000 р.

Угрозой мести Замятнинъ потребовалъ отъ Курбатова молчанія обо всемъ происшедшемъ между ними.

Очень взволнованный этимъ Курбатовъ немедленно уѣхалъ къ себѣ домой. По пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга, куда онъ долженъ былъ немедленно выѣхать, онъ сообщилъ обо всемъ происшедшемъ прокурору.

Тогда же Курбатовъ узналъ, что подписанные имъ Замятнину векселя уже представлены послѣднимъ къ учету въ Волжско-Камскомъ банкѣ.

Спрошенная обо всемъ этомъ Замятнина разсказала слѣдующее.

Во время своего вдовства она сблизилась съ Курбатовымъ. Еще за 4 года до этого случая, въ 1877 г., Курбатовъ, въ видѣ подарка, выдалъ ей 4 векселя по 25.000 руб. каждый и затѣмъ ежегодно векселя эти возобновлялъ.

Въ этотъ пріѣздъ Курбатова въ Козьмодемьянскъ ея мужъ, Семенъ Замятнинъ, знавшій о бывшихъ ея отношеніяхъ къ Курбатову и о подаркѣ, который послѣдній сдѣлалъ ей, предложилъ Курбатову уплатить по векселямъ деньги. Курбатовъ сказалъ, что у него съ собой денегъ нѣтъ и на означенную въ прежнихъ векселяхъ сумму написалъ новые векселя.

По поводу показанія Курбатова Замятнина заявила, что онъ говоритъ неправду для того, чтобы не платить по выданнымъ имъ векселямъ.

Общественное положеніе Курбатова, его очень значительное состояніе, отзывы о немъ людей, какъ о крупномъ благотворителѣ, не позволили думать, что Курбатовъ говоритъ неправду, и С. Замятинъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за полученіе отъ Курбатова векселей путемъ угрозъ, а его жена—за пособничество въ этомъ преступленіи.

Добытыя слѣдствіемъ обстоятельства, заключеніе экспертизы о томъ, что подписи на векселяхъ сдѣланы человѣкомъ, находившимся въ волненіи, показанія домашнихъ Замятниныхъ, что имъ ничего не было извѣстно о пребываніи въ ихъ домѣ Курбатова, что пріѣздъ его былъ обставленъ какою-то таинственностью,—объясненія Замятниной не подтвердили.

Замятнины судились въ г. Козьмодемьянскѣ выѣздной сессіей Казанскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 7—9 іюня 1882 года.

Подсудимыхъ защищалъ прис. пов. Н. П. Шубинскій.

Гражданскій искъ со стороны Курбатова поддерживалъ Ф. Н. Плевако.

Присяжные засѣдатели, признавъ доказаннымъ фактъ вынужденнаго полученія Замятниными съ Курбатова на 100.000 руб. векселей, по вопросу о виновности въ этомъ преступленіи Замятниныхъ отвѣтили отрицательно.

Окружный Судъ постановилъ: признать С. и М. Замятниныхъ по суду оправданными, а векселя, выданные Курбатовымъ, уничтожить.

Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца Курбатова.

Шестнадцать лѣтъ я — адвокатъ.

Профессія даетъ намъ извѣстныя привычки, которыя идутъ отъ нашего труда. Какъ у кузнеца отъ работы остаются слѣды на его мозолистыхъ рукахъ, такъ и у насъ, защитниковъ, защитительная жилка всегда остается нашимъ свойствомъ не потому, что мы хотимъ отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видимъ въ подсудимыхъ по преимуществу людей, которымъ мы *со*страдаемъ, прощаемъ и о которыхъ мы сожалѣемъ.

Годы закаливаютъ насъ въ этой привычкѣ...

Рядомъ съ ними къ намъ приходятъ и другіе люди, которые жалуются на преступниковъ, подсудимыхъ и говорятъ: „они насъ обидѣли, защитите насъ, просимъ вашего содѣйствія: у насъ нѣтъ другихъ защитниковъ, намъ не къ кому обратиться".

Кромѣ насъ, защитниковъ, для прямой защиты ихъ отъ обидчиковъ, закономъ не создано иного класса. При нашей привычкѣ защищать, при нашей привычкѣ къ снисхожденію мы встрѣчаемся съ необходимостью требовать возстановленія нарушенныхъ правъ, отнятія изъ ихъ рукъ того, что они захватили.

Если ко мнѣ является человѣкъ, у котораго сняли съ плечъ кафтанъ, я дѣйствую такимъ образомъ, чтобы возвратить похищенное; но если этотъ же человѣкъ требуетъ наказанія преступника, то его заявленіе кажется мнѣ еще недостаточнымъ.

Какъ же примирить это?

Очень легко!

Нужно только умѣть поставить предѣлы того чувства къ подсудимому, о которомъ я говорилъ, и чувства справедливости къ тому человѣку, который страдаетъ.

Заявляютъ искъ разнаго рода люди: иные хлопочутъ о томъ только, чтобы выиграть свой искъ, иногда даже несправедливый. Защита, готовая клеветать, явиться пособникомъ такого человѣка,—позорна и нечестна.

Наоборотъ, — нѣтъ выше задачи, какъ защищать невинно-потерпѣвшаго...

Но есть противоположный классъ потерпѣвшихъ, гдѣ сила смѣется надъ всѣмъ.

Когда приходятъ къ намъ обиженные люди и говорятъ, что у нихъ силой отняли то, что имъ принадлежало, что имъ негдѣ искать

защиты,—тогда указываешь имъ на Бога; но они отвѣчаютъ, что тамъ—пустое мѣсто, вотъ тутъ нужно уличить, покарать преступника, доказать ему, что насиліе — презрѣнно, потому что нарушаетъ человѣческія права...

Бываютъ еще третьяго сорта дѣла, когда, подъ вліяніемъ гнѣва, вражды и другихъ житейскихъ обстоятельствъ, человѣкъ порой совершитъ преступленіе, а потомъ самъ не можетъ додуматься, какъ онъ его совершилъ; дѣло поправлять поздно, и вотъ, изъ чувства самосохраненія, онъ начинаетъ отпираться. Можетъ быть, онъ не прочь возвратить несправедливо отнятое, но боится дать улики обвиненію.

Тогда онъ начинаетъ давать невѣроятныя показанія, говоритъ неправду; между тѣмъ потерпѣвшій — страдаетъ, интересы его — нарушены... Тутъ мы будемъ вполнѣ правы, защищая эти интересы, но не будемъ правы, если захотимъ карать обвиняемаго.

Для меня безразлично, останется ли обвиняемый въ этомъ городѣ или будетъ сосланъ. Позоръ подсудимаго для интересовъ Курбатова не имѣетъ значенія.

Вся наша просьба заключается въ томъ, чтобы вы разсудили, законны ли тѣ документы, которые находились въ рукахъ Замятнина,— выданы ли они добровольно, какъ всякій честный актъ, или же взяты силой изъ рукъ того, кому имущество принадлежало.

Задача повѣреннаго гражданскаго истца заключается въ удовлетвореніи его гражданскаго иска, и только въ этихъ предѣлахъ я буду разъяснять передъ вами настоящее дѣло.

Вопросъ, какъ вы знаете, поставленъ ребромъ. Приходитъ человѣкъ и говоритъ намъ: „меня обманули — заставили силой и угрозами подписать векселя... Прошу признать ихъ недѣйствительными".

Приходитъ также другой и говоритъ: „документы—мои собственные; я получилъ ихъ въ обмѣнъ на старые документы".

Выступаетъ жена и говоритъ: „эти документы — законные; получивъ отъ Курбатова, я передала ихъ мужу; правда, я денегъ ему не давала, не трудилась для него, но когда-то онъ оставилъ у меня документовъ на 100 тысячъ въ благодарность за то, что проводилъ у меня время, отдыхалъ отъ заботъ... Теперь я съ нимъ разсталась и вышла замужъ".

Вотъ задача, которую я долженъ объяснить вамъ и рѣшить вопросъ, который въ глубинѣ вашей совѣсти, вѣрно, уже явился.

Для разъясненія дѣла я прошу вашего вниманія, прошу васъ мысленно отправиться въ тотъ домъ, куда мы сегодня съ вами ходили.

Я увидѣлъ этотъ домъ въ первый разъ; увидѣлъ обстановку человѣка обезпеченнаго, достатокъ котораго начался не сегодня, не вчера, а, вѣроятно, уже давно. Во всей этой обстановкѣ видна женщина не нуждающаяся, имѣющая въ рукахъ довольно средствъ, чтобы жить спокойно, не выпрашивая, не унижая себя до того, чтобы продавать кому-нибудь свою честь за болѣе или менѣе значительное вознагражденіе.

Безъ сомнѣнія, на такую продажу Марія Алексѣевна нравственно не была способна.

Какъ мы видимъ изъ всей ея прежней жизни, она послѣ смерти перваго мужа вела торговыя дѣла, пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, считалась женщиной достаточной. Когда же она погрѣшила противъ извѣстныхъ правилъ нравственности, что говоритъ: „я получила отъ Курбатова документовъ на 100 тыс“?

Намъ нужно разсмотрѣть, правда ли, что такой фактъ былъ.

Марья Алексѣевна говоритъ, что она серьезно полюбила Курбатова, что между ними были отношенія настолько короткія, что должны были перейти въ бракъ; въ ожиданіи его они не были слишкомъ сдержаны и позволили себѣ отношенія очень близкія. Марья Алексѣевна говоритъ, что эти отношенія не оглашались, но что Курбатовъ бывалъ у нея, что она появлялась съ нимъ у знакомыхъ, каталась на его лошадяхъ, бывала въ театрѣ въ его ложѣ.

Курбатовъ этихъ отношеній не отрицаетъ.

Но смотрѣлъ ли онъ на Марью Алексѣевну, какъ на будущую жену? Это обстоятельство нужно провѣрить.

Обращаю ваше вниманіе на одинъ фактъ: люди этого романа, по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, не были молоды въ началѣ своего знакомства: если Марія Алексѣевна была не старѣе 25 лѣтъ, то Курбатовъ приближался уже къ 50-лѣтнему возрасту.

Молодой человѣкъ, встрѣтивъ женщину, которая ему понравилась, хотя бы эта женщина была и легкаго, нѣсколько, поведенія, имѣетъ достаточно мужества, чтобы не стать къ ней въ неловкія отношенія.

Но *этого* возраста люди, встрѣтясь съ женщиной, не такъ легко поддаются впечатлѣнію, не такъ легко забываются.

Поэтому, если Марья Алексѣевна говоритъ, что она серьезно полюбила Курбатова, я все же думаю, что до замужества было далеко; онъ все-таки оставался для нея чужимъ человѣкомъ, который не рѣшился бы ввести ее въ свой семейный кружокъ.

Если бы отношенія между ними не дошли до извѣстной степени

короткости, то въ словахъ Марьи Алексѣевны было бы много правды; разбивать эту правду пришлось бы съ большимъ трудомъ.

Но разъ она говоритъ, что „спозналась съ нимъ", то такой человѣкъ, какъ Курбатовъ, послѣ этого нелегко измѣняется. Женщина, которая имѣла полную свободу итти съ нимъ къ вѣнцу и которая отдалась ему до свадьбы,—такая женщина, прежде чѣмъ онъ рѣшится назвать ее своей женой, всегда заставитъ подумать: если она легко отдалась мнѣ, то почемъ знать, какъ жила до встрѣчи со мной? Молодой человѣкъ, если полюбитъ женщину, то не задумается жениться на ней, каково бы ни было ея прошлое; пожилой же — нескоро на это рѣшится.

Разъ Марья Алексѣевна не отрицаетъ своихъ близкихъ отношеній къ Курбатову,—она сама себѣ произноситъ приговоръ, она созналась, что о будущемъ бракѣ онъ съ нею не говорилъ. И дѣйствительно въ отношеніяхъ ихъ мы подтвержденія этому не находимъ.

Правда, онъ приглашалъ ее къ себѣ, они вмѣстѣ посѣщали общихъ знакомыхъ...

Здѣсь были свидѣтели, которыми мы могли провѣрить эти слова.

Такъ, свидѣтель Четверговъ показалъ, что Марья Алексѣевна была у него на вечерѣ въ числѣ другихъ знакомыхъ. Но они бывали не вмѣстѣ, не какъ женихъ съ невѣстой,—это двѣ вещи разныя. Другое дѣло, если бы Курбатовъ, пріѣхавъ съ Марьей Алексѣевной, прямо сказалъ, что это—его объявленная невѣста, если бы онъ привозомъ ея оглашалъ ихъ будущій бракъ; но мы знаемъ, что этого не было.

Изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что, судя по ихъ обращенію, никто не подозрѣвалъ ихъ близкихъ отношеній. Напротивъ, при извѣстныхъ отношеніяхъ приличіе наружно соблюдается тѣмъ строже, чѣмъ свободнѣе они внутри.

Объясненія Замятниной, что Курбатовъ хотѣлъ вступить съ ней въ бракъ, лишены всякаго основанія. Это подтверждается показаніями близкихъ знакомыхъ Курбатова, которые ничего объ этомъ не слыхали. То обстоятельство, что Марья Алексѣевна бывала въ ложѣ у Курбатова, посѣщеніе общихъ знакомыхъ, объясняется, въ сущности, весьма просто: Марья Алексѣевна вела свои торговыя дѣла настолько крупно, настолько видно, была такой значительной негоціанткой извѣстнаго торговаго дѣла, что поэтому, конечно, входила въ сношенія со многими лицами купечества, которыя смотрѣли на нее, какъ на одну изъ своихъ добрыхъ знакомыхъ. Можетъ быть, при этомъ Марья Алексѣевна отличалась нѣкоторой свободой въ разговорахъ, свободой въ своихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, — такой долей свободы, при

которой женщину все-таки не стѣсняются принимать въ обществѣ. Благодаря тому, что она часто бывала въ обществѣ, гдѣ могъ быть и Курбатовъ, послѣдній легко могъ пригласить ее бывать съ нимъ въ театрѣ...

Итакъ, установивъ положеніе, что никакого вопроса о будущемъ бракѣ не было, можно ли допустить фактъ подарка 100 тысячъ?

На этотъ вопросъ я отвѣчу отрицательно.

Здѣсь я встрѣчусь съ однимъ положеніемъ, для меня не совсѣмъ пріятнымъ: мнѣ придется утверждать, что въ этомъ важномъ вопросѣ Марья Алексѣевна говоритъ неправду. Если бы она говорила правду, то не могло бы и быть настоящаго дѣла; если же допустить, что она говоритъ неправду здѣсь, то вы можете не повѣрить ей во всемъ остальномъ и вообще смотрѣть на нее другими глазами.

Здѣсь мы находимъ и объясненіе, почему по поводу этого признанія она позволяетъ себѣ говорить неправду.

Замятнинъ—ея мужъ; врядъ ли правъ г. прокуроръ, говоря, что Марья Алексѣевна раскаивается въ томъ, что вышла за него замужъ; вѣроятно, онъ остался для нея самымъ дорогимъ человѣкомъ: дорогому человѣку нужно подать руку, ему нужна помощь, его нужно выручить, а для этого слѣдуетъ не противорѣчить ему, и вотъ—самый близкій человѣкъ, жена, поетъ ему въ унисонъ.

По моему мнѣнію, этого нельзя ставить ей въ вину. Если посторонній человѣкъ совершаетъ преступленіе, законъ обязываетъ насъ заявить объ этомъ, а если кто-нибудь докажетъ, что не заявили, то насъ предаютъ суду; но если братъ, отецъ, жена позволятъ себѣ до извѣстной степени у к р ы в а т ь близкаго человѣка, то у закона рука не поднимается наказывать ихъ за это: онъ знаетъ, какая страшная мука видѣть, какъ пропадаетъ близкій человѣкъ.

Такимъ образомъ Марья Алексѣевна своимъ разсказомъ только прикрываетъ грѣхъ своего мужа. Ста тысячъ рублей Курбатовъ ей дать не могъ.

Прежде всего не могъ онъ сдѣлать этого потому, что она лучше тѣхъ женщинъ, которымъ платятъ деньги. Плохую услугу оказываютъ тѣ, которые увѣряютъ, что Курбатовъ заплатилъ ей за ихъ отношенія. Я ужъ указалъ, что Замятнина стоитъ на такой высотѣ, которая не позволяетъ женщинѣ падать до продажи своей любви и ласки. Я утверждаю, что, довольная своимъ личнымъ состояніемъ, она не могла дойти до такого положенія, когда прежде, чѣмъ отдаться человѣку, съ нимъ условливаются о вознагражденіи, заставляютъ его покупать

любовь! Къ чести самой Марьи Алексѣевны я не могу этого допустить!..

Но если даже Курбатовъ и смотрѣлъ бы на свои отношенія къ Марьѣ Алексѣевнѣ, какъ на подлежащія оплатѣ, то даже и тогда онъ не могъ бы дать за нихъ такого чудовищнаго вознагражденія: за такія деньги покупаются женщины извѣстнаго рода, любви которыхъ добиваются многіе, когда одни лица стараются перебить любовь у другихъ, однимъ словомъ — такія деньги платятъ за модный товаръ. Это имѣетъ извѣстное значеніе тогда, когда мужчина во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать женщину своей, — тогда не жалѣютъ денегъ, тогда дѣйствительно платятъ сотни тысячъ...

Платятъ деньги еще и въ другихъ случаяхъ: когда послѣдствіемъ отношеній къ женщинѣ являются дѣти; тогда, чтобы не поставить женщину въ трудное положеніе, чтобы дать ей возможность не зависѣть отъ другихъ, чтобы дать возможность воспитывать дѣтей, порядочные люди платятъ большія деньги.

Но мы знаемъ, что Марья Алексѣевна умѣла устроить свои отношенія къ Курбатову такимъ образомъ, что даже самые приближенные къ ней люди отрицали существованіе этихъ отношеній; знаемъ также, что никакихъ послѣдствій этихъ отношеній не осталось, и, слѣдовательно, видимъ, что Курбатовъ не имѣлъ никакого основанія выдать ей за прошлую связь 100 тыс. рублей.

Если допустить, что векселя на эту сумму были ей выданы нѣсколько лѣтъ тому назадъ и потомъ, послѣ ея брака съ Замятнинымъ, были переданы ея мужу, то, мнѣ кажется, нашелся бы случай обнаружить эти векселя, когда отношенія между Курбатовымъ и Замятниной прекратились, когда онъ, по ея словамъ, охладѣлъ къ ней: она, оскорбленная холодностью, могла бы обнаружить векселя.

Между тѣмъ до 13-го марта никто объ нихъ ничего не знаетъ...

Получивъ ихъ по бланковой надписи, Замятнинъ по наступленіи срока могъ ими воспользоваться. Разъ ему показалось неловкимъ обнаружить векселя раньше и предъявить ихъ до истеченія срока, когда никто не зналъ о существованіи ихъ, то почему онъ нашелъ возможнымъ послѣ 13-го марта представить ихъ къ учету въ банкъ? Ему легче было сдѣлать это раньше, пока векселя не были еще просрочены, или же требовать, чтобы Курбатовъ уплатилъ ему по этимъ векселямъ деньги, если онѣ самому ему были нужны.

Ничего этого сдѣлано не было. Вотъ почему я думаю, что выдача документовъ на 100 тысячъ рублей ничѣмъ не доказана.

Если векселя, какъ показываетъ Замятнинъ, уже нѣсколько лѣтъ

находились у нихъ, то неужели бы не нашлось ни одного свидѣтеля, который бы объ этомъ зналъ? Мы видѣли, что между приказчиками у Замятниныхъ были такіе, которымъ дѣла ихъ были очень хорошо извѣстны, — одинъ изъ нихъ даже высчитывалъ наизусть, сколько на какой пристани находится пятериковъ замятнинскихъ дровъ. Неужели не нашлось никого, кто зналъ бы что-нибудь объ этихъ документахъ? Въ какой-нибудь книгѣ они были бы записаны!..

А между тѣмъ нигдѣ о нихъ не упоминается..

Такимъ образомъ, фактическихъ доказательствъ, что эти документы существовали, нигдѣ нѣтъ.

Обратите вниманіе на показаніе потерпѣвшаго Курбатова, сравните его съ показаніями Замятнина и рѣшите: которому изъ этихъ показаній больше вѣрить?

Неправду можно говорить и со скамьи свидѣтелей, и со скамьи подсудимыхъ. Но когда слова потерпѣвшаго находятъ себѣ подтвержденіе, а слова подсудимаго не находятъ, когда характеръ показанія перваго таковъ, что ему можно вѣрить, когда ему нѣтъ надобности кривить совѣстью, то очевидно, чьи слова заслуживаютъ большаго довѣрія.

Для Курбатова, получающаго 250 тысячъ ежегоднаго дохода, потерять 100 тысячъ не значитъ лишиться состоянія: ради чего же человѣкъ могъ бы покривить душой?

Курбатовъ жертвуетъ большія суммы на благотворительныя учрежденія. Понятное дѣло, что для человѣка съ такимъ имущественнымъ положеніемъ что-нибудь да значитъ его честное имя: онъ не сталъ бы имъ жертвовать для того, чтобы спасти крохи изъ своего состоянія!

Если противорѣчія въ фактахъ нѣтъ; если о документахъ нигдѣ не заявлялось во все время, когда, по показанію Замятнина, они находились у его жены; если документы эти находились подъ спудомъ,— то будьте увѣрены, что они не существовали, и если на доскѣ значилось, что тутъ находятся векселя, то подъ доской было пустое мѣсто!

Я объясняю показанія Марьи Алексѣевны о векселяхъ только желаніемъ спасти мужа...

Перехожу къ вопросу: доказана ли вынужденная выдача векселей 13-го марта 1881 г.?

Предъ этимъ числомъ, по обычаю предшествовавшихъ лѣтъ, Курбатовъ, отправляясь изъ Нижняго въ Ирбитъ, дорогой заѣхалъ въ Козьмодемьянскъ къ Замятниной. Посѣщеніе это не имѣло въ себѣ ничего чрезвычайнаго, небывалаго: онъ часто заѣзжалъ къ ней и

прежде, такъ какъ Козьмодемьянскъ находится на пути изъ Нижняго въ Казань.

Курбатовъ пріѣзжаетъ поздно ночью, приходитъ въ домъ Замятниныхъ, прямо въ контору, и проситъ разбудить супруговъ Замятниныхъ; на отвѣтъ, что они спятъ и ихъ видѣть нельзя, онъ пишетъ записку, что заѣдетъ на обратномъ пути изъ Ирбита и привезетъ деньги за покупку дровъ.

Съ этого времени Замятнинымъ дѣлается извѣстнымъ, что торговыя отношенія съ Курбатовымъ не прекращены и что на-дняхъ нужно ожидать его обратно.

Вернулся онъ 13-го марта, такъ какъ нѣсколько времени жилъ въ Казани. Ирбитская ярмарка кончается въ концѣ февраля, такъ что въ первыхъ числахъ марта можно было ожидать Курбатова въ Козьмодемьянскъ. Такъ, въ 1881 году онъ пріѣхалъ туда 5-го марта,—могъ пріѣхать и раньше.

Въ то время, какъ онъ былъ въ Ирбитѣ, въ послѣднихъ числахъ января, въ нижегородскомъ казначействѣ совершается крупная покупка вексельныхъ бланковъ,—на 250 тысячъ,—покупка настолько необычная, особенно въ виду глухой поры, въ февралѣ мѣсяцѣ, что продавецъ этихъ бумагъ, свидѣтель Благосмысловъ, запомнилъ эту покупку.

Кто былъ человѣкъ, купившій эти бланки, долгое время оставалось неизвѣстнымъ, пока Благосмысловъ не указалъ на Замятнина.

Вернувшись 13-го марта изъ Ирбита, Курбатовъ, согласно обѣщанію, зашелъ къ Замятнинымъ и на этотъ разъ былъ безспорно принятъ обычнымъ порядкомъ,—новостью было только то, что въ этотъ свой пріѣздъ онъ въ 1-й разъ увидѣлъ супруга Маріи Алексѣевны; затѣмъ далъ ей задатокъ за дрова 3 тыс. рублей, и послѣ этого мужъ ея вступаетъ съ нимъ въ разговоръ весьма пикантнаго свойства, изъ котораго видно, что онъ знаетъ о прошлыхъ отношеніяхъ Курбатова къ женѣ.

Результатомъ этого разговора является подпись векселей. Векселя подписаны 13-го марта, а текстъ же показываетъ—2-е.

Что же это значитъ?

Замятнинъ говоритъ, что выставилъ это число по примѣру прежнихъ лѣтъ, и по его желанію Курбатовъ написалъ расписку, что векселя отъ 2-го марта подписаны 13-го марта.

Затѣмъ, обманутый такимъ образомъ, Курбатовъ распростился, вышелъ и тотчасъ же уѣхалъ въ Нижній.

Замятнину, въ тотъ же день уѣхавшему въ Нижній, понадобились деньги, и онъ отправился въ банкъ, чтобы учесть векселя.

Такъ какъ вы много разъ слышали всѣ эти подробности, то я прошу позволенія не распространяться объ нихъ.

Изъ осмотра книги никольскихъ номеровъ въ Казани видно, что Курбатовъ былъ 5-го марта въ Казани, слѣдовательно, не могъ быть 2-го марта въ Козьмодемьянскѣ. Это подрываетъ вѣру къ словамъ Замятнина, и то обстоятельство, что векселя, подписанные 13-го марта, дѣйствительно помѣчены 2-мъ марта, согласно и съ показаніями Курбатова.

Экспертиза текста векселей доказала, что онъ отличается особенно тщательнымъ и старательнымъ письмомъ и написанъ орфографически правильно, безъ одной ошибки; между тѣмъ какъ по сравненіи этихъ векселей съ письмомъ, писаннымъ рукой Замятнина, эксперты нашли, что онъ не умѣетъ правильно писать и дѣлаетъ много ошибокъ: чтобы писать безошибочно, нужно имѣть въ головѣ извѣстныя правила правописанія, а человѣкъ, ничему не учившійся, не можетъ писать грамотно. Въ полчаса научиться грамотѣ невозможно, слѣдовательно, текстъ векселей не могъ быть писанъ Замятнинымъ безъ посторонней помощи или безъ того, чтобы онъ откуда-нибудь ихъ списывалъ.

Но такого объясненія Замятнинъ намъ не давалъ. Быть можетъ, онъ далъ бы его теперь, но это было бы слишкомъ поздно: онъ не ждалъ выстрѣла съ этой стороны и не приготовилъ отвѣта; мы замѣчаемъ, что на неожиданные вопросы Замятнинъ не умѣетъ отвѣчать.

Векселя были написаны на разные сроки и немедленно учтены.

Прошу обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: если на другой день по пріѣздѣ въ Нижній Замятнину настолько понадобились деньги, что онъ идетъ въ банкъ учитывать векселя, то спрашивается: какое имѣлъ онъ основаніе ожидать отъ Курбатова уплаты по старымъ векселямъ? Если мнѣ нѣтъ надобности въ деньгахъ, я могу не оглашать неисправность должника и брать новый вексель; но разъ мнѣ самому деньги нужны и вексель просроченъ, то это далеко некоммерческій расчетъ согласиться на отсрочку платежа, и учитывать векселя въ банкѣ.

Притомъ, могъ ли Замятнинъ войти въ какую-нибудь сдѣлку съ Курбатовымъ? Припомните, что векселя были даны Замятнину, какъ талонъ за позоръ жены; слѣдовательно, онъ рѣшается торговать позоромъ жены; разъ что этотъ человѣкъ напоминаетъ ему ошибку

жены, можетъ подсмѣяться надъ ней, вызвать краску стыда въ ея лицѣ, то съ такимъ человѣкомъ сдѣлки не заключаютъ, такому человѣку векселей не переписываютъ: разъ мнѣ самому деньги нужны, то я ждать не стану 13-го марта, если вексель былъ отъ 2-го марта, а попросту предъявлю просроченный вексель.

Ясно, что Замятнинъ 2-го марта векселей не имѣлъ, иначе онъ предъявилъ бы ихъ въ срокъ; между тѣмъ онъ до того времени никакому нотаріусу объ этихъ векселяхъ не заявлялъ.

Отсюда я вывожу заключеніе о несправедливости его показанія.

Разъ вы признаете, что векселя были безденежные, для меня не важно, съ пистолетомъ въ рукѣ или безъ него сдѣлано принужденіе: отягченіе участи подсудимаго не входитъ въ интересы Курбатова.

Для меня также не важно провѣрять, хотѣлъ или нѣтъ Замятнинъ лишить жизни Курбатова, или это была одна угроза.

Я только утверждаю, что векселя — результатъ какого-то насилія, такъ какъ до 13-го марта ихъ у Замятнина не было.

Насиліе, которому подвергся Курбатовъ со стороны Замятнина, меньше всего можетъ быть объяснено ревностью. Ревность человѣку свойственна. Человѣка, который былъ причиной измѣны жены, который опозорилъ семейный міръ, поселилъ среди супруговъ вѣчный разладъ, обыкновенныя натуры встрѣчаютъ съ ненавистью: ревность свойственна мужскому сердцу: я дорожу всякой лаской любимой женщины, я не хочу дѣлиться ею, я всю, всю хотѣлъ бы взять ее себѣ!

Въ такой ревности, которая проявляется потемнѣніемъ всѣхъ силъ духовныхъ, человѣкъ совершаетъ страшныя дѣянія: она появляется мгновенно и заглушаетъ собою всѣ другія чувства.

Но та ревность будетъ плохая, гдѣ, ревнуя соперника, мы въ то же время заключаемъ сдѣлки въ свою пользу; та ревность будетъ плохая, которая замолчитъ, если ее прикрыть вексельнымъ листомъ на болѣе или менѣе значительную сумму: это уже будетъ не ревность — это хуже позора, который себѣ позволила жена!..

Ревнивецъ не скажетъ женѣ: я за твой позоръ удовлетворенъ векселями... Онъ не будетъ цѣнить честь жены на деньги!..

Ошибка Замятнина — въ его нравственной неразвитости, въ томъ, что, примиривъ въ душѣ своей противоположныя чувства, онъ только огласилъ прошлое своей жены, и теперь это отражается не только на ней, но и на всей ихъ семьѣ, начиная съ маленькихъ дѣтей.

Безъ сомнѣнія Замятнинъ теперь сознаетъ свою ошибку и страдаетъ въ душѣ...

Я бы желалъ, чтобы это внутреннее страданіе было для него единственнымъ наказаніемъ...

Изъ объясненій Курбатова я пришелъ къ искреннему убѣжденію, что подарка въ 100 тыс. рублей не было, что никакихъ векселей не было и что 13-го марта они произошли насильственно. Этотъ вопросъ вамъ будетъ предложенъ, и я попрошу вашего правдиваго разрѣшенія.

Думаю, что фактически вопросъ этотъ доказанъ, что всѣ вы убѣждены въ неправильности векселей и что вопросъ этотъ слѣдуетъ разрѣшить согласно съ моимъ ходатайствомъ.

Факты неопровержимы, и ихъ отвергать безполезно. Смѣю думать, что векселямъ этимъ произнесенъ смертный приговоръ, что деньги никогда не получатся изъ той могилы, откуда не смогутъ извлечь ихъ повѣренные цѣлаго свѣта.

Въ этомъ отношеніи я ничего не боюсь, но мнѣ было бы больно, если бы, внутренно сознавая, что векселя неправильны, руководствуясь какимъ-нибудь постороннимъ побужденіемъ, вы отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, потому что судъ есть самое свѣтлое учрежденіе нашей страны: судъ помогаетъ человѣку сознавать свою ошибку, не даетъ ему эту ошибку довести до конца; заставляя его отвѣтить за тѣ поступки, которые онъ уже совершилъ, не покровительствуетъ ему, однако, въ преступныхъ дѣяніяхъ и прощаетъ человѣка, достойнаго милости.

Факты отвергать нельзя: снятой головы къ плечамъ не приставишь.

Въ дѣлахъ подлога, въ дѣлахъ насилія, если мы видимъ, что подсудимый, дѣйствительно, желаетъ воспользоваться неправильными документами, — отвергая фактъ, присяжные какъ бы говорятъ: позволяемъ тебѣ подложные акты считать за настоящіе, благословляемъ на такіе поступки, весь твой нравственный грѣхъ принимаемъ на свою совѣсть!

Дорожа судомъ, гдѣ я провожу свою жизнь, мнѣ было бы больно встрѣтиться съ подобными фактами.

Предѣлы намъ даны, я ихъ не касался: къ великому моему счастію я имѣлъ право не касаться уложенія о наказаніяхъ; я шелъ дальше — я указывалъ вамъ факты, значительно смягчающіе вину подсудимаго.

Если нѣтъ свидѣтелей преступленія и если по вашему нравственному убѣжденію обвинять человѣка въ подлогѣ документовъ нельзя, то никто не можетъ лишать васъ принадлежащаго вамъ права помиловать его.

Если бы явилось сомнѣніе относительно того, точно ли все такъ

произошло, какъ намъ говорятъ, то, я думаю, нужно поставить вопросъ такимъ образомъ: если сомнительно, какъ произошли эти неправильные документы, то зачѣмъ отягощать свою совѣсть сомнѣніемъ? Зачѣмъ не оказать милость такому человѣку?..

Предсѣдатель въ своемъ послѣднемъ словѣ, вѣроятно, скажетъ вамъ, что всякое сомнѣніе толкуется въ пользу подсудимаго. При такомъ положеніи дѣла вамъ легко быть справедливыми, не позволивъ только человѣку взять то, что ему не принадлежитъ.

Документы эти можно разсматривать какъ грѣхъ: смерть грѣху, но оставьте жизнь грѣшнику!

Простите человѣка, который обвиняется: пусть въ его пользу говоритъ то положеніе, въ которомъ онъ находился все это время, то страданіе, которое ему пришлось вынести!..

Оканчивая мое обвинительное слово, я жду вашего рѣшенія. Думаю, что вы сознаете, что дѣло правосудія есть дѣло великое. Надѣюсь, что мнѣ, какъ вашему собрату по странѣ, не придется краснѣть за васъ, что вы сознаете, что нужно давать руку помощи упавшему, поднять грѣшника кающагося, оказывать милость страждующему...

Но милуя грѣшника, не давайте ему пользоваться плодами грѣха!..

VII.

Дѣло Первушиныхъ.

Дѣло Первушиныхъ,

обв. въ уничтоженіи духовнаго завѣщанія.

Въ іюлѣ 1866 года въ г. Александровѣ, Владимірской губерніи, въ собственномъ домѣ медленно умиралъ престарѣлый Григорій Андреевичъ Первушинъ, 1-й гильдіи александровскій купецъ, откупщикъ-милліонеръ. Толпа родственниковъ наполняла домъ умирающаго. Среди нихъ были старшій сынъ Первушина Иванъ, младшій Григорій и дочь Александра.

Дочь откупщика и оба его сына были богато надѣлены имъ за нѣсколько лѣтъ до смерти. Оба сына, сами уже къ тому времени богатые откупщики, вели каждый свое дѣло. Григорій жилъ при отцѣ, Иванъ отдѣльно — въ Ростовѣ.

Ко времени смертельной болѣзни старика у него осталась лишь незначительная часть состоянія — домъ въ Александровѣ и тысячъ 18 рублей въ процентныхъ бумагахъ: такая цѣнность отцова имущества казалась братьямъ съ высоты ихъ милліоновъ „сущими пустяками“, какъ выразился одинъ изъ нихъ на судѣ.

Тѣмъ не менѣе вотъ что произошло изъ-за этого имущества.

5 іюля 1866 года Иванъ Григорьевичъ Первушинъ уѣхалъ по дѣламъ изъ Александрова въ Ростовъ. На другой день послѣ его отъѣзда, 6 іюля, въ его отсутствіе, было составлено и надлежащимъ порядкомъ подписано домашнее духовное завѣщаніе, согласно которому умирающій старикъ изъ особенной любви къ находящимся при немъ дочери Александрѣ и сыну Григорію завѣщалъ первой домъ въ Александровѣ, а второму — оставшійся капиталъ.

Сбивчивыя и во многомъ противорѣчивыя показанія свидѣтелей и объясненіе обвиняемаго устанавливаютъ, что духовное завѣщаніе это было составлено, вѣроятно, по иниціативѣ Александры Первушиной и, во всякомъ случаѣ, при дѣятельномъ участіи ея и Григорія Григорьевича.

11 іюля вернулся въ Александровъ Иванъ Григорьевичъ Первушинъ.

Узнавъ о состоявшемся въ его отсутствіи духовномъ завѣщаніи, онъ очень взволновался и хотѣлъ было итти къ умирающему отцу объясниться. По его мнѣнію, отецъ былъ всегда къ нему расположенъ болѣе, чѣмъ къ брату Григорію, и для него было непонятно, какъ могъ старикъ обойти его, болѣе, по его мнѣнію, заслуживавшаго той „особенной любви", о которой говорилось въ завѣщаніи.

Александра очень испугалась намѣренія брата и уговорила его не итти къ отцу, сама же, попросивъ у брата Григорія хранившееся у него завѣщаніе, отнесла его Ивану Григорьевичу.

Здѣсь — одна ли, или при содѣйствіи своего брата Ивана — она разорвала завѣщаніе, о чемъ и сказала брату Григорію. Тотъ заявилъ объ этомъ въ Александровское Уѣздное Полицейское Управленіе.

Когда вслѣдъ затѣмъ навѣдался въ домъ Первушиныхъ александровскій уѣздный исправникъ, желая уговорить братьевъ „покончить дѣло домашнимъ порядкомъ", онъ засталъ старика Первушина уже въ гробу.

Заявленію Григорія былъ данъ ходъ, и въ результатѣ долгой процедуры 60-лѣтній Иванъ и 38-лѣтняя Александра Первушины были преданы суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1657 ст. Улож. о Нак., а Григорій Первушинъ вступилъ въ дѣло въ качествѣ гражданскаго истца.

Дѣло было разсмотрѣно 14 и 15 декабря 1871 года Владимірскимъ Окружнымъ Судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя Арцимовичъ. Обвинялъ товарищъ прокурора Петровъ. Защищали: Ивана Первушина — присяжный повѣренный Бениславскій, а Александру Первушину — присяжный повѣренный В. А. Капеллеръ.

Гражданскій искъ Григорія Первушина поддерживалъ Ѳ. Н. Плевако.

Присяжные засѣдатели на вопросъ о доказанности того, что Андреемъ Первушинымъ было составлено завѣщаніе, распредѣлявшее имущество между Григоріемъ и Александрой Первушиными, отвѣтили утвердительно.

На вопросъ о доказанности того, что завѣщаніе это было истреблено 11 іюля 1866 года — отрицательно. Вопросы о виновности подсудимыхъ оставлены безъ отвѣта, почему послѣдніе были признаны по суду оправданными.

Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели!

Всѣ мы призваны поработать въ настоящемъ дѣлѣ: вы—рѣшить го, мы — содѣйствовать вамъ въ этомъ.

Въ ряду сторонъ,—я говорю о себѣ, о прокурорѣ и о защитѣ,— на мнѣ, какъ на повѣренномъ гражданскаго истца, лежитъ задача доказать, что совершился фактъ разрыва завѣщанія,—отъ признанія котораго зависятъ имущественныя права моего вѣрителя.

Дальше этой задачи я не пойду: я не буду прибавлять съ своей стороны никакихъ отягчающихъ участь подсудимыхъ доводовъ и соображеній. Въ настоящемъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, не слѣдуетъ ходить дальше предѣловъ, предоставленныхъ истцу: въ настоящемъ дѣлѣ, на ряду съ закономъ, совѣсть указываетъ на эти предѣлы.

Въ самомъ дѣлѣ, настоящій процессъ—изъ ряду вонъ. Дѣло антипатично съ перваго взгляда: братъ ведетъ брата на судъ, родной родному готовитъ участь, какую не всякій врагъ захочетъ приготовить врагу своему.

Противъ этого говоритъ нравственное чувство. Конечно, преступленіе должно преслѣдовать: это слово закона, о которомъ напоминаютъ его печатные своды. Но еще глубже и сильнѣе голосъ нравственнаго закона,—что когда правонарушеніе совершилъ свой, близкій человѣкъ, членъ одной семьи, то мы должны прощать, отпускать ему неправду.

Голосъ, напоминающій объ этомъ законѣ, такъ силенъ и очевиденъ, что предъ нимъ преклонилось само государство: оно, какъ извѣстно, преслѣдуя преступленія въ интересѣ общественномъ, оставляетъ безъ послѣдствій многіе виды закононарушеній, когда ихъ совершили другъ противъ друга члены семьи и когда потерпѣвшіе не желаютъ преслѣдованія.

Но если дѣло такъ антипатично, то зачѣмъ же, вы спросите, служитель закона, призванный по обязанности и праву своей профессіи защищать подсудимыхъ, отстаивать невиновность лицъ, привлеченныхъ къ суду ревнивою бдительностью прокурорской власти,—зачѣмъ онъ покинулъ тотъ лагерь, гдѣ легче, теплѣе, гдѣ задача человѣчнѣе, и сталъ отстаивать дѣло, за которое его могутъ ожидать упреки и осужденія?

Отвѣтомъ на это будутъ дальнѣйшія слова мои.

Мы стали здѣсь потому, что не цѣлей осужденія желаемъ мы, не къ нимъ стремится мой вѣритель. Я убѣжденъ, что печальныя послѣдствія процесса его бы испугали; позднее раскаяніе мучило бы его совѣсть; вѣрующій человѣкъ,— онъ ежеминутно слышалъ бы голосъ карающаго Бога: „Что ты сдѣлалъ, ты убилъ брата своего!"

Братъ обвиняемаго ищетъ только права, самовольно нарушеннаго произволомъ старшаго брата. Онъ ищетъ возстановленія завѣщанія, которымъ покойный отецъ его засвидѣтельствовалъ передъ свѣтомъ первенство младшаго брата въ чувствѣ родительской любви и благословилъ его тѣми незначительными крохами своего достоянія, которыя дороги не какъ цѣнность, а какъ даръ, какъ знакъ любви, какъ предметъ семейной гордости одареннаго.

Корыстной цѣли въ дѣяніи моего кліента нельзя видѣть, какъ ея нѣтъ и въ дѣяніи обвиняемыхъ: братья Первушины считаютъ свое состояніе милліонами, а имущество завѣщанное — старый отцовскій домъ и другія вещи — стоятъ много-много 10 тысячъ руб., а, по заявленію защиты,—менѣе 5 тысячъ.

Искать разрѣшенія поводовъ настоящаго дѣла слѣдуетъ именно въ самолюбіи и семейныхъ интересахъ, въ томъ желаніи удержать за собою знаки отцовскаго благословенія, которое свойственно людямъ, сохранившимъ во всей цѣлости семейныя привязанности.

При этомъ взглядѣ на дѣло антипатичность его пропадаетъ.

Въ лицѣ обвинителя и обвиняемаго вы видите лишь двухъ спорящихъ объ отцовскомъ благословеніи сыновей, придающихъ значеніе, дорожащихъ памятью и волей покойнаго.

Вы будете такъ смотрѣть на это дѣло и отбросите чувство антипатіи къ брату, начавшему процессъ, когда примете во вниманіе, что онъ не искалъ уголовнаго суда, не хотѣлъ вести брата на скамью позорную. Это уже форма нашего суда, нашего судопроизводства, по которой доказывать, что лицо изорвало духовное завѣщаніе нельзя иначе, какъ въ порядкѣ уголовнаго суда; это уже законъ сдѣлалъ, а не потерпѣвшій, что обвиняемый преданъ суду; у потерпѣвшаго — одна цѣль: доказать, что было завѣщаніе, содержаніе котораго такое-то.

Если это такъ, то въ правѣ ли вы будете отвернуться отъ тебораніе потерпѣвшаго, въ правѣ ли отвергать тотъ фактъ, отъ существованія котораго зависятъ не цѣнныя, а дорогія по воспоминаніямъ права истца?

Я утверждаю, что вы этого сдѣлать не въ правѣ.

Изъ педметовъ, подлежащихъ вашему суду, первый — это фактъ

совершившійся, второй — это виновность лица, совершившаго этотъ фактъ. Вы рѣшаете ихъ по совѣсти, т.-е. по правдѣ.

Поэтому, если вы видите, что фактъ совершился, вы поступаете противъ совѣсти, если скажете, что онъ не совершился. Отвергнуть его вы въ правѣ лишь тогда, когда его не было, когда сомнительно его существованіе.

Но, признавая фактъ, вы не признаете еще виновности, ибо между ними нѣтъ необходимой связи. Для виновности ваша совѣсть имѣетъ иную мѣру: она мѣритъ силу воли, обстоятельства, среди которыхъ дѣйствовала эта воля, и степень зла въ этой волѣ, когда она совершала то или другое дѣло.

Поэтому, если совѣсть ваша — противъ виновности, не думайте, что тогда вы должны отвергнуть фактъ: вы должны отвергнуть лишь виновность. Приговоръ по совѣсти не можетъ быть въ противорѣчіи съ очевидной истиной, и тотъ, кого нельзя признать виновнымъ въ дѣяніи, воспрещенномъ закономъ, но имъ совершенномъ, долженъ быть признанъ незлонамѣреннымъ дѣятелемъ факта, который имъ совершонъ...

Переходя затѣмъ къ фактической части рѣчи, повѣренный гражданскаго истца указалъ на тѣ свидѣтельскія показанія, которыми подтвердился фактъ составленія завѣщанія и его уничтоженія. Онъ обратилъ вниманіе присяжныхъ на разсказъ подсудимой Александры Первушиной объ этомъ событіи и доказывалъ, что появленіе завѣщанія, составленнаго въ интересѣ Григорія и Александры Первушиныхъ, дѣтей покойнаго Андрея Первушина, жившихъ съ нимъ, легко объясняется этимъ фактомъ сожительства.

Живя съ отцомъ,—продолжалъ онъ,—и тѣмъ имѣя случай въ послѣднее время постоянно оказывать мелочныя услуги и знаки вниманія къ умирающему старику, Григорій и Александра Первушины могли этимъ нравственно вліять на волю старика и дать ему поводъ къ составленію въ ихъ пользу завѣщанія.

Утверждая, что б ы л о завѣщаніе и что оно уничтожено волею Ивана Первушина, повѣренный гражданскаго истца просилъ признать этотъ фактъ.

Далѣе признанія этого факта,—продолжалъ гражданскій истецъ,—я ничего не желаю, да и не въ правѣ искать. Отстаивая интересы моего довѣрителя и стѣсняя себя въ правѣ п о с т у п а т ь с я его интересами, обоснованными на завѣщательной волѣ покойнаго, я, однако, думаю, что и за предѣлами этихъ правъ не прекращаются интересы его. Интересъ семьи, интересъ каждаго изъ ея членовъ, это — сво-

бода и оправданіе брата и сестры Первушиныхъ; подобный вердиктъ былъ бы великимъ нравственнымъ благомъ для семьи.

Поэтому, если сейчасъ, въ настоящую минуту, увлеченный заблужденіемъ ума и давно накопившейся желчью отъ семейнаго спора, Григорій Первушинъ не сознаетъ важности для себя этого семейнаго интереса, то мы не должны обращать на это вниманія.

Адвокатъ служитъ правосудію, но никогда не будетъ орудіемъ мести и вражды. И если въ душѣ его вѣрителя еще гнѣздится неостывшая досада на брата — адвокатъ ея не знаетъ, ея не слышитъ.

Единственный интересъ — о которомъ можно говорить въ судѣ, не оскорбляя его святости, это — возстановленіе воли покойнаго, признаніе, что эта воля была высказана такъ или иначе. Вотъ все, чего мы желаемъ.

Но такъ какъ этотъ интересъ все же преходящій, такъ какъ онъ выразился въ формѣ передачи имущества любимому сыну, то онъ сталъ внѣшнимъ, усчитываемымъ.

Правда, цѣна его ничтожна, — малый ребенокъ сосчитаетъ его: вѣсъ и мѣра его незначительны. Поэтому было бы несправедливо, взволновалось бы чувство, если бы для достиженія этого интереса пришлось заплатить такой дорогой цѣной, какъ потеря брата и сестры, и я отъ имени моего вѣрителя прошу возвратить ему не только то, чего онъ домогается, но равно и то, что дороже этихъ благъ, — возвратить ему брата и сестру.

Повторяю, что, можетъ быть, сію минуту слова мои не гармонируютъ съ настроеніемъ души моего кліента; можетъ быть, слово осужденія готово сойти съ языка его, — но что до этого за дѣло!

Такъ врачу у постели больного, когда онъ совершаетъ операцію, тяжелую, но необходимую для спасенія жизни, приходится слышать неодобреніе, — иногда, отчаянный крикъ брани...

Значеніе дѣла выяснится: придетъ время — и въ спасеніи брата и сестры увидитъ мой кліентъ осуществленіе высшихъ интересовъ въ своемъ нравственномъ хозяйствѣ.

Я кончаю.

Какъ адвокатъ моего кліента, я прошу признать тѣ права, которыя мы отстаиваемъ; какъ человѣкъ, какъ членъ семьи, знакомый съ ея интересами и привязанностями, прошу вынести приговоръ, который былъ бы встрѣченъ радостнымъ чувствомъ оправданныхъ, а не крикомъ отчаянія осужденныхъ...

VIII.

Дѣло Горнштейна.

Дѣло Горнштейна и др., обв. въ поджогѣ.

Дѣло это слушалось въ засѣданіи Смоленскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей на выѣздной сессіи въ г. Ельнѣ. Предсѣдательствуетъ Предсѣдатель Суда Мушкетовъ.

Защищаютъ Горнштейна Ѳ. Н. Плевако и В. А. Александровъ.

Дѣло заключается въ слѣдующемъ.

Въ ночь на 6 января 1901 года близъ станціи Ельня сгорѣлъ лѣсной складъ Горнштейна. Пожаръ начался сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Ночевавшіе около склада рабочіе видѣли, какъ въ самомъ началѣ пожара съ мѣста его стремительно бѣжали двое людей, впослѣдствіи признанные свидѣтелями въ лицѣ Горнштейна и его приказчика Рудницкаго.

Эти обстоятельства заставили предположить поджогъ.

Имущество Горнштейна до этого случая горѣло уже два раза. Застраховано оно было въ Московскомъ Страховомъ Обществѣ въ 39.000 руб. Срокъ страхованія кончался 5 января 1901 г. Подавшій въ Страховое общество заявленіе о пожарѣ Горнштейнъ указалъ, что пожаръ начался въ 12 час. ночи.

Допрошенные по этому дѣлу свидѣтели не установили фактовъ, которые бы исключали сомнѣніе въ виновности Горнштейна и служившихъ у него Рудницкаго и Темкина. Обвиненіе основывалось на томъ, что у Горнштейна уже не въ первый разъ сгораетъ имущество и онъ уже не въ первый разъ получаетъ страховую премію, что, по показанію свидѣтелей, онъ со своими приказчиками бѣжалъ съ мѣста пожара, что безъ поджога нельзя объяснить того, что складъ загорѣлся сразу въ трехъ мѣстахъ.

Присяжные оправдали всѣхъ трехъ обвиняемыхъ.

Рѣчь въ защиту подсудимаго Горнштейна.

Господа судьи и присяжные засѣдатели!

Въ дѣлахъ о преступленіяхъ, называемыхъ тяжкими преступленіями, законъ, ввѣренный въ руки надежныхъ его хранителей, не терпитъ внесенія жалости...

Правда, и при наличности такихъ преступленій защитники часто обращаются къ вамъ съ просьбой о милости, но при рѣшеніи настоящаго дѣла я прошу у васъ лишь соблюденія трехъ условій: законности, здраваго смысла и совѣсти.

Безспорно, преступленіе — вещь нетерпимая, и мы должны быть очень благодарны власти, стремящейся его пресѣчь и покарать.

Но смѣю думать, что въ стремленіи своемъ и люди и власть часто ошибаются...

А потому необходимо, чтобы при рѣшеніи вопроса о преступленіи, мы не заходили слишкомъ далеко въ рвеніи, часто влекущемъ за собой ошибки.

А тотъ случай, который надлежитъ вамъ обсудить, есть несомнѣнно случай излишняго рвенія власти.

Сейчасъ я познакомлю васъ съ законной точкой зрѣнія на возникающій въ настоящемъ дѣлѣ вопросъ, и, если я погрѣшу противъ этой законной точки зрѣнія, то здѣсь есть кому меня исправить...

Законъ караетъ только злыхъ людей... Но вѣдь ихъ очень много!..

Поэтому караетъ онъ ихъ только тогда, когда они сдѣлаютъ незаконное дѣло.

Если же человѣкъ обнаружитъ только намѣреніе совершить что-нибудь, но не осуществитъ своего намѣренія, то законъ не тронетъ его. Не тронетъ даже тогда, когда случайныя, независящія отъ человѣка и его воли обстоятельства, помѣшаютъ ему совершить проступокъ.

Законъ прикоснется къ человѣку только тогда, когда намѣреніе его перейдетъ въ злое дѣло.

Я объясню это на примѣрѣ.

Предположимъ, что я получаю телеграмму, въ которой написано, что мой управляющій застраховалъ какую-либо мою постройку. Пользуясь удобнымъ случаемъ, я сжигаю ее. А черезъ полчаса получаю письмо, изъ котораго вижу, что въ телеграмму вкралась ошибка и управляющій сообщалъ, что онъ не успѣлъ застраховать постройку...

Я несомнѣнно обнаружилъ злое намѣреніе: я сжегъ постройку съ преступной цѣлью; но обстоятельства помѣшали этой цѣли осуществиться, и никто меня пальцемъ не тронетъ. Только тогда, когда я затрогиваю ч у ж і е интересы,—только тогда совершаю я преступленіе.

Что же мы встрѣчаемъ здѣсь?

Обвинительный актъ начинается, — и слѣдствіе ничего противъ этого не возражаетъ, — съ того, что человѣкъ съ корыстной цѣлью поджегъ складъ, хотя страховой полисъ за 2 часа до пожара потерялъ свою силу.

Налицо былъ н е з а с т р а х о в а н н ы й складъ, уничтоженіемъ котораго убытокъ могъ быть нанесенъ только карману самого Горнштейна.

Всѣ это чувствуютъ и прекрасно сознаютъ, а поэтому представляютъ всевозможные дозоды, чтобы доказать, что всетаки Горнштейнъ сдѣлалъ зло другому.

Пытаются примѣнить къ нему 1612 статью Улож. о нак., основываясь на единственномъ фактѣ — выдачѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вознагражденія въ теченіе трехъ дней по окончаніи срока страховки.

Но припомните, что агенты общества говорятъ: выдаемъ, когда хотимъ... Это уже — не п р а в о на вознагражденіе, это—м и л о с т ь...

Поджигатели такого рода похожи на матерей, уродующихъ своихъ дѣтей въ надеждѣ получить побольше милостыни...

Я понимаю диллему: я поджигаю, и — мнѣ должны заплатить. Но здѣсь платить никто не былъ д о л ж е н ъ, здѣсь можно было разсчитывать только н а п о д а ч к у. Прошу васъ обратить вниманіе на эту особенность, имѣющую для подсудимаго огромное значеніе.

Ваше дѣло сказать правду, — и мы ея требуемъ отъ васъ!

Скажите: к о г д а совершился фактъ поджога?

Вы должны отвѣтить, что п о с лѣ окончанія срока дѣйствія полиса

Здѣсь нѣтъ преступленія, караемаго 1612 ст. Улож. о наказ.,— здѣсь наказаніе лежитъ въ самомъ преступленіи, какъ это имѣетъ мѣсто при самоубійствѣ.

Въ уголовномъ правѣ, — въ той наукѣ, которой мы руководствуемся, — такое преступленіе, называется преступленіемъ надъ негоднымъ предметомъ.

Вотъ вамъ примѣръ.

Идетъ человѣкъ съ самыми злыми намѣреніями: идетъ, положимъ, взорвать на воздухъ кого-нибудь... Совершаетъ взрывъ, и вдругъ узнаетъ, что тотъ человѣкъ, по отношенію къ которому онъ собирался совершить страшное преступленіе, наканунѣ умеръ.

Его, быть можетъ, накажутъ за стрѣльбу въ публичномъ мѣстѣ за разрушеніе какой-нибудь кибитки, но его не накажутъ за лишеніе жизни.

Далѣе: я—человѣкъ, которому сказали, что ему заплатили вчера жалованье фальшивыми деньгами. Но мнѣ нужны деньги, и я рѣшаюсь итти ихъ мѣнять. А потомъ оказывается, что дали мнѣ самыя настоящія деньги.

Въ душѣ я — преступникъ: я имѣлъ твердое намѣреніе размѣнять фальшивыя деньги, но я — преступникъ только въ душѣ, — я только душу себѣ испортилъ, только ее загрязнилъ...

Точно такое преступленіе приписывается Горнштейну.

Промежутокъ времени здѣсь не важенъ: два ли часа, двѣ ли минуты прошло по окончаніи срока страховки, это — безразлично; довольно того, что срокъ права на полученіе вознагражденія кончился.

Если бы даже Горнштейнъ думалъ совершить поджогъ, имѣлъ самое твердое намѣреніе сдѣлать это, — все равно онъ не наказуемъ.

Но было ли здѣсь намѣреніе?

Пожаръ возникаетъ тотчасъ послѣ окончанія страховки. Я думаю, нужно быть безумнымъ, чтобы совершить поджогъ въ такое время. И кажется мнѣ, что преступникъ легко могъ додуматься до того, что ужъ если итти на преступленіе, такъ итти въ такой день, когда не будетъ возникать сомнѣній... Вѣдь не ребенокъ же онъ?!...

Обвинитель находитъ подтвержденіе своимъ положеніямъ, ссылаясь на неоднократные случаи пожара, бывшіе у Горнштейна. Намъ говорятъ, что въ этомъ видна какая-то политика.

Но, господа, если видѣть въ этомъ политику, то вѣдь нельзя же забывать и объ умѣ, а пріемы предполагаемаго преступника прямо нелѣпы.

Обратите вниманіе на заводъ, сгорѣвшій въ Лапинѣ. Этотъ заводъ былъ переданъ на особыхъ условіяхъ: расплата производилась векселями. До окончанія расплаты Горнштейнъ оставался собственникомъ завода. Переходъ его могъ совершиться только по уплатѣ всей суммы долга. При такихъ условіяхъ страховое общество не должно было выдавать вознагражденіе. Нашъ кассаціонный судъ по дѣлу Крылова съ казною, — по дѣлу, любопытному, между прочимъ, тѣмъ, что пришлось подавать девять кассаціонныхъ жалобъ, прежде чѣмъ судъ удовлетворилъ мое требованіе, — разъяснилъ, что арендаторъ можетъ страховать постройки,..

Я думаю, что лучше жечь тогда, когда спора о правѣ нѣтъ...

Но иду далѣе.

Говорятъ, складъ былъ застрахованъ на короткое время. Но вы, можетъ быть, знаете, что значитъ страховка на короткое время? Есть вѣдь цѣлый рядъ такихъ владѣній, которыя страхуются только на опасное въ пожарномъ отношеніи время, и лѣсные склады страхуютъ, обыкновенно, только на лѣтнее время...

Вообще, что касается до поджога, то нѣтъ уликъ, которыя нужно было бы разбирать: такъ легко ихъ опровергнуть.

Я приведу только одно соображеніе.

Неужели воръ станетъ пробираться въ домъ въ тотъ моментъ, когда по улицѣ идетъ многолюдное шествіе!.. Такъ и въ нашемъ случаѣ. Ужъ если кто сдѣлалъ поджогъ, такъ несомнѣнно человѣкъ чужой. Невѣроятно, чтобы хозяинъ, задумавшій совершить поджогъ со своими приказчиками, не сказалъ имъ, что нужно его устроить въ такой-то благопріятный моментъ, а ждалъ бы стеченія обстоятельствъ, въ родѣ настоящаго: это ужъ спортъ!..

Вдумайтесь въ настоящее дѣло и не забывайте, что намъ не дано права исправлять людей: мы можемъ наказывать только запрещенное закономъ дѣяніе. Запрещеннымъ оно будетъ только тогда, когда касается чужого имущества; то или иное дѣйствіе надъ собственнымъ имуществомъ подлежитъ наказанію только въ томъ случаѣ, если затрогиваетъ одновременно интересы другихъ лицъ.

Здѣсь этого нѣтъ.

Передъ нами — поджогъ, совершенный въ надеждѣ на милость страхового общества, на подачку съ его стороны.

Но мы знаемъ по опыту, что общество, разъ только усомнится, заподозритъ что-нибудь неладное,— вознагражденія не выдастъ. А вѣдь здѣсь — нѣсколько пожаровъ на протяженіи одного-двухъ лѣтъ; естественно, что у общества можетъ явиться подозрѣніе и милости оно не проявитъ...

При такихъ условіяхъ ни одинъ разумный человѣкъ не сталъ бы совершать поджога!

Вотъ, соображая все это, я и обращаюсь къ вамъ.

Не пользуйтесь безконтрольной властью сокрушить человѣка только потому, что онъ преданъ вашей власти: этимъ правомъ нужно пользоваться осмотрительно!..

Есть, правда, у подсудимаго одна страшная улика,— улика, разбить которую можно только обращеніемъ къ вашему сердцу: передъ вами на мѣстѣ подсудимаго сидитъ не просто преступникъ, но преступникъ-еврей!..

Страна наша — страна разноплеменная. Не всѣ національности въ

ней, къ сожалѣнію, пользуются равноправіемъ: его племя, вольно или невольно, отвѣчаетъ за чужіе грѣхи.

И вотъ часто всякое сомнѣніе по отношенію къ еврею переходитъ въ убѣжденіе!..

Въ жизни мы часто грѣшимъ легкимъ сужденіемъ. Но когда вы дѣлаетесь судьями, вы должны высоко поднять голову надъ всѣми предразсудками, надъ всѣми предвзятыми мнѣніями!..

Вѣдь когда правосудіе будетъ національнымъ, лучше не жить человѣку на свѣтѣ. Вѣдь правосудіе—это послѣднее прибѣжище человѣка, послѣдняя его защита...

Если васъ захотятъ ограбить на большой дорогѣ, вы можете выйти на грабителя съ пистолетомъ: противъ насилія вы можете защищаться съ оружіемъ въ рукахъ...

Но если проповѣдникъ въ церкви подымаетъ противъ васъ свой голосъ, тогда самое честное, самое святое, что остается у человѣка,—это правосудіе!..

И если мы будемъ судить за преступленіе не Ивана и Петра, совершившихъ его, а ихъ родственниковъ, и только за то, что они—ихъ родственники, это будетъ не судъ...

Часто говорятъ, что евреи обвѣшиваютъ...

Но что если мы будемъ обвѣшивать... на правосудіи?!..

Моя гордость, гордость русскаго человѣка, не позволяетъ мнѣ вамъ говорить объ этомъ...

Я не поклонникъ преклоненія передъ угнетенной національностью только потому, что она угнетена: я слишкомъ русскій человѣкъ!..

И моя горячая любовь къ русскому человѣку, моя вѣра въ него не позволяютъ подумать о томъ, чтобы вы могли... обвѣсить на правосудіи...

И стыдно бы мнѣ было, стыдно сидѣть рядомъ съ вами, если бы вы сдѣлали это!..

турѣ, чтобы вторгнуться въ семью Новохацкихъ, раздѣлить членовъ ея на злодѣевъ и обиженныхъ...

Спасите, воскликнуло оно, указывая на Марью и Константина, этихъ несчастныхъ отъ подобныхъ людей!

А на это обвинительное слово откликались слова матери подсудимыхъ и, будто бы, потерпѣвшихъ: я — мать ихъ, всѣ они одинаково дороги мнѣ, однихъ другимъ я не дамъ въ жертву, но по правдѣ и по сердцу я увѣряю, что подсудимые не виноваты, что они равно достойны любви моей.

Рѣжетъ ухо жестокое возраженіе съ трибуны прокурора, что мать измѣнила голосу природы и выдаетъ однихъ дѣтей на жертву другимъ

Слабый и неразвитый братъ, Константинъ, больная душой и тѣломъ сестра, Марья, какимъ-то чудомъ собрали свои послѣднія силы и проговорили: мы любимъ братьевъ, прощаемъ обиды, отвергаемъ обвиненіе; а оно — это обвиненіе — заткнувъ уши отъ этихъ изъ сердца исходящихъ криковъ, просило васъ не вѣрить имъ и засудить сидящихъ передъ вами, неповинно привлеченныхъ, братьевъ Новохацкихъ...

Въ семью надо вторгаться осторожно, и осторожно обсуждать совершающіяся тамъ явленія. Многое, что кажется преступнымъ, тамъ не только дозволительно, но и обязательно. Кто смѣетъ поднять голосъ и замѣтить мнѣ о моей неправотѣ, когда я такъ или иначе распоряжаюсь своими собственными интересами? Но то же замѣчаніе изъ устъ отца или матери я выслушаю благоговѣйно.

Преступно лишить человѣка свободы на день, на часъ, на минуту, но отцовская мѣра противъ непокорнаго не подлежитъ осужденію.

Не законами, писанными людьми, а иными, отъ вѣка существующими въ душѣ людей нравственными убѣжденіями обезпечена семья отъ распаденія.

Пока семья не зоветъ васъ на помощь, не трогайте ея покоя.

Любовь матери и ея оправдывающее дѣтей слово — лучшая порука, что тамъ не совершилось насилія.

Тысячами обвинительныхъ рѣчей не докажется, что подсудимые истязали и мучили своихъ единокровныхъ, когда эти, названные потерпѣвшими, лица просятъ не защиты, не охраны, а мира, союза и неразрывнаго единенія съ оторванными отъ нихъ членами ихъ семьи.

Всѣ усилія доказать, что мать въ сообщничествѣ съ одними тѣснитъ несчастную дочь, останутся напрасными передъ одной изъ такихъ сценъ, какую мы видѣли сегодня: обвиненіе обзывало мать зло-

дѣйкой своей дочери, а эта дочь въ это время покоилась на груди у матери...

Обвиненіе зоветъ подсудимыхъ преступниками и проситъ вырвать у нихъ сестру и брата, а они, эти обиженные, если вы осудите подсудимыхъ, уйдутъ отсюда не съ кликами радости, а съ воплями отчаянія.

Правосудіе вноситъ миръ и господство права надъ неправдой, а обвиненіе подсудимыхъ лишитъ потерпѣвшихъ и мира и сознанія своей правоты.

Осужденные будутъ силою своихъ страданій мучить совѣсть тѣхъ, за кого они напрасно потерпѣли.

Проклятіе, а не благословеніе услышатъ оставшіеся дома члены семьи изъ устъ матери за то, что изъ-за нихъ у ней отняли ея дѣтей.

Зато поднимутъ голову тѣ, кто изъ-за кулисъ началъ всю эту исторію, объявятъ свое имя авторы анонимныхъ писемъ и вновь примутся за свои гнусные замыслы. Лишенные заступниковъ, старшихъ, опытныхъ братьевъ, къ кому, какъ не къ этимъ проходимцамъ въ руки попадутъ нравственно слабыя личности, Марья и Константинъ Новохацкіе?!

Неужели же это — желанная цѣль дѣла?!..

Отцы, мужья, братья! Вы лучше насъ знаете міръ семейныхъ отношеній!

Житейски благоразумно оцѣнивъ поступки Новохацкихъ, вы выдѣлите изъ числа преступленій обычныя неурядицы въ семейной жизни среднихъ по развитію людей, — тѣмъ паче вы откажетесь признать за проступки добрыя намѣренія, имѣвшія въ виду добрыя цѣли, если эти намѣренія иногда воплощались въ грубую форму первобытной дисциплины.

Ваше сердце научитъ васъ обрѣсть истину въ массѣ переданныхъ фактовъ, а Тотъ, кого вы призывали, обѣщаясь разсудить дѣло по совѣсти, наставитъ васъ на путь правды.

Настоящее дѣло — поле для святой, всепримиряющей, миротворящей работы.

Тяжело, вопреки свидѣтельству внутренняго чувства, осуждать неизобличаемаго, но легко и радостно снять съ ближняго тяжесть незаслуженнаго обвиненія.

Эту радость вы испытаете и теперь, когда своимъ „нѣтъ“ прекратите долговременное и напрасное горе, тяготѣющее на ожидающихъ вашего правосуднаго слова подсудимыхъ!..

IX.

Дѣло кн. Голицына.

Дѣло кн. Голицына,

обв. въ растратѣ и мошенничествѣ.

Въ половинѣ декабря 1882 г. жена коллежскаго регистратора Е. Щепотьева и кр. В. Федоровъ подали жалобу московскому полицеймейстеру на дѣйствія князя Бориса Николаевича Голицына, который подъ предлогомъ найма Федорова въ приказчики въ свое имѣніе взялъ у него въ видѣ залога 1500 руб., занятые для этой цѣли у Щепотьевой, но, не давъ мѣста, присвоилъ себѣ деньги.

Произведенное по этой жалобѣ дознаніе не только подтвердило ее, но и раскрыло цѣлый рядъ подобныхъ же дѣйствій по отношенію къ другимъ лицамъ.

Было выяснено, что многіе служащіе съ залогами были наняты Голицынымъ въ имѣніе совершенно чуждаго ему человѣка, княгини С. И. Голицыной.

Явившееся въ результатѣ этого судебное слѣдствіе обнаружило еще много случаевъ обманнаго найма кн. Голицынымъ въ теченіе 1880—1882 г.г. разныхъ лицъ на должности приказчиковъ и управляющихъ. Со всѣхъ этихъ лицъ Голицынымъ были взяты денежные залоги.

Никому изъ нанятыхъ служащихъ мѣстъ предоставлено не было. Залоги же были впослѣдствіи частью пополнены личными обязательствами князя Голицына, частью были возвращены уже послѣ возникновенія дѣла по обвиненію кн. Голицына въ мошенничествѣ, частью совсѣмъ не возвращены.

Большинство изъ нанятыхъ кн. Голицынымъ служащихъ были совершенно разорены обманнымъ полученіемъ съ нихъ залоговъ. Всѣ они были людьми несостоятельными. Голицынъ путемъ ложнаго сообщенія о своемъ богатствѣ и положеніи внушалъ имъ полное къ себѣ довѣріе. Довѣріе было такимъ, что одно изъ нанятыхъ Голицынымъ лицъ распродало все свое имущество, другое вошло въ долги для того, чтобы внести залогъ и ѣхать на мѣсто службы.

Договоры со служащими обставлялись такими условіями, что въ случаѣ отказа послѣднихъ отъ ихъ фиктивныхъ мѣстъ они же должны были нести денежную за это отвѣтственность.

Найму Голицынымъ служащихъ способствовали купецъ Тургеневъ, бывшій

управляющій имѣніемъ кн. Голицына Эдуардъ Поссе и Николай Викторовичъ Хлобищинъ.

Князь Голицынъ въ то время, къ которому относятся его операціи по найму служащихъ, находился въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Все его имущество вплоть до самыхъ необходимыхъ вещей было заложено.

Для поднятія своего матеріальнаго достатка кн. Голицынъ вмѣстѣ съ Поссе продавали разнымъ лицамъ паи проектировавшейся отъ Воронежа до Харькова желѣзной дороги.

Иниціаторомъ постройки этой дороги былъ кн. Голицынъ. Къ этому дѣлу ему удалось привлечь многія общественныя организаціи и въ 1878 г. между нимъ и всѣми организаціями, принявшими въ этомъ дѣлѣ участіе, былъ заключенъ товарищескій договоръ, копіи котораго продавались какъ паи.

Очень скоро обнаружилось, что постройка дороги не состоится. Кн. Голицынъ потерялъ всякое довѣріе со стороны лицъ, обѣщавшихъ принять участіе въ постройкѣ дороги, а другой учредитель, инж. Франкъ, оказался замѣшаннымъ въ цѣломъ рядѣ сомнительныхъ операцій.

Тѣмъ не менѣе въ январѣ 1884 г. кн. Голицынъ продалъ за 3 т. руб. пай проектируемой дороги нѣкоему Арнаутову, увѣривъ его въ выгодности дѣла и приложивъ къ сдѣлкѣ записку, въ которой значилось, что правительство согласилось дать Обществу свою гарантію и что капиталы на это дѣло имѣются.

Одновременно съ этимъ кн. Голицынъ обязался представить Арнаутову на будущей ж. д. мѣсто съ окладомъ въ 4 тыс. руб.

Такой же пай, на такихъ же условіяхъ былъ проданъ кн. Шаховскому.

По этому дѣлу, какъ и по дѣлу о наймѣ служащихъ съ залогами, кн. Голицынъ вмѣстѣ съ другими лицами, принимавшими въ этихъ дѣлахъ участіе, былъ преданъ суду Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Засѣданіе по дѣлу происходило 5—8 мая 1885 г. подъ предсѣдательствомъ Тов. Предсѣдателя Рынкевича. Обв. Тов. Прок. Купчинскій.

Защищали: кн. Голицына — Ѳ. Н. Плевако, другихъ подсудимыхъ прис. пов. Пржевальскій, Монастыревъ и Хлобищинъ.

Присяжные засѣдатели вынесли кн. Голицыну оправдательный вердиктъ.

Рѣчь въ защиту подсудимаго кн. Голицына.

Два портрета, снятые съ князя Голицына,—одинъ во время его благополучія и блестящей общественной дѣятельности и другой въ данную минуту,—столь непохожи другъ на друга, что не хочется вѣрить, что это—одно и то же лицо.

Благосостояніе, главенство въ сословныхъ, земскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, доброе имя—вотъ черты перваго; безславіе, бѣдность, скамья позора—черты второго портрета.

Какъ же это случилось?

Надъ этимъ вопросомъ думало обвиненіе, думаете вы. Этому дѣлу посвящены многодневные труды ваши. Мы изучали день за днемъ жизнь князя за эти 8 лѣтъ.

Но я боюсь, что впечатлѣніе было получено невѣрное, потому что *мы* неправильно распредѣлили матеріалы дѣла: сначала познакомили васъ съ массой мелкихъ сдѣлокъ, по которымъ князь воспользовался залогами приглашенныхъ имъ работниковъ, и по прекращеніи договоровъ никому ничего не отдавалъ или долго не отдавалъ,—нѣкоторымъ до вчерашняго дня; а потомъ уже дали данныя по неудавшемуся желѣзнодорожному предпріятію и познакомили со средствами князя до начала этой злополучной погони за концессіей.

Но такой порядокъ невѣренъ: это значитъ начинать съ конца. Впечатлѣніе получается уродливое, напоминающее то, какое получаемъ мы, если смотримъ на чей-либо портретъ, перевернувъ его вверхъ ногами.

При разсмотрѣніи дѣла съ начала получается иной видъ: мы видимъ, что князь вступаетъ въ жизнь съ запасомъ знаній: онъ первый кандидатъ университета, кончилъ курсъ въ военной академіи. Молодость его не загублена въ погонѣ за наслажденіями; со скамьи школьной онъ спѣшитъ на ратное поле, въ знаменитую Севастопольскую эпоху.

Затѣмъ рядъ годовъ—рядъ разнообразныхъ общественныхъ и должностныхъ задачъ. Когда князь послѣ смерти матушки, по раздѣлу съ братьями, получаетъ громадное имѣніе (2.600 дес.) въ Курской губ., онъ дѣлается хозяиномъ, принимаетъ порученія мѣстнаго населенія въ качествѣ судьи, гласнаго, предводителя и, по выраженію свидѣтелей, весь уходитъ въ разъ принятыя обязанности. Личныя его дѣла даже запускаются отъ излишней ревности по выборной службѣ.

Въ это время мѣстность, гдѣ лежитъ имѣніе князя, стремится соединиться съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Южной Россіи; князь отдается этому дѣлу, видя въ немъ одновременно средство и сослужить своему краю и получить, подобно многимъ счастливцамъ, обычную выгоду, какая приходится на долю получателей концессій.

Въ это время князь затрачиваетъ свои средства на изысканія, входитъ въ долги и, благодаря тормозу, задержавшему успѣхъ его предпріятія, теряетъ кредитъ и запутывается.

Но у него есть имѣніе, здѣсь оцѣненное въ 320.000 и даже 350.000 руб. Правда, оно заложено въ 200.000, но все-таки у него есть средства на 100.000 съ лишнимъ. Князь ищетъ покупателей, находитъ, но въ цѣнѣ не уступаетъ, и продажа разстраивается.

Запущенное хозяйство не даетъ достаточно дохода, а доходъ получаемый съѣдаетъ погоня за желѣзнодорожнымъ проектомъ и обычные расходы общественнаго дѣятеля. Часто не хватаетъ денегъ на взносъ въ банкъ. Имѣнію грозитъ молотокъ. Приходится искать денегъ во что бы то ни стало, чтобы отсрочить аукціонъ и продать по вольной цѣнѣ.

Въ это-то время князь и приглашаетъ служащихъ съ залогомъ. При этомъ онъ не скрываетъ плохого состоянія дѣлъ и обусловливаетъ за собой право пользоваться залогомъ изъ $^0/_0$.

Дѣла приглашеннымъ нѣтъ, но князь держитъ ихъ у себя и платить жалованье не прочь, но они теряютъ вѣру въ него и уходятъ. Такъ какъ князь деньги ихъ употреблялъ на взносъ въ банкъ и на дѣло, то въ платежѣ оказалась задержка.

У князя было имѣніе и былъ, слѣдовательно, фондъ для уплаты залога и зажитого жалованья. Но испуганные начинаютъ жаловаться.

Дѣло окончательно подрываетъ его кредитъ: его имѣніе въ глухую лѣтнюю пору уходитъ за безцѣнокъ. Полежаевъ покупаетъ его съ торговъ за 180 т., а крестьяне уплачиваютъ ему за $^2/_3$ имѣнія около 250 тысячъ.

Тогда-то князь оказался неспособнымъ къ расплатѣ, и дѣло получило видъ обмана.

Желѣзнодорожное дѣло тоже тормозилось. Князь искалъ денегъ, привлекалъ людей и продавалъ имъ свои паи на будущія концессіонныя выгоды. За пай, въ случаѣ удачи, приносящій 24 т. барыша, онъ бралъ по 2 т., и ему давали.

О томъ, что это — рискъ, всѣ знали. Но предпріятіе не удалось, и опять всѣ заподозрѣли обманъ.

Продай князь имѣніе Татищеву, Игнатьеву, Неронову, у него бы было до 100 тыс., и никто изъ получившихъ обратно свои залоги съ % не осудилъ бы его. Удайся концессія, князь былъ бы героемъ дня.

Но неудачи настигли его, и надъ нимъ сказалось древнее изреченіе: горе побѣжденнымъ!

Князь бѣденъ. Его бѣдность не есть ли доказательство того, что онъ непохожъ на истыхъ обманщиковъ. У обманщика прибавилось бы къ его достатку, а у князя потеряно все, что онъ имѣлъ. Онъ затянулся, желая выскользнуть изъ петли дѣлъ.

Несмотря на бѣдность, онъ не прячетъ добываемыхъ имъ крохъ на черный день, а уплачиваетъ потерпѣвшимъ.

Вмѣните это ему въ заслугу. Не думайте, что правосудіе будетъ оскорблено, если вы дадите значеніе этому усилію потерпѣвшаго загладить свои грѣхи. Не напрасно работаютъ обвиненіе и судъ, если, благодаря имъ, страшась кары, подсудимые употребляютъ отчаянныя усилія, чтобы возмѣстить за всякое зло и за всякую неправду свою.

Подсудимый упалъ, я не могу собственными силами вытащить его изъ той ямы, въ которой онъ бьется.

Но вы видите, что не столько злая воля, сколько злополучіе его уронило туда; видите, что онъ, проклиная ошибки своей жизни, дѣлаетъ все, чтобы заслужить имя человѣка, смывшаго съ себя слѣды своихъ неправыхъ дѣлъ.

Въ такую минуту судъ, соразмѣряющій вину съ злой волей, вправѣ подать руку и помочь упавшему...

Я постарался напомнить вамъ тѣ обстоятельства, которыя разгоняютъ черезчуръ мрачные туманы надъ головой обвиняемаго, и обратилъ ваше вниманіе на человѣческій обликъ, не убитый въ немъ.

Если мое мнѣніе встрѣтитъ въ вашей совѣсти сочувствіе, если вы не признаете его за мертвеца, котораго надо вычеркнуть изъ списка,—то скажите ему вашимъ рѣшающимъ словомъ: живи!..

X.

Дѣло А. Ф. Мордвина-Щодро и кн. А. Д. Оболенскаго.

Дѣло А. Ф. Мордвина-Щодро и князя А. Д. Оболенскаго,

обв. въ растратѣ 16 лошадей

---

21 мая 1891 года по претензіи кредиторовъ штабъ-ротмистра Мордвина-Щодро судебнымъ приставомъ Московскаго Окружнаго Суда была описана его скаковая конюшня, состоявшая изъ 16 лошадей.

Представлявшія цѣнность въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, лошади эти были оцѣнены въ 1.600 руб. и, съ согласія кредиторовъ, сданы на храненіе кн. Оболенскому.

Ко дню, назначенному для продажи лошадей, 11 іюля того же года, ни одной изъ отданныхъ на храненіе Оболенскому лошадей въ конюшнѣ не оказалось.

Кн. Оболенскій заявилъ, что, въ виду окончанія срока аренды конюшни, онъ долженъ былъ освободить ее: часть описанныхъ лошадей онъ отправилъ въ Петербургъ на скачки, другую — въ деревню.

Впослѣдствіи оказалось, что всѣ арестованныя лошади проданы Мордвинымъ-Щодро съ вѣдома Оболенскаго. Продажа производилась съ согласія кредиторовъ, одновременно съ удовлетвореніемъ ихъ долговъ.

Мордвинъ-Щодро и Оболенскій показали, что они произвели продажу лошадей для того, чтобы на вырученныя деньги покончить миромъ съ кредиторами. И дѣйствительно, большинство кредиторовъ подтвердили, что за время съ іюля по сентябрь 1891 г. они разсчитались съ М.-Щодро. Отъ многихъ кредиторовъ представлены были расписки о полномъ удовлетвореніи ихъ претензій къ М.-Щодро.

Обвиненіе было возбуждено повѣреннымъ одного изъ кредиторовъ.

Обвинитель и повѣренный гражданскаго истца считали обвиненіе съ формальной стороны вполнѣ доказаннымъ. Они указали, что оба обвиняемые — люди съ плохимъ прошлымъ, что оба они уже были объявлены несостоятельными должниками, что кн. Оболенскій до этого судился по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадтскомъ банкѣ и что они не могли не знать преступнаго характера своихъ дѣйствій.

Слѣдуетъ замѣтить, что по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Кронштадскомъ банкѣ кн. Оболенскій былъ оправданъ.

На основаніи всего этого Мордвинъ-Щодро и кн. Оболенскій были преданы Московскому Окружному Суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Засѣданіе происходило 26 — 27 мая 1895 г.

Предсѣдательствовалъ Тов. Предсѣдателя Суда А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Обвинялъ Тов. Прок. Іогансонъ. Гражданскій искъ поддерживалъ прис. повѣр. Козловскій.

Защищали: Мордвина-Щодро — Н. П. Шубинскій, кн. Оболенскаго — Ѳ. Н. Плевако.

Послѣ очень непродолжительнаго совѣщанія присяжные засѣдатели обоихъ подсудимыхъ оправдали.

Рѣчь въ защиту кн. А. Д. Оболенскаго.

Гг. присяжные засѣдатели!

Вамъ предложатъ высказать судебное мнѣніе въ формѣ отвѣтовъ на вопросы, соотвѣтствующіе предъявленному къ гг. Мордвинъ-Щодро и князю Оболенскому обвиненію.

Исполнить свою обязанность по разуму и совѣсти вы сможете только въ такомъ случаѣ, если вамъ переданы данныя дѣла такъ, какъ слѣдуетъ, и высказано, при оцѣнкѣ фактовъ дѣла, правильное мнѣніе о свойствѣ ихъ.

Но когда судьи, отъ которыхъ требуютъ отвѣта, не были очевидцами событія, а должны судить о немъ по работамъ, посвященнымъ изслѣдованію его лицами, къ тому закономъ уполномоченными, то условіе истины стоитъ въ зависимости не только отъ событія, которое судятъ, но и отъ пріемовъ, которые употреблены при возстановленіи передъ судьями дѣйствительности.

Точно также, когда отъ судей требуютъ не только отвѣта на вопросы о событіи, но и о нравственной оцѣнкѣ его и его дѣятелей, большое значеніе пріобрѣтаетъ пріемъ, къ какому обращаются лица, въ облегченіе вашего труда предлагающія вамъ свои воззрѣнія и основанія къ нимъ.

Мой сотоварищъ по дѣлу занялся возстановленіемъ событія, насъ

занимающаго, и, въ мѣру своего разумѣнія, внесъ тѣ поправки, которыя, кажется намъ, приближаютъ историческій разсказъ къ дѣйствительному ходу дѣла.

Я сначала займусь другимъ: я прослѣжу, правильны ли были пріемы противниковъ при лѣтописной и критической работѣ, посвященной дѣятельности подсудимыхъ. Дѣлаю это потому, что, разъ обнаружится, что пріемы не согласовались съ требованіями, предъявляемыми къ работѣ, имѣющей въ цѣляхъ своихъ истину, а въ результатѣ—вѣроятнѣйшее къ ней приближеніе, тогда мы смѣло можемъ отвергнуть выводы неточнаго изслѣдованія и даже нравственно обязаны воздержаться отъ согласія съ ними.

Простая справка съ памятью о томъ, что здѣсь было, укажетъ намъ на крупную ошибку обвиненія въ этомъ отношеніи.

Припомните: обвинительный актъ возвѣщалъ вамъ, что дѣло идетъ о томъ, что описанныя по долгамъ Мордвина-Щодро его лошади, сданныя на храненіе князю Оболенскому, не оказались налицо къ 11-му іюля 1891 года въ той конюшнѣ, гдѣ онѣ стояли въ моментъ описи; засимъ, въ сентябрѣ того же года, лошади, гласно распродаваемыя Мордвинымъ-Щодро разнымъ лицамъ, были ли, вопреки воли кредиторовъ, растрачены или нѣтъ? Было ли здѣсь то уголовное дѣяніе, которое преслѣдуетъ законъ, какъ растрату, или не было?

И вотъ, разрѣшая этотъ вопросъ, обвиненіе и во время слѣдствія и сейчасъ, въ обвинительной рѣчи, сочло цѣлесообразнымъ ввести въ дѣло такія подробности: оно дало вамъ понять, что Мордвинъ-Щодро былъ недавно судимъ по обвиненію въ растратѣ облигацій своей тещи, что эти облигаціи были въ рукахъ князя Оболенскаго несмотря на то, что онѣ Щодро не принадлежали, и не были возвращены, когда Щодро трепеталъ за свою судьбу, боясь отвѣтственности.

Но при этомъ обвиненіе не обмолвилось, что князь Оболенскій, какъ извѣстно обвинителю, не былъ привлекаемъ къ дѣлу, какъ человѣкъ, въ этомъ дѣлѣ ничего противозаконнаго не сдѣлавшій. Обвиненіе не сочло нужнымъ замѣтить, что и предположеніе о виновности Щодро или было отвергнуто представителями общественной совѣсти, т.-е. законными судьями дѣла, или, въ признанныхъ фактахъ, оказалось, по авторитетному мнѣнію высшаго суда въ Россіи, дѣяніемъ, закономъ не воспрещеннымъ, какъ не заключающимъ въ себѣ качествъ преступленія.

Обвинитель, направляя свое слово противъ кн. Оболенскаго, выразился, что князю давно извѣстно, чѣмъ уголовный законъ грозитъ

за растрату, ибо князь опытенъ въ уголовномъ законѣ, благодаря дѣлу Кронштадтскаго банка.

Впечатлѣніе, на которое разсчитывали, понятно: князь де не въ первый разъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, и это должно быть ему поставлено въ счетъ.

Правда, г. предсѣдатель остановилъ г. обвинителя, но слово и облеченная въ слово мысль коснулись васъ, тѣмъ обязывая меня на отпоръ явно неправильному пріему.

Говоря о Кронштадтскомъ банкѣ, обвинитель долженъ былъ, по требованію долга, упомянуть и о томъ, что князь оправданъ, слѣдовательно, обвиненіе было ошибочно, и если этотъ прискорбный фактъ долженъ быть кому поставленъ въ невыгодный счетъ, то не неповинному и напрасно привлеченному, а въ счетъ привлекшимъ его, какъ вѣское доказательство возможности со стороны обвинителей жестоко ошибаться, несмотря на искренность своихъ взглядовъ.

Упоминалось здѣсь и о двукратной несостоятельности Щодро, о несостоятельности моего кліента, князя Оболенскаго, имѣвшей начало въ 80-хъ годахъ.

Но тогда слѣдовало сказать и о причинахъ прекращенія первой несостоятельности и о судьбѣ несостоятельности князя Оболенскаго.

Прекращенная несостоятельность свидѣтельствуетъ, по общему порядку, что должникъ покончилъ свои счета или уплатилъ свои долги: покончeнная несостоятельность частью есть доказательство того, что должникъ вышелъ изъ несчастія, его постигшаго, тѣмъ, что погасилъ претензіи, а не прибѣгнулъ къ конкурсному производству, какъ къ средству отдѣлаться отъ кредиторовъ путемъ грошовыхъ дивидендовъ.

Говорилось о несостоятельности князя Оболенскаго, а не говорилось о причинѣ ея, столь извинительной, благодаря побужденіямъ которыя заставили князя броситься въ подряды во время восточной войны и потерять, благодаря несвойственности его положенію и характеру коммерческихъ дѣлъ, все свое состояніе и на всю жизнь затянуться въ сѣти долговыхъ путъ.

Это ли пріемъ для правильнаго освѣщенія спорнаго вопроса?...

Не будетъ ли правильнѣе счесть эти посторонніе спорному дѣлу факты за тотъ напускной туманъ, который мѣшаетъ духовному оку судьи усвоять предметы въ ихъ истинномъ обликѣ и который, извращая прямой путь лучей свѣта, идущихъ отъ предмета къ зрительной способности изслѣдователя, рисуетъ ихъ въ неестественной и уродливой наличности.

А между тѣмъ рѣдкое дѣло такъ просто, какъ настоящее, и такъ несложны тѣ обстоятельства, надъ которыми надо подумать, чтобы оцѣнить ихъ и опредѣлить нравственную и законную пригодность ихъ.

Слѣдуетъ объяснить вамъ, что со времени новаго суда наступилъ новый порядокъ взысканія долговъ, отличный отъ прежняго, полицейскаго. Многочисленный штатъ полиціи замѣненъ единоличнымъ мѣропріятіемъ судебнаго пристава, у котораго нѣтъ подъ властью низшихъ служителей и нѣтъ казенныхъ помѣщеній для храненія арестованнаго имущества должника. Пришлось закону допустить особливую форму охраны имущества, въ интересѣ кредиторовъ,— чрезъ хранителя — частное лицо.

Легкость правонарушенія, при злонамѣренности хранителя, стоящаго въ соблазнительной близости и въ головокружительномъ властвованіи надъ чужимъ имуществомъ, обусловливаетъ возможность правонарушеній. Охраняя интересы кредиторовъ, какъ законныхъ требователей, законъ поспѣшилъ, кромѣ имущественнаго взысканія, пригрозить правонарушителю уголовной карой.

Въ дѣйствующемъ до изданія новаго устава судопроизводства законѣ уголовномъ не было статьи, предусматривавшей данный случай въ его особливомъ видѣ, но въ дѣяніи, составляющемъ актъ злой воли, направленной на попраніе чужого права, преступны не особливыя, а, напротивъ, тѣ о б щ і я, отталкивающія отъ него добрую волю, черты, которыя присущи преступленіямъ, наносящимъ однородный вредъ потерпѣвшимъ. И законъ сослался въ случаяхъ, требующихъ преслѣдованія за растрату хранимаго, на статью Уложенія, запрещающую растрату вообще.

Отсюда слѣдуетъ, что случай, имѣвшій мѣсто въ данномъ разѣ, долженъ разсматриваться при помощи понятія о растратѣ чужого имущества, вопреки воли хозяина. Дѣянія вмѣняются въ вину съ большей или меньшей степенью строгости или снисхожденія въ зависимости отъ наличности обстоятельствъ, при которыхъ растрата и присвоеніе или свидѣтельствуютъ о преступности намѣреній, или объ извинительности побужденій.

Данный случай весь сводится вотъ къ чему: князь принялъ,—по просьбѣ ли взыскателей, по своей ли просьбѣ къ нимъ,— это все равно,— на храненіе отъ судебнаго пристава скаковую конюшню Щодро, описанную за долги и оцѣненную для продажи, по неопытности взыскателей, всего въ 1.600 рублей, при цѣнности имущества, по сознанію обвинителя и гражданскаго истца, въ нѣсколько десят-

ковъ тысячъ. Лошади, числомъ 16, были помѣщены въ конюшнѣ Бардина, при чемъ хранителю не было дано денегъ для уплаты за помѣщеніе и прокормъ. Срокъ содержанія лошадей (время, оплаченное хозяину помѣщенія) истекалъ въ первыхъ числахъ іюля, а продажа была назначена 11 іюля.

Въ день продажи лошади были уведены изъ помѣщенія, и приставъ не могъ произвести торга. Но передъ глазами пристава была бумага хранителя, что лошади живы, цѣлы и здоровы, но уведены частью въ Царское Село на скачки, частью въ деревню, за неимѣніемъ средствъ на уплату за помѣщеніе.

Извѣстіе не вызвало ни со стороны взыскателей, ни со стороны пристава, опасенія, что лошади растрачены, и на самомъ дѣлѣ, по фактамъ, на которые ссылаются сами обвинитель и гражданскій истецъ, лошади до сентября продаваемы не были. Слѣдовательно, въ іюлѣ былъ уводъ лошадей изъ помѣщенія, но не растрата ихъ, ибо въ сентябрѣ онѣ были цѣлы, и до сентября цѣлость ихъ не возбуждала сомнѣнія.

Въ сентябрѣ Щодро начинаетъ продавать лошадей, а князь ему не препятствуетъ, и въ сентябрѣ,—точнѣе, въ самомъ концѣ сентября,—взыскатель Казиміровъ дѣлаетъ заявленіе приставу, обусловившее запросъ пристава князю и сообщеніе прокурору о томъ, что совершилась растрата.

Время отъ іюля по сентябрь отмѣчается лихорадочною заботой князя, направленной къ тому, чтобы продажи съ аукціона не было, и къ ходатайству предъ кредиторами о томъ, чтобы было дозволено арестъ снять и лошадей продать по вольной цѣнѣ. Съ іюля по сентябрь получается,—при частичной уплатѣ долга, или переписке векселей,—или письменное удостовѣреніе, или словесное, которое князю казалось достаточнымъ для прекращенія взысканія. Затѣмъ лошади продаются Мордвинымъ-Щодро.

Установленъ и тотъ фактъ, что заявленій приставу, вызвавшихъ съ его стороны снятіе ареста, въ дѣлѣ нѣтъ, и формальная обязанность князя, какъ хранителя, формально прекращена не была.

Изложенное,—это такъ ясно для самаго непосредственнаго созерцанія,—указывало на рамки спора.

Надо было выяснить: были ли даны кредиторами тѣ посредственныя и непосредственныя с о г л а с і я на отложеніе торговъ и на вольную продажу лошадей, о которыхъ говоритъ князь? И если согласія были, то въ исчерпывающемъ ли волю всѣхъ кредиторовъ количествѣ?

Если воля шла ото всѣхъ, то достаточно ли этого, и не имѣло ли

отсутствіе формальнаго распоряженія пристава о снятіи ареста значеніе достаточное, чтобы превратить фактъ въ преступленіе?

Между тѣмъ, обвинительная сторона, давшая мѣсто чуждому элементу, не разрѣшающему спорнаго вопроса, слишкомъ мало остановилась „на единомъ на потребу" и слишкомъ легко проскользнула по мѣсту дѣйствительнаго боевого пункта. Обвиненіе не потрудилось продумать настоящее значеніе тѣхъ шероховатыхъ мѣстъ въ поступкахъ князя Оболенскаго и Мордвина-Щодро, которыя только внѣшнимъ видомъ сходны съ злостными поступками, но съ большимъ правомъ могутъ быть объяснены въ духѣ безобидномъ и примирительномъ.

То заботливое и тревожное участіе, которое принималъ князь въ дѣлѣ Щодро объясняется тѣмъ, что по общему, отмѣтившему самую истину, убѣжденію, съ которымъ я спорить не хочу, ибо это было бы неправдой,— князь былъ весь въ нравственномъ долгу передъ Щодро, обусловленномъ дружескими до самозабвенія выручками, какими, какъ доказано обвиненіемъ и защитой Щодро, послѣдній старался помочь князю послѣ бѣдъ и разореній, нанесенныхъ ему неудачей подряда во время турецкой войны.

Щодро угрожало конечное разореніе. Его дорогая конюшня, существованія которой онъ не скрывалъ отъ публики, была описана и оцѣнена нелѣпо: по 100 рублей за кровную, скаковую лошадь.

По установившимся въ джентльмэнскихъ кружкахъ обычаямъ,— а члены бѣговыхъ и скаковыхъ обществъ нечужды качествъ этихъ кружковъ,— на аукціонъ не пойдутъ пользоваться несчастьемъ сочлена настоящіе знатоки и цѣнители лошадей. Придутъ аукціонисты и тѣ темные барышники, которые умѣютъ безнаказанно обращать публичную продажу въ мѣсто открытыхъ сдѣлокъ на пониженіе, платя ничтожныя цѣны за продаваемое и оплачивая халтурами и отходными мнимое отступленіе торгующихся отъ наддачи цѣнъ.

Всѣ знаютъ, что даже аукціоны судебные не въ силахъ бороться съ силой зла, и утверждать, что аукціонъ, благодаря конкуренціи покупателей, возвышаетъ цѣну продаваемаго до высшей цифры — значитъ свидѣтельствоваться въ своей наивности.

Нѣтъ, недаромъ люди залѣзаютъ въ долги, платятъ чудовищные проценты, чтобы достать денегъ на отсрочку, когда имъ грозитъ аукціонъ. Будьте увѣрены, что, продавайся съ аукціона, по описи судебнаго пристава, Дрезденская галлерея, то, чего добраго, напросится сотни рублей за Сикстинскую Мадонну...

Князю, какъ свѣдущему въ конскомъ дѣлѣ человѣку, во что бы

то ни стало хотѣлось, чтобы ужаснаго аукціона не было. И я не могу не заявить, что уводъ лошадей въ Царское Село и деревню, прикрытый формальнымъ правомъ хранителя выводить лошадей изъ одного помѣщенія въ другое, когда въ старомъ помѣщеніи держать ихъ не на что или невыгодно, для меня представляется одной изъ мѣръ сорвать аукціонъ и тѣмъ дать возможность Щодро не потерять лошадей за гроши, но выручить сколь возможно больше, что равно выгодно и для должника, и для кредиторовъ.

Поступокъ не правомѣрный, но не преступный, какъ не преступны многіе пріемы, неправильные, но не воспрещенные, и послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть лишь то или другое хозяйственное мѣропріятіе.

Къ концу сентября дѣло перемѣняется. Отъ большинства кредиторовъ получились расписки и заявленія въ учиненіи расчета съ ними; многіе, — и этому нельзя не вѣрить, — словесно разрѣшили князю изъять лошадей изъ-подъ описи и ареста въ ихъ интересѣ.

То и другое несомнѣнно существовало.

Первое положеніе князь доказывалъ, прося огласить расписки и заявленія кредиторовъ. Ему въ этомъ было отказано. Формальныя условія процесса, по мнѣнію суда, его обязывали къ отказу.

Не ожидая такого отношенія къ письменнымъ документамъ, подтверждающимъ окончаніе расчетовъ и выводимое отсюда разрѣшеніе на вольную продажу, князь не озаботился пригласить свидѣтелей по этимъ собственно обстоятельствамъ. Но вѣдь чего-нибудь да стоитъ та твердость, съ какой князь утверждалъ содержаніе поданныхъ кредиторами бумагъ, и не боялся провѣрки словъ своихъ письменными документами, а, напротивъ, страстно желалъ провѣрки.

Да если бы и не было этихъ письменныхъ доказательствъ, то сила вещей должна была бы васъ убѣдить въ томъ, что кредиторы удовлетворены и согласіе ихъ было, что и развязывало руки должнику и хранителю, считавшимъ свои обязанности, — хранить свое въ интересѣ должниковъ, — конченными, за расчетами съ ними. Кредиторы, будто бы пострадавшіе отъ дѣянія, нарушившаго ихъ интересы, отсутствуютъ, ничего не ищутъ. Если бы они были обмануты и обижены, они были бы здѣсь.

Наличный гражданскій истецъ, по его собственному слову, пришелъ ходатайствовать не за нихъ. Явившіеся въ качествѣ свидѣтелей кредиторы ни о какомъ обманѣ ихъ не свидѣтельствуютъ, на нерасчетъ съ ними не жалуются.

Правда, вопреки ихъ взгляда на дѣло и на свои интересы, обвинитель силится ихъ и васъ убѣдить, что они обижены и неудовлетворены, но кредиторы — люди совершеннолѣтніе, правоспособные и очень ловкіе въ своихъ практическихъ дѣлахъ. Они, когда ихъ обидятъ, прибѣгнутъ къ помощи прокуратуры, но когда они обсуждаютъ свои гражданскіе интересы, они въ ея опекѣ не нуждаются. Повѣрьте мнѣ, что въ этихъ вопросахъ они практичнѣе и сообразительнѣе насъ, и въ помочахъ и руководствѣ ни по своей волѣ, ни по слову закона, не нуждаются.

У обвиненія и такъ масса благороднаго дѣла: зло жизни, называемое преступленіемъ, такъ часто, что для интересовъ общественныхъ важно, чтобы наши охранители не разбрасывались на такія дѣла, не утруждали себя такой опекой тамъ, гдѣ люди сами лучше разберутся въ своемъ интересѣ...

Согласіе было дано. Кромѣ того, на что ссылался князь, оно должно быть признано и въ отношеніи къ тѣмъ кредиторамъ, которые не оставили слѣдовъ ни своего согласія, ни своего несогласія.

Разъ кредиторы были людьми, занимающимися преимущественно денежными операціями, оттѣненными въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжелыми выкладками, то такіе люди, для которыхъ всего важнѣе взять больше въ своемъ интересѣ, не могли допустить аукціона, зная, что на аукціонѣ лошади пойдутъ за безцѣнокъ и выручка не покроетъ ихъ номинальнаго долга. Лошадиныхъ охотниковъ не было, слѣдовательно, они, по неподготовкѣ къ лошадиному барышничеству, сами покупать лошадей не пошли бы. Ихъ собственный интересъ требовалъ недопущенія аукціона.

А если такъ, то что же сдѣлано? А вотъ что: дѣяніе, котораго лучше бы не дѣлать, потому что въ немъ похвальнаго нѣтъ ничего, но въ которомъ не найдешь достаточно злой воли, чтобы обратить его въ преступленіе...

Подсудимые, довольствуясь фактически выраженной волей кредиторовъ,—притомъ настоящихъ кредиторовъ, а не Каземірова, который какъ это ясно изъ показанія Миронова, былъ только повѣреннымъ,— не озаботились оформить положеніе дѣла и слишкомъ понадѣялись на факты, еще не подкрѣпленные формой.

Съ ними случилось нѣчто подобное такому казусу: получается телеграмма, что я умеръ. Судебный приставъ описываетъ мою квартиру и загоняетъ мою семью въ двѣ комнатки, обезцѣненныя выносомъ всего моего имущества въ запечатанныя комнаты.

Но извѣстіе ложно. Я пріѣхалъ и, вмѣстѣ съ семьей, радуясь

прекращенной печали, не дожидаясь прибытія пристава или долгодневнаго распоряженія о снятіи печатей, ломаю наложенныя ошибочно печати.

Формально здѣсь совершился сломъ печатей, но неужели здѣсь то преступленіе, которое имѣлъ въ виду законъ, охраняя печати, наложенныя въ интересѣ разумнаго общественнаго интереса? Такого идолопоклоненія формѣ, какъ въ данномъ случаѣ, лишенной всяческаго значенія и по существу, и по цѣлямъ, имѣвшимся при описаніи имущества умершаго — едва ли желаетъ законъ. Нельзя же считать законныя предписанія за сѣти, разбросанныя въ надеждѣ улова ротозѣевъ, а не въ цѣляхъ уловленія злыхъ людей?

По прекрасному выраженію одного изъ выдающихся учителей нашего дѣла, законъ — не силки, а барьеръ, чтобы гражданинъ не поскользнулся и не упалъ.

Если бы обвиненіе осторожнѣе было въ выводахъ, поражающихъ обвиняемыхъ, оно не стало бы извлекать изъ фактовъ такіе выводы, которые берутся какъ возможные, а не какъ необходимые.

Оно, помня, что единственное препятствіе къ снятію описи и ареста съ имѣнія Щодро, бывшее въ виду къ 25-му сентября, было въ заявленіяхъ и мѣропріятіяхъ Казимірова, должно было бы припомнить, что Казиміровъ, какъ это видно изъ показанія Миронова и расписокъ, имъ къ дѣлу предъявленныхъ, получилъ извѣщеніе, что вся претензія уплачена и ему велѣно было возвратить всѣ листы на Щодро. Онъ возвратилъ одинъ исполнительный листъ, а другой, подъ предлогомъ, что онъ у судебнаго пристава, оставилъ у себя, обѣщаясь, какъ и слѣдовало повѣренному, возвратить его, разъ довѣритель приказываетъ.

Князь, имѣя записку о прекращеніи претензіи хозяиномъ ея, Мироновымъ, во всей суммѣ, считалъ дѣло законченнымъ, а Казиміровъ, оставивъ исполнительный листъ у себя, тогда, когда князь спѣшилъ дать Щодро вѣсть, что вольная продажа разрѣшена, заявилъ объ исчезновеніи лошадей.

Не ясно ли, что не князь, а Казиміровъ дѣлалъ крупную ошибку противъ закона, предъявляя требованіе по удовлетворенному листу и подводя Оболенскаго и Мордвина подъ уголовщину тогда, когда зналъ навѣрное, что лошади, за уплатой долга, освобождены, и лишь формальная принадлежность исполнительнаго листа ему, Казимірову, можетъ придать дѣлу видъ уголовнаго дѣянія и открыть для его интересовъ особые, широкіе горизонты.

Я кончилъ. Располагая тѣми данными, какія намъ давали условія процесса, я оспорилъ тѣ факты и выводы, какіе относятся къ вопросамъ настоящаго дѣла. Я безсиленъ былъ спорить лишь съ тѣми посторонними обстоятельствами, которыхъ не ожидалъ и которыя усилили свое значеніе, явившись въ моменты, лишающіе насъ средствъ опроверженія.

Идетъ дѣло о растратѣ лошадей Щодро, при попустительствѣ хранителя, а чуть не за полчаса до дѣла вызываютъ свидѣтеля сообщить гнетущія подробности, бросающія на Щодро и на князя подозрѣніе въ другомъ дѣяніи, которое по отношенію къ Щодро отвергнуто судомъ, а по отношенію къ князю никогда не возбуждало подозрѣнія. Чуть не за полчаса извлекаются вещественныя доказательства изъ другого дѣла и бьютъ по насъ...

Конечно, требованія обвинителя опирались на формальное право и не могли быть отвергнуты судомъ. Но, думается мнѣ, что, ввѣряя мечъ на защиту закона своему „оку“, государство считало, что хранитель самъ соблюдетъ тѣ правила рыцарской морали, которыя требуютъ условій равноправія въ борьбѣ и битвы на равномъ оружіи.

Судъ — не война. Тамъ, озабоченная сокрушеніемъ вражьей дерзости, величіемъ и славой отечества, государственная власть возводитъ въ подвигъ всѣ мѣры, отъ минъ и подкоповъ до засадъ и вылазокъ, которыми разумный военачальникъ сокрушаетъ непріятеля и охраняетъ жизнь ввѣренныхъ ему защитниковъ отечества.

Но въ судебномъ бою — другія условія: подсудимый — сынъ своей страны и, можетъ быть, нашъ несчастный, можетъ быть, еще гонимый братъ. Законъ столь же думаетъ о немъ, сколь и о необходимости кары дѣйствительному злодѣю.

Отсюда его забота о дарованіи подсудимому всѣхъ средствъ оправданія, отсюда его милосердіе, растворяющее строгость кары.

Процессъ принимаетъ видъ не истребленія, а поединка между охраной закона и охраной личной чести.

Допускаемыя въ бою мины и засады, вылазки и диверсіи, здѣсь не у мѣста: здѣсь онѣ нарушаютъ чувство мѣры.

И если я правъ, что это чувство не было вполнѣ удовлетворено въ настоящемъ дѣлѣ, и чаша обвиненія имѣла лишнія гири, то да найдутъ подсудимые въ вашемъ спокойномъ и чуждомъ предубѣжденія житейскомъ благоразуміи и въ вашей общей способности къ различенію добра и зла и къ оцѣнкѣ человѣческихъ поступковъ по ихъ внутреннимъ достоинствамъ и недостаткамъ — ту желанную добавочную гирю, которая возстановитъ нарушенное равновѣсіе...

XI.

Дѣло Ф. И. Мельницкаго.

Дѣло Ф. И. Мельницкаго

по обвиненію въ растратѣ казенныхъ денегъ и М. Ф. Литвинова въ преступленіи по должности.

3-го ноября 1881 года казначей московскаго воспитательнаго дома коллежскій асессоръ Ф. И. Мельницкій получилъ изъ московской конторы Государственнаго Банка 339.000 рублей на содержаніе воспитательнаго дома и, уложивъ изъ нихъ 337.000 руб. въ кожаный саквояжъ, отправился пѣшкомъ въ Купеческій Банкъ, чтобы внести туда деньги на текущій счетъ воспитательнаго дома. На половинѣ пути онъ почувствовалъ себя дурно и присѣлъ. Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ себя, саквояжъ съ деньгами, бывшій при немъ, исчезъ. Взволнованный, онъ явился къ прокурору Судебной Палаты и, разсказавъ ему обо всемъ происшедшемъ съ нимъ, просилъ арестовать себя.

Высокое общественное положеніе Мельницкаго въ гор. Корчевѣ, гдѣ онъ до службы въ воспитательномъ домѣ 4 года по единогласному избранію гласныхъ былъ предсѣдателемъ земской управы, одиннадцатилѣтняя служба въ должности казначея въ воспитательномъ домѣ, матеріальная обезпеченность Мельницкаго, его почтенный возрастъ,—все это не оставляло сомнѣнія въ томъ, что Мельницкаго постигло несчастіе.

Тѣмъ не менѣе, въ виду значительности суммы похищеннаго была произведена тщательная провѣрка заявленія Мельницкаго и обслѣдовано поведеніе Мельницкаго за все время его службы.

Было установлено, что Мельницкій, когда ему представлялась возможность обогащенія, не останавливался для этого предъ сомнительными средствами, что Мельницкій не всегда правильно записывалъ проходившія черезъ его руки суммы.

Было обнаружено, что Мельницкій изъ находившихся подъ его отвѣтственностью суммъ часть присвоилъ, что Мельницкій черезъ своего сослуживца Литвинова продавалъ находившіяся въ кассѣ воспитательнаго дома облигаціи, принадлежащія пріюту принца Ольденбургскаго. Эти растраты Мельницкій пополнилъ.

Вмѣстѣ съ этимъ раскрылась растрата 5.000 рублей изъ суммъ, принадлежащихъ воспитательному дому. Мельницкій періодически получалъ отъ директора воспитательнаго дома деньги для раздачи ихъ служащимъ. Передъ 3 ноября онъ получилъ 5.307 р. 79 коп., записалъ ихъ въ расходъ, но не роздалъ.

Мельницкій объяснилъ, что заимствованія изъ суммъ, хранившихся въ кассѣ воспитательнаго дома, имъ дѣйствительно производились, но дѣлалъ онъ это для того, чтобы оказать услугу находящимся въ затруднительномъ положеніи своимъ сослуживцамъ, и всегда взятыя суммы возвращалъ.

Въ это время большимъ матеріальнымъ достаткомъ Мельницкій не обладалъ. Домъ его былъ заложенъ, имѣвшіяся у него 500 дес. земли служили обезпеченіемъ исполненія имъ казначейской обязанности по воспитательному дому и не могли быть проданы, все остальное имущество представляло незначительную цѣнность. Покрыть растраты собственными деньгами Мельницкій не могъ, и являлось естественное предположеніе, что якобы украденныя у него деньги онъ присвоилъ себѣ.

Несомнѣнность присвоенія Мельницкимъ денегъ подтверждалась слѣдующими фактами.

До этого случая Мельницкій не бралъ изъ Государственнаго Банка деньги для перенесенія ихъ на текущій счетъ въ Купеческій Банкъ, такъ какъ суммы воспитательнаго дома постоянно оставались въ Государственномъ Банкѣ на текущемъ счету Купеческаго и выбирались только по мѣрѣ надобности; и въ этотъ день кассиръ Государственнаго Банка, какъ это дѣлалось обыкновенно, заготовилъ для Мельницкаго переводъ на Купеческій Банкъ, но Мельницкій сказалъ ему, что онъ желаетъ получить деньги; затѣмъ, вопреки правилъ Учр. Вѣд. Имп. Маріи, согласно которымъ лицо, получающее изъ какого-либо учрежденія деньги, должно быть сопровождаемо счетчикомъ, Мельницкій на этотъ разъ, получивъ деньги, сопровождавшаго его счетчика отпустилъ.

Кромѣ того, Мельницкій, куда-то очевидно торопясь, не просчиталъ всѣхъ денегъ, противъ своего обыкновенія съ довольно большою тяжестью отправился въ Купеческій Банкъ пѣшкомъ, избравъ къ тому самый неудобный путь. Наконецъ, по показанію счетчиковъ Государственнаго Банка, Мельницкій вышелъ оттуда съ деньгами въ часъ дня, а съ заявленіемъ къ прокурору палаты явился послѣ 3-хъ часовъ, въ то время какъ пройденное имъ разстояніе медленнымъ шагомъ можно было пройти въ одинъ часъ.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ Мельницкій далъ очень сбивчивыя и неясныя показанія. По его словамъ, деньги онъ взялъ изъ Банка потому, что въ этотъ день онъ поздно явился въ Государственный Банкъ и не могъ уже получить перевода, а счетчика онъ отпустилъ потому, что не зналъ правила о томъ, что счетчикъ долженъ сопровождать казначея при полученіи денегъ.

Кромѣ Мельницкаго, къ слѣдствію былъ привлеченъ и счетчикъ Литвиновъ. Онъ обвинялся въ томъ, что, зная о своей обязанности сопровождать казначея при полученіи денегъ, на этотъ разъ обязанности своей не исполнилъ.

Дѣло по обвиненію Мельницкаго и Литвинова слушалось въ Московской судебной палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 4—8 ноября 1882 года.

Предсѣдательствовалъ членъ палаты Терновскій при членахъ палаты Воеводскомъ и Орловскомъ.

Обвинялъ прокуроръ палаты Гончаровъ.

Повѣренными со стороны Воспитательнаго дома были присяжные повѣренные Плевако и Шмаковъ; со стороны учрежденій Императрицы Маріи: юрисконсультъ—тайный совѣтникъ Колесовъ.

Защищали присяжный повѣренный Куриловъ (Мельницкаго) и отставной поручикъ Миллеръ (Литвинова).

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей Мельницкій въ приписываемомъ ему преступленіи былъ признанъ виновнымъ и приговоромъ палаты присужденъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію.

Литвиновъ признанъ невиновнымъ.

Обнаруженные впослѣдствіи факты подтвердили правильность вердикта присяжныхъ: уже послѣ осужденія Мельницкаго присвоенныя имъ деньги были найдены у его дѣтей и другихъ близкихъ родственниковъ.

Рѣчь въ защиту интересовъ гражданскаго истца—московскаго воспитательнаго дома.

Здѣсь выяснилась внѣшняя, строгая церковная дисциплина Мельницкаго: онъ постится, почитаетъ праздники, соблюдаетъ обычаи.

Но та вѣра, которая мощно вліяетъ на нравственное настроеніе человѣка,—есть вѣра не внѣшняя, а внутренняя.

Обрядность царила въ эпоху рожденія Богочеловѣка въ іудействѣ, но когда же болѣе низко, чѣмъ въ то время, падало нравственно еврейство?! Недаромъ къ нему обращенъ упрекъ, сравнивающій его съ роскошнымъ гробомъ, вмѣщающимъ въ себѣ издающій зловоніе, разлагающійся трупъ...

Внѣшне вѣрующій—не лицемѣръ: онъ вѣритъ въ существованіе Того, Кому молится, но духа его не разумѣетъ.

Такъ, внѣшнею вѣрою можно объяснить почти комическія явленія жизни: похитители чужого, говорятъ, разъ въ году, подъ одинъ изъ большихъ праздниковъ, служатъ молебны, призывая помощь небесную на свои дѣла; такъ, балерины и пѣвицы нерѣдко, выступая предъ публикой въ сладострастномъ па или съ шутливо-фривольною пѣсенкой, набожно крестятся предъ выходомъ на подмостки...

Полное невѣжество первыхъ, простота и наивность послѣднихъ, есть результатъ ихъ внѣшней вѣры.

Мельницкій плакалъ у прокурора...

Говорятъ, что это доказательство его невинности.

Но это не такъ.

Заявляя о потерѣ, онъ зналъ, что ему не вдругъ повѣрятъ и начнутъ дѣло; что, во всякомъ случаѣ, обнаружится, что онъ 25.000 взялъ для пополненія прежнихъ грѣховъ; что карьера его въ этотъ день убита, что жизнь кончена.

Волненіе, охватившее человѣка въ такую минуту, могло вызвать слезы. Плачутъ даже убійцы, когда имъ приходится нести повинную и навсегда разрывать съ прошлымъ...

Прокурорскій надзоръ ошибочно привлекалъ другихъ лицъ. Были аресты.

Конечно, желательно, чтобы рядомъ съ рвеніемъ въ преслѣдованіи росло во властяхъ и уваженіе къ свободѣ и личности гражданъ; но ошибки власти, самое большее, ведутъ къ отвѣтственности ея за свои промахи, и отсюда нельзя вывести логическаго заключенія, что за это слѣдуетъ оставить безъ удовлетворенія законные интересы потерпѣвшихъ отъ преступленія...

Мельницкій присвоилъ чужое.

Законъ и совѣсть не съ одинаковою строгостью караютъ разные виды похищенія. Давно похищеніе средствъ, принадлежащихъ христіанскимъ храмамъ, карается строже,—какъ святотатство.

Не къ числу ли святотатствъ слѣдуетъ отнести и подобный поступокъ?

Храмы молитвъ и пѣснопѣній—не все, что нужно для вѣры. Вѣра любви и братства требуетъ иныхъ алтарей. Воспитательные дома, гдѣ мы призрѣваемъ отверженныхъ безъ вины, пріюты, гдѣ мы даемъ средства осиротѣлымъ дѣтямъ павшихъ воиновъ—развѣ это не храмы дѣятельной любви къ ближнему?..

Но рядомъ съ нищетой, на межѣ между нею и богатствомъ, стоятъ милліоны людей, не нищихъ, но живущихъ заработкомъ дня, пока сильна рука, пока видитъ глазъ, пока мыслитъ мозгъ. Болѣзнь слу-

чайная, безработица, арестъ и т. п.,—и труженикъ—кандидатъ въ нищету.

Борясь противъ этого, люди додумались до самопомощи, до ссудныхъ кассъ, потребительныхъ обществъ. Это—не храмы богатства...

Мельницкому ввѣрены были интересы и тѣхъ, и другихъ учрежденій. Онъ безжалостно растопталъ ихъ, все принеся въ жертву своему эгоизму.

За этотъ-то интересъ, за эти-то храмы дѣятельнаго христіанскаго общенія людей я предстательствую.

Можетъ быть, я и всѣ мы, его обвиняющіе, заблуждаемся; можетъ быть, факты такъ злополучно собрались на несчастномъ...

Тогда я желаю вамъ (ораторъ обращается къ защитѣ) всякаго успѣха и всяческой силы, желаю полнаго торжества невинности!

Но трудно вамъ будетъ сдвинуть съ мѣста тотъ вопросительный знакъ, который стоитъ надъ вашимъ кліентомъ, надъ его нравственной цѣнностью, надъ его человѣческимъ достоинствомъ!..

Вторая рѣчь по тому же дѣлу: возраженіе защитѣ.

Я отниму у васъ 10 минутъ, но зато можете успокоиться: моимъ словомъ закончится сезонъ обвинительныхъ рѣчей.

Я дорожу вашимъ довѣріемъ къ моему слову, а потому буду защищать себя противъ подрывающихъ его общихъ взглядовъ защитника.

Ко мнѣ не относится упрекъ въ томъ, что я рѣчь велъ не противъ Мельницкаго, обвиняя кого-то другого, а не его.

Я обвинялъ того Мельницкаго, который 3-го ноября получилъ наши деньги, но не донесъ ихъ; того Мельницкаго, который говоритъ, что онъ деньги потерялъ, но противъ котораго зловѣще собрались факты и могущественно управомочиваютъ къ обвинительному заключенію.

Я обвиняю того Мельницкаго, которому вчера пожелалъ, въ лицѣ его защитника, успѣха въ борьбѣ, если это—факты несчастія, а не свидѣтели его преступленія.

Мнѣ поставили въ упрекъ то противорѣчіе, которое я допускаю или намѣренно обхожу. Если Мельницкій присвоилъ 300 тысячъ, прикрываясь несчастіемъ, потерей, то почему онъ оставилъ въ воспита-

тельномъ домѣ улики въ другихъ своихъ поступкахъ и, такимъ образомъ, дѣлалъ безцѣльнымъ свое усиліе замаскировать свое послѣднее преступленіе?

Отвѣчаю: въ планъ Мельницкаго не входило бить на вѣрное оправданіе. Совершенное правонарушеніе по пріюту и ссудо-сберегательной кассѣ уже висѣло надъ нимъ. Средствъ прикрыть ихъ не было. Только суммы воспитательнаго дома давали рессурсы къ этому. Надо было дожидаться дня, когда онѣ пройдутъ чрезъ его руки.

Но взять только то, что нужно на пополненіе кассъ, значитъ, снять съ себя одну и надѣть другую петлю. Все равно, растрата обнаружится, и онъ погибнетъ. Такъ ужъ отвѣтить, но и себя не забыть: семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ!

Но зачѣмъ же тогда пополненіе?..

Безъ пополненія растрата была бы очевиднѣй, а съ пополненіемъ—потеря выигрываетъ въ достовѣрности, и расчитанное необнаруженіе старыхъ грѣховъ давало надежду на успѣхъ плана...

Меня упрекаютъ, что я обвиняю Мельницкаго безъ уликъ, а на основаніи подбора фактовъ, предшествовавшихъ преступленію. Такіе факты, говоритъ защитникъ, изъ любой сотни лицъ приведутъ 50 на скамью подсудимыхъ.

Да, приведутъ, если въ одно и то же время будутъ налицо 50 преступленій, требующихъ для объясненія своего бытія 50-ти злыхъ воль.

Какія бы улики сейчасъ ни были на каждомъ изъ гражданъ даннаго города, ихъ не тронутъ.

Но если сейчасъ въ десяти мѣстахъ города одновременно вспыхнутъ десять пожаровъ, несомнѣнно преступнаго свойства,—десять преступниковъ среди насъ предполагаются, и сомнительные факты изъ жизни десяти лицъ, житейской логикой связанные съ данными пожарами, обратятся въ неотразимыя улики...

Я изучалъ жизнь Мельницкаго 3-го ноября и въ дни предшествующіе. Я прошелъ мимо тѣхъ фактовъ, которые не имѣютъ генетической связи съ поступкомъ. Но въ растратахъ по пріюту и кассѣ, въ ожиданіи внезапной ревизіи, въ поступкахъ Мельницкаго 3-го ноября, въ ихъ несходствѣ съ поступками, сопровождавшими прежнія получки крупныхъ суммъ, въ ихъ необходимости для задуманнаго присвоенія денегъ—я увидѣлъ объясненіе вопроса.

Приходя къ этому выводу, я руководился той аксіомой здраваго смысла, которая ищетъ позднѣйшему факту причину въ предшествовавшихъ событіяхъ; той аксіомой, которая заставляетъ примѣнять къ фактамъ человѣческой жизни то же изреченіе, которое философъ высказываетъ о движеніяхъ физическаго міра: „вся наша жизнь насквозь — сплошная причинность".

Нѣсколько словъ, сказанныхъ древнимъ мыслителемъ Цицерономъ, въ его, кажется, „De natura deorum", навели когда-то Гуттенберга на идею книгопечатанія. Не наведутъ ли эти слова и васъ на вѣру въ мой способъ доказательства?

Доказывая, что міръ управляется божественной силой, Цицеронъ говоритъ: „если бы взять и нарѣзать изъ дерева громадное количество буквъ и затѣмъ кидать ихъ кучами на полъ,— буквы падали бы въ безпорядкѣ и ничего бы собою не выражали. Но если бы вы пришли и увидали ихъ сложенными въ такой порядокъ, что они составляли бы цѣлую рѣчь, образцовое произведеніе ораторскаго искусства,— вы бы ни за что не допустили тутъ случая, а искали бы Творца этой рѣчи и крѣпко бы были убѣждены въ Его существованіи".

Воспользуйтесь этой мыслью въ данномъ случаѣ.

Если вы видите, что отдѣльные, отъ общаго порядка отступающіе поступки Мельницкаго 3-го ноября слагаются въ такую стройную систему дѣйствій, при предположеніи, что исчезновеніе денегъ есть преступленіе; если вы видите, что случайности составляютъ части цѣлаго плана,— тогда невольно въ томъ, отъ кого зависятъ эти случайности, разумъ подсказываетъ видѣть и виновника плана!..

Мнѣ поставили въ упрекъ, что я коснулся и той, дорогой для подсудимаго черты его личности, которую наз алъ „внѣшнимъ христіанствомъ".

Но я счелъ себя въ правѣ это сдѣлать.

Мнѣ надо было доказать, что внѣшнее, обрядовое исполненіе вѣры не противорѣчитъ дурно настроенному духу, что духъ возвышается отъ усвоенія внутреннихъ требованій вѣры.

Я счелъ себя въ правѣ на это, такъ какъ для меня христіанство— не система привилегированной метафизики, а нѣчто болѣе святое, и въ этой области я могу распознаться...

Теперь нѣсколько словъ о Литвиновѣ: о немъ вчера я не упоминалъ вамъ.

Къ нему также предъявленъ искъ. Отъ обвиненія его отказалась

прокуратура. Я не хочу оставить въ долгу передъ нимъ то учрежденіе, которое его привлекло.

Позвольте же сказать нѣсколько словъ не противъ него, а за него...

Здѣсь указали на замѣчательное совпаденіе въ его жизни: 8-го ноября, въ его именины, прошлымъ годомъ его арестовали,—8-го ноября вы и судите его.

По стародавнему обычаю, въ именины дарятъ хлѣбомъ-солью. Прошлымъ годомъ Воспитательный Домъ поднесъ ему хлѣбъ-соль въ видѣ перваго блина: комомъ засѣлъ онъ въ горлѣ обвиняемаго.

Но старый солдатъ стоитъ на своемъ и ждетъ подарка, и сегодняшній день въ антрактахъ онъ не разъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ: скоро ли его отпустятъ домой?..

Это не отъ меня зависитъ, и я не могу ему дарить того, чего не имѣю; но зато, вмѣсто того пятиалтыннаго, какимъ когда-то наградилъ другого счетчика Мельницкій, я подарю ему небывалую сумму: я дарю ему тѣ 307.000 руб., которые мы съ него ищемъ...

Но журавль въ небѣ не то, что синица въ рукахъ: старому служакѣ этого мало...

И вотъ я попрошу васъ за него,—небольшой, но серьезной картинкой заканчивая мое слово.

Къ Іерусалимскому храму, вскорѣ послѣ завершенія земной жизни Христа, подходили верховные проповѣдники его ученія.

У дверей они встрѣтили хромого нищаго...

Можетъ быть, это былъ старый римскій легіонарій, потерявшій здоровье, борясь за независимость тѣхъ немногихъ уголковъ земли, куда укрылась свобода человѣчества отъ всепоглощающей завоевательной политики цезаризма...

Онъ увидѣлъ проходящихъ и попросилъ—„на чаекъ“, какъ сказалъ бы Шекспиръ, но намъ, маленькимъ людямъ, анахронизмъ воспрещается, и мы скажемъ: „на хлѣбъ и воду“.

Сильные духомъ, были бѣдны деньгами учители любви.

— Сребра и злата мы не имѣемъ, но что имѣемъ, то даемъ: встань и ходи,—сказали они...

Прошли вѣка.

Сегодня эта картинка насильно напрашивается на мой языкъ, наталкивая на уподобленіе...

Въ храмѣ правосудія идетъ служба. Вы—верховные служители въ немъ: въ рукахъ вашихъ и жизнь и смерть.

Въ храмъ приведенъ Литвиновъ, старый ветеранъ, Николаевскій солдатъ, защитникъ Севастополя.

Какъ истый русскій герой, онъ вернулся домой съ регаліями на груди и нищенской сумой за спиною.

За честный трудъ принялся, но чужія ошибки привели его на скамью подсудимыхъ.

Онъ обращается къ вамъ съ просьбою...

Скажите и вы ему въ отвѣтъ тѣ же слова, какія были сказаны въ отвѣтъ на просьбу библейскаго хромца: „сребра и злата нѣтъ въ нашей власти, но что имѣемъ, то даемъ — встань и уходи отсюда!...“

XIII.

Дѣло Кашина.

Дѣло Кашина,

обв. въ ростовщичествѣ.

Александръ Даниловичъ Кашинъ, извѣстный москвичамъ дѣлецъ, бывшій потомственный почетный гражданинъ, уже лишенный всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ за предъявленіе ко взысканію оплаченнаго векселя, вновь былъ преданъ суду по обвиненію въ ростовщичествѣ.

Свидѣтельскія показанія дали яркую картину ростовщическихъ операцій Кашина. Милліонеръ-ростовщикъ, онъ никому не предлагалъ самъ денегъ. Его кліентамъ подолгу приходилось выпрашивать его согласія на выдачу денегъ.

Изъ-за условій дѣло никогда не разстраивалось. Въ первый разъ Кашинъ бралъ обыкновенно не больше 24%, и только тогда, когда его кліентъ запутывался, ростъ повышался до 100 и 200 процентовъ.

За учитываемые векселя Кашинъ расплачивался процентными бумагами, и, помимо ростовщическаго процента, который онъ бралъ за учетъ, громадный процентъ составляла разница между номинальной цѣной бумаги и ея биржевой стоимостью.

Одному изъ кліентовъ Кашина, Гучкову, пришлось продать тысячерублевыя бумаги, полученныя имъ за векселя, по 600 рублей.

Разъ кто-либо попадалъ къ Кашину и становился его кліентомъ, онъ немедленно терялъ всякій кредитъ со стороны другихъ капиталистовъ...

Помимо операцій по учету, Кашинъ, давая извѣстную сумму денегъ, бралъ закладныя подъ дома на гораздо бо́льшую сумму.

10 августа 1898 года Кашинъ судился въ Московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель Нилусъ. Обвинялъ товарищъ прокурора П. Г. Курловъ. Гражданскій искъ объ уничтоженіи закладныхъ на 80.000 руб. со стороны потерпѣвшаго Малышева поддерживалъ прис. пов. Наумовъ.

Защищалъ Кашина Ф. Н. Плевако.

Присяжные засѣдатели послѣ непродолжительнаго совѣщанія признали Кашина виновнымъ въ приписываемомъ ему преступленіи.

Судъ приговорилъ его къ ссылкѣ на житье въ Олонецкую губ.

Въ удовлетвореніе гражданскаго иска Малышева постановлено: признать двѣ взятыя Кашинымъ на имущество Малышева закладныя недѣйствительными.

Рѣчь въ защиту Кашина.

Гг. присяжные!

Кашинъ вторично занимаетъ скамью подсудимыхъ. Общественное мнѣніе вторично—правда, по другому дѣлу—должно сказать о немъ свое рѣшающее слово.

Особливаго вліянія на его судьбу оно не произведетъ: осужденіе или оправданіе—его участи, видимо, не измѣнитъ. Онъ уже осужденъ и безправенъ.

Это даетъ вамъ возможность нѣсколько иначе отнестись къ участи Кашина, чѣмъ бы это было, если бы вамъ пришлось судить человѣка, пришедшаго сюда во всеоружіи правъ гражданина.

Вѣроятно, многіе изъ васъ уже были присяжными и испытали то, что я нахожу нужнымъ сказать вамъ.

Я хочу и мнѣ необходимо сказать, что между мѣропріятіями суда и вашимъ отношеніемъ къ дѣлу существуетъ одно различіе: судъ влечетъ человѣка, уличаемаго въ томъ или другомъ дѣяніи, проситъ покарать его за то или другое запретное дѣло.

Но едва предстанетъ предъ вами подсудимый, вы судите его не за это дѣло, но судите человѣка по поводу дѣла. Судъ старается выяснить: было ли законопреступное дѣло или нѣтъ. *А* вы, по поводу дѣла, стараетесь выяснить, каковъ данный человѣкъ—надежный и живой душою вашъ собратъ, или видится вамъ, что внутреннее его испорчено, преступно, что онъ вредный членъ общества.

Если стоящій предъ вами подсудимый вырисовывается предъ вашимъ внутреннимъ зрѣніемъ чистымъ, а грѣхъ, ему приписываемый, не вяжется съ его характеромъ, вы не вѣрите въ его преступность, вы готовы даже совершившійся фактъ признать случайнымъ наростомъ на здоровомъ организмѣ и не рѣшитесь губить доброй нивы ради единаго плевела, поросшаго среди зрѣлыхъ хлѣбовъ ея.

Но если обвиняемый носитъ на себѣ слѣды зла и тьмы своего прошлаго, если приписываемое ему дѣло сходно съ установившимися привычками и обычаями его, вы довѣряете уликамъ, вы заявляете, что дѣло—по мастеру, что данный плодъ соотвѣтствуетъ сѣменамъ, брошеннымъ въ данную нездоровую почву.

Первый судъ, по первому дѣлу, вызывающему ваше участіе, по важности обвиненія есть уже ликвидація, или генеральная ревизія всего человѣка, его конечный жребій и рѣшительная оцѣнка...

Если наблюденіе мое вѣрно, если и вы вспомните, что таковъ бы-

валъ ходъ вашихъ мыслей и таковы запросы ваши, волнующіе васъ во время служенія правдѣ, то вы согласитесь съ необходимостью слѣдующаго вывода: если общій судъ о согражданинѣ произнесенъ, если собратья ваши отсѣкли его отъ общества, среди котораго онъ жилъ, если приговоръ ихъ лежитъ на подсудимомъ всею тяжестью лишеній, всею неизлѣчимостью раны, нанесенной карающей рукой правосудія, опирающагося на рѣшеніе представителей общественной совѣсти, то нѣтъ основанія, въ противность народной справедливой заповѣди, что съ одного вола не дерутъ двухъ шкуръ, опять пересуживать всего человѣка, а будетъ справедливо и правомѣрно ограничиться споромъ о томъ: кто больше заслуживаетъ вѣры — обвиняемый Кашинъ или жалобщикъ Малышевъ?

Только объ этомъ можетъ итти рѣчь. Подсудимый и жалобщикъ взаимно отрицаютъ правду у своего соперника. Но за подсудимымъ есть актъ, на которомъ онъ полагаетъ основаніе своихъ правъ, а у жалобщика нѣтъ ничего, кромѣ его завѣреній, что подписанные имъ акты, закладныя и векселя,—плодъ ростовщичества Кашина.

Правда, у жалобщика есть случайные свидѣтели отдѣльныхъ моментовъ отношеній Малышева и Кашина, но это—мало достовѣрные очевидцы, ибо ихъ сближаетъ съ Малышевымъ единство интереса и и одна и та же причина раздраженія противъ Кашина. Для установленія же надежнаго убѣжденія или устойчиваго мнѣнія надобно поискать болѣе твердыхъ слѣдовъ, не знающихъ ни забвенія ни заблужденія. И такое обстоятельство въ дѣлѣ есть.

Малышевъ говоритъ, что онъ разоренъ Кашинымъ, который далъ ему не больше 20,000 руб., а взялъ съ него на 85,000 руб. закладныхъ. Кое-что изъ этой же повѣсти подтверждаютъ свидѣтели: всѣ толкуютъ, что Кашинъ ростовщически разорилъ Малышева.

Провѣримъ данными дѣла эти утвержденія.

Оказывается, что, по словамъ Малышева, его бани стоятъ 200,000 р. Нѣкоторые свидѣтели спускаютъ стоимость до 150,000 руб. Но есть между свидѣтелями архитекторъ. Онъ завѣдывалъ постройками. Его выставило обвиненіе, какъ своего свидѣтеля. Повѣримъ ему: онъ говоритъ, что постройка стоила 175,000 руб.

По словамъ Малышева, у него было своихъ денегъ 13,000 р., да закладная Жуковымъ, продавцамъ, дана въ 20,000 руб. Прибавимъ къ этому 3,000 руб. наличными, данныя при покупкѣ. Прибавьте къ этому оставшіяся по закладной Сорокина 7,000 руб. и 50,000 руб. долгу кредитному обществу. Эту сумму и долженъ Малышевъ Кашину.

Если же повѣрить Малышеву и его пріятелямъ, что въ заклад-

ныхъ Кашина денегъ всего 20,000 руб., то на какія деньги строилъ свои бани Малышевъ? Долговъ у него, по его словамъ, кромѣ исчисленныхъ, всего 7 или 8 тысячъ. Доходы съ бань шли на проценты и на прожитіе.

Вотъ къ чему уполномочиваютъ насъ твердыя данныя дѣла. Вопреки свидѣтельскимъ показаніямъ, воздвигнутый Малышевымъ домъ является рѣшающимъ свидѣтелемъ и обличителемъ своего хозяина. Если Малышевъ правъ, то онъ долженъ указать источникъ для постройки дома; если Кашина закладныя—денежны, то находится источникъ для постройки дома, и количество долговъ хозяина вмѣстѣ съ небольшимъ капиталомъ, которымъ онъ владѣлъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ установленной стоимости зданія...

Сказанное даетъ мнѣ право сомнѣваться въ достовѣрности словъ Малышева и другихъ свидѣтелей, поддерживающихъ его.

Очевидно, приходится выбирать: или вѣрить жалобщику или Кашину.

Слово жалобщика бываетъ иногда неотразимо.

Когда преступленіе оставляетъ слѣдъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о злой волѣ и нарушенномъ правѣ, когда мертвое тѣло, или глубокая рана, или очевидно нарушенное рукой нападающаго зданіе свидѣтельствуетъ о преступленіи, а потерпѣвшій указываетъ на виновниковъ,—къ нему относишься съ довѣріемъ. Зачѣмъ будетъ потерпѣвшій, если онъ знаетъ виновника ущерба, оговаривать невиннаго и прикрывать своего истиннаго врага? Правосудіе провѣряетъ лишь то: не заблуждается ли потерпѣвшій, не быстръ ли онъ въ подозрительности?

Но если предметомъ дѣла служитъ фактъ безразличный, текстъ акта, подпись жалобщика, сами по себѣ имѣющія одинаковую внѣшность съ самыми законными проявленіями человѣческихъ дѣйствій, тогда слова жалобщика должны быть провѣрены съ величайшимъ вниманіемъ: онъ беретъ на себя не только указать на виновника, но онъ словомъ своимъ клеймитъ именемъ преступленія то, что само по себѣ не носитъ слѣдовъ зла.

Тамъ слѣды нарушеннаго права свидѣтельствуютъ о вредѣ и убыткахъ. Присуждая за убитаго кормильца семьи или за изувѣченіе работника, вы даете истцу то, чего стоитъ нарушенный интересъ.

Но довѣряя истцу, что актъ подложенъ, или текстъ его не соотвѣтствуетъ волѣ, или сумма написаннаго долга больше дѣйствительности, вы, быть можетъ, даете жалобщику выгоды безъ соотвѣтствующей потери; быть можетъ, и злонамѣреніе не на скамьѣ подсудимыхъ, а на скамьѣ потерпѣвшихъ.

Вникните же въ значеніе того обстоятельства, о которомъ я сказалъ,—говорю о стоимости дома и средствахъ Малышева...

Теперь сведемъ концы.

Ростовщичество—зло. Никогда не рѣшусь я утверждать, что преслѣдованіе его вредно вліяетъ на кредитъ. Ожидая подобнаго возраженія съ моей стороны, гражданскій истецъ ошибся въ догадкахъ.

Нѣтъ, никакія соображенія финансоваго свойства не извинятъ терпимости къ данному злу. На этой почвѣ не вырветъ у васъ оправданія тотъ, кто защищаетъ ростовщичество само по себѣ.

Я защищаю Кашина по недовѣрію къ жалобѣ. Я защищаю его, противясь вторичной критикѣ всей его прошлой жизни, и, на этой почвѣ стоя, думаю, что защищаю его законно и согласно съ данными дѣла.

Судить сегодня Кашина вторично за сухость сердца, за неумѣренную погоню за богатствомъ, не различая средствъ, — несправедливо: это будетъ превышеніемъ мѣры, на какую уполномочиваетъ васъ веленіе совѣсти. Больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, вамъ здѣсь надо показать, что правосудіе есть чувство мѣры, и было бы странно, судя человѣка за забвеніе мѣры въ погонѣ за интересомъ, нарушать ее въ погонѣ за строгостью и внушительностью кары закона.

Въ тяжелой карѣ Кашинъ и не нуждается. За свои нравственныя ошибки онъ несетъ заслуженную казнь. Позднимъ урокомъ онъ наученъ, что недаромъ сказано: „богатство еще течетъ, не прилагай сердца“; позднимъ урокомъ онъ убѣжденъ, что лживо и отвратительно то состояніе духа, когда въ избыткѣ благъ земныхъ человѣкъ тѣшитъ себя, говоря: „душа, всего у тебя много, покойся, ѣшь, пей и веселись“...

Ему собственная совѣсть, вѣроятно, не разъ говорила, указывая на разразившуюся бурю, на разрушенный строй его жизни: безумецъ, когда истяжутъ твою душу, яже уготовалъ, кому будетъ“?

Подумайте лучше о томъ: не пришли ли здѣсь, пользуясь тѣмъ, что онъ осужденъ и отвергнутъ, попытаться вырвать у васъ обвинительное рѣшеніе, чтобы добиться освобожденія отъ должнаго?

Припомните, что жалобщикъ вступилъ въ отношенія съ Кашинымъ еще въ 1894 и 1895 годахъ. Чего же онъ молчалъ? Чего же онъ тогда не призывалъ на помощь власть и законы, чего же тогда не стоналъ отъ боли, а, спустя нѣсколько лѣтъ, заплакалъ заднимъ числомъ?

Не ошибиться бы намъ!..

Дурно и гадко въ погонѣ за наживой, пользуясь всѣми способами

и случаями въ жизни, увеличивать свое добро тяготой ближняго; но еще хуже и гаже, если для того, чтобы пріобрѣсть недолжное, не задумываются неправедными жалобами, расчитанными на предубѣжденіе противъ человѣка, искать его гибели и почитать себя счастливыми въ тотъ моментъ, когда имъ удастся перешагнуть чрезъ напрасно погубленнаго и схватить то, что имъ не принадлежитъ.

Гдѣ правда,—я не берусь сказать, но сомнѣніе въ томъ, что жалоба не богата этой правдой, у меня велико, и я прошу васъ: вашей соборной совѣстью и вашимъ объединеннымъ вниманіемъ разрѣшите по правдѣ загадочный вопросъ настоящаго дѣла...

XIV.

Дѣло Маруева.

Дѣло Маруева,

обвиняемаго въ подлогѣ.

20 января 1868 года уголовное отдѣленіе Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушало дѣло дворянина Александра Маруева, обвинявшагося въ подложномъ составленіи повѣстокъ отъ имени конкурснаго управленія по дѣламъ Нѣмцова и въ подложномъ написаніи бланковъ на векселяхъ, принадлежащихъ мѣщанину Храмкову.

Существенныя обстоятельства дѣла въ томъ освѣщеніи, какое придается имъ обвинительнымъ актомъ, сводятся къ слѣдующему.

Лебедянская купчиха Глафира Неронова обратилась въ конкурское управленіе надъ имуществомъ умершаго Нѣмцова съ просьбой удовлетворить ея долговыя требованія въ размѣрѣ 12.450 руб.

Предсѣдателемъ конкурса въ то время былъ мѣщанинъ Храмковъ.

Письмоводитель конкурса, Александръ Маруевъ, заявилъ Нероновой, что деньги у предсѣдателя имѣются и что ихъ можно получить, если Неронова уплатитъ ему, Маруеву, 500 рублей.

Подъ вліяніемъ этого требованія тогда же Маруеву были даны, по просьбѣ Нероновой, Расторгуевымъ 75 руб., Ивановымъ 100 руб., да сверхъ того Маруевъ въ квартирѣ своей, при Ивановѣ, принудилъ ее написать на его имя сохранную расписку въ 350 руб. и показалъ Иванову состоявшійся журналъ на выдачу Нероновой денегъ. Тутъ же Ивановъ получилъ отъ Маруева повѣстку, которой вызывали Неронову къ предсѣдателю конкурса за полученіемъ денегъ.

Когда въ назначенный день Неронова и Ивановъ явились въ конкурсъ, то предсѣдатель Храмковъ вырвалъ изъ рукъ ея повѣстку и объявилъ, что это, ошибка и что денегъ въ конкурсѣ нѣтъ.

Почти то же самое повторилось съ тайнымъ совѣтникомъ Рюминымъ. Маруевъ принесъ ему повѣстки, которыми его приглашали въ конкурсъ за полученіемъ денегъ, но когда Рюминъ пришелъ къ Храмкову, то предсѣдатель конкурса заявилъ, что повѣстокъ къ нему не посылалъ, денегъ въ конкурсѣ нѣтъ, и кто писалъ повѣстки, ему неизвѣстно.

Привлеченный къ формальному допросу Храмковъ далъ такія показанія:

1) всѣ деньги, поступившія въ конкурсъ, истрачены на содержаніе самого конкурса; 2) журнала на выдачу денегъ купчихѣ Нероновой никогда не составлялось; 3) Неронова, дѣйствительно, приходила въ конкурсъ 28 мая съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, но повѣстки у нея онъ не видѣлъ и не бралъ, а просто сообщилъ, что никакихъ денегъ въ конкурсѣ не имѣется; 4) что касается до прошенія Рюмина, то заключенія конкурса о выдачѣ ему денегъ и процентовъ ни разу не было.

Объ остальныхъ обстоятельствахъ дѣла Храмковъ рекомендовалъ узнать у Маруева.

Привлеченный къ допросу Маруевъ показалъ судебному слѣдователю, что двѣ повѣстки на имя Рюмина, находящіяся при дѣлѣ, писаны имъ; подпись же предсѣдателя Храмкова на обѣихъ повѣсткахъ сдѣлана не его рукою, и кѣмъ она сдѣлана, онъ не знаетъ; повѣстокъ ни Рюмину ни Нероновой онъ лично не носилъ, 23 и 24 іюля 1864 г. ни въ конторѣ, Рюмина, ни на дому у него не былъ и приходо-расходной книги ему не показывалъ.

Повѣстки Иванову онъ также никакой не давалъ, денегъ отъ Расторгуева 75 руб., отъ Иванова 100 р. и отъ Нероновой сохранной расписки на 350 руб. не бралъ.

Представленный Храмковымъ клочекъ бумажки, на которомъ на одной сторонѣ написано: Московскій мѣщанинъ Николай Андреевъ Храмковъ и на другой — предсѣдатель Храмковъ, имъ не писанъ, и онъ не помнитъ, хвалился ли онъ Храмкову, что можетъ подписать подъ его руку.

Свидѣтель Рюминъ показалъ, что повѣстки отъ конкурса ему несомнѣнно были присланы, но кѣмъ онѣ были доставлены, онъ твердо не помнитъ. Приходо-расходную книгу конкурса приносилъ къ нему самъ Маруевъ, самъ предложилъ ему устроить выдачу денегъ и просилъ за это благодарности.

Кромѣ только что изложеннаго, Маруевъ обвинялся еще въ томъ, что поддѣлалъ руку Храмкова на 4 векселяхъ и предъявилъ ихъ ко взысканію.

Дѣло было приблизительно такъ. Повѣренный Маруева предъявилъ къ векселедателямъ Скутарлѣевымъ и Козыреву 4 векселя на 600 рублей, перешедшіе къ Маруеву по бланковой надписи мѣщанина Храмкова.

Относительно этихъ векселей Храмковъ заявилъ споръ, доказывая, что векселя эти принадлежатъ ему и поручены были имъ Маруеву для предъявленія ко взысканію, но онъ сдѣлалъ подъ ними фальшивыя бланковыя надписи и представилъ ко взысканію отъ своего имени, почему магистратъ требовалъ, чтобы Управа благочинія распорядилась произвести слѣдствіе о подлогахъ векселей.

Дѣло было передано судебному слѣдователю, которому Храмковъ показалъ, что онъ передалъ Маруеву 4 векселя съ прошеніемъ, написаннымъ въ

управу благочинія, поручивъ Маруеву лишь подать прошеніе и векселя, а Маруевъ поступилъ иначе: прошеніе уничтожилъ, поддѣлалъ бланковую надпись и подалъ векселя отъ своего имени.

Таково было первоначальное показаніе Храмкова. Затѣмъ онъ съ каждымъ разомъ все далѣе и далѣе отступалъ отъ него. Два раза онъ подавалъ слѣдователю новыя прошенія и на допросѣ по поводу подачи послѣдняго объявленія Храмковъ утверждалъ категорически, что бланки на векселяхъ были подписаны имъ самимъ. Подавая свое первое прошеніе, въ которомъ онъ обвинялъ Маруева въ подлогѣ, онъ запамятовалъ, что бланки были написаны имъ.

Приглашенные слѣдственною властью эксперты признали, что почеркъ, которымъ написаны бланки на векселяхъ, тождественъ съ почеркомъ, которымъ написанъ клочекъ бумаги, представленный Храмковымъ, какъ писанный подъ его руку Маруевымъ, и съ почеркомъ, которымъ подписаны повѣстки, находящіяся при дѣлѣ, но при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что бланковыя надписи на векселяхъ писаны разными почерками и что почеркъ, которымъ надписаны бланковыя надписи на трехъ векселяхъ, съ почеркомъ Храмкова тождественны.

Присяжные засѣдатели вынесли подсудимому обвинительный вердиктъ по всѣмъ, поставленнымъ на ихъ разрѣшеніе вопросамъ.

Судъ приговорилъ Маруева къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ.

Подсудимаго защищалъ кандидатъ на судебныя должности Ѳ. Н. Плевако.

Нижеприводимая рѣчь первая по времени изъ сохранившихся рѣчей Ѳ. Н. Плевако и, вѣроятно, одна изъ первыхъ, произнесенныхъ имъ въ уголовномъ судѣ.

Рѣчь въ защиту обвиняемаго Маруева.

Г.г. присяжные! Для подсудимаго настала рѣшительная минута: вопросъ его чести, его жизни отданъ на судъ вашъ.

Вслѣдствіе обвиненій, брошенныхъ на него разными лицами, вслѣдствіе нѣкотораго согласія въ этихъ обвиненіяхъ, давно онъ уже лишенъ свободы, давно заключенъ въ тюрьму, — эту школу всякаго порока, тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ впечатлительнѣй, моложе ея воспитанникъ.

Но обвиненіе еще не признакъ виновности подсудимаго. И на честную душу можетъ быть подано, сгруппировано самое по-

разительное обвиненіе: самая лживая клевета, пока не обсудится, не обслѣдуется, можетъ быть такъ же стройна, такъ же логична, какъ и добросовѣстное заявленіе о совершеніи преступленія.

И было время,—наше счастье, что оно прошедшее время,—когда, запасись такое обвиненіе узаконеннымъ числомъ свидѣтелей или сбивчивостью оробѣвшаго или подгулявшаго, не ожидая допроса, подсудимаго, и далеко отъ родной стороны приходилось ему раскаиваться въ своей робости или носить въ сердцѣ чувство недовѣрія къ человѣческому правосудію.

Не то теперь!

Вы, представители общественной совѣсти, судите согражданина; предъ вами являются — обвинитель со всѣми доказательствами, защита — со всѣми аргументами, и тогда только, все выслушавъ, все обсудивъ, вы произносите ваше совѣстливое рѣшеніе.

Наше дѣло—дѣло лицъ, посвятившихъ себя изученію предстоящаго процесса, обратить ваше вниманіе на тѣ обстоятельства, надъ которыми слѣдуетъ призадуматься, на тѣ обстоятельства, которыя имѣютъ важное значеніе для обвиненія и защиты...

Приступаю къ выполненію моей задачи, какъ я ее поставилъ себѣ.

Прокурорская власть приписываетъ Маруеву два преступленія. Она утверждаетъ, что Маруевъ составилъ подложныя повѣстки конкурснаго управленія, что такія повѣстки съ цѣлью обмануть извѣстныхъ лицъ онъ вручилъ имъ и этимъ способомъ выманилъ у нихъ извѣстную сумму денегъ; онъ же, Маруевъ, написалъ на векселяхъ Храмкова подложные бланки, чтобы присвоить себѣ слѣдующую въ пользу Храмкова сумму.

Вотъ существо обвиненія.

Чѣмъ оно держится, на чемъ основано?

Тутъ много слабыхъ мѣстъ, надъ которыми я прошу васъ подумать.

Первое, о чемъ слѣдуетъ поразмыслить, это вотъ что: есть ли конкурсъ присутственное мѣсто? Придаетъ ли законъ всѣмъ бумагамъ его — значеніе исходящихъ отъ правительства бумагъ?

Государство даетъ санкцію и власть, именуя ихъ правительственными учрежденіями, только такимъ мѣстамъ и лицамъ, которыя необходимы для него, какъ органы его жизни. На нихъ законъ смотритъ такъ, что полагаетъ существованіе ихъ для государства необходимымъ всякую минуту, а потому они существуютъ непрерывно. Для этого въ особой книгѣ законовъ, называемой „Учрежденія“, они всѣ поименованы, всякому мѣсту и лицу даны задачи, указанъ кругъ дѣятель-

ности. Бумаги ихъ, какъ акты, исходящіе отъ воли верховной власти, какъ акты, которыми граждане должны руководствоваться въ своей дѣятельности, имѣютъ важное значеніе; а потому всякій подлогъ въ нихъ, всякое принужденіе гражданъ къ какимъ-либо обязательствамъ во имя воли, выраженной въ подложной правительственной бумагѣ, должно быть строго наказано. Этого требуетъ уваженіе къ власти, этого требуетъ уваженіе къ свободѣ гражданской.

Конкурсъ никогда не могъ имѣть значенія и важности присутственнаго мѣста. Это—собраніе повѣренныхъ кредиторовъ, которое только для кредиторовъ имѣетъ значеніе какъ бы присутственнаго мѣста въ тѣсномъ кругу ихъ претензій на несостоятельнаго.

Всякое мѣсто, всякое лицо, именуемыя органами правительства, имѣютъ своимъ существеннымъ признакомъ в л а с т ь надъ обществомъ, подчиняются уже только іерархически старшимъ мѣстамъ и лицамъ. Общество имѣетъ надъ ними только право общественнаго мнѣнія.

Не таковъ конкурсъ. Его подчиненные — кредиторы должника суть вмѣстѣ его и начальство. Конкурсъ подчиненъ общему собранію, конкурсъ дѣйствуетъ по предположенію, что его дѣятельность одобряется тѣми, чьи дѣла онъ ведетъ.

Правительство требуетъ отъ своихъ органовъ той черты дѣятельности, какая прилична имъ, какъ государственнымъ учрежденіямъ; но безъ желанія кредиторовъ оно не повѣряетъ дѣятельность конкурсовъ. Значенія выше комиссіи, основанной для имущественныхъ расчетовъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, конкурсъ не имѣетъ.

Слова 1910 ст. XI тома не оправдываютъ обвинительной власти.

Слова закона говорятъ о значеніи конкурса по отношенію къ кредиторамъ, ему ввѣрившимся, но не о значеніи конкурса въ системѣ правительственныхъ учрежденій; и о договорѣ говорится, что онъ есть законъ для договорившихся, но это не значитъ, что нарушитель договора равенъ нарушителю закона, — это значитъ только то, что договоръ для обязавшихся такъ же силенъ, какъ законъ для обязавшихся закономъ, т.-е. всѣхъ гражданъ.

Но вообразите себѣ лицо, дурно отзывающееся о законѣ, и лицо въ такомъ же отношеніи къ договору,—и по судьбѣ этихъ лицъ можете судить о различіи закона дѣйствительнаго и договора, имѣющаго значеніе закона.

Представьте себѣ судей передъ зерцаломъ, отправляющихъ правосудіе, и шумную малотолковую коллегію кураторовъ, и сознайтесь, что нельзя допустить мысли, чтобы эти оба учрежденія были одинаково органами власти, правительственными мѣстами.

Цѣлое сословіе лицъ, которымъ дано даже особое имя—конкурсантовъ, захватили въ свои руки эту область; всякій адвокатъ, дорожащій своимъ добрымъ именемъ, чуждается принять на себя участіе въ этомъ учрежденіи; правительство спѣшитъ вырвать судьбу должника, судьбу кредиторовъ отъ произвола конкурснаго производства. Готовятся законы, изготовляются проекты.

Словомъ, ни по смыслу законовъ, ни по внутренней организаціи, ни по фактическому состоянію своему,—конкурсу и всякой его бумагѣ,—а особенно бумагамъ, не имѣющимъ значенія бумагъ, опредѣляющихъ имущественное право, — нельзя придать значенія бумаги, исходящей отъ правительства.

Конечно, если бы дѣло шло о подложномъ журналѣ, журналѣ, которымъ присуждается кому-либо какое-либо право, можно было бы говорить еще о подлогѣ акта съ цѣлью воспользоваться чужой собственностью; но что касается до повѣстки, которая ни болѣе ни менѣе какъ приглашеніе явиться куда-либо, которая не заключаетъ въ себѣ укрѣпленія за кѣмъ-либо какого-либо права, то подлогъ въ ней по моему мнѣнію, можетъ быть низведенъ до простого подлога въ чужой подписи, въ бумагѣ, не имѣющей никакого гражданскаго характера.

Я нахожу теперь своевременнымъ приступить къ вопросу: что дало слѣдствіе для обвиненія Маруева?

Слышали мы свидѣтелей, видѣли акты, слушали заключеніе экспертовъ.

Обвинительница Неронова спрошена безъ присяги. Законъ допускаетъ основательное сомнѣніе къ словамъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія. Останемся вѣрны этому взгляду, тѣмъ болѣе, что показаніе ея противорѣчиво, особенно если сравнивать его съ показаніемъ Иванова.

Одна говоритъ: я дала деньги, когда мнѣ показали, что журналъ подписанъ; другой—что подписаннаго журнала Нероновой Маруевъ не показывалъ. Неронова говоритъ, что она сама не получала повѣстки у Ростовцева; Ивановъ—что она сама получила, и отрицаетъ ея показанія о томъ, что онъ ей передалъ. Теперь Неронова увѣряетъ, что она лично дала деньги Маруеву, но въ 1865 году показала, что деньги далъ Маруеву Ивановъ; а Ивановъ тогда и теперь говоритъ, что денегъ не давалъ.

Чтобы избѣгнуть противорѣчій, мы даемъ имъ очныя ставки, но дѣло не поправляется. Они не отзываются запамятованіемъ, а одинъ приписываетъ другому то, что другой, со своей стсроны, приписы-

ваетъ первому. И это о самомъ важномъ обстоятельствѣ. Неронова настаиваетъ, что повѣстка была ей доставлена, а Ивановъ—что она сама получила.

Такъ сильны противорѣчія, такъ взаимно уничтожаютъ они себя въ самыхъ существенныхъ вопросахъ! Какая можетъ быть къ нимъ вѣра?!

Я отрицаю достовѣрность не только показаній Нероновой, но и Иванова.

Правда, Ивановъ—присяжный свидѣтель. Но присяга его, заставляя меня отклонить всякое сомнѣніе въ его недостовѣрности, въ намѣренной неправдѣ, не мѣшаетъ мнѣ, на основаніи его противорѣчій, не вѣрить въ его впечатлительность къ событіямъ, въ его отчетливое, разумное сознаніе того, что случилось около него. Никакая присяга не дастъ человѣку больше памяти, лучшей способности, чѣмъ какія даны ему природою.

И я поэтому считаю себя въ правѣ замѣтить, что Ивановъ не можетъ быть свидѣтелемъ, опаснымъ для участи подсудимаго.

По поводу повѣстки г. Рюмина мнѣ приходится недоумѣвать отъ словъ г. товарища прокурора. На чемъ основано его увѣреніе, что повѣстка № 321 получена Рюминымъ лично? Здѣсь при васъ много разъ заявлялъ Рюминъ, что онъ не увѣренъ, чтобы повѣстка была имъ получена лично.

Соглашаясь съ г. товарищемъ прокурора, что положеніе г. Рюмина таково, что исключаетъ всякую возможность недовѣрія къ его показанію, я прошу васъ обратить вниманіе на его слова, сказанныя и не одинъ разъ повторенныя предъ вами. Его показаніе, что Маруевъ былъ у него съ бумагами, чего не отвергаетъ и обвиняемый, дало г. товарищу прокурора основаніе заключить, что Маруевъ приносилъ и фальшивые журналы; но опять,—по какимъ даннымъ?!

На мои вопросы г. Рюминъ отвѣтилъ, что книгъ и журналовъ онъ не помнитъ и не знаетъ, приносимые къ нему были ли подписанные журналы или проекты ихъ?

Предложили мы вопросъ Храмкову. Зная, что такое конкурсъ, мы спросили его о внутреннемъ состояніи конкурса. Безпорядочно велся онъ; въ товарищахъ—неурядица; журналы рвутся; по поводу ихъ идутъ дѣла въ губернскомъ правленіи; претензіи не разсмотрѣны нѣсколько лѣтъ; деньги всѣ израсходованы на конкурсъ.

Развѣ изъ этого описанія конкурса можно вывести убѣжденіе, что повѣстки, только потому, что онѣ несогласны въ нумерахъ съ нумерами исходящаго алфавита, несомнѣнно подложны? Развѣ при этой

медленности конкурса есть поводъ сомнѣваться, что къ Рюмину Маруевъ являлся съ проектами удовлетворенія кредиторовъ? Мало того, изъ записи Маруева Храмкову отъ 30 мая видно, что Маруеву поручено было заготовить дѣло для общаго собранія.

Слѣдовательно, заготовленіе имъ повѣстокъ было вещью естественною.

Противъ меня можно замѣтить: зачѣмъ же въ повѣсткахъ говорится о полученіи денегъ, когда ихъ быть не могло?

Это объясняется формализмомъ. Ко дню, когда назначается общее собраніе, вызываются всѣ кредиторы. Цѣль вызова—согласно взаимнаго отношенія кредиторскихъ претензій раздѣлить имѣющуюся сумму. До дня, пока не разсмотрится правильность расходовъ, сдѣланныхъ конкурсомъ, сумма прихода есть достояніе конкурсной массы, а кредиторы, по общему правилу, суть претенденты на эту сумму.

Вотъ объясненіе, почему въ повѣсткахъ упоминалось о полученіи денегъ.

Что касается до векселей Храмкова, то вы слышали его собственныя показанія. Не довѣрять имъ нельзя, нельзя потому, что всякое сомнѣніе устранено экспертами. Онъ и эксперты признали руку за его.

Въ дѣлахъ, гдѣ нужно спеціальное знаніе, голосъ эксперта—авторитетъ, и мнѣ въ высшей степени непонятно, какъ можно было г. товарищу прокурора давать такъ мало цѣны ихъ показанію. Его предположеніе, что Храмковъ отказался отъ показанія, повидавшись съ Маруевымъ и упрошенный имъ, есть предположеніе и только. За то же, что подписи эти принадлажатъ самому Храмкову,—голосъ экспертовъ. Выборъ невозможенъ.

О векселяхъ—довольно. Но показанія Храмкова для меня важны: онъ способенъ былъ оклеветать Маруева, онъ приписываетъ Маруеву и подпись на лоскуткѣ бумаги, которая, по словамъ экспертовъ, принадлежитъ Храмкову. При такой недостовѣрности Храмкова товарищъ прокурора, однако, находитъ возможнымъ вѣрить Храмкову, когда онъ отрекается отъ подписей подъ повѣстками, вѣрить ему, несмотря на то, что сходство въ извѣстной степени признается, и что во всякомъ случаѣ эксперты отрицаютъ сходство этихъ подписей съ рукою Маруева.

Еще одно соображеніе: если бы Маруевъ хотѣлъ передать Рюмину фальшивыя повѣстки, то, конечно, скрылъ бы свою руку. Но на повѣсткахъ обыкновенная, ни мало не измѣненная рука Маруева.

Это даетъ вѣру словамъ его о назначеніи повѣстокъ,—что онѣ были запасныя.

Преступнику свойственно скрывать концы въ воду. Здѣсь же, если это подлогъ, — самовольное обреченіе себя на погибель.

Споръ о подлогѣ—не признакъ подлога: не каждый ли день наши гражданскія дѣла начинаются рядомъ споровъ о нихъ. Это—болѣзнь наша. Старый процессъ, гдѣ нелишними были всякія средства, затягивающія дѣло, пріучили насъ,—и вотъ чѣмъ можно объяснить дѣло Храмкова. Этимъ же объясняется, быть можетъ, и дѣло Нероновой.

Бросая бѣглый взглядъ на дѣло, приходишь къ убѣжденію, что сомнѣнія и сомнѣнія выносятся изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній. Взаимное противорѣчіе Нероновой и Иванова, отказъ отъ всякихъ обвиняющихъ показаній со стороны Рюмина, внутренняя несостоятельность Храмкова—вотъ матеріалъ обвиненія.

Сверхъ того мы читали, что показалъ Щитунинъ, умершій уже свидѣтель. Сомнѣвался и онъ, Маруевъ ли ему принесъ повѣстку. Останемся вѣрны и мы этому сомнѣнію.

Но, кромѣ свидѣтелей, мы слышали экспертовъ. Они чужды интересамъ дѣла, ихъ голосъ авторитетный. Но что они говорятъ? Они приписываютъ подписи Храмкову, они отрицаютъ сходство руки Маруева съ этими подписями.

Итакъ, только два убѣжденія можно вынести изъ дѣла: или подсудимый невиновенъ, или виновность сомнительна.

Но то и другое ведетъ къ необходимости оправданія.

Третьяго рода убѣжденіе, думаемъ, невозможно. И можно ожидать, что съ вашимъ приговоромъ кончится для подсудимаго неволя и засіяетъ рядъ свѣтлыхъ, свободныхъ дней...

XV.

Дѣло Кованько.

Дѣло Кованько и др.,

обв. въ подлогѣ.

16-го октября 1871 г. крестьяне Богодуховскаго уѣзда Дядичко и Воробьевъ подали прокурору Харьковскаго окружнаго суда заявленіе, что заключенное ими съ помѣщикомъ Даніиломъ Николаевичемъ Кованько условіе, за неисполненіе котораго, по рѣшенію мирового судьи, продано ихъ имущество, подложно.

31-го мая того же года, по порученію Кованько, съ 13 крестьянами Тарасовской волости Богодуховскаго уѣзда былъ заключенъ письменный договоръ о наймѣ ихъ на работы на селитреный заводъ Кованько. Согласно этому договору крестьяне обязались за 7 руб. въ мѣсяцъ работать на заводѣ. Условія работы были довольно суровы, между тѣмъ какъ за самыя незначительныя несоблюденія договора нанявшіеся крестьяне подвергались штрафу по 50 руб. каждый.

Договоръ этотъ былъ подписанъ не самими вступившими въ договоръ крестьянами, оказавшимися грамотными, а третьимъ лицомъ якобы за неграмотностью договаривающихся. Нанятые на работу крестьяне утверждали, что заключавшій съ ними договоръ управляющій Кованько Полтарацкій условій договора имъ не прочиталъ и что грамотнымъ крестьянамъ его для подписи не давали. Подписи неграмотныхъ засвидѣтельствованы и завѣдомость для крестьянъ условій договора ранѣе его подписанія удостовѣрена подписью Д. Н. Писарева.

Въ самомъ договорѣ имѣются приписки, сдѣланныя, очевидно, позднѣе его составленія. Подлинный договоръ не во всѣхъ частяхъ соотвѣтствуетъ копіи.

Все это указывало, по мнѣнію обвиненія, на то, что Кованькѣ не могло не быть извѣстнымъ, что въ договоръ включены условія, нанимающимъ крестьянамъ неизвѣстныя, что подписи на договорѣ сдѣланы и удостовѣрены помимо ихъ желанія и что, слѣдовательно, договоръ подложенъ.

Тѣмъ не менѣе Кованько, за неисполненіе крестьянами принятыхъ ими по договору условій, предъявилъ его у мирового судьи ко взысканію.

Тогда крестьяне заявили о подложности договора.

Единственный бывшій при заключеніи договора свидѣтель удостовѣрилъ,

что Полтарацкій крестьянамъ условія не читалъ и что грамотнымъ его для подписи не давалъ.

Въ виду этого Д. Н. Кованько, П. Н. Полтарацкій и Д. М. Писаревъ были преданы Харьковскому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Дѣло о нихъ слушалось въ засѣданіи Харьковскаго окружнаго суда въ г. Богодуховѣ 28 и 29 сентября 1876 г.

Предсѣдательствовалъ тов. пред. суда Полуботько. Обвинялъ тов. прок. Завадовскій. Защищали: Кованько—Ф. Н. Плевако, Полтарацкаго и Писарева—пом. прис. пов. Кнейстъ.

Первымъ на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей былъ поставленъ вопросъ: доказано ли, что въ договоръ отъ 31-го мая 1871 г. были сдѣланы за безграмотныхъ крестьянъ, помимо ихъ воли, подписи и включены имъ неизвѣстныя условія.

На этотъ вопросъ прис. засѣд. отвѣтили отрицательно.

Судъ призналъ всѣхъ подсудимыхъ оправданными по суду.

Рѣчь въ защиту обвиняемаго Кованько.

Г.г. присяжные засѣдатели!

Прежде чѣмъ рѣшить дѣло, вамъ еще нужно выслушать одного человѣка, который скажетъ въ пользу того, изъ-за кого вы на судъ пришли,—за Д. Н. Кованько.

Говорить за него буду я, потому что онъ избралъ меня своимъ защитникомъ.

Защищая его, г.г. присяжные засѣдатели, я прошу извиненія за то, что я, быть можетъ, не вездѣ буду говорить понятно на тотъ говоръ, которымъ говорите вы.

Но постарайтесь повнимательнѣе отнестись къ моему слову. Говорить я буду не скоро. Вы увидите, что я изъ дѣла извлеку такія данныя, которыя для него нужны, которыя помогутъ вамъ разрѣшить правильно то дѣло, разрѣшить которое вы призваны.

Для Д. Н. Кованько это дѣло весьма важное. Вы по опыту знаете: кого посадятъ на эту скамью, да здѣсь не оправдаютъ, онъ цѣлъ домой не уйдетъ.

Между тѣмъ Д. Н. Кованько душою и сердцемъ завѣряетъ, что обвиненіе, которое противъ него направлено,—напрасное обвиненіе;

онъ отъ души и сердца завѣряетъ, что ему, какъ человѣку богатому, у котораго домъ полонъ всякаго добра, чужими крохами,—особенно такою малостью, какъ крестьянское добро,—поживиться или взять его себѣ, мараться не слѣдовало.

Онъ роду-племени своего не замаралъ. А въ его родѣ-племени, которое живетъ въ этой мѣстности, никогда слыхомъ не слыхано, чтобы кто-нибудь изъ Кованекъ занимался тѣмъ, чтобы, вмѣсто того, чтобы свое беречь брать чужое, брать такимъ скверным способомъ, который называется подлогомъ.

Разрѣшая это дѣло, я прошу васъ задать себѣ нѣсколько вопросовъ изъ своей собственной среды, изъ своей собственной жизни.

У васъ въ деревнѣ люди простые живутъ. Но и въ деревнѣ у васъ есть люди разные: есть старшины, есть сельскіе старосты, есть люди простые.

Если, бывало, случится у васъ въ деревнѣ какое-нибудь горе,—напримѣръ, пропадетъ много денегъ въ церкви, у сборщика податей и проч.,—тутъ вы размышляете: кто больше могъ покорыстоваться? И свои размышленія на счетъ всѣхъ держите: 1000 р., 10.000 р. — всякъ можетъ покорыстоваться. А если вамъ скажутъ, что въ деревнѣ курица пропала, вѣдь кто же о волостномъ старшинѣ подумаетъ, потому—не по его карману такою малостью себя марать, — онъ посовѣстится, а скорѣе подумаютъ: это сдѣлалъ какой-нибудь пьяница-бобыль.

Такъ же точно это бываетъ вездѣ. Посмотрите на дѣло, которое мы разбираемъ, кого въ немъ обвиняютъ?

Говорятъ, что по условію недѣйствительному продано имущество крестьянъ за 40—50 руб. и что этими 40—50 р. покорыствовался Д. Н. Кованько, который живетъ здѣсь, между вами, котораго обширныя имѣнія всѣмъ извѣстны.

Я думаю, что этому человѣку не по мѣрѣ то дѣло, которое ему приписываютъ: совершать подлогъ легче человѣку бѣдному.

Кто бы могъ это сдѣлать? Человѣкъ запутавшійся, или тотъ, у котораго нѣтъ ничего!

У Д. Н. Кованько все цѣло, по другимъ людямъ не разнесено, не разметано.

Но разъ его обвиняютъ, надобно посмотрѣть, что противъ него собрали люди...

Привести сюда и посадить всякаго можно. Но нужно собрать такія свѣдѣнія, чтобы сказать: виноватъ! А если не соберете такихъ свѣдѣній, скажите: онъ невиновенъ!

Разберемъ это дѣло.

Вы слышали здѣсь разные толки: одни говорятъ, что условіе это нехорошее, другіе говорятъ, что оно совсѣмъ хорошее. Само собою разумѣется, что, если это условіе хорошее, написано какъ слѣдуетъ, если оно дѣйствительно было заключено управляющимъ Д. В. Кованько, Полторацкимъ, съ рабочими, то тутъ всѣ непричемъ.

Но я, защищая Д. Н. Кованько, долженъ разсмотрѣть, что такое собрали г. прокуроръ и та Палата, которая предала его суду, чтобы сказать, что онъ въ этомъ условіи принималъ участіе.

У Д. Н. Кованько имѣніе большое, какъ я сказалъ, и состоитъ оно изъ трехъ частей. Въ этомъ существенное упущеніе прокурорскаго надзора. Прокурорскій надзоръ, повидимому, думаетъ, что у Д. Н. Кованько только крѣпостное хозяйство и селитреный заводъ, въ которомъ работаетъ 20 рабочихъ.

Между тѣмъ его большое имѣніе состоитъ изъ запашки десятинъ въ 600 и изъ большого винокуреннаго завода. Рабочихъ у него не 20, а 200 человѣкъ: на селитреномъ, на винокуренномъ заводахъ, да, можетъ быть, есть люди дворовые. И выходитъ, что Д. Н. Кованько долженъ былъ каждый годъ заключать не 15 условій, а 100 или 150.

Это дѣло ведетъ у него, какъ у всякаго богатаго барина, контора. Самому барину дойти до всего нельзя. А если бы онъ доходилъ до всего, зачѣмъ держать управляющаго? Онъ отдаетъ приказъ: хочу, чтобы такое-то дѣло шло; хочу, чтобы рабочихъ наняли съ неустойкой, потому что люди часто обманываютъ. А исполнитель его кличетъ на базарѣ: кто хочетъ работать, приходите, скажите свои условія, а вотъ — наши. Потомъ исполнитель докладываетъ ему: ваше желаніе исполнено, — рабочіе наняты по такой-то цѣнѣ съ такимъ-то условіемъ.

Въ этомъ видѣ расказываетъ секретарь и писарь Д. Н. Кованько, которые хорошо знаютъ его хозяйство.

Вотъ, по ихъ словамъ, дѣло было такъ: Д. Н. Кованько приготовляетъ общую форму условія, по которому нужно нанимать рабочихъ, указываетъ цѣну, количество неустойки за прогулъ и общую неустойку такимъ рабочимъ, которые нанимаются, денежки возьмутъ, да при первомъ удобномъ случаѣ и уйдутъ, и не хотятъ работать.

Когда Д. Н. Кованько принесутъ такое условіе, онъ знаетъ, что рабочіе работаютъ, онъ вѣритъ, что такое условіе, значитъ, принято. Ему тѣмъ болѣе слѣдовало этому вѣрить, что у него всѣ рабочіе

жили по такимъ условіямъ. Никто не бѣгалъ, никто не кричалъ, чтобы эти условія заключались фальшиво.

Условія эти хранились въ его канцеляріи, которою управлялъ секретарь. Въ свое время подавались ему эти условія. По всѣмъ этимъ условіямъ въ свое время деньги платятся, хранитель съѣстныхъ припасовъ отпускаетъ припасы по договору, и никогда никого разговора не было.

Подали въ свое время ему и это условіе.

Посмотрите на него: чѣмъ оно разнится отъ другихъ? что могло навести его на мысль, что это условіе недѣйствительно?

Вотъ если бы ему подали условіе, что всѣ рабочіе по 7 р. получаютъ, а нашлись такіе, которые по рублю получаютъ, — вотъ тогда Д. Н. Кованько надо было обратить вниманіе, что рубль берутъ, тогда ему должна притти мысль, что здѣсь что-то нечисто.

Но ему приносятъ условіе,—онъ видитъ: жалованье даютъ 7 руб., дороже на 50 к. противъ другихъ, потому что и у другихъ такая неустойка: кто живетъ ближе,— съ того 25 р. неустойки, кто дальше,— съ того берутъ больше неустойки.

Вотъ какъ велось дѣло.

Такимъ образомъ, какъ бы условіе ни совершалось, но Д. Н. Кованько, когда ему было подано это условіе, ничего изъ этого вывести не могъ.

Потомъ ему докладываетъ управляющій: „Вотъ, баринъ, изъ числа нанятыхъ рабочихъ нѣкоторые уходятъ“... „Какъ уходятъ? вѣдь они нанимались на срокъ, по Косьму-Демьяна?“

„Но они уходятъ и задатки забрали съ васъ по 5 р.“.

Очевидно, ничего подобнаго у него никогда не случалось: всѣ рабочіе доживали сроки, никогда мировому никто не жаловался. Значитъ, онъ давалъ харчи хорошіе, значитъ, жалованье выдавалъ во-время.

Онъ говоритъ: „надо взыскать, надо подать мировому судьѣ!“

Ему приносятъ условіе, онъ его читаетъ...

Вотъ тутъ, говорятъ, онъ долженъ былъ догадаться, что это условіе—фальшивое, потому что въ немъ Дядичко значился неграмотнымъ, а въ распискѣ, гдѣ онъ 5 р. получилъ,—тамъ онъ грамотный.

Но, господа, если бы у него было одно условіе, такъ онъ удержалъ бы это въ памяти, но когда у него и другихъ много, да кромѣ того, что у него большое хозяйство,— онъ въ разныхъ службахъ состоитъ, разъѣздовъ много, имѣніе большое, то вѣдь помнить, какой крестьянинъ когда приходилъ и 5 р. бралъ и былъ ли онъ при этомъ грамотный или неграмотный, — никому изъ насъ и въ умъ не приходитъ.

Я скажу даже наоборотъ. Если бы Д. Н. Кованько увидѣлъ, что въ условіи Дядичко неграмотнымъ значится, а онъ въ самомъ дѣлѣ грамотный, то онъ бы тогда непремѣнно остановился на этомъ условіи: зачѣмъ на себя веревку надѣвать, зачѣмъ итти къ судьѣ съ такимъ договоромъ.

Палата говоритъ: „это условіе такъ написано, что оно никуда не годится, — поэтому г. Кованько долженъ былъ сообразить, что оно подложно".

А я думаю, что люди разсудительные, которые не смотрятъ на жизнь сквозь книги, иначе разсудятъ.

Чѣмъ подложнѣе договоръ, тѣмъ правильнѣе стараются его написать. Какой расчетъ совершать неправильно договоръ подложный?

Представьте, человѣкъ задумалъ за мертваго человѣка сдѣлать завѣщаніе. Подпишется на завѣщаніи за покойнаго, да свидѣтелей тамъ напишетъ. У него въ головѣ ума нѣтъ. Изъ-за чего онъ дѣлаетъ подлогъ? Всякій броситъ ему въ глаза завѣщаніе!

Если дѣлать подлогъ, такъ форма должна быть соблюдена. Если Д. Н. Кованько подалъ ко взысканію не формальный договоръ, значитъ онъ думалъ, что онъ—настоящій, онъ вѣрилъ крестьянамъ, что они отъ своего не отопрутся.

Вотъ почему онъ подалъ договоръ мировому судьѣ.

Какъ было разбирательство у мирового судьи—я этотъ вопросъ оставлю. Тамъ Д. Н. Кованько не былъ, тамъ былъ Полторацкій, тотъ Полторацкій, который составлялъ вмѣстѣ съ рабочими договоръ.

Д. И. Кованько въ это время уѣзжаетъ. Кончается тамъ дѣло. Д. Н. Кованько пріѣзжаетъ тогда, когда былъ полученъ исполнительный листъ.

Мировой судья въ то время ему говоритъ: „крестьяне считаютъ условіе подложнымъ". Вотъ Палата и пишетъ: „что съ этой минуты Кованько долженъ былъ поостеречься".

Да мало ли кто не называетъ договоровъ подложными! Я подамъ закладную ко взысканію, а въ коридорѣ мнѣ говорятъ: отвѣтчикъ говоритъ, что закладная подложная. Если я думаю, что эта закладная—настоящая, такъ развѣ я буду бояться?!.

Поэтому простое замѣчаніе жены мирового судьи или самого мирового судьи: „вы остерегайтесь, вотъ что крестьяне говорятъ!"— не должно было остановить Кованько. Напротивъ, онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ былъ поступить такъ, какъ онъ поступилъ.

Если бы у него на совѣсти былъ грѣшокъ, если бы онъ зналъ, что это условіе — не безгрѣшное дѣло, то тутъ нужно и покончить.

А онъ не покончилъ,—онъ говорилъ: „Вздоръ! Но я имъ прощу, если они придутъ и попросятъ прощенія“...

А прощенія могутъ просить только виноватые передъ правымъ. Очевидное дѣло, что Д. Н. Кованько въ томъ, въ чемъ винитъ его Палата,—что онъ узналъ, что есть подлогъ,—именно въ томъ, онъ, какъ разумный человѣкъ, и не виноватъ: онъ д о л ж е н ъ былъ не знать, что подлогъ былъ.

Если бы онъ узналъ, что подлогъ есть, по одному замѣчанію мирового судьи, тогда бы я, дѣйствительно, не вѣрилъ въ достоинство г. Кованько, хотя мое мнѣніе и не подтвердилось тѣмъ коллегіальнымъ мнѣніемъ, которое мы имѣли честь выслушать.

Палата смотритъ иначе на дѣло, по бумагамъ: я ее много не виню. Вѣдь Палата живыхъ людей не слышала, а на бумагѣ написаны жалостныя слова. Она и думаетъ: взаправду крестьяне разорены, взаправду человѣкъ продалъ крестьянскую корову и хату. Въ немъ жалости нѣтъ!

Но, вѣдь, вы з д ѣ с ь живете: вы знаете, что Кованько этимъ не занимается...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря о Кованькѣ, я долженъ сказать: что же намъ дѣлать? Вѣдь въ бумагѣ написано такъ жалостно... Но я разскажу это просто и думаю, что въ этомъ отношеніи отъ уважающей себя прокуратуры не встрѣчу возраженій.

Здѣсь вамъ говорили, что надо вѣрить тому, что пишется у слѣдователя. Если бы наши власти, если бы нашъ Царь-Государь вѣрилъ тому, что говоритъ прокуратура, — никогда суда присяжныхъ не было бы.

Прежде дѣло было на бумагѣ, прежде писали только слѣдователи. Но отъ этихъ слѣдовательскихъ писаній дурно пришлось, и сказали, что этотъ судъ не годится.

Такъ какъ же теперь противъ рожна итти? Какимъ образомъ итти противъ такого соображенія, которое всѣми—отъ Петербурга до Камчатки—сознано?!.

Теперь уже никто не говоритъ: сохраните намъ старый судъ, который вѣрилъ тому, что напишетъ слѣдователь, а всѣ говорятъ: изберите что-нибудь прочнѣе, дайте н о в ы й судъ, чтобы н а с у д ѣ допрашивать свидѣтелей.

Вотъ каковы соображенія. И противъ нихъ спорить нельзя. Ибо всякій, кто утверждаетъ, что лучше вѣрить старому, письменному производству,—тотъ идетъ противъ жизни. Противъ этого говоритъ опытъ многихъ вѣковъ, противъ этого говорятъ просвѣщенные законодатели и люди, дѣйствительно знающіе потребности жизни.

Мало того, въ прошлое время слѣдователи иногда были сдерживаемы: вы—люди пожилые, вы, можетъ быть, знаете, что прежде при слѣдователяхъ были депутаты. А нынѣ депутатовъ нѣтъ. Нынѣ слѣдователь, что хочетъ, то и пишетъ.

Конечно, большинство изъ нихъ люди хорошіе. Да бѣда въ томъ: слѣдовательскій мундиръ надѣнешь, лучшимъ не сдѣлаешься. А если да слѣдователь человѣкъ, который любитъ раздражаться, любитъ убѣждать, и выходитъ: даетъ ему показаніе человѣкъ—никуда не годится: и то не такъ, и другое дурно, и выходитъ путаница.

То, что вредно для подсудимаго,—пишетъ; а что полезно для подсудимаго—заканчиваетъ „за неграмотностію свидѣтеля“ распискою. А почему закончилъ—неизвѣстно. Потому ли что боится сдаться, потому ли, что не догадался, потому ли, что усталъ,—потому что у одного человѣка 50—100 дѣлъ.

Слѣдовательно, если вы хотите правильно къ дѣлу относиться, то вы должны къ нему относиться не такъ, какъ васъ учили, а такъ, какъ говорится въ книгѣ законовъ.

А книга законовъ велитъ всѣхъ свидѣтелей, спрошенныхъ на на предварительномъ слѣдствіи, переспросить здѣсь, и что они покажутъ здѣсь, то берется во вниманіе,—потому здѣсь и самъ подсудимый сидитъ, какіе вопросы нужно предложить—предлагаетъ.

Поэтому я предварительное слѣдствіе во всей его цѣлости долженъ отвергнуть.

Я отвергаю его еще по многимъ причинамъ.

Мы здѣсь всѣ: и судьи, и мы, и прокуратура спрашивали свидѣтелей. И такъ ему разскажешь—не понимаетъ, и этакъ ему разскажешь—не понимаетъ. Такъ что мы замолчали, а прокуроръ сказалъ, что и онъ тоже ничего не понимаетъ.

А у слѣдователя написано,—Боже мой, какъ хорошо говорилъ: и складно, и ловко, и понятно, и точно, и всѣ законы понимаетъ, и гдѣ остановиться, знаетъ...

Ну, скажите, пожалуйста: если человѣка совсѣмъ простого спрашиваютъ, который многаго не понимаетъ, а изъ его словъ выходитъ прекрасная рѣчь—чья это рѣчь: свидѣтеля или лица, которое его спрашивало?

Можетъ случиться, что при такомъ способѣ записыванія показаній слѣдователь не понялъ хорошо свидѣтеля, изложилъ показаніе не въ томъ видѣ, какъ бы слѣдовало. Вотъ на судѣ и выходитъ путаница.

Итакъ я останавливаюсь исключительно на томъ, что мы слы-

шали здѣсь, на судѣ. А на судѣ люди, участвующіе въ договорѣ, сначала говорили: „нанимались мы какъ придется: помѣсячно, такъ и помѣсячно"; а потомъ нѣкоторые сдались,—они сами чувствуютъ, что они сами стали сдаваться,—и говорятъ: „нѣтъ, до Косьмы и Демьяна..."

Затѣмъ идетъ сомнѣніе: былъ ли разговоръ о неустойкѣ?

Обратите вниманіе на слѣдующее: если только эти 13 рабочихъ были нанимаемы съ неустойкою, тогда дѣло плохо. Но вы припомните: вчера былъ разговоръ между мною и прокуроромъ и, съ согласія суда, былъ удостовѣренъ тотъ фактъ, что въ дѣлѣ есть три другихъ договора, заключенныя въ волостномъ правленіи,— слѣдовательно, сомнѣваться въ нихъ нельзя,—изъ которыхъ видно, что крестьяне шли работать къ г. Кованько за то же жалованье и съ неустойкою отъ 25 до 100 руб.

Значитъ, у г. Кованько всѣ жили по такимъ договорамъ...

Установивъ тотъ фактъ, что у Кованько постоянно заключались условія съ подобными неустойками, что никто отъ нихъ не бѣгалъ и ни съ кого онъ не взыскивалъ, защитникъ доказывалъ далѣе, что инкриминируемое условіе съ крестьянами было ими заключено съ Полторацкимъ. Да Полторацкій иначе и поступить не могъ. Онъ зналъ, что Кованько человѣкъ аккуратный, что онъ, не имѣя гарантіи въ рабочихъ, скорѣе остановилъ бы заводъ; слѣдовательно, онъ долженъ былъ исполнить его волю.

Въ подтвержденіе того, что дѣйствительно крестьяне не нанимались безъ условія, что оно было ими заключено съ Полторацкимъ, защитникъ указалъ на нѣкоторыхъ свидѣтелей.

Указавъ въ концѣ своей рѣчи на дѣятельность Кованько какъ хозяина, защитникъ сказалъ, что оправдывая Кованько, присяжные сдѣлаютъ доброе дѣло,—спасутъ человѣка отъ напраснаго обвиненія...

XVI.

Дѣло „клуба червонныхъ валетовъ“.

Дѣло „клуба червонныхъ валетовъ“.

Въ августѣ 1871 г. началось слѣдствіе о полученіи съ К. Ф. Еремѣева, послѣ приведенія его въ состояніе безпамятства, безденежныхъ обязательствъ на большую сумму.

Обвиненіе пало на дворянина Давидовскаго и Шпейера. Во время разслѣдованія этого преступленія обнаружились еще многія преступленія, въ которыхъ участвовали, какъ означенныя выше лица, такъ и другія.

Всѣ они оказались между собой связанными, во всѣхъ выступали люди между собой знакомые, люди, задумавшее одно общее дѣло.

Кругъ ихъ дѣятельности было чрезвычайно широкій, съ его развитіемъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ выступали все новыя и новыя лица.

Дѣятельность всѣхъ ихъ, главнымъ образомъ, была направлена на имущественныя преступленія.

Члены этой группы выдавали себя за богачей, за чиновниковъ, занимающихъ высокія мѣста.

По пріѣздѣ въ какой-либо городъ, имъ очень скоро удавалось внушить къ себѣ довѣріе и получить необходимыя связи. Тогда начиналась ихъ дѣятельность: они объявляли свободными мѣста на своихъ заводахъ, нанимали служащихъ, брали съ нихъ залоги; они продавали несуществующія земли, учитывали безденежные векселя, продавали чужое имущество. Для внушенія своимъ кліентамъ довѣрія они имѣли въ своемъ распоряженіи подложные билеты на вклады въ различныхъ банкахъ. Билеты эти они закладывали и продавали.

Путемъ такого рода преступныхъ дѣйствій они получили около 300000 руб.

Всего этими лицами, въ числѣ 45, получившими названье „Червонные валеты“, въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1867 по 1875 г., было совершено 56 преступленій въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Тамбовѣ и Н.-Новгородѣ. Большая часть обвиняемыхъ оказалась принадлежащей къ высшимъ въ обществѣ состояніямъ.

Судились они въ Московскомъ Окр. Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Засѣданія происходили отъ 8 февраля до 5 марта 1877 года.

Предсѣдательствовалъ тов. предс. С. Я. Орловскій.

Обв. тов. прок. Н. В. Муравьевъ.

Въ числѣ защитниковъ—Ф. Н. Плевако, защищающій Мазурина, по обв. его въ оказаніи содѣйствія Давидовскому при полученіи безденежныхъ обязательствъ съ Еремѣева.

Приговоромъ присяжныхъ засѣдателей 19 человѣкъ, въ томъ числѣ Мазуринъ, были признаны невиновными.

Остальные приговорены: 9 человѣкъ къ ссылкѣ въ Сибирь и Олонецкую губ., остальные къ заключенію въ тюрьмѣ на разные сроки.

Рѣчь Ф. Н. Плевако въ защиту Мазурина.

Я не хочу, да и не долженъ, г.г. присяжные, злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ.

Не изъ-за васъ! О, нѣтъ! Недѣли труда неустаннаго, недѣли вниманія неослабнаго доказали, что вы силъ не жалѣете, когда это нужно для общаго блага.

Я долженъ поступиться моимъ правомъ вотъ для этихъ десятковъ людей, среди которыхъ много виновныхъ, но много и невинныхъ, много такихъ, надъ которыми тяготѣютъ несчастно сложившіяся улики и не пускаютъ ихъ къ свободѣ и счастію, много и такихъ, чье прошлое темно, отъ чьихъ дѣлъ отталкиваетъ, но которые ждали и хотятъ вашего суда, хотятъ вамъ сказать, что и въ нихъ не погибло все человѣческое, что и къ нимъ не слѣдуетъ относиться безучастно, что и ихъ не надо судить холодно, жестоко и безсердечно.

Защищаемый мною А. Мазуринъ не долженъ претендовать на это: съ трибуны обвиненія, откуда подсудимые привыкли слышать слово, отъ котораго леденѣетъ кровь въ ихъ жилахъ, слово, отъ котораго умираетъ надежда увидѣть домъ и семью, и когда-нибудь встрѣтить свѣтлое утро свободнаго дня свободнымъ человѣкомъ,— съ этой трибуны Мазуринъ услышалъ иное слово—животворящее, воскрешающее!..

Какъ звуки порванныхъ цѣпей узника, какъ слово дружбы и любви отозвалось оно въ его душѣ: ему вѣрятъ, что онъ невиновенъ, ему вѣрятъ, что руки его не совершали безчестнаго дѣла, ему возвращаютъ незапятнанное имя.

Это—счастіе, цѣнность котораго люди постигаютъ только тогда, когда имъ грозятъ отнять его, разорвать, смять, погребсти подъ тяжестью общественнаго приговора!..

Защита счастлива, что ей не приходится вести борьбы съ обвиненіемъ, не приходится ставить подсудимаго въ томительное ожиданіе, кто изъ борцовъ одержитъ верхъ въ вашемъ рѣшительномъ отвѣтѣ, что обвинитель уже сказалъ то самое по убѣжденію, что я долженъ былъ говорить прежде всего по долгу.

Благодарно, со страстью выслушали мы это слово, изумляясь тому, что ни масса данныхъ, ни гигантскіе размѣры задачи не увлекли обвиненія, и оно ни разу не сбросило въ одну общую массу виновныхъ и оправдавшихся и не закрыло глазъ отъ того, что разбивало первоначальные взгляды, ясно и внятно говоря непредубѣжденному уму о необходимости уступокъ въ интересѣ правды.

Въ числѣ оправдавшихся безспорно первое мѣсто принадлежитъ Мазурину.

Онъ—болѣе, чѣмъ невиновенъ: онъ—лакомая жертва въ рукахъ тѣхъ, кто, подобно древней распущенной римской черни, за хлѣбъ и наслажденье поступаются всѣми правами и обязанностями, поступаются тѣмъ легче, что они приносятъ въ жертву не свои, а чужія права, не свои, а чужіе карманы.

Мнѣ не нужно перечислять передъ вами всѣхъ обстоятельствъ дѣла, чтобы убѣдить въ этомъ.

Дайте себѣ отчетъ: человѣкъ, одаренный счастливою судьбою, весьма значительнымъ состояніемъ, до сихъ поръ сохранившимся,—имѣлъ ли онъ надобность поступать въ общество, промышляющее обманами, чтобы добыть себѣ рубль на наслажденія? Могли ли тѣ, съ кѣмъ его мѣшаютъ, принять его въ долю, когда онъ самъ, какъ богатый юноша, могъ быть только цѣлью ихъ нападокъ?

Отъ свидѣтелей вы знаете, что онъ—не дисконтеръ, что онъ, учитывая векселя Попову, учитывалъ лишь по пріязни, не скидывая ни рубля.

Вы знаете отъ Петрова, что едва Мазуринъ узналъ, что Шпейеръ обманомъ выманилъ у Еремѣева вексель, какъ онъ уничтожилъ вексель и даже не искалъ впередъ данныхъ $2^1/_2$ тыс. рублей.

Вы знаете, что передъ выдачей Мазурину векселя, для того, чтобы убѣдить его въ богатствѣ Еремѣева, отъ послѣдняго взяли на имя Мазурина довѣренность на управленіе домомъ, а Петровъ, повѣренный Еремѣева, показалъ, что никакого дома, который бы находился въ личной собственности Еремѣева, вовсе не было.

Очевидно, обманъ былъ направленъ не противъ Еремѣева, а противъ Мазурина; средство было пущено то же, какое уже не разъ

всплывало на свѣтъ въ этомъ дѣлѣ: довѣренностью обманывали того, кому ее вручали.

Конечно, будь всѣ эти данныя въ рукахъ обвинителя, едва ли бы онъ привлекъ подсудимаго.

Но я не виню, не осуждаю его.

Предпринявъ геркулесову работу—перечитать десятки тысячъ листовъ, описывающихъ десятки лѣтъ распущенной жизни, по меньшей мѣрѣ распущенной юности, и, не встрѣтивъ на пути ни одного свѣтлаго лица, ни одного свѣтлаго факта, обвинитель поддался чувству брезгливости. Подвалы культурнаго міра, зараженные порокомъ, куда ему пришлось спуститься, раздражали чувство. Подъ этимъ общимъ впечатлѣніемъ, подъ этой общей антипатіей къ средѣ, съ которой пришлось столкнуться нравственно развитой личности блюстителя закона, въ немъ притупилась критическая способность, способность анализа отдѣльныхъ явленій: всѣ лица, всѣ вещи казались грязными, хотя между ними попалась завлеченная случайно, заманенная обманомъ личность другого міра и другого склада.

Такъ, въ притонѣ разврата, силою захваченная, честная женщина краснѣетъ отъ стыда при входѣ посторонняго человѣка, а онъ считаетъ этотъ румянецъ непорочности за средство обольщенія блудницы...

Подъ этимъ-то общимъ негодующимъ чувствомъ создалось грандіозное обвиненіе, гдѣ на каждомъ шагу было замѣтно, какъ моралистъ, оскорбленный распущенностью наблюдаемой и изучаемой имъ среды, оставлялъ назади спокойнаго юриста, сравнивающаго подлежащіе его вѣдѣнію факты съ мѣрою свободы и запрета, начертанными въ законѣ.

Вторичное разсмотрѣніе здѣсь, на судѣ, убѣдило обвинителя въ излишествѣ его требованій: онъ отступилъ.

Задача защиты и ваша,—итти далѣе, еще поискать въ этомъ дѣлѣ ошибокъ и возвратить дѣло на строго законную почву.

Мазурину же, а чрезъ него и всему обществу, да послужитъ его привлеченіе урокомъ!

Мало быть честнымъ человѣкомъ въ сознаніи своей совѣсти. Нѣтъ, надо заботиться, чтобы въ нашъ домъ, въ нашъ кругъ не взошли люди недостойнаго образа жизни, и сближеніемъ съ ними не надо вводить въ соблазнъ и въ сомнѣніе карающее общественное мнѣніе и представителей закона.

Вотъ она, какова неразборчивость связей!

Шесть лѣтъ какъ привлеченъ Мазуринъ къ дѣлу, и шесть лѣтъ будущее было для него загадкой.

Ни одной ночи, ни одной зари пробуждающагося дня не покидала тяжелая мысль о страшномъ судномъ днѣ душу молодого человѣка, отравляя счастье, усугубляя горе обыденной жизни.

Пора положить конецъ!

Мазуринъ ждетъ вашего слова, вашего разрѣшающаго слова, какъ возмездія за отравленную жизнь и за безвозвратно погибшую юность!..

XVII.

Дѣло Росковшенко и др.

Дѣло Росковшенко и др.

въ подлогѣ векселей.

26 іюня 1883 г. въ Одессѣ кредиторамъ тов. прок. одесскаго Окружнаго суда Вл. Росковшенко, собравшимся въ его квартирѣ, по его приглашенію, стало извѣстно, что Росковшенко изъ Одессы скрылся.

Немедленно послѣ этого они стали обращать обязательства Росковшенко ко взысканію, и тогда же обнаружилось, что векселя, учтенные Росковшенко, подложны.

Всего подложныхъ векселей оказалось на сумму около 20 т. рублей. Всѣ векселя находились въ рукахъ ростовщиковъ, которые и явились истцами по настоящему дѣлу.

Вл. Росковшенко, товарищъ прокурора Одесскаго Окружнаго суда, былъ переведенъ изъ Витебска. Кругомъ въ долгахъ, онъ, по переводѣ въ Одессу, на нѣкоторое время былъ оставленъ своими кредиторами, но, когда послѣдніе узнали, что онъ женился и занимаетъ видное мѣсто по службѣ, они стали требовать съ Росковшенко уплаты.

Скрывая свои долги отъ жены, онъ для оправданія ихъ сталъ заключать займы у одесскихъ ростовщиковъ, и затѣмъ все съ той-же цѣлью расплатиться, будучи не въ состояніи получать векселя для учета своихъ знакомыхъ, сталъ учитывать подложные векселя.

Въ этихъ векселяхъ были поддѣланы подписи тов. предс. одесск. Окружн. суда В. Пащенко и инженера Лишина. Оба они были хорошими знакомыми Росковшенко и сами давали на его векселяхъ подписи, съ тѣмъ чтобы Росковшенко могъ ихъ учитывать. По наступленіи сроковъ векселя должны были возвращаться, и, дѣйствительно, Росковшенко ихъ возвращалъ, но, какъ оказалось впослѣдствіи, онъ снималъ съ нихъ копіи и вновь учитывалъ.

Вмѣстѣ съ Росковшенко суду, какъ пособники преступленія, были преданы мѣщане М. Вульфсонъ и Моргулисъ.

Дѣло по обвиненію Росковшенко слушалось въ Кишиневскомъ Окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 25 — 27 октября 1885 года.

Предсѣдательствовалъ тов. предс. Зубовъ. Обвинялъ тов. прок. Дымчевскій Росковшенко защищалъ Ф. Н. Плевако.

На судѣ выяснилось, къ какимъ сдѣлкамъ приходилось прибѣгать Росковшенко для того, чтобы платить свои долги. Ему приходилось платить чудовищные проценты подъ угрозой своихъ кредиторовъ-ростовщиковъ обратить обязательства ко взысканію. Всѣ сдѣлки происходили при участіи Вульфсона.

Большинство свидѣтелей и тѣ лица, отъ имени которыхъ выдавались векселя, охарактеризовали Росковшенко какъ человѣка, сдѣлавшагося жертвой ростовщиковъ.

Еще до суда всѣ кредиторы Росковшенко были удовлетворены.

Въ своей рѣчи прокуроръ, отказавшись отъ обвиненія Моргулиса, всю тяжесть отвѣтственности за преступленія возложилъ на Росковшенко, какъ на бывшаго представителя власти, которая должна оборонять общество отъ преступленій.

Предсѣдатель въ своемъ резюмѣ подчеркнулъ выводы обвинителя и указалъ, что нѣтъ въ дѣлѣ основаній для оказанія снисхожденія Росковшенко.

Присяжные засѣдатели оправдали Моргулиса и Росковшенко и признали виновнымъ лишь Вульфсона.

Рѣчь въ защиту Росковшенко.

Г.г. судьи! Того, что видѣли и слышали вы здѣсь, того, что выяснено показаніями свидѣтелей и чистосердечнымъ признаніемъ самого подсудимаго, было бы совершенно достаточно для суда формальнаго. Преступленіе совершилось, факты безспорно установлены—и все тутъ.

Но законодатель, отдавая человѣка на вашъ судъ, на судъ общественной совѣсти, судъ общественнаго мнѣнія, имѣлъ въ виду другія цѣли. Онъ хотѣлъ, чтобы вы оцѣнили по достоинству всѣ мельчайшія детали, мельчайшія обстоятельства, сопровождавшія преступленіе.

Обвиненіе напираетъ на то, что Росковшенко занималъ такой постъ; обвиненіе негодуетъ при видѣ того, что человѣкъ одной и той же рукой писалъ обвинительные акты и дѣлалъ фальшивые векселя.

Но, господа, прежде всего я прошу васъ отрѣшиться отъ того сознанія, что вы судите надворнаго совѣтника, товарища прокурора.

Человѣкъ приходитъ въ міръ не въ мундирѣ, не съ регаліями, а въ своей обыкновенной кожѣ; онъ является на свѣтъ съ одинаковымъ расположеніемъ къ добру и злу и, если оказывается, что одно изъ этихъ началъ побѣдило, то для васъ, судей совѣсти, представляется трудная задача разсмотрѣть обстановку жизни даннаго субъекта, оцѣнить обстоятельства, сопровождавшія борьбу его со зломъ и затѣмъ паденіе.

Какъ только въ основаніе своихъ сужденій вы положите такой принципъ, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ мои взгляды не будутъ расходиться съ вашими.

Я, г.г. судьи, понимаю негодованіе, я понимаю весь ужасъ обвинителя при видѣ того, что одинъ изъ нашихъ братій по корпораціи, одинъ изъ членовъ нашей семьи, палъ такъ низко; но здѣсь я позволю себѣ для иллюстраціи разсказать весьма интересный анекдотъ.

Въ Англіи во время борьбы противъ табаку жилъ чрезвычайно талантливый проповѣдникъ; его пламенныя рѣчи, его неотразимая логика дѣйствовали на слушателей подавляющимъ образомъ.

Разъ какъ-то онъ особенно краснорѣчиво возставалъ противъ нюхательнаго табаку; многочисленные слушатели благоговѣйно внимали ему и до глубины души проникались тѣми убѣжденіями, какія приводилъ ораторъ; но вдругъ, въ самую патетическую минуту, когда напряженіе публики достигло высшихъ размѣровъ, проповѣдникъ торопливо вынулъ изъ кармана табакерку и—понюхалъ изъ нея!..

Что станете дѣлать: человѣкъ созданъ такимъ образомъ, что ни корпоративныя особенности, ни мундиръ не измѣняютъ его, и публика разсматриваетъ его только съ точки зрѣнія человѣческой природы.

Я защищаю не преступника, я защищаю несчастнаго человѣка, стыдъ и слезы котораго вы видѣли здѣсь. Я понимаю это отчаяніе, понимаю эти слезы.

Чѣмъ онъ былъ раньше, чѣмъ сталъ теперь, и какой долгій, безконечно долгій путь терзаній и ужасающихъ мученій прошелъ онъ!

Исторію его жизни вы знаете уже. Молодой, талантливый человѣкъ (онъ работалъ въ одной изъ московскихъ газетъ), онъ прошелъ ту счастливую школу, гдѣ люди рано научаются различать лѣвую сторону отъ правой.

Но онъ былъ увлекающійся человѣкъ; увлеченіе — не достоинство, но и не недостатокъ... Въ Витебскѣ онъ увлекся одной женщиной, отдавая ей все; когда же страсти охладѣли, то онъ не хотѣлъ бросить жертву своего увлеченія на произволъ судьбы: не имѣя денегъ, онъ гарантировалъ эту женщину векселями.

Это былъ первый комъ, превратившійся потомъ въ гигантскую лавину.

Пріѣхавъ въ Одессу, Росковшенко не избавился отъ витебскихъ кредиторовъ; они, какъ вы слышали здѣсь, постоянно наѣзжали къ нему въ гости, они его преслѣдовали, не давали ему минуты отдохнуть. Къ несчастію Росковшенко, въ Одессѣ на его долю выпало большое счастіе: онъ влюбился въ женщину, которая отвѣчала ему тѣмъ же и которая согласилась раздѣлить съ нимъ жизнь.

Тутъ, господа, говорили, что въ виду именно этой-то женитьбы Росковшенко могъ разсчитаться съ кредиторами; но вѣдь мы знаемъ хорошо, что женихи меньше всего любятъ разсуждать о своихъ долгахъ въ гостиной невѣсты... Конечно, онъ могъ объявить себя несостоятельнымъ, и было бы дѣло суда опредѣлить, какого свойства эта несостоятельность; однако онъ этого не сдѣлалъ, не рѣшился сдѣлать, быть можетъ, вслѣдствіе предстоящей женитьбы, а послѣ о подобной идеѣ и рѣчи не могло быть.

Между тѣмъ кредиторы, пронюхавъ о томъ, что ихъ кліентъ сдѣлался женихомъ богатой невѣсты, наступали все больше и больше; приходилось прибѣгать къ новымъ займамъ, приходилось уплачивать громадные проценты, выдавать новые векселя.

Но вотъ онъ, наконецъ, женился.

Свид. Пащенко говоритъ, что онъ совѣтовалъ ему обратиться къ къ женѣ, разсказать все откровенно.

„Только не это!“ восклицаетъ Росковшенко.

И для меня понятно подобное чувство: легко ли объявить любимой женщинѣ, что мы разорены, что у насъ ничего нѣтъ, что если ты предполагала обрѣсть со мной счастіе, покой, благоденствіе, то жестоко ошиблась въ томъ, — я принесъ въ твой домъ несчастіе, разореніе, нищету!

О, господа, немного найдется людей, которые рѣшились бы на подобную вещь: лучше преступленіе, лучше смерть, но только не это.

А тутъ еще ребенокъ, маленькая Оля, которую онъ обожаетъ,—а иногда эти годовалые глаза такъ выразительно смотрятъ!..

И вотъ, въ критическую минуту, когда дѣла приняли ужасный оборотъ, — ему предложили дать подпись на фальшивомъ векселѣ Лишина. Минута колебанія, ужасъ, а затѣмъ страшная рѣшимость...

Гдѣ есть человѣкъ, способный оцѣнить по достоинству тѣ нравственныя мученія, то состояніе вѣчнаго гнета, вѣчнаго страха, какія выносилъ Росковшенко съ того рокового момента? Онъ думалъ, что,

разъ прибѣгнувъ къ подобному средству, онъ сниметъ съ себя петлю, но ошибся. Труденъ первый шагъ. Кто летитъ по наклонной плоскости, тотъ не можетъ уже остановиться: всякая попытка сдержаться неминуемо повлечетъ за собою паденіе.

Росковшенко палъ, а вокругъ него все шло своимъ чередомъ: кредиторы не унимались; они сразу поняли, въ чемъ дѣло, и сообразно съ обстоятельствами работали. Трудно, господа, допустить, чтобы столько людей, у которыхъ Росковшенко одолжался подъ учетъ фальшивыхъ векселей, не знали этого, особенно въ томъ случаѣ, когда каждую данную минуту представлялась возможность провѣрить факты. Вѣдь ростовщикъ, разъ—два не получивъ своихъ денегъ отъ бланконадписателя, неминуемо долженъ былъ обратиться къ векселедателямъ, тѣмъ болѣе, что — они люди хорошо извѣстные въ городѣ и живутъ тутъ же въ 20 шагахъ. Какъ хотите, но я съ этимъ не соглашусь.

Напротивъ того, я убѣжденъ, что деньги давались не подъ учетъ фальшивыхъ векселей, а подъ залогъ головы Росковшенко! Ростовщики знали, что векселя подложные, но они знали также, что учитывающій ихъ — мужъ богатой жены, что въ случаѣ чего она отвѣтитъ всѣмъ своимъ состояніемъ. Судебная хроника хорошо знакома съ подобными пріемами...

Обвинитель говоритъ, что продолжительность времени, въ теченіе котораго совершалось преступленіе, доказываетъ напряженіе злой воли, доказываетъ глубокую развращенность подсудимаго.

Нисколько: здѣсь одна и та же петля лишь все больше и больше затягивалась.

Да, наконецъ, противъ кого же была направлена злая воля? Лишинъ и Пащенко не пострадали, ростовщики съ лихвою получили свое.

Законъ караетъ злую волю, но для него вовсе не безразлично знать, кто въ данномъ случаѣ является пострадавшимъ субъектомъ. Росковшенко могъ дѣлать подлогъ, могъ набивать карманъ и затѣмъ ликовать. Такъ нѣтъ же—онъ поступаетъ иначе, онъ борется, изворачивается и при первой возможности оплачиваетъ долги,—все равно, какіе бы они ни были.

Всѣ данныя дѣла отъ начала до конца доказываютъ это. Ни одинъ свидѣтель, ни одинъ кредиторъ не обмолвились ни единымъ словомъ противъ Росковшенко. Даже свид. Пащенко, показаніе котораго вовсе не обличаетъ симпатіи къ подсудимому, когда дошло дѣло до подложныхъ векселей и до обнаруженія имъ преступленія, здѣсь, передъ вами, какъ бы оправдывался, какъ бы извинялся.

И это понятно, потому что всѣ чувствуютъ, что Росковшенко—не злодѣй, не преступникъ, а несчастный человѣкъ.

Для насъ образъ дѣйствій г. Пащенко вполнѣ понятенъ: онъ вмѣстѣ съ Лишинымъ не согласился замять поднятую ими исторію только потому, что они боялись новыхъ векселей; боялись того, что ихъ можетъ всплыть цѣлая масса и тогда, пожалуй, пришлось бы поплатиться.

Росковшенко, между тѣмъ, все дѣлалъ для того, чтобы поправить зло.

Онъ—не изъ тѣхъ фарисеевъ, которые на глазахъ свѣта корчатъ добродѣтельныя рожи, а за спиною совершаютъ преступленія.

Онъ—тотъ мытарь, который съ отвращеніемъ вступилъ на ужасную дорогу и палъ подъ ударами жестокой судьбы; онъ до конца борется, борется для того, чтобы спасти свою честь.

Самъ законъ, строго карающій подобныя преступленія, дѣлаетъ различіе между человѣкомъ, воспользовавшимся плодами своей преступной дѣятельности, и тѣмъ, который ничѣмъ не поживился. По закону, напримѣръ, строго карается чиновникъ, совершившій растрату казеннаго добра; но пусть этотъ самый чиновникъ за пять минутъ до произнесенія приговора пополнитъ растрату, наказаніе ему уменьшается до minimum'a.

Законъ только не могъ регламентировать, не могъ предвидѣть всѣхъ возможныхъ въ жизни случаевъ. Опредѣливъ общее значеніе подлога, опредѣливъ наказаніе за него, законъ сужденія о существѣ преступленія, о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія оно вызвало, предоставилъ на разрѣшеніе судей совѣсти.

Возьмемъ два—три примѣра.

Составленіе подложнаго духовнаго завѣщанія съ корыстной цѣлью, денежныхъ документовъ, векселей и т. п. по закону признается подлогомъ и, несомнѣнно, заслуживаетъ строгой кары.

Ну, а если я, напр., принимаю къ себѣ гувернантку, молодую дѣвицу, у которой весьма странное имя—Голендуха (бываютъ такіе случаи), и эта гувернантка, по странному кокетству или по чему-либо другому, дѣлаетъ въ своемъ метрическомъ свидѣтельствѣ подчистку, прописывая вмѣсто Голендухи другое болѣе поэтическое имя—что скажете вы на это? Вѣдь законъ съ формальной стороны не дѣлаетъ различія; онъ какъ первый, такъ и второй случай признаетъ подлогомъ, опредѣляя за него строгое наказаніе.

Или вотъ еще примѣръ: дама 30 лѣтъ исправляетъ въ метрикѣ свои года, уменьшая ихъ (извѣстно вѣдь, что дамы въ такой возрастъ

любятъ уменьшать свои года),—неужели же вы и здѣсь признаете подлогъ и сурово накажете „преступницу“?

Я думаю, что нѣтъ.

Положимъ, что приведенные мною примѣры не совсѣмъ подходятъ къ данному случаю, но между дѣяніями Росковшенко и этими есть нѣчто аналогичное.

Росковшенко точно такъ же не извлекалъ выгоды изъ своихъ преступленій. Пользовались другіе,—пользовались кредиторы, которые сознательно давали себя обманывать, чтобы только человѣческую душу держать въ залогѣ! Современные ростовщики, это—тѣ піявки, которыя сосутъ васъ; они хуже кредиторовъ древняго Рима, бросавшихъ своихъ должниковъ въ тюрьмы, ф и з и ч е с к и мучавшихъ ихъ: наши ростовщики, это—тѣ шейлоки, которые за долгъ берутъ фунтъ человѣческаго мяса...

Печально было бы положеніе закона, печально было бы положеніе суда, призваннаго охранять интересы подобныхъ людей...

Кредиторы Росковшенко получили все, все съ лихвою, подлоги же подсудимаго имѣютъ до крайности оригинальный характеръ: имущество его перешло въ чужія руки, жена—нищая, ребенокъ—нищій, онъ самъ, опозоренный и униженный, сидитъ передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ...

Остались пока неоплаченными такіе долги, какъ, напр., Ольги Кусенко. Но вы, господа, видѣли уже, какого рода эти долги. Съ Росковшенко на одну и ту же сумму, безсовѣстно увеличенную, берутъ два обязательства.

Присяжный повѣренный Шишмановъ знаетъ, въ чемъ дѣло, и, когда къ нему обращается его постоянный кліентъ Ольга Кусенко съ просьбою предъявить искъ, то Шишмановъ, человѣкъ, очевидно, безусловно честный, отказывается вести подобное дѣло. Тогда Ольга Кусенко, раздраженная и негодующая, бросаетъ своего „благодѣтеля“, какъ она его всегда называла, и обращается къ г. Митрофану Городецкому... Съ рѣдкимъ рвеніемъ и рѣдкой горячностью послѣдній ведетъ дѣло и ведетъ его настолько энергично, что несчастнаго Росковшенко прижимаютъ къ стѣнѣ...

Гг., вы видѣли здѣсь всѣхъ „потерпѣвшихъ“, вы видѣли, что они всѣ довольны, всѣ ублаготворены, всѣ получили свое; но тутъ забыли одного гражданскаго истца,—забыли лишь одно существо, которое пострадало: забыли д о ч у р к у Росковшенко, его м а л е н ь к у ю О л ю,—только она, и она одна осталась обиженной, она одна имѣетъ право иска!..

Нельзя въ регламентъ вписать, что ты не ѣшь, когда ѣсть хочется. Обвинитель не придаетъ никакого значенія частнымъ интересамъ на ряду съ общественнымъ благомъ,—онъ предлагаетъ жертвовать ими ради этихъ послѣднихъ.

Но вѣдь я, кажется, доказалъ, что пострадавшими въ данномъ случаѣ являются только члены семьи Росковшенко,—больше потерпѣвшихъ нѣтъ; самъ онъ достаточно наказанъ, такъ неужели же мы во имя какой-то отвлеченной справедливости до конца станемъ убивать человѣка?..

Обвинитель, далѣе, не придаетъ ни малѣйшаго значенія той нравственной борьбѣ, какую вынесъ подсудимый,—онъ даже смѣется надъ его слезами, надъ слезами горя, отчаянія и стыда. Но нельзя издѣваться даже надъ человѣкомъ, сидящимъ на скамьѣ подсудимыхъ, и небезопасно—надъ тѣмъ, который не сидитъ на ней... *(Здѣсь предсѣдатель останавливаетъ защитника заявленіемъ, что никто не позволилъ себѣ издѣваться надъ подсудимымъ.)*

Подчиняюсь... Тѣмъ лучше! Я очень радъ, что изъ устъ предсѣдателя встрѣчаю опроверженіе того, что мнѣ, повидимому, послышалось...

Итакъ, вы, значитъ, видѣли совершенно искреннія слезы, а въ Писаніи сказано есть: „блаженны плачущіе — они утѣшатся!..“

XVIII.

Дѣло Азбукиной.

Дѣло Азбукиной (графини Мусиной-Пушкиной),

обв. въ подлогѣ въ актахъ о рожденіи ребенка.

Въ 1861 году Елизавета Бекманъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ незаконнаго сожительства съ графомъ В. В. Мусинымъ-Пушкинымъ вступила съ нимъ въ законный бракъ.

Во время внѣбрачной совмѣстной жизни Бекманъ дѣтей не имѣла, хотя, по по ея словамъ, за $1^1/_2$ года до брака у нея былъ выкидышъ младенца. Вскорѣ послѣ брака графиня Мусина-Пушкина стала говорить окружающимъ ее лицамъ, что она беременна. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ распространяться слухи, что беременность графини ложная, что графиня задумываетъ устроить мнимые роды, что она взяла себѣ въ услуженіе дѣвушку, которая скоро должна родить, и что этотъ ребенокъ будетъ выданъ за графскаго.

По настоянію родныхъ графа Владимира Владимировича Мусина-Пушкина, въ то время уже совсѣмъ больного, врачомъ въ началѣ мая 1862 г. производится освидѣтельствованіе графини, удостовѣряющее, что въ это время у графини признаковъ беременности не было.

Въ ночь на 27-е сентября графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ, разбудивъ прислугу, сообщилъ ей о рожденіи графиней дочери. 3 октября ребенокъ былъ крещенъ, а затѣмъ занесенъ въ метрическія книги законной дочерью графа, Александрой.

Послѣ смерти Владимира Мусина-Пушкина, черезъ пять лѣтъ по рожденіи ребенка, братъ графа, Алексѣй Владимировичъ, заявилъ судебной власти о томъ, что выдаваемый женою брата за своего ребенокъ рожденъ не ею, а находившейся въ то время у нея въ услуженіи крестьянкой Азаевой и что это сдѣланоего невѣсткой въ цѣляхъ укрѣпленія за собой имущества его покойнаго брата.

Со словъ Азаевой было выяснено слѣдующее: графиня Мусина-Пушкина, замѣтивъ ея беременность, уговорила ее отдать ей ребенка. Для родовъ ее отправили въ Москву, но съ дороги тайно отъ всѣхъ вернули и помѣстили въ сѣняхъ, рядомъ съ спальней графини, гдѣ она находилась до тѣхъ поръ, пока совершенно оправилась отъ родовъ. Рожденнаго ею ребенка у нея сейчасъ же послѣ родовъ взяли.

Графиня Мусина-Пушкина, въ то время уже вышедшая замужъ за Азбукина, сперва показала, что дочь Александра рождена дѣйствительно ею и что разсказъ Азаевой вымышленъ, затѣмъ черезъ полгода она измѣнила свое показаніе, разсказавъ, что ребенокъ рожденъ не ею, а привезенъ ея мужемъ послѣ того, какъ у нея въ Москвѣ, за недѣлю до этого случая, былъ выкидышъ, и что мужъ самъ уговорилъ ее выдать этого ребенка за своего.

Незадолго до суда и на судѣ Азбукина отказалась отъ послѣдняго объясненія, заявивъ, что дала его по уговору повѣреннаго графа А. В. Мусина-Пушкина, обѣщавшаго ей за это 100 т. руб., и поддерживала первоначальныя объясненія.

Лѣчившій графиню во время, къ которому относится подлогъ въ актахъ рожденія ребенка, врачъ показалъ, что правильнаго теченія беременности тогда у графини быть не могло въ виду ея болѣзни.

Изъ разсказовъ домашнихъ графа Мусина-Пушкина можно было заключить, что графиня въ то время симулировала беременность.

На основаніи этого Елизавета Федоровна Азбукина была предана суду по обвиненію въ подлогѣ въ актахъ о рожденіи ребенка (1441 ст. Улож. о наказ.); крестьянка Азаева и служившая у Азбукиной Федосья Семенова обвинялись въ пособничествѣ совершенному преступленію.

Дѣло это слушалось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 24 января 1873 года.

Предсѣдательствовалъ тов. пред. Щепкинъ, обвинялъ тов. прок. Демидовъ.

Гражданскій искъ со стороны графа Алексѣя Владимировича Мусина-Пушкина поддерживалъ Ф. Н. Плевако.

Защищали графиню Е. Ф. Мусину-Пушкину, по второму мужу Азбукину, прис. пов. Н. К. Рихтеръ; крестьянокъ Азаеву и Семенову—прис. пов. Ф. Г. Соловьевъ.

Всѣ подсудимыя вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей были признаны невиновными и судомъ оправданы.

Гражданскій искъ оставленъ безъ разсмотрѣнія.

Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца.

Моя задача, г.г. присяжные засѣдатели, будетъ короче задачи г. товарища прокурора: я не имѣю права, подобно ему, настаивать на томъ, что подсудимая виновна въ извѣстномъ преступленіи.

Я не имѣю въ виду добиваться той цѣли, которая принадлежитъ прокурорскому надзору,—чтобы по признаніи подсудимыхъ винов-

ными законъ наложилъ на нихъ ту кару, которая накладывается на всякаго, не уважающаго требованія закона. Къ счастью для меня, слово мое не будетъ имѣть прямою цѣлью отягощенія участи подсудимыхъ.

Въ интересахъ семейства графа Мусина-Пушкина я буду говорить объ одномъ вопросѣ: ребенокъ, котораго Елизавета Федоровна называетъ своею дочерью и дочерью своего покойнаго мужа, графа В. В. Мусина-Пушкина,—дѣйствительно ли ихъ ребенокъ и дѣйствительно ли онъ имѣетъ право войти въ это семейство и назвать членовъ его тѣми именами, которыми въ правѣ называть ихъ законная дочь В. В. Мусина-Пушкина.

Вопросъ, который возникъ по настоящему дѣлу въ семействѣ графа Мусина-Пушкина, вовсе не имущественный исключительно, какъ повидимому старался доказать вчера защитникъ Азбукиной. Если вы припомните, то дѣло это начато не тѣми лицами, которымъ особенно близки имущественные интересы послѣ покойнаго графа. Здѣсь читаны были письма кн. Меньшикова, кн. Трубецкого, Шернваль-Валлена и др., которые, благодаря родству, связаны съ Мусиными-Пушкиными. Эти лица первыя начали это дѣло, въ которомъ они не имѣли никакого имущественнаго интереса; они первыя заинтересовались вопросомъ, дѣйствительно ли у В. В. Мусина-Пушкина родилась дочь.

Такимъ образомъ невѣрно то положеніе, которое, повидимому, проводилось во время судебнаго слѣдствія,—что дѣло это обязано своимъ происхожденіемъ только желанію потерпѣвшаго отъ преступленія, гражданскаго истца графа А. В. Мусина-Пушкина, воспользоваться состояніемъ брата.

Напротивъ, переписка по этому дѣлу началась давно, еще при жизни В. В. Мусина-Пушкина, началась благодаря слухамъ о томъ, что графиня Мусина-Пушкина ложно выдаетъ себя беременною. Слухи не представляютъ, конечно, вѣрнаго доказательства какого-нибудь событія, но, съ другой стороны, со слуховъ начинаются свѣдѣнія о всякомъ мало-мальски достовѣрномъ событіи. Если дѣйствительно графиня Елизавета Федоровна принимала разнаго рода мѣры, чтобы сообщить ложныя свѣдѣнія о своей беременности, то, конечно, подобныя мѣры прежде всего должны были быть извѣстны прислугѣ, далѣе—тѣмъ лицамъ, съ которыми прислуга перешептывалась, и затѣмъ слухи пошли далѣе, при чемъ къ нимъ прибавлялось много недостовѣрнаго, недѣйствительнаго.

На эту недостовѣрность многаго и указываетъ кн. Меньшиковъ въ своемъ показаніи. Какъ вы помните, онъ сообщалъ много свѣ-

дѣній и частью самъ называлъ ихъ такими, которымъ особенно вѣрить нельзя.

Но что было однообразнаго во всѣхъ слухахъ, исходившихъ изъ мѣстности Клинскаго уѣзда, гдѣ жили Мусины-Пушкины, это—то, что графиня не беременна, что матерью она не будетъ и старается сообщить невѣрныя свѣдѣнія о своей беременности. Подобные слухи волновали родню Мусина-Пушкина, и ими-то объясняются дальнѣйшія дѣйствія.

Конечно, слухи, распространяющіеся въ извѣстной мѣстности, не всегда заслуживаютъ довѣрія; если, напримѣръ, про лицо, которое мы особенно уважаемъ, распространяется слухъ обидный для него, то мы нисколько не повѣримъ этому слуху; напротивъ, мы скорѣе повѣримъ слуху о такомъ человѣкѣ, котораго считаемъ способнымъ къ дѣйствію, приписываемому ему.

Родственники графа Мусина-Пушкина повѣрили слухамъ объ Елизаветѣ Федоровнѣ по другимъ обстоятельствамъ, которыя сопровождали настоящее дѣло. До ихъ свѣдѣнія доходилъ тотъ неоспоримый фактъ, что графиня до замужества нѣсколько лѣтъ жила въ домѣ В. В. Мусина-Пушкина, что между ними были извѣстныя отношенія, которыя только впослѣдствіи освятились таинствомъ брака, что у Елизаветы Федоровны во все это время не было дѣтей и что причина этого заключалась въ болѣзни графини.

Показалось страннымъ, почему же въ теченіе пяти лѣтъ до 1861 года больная женщина ни разу не рожала, а затѣмъ, вступивъ въ бракъ, сдѣлалась такъ счастлива, что въ теченіе 19 мѣсяцевъ принесла двухъ дѣтей—дочь Александру и сына Владимира.

Сомнѣніе родственниковъ графа Мусина-Пушкина росло еще и потому, что они знали В. В. за человѣка больного. Изъ судебнаго слѣдствія видно, что онъ передъ рожденіемъ дѣвочки Александры находился на излѣченіи у доктора, а затѣмъ впослѣдствіи Сенатъ призналъ его человѣкомъ умственно разстроеннымъ, и надъ нимъ назначена была опека.

Вся эта совокупность обстоятельствъ вела къ тому предположенію, что врядъ ли у Елизаветы Федоровны могли быть дѣти.

Съ другой стороны, было понятно ея желаніе имѣть дѣтей. Дѣло въ томъ, что положеніе вдовы при отсутствіи дѣтей довольно незавидное: она получаетъ весьма незначительную долю изъ состоянія мужа; если же послѣ умершаго супруга есть дѣти, то все имѣніе остается въ семьѣ.

Сомнѣніе родственниковъ повело къ тому, что графиня Мусина-

Пушкина была освидѣтельствована докторомъ Гартманомъ. Замѣтьте, что это освидѣтельствованіе произведено было при жизни покойнаго В. В. Послѣднее замѣчаніе я дѣлаю для того, чтобы до извѣстной степени ослабить то соображеніе, которое высказано вчера противною стороною,—что не началось ли преслѣдованіе Елизаветы Федоровны собственно изъ желанія, чтобы называемое ея дочерью дитя не было признано таковымъ со стороны суда и не воспользовалось имуществомъ, оставшимся послѣ смерти В. В. Если бы дѣйствительно дѣло это началось послѣ смерти В. В., то подобное соображеніе могло бы имѣть мѣсто, но мы видимъ, что еще при жизни покойнаго графа были предпринимаемы мѣры, которыя могли привести къ положительному или отрицательному рѣшенію вопроса, возникшаго у родственниковъ Мусина-Пушкина.

А. В. Мусину-Пушкину дѣло досталось такъ сказать только въ наслѣдство,—онъ продолжаетъ начатое другими и для этого имѣетъ два интереса: если ребенокъ этотъ—не дочь его брата, то состояніе послѣдняго пойдетъ не къ этому ребенку, а туда, куда слѣдуетъ по закону, т.-е къ А. В. Мусину-Пушкину. Но кромѣ этого интереса есть другой, болѣе важный: если этотъ ребенокъ—не дочь его покойнаго брата, то, конечно, для него тяжело навязываніе ему въ родню человѣка совершенно чужого, для него тяжело, чтобы ребенокъ, не принадлежащій его покойному брату, считался его племянницею.

Вотъ этотъ вопросъ, болѣе, чѣмъ имущественный, долженъ занимать семейство Мусина-Пушкина, и, вѣроятно, именно этотъ вопросъ заставлялъ принимать тѣ или другія дѣйствія, о которыхъ мы слышали въ перепискѣ родственниковъ Мусина-Пушкина, носящихъ другія фамиліи. Тѣ лица вовсе не заинтересованы здѣсь имущественно, но они не менѣе графа А. В. были заняты вопросомъ, что же это въ самомъ дѣлѣ, родственница ихъ или нѣтъ, слѣдуетъ ли ее ввести въ свой домъ или слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на чужую, о которой должны заботиться лица, связанныя съ нею естественною связью.

Для разрѣшенія этого вопроса вчерашнее слѣдствіе представило тѣ или другія данныя. Конечно, прежде всего приходится разрѣшить этотъ вопросъ такимъ образомъ, что, если по какимъ-нибудь даннымъ, имѣющимся въ дѣлѣ, оказывается, что Елизавета Федоровна не въ состояніи была никогда быть матерью по какимъ-нибудь физическимъ недостаткамъ, то и сомнѣнія быть не можетъ,—тогда очевидно, что дитя, о которомъ идетъ рѣчь, не ея.

Но въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ такихъ безусловныхъ данныхъ, которыя бы давали право дѣлать заключеніе, благопріятное для граж-

данскаго истца. Мы только знаемъ, что графиня была больна извѣстною женскою болѣзнью, которая препятствовала правильной беременности, но не исключала безусловно возможности ея. Такъ сказалъ намъ экспертъ по выслушаніи мнѣнія о болѣзни графини доктора, лѣчившаго ее, и петербургскаго доктора, свидѣтельствовавшаго ее.

Тотъ же петербургскій докторъ далъ свѣдѣніе по болѣе близкому намъ вопросу: если графиня *могла* быть беременна, то *была* ли она въ маѣ въ такомъ положеніи, что ребенокъ, рожденный ею въ сентябрѣ, принадлежитъ ей. Судя по тому, что въ маѣ онъ никакихъ признаковъ беременности не нашелъ, слѣдуетъ думать, что беременности или вовсе не было или была только въ самомъ началѣ.

Экспертъ, выслушавъ вчера мнѣніе Гартмана, сказалъ, что должно быть что-нибудь изъ двухъ: или графиня дѣйствительно въ сентябрѣ родила дочь и тогда въ маѣ у нея должны были быть признаки беременности, которыхъ не могъ не распознать докторъ, или, если докторъ не распозналъ ихъ, то графиня или вовсе не была беременна, или могла родить въ сентябрѣ только преждевременно. Но указаній на то, что въ сентябрѣ родился преждевременно ребенокъ нездоровый, неспособный къ жизни, мы въ дѣлѣ не находимъ; напротивъ, изъ того факта, что ребенка послѣ рожденія цѣлый мѣсяцъ не крестили и, слѣдовательно, не усматривали, чтобы его жизнь была въ опасности, видно, что ребенокъ, вѣроятно, былъ совершенно доношенный, а въ такомъ случаѣ, принимая во вниманіе свидѣтельство Гартмана, надо думать, что матерью этого ребенка была не та женщина, которая въ маѣ не имѣла признаковъ беременности, соотвѣтствующихъ четвертому мѣсяцу.

Оспаривая свидѣтельство Гартмана, защитникъ Азбукиной говоритъ, что въ этомъ свидѣтельствѣ есть маленькая несообразность: если бы дѣйствительно Гартманъ въ маѣ не нашелъ у графини никакихъ признаковъ беременности, то она не рѣшилась бы такъ рано, именно въ сентябрѣ, назвать чужого ребенка своимъ.

Но не забудьте, что графиня избрала для этого тотъ день, который былъ днемъ родовъ женщины, согласившейся отдать ей своего ребенка. Графиня, не стѣсняясь свидѣтельствомъ Гартмана, должна была заявить о рожденіи будто бы ею ребенка именно въ тотъ день, когда разрѣшилась отъ бремени Фекла Азаева, иначе ей никто не повѣрилъ бы, если бы она объявила о своихъ родахъ, положимъ, въ ноябрѣ и показала ребенка, рожденнаго два мѣсяца назадъ.

Вотъ данныя, которыя относятся собственно къ медицинской сторонѣ дѣла.

Но для разрѣшенія вопроса, чей этотъ ребенокъ, мы имѣемъ еще другія свѣдѣнія, данныя намъ еще другими подсудимыми.

Фекла Азаева и Федосья Семенова утверждаютъ, что ребенокъ, называемый Александрою Мусиною-Пушкиной, на самомъ дѣлѣ рожденъ Азаевою. Вѣрить или не вѣрить этому сознанію—это дѣло вашей совѣсти; я съ своей стороны считаю нужнымъ указать, что есть достовѣрнаго въ этомъ сознаніи.

Фекла Азаева указываетъ то мѣсто въ домѣ Мусина-Пушкина, гдѣ она разрѣшилась отъ бремени. Присутствіе такого мѣста въ домѣ послѣ многочисленныхъ разспросовъ свидѣтелей не опровергнуто. Федосья Семенова говоритъ, что она присутствовала при родахъ Азаевой.

Вамъ, можетъ быть, покажется сомнительнымъ, какимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней роженица и бабка могли быть скрыты въ домѣ такъ, чтобы ихъ никто не замѣтилъ. Противъ этого сомнѣнія я укажу на то, что передача ребенка была тайной, которую запрещалось разглашать, и приняты были всѣ средства къ тому, чтобы постороннія лица не узнали тайны.

Вотъ данныя, по которымъ можно вѣрить показанію Азаевой.

Правда, противъ этого показанія мы имѣемъ показанія другихъ свидѣтелей. Такъ, священникъ говорилъ, что самъ графъ называлъ ребенка своимъ. Въ прочитанномъ показаніи умершей бабушки мы слышали также, что графъ назвалъ ребенка своимъ и сказалъ, что самъ его принялъ.

Но является страннымъ, что у женщины больной, которая постоянно страдала извѣстными недостатками, оказались роды настолько благополучными, что бабка вовсе не нужна была. Ни бабка, ни священникъ не были при самыхъ родахъ и потому не могутъ утверждать, что ребенокъ рожденъ былъ дѣйствительно графинею. Что же касается до словъ графа, то имъ можно придать и такое значеніе, что, быть можетъ, графъ самъ соизволилъ на то, чтобы чужой ребенокъ получилъ его имя, чтобы впослѣдствіи, послѣ его смерти, семейство его, состоящее изъ жены и дочери, было защищено отъ всякаго посторонняго вліянія, чтобы никто другой не могъ поднять руку на имущество его.

Во время судебнаго слѣдствія противная сторона возбуждала вопросъ о томъ, съ какою цѣлью графиня, желая обмануть мужа, привезла его въ деревню ко времени своихъ родовъ, не слѣдовало ли ей, напротивъ, радоваться, что мужъ находится въ Петербургѣ, и письменно сообщить ему о разрѣшеніи отъ бремени.

Но если бы графъ, имѣя возможность сомнѣваться въ дѣйствительности родовъ, находился бы во время ихъ за 700 верстъ отъ графини, то сомнѣніе его не разрѣшилось бы. Если же графъ видитъ рожденнаго ребенка и не знаетъ, что другая женщина только что разрѣшилась отъ бремени въ его домѣ, онъ скорѣе могъ поддаться обману, чѣмъ если бы въ Петербургѣ узналъ о родахъ графини.

Для разрѣшенія вопроса, чей этотъ ребенокъ, нѣкоторыя данныя можетъ дать и объясненіе предполагаемой матери ребенка. Вы слышали, что ребенокъ этотъ находится въ пансіонѣ. Правда, со стороны бывшей графини Мусиной-Пушкиной было заявлено, что ее не допускаютъ къ ребенку, но до извѣстной степени позволительно сомнѣваться въ этомъ. Графиня могла бы представить данныя, по которымъ видно было бы, что она прилагала усилія повидаться съ ребенкомъ и этимъ усиліямъ противодѣйствовала чья-нибудь рука. Но этихъ данныхъ не представлено, и намъ остается остановиться на другомъ фактѣ, котораго не оспариваетъ и сама подсудимая,—что ребенокъ отданъ на воспитаніе по ея просьбѣ и что она по отношенію къ этому ребенку ничѣмъ не осуществила естественныхъ правъ и привязанностей, которыя существуютъ между дѣйствительною матерью и дѣтьми.

Въ дополненіе къ объясненію, представленному прокурорскимъ надзоромъ для разрѣшенія вопроса, чей это ребенокъ, я упомянулъ обо всемъ томъ, что осталось у меня въ памяти. Цѣль всѣхъ моихъ объясненій—просить васъ разрѣшить сомнѣніе, дѣйствительно ли этотъ ребенокъ рожденъ въ бракѣ графа Мусина-Пушкина съ Елизаветою Федоровною или рожденъ совершенно постороннею женщиною. Это составляетъ главное требованіе наше, отъ котораго дальнѣйшее зависитъ, какъ слѣдствіе отъ причины.

Вопросъ этотъ поднимается потому естественно, что въ семействѣ Мусина-Пушкина существуетъ сильное убѣжденіе, что здѣсь кроется обманъ. Если бы судъ сказалъ, что дѣйствительно этотъ ребенокъ Елизаветы Федоровны и Мусина-Пушкина, то всѣ сомнѣнія устранятся. Мы не желаемъ во что бы то ни стало добиваться, чтобы ребенокъ былъ признанъ незаконнымъ, чтобы слѣдущее ему послѣ отца состоянія непремѣнно возвратилось къ брату.

Я не спорю и не имѣю права спорить противъ того, что священное право матери на ребенка и святое право ребенка назвать эту женщину, если только она мать его: „ты, моя родная“,—есть такое великое право, предъ которымъ всѣ посторонніе интересы должны отойти на задній планъ и, если вы найдете возможнымъ сказать, что

ребенокъ этотъ рожденъ дѣйствительно Елизаветой Федоровной, то, конечно, и говорить нечего, что было бы странно, было бы жестоко съ нашей стороны настаивать на томъ, чтобы этотъ фактъ былъ отрицаемъ.

Но, съ другой стороны, если обстоятельства убѣдятъ васъ, что этотъ ребенокъ не рожденъ Елизаветой Федоровной, а принесенъ со стороны, то тогда подъ вліяніемъ сожалѣнія къ участи ребенка не дерзайте произнести рѣшенія, которымъ, вопреки очевидности, вы назвали бы эту женщину матерью того ребенка: искусственно создавъ между ними родственную связь, вы не дадите ребенку счастья, которое даетъ естественная связь между матерью и дѣтьми. Искусственный союзъ не приводитъ къ счастью. Вы, другой, третій судъ можете заставить эту женщину называться матерью ребенка, можете заставить ребенка считать эту женщину своею матерью, но, если они въ самомъ дѣлѣ не стоятъ въ родственныхъ отношеніяхъ, то союзъ этотъ будетъ союзъ навязанный, насильственный, и несмотря на то, что благодаря вашему рѣшенію ребенокъ пойдетъ рука объ руку съ этой женщиной, онъ останется навсегда сиротой.

Поэтому я прошу васъ разсмотрѣть всѣ обстоятельства настоящаго дѣла и разрѣшить стародавнее сомнѣніе, которое зародилось въ семействѣ графа Мусина-Пушкина: ребенокъ, котораго Елизавета Федоровна называетъ своею дочерью, дѣйствительно ли рожденъ ею отъ покойнаго Мусина-Пушкина, или онъ взятъ со стороны, принадлежитъ кому-нибудь третьему.

И тогда отдайте его этому третьему, который имѣетъ на него болѣе правъ, чѣмъ тѣ, которые стараются теперь доказать свои права...

XIX.

Дѣло Гаврилова и Беклемишева.

Дѣло Гаврилова и Беклемишева,

обв. въ поддѣлкѣ билетовъ Государственнаго Казначейства.

Въ маѣ и іюнѣ 1865 г. въ Харьковѣ и другихъ городахъ Харьковской губ. обнаружено было обращеніе въ большомъ количествѣ поддѣльныхъ государственныхъ серій. Въ самомъ началѣ разслѣдованія этого преступленія было установлено, что главнымъ сбытчикомъ серій былъ Іоахимъ Щипчинскій, жившій въ гор. Изюмѣ, Харьковской губ. Тогда же было раскрыто мѣсто приготовленія серій — дер. Варваровка, Изюмскаго уѣзда. Въ этой деревнѣ были найдены необходимыя для приготовленія серій машины. Въ ней одно время тайно проживалъ Щипчинскій.

Щипчинскій, изобличенный въ поддѣлкѣ серій, сознался и какъ на участниковъ этого преступленія указалъ на цѣлый рядъ лицъ, которыя были преданы суду. Среди нихъ не было ни Гаврилова, ни Беклемишева.

Впервые указаніе на ихъ роль въ поддѣлкѣ серій было сдѣлано арестованнымъ и затѣмъ судившимся по этому дѣлу изюмскимъ предводителемъ дворянства Солнцевымъ. Онъ, разсказывая о виновникахъ преступленія, Гаврилова и Беклемешева выдвинулъ, какъ вдохновителей и главныхъ дѣятелей этого преступленія

По его оговору дѣло о Гавриловѣ было въ разсмотрѣніи дореформенныхъ судебныхъ мѣстъ и доходило до Государственнаго Совѣта, который и призналъ его не виновнымъ, и это мнѣніе Совѣта утвердилъ Государь. И только впослѣдствіи, когда явились обстоятельства, очень серьезно уличавшія Гаврилова и Беклемишева въ приписывавшемся имъ преступленіи, они были переданы Харьковскому Окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Такими обстоятельствами явились прежде всего показанія лицъ, уже обвиненныхъ по этому дѣлу.

Еще за 3 года до раскрытія преступленія одинъ изъ осужденныхъ, Витанъ, писалъ, что готовится преступленіе — поддѣлка государственныхъ билетовъ и что его душой является Гавриловъ.

Другіе обвиняемые, Гудковъ и Зебе, разсказали, что еще во время нахожденія ихъ подъ стражей, въ тюрьмѣ, до слушанія дѣла, Гавриловъ и Беклеми-

шевъ подкупили ихъ, чтобы они ихъ не оговаривали. Этотъ разсказъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ фактовъ.

Кромѣ показаній обвиняемыхъ, въ дѣлѣ были установлены сношенія Гаврилова и Беклемишева со многими лицами, осужденными по дѣлу о поддѣлкѣ серій. Было доказано рядомъ письменныхъ документовъ, что Гавриловъ и Беклемишевъ участвовали въ покупкѣ машинъ, въ посылкѣ для этой цѣли денегъ, въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ по вопросу о поддѣлкѣ серій.

Самыя машины найдены были въ амбарѣ въ имѣніи Гаврилова.

По этимъ даннымъ Гавриловъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго въ поддѣлкѣ серій.

На судебномъ слѣдствіи было установлено, что Гавриловъ былъ человѣкомъ очень состоятельнымъ, что ему предстояла большая карьера и что никакихъ побудительныхъ причинъ къ совершенію означеннаго преступленія у него быть не могло.

Дѣло о Гавриловѣ и Беклемишевѣ слушалось въ Харьковскомъ Окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 14—23 декабря 1872 г., черезъ 7 лѣтъ послѣ совершенія преступленія.

Предсѣдательствовалъ тов. предс. В. И. Анненковъ. Обвиненіе поддерживалъ тов. прок. Монастырскій. Защищали: Беклемишева — прис. пов. Громницкій; Гаврилова—пом. прис. пов. Аненковъ и Ф. Н. Плевако.

Присяжные засѣдатели обоихъ подсудимыхъ признали виновными въ приписываемомъ имъ преступленіи и дали имъ снисхожденіе.

На основаніи этого вердикта судъ приговорилъ П. С. Гаврилова и А. И. Беклемишева къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 4 года каждаго, постановивъ ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ этого наказанія лишеніемъ особенныхъ правъ и ссылкѣ въ Иркутскую губ.

Рѣчь въ защиту Гаврилова.

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели!

По естественному праву, которое принято нашимъ закономъ, подсудимый, прежде чѣмъ вы произнесете приговоръ о его винѣ или невинности, можетъ требовать, чтобы избранная имъ защита указала вамъ въ дѣлѣ на всѣ тѣ данныя, которыя или оправдываютъ его, или значительно ослабляютъ тѣ основанія, доводы и улики, которые только что вы изволили выслушать въ обвинительной рѣчи г. прокурора.

Только въ этихъ предѣлахъ слово защитника и будетъ вѣрно своему назначенію. Только въ этихъ предѣлахъ онъ исполнитъ то,

чего ожидаетъ отъ него общество и чего въ правѣ ожидать и самъ подсудимый.

Думается, что, по крайней мѣрѣ, не ко мнѣ относится предвидѣніе прокурорскаго надзора, что защита будетъ, въ виду болѣзни и тяжкихъ страданій подсудимаго, а также и другихъ причинъ, взывать къ вамъ о невмѣненіи того преступнаго дѣянія, за которое подсудимый преданъ въ настоящее время вашему суду. И болѣзни, и тяжкія страданія имѣютъ значеніе смягчающихъ обстоятельствъ, и если защита указываетъ на нихъ, какъ на таковыя, то все-таки она остается на почвѣ закона, и мы упрека на себя въ этомъ отношеніи не принимаемъ; о болѣзняхъ же и страданіяхъ, какъ о причинѣ невмѣненія, вы отъ меня, гг. присяжные, не услышите.

Всякая защита, правильно исполняющая свое призваніе, должна указать на доводы двухъ родовъ. Перваго рода доводы — тѣ, которые она лично выноситъ изъ дѣла, въ которыхъ лично убѣждена.

Но бываютъ случаи, что, независимо отъ этого, одинъ и тотъ же рядъ фактовъ указываетъ на два вывода: конечно, при этомъ, одинъ — болѣе вѣроятный и другой — менѣе вѣроятный, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ полезнѣе для подсудимаго. Тогда защита, независимо отъ того, убѣждена она или неубѣждена въ этомъ выводѣ, должна не упустить его изъ вниманія, ибо ея главная цѣль — содѣйствовать, по возможности, правильному произнесенію приговора, а для этого необходимо всестороннее разсмотрѣніе предмета.

Вотъ чѣмъ ограничивается право защиты и чѣмъ исчерпывается ея обязанность предъ подсудимымъ.

Обращаясь къ дѣлу въ этихъ предѣлахъ, я пойду немного не тѣмъ путемъ, какъ обвиненіе. Обвиненіе начинаетъ свой путь отъ момента, когда возникаетъ преступленіе, со времени, когда зародилась преступная идея. Затѣмъ оно разсматриваетъ, какъ приготовили людей для этого и, вообще, какъ приступили къ нему, какъ послѣ этого преступники пользовались плодами этого преступленія, затѣмъ, какъ это преступленіе обнаружилось, какъ люди потерялись, стали трусить и разбѣжались, какъ послѣ этого пошло слѣдствіе, какъ во время слѣдствія виновные давали тѣ и другія показанія, желая избѣгнуть той участи, которая имъ грозила, и достигнуть болѣе благопріятныхъ для себя результатовъ при постановкѣ приговора.

Этотъ путь противорѣчитъ пріему, которымъ успѣшно разрѣшается задача, предложенная человѣку: этотъ путь идетъ отъ неизвѣстнаго къ извѣстному.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ узнать, когда возникла идея или преступ-

ный замыселъ по настоящему дѣлу? Этого не разрѣшить, пока не узнаешь многаго, что совершилось позднѣе.

Въ эту минуту, когда мы сидимъ въ судѣ, можетъ быть, въ этомъ городѣ возникаетъ рядъ самыхъ преступныхъ замысловъ, но ихъ намъ не узнать, какъ бы ни были бдительны чиновники, охраняющіе безопасность. Когда же умыселъ переходитъ въ дѣло, когда мысль даетъ движеніе рукамъ, языку, тогда становится извѣстнымъ задуманное, съ этого момента открывается поле дѣятельности властямъ, предупреждающимъ и карающимъ, и отъ самой лучшей администраціи мы не въ правѣ требовать ничего болѣе.

А если это такъ, то объ умыслѣ, объ идеѣ преступленія мы можемъ заключать и догадываться, когда уже изучили внѣшнее проявленіе зла, когда познакомились съ нимъ по извѣстнымъ фактамъ, — только тогда мы можемъ переходить и къ неизвѣстному и не надѣлать неосновательныхъ предположеній и промаховъ.

Въ данномъ дѣлѣ правосудіе натолкнулось на преступленіе именно въ такомъ же порядкѣ. Только тогда, когда появились въ обращеніи фальшивыя серіи, когда лица, въ руки которыхъ онѣ попали, донесли о ихъ фальшивости, — только тогда правосудіе и общество узнали о шайкѣ преступниковъ, окружавшихъ насъ, узнали затѣмъ о мѣстѣ фабрикаціи, объ участвующихъ лицахъ и получили возможность заглянуть въ то отдаленное отъ правосудія время, когда мысль о преступленіи возникла у злодѣевъ.

Пойдемъ и мы изслѣдовать это дѣло съ момента появленія серій и только тогда, когда фактъ преступленія будетъ изученъ, перейдемъ къ тому, что предшествовало выпуску фальшивыхъ денегъ, — къ работѣ, приготовленію и идеѣ, и къ тому, что слѣдовало за совершившимся зломъ, — сокрытію слѣдовъ преступленія и къ манерѣ, какъ держали себя лица, участвовавшія и заподозрѣнныя.

Само собой разумѣется, вы согласитесь со мной, что преступленіе, въ родѣ настоящаго, не совершается безцѣльно, не бываетъ искусствомъ ради искусства. Воръ крадетъ не потому, чтобы ему нравилась к р а ж а, а потому, что ему нравится п о к р а д е н н о е. Въ дѣлѣ поддѣлки бумагъ виновники рѣшаются на опасное занятіе не изъ артистическаго желанія добиться искусства сдѣлать копію равной настоящему образцу, не изъ соревнованія съ мастерами комиссіи заготовленія государственныхъ бумагъ, а ради той выгоды, которую они надѣются получить, ради обогащенія безъ труда и законнаго основанія, ради благъ міра, къ которымъ имъ дастъ доступъ фальшивая бумажка, принятая за настоящую.

Въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1865 г. появляются въ обращеніи серіи фальшивой фабрикаціи. Одна изъ нихъ попала въ руки Мессерова. Попала ли она къ нему отъ Беклемишева, а къ Беклемишеву случайно,—это разъяснитъ вамъ его защитникъ. Я напоминаю всѣ прежніе случаи: серіи у градскаго головы Быстровскаго, серіи, найденныя у г. Житинскаго, заложенныя учрежденію, отъ имени котораго передъ вами—гражданскій истецъ... Путь, какимъ дошли до нихъ серіи, извѣстенъ. Всѣ они сходятся въ рукахъ Щипчинскаго, чего не отвергаетъ и онъ. Слѣдствіе, несмотря на тщательность изысканій, на сильныя средства, которыми оно располагало, несмотря на то, что свѣдѣнія ему доставлены даже изъ-за предѣловъ Россіи, напримѣръ изъ Рима, несмотря на продолжительный періодъ времени, какой прошелъ съ начала дѣла по настоящій часъ,—не представило ни одной фальшивой бумаги варваровской работы, которая была бы пущена въ обращеніе моимъ кліентомъ или прошла бы черезъ его руки.

Итакъ Гавриловъ не несетъ на себѣ подозрѣнія в ъ с б ы т ѣ ни одной фальшивой серіи. Сбываемыя Щипчинскимъ, онѣ не касались его. А если это такъ, то для полнаго, законченнаго представленія о преступленіи, въ которомъ обвиняютъ Гаврилова, недостаетъ важнаго условія,—недостаетъ того, для чего преступленіе дѣлается, недостаетъ пользованія плодами своего дѣла.

Этими соображеніями я добиваюсь не смягченія участи подсудимаго, не воспользовавшагося своимъ преступленіемъ,—нѣтъ: я думаю, что этотъ доводъ — отсутствіе доказательствъ, чтобы серіи были въ рукахъ Гаврилова и выпускались изъ его рукъ—даетъ основаніе предполагать, что Гавриловъ былъ къ дѣланію фальшивыхъ монетъ въ Варваровкѣ непричастенъ.

Гдѣ появляются серіи? Въ Харьковѣ и Изюмѣ. О к о л о Изюма живетъ Гавриловъ, в ъ Изюмѣ—Щипчинскій.

По общему правилу, подтверждаемому наблюденіемъ, преступникъ, если онъ дорожитъ тою мѣстностью, гдѣ живетъ, если крѣпко связанъ съ ней и нелегко ему съ ней разстаться, изъ чувства самосохраненія, для отклоненія подозрѣнія, сбываетъ гдѣ-нибудь д а л е к о плоды своего преступленія. Такъ, фальшивыя деньги, приготовлявшіяся въ притонахъ около Москвы шайками, нынѣ побѣжденными правосудіемъ, сбывались на ярмаркахъ на востокѣ Россіи. Преступникъ знаетъ, что рано ли, поздно ли, мнимое достоинство денежныхъ знаковъ открывается, и люди припоминаютъ, кто и когда имъ далъ ихъ; вотъ почему ему важно быть далеко отъ мѣста сбыта, чтобъ путь затерялся для изслѣдованія.

Если бы Гавриловъ самъ приготовлялъ серіи и пользовался плодами этого дѣла, онъ бы никоимъ образомъ въ Изюмѣ не сбывалъ ихъ; а сбывало ихъ такое лицо, которое, будучи преступно, въ то же время не было привязано къ той мѣстности, не имѣло особенныхъ причинъ тамъ оставаться,—это былъ человѣкъ гулевой, которому все равно, гдѣ бы ни быть,—нынче въ Харьковѣ, завтра гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Такимъ человѣкомъ по характеру, по бездолжности, по отсутствію средствъ къ жизни, является Щипчинскій.

Посмотримъ, какія въ дѣлѣ имѣются данныя для обвиненія Гаврилова въ участіи его въ самомъ дѣланіи этихъ бумагъ? Фактъ, что фальшивыя серіи дѣлались въ Варваровкѣ,—въ селеніи, стоящемъ на пути изъ Бахмута въ Харьковъ,—признанъ. Но ни одинъ изъ допрошенныхъ подсудимыхъ, ранѣе осужденныхъ по этому дѣлу, несмотря на свой оговоръ Гаврилова,—ни Солнцевъ, ни Щипчинскій, ни Зебе, ни кто другой, не подтвердили ни единымъ словомъ, а напротивъ, положительно отвергнули, чтобы Гавриловъ пріѣзжалъ въ Варваровку, тогда какъ они весьма подробны въ прочихъ своихъ показаніяхъ.

Отсутствіе Гаврилова на томъ мѣстѣ, гдѣ совершается преступленіе, можетъ объясниться другимъ мотивомъ, мотивомъ тоже довольно вѣроятнымъ,—мотивомъ, что всякое лицо, имѣющее средства пріобрѣсти плоды преступленія путемъ загребанія жара чужими руками, не станетъ самъ пребывать на опасномъ мѣстѣ,—мотивомъ, который совмѣстенъ съ понятіемъ объ осторожности того преступника, который задумалъ извѣстное дѣяніе.

Если этотъ мотивъ принятъ, то надо же провести его по всему дѣлу.

Но обвиненіе само постоянно указываетъ на отсутствіе осторожности въ Гавриловѣ. Обвиненіе находитъ два раза машины въ домѣ Гаврилова, видитъ, что деньги посланы въ Одессу Масленникову для покупки машины Гавриловымъ же, и, вѣря этимъ документамъ, выставляетъ ихъ какъ доказательство, что Гавриловъ принималъ участіе. Если таковъ Гавриловъ, то тогда соображенія обвинителя о томъ, что въ Варваровкѣ Гавриловъ не былъ изъ предосторожности, идетъ въ разрѣзъ съ характеромъ этого же самаго лица во время покупки средствъ преступленія, съ характеромъ черезчуръ открытымъ и откровеннымъ.

Есть только одинъ документъ и одно показаніе, которые могутъ считаться обвинительною властью уликою.

Изъ показанія оговорщика Зебе видно, что въ Варваровкѣ сначала

дѣлали 50-р. бумажки, и, когда дѣланіе ихъ не удалось, тогда Щипчинскій ѣдетъ въ Харьковъ совѣтоваться съ Беклемишевымъ о томъ, чтобы 50-р. бумажки отложить въ сторону и заняться серіями, на что нужно было получить его разрѣшеніе. Къ этому времени относятъ телеграмму, въ которой Беклемишевъ даетъ знать въ Бахмутъ Гаврилову, что въ Варваровкѣ дѣло о поддѣлкѣ улажено, но самому Гаврилову не совѣтуетъ ѣхать въ Варваровку, и затѣмъ уже говоритъ о постороннихъ вещахъ.

Если бы была такая телеграмма, которою бы увѣдомлялся Гавриловъ о невыѣздѣ въ Варваровку, тогда это былъ бы фактъ рѣшительный, несомнѣнный. Но такой телеграммы въ самомъ дѣлѣ нѣтъ

Вотъ текстъ, на который ссылаются: „Былъ Щигровъ, улажено, куда-то не ѣздить, повидайтесь съ Соболевымъ. Номеръ косилки".

Сама по себѣ телеграмма не даетъ никакого понятія о своемъ содержаніи и не можетъ вести ни къ какому выводу. Тогда прибѣгаютъ къ толкованію. Не маги или книжники, а тѣ же оговорщики, Гудковъ Зебе и пр., берутъ на себя роль толковниковъ.

И вотъ что происходитъ: Зебе утверждаетъ, что Щипчинскій ѣздилъ къ Беклемишеву совѣтоваться о серіяхъ. Беклемишевъ это отвергаетъ. Слова Беклемишева подтверждаетъ Щипчинскій. Чтобы опровергнуть Щипчинскаго и Беклемишева, Зебе опирается на телеграмму и съ авторитетомъ утверждаетъ, что „Щигровъ" значитъ Щипчинскій; „дѣло улажено", — значитъ вмѣсто ассигнацій будутъ дѣлать серіи.

То же мнѣніе поддерживаютъ ученые Гудковъ и Солнцевъ. Между ними, какъ настоящими учеными, кромѣ общаго мнѣнія, есть и разногласіе. Гудковъ и Зебе слово „Соболевъ" переводятъ словомъ „Шаховъ", а Солнцевъ видитъ въ этомъ свою собственную фамилію. Мнѣніе авторитетное и подъ рукой Гудкова, Зебе и Солнцева изъ телеграммы создается страшная улика, подтверждающая оговоръ Зебе.

Но я позволю себѣ усомниться въ силѣ этой улики и обращу ваше вниманіе на то, что сразу роняетъ цѣну ея. Оговоръ Зебе не подтвердился Щипчинскимъ, отвергнутъ Беклемишевымъ и не можетъ быть признанъ достовѣрнымъ. Онъ нуждается въ подтвержденіи. Телеграмма не имѣетъ положительнаго смысла; вмѣсто нея намъ предлагаютъ другой текстъ, созданный Зебе и Гудковымъ и измѣненный Солнцевымъ. Она, поэтому, еще болѣе нуждается въ разъясненіи. И вамъ предлагаютъ недостовѣрный оговоръ подтвердить изобрѣтеннымъ текстомъ телеграммы, а недостовѣрность толкованія телеграммы подтвердить шаткимъ оговоромъ Зебе. А вѣдь недостовѣрное поло-

женіе, сколько ни подтверждай ссылкой на недостовѣрное же доказательство, все-таки будетъ недостовѣрно.

Вѣру въ эти два положенія подрываетъ обстоятельство въ высшей степени интересное. Я говорю о количествѣ серій. Щипчинскій считаетъ ихъ на 70 т. р.. Гудковъ когда-то доводилъ цифру эту до 200 т. р. Ему ли, печатнику, не знать этого? А между тѣмъ онъ потомъ согласился, что серій было не болѣе чѣмъ на 70 т. р. По показанію Солнцева останавливаемся на 22 т. р., а по количеству обнаруженныхъ въ оборотѣ бумагъ играетъ роль цифра 9.500 р.

Вотъ какая разноголосица въ показаніяхъ лицъ, на которыхъ строится обвиненіе, вотъ какая достовѣрность! Она подрываетъ вѣру въ достоинство того матеріала, изъ котораго обвиненіе строитъ свое зданіе. А этимъ исчерпывается все, чѣмъ располагаетъ обвинитель для доказательства, что Гавриловъ принималъ участіе въ поддѣлкѣ.

Перейдемъ къ дальнѣйшему.

Насколько вяжется съ этимъ предположеніе, что Гавриловъ былъ тѣмъ не менѣе душою дѣла, что онъ пріобрѣталъ людей и средства, для предпріятія необходимыя?

Разберемъ это.

Въ 1862 г. нѣкто Виттанъ, человѣкъ, разсчитывавшій, навѣрное, получить мѣсто слѣдователя, задался задачей, помимо административной и судебной власти, разслѣдовать какое-нибудь знаменитое уголовное дѣло. По словамъ его, онъ на собственный счетъ содержалъ штатъ шпіоновъ, при помощи которыхъ все и всѣ были ему извѣстны.

Благодаря своей энергіи, онъ, какъ говоритъ, наконецъ, обогатился свѣдѣніемъ, что въ 1862 г. Гавриловъ задумалъ то преступленіе, за которое вы его нынѣ судите. Какъ подобаетъ доброму гражданину, онъ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія властей. Дознаніе однако ничѣмъ не кончилось,—не подтвердилось.

Но безслѣдно оно не пропало: тѣнь брошена на Гаврилова, опредѣлился и характеръ Виттана. Благодаря всему этому, если въ будущемъ въ домѣ Гаврилова нашли бы одну фальшивую монету, а у Виттана окажется ихъ 500 штукъ, то и тогда не усомнятся, что Гавриловъ—поддѣлыватель, сбытчикъ, а у Виттана собрана цѣлая коллекція, какъ улика противъ Гаврилова.

Этотъ Виттанъ, хотя бумага, поданная имъ губернатору, и изображаетъ его преслѣдователемъ зла, на практикѣ однако играетъ въ другую игру. Живя въ Ростовѣ-на-Дону, онъ, по словамъ Гудкова и Зебе, приглашаетъ ихъ поддѣлывать фальшивыя деньги, находитъ лучшимъ самому испробовать то дѣло, которое онъ только что пре-

слѣдовалъ. Рѣшиться страшно, но у него есть выходъ. Его не заподозрятъ,—вѣдь у него есть оффиціальное заявленіе, что онъ преслѣдуетъ, а не совершаетъ это зло.

Гудковъ соглашается. Онъ живетъ на квартирѣ, за которую платитъ Виттанъ. Онъ платитъ и за Юрченко,—за другого подговореннаго работника. Гудковъ утверждаетъ, что при этомъ Виттанъ уже говорилъ о Гавриловѣ, какъ настоящемъ хозяинѣ дѣла; значитъ, Гавриловъ долженъ былъ тратить деньги и на содержаніе Гудкова съ компаніей.

Не смотря на то, что Гудковъ знаетъ до мельчайшихъ подробностей ходъ дѣла, онъ не указалъ, и слѣдствіе, по его словамъ, не обнаружило, ни одной посылки денегъ къ Виттану отъ Гаврилова за этотъ періодъ времени.

Въ августѣ 63 г. Виттанъ, поддерживая мысль, что Гудковъ и Зебе приглашены Гавриловымъ, ѣдетъ въ Бахмутъ, въ городъ, гдѣ живетъ Коротковъ, гдѣ фигурируетъ Спѣсивцевъ. Туда же еще прежде ѣдетъ Гудковъ и Юрченко, сопровождаемые Спѣсивцевымъ. Они не ѣдутъ прямо къ Гаврилову, а ждутъ Виттана. Дождавшись, ѣдутъ въ Копанки и тамъ останавливаются на постояломъ дворѣ. Остановиться тамъ было нетрудно, въ глаза не кидалось: большая дорога, въ селѣ—станція и большой постоялый дворъ, останавливайся сколько душѣ угодно.

Что же дѣлаютъ они тамъ?

Виттанъ утверждалъ, что онъ приторговывалъ аренду у Гаврилова. Это объясненіе, поддерживаемое Гавриловымъ, оправдывается нѣсколькими свидѣтельскими показаніями. Люди давали Виттану дроги ѣздить смотрѣть имѣніе, слышали отъ него, что онъ взялъ Абазовку въ аренду. Хотѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ Виттанъ арендовать—это другой вопросъ; но онъ пріѣзжалъ говорить объ арендѣ. Онъ и самъ допускаетъ, что аренда маскировала иную цѣль,—желаніе наблюдать за Гавриловымъ, а мы, изучивъ его дѣятельность ростовскую, можемъ допустить, что и здѣсь предполагалось второе упражненіе въ роли мнимаго доносчика.

Предположить, что Виттанъ пріѣзжалъ для преступныхъ переговоровъ,—труднѣе. Виттанъ доносилъ на Гаврилова, Гавриловъ могъ знать это и, конечно, счелъ бы за ловушку союзъ съ своимъ доносчикомъ. Если же Виттанъ пріѣзжалъ для дѣлового, хозяйственнаго разговора, то не было причины бояться его, не принять его.

Преступный характеръ свиданія Виттана съ Гавриловымъ предполагаетъ Гудковъ. Подкрѣпляется его показаніе разсказомъ о его соб-

ственномъ свиданіи съ Гавриловымъ. Если вѣрить Гудкову, то Гавриловъ, несмотря на то, что первый разъ въ жизни видѣлъ его и Юрченко у себя, фамильярно, какъ добрый знакомый, встрѣтилъ ихъ и прямо, вмѣсто всякаго привѣтствія, спросилъ ихъ, хорошо ли они сумѣютъ сдѣлать 50-рублевыя. Въ тотъ же день, продолжаетъ Гудковъ, Гавриловъ ходилъ съ ними охотиться и велъ переговоры, гуляя съ ружьемъ по лѣсу, гдѣ бы выстроить тутъ домъ для фабрикаціи.

Здѣсь много неестественнаго. Не говоря, что люди разнаго положенія и развитія врядъ ли, если бы хотѣли, сумѣли въ часъ знакомства сойтись, какъ свои,—неправдоподобно, чтобы, не узнавъ человѣка, такъ откровенно его спрашивали о щекотливомъ дѣлѣ, объ умѣньи поддѣлывать деньги: при самомъ ничтожномъ градусѣ осторожности человѣкъ не рѣшится на это. Охота въ лѣсу богатаго помѣщика съ ремесленниками, при понятіяхъ того времени, показалась бы странной, загадочной выходкой. И думается мнѣ, что ни этой охоты втроемъ, ни исканія въ лѣсу удобнаго мѣста для постройки не было.

Сотоварищъ мой по защитѣ указалъ вамъ, что лѣсъ этотъ, имѣвшій едва 150 десят., окаймленный дорогами, насквозь былъ видѣнъ ѣдущими мимо людьми. Тутъ хорошо было бы какому-нибудь фарисею устроить молельню, чтобы всему свѣту видны были его добродѣтели, но зданіе для фальшивыхъ денегъ выстроить, вѣроятно, не пришло бы въ голову и самому недалекому человѣку.

Относительно этой же охоты Гудковъ припомнилъ обстоятельство, повидимому маловажное, но убѣдительное. Онъ назвалъ ружье, которымъ охотился. Управляющій Гаврилова на очной ставкѣ доказывалъ, что ружей въ Копанкахъ даже не держали, а держали ихъ въ Бахмутѣ. Но Гудковъ настаивалъ, твердостью подкупая слушателя, подробностью описанія оружія убѣждая въ своей правотѣ.

Загадка разрѣшается легко: никто не отвергаетъ, что Гудковъ жилъ у Гаврилова въ бахмутскомъ домѣ. Тамъ ему было время ознакомиться съ коллекціей ружей Гаврилова. А разузнаешь ихъ устройство, ничего не стоитъ воображеніемъ перенести ихъ куда угодно.

Сотоварищъ мой уже обратилъ ваше вниманіе на странное совпаденіе отъѣзда Гудкова и Юрченко отъ Гаврилова тогда, когда машины прибыли изъ Одессы. Тутъ-то бы Гаврилову, если онъ пріобрѣлъ машины, держать рабочихъ, а вышло наоборотъ. Гудковъ уѣхалъ въ Харьковъ и Воронежъ, знаменуя этимъ, что онъ жилъ у Гаврилова, пока ему негдѣ было жить, нечего дѣлать, и уѣхалъ тогда отъ него, когда ему приготовили работу пріобрѣтатели машинъ въ Одессѣ.

Въ то время, когда Гудковъ живетъ у Гаврилова, въ Одессу посылаются деньги. Посылку приписываютъ Гаврилову, а назначеніемъ денегъ считаютъ покупку машинъ.

Защита, обращая вниманіе на это, не можетъ не указать вамъ на факты слѣдующаго рода.

Виттанъ доноситъ на Гаврилова, однако и приглашаетъ себѣ поддѣлывателей, ихъ везетъ въ Копанки, ихъ устраиваетъ у Гаврилова, и пока они тамъ или, лучше, пока нѣтъ машинъ, оставляетъ ихъ тамъ. Спѣсивцевъ съ Коротковымъ, несомнѣннымъ участникомъ его въ дѣлѣ, ѣдутъ въ Харьковъ, а оттуда съ Виттаномъ отправляются въ Одессу, гдѣ къ нимъ присоединяется Масленниковъ, отправляются для пріобрѣтенія машинъ.

Въ покупкѣ машинъ предполагается рѣшительное участіе Гаврилова, выразившееся ссудой капитала. Но это предположеніе встрѣчаетъ отпоръ вотъ въ чемъ.

Машины, по словамъ Масленникова и свидѣтеля — продавца-литографа, куплены въ концѣ 1863 г. Между тѣмъ деньги, приписываемыя Гаврилову, отсылались въ 1864 г., начиная съ 19-го марта, кончая первыми числами апрѣля, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ почтовыя свѣдѣнія.

Оговорщики, приписывая покупку машинъ на средства Гаврилова, сами же утверждаютъ, что на покупку дано Коротковымъ 2.000 р. (слова Гудкова), Солнцевымъ—1.000 р., Щипчинскимъ—500 р.; денегъ этихъ совершенно достаточно, ибо машины, которыя мы видѣли, будучи подержанными, не стоятъ болѣе 1.000 или 1.500 р. Куда же и зачѣмъ было требовать 500 р. отъ Беклемищева, брать 3.000 р. отъ Гаврилова (Гудковъ говоритъ, что 3.000 руб. Гавриловъ далъ Виттану въ Харьковѣ) и еще отъ него же получать въ Одессѣ въ 1864 г. до 2.000 р.?

Четыре посылки денегъ въ Одессу приписываютъ Гаврилову. Почтовыя свѣдѣнія говорятъ, что три посылки шли отъ Рощина (принятое Гудковымъ имя). Но что нужды? Гудковъ говоритъ, что это посылки Гаврилова. Слова Гудкова подтверждаетъ четвертая посылка: она подана Носовымъ отъ имени Гаврилова. Такимъ образомъ, заключаетъ обвинитель, хотя три раза Гавриловъ скрытничалъ, но въ четвертый разъ назвался своимъ именемъ и обнаружилъ свое участіе.

Но выводъ, сдѣланный прокуроромъ, непослѣдователенъ.

Если Гавриловъ находилъ нужнымъ скрывать посылку отъ своего имени денегъ, то зачѣмъ же онъ въ четвертый разъ отступилъ отъ плана? Если же посылка денегъ въ Одессу не была опасна, такъ

что Гавриловъ могъ послать отъ своего имени, то нѣтъ разумной причины для первыхъ посылокъ пользоваться чужимъ именемъ.

Не вѣрнѣе ли будетъ, что Гудковъ пересылалъ подъ именемъ, которое онъ самъ себѣ приписываетъ, деньги?

Гдѣ онъ бралъ ихъ? Я сближаю въ вашей памяти два факта: Коротковъ, участникъ въ дѣлѣ, жилъ въ Бахмутѣ въ это время, Коротковъ далъ на дѣло 2.000 р., и къ этой суммѣ приближается итогъ посылокъ въ Одессу. Оставалось, для безопасности, отклонить подозрѣніе отъ себя. Гавриловъ, по плану Виттана, былъ такимъ человѣкомъ. Деньги посылаются черезъ Носова, близкаго Гаврилову человѣка, бывшаго его крѣпостного. Къ этому человѣку Коротковъ вхожъ, и ему легко было воспользоваться услугой Носова, сказавъ ему, что „твой баринъ велѣлъ услать этотъ пакетъ". Въ почтамтѣ же не могло возникнуть затрудненія,—тамъ не провѣряютъ личности отправителя, а только получателя. Машины куплены и отправлены на имя Носова, того самаго Носова, который посылалъ сомнительную гавриловскую денежную посылку. На перепутьи машины побывали въ Копанкахъ. Здѣсь ихъ не прятали, не скрывали. Онѣ открыто стояли на возахъ. Не видать никакихъ мѣръ предосторожности, которыя бы принималъ Гавриловъ и которыя давали бы намъ право заключать, что Гавриловъ зналъ назначеніе вещей и опасался чужого любопытства. Изъ Копанокъ машины ѣдутъ въ Бахмутъ. Кто и гдѣ хранилъ ихъ въ Бахмутѣ, это не относится до Гаврилова, и мы займемся теперь одновременною съ путешествіемъ машинъ исторіей сближенія и тѣхъ переговоровъ участниковъ варваровскаго учрежденія, которые въ это время начались и дѣятельно велись между членами товарищества.

Гудковъ, какъ вы знаете, уѣхалъ отъ Гаврилова, когда прибыли машины; нѣсколько времени онъ прожилъ у матери въ Воронежѣ. Наступило время дѣйствія, и его вызвали. Онъ говоритъ, что вызвали его телеграммой и неподписаннымъ письмомъ, присланнымъ ему Гавриловымъ.

Письма этого нѣтъ, какъ вообще многихъ важныхъ документовъ, извѣстныхъ дословно Гудкову, но почему-то не сохранившихся. Остановимся на телеграммѣ.

Она Гавриловымъ не подписана, однако настаиваютъ, что она—его. Эксперты видятъ въ ней сходство съ рукой Гаврилова, но при этомъ заявляютъ и о намѣренномъ искаженіи руки и сходствѣ ея также съ рукой Милевскаго.

Значеніе экспертизы учителей чистописанія вамъ объяснилъ про-

куроръ. Я присоединяюсь къ этому мнѣнію. Тѣмъ болѣе основаній не довѣрять экспертизѣ, что ихъ мнѣніе о намѣренномъ измѣненіи руки не вяжется съ обстоятельствами дѣла. Если Гавриловъ хотѣлъ скрыть свое участіе, то при близости его съ домомъ Милевскаго онъ могъ просить написать ее кого-нибудь изъ этого дома. Содержаніе телеграммы обыденно и просто, и бояться было нечего. Телеграмма подписана „Херсонскимъ". Имя это, по свидѣтельству оговорщиковъ, носилъ Виттанъ. Значитъ, она ему и принадлежала.

Но обвиненію необходимо доказывать, что сзывалъ людей въ Харьковъ Гавриловъ, и оно допускаетъ произвольно, что на этотъ разъ именемъ Херсонскаго подписался Гавриловъ. Когда соберется много другихъ данныхъ противъ Гаврилова, обвиненіе не будетъ ему приписывать этой фамиліи, но теперь, въ этотъ моментъ, еще ничего нѣтъ противъ него, такъ отчего же не отнести къ нему этой телеграммы.

Гудковъ пріѣзжаетъ въ Харьковъ. Не засталъ Гаврилова и идетъ къ Беклемишеву. Тамъ было совѣщаніе. Я не стану на этомъ останавливаться: защита Беклемишева разберетъ, былъ ли Гудковъ у Беклемишева и было ли совѣщаніе. Отрицая то и другое, я попрошу васъ припомнить несогласіе Гудкова и Солнцева по этому обстоятельству и противорѣчіе ихъ въ томъ, былъ ли Щипчинскій при совѣщаніи.

Затѣмъ Гавриловъ, принимающій въ телеграммахъ чужое имя, не подписывающійся въ письмахъ къ Гудкову, везетъ Гудкова съ собой до Бахмута, когда уже рѣшено мѣсто и время поддѣлки.

Я эту поѣздку не отвергаю, но обращу на нее вниманіе, какъ на доводъ за то, что Гавриловъ оттого не опасался ѣхать по дорогѣ, гдѣ его всѣ знали, съ Гудковымъ, что не зналъ ни затѣй, ни дѣла, на какое рѣшился Гудковъ съ товарищами.

Гудковъ въ Ростовѣ; онъ сманиваетъ Зебе — другого оговоршика; Зебе отъ Гаврилова не получалъ приглашенія, но приглашенъ его именемъ. Чтобы уѣхать надо предлогъ; придумано написать письмо на нѣмецкомъ языкѣ отъ родителей и прислать его къ Зебе: онъ покажетъ хозяину и уѣдетъ. Пишутъ письмо и отсылаютъ его съ эстафетой Гаврилову, чтобы онъ переписалъ его и прислалъ отъ имени родителей Зебе.

Письмо, говорятъ, было прислано. Но опять-таки нѣтъ его въ наличности, и мы не можемъ судить о достовѣрности разсказа, что его писалъ Гавриловъ.

Что же касается денегъ, то указываютъ на то, что 300 р. присланы;

а что присылка эта имѣла соотношеніе съ приглашеніемъ Зебе, ссылаются на телеграмму, которую Гудковъ писалъ Гаврилову: „товаръ купленъ, недостаетъ 300 руб.“. Телеграмма эта въ переводѣ, сдѣланномъ Гудковымъ, значитъ: Зебе согласился на наемъ, нужно 300 р.

Все это объяснено, но не обращено вниманія вотъ на что: телеграмма послана 2-го февраля 1865 года, а деньги, посылку которыхъ не отвергаетъ Гавриловъ, объясняя ее порученіемъ Гудкову купить желѣза въ Ростовѣ, — отправлены 30 января. Допустивъ связь телеграммы и посылки денегъ, приходится сказать, что бываютъ иногда слѣдствія прежде причинъ; но съ этимъ согласиться трудно.

Этимъ исчерпывается все, чѣмъ обвиненіе располагаетъ по вопросу о приготовленіи Гавриловымъ средствъ и людей для дѣла.

Самое дѣло не удалось,—серіи вышли плохи; компанія распалась, развела другія преступленія, и люди разсѣялись.

Какими данными запаслось слѣдствіе по участію Гаврилова въ этомъ періодѣ дѣла? Объ этомъ мы будемъ говорить послѣ небольшого перерыва времени, о чемъ я и прошу г. предсѣдателя.

Объявленъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія защитникъ продолжалъ.

Въ привозѣ машинъ въ Копанки, увозѣ въ Варваровку и въ обратномъ доставленіи изъ Варваровки въ Копанки, послѣ неудачной поддѣлки, г. прокуроръ находитъ наибольшій запасъ данныхъ противъ Гаврилова.

Не могу согласиться, чтобы и тутъ не было натянутыхъ и поверхностныхъ выводовъ.

Да, машины останавливались въ Копанкахъ, но безъ всякой опаски и таинственности. Такъ не поступилъ бы Гавриловъ, если бы зналъ, что̀ это за вещи и зачѣмъ ихъ везутъ.

Вещи эти, даже безъ участія Гаврилова, отправлялъ управляющій Богдановичъ, онъ же принималъ ихъ и выдавалъ билеты въ принятіи извозчикамъ. При второй отправкѣ вещей въ Копанки, уже изъ Варваровки, онѣ шли съ письмомъ Щипчинскаго, просившаго дать ему возможность перегрузить ихъ въ Копанкахъ; принимая ихъ, Гавриловъ открыто выдалъ квитанцію въ пріемѣ.

Если бы Гавриловъ зналъ, что дѣлается въ Варваровкѣ, если бы онъ былъ руководителемъ, онъ бы лучше другихъ имѣлъ свѣдѣнія, что компанія распалась, что ходитъ слухъ о поддѣлкѣ, и самое главное, не распорядился бы въ своемъ имѣніи складывать улики преступленія. Такъ всегда поступаютъ дѣйствительно виновные. Вотъ, Солнцевъ,

участникъ дѣла, когда къ нему попала часть машинъ, поспѣшилъ скорѣе отдѣлаться и услалъ ихъ туда же, въ Копанки...

Когда правосудіе обнаруживаетъ преступленіе, страхъ и чувство самосохраненія даютъ извѣстный характеръ жизни и поступкамъ участниковъ злого дѣла. Нѣтъ такихъ личностей, которымъ бы не измѣнило тогда спокойствіе духа.

И въ настоящемъ дѣлѣ случилось то же. Скрылся изъ Варваровки Щипчинскій, скрылись Зебе, Гудковъ и проч.; одинъ Гавриловъ остается спокоенъ. На пути къ побѣгу Щипчинскій заѣзжаетъ къ нему, но и такой случай не нарушаетъ обычнаго порядка жизни подсудимаго. Свидѣтель Деревянниковъ, жившій въ это время у Гаврилова, не замѣчаетъ ни волненія, ни безпокойства, ни секретныхъ переговоровъ Гаврилова съ Щипчинскимъ. Щипчинскаго берутъ, Солнцева арестовываютъ — значитъ, будетъ раскрыто все дѣло; но Гавриловъ и тогда остается у себя въ имѣніи, такъ же въ имѣніи, какъ и до ареста этихъ личностей. Не измѣнился онъ и тогда, когда Солнцевъ дѣлаетъ признаніе и оговоры. Дѣйствительно, прошло нѣсколько времени, и Солнцевъ снялъ съ Гаврилова обвиненіе.

Вотъ тѣ выдающіеся факты настоящаго дѣла и тѣ выводы, которые, вытекая изъ сопоставленія извѣстныхъ намъ обстоятельствъ дѣла, говорятъ въ пользу подсудимаго.

Кромѣ фактовъ внѣшнихъ, задаваясь вопросомъ, совершилъ ли подсудимый то дѣяніе, которое ему приписываютъ, — необходимо обратить вниманіе на внутреннюю сторону, на нравственныя качества обвиняемаго, надо посмотрѣть, насколько способенъ подсудимый къ тому дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь.

Прокуратура предвидѣла, что мы обратимся къ этой сторонѣ дѣла, и на этотъ разъ не ошиблась; но она назвала этотъ матеріалъ ненадежнымъ, назвала его „областью предположеній“ въ противоположность „фактической почвѣ“, на которой она исключительно остановилась.

Противъ этого я спорю со всею силою убѣжденія.

Внутренній міръ человѣка — это такой же фактъ, какъ и внѣшнія дѣянія. Движеніе человѣческой мысли и науки въ области права шли именно къ тому, чтобы въ сужденіи о человѣческихъ поступкахъ давалось преобладаніе этому внутреннему міру.

20—30 лѣтъ честной безукоризненной жизни человѣка должны заставить задуматься, быть осторожнѣе къ показаніямъ, которыми приписывается обвиняемому дѣло, настолько темное, что рѣшиться на

него можно было бы лишь при испорченности нрава. Какъ-то не вяжется одно съ другимъ!

То же мы видимъ и здѣсь.

Прошлое Гаврилова болѣе чѣмъ безупречно. Вамъ читали отзывъ лицъ, передъ глазами которыхъ проходила домашняя и общественная жизнь подсудимаго. Отвѣтьте мнѣ: Гавриловъ, какъ его изображаютъ отзывы, похожъ ли на Гаврилова, какимъ его изображаетъ обвиненіе?

Впрочемъ, отзывовъ всѣхъ было подано до 50, а, по заявленію защиты, читалось ихъ три-четыре; можетъ быть, это—лучшіе отзывы, а другіе на нихъ непохожи?

Совсѣмъ нѣтъ.

Отзывы одинаковы, я вамъ это сейчасъ докажу.

Кромѣ отзывовъ, читанныхъ по нашему заявленію, читался одинъ по выбору прокуратуры. Очевидно, что, преслѣдуя цѣль, противоположную цѣли подсудимаго, прокуратура взяла наиболѣе неблагопріятный отзывъ. И что же? Отзывъ Филимонова говоритъ то же самое. Въ немъ только есть нѣкоторыя подробности, вызванныя міросозерцаніемъ автора. Такъ, авторъ лучшимъ качествомъ человѣка считаетъ „привычку не беречь денегъ и держать ихъ не запертыми“ и хвалитъ за это Гаврилова.

Я не останавливаюсь на отзывахъ дворянъ и купцовъ, людей равныхъ съ нимъ по богатству, равныхъ по сословнымъ преимуществамъ. Я обращу вниманіе ваше на крестьянскіе отзывы. Крестьяне, не его крестьяне, а окрестные, заявляютъ, что не было лучшаго посредника, не было добрѣе человѣка, чѣмъ онъ: онъ тратилъ свое, чтобы улучшить ихъ бытъ. Онъ познакомилъ ихъ съ благомъ, имъ дарованнымъ „положеніемъ“, настолько осязательно, что, по его почину, они день 19 февраля, день свободы, ежегодно празднуютъ общественною молитвою.

И противъ этого человѣка, который, насколько могъ, содѣйствовалъ развитію и благосостоянію низшаго сословія, теперь собрались улики, обвиняющія его въ преступленіи—поддѣлкѣ государственныхъ бумагъ, сбытъ которыхъ всегда разсчитывается на эту же массу простонародья.

Уликою противъ Гаврилова, уликою, образовавшеюся послѣ, но измѣнившей взглядъ на все дѣло, считаютъ „подкупъ свидѣтелей и соучастниковъ“. Перейдемъ къ этому и мы. На первыхъ порахъ насъ поражаетъ масса противорѣчій и неправды, сказанныхъ Гудковымъ и товарищами. Чуть ли не все начальство тюрьмы обвиняется имъ: и доктора, и фельдшера. На его показаніяхъ основанъ выводъ обви-

ненія, что даже тюремный священникъ занимался не пастырскою дѣятельностью, а переговорами и подкупомъ.

Но намъ извѣстно, что ни начальство, ни служащіе при больницѣ въ самомъ дѣлѣ суду не преданы, ибо высшая, обвинительная камера не нашла возможнымъ довѣриться показаніямъ, съ полною вѣрою принимаемымъ прокуроромъ. Обвинительная камера расходится и въ другомъ съ прокуратурой: иной, кромѣ пастырской дѣятельности, она не усмотрѣла въ отношеніяхъ священника къ подсудимымъ.

Что касается до Гудкова и Зебе, какъ лицъ, оговаривавшихъ Гаврилова и бравшихъ назадъ оговоры, то прежде всего надо замѣтить, что тюремная жизнь давно сдѣлала изъ поступковъ, имъ приписываемыхъ, источникъ денежныхъ выгодъ. Тамъ нерѣдко создаются оговоры, чтобы за снятіе ихъ взять выкупъ,—и за правду, и за неправду. Когда сдѣланъ оговоръ и снятъ, и при снятіи оговора играли роль деньги, то еще нельзя судить: оговоръ или снятіе оговора ложны, и куплена правда или неправда. Вопросъ разрѣшается иными обстоятельствами.

Подтверждаютъ подкупъ, указывая на то, что Гудковъ и Зебе жили роскошно въ тюрьмѣ, что жизнь ихъ была такъ хороша, что и на волѣ лучше не бываетъ. Но намъ извѣстно, что, кромѣ Гудкова и Зебе, Виттанъ и Щипчинскій были участниками дѣла: ихъ слово могло быть не менѣе важно для Гаврилова, какъ слово Гудкова и Зебе, значитъ, и имъ бы слѣдовало жить также хорошо. Но ни они, ни кто другой не указываютъ на роскошь въ жизни этихъ подсудимыхъ. Между тѣмъ Гудковъ и Зебе все-таки разъ оговорили Гаврилова, снятіе оговора достовѣрными ихъ еще не дѣлало; тогда какъ Щипчинскій и Виттанъ, и особенно первый, не мѣняя своихъ показаній, должны были показаться Гаврилову болѣе надежными помощниками.

Но есть свидѣтели того, что Гудковъ жилъ хорошо. Гдѣ же средства? Средства эти ему давала должность арестантскаго старосты, должность прибыльная, если досталась ловкому человѣку...

Гудковъ, настаивая на подкупѣ, говоритъ, что за снятіе оговора назначено было 10,000 рублей. Деньги не были отданы, а ограничились однимъ обѣщаніемъ. „Я вѣрилъ его слову,—говоритъ Гудковъ,—я жилъ у Гаврилова прежде и зналъ его хорошо". Если Гудковъ, живя у Гаврилова, вынесъ впечатлѣніе, что послѣдній настолько честный человѣкъ, что ему можно повѣрить на слово 10,000 рублей, и если онъ ему послѣ на слово повѣрилъ, то значитъ, что мнѣніе Гудкова о Гавриловѣ осталось одинаковымъ, неизмѣннымъ.

Но Гудковъ же говоритъ, что однако въ банѣ, когда ему палачъ принесъ водки отъ имени Гаврилова, онъ не сталъ ее пить, потому что слышалъ кое-что о Спѣсивцевѣ и другихъ. Если это правда, то значитъ Гудковъ уже не считалъ Гаврилова человѣкомъ хорошимъ и, слѣдовательно, врядъ ли на слово ему повѣрилъ бы 10,000 руб.; если же повѣрилъ на слово, то не значитъ ли это, что свиданіе въ банѣ изобрѣтено Гудковымъ и что вообще Гудковъ способенъ на изобрѣтательность.

Болѣе правдивый Зебе поддерживаетъ оговоръ Гудкова, однако нигдѣ не указываетъ на то, чтобы Гавриловъ велъ переговоры лично съ нимъ: все дѣлалось черезъ Гудкова, значитъ достоинство его показаній держится и падаетъ вмѣстѣ съ достоинствомъ показаній Гудкова, отъ котораго онъ все слышалъ. Обвиненіе ссылается на записку, которою Гавриловъ просилъ у сестры присылки 515 р., какъ на несомнѣнное вещественное доказательство подкупа. На что, молъ, Гаврилову въ острогѣ деньги?

Мы хорошо знаемъ происхожденіе этой записки. Когда она была писана Гавриловымъ сестрѣ, она его спросила: не 15 ли руб. онъ проситъ? Она изумилась суммѣ 500 руб. Значитъ, Гаврилову въ острогъ деньги не посылались, если требованіе 500 руб. изумило его сестру. А на 500 руб. подкупа нельзя было сдѣлать, вѣдь, по показанію Гудкова и прочихъ, одинъ онъ по 200—300 руб. проживалъ въ мѣсяцъ, да, сверхъ того, жили роскошно друзья и подруги Гудкова.

Обвиненіе утверждаетъ, что всѣхъ серіистовъ содержалъ Гавриловъ черезъ свою сестру Тимченкову; подтверждаетъ это книжкой Тимченковой, гдѣ нашли расходъ въ 20 руб. съ помѣткой „Сантор“, „Санжер.“; утверждаютъ, что это значитъ „Санторжецкому 20 р.“, а Санторжецкій—арестантъ, поваръ, который кормилъ подсудимыхъ по дѣлу серій. Но на самомъ дѣлѣ никакого Санторжецкаго въ острогѣ не было, а былъ Свенторжецкій; въ то же время на свѣтѣ жилъ нѣкто Санжеревскій, хозяинъ бахмутской квартиры Гаврилова, которому, какъ онъ здѣсь показалъ, Тимченкова разъ платила отъ 25 до 30 рублей за брата, когда онъ уже содержался въ острогѣ. Платежъ этотъ ему памятенъ, потому что она всего разъ ему и заплатила. Тимченкова говоритъ, что этотъ платежъ и былъ занесенъ въ ея книжку.

Ей не вѣрятъ. Но я думаю, что „Свенторжецкій“ нельзя писать черезъ „Санторжецкій“ и что Тимченкова совершенно вѣрно объяснила, что эксперты совершенно невѣрно читали ея руку. Выводы

прокурора уже и потому невѣрны, что на 20 руб. Свенторжецкій бы не прокормилъ цѣлую семью преступниковъ, а между тѣмъ въ той же книжкѣ нѣтъ другихъ выдачъ на имя этого арестанта.

У Тимченковой въ книжкѣ нашли расходъ въ 300 руб. и около него слово „Трущобы". Она объяснила, что купила романъ Крестовскаго „Трущобы" и заплатила 6 руб., а рядомъ поставила 300 руб., истраченные на какой-то нарядъ. Обвиненіе не вѣритъ и, руководясь уроками Гудкова и Зебе, свободно истолковывающихъ телеграммы и письма, безъ ихъ помощи на этотъ разъ, рѣшаетъ, что „Трущобы 300 р.,"—это значитъ: „израсходовано на острогъ 300 р.".

Опровергать можно выводы; но я не знаю, какъ и чѣмъ опровергать изобрѣтенія...

Найдены черновыя бумаги, копіи тѣхъ, которыя поданы Короткovымъ, Гудковымъ и Зебе въ уголовную палату. Нашли замѣтки и поправки, и опять заподозрѣли участіе Гаврилова. Какъ еще не задавались вопросомъ: чьей рукой проведены на этихъ бумагахъ черточки и знаки препинанія? Экспертиза, вѣроятно, и тутъ нашла бы сходство и измѣненіе. Обращаю вниманіе ваше на то, что поправки относятся, большею частью, къ тѣмъ мѣстамъ бумагъ, гдѣ указываютъ обстоятельства, не имѣющія вліянія на судьбу Гаврилова; обращаю ваше вниманіе на то, что нахожденіе этихъ бумагъ у Гаврилова вовсе не странно. Въ острогѣ не всегда строги. Арестанты все знаютъ другъ про друга; и если одинъ изъ арестантовъ подаетъ бумагу, затрогивающую интересы другого, повѣрьте, этотъ другой узнаетъ и, если бумага эта важна для него, открываетъ ему надежду на лучшее, онъ сумѣетъ достать и ознакомиться съ ней.

Прокуроръ обѣщался построить все обвиненіе не на оговорахъ, — онъ самъ раздѣляетъ мнѣніе, что оговорщикъ — свидѣтель недостовѣрный, — а на вещественныхъ доказательствахъ. Но какія же это доказательства? Прошеніе Короткова, бумага Гудкова, непонятныя телеграммы и несуществующая острожная и доострожная переписка. Онѣ ничего не объясняютъ. Сдѣлались онѣ матеріаломъ обвиненія только тогда, когда тотъ же Гудковъ и компанія дали имъ толкованіе и воспроизвели текстъ, какъ имъ было угодно.

Итакъ, что бы обвинитель ни говорилъ, а масса доказательствъ, имъ предложенныхъ вамъ, и вся сильнѣйшая аргументація его — все это тяготѣетъ къ оговору, все держится смѣлостью Гудкова, а по немъ уже Зебе и прочими.

Но правосудіе не должно быть безразлично къ матеріалу, которымъ оно пользуется. Вы услышите отъ предсѣдателя, что законъ

обращаетъ вниманіе на качество свидѣтелей и обязываетъ напомнить вамъ объ этомъ. Законъ даетъ возможность отводить отъ присяги людей, близкихъ къ потерпѣвшимъ отъ преступленія, считая ихъ недостовѣрными свидѣтелями. Еще менѣе достовѣренъ тотъ, кто называетъ себя потерпѣвшимъ. Слово его, чтобы дать движеніе уголовному дѣлу, о которомъ онъ свидѣтельствуетъ, должно быть подтверждено другими. Еще болѣе основаній не довѣрять подсудимымъ по тому же дѣлу, когда они обвиняютъ другъ друга. Соблазна много снять вину съ себя, перенося ее на чужую голову или раздѣляя ее съ другими. Въ настоящемъ дѣлѣ подсудимые обвинены, имъ назначены каторжныя работы. Какъ ни дурны арестантскія роты, но все же онѣ—лучше каторги, и, желая отдалить отъ себя грозное наказаніе, не были ли Коротковъ и другіе податливы на искушеніе ложными оговорами въ подкупѣ замедлить свою отправку въ мѣста назначенія...

Таковы оговорщики. Прокуратура поэтому сама чувствовала нетвердость основаннаго на ихъ оговорѣ обвиненія и искала опоры во внѣшнихъ для дѣла данныхъ. Предугадывая, что защитѣ придется пользоваться вмѣсто фактовъ посторонними обстоятельствами, что она будетъ ссылаться на жизнь подсудимыхъ до обвиненія, на ихъ общественное положеніе, она, однако, сама прегрѣшила еще болѣе нашего. Смѣлое, увѣренное въ своихъ силахъ обвиненіе—на матеріялѣ, разъясняющемъ данный случай, составило бы свои выводы: мелочи и сторонніе вопросы только тормозили бы ему путь, и оно отвергнуло бы ихъ. Но не такъ бываетъ, не такъ случилось и здѣсь. Васъ призвали, и вамъ сказано, что вы призваны судить Гаврилова и Беклемишева за поддѣлку серій; но вмѣсто этого здѣсь шло также слѣдствіе о смерти Спѣсивцева и Карпова. Опираясь на то, что повѣшенный Спѣсивцевъ найденъ съ слабой петлей, что онъ повѣсился послѣ того, какъ заявилъ желаніе сознаться; опираясь на то, что и Карповъ оказался отравленнымъ, когда собирался сознаться, хотя о сознаніи того и другого нѣтъ указаній,—намекаютъ, что извѣстная рука поработала надъ этими несчастными.

Но, г.г. присяжные, смерть того и другого были явны, и правосудіе, однако, не заподозрило ни Гаврилова, ни Беклемишева. Къ чему же это дѣлать? Если къ тому, чтобы вы, заподозрѣвая насильственную смерть несчастныхъ, тѣмъ съ большимъ негодованіемъ отнеслись къ подсудимымъ, то это уже будетъ — не судъ: обвинительный приговоръ будетъ не разультатомъ изслѣдованія, а результатомъ искусственно возбужденнаго инстинкта мести противъ подсудимаго. А приписывая смерть Спѣсивцева и Карпова чужой рукѣ безъ всякаго повода и

основанія, не наносимъ ли мы оскорбленія и безъ того несчастнымъ. Преступно противъ нравственнаго закона самоубійство, но къ нему прибѣгали нерѣдко тѣ лица, которыя, хотя и впали въ преступленіе, совершили какое-либо страшное зло, но совѣсть у которыхъ еще не потеряна и мучаетъ и терзаетъ ихъ. Потерявъ свою честь, стыдясь показаться передъ глазами свѣта, тяготясь зломъ, ими совершеннымъ, люди рѣшаются покончить съ собой. Ихъ смерть — грѣхъ и несчастіе, но она же знакъ того, что они неравнодушны были къ доброму и честному имени и, прегрѣшивъ противъ закона, много и тяжело страдали. Данныхъ, которыя дали бы намъ право сказать, что Спѣсивцевъ и Карповъ убиты чужою рукой, нѣтъ, и мы не смѣемъ тревожить ихъ могильнаго покоя, отнимая отъ нихъ послѣднее доказательство ихъ неполнаго нравственнаго паденія.

Не знаю, убѣдило ли васъ соображеніе прокурора о смерти Спѣсивцева и Карпова, но оно понравилось Короткову. Онъ заявилъ, что и его хотѣли отравить. Свидѣтель достовѣрный, отчего же и не повѣрить? Только свидѣтель этотъ, будучи осужденъ за поддѣлку, внушаетъ недовѣріе: онъ утверждаетъ, что онъ невинно осужденъ и ничего не знаетъ, но что тѣмъ не менѣе его подкупали и хотѣли отравить. Ничего-то незнающій человѣкъ чѣмъ могъ быть опасенъ?..

Я забылъ, изслѣдуя возможность для Гаврилова того преступленія, которое ему приписываютъ, обратить ваше вниманіе на побудительныя причины къ нему.

Спеціальная цѣль поддѣлки—обогащеніе. Толчкомъ можетъ служить нужда, которая приводится Солнцевымъ, какъ причина, вовлекшая его въ дѣло, которая видна и по отношенію къ Карпову и Щипчинскому.

Гавриловъ и здѣсь былъ не въ тѣхъ обстоятельствахъ: онъ былъ богатъ, у него, вы слышали, было болѣе 10 тысячъ десятинъ земли, незаложенной, свободной. На богатство его указываетъ и званіе предводителя дворянства. Конечно, предводителемъ избираютъ иногда тороватыхъ, которыхъ иногда не отличишь отъ богатыхъ; но зато такія лица попадаютъ нерѣдко изъ предводителей въ долговую. Гавриловъ, неся обязанность, на него возложенную сословіемъ, не разорился, не задолжалъ. Онъ потерялъ имѣніе свое уже послѣ, по инымъ несчастнымъ обстоятельствамъ.

Мнѣ замѣтятъ, что имѣніе его было въ спорѣ. Но споръ этотъ былъ только фиктивный. Завѣщаніе, по которому мать его думала завладѣть имѣніемъ, было написано съ нарушеніемъ формъ и, очевидно, было недѣйствительно. Какое же побужденіе было къ под-

дѣлкѣ? Надо, чтобы между добромъ, котораго ждутъ отъ преступленія, и зломъ, въ какомъ находятся до него, была бы ощутительная разница. Для бѣдныхъ и запутанныхъ въ дѣлахъ людей это побужденіе очевидно, но надо было слишкомъ много благъ, слишкомъ мало риску, чтобы съ 30-тыс. годового дохода рѣшиться на поддѣлку бумагъ.

Сотни лицъ, противъ которыхъ собирается гроза уликъ, появляются здѣсь, и многія изъ нихъ, разрѣшенныя приговоромъ, уходятъ свободными. Законъ преклоняется предъ этимъ актомъ правосудія, потому что опытъ времени научилъ его, что иногда и противъ неповиннаго лица слагается масса обвиняющихъ его обстоятельствъ.

Вамъ предстоитъ разрѣшеніе недоумѣнія по настоящему дѣлу. Много данныхъ, много силъ у обвиненія—я не спорю; но нѣтъ недостатка на иные выводы и у подсудимаго. Сообразите же все это, припомните, что тѣ же улики и оговоры были уже въ виду судовъ. Суды обвинили Гаврилова. Когда же дѣло дошло до верховнаго учрежденія, до Государственнаго Совѣта, который по прежнему порядку могъ являться и законодательнымъ и судебнымъ учрежденіемъ, то у членовъ его, какъ у судей, явилось сомнѣніе въ силѣ уликъ, и они не взяли на свою судейскую совѣсть обвиненія противъ моего кліента. А послѣ этого развѣ открыто что-нибудь новое? Данныя остались тѣ же.

А подкупъ? Но подкупомъ называется—если даже допустить, что сотоварищи по несчастью пользовались помощью Гаврилова,—подкупомъ называется дача средствъ подъ условіемъ говорить неправду: „На тебѣ деньги, ступай, говори неправду“. Кто же, кромѣ Гудкова, этого достовѣрнѣйшаго свидѣтеля обвиненія, слышалъ, зналъ, бесѣдовалъ и условливался съ Гавриловымъ о подкупѣ? Не вѣрнѣе ли, что на вопросы ревностной комиссіи, которая принялась за дѣло горячо, арестанты показывали одно, а когда переведены были въ тюрьму, отдѣлались отъ ея вліянія, то показывали то, что находили сообразнымъ съ дѣломъ. И такъ они продолжали до того времени, пока состоялся приговоръ; тогда же, чтобы избѣжать, отдалить наказаніе, они вернулись къ старымъ оговорамъ.

Этому предположенію даетъ подкрѣпленіе и тотъ фактъ, названный обвиненіемъ уликою,—фактъ, что изъ арестантскихъ ротъ Гудковъ посылалъ къ Гаврилову, прося у него 5 р. Простая просьба, даже искренняя, прямо указываетъ, что, кромѣ просьбы, иного основанія требовать съ Гаврилова денегъ у Гудкова не было. А если вѣрить Гудкову, то въ это время наступалъ платежъ 10,000 руб.; если бы это было такъ, то у Гудкова это выразилось бы въ письмѣ и иномъ, болѣе рѣшительномъ тонѣ.

Вотъ что даетъ намъ настоящее дѣло. Многимъ располагаетъ обвиненіе, но и подсудимому есть на что указать. Такъ много сомнительнаго, такъ недостовѣрны лица, которымъ вѣритъ прокуратура, что обвиненіе становится вопросомъ. И, можетъ быть, настоящіе концы этого дѣла покоятся въ той бумагѣ, которую въ 1862 году Виттанъ подалъ властямъ. Можетъ быть это его усиліями, правда, не вполнѣ удавшимися, правосудіе сведено на ложный путь. Можетъ быть, не лишено достовѣрности слово подсудимаго, что онъ невиненъ.

Я не могу сказать ничего болѣе: я—человѣкъ, сужу по-человѣчески, по внѣшнимъ фактамъ, а душу его я не знаю.

Но и отъ меня и отъ васъ ничего болѣе не потребуется, и вы должны постановить приговоръ по тѣмъ даннымъ, которыя вы изучили. Ваше убѣжденіе должно создаться не безпричинно, а на основаніи того, что предложено вамъ обвиненіемъ и защитою. Если данныя шатки, если показанія не внушаютъ довѣрія, слѣдуетъ вынести оправданіе подсудимому. Это не моя просьба, это голосъ закона.

Предсѣдатель, отпуская васъ въ вашу совѣщательную комнату, ознакомитъ васъ съ требованіемъ закона. Для меня важно только указать вамъ руководящія начала его.

Законъ нашъ не жестокъ къ подсудимому: онъ не забываетъ правъ его и не лишаетъ его средствъ оправданія. Законъ не желаетъ обвиненія подсудимаго во что бы то ни стало: имъ оставлена теорія, требующая для страха подданныхъ сильныхъ и частыхъ обвиненій,—онъ хочетъ осужденія только тѣхъ, чья вина несомнѣнна, всякія же сомнѣнія онъ требуетъ принять въ пользу подсудимаго. Закону важнѣе, чтобы судъ былъ строгъ къ доказательствамъ и не жестокъ къ подсудимымъ. Закону одинаково дороги какъ интересы обвиненія, такъ и оправданія. Никогда не принесетъ онъ основательности судебныхъ рѣшеній въ жертву минутному интересу обвиненія того или другого лица.

Строгости въ сужденіи — вотъ чего я прошу у васъ, другой просьбы вы не услышите отъ меня. Я не подумаю настаивать на томъ, что годы страданій искупили вину: это будетъ уже просьба о пощадѣ, а пощады просятъ провинившіеся. Это будетъ уже просьба о милости; но защита, оставаясь вѣрна долгу гражданина, не можетъ васъ просить о томъ, на что вы не имѣете права. Вамъ не дано миловать, да нѣтъ и надобности настаивать на этомъ. Право миловать принадлежитъ иной, выше васъ стоящей власти, предъ которою еще не оставалась тщетной ни одна изъ просьбъ, отыскивающихъ милосердія.

Но тотъ же законъ, который не далъ вамъ права помилованія, тре-

буетъ, чтобы осужденіе произносилось только тогда, когда доказана основательность обвиненія.

Теперь я окончу слово мое, и подсудимый останется одинъ передъ вами, томительно переживая минуты невѣдѣнія, ожидая вашего слова.

Не будьте строги безъ пользы, не будьте жестоки!

Если то, что вы видѣли здѣсь, убѣдило васъ, крѣпко убѣдило въ его виновности, скажите: „виновенъ“.

Но если отъ васъ требуютъ грознаго приговора, не представивъ данныхъ, которымъ бы вы могли ввѣриться безъ всякаго сомнѣнія, вы скажете, вы д о л ж н ы вынести — оправданіе.

Судите же!

Молю Небо, чтобы приговоръ вашъ, удовлетворяя высшимъ требованіямъ закона, въ то же время былъ полонъ наитіемъ того любвеобильнаго правосудія, сущность котораго состоитъ въ томъ, что, вѣруя въ лучшія стороны нашей природы, судъ до послѣдней крайности, до послѣдней возможности сомнѣвается въ человѣческомъ паденіи.

Только этотъ взглядъ истиненъ, только онъ вѣренъ, только въ немъ отражается возможно полно та небесная правда, которой жаждетъ человѣческое сердце!

XX.

Дѣло братьевъ Александра и Ивана Поповыхъ.

Дѣло бр. Александра и Ивана Поповыхъ,

обв. въ мошенничествѣ.

Въ 1878-мъ году въ Москвѣ купецъ А. Поповъ, учредивъ торговый домъ подъ фирмой „А. Поповъ и К⁰“, сталъ производить торговлю чаемъ въ этикетахъ, сходныхъ съ этикетами извѣстной уже въ то время чайной фирмы „Бр. К. и С. Поповы“.

По ходатайству торг. дома „Бр. К. и С. Поповы“ департаментъ торговли и мануфактуръ разрѣшилъ ему употребленіе новаго рисунка на этикетахъ. Тогда и „Торговый Домъ А. Поповъ“ соотвѣтственно измѣнилъ рисунки на своихъ этикетахъ.

Послѣ этого торговый домъ „К. и С. Поповы“ былъ превращенъ въ товарищество чайной торговли „К. и С. Поповы“ и, согласно новому названію, были измѣнены и этикеты. Братья А. и И. Поповы не замедлили внести въ рисунки своихъ этикетовъ соотвѣтственное измѣненіе.

Этикеты торговаго дома и товарищества оказались настолько сходными, что чаи „К. и С. Поповы“ смѣшивались съ чаями „А. и И. Поповы“, и вслѣдствіе очень дурного качества послѣднихъ установившаяся слава чайной фирмы „К. и С. Поповы“ стала падать.

По указанію товарищества „К. и С. Поповы“ было установлено, что чай торговаго дома „А. и И. Поповы“ приготовляется смѣшеніемъ настоящаго чая съ капорской травой, въ доказательство чего было представлено письменное требованіе торг. дома „А. и И. Поповы“ къ М. Ботину о высылкѣ значительнаго количества капорской травы.

Было, кромѣ того, установлено, что торг. домъ „Братья А. и И. Поповы“ производилъ торговлю и другими предметами, пользуясь для этого такими же средствами, какъ и при продажѣ чая,—придавая имъ внѣшнюю форму такого же фабриката одной изъ извѣстныхъ фирмъ.

Въ виду этого братья Александръ и Иванъ Поповы и Матвѣй Ботинъ были преданы московскому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Засѣданіе происходило съ 4—7 мая 1888 г. Предсѣдательствовалъ това-

рищъ предсѣдателя Лавровъ. Обвинялъ товарищъ прокурора Горнштейнъ. Гражданскій искъ товарищества „К. и С. Поповы“ поддерживалъ Ф. Н. Плевако. Защищали: братьевъ Александра и Ивана Поповыхъ присяжные повѣренные В. Высоцкій и Н. П. Карабчевскій; Ботина — помощникъ присяж. повѣреннаго В. Курловъ.

Присяжные засѣдатели признали виновными Александра Попова и Матвѣя Ботина въ приписывавшемся имъ преступленіи, давъ имъ обоимъ снисхожденіе. Иванъ Поповъ былъ признанъ невиновнымъ. Окружный судъ приговорилъ Александра Попова къ лишенію особенныхъ правъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію; Матвѣя Ботина, въ виду признанія присяжными засѣдателями размѣра выгоды имъ отъ преступнаго дѣйствія не превышающимъ 300 руб.,— къ заключенію въ тюрьмѣ на 2 мѣсяца.

Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца.

Товарищество „К. и С. Поповы“, какъ вамъ извѣстно, по почтенному прошлому и по личнымъ достоинствамъ своего теперешняго состава, принадлежитъ къ тѣмъ промышленнымъ фирмамъ, которыя дѣлаютъ честь торговому сословію своей страны.

Долговременный почетъ развиваетъ въ лицахъ, имъ пользующихся,—особенно, если этотъ почетъ заслуженъ,—тонкое пониманіе того интеллектуальнаго блага, которое въ добромъ имени и почетѣ заключается. Для такихъ натуръ,—независимо отъ болѣе осязаемыхъ и всѣмъ понятныхъ побужденій искать защиты своего нарушеннаго подрывомъ ихъ торговаго дѣла права,—для такихъ натуръ, говорю я, тяжело переносить упреки въ нерадѣніи и неохраненіи славы и чести, ими унаслѣдованной.

И вотъ, когда на повѣрку оказывается, что упреки идутъ не безъ основанія, опираются на факты, а между тѣмъ эти факты—плодъ грубаго и злонамѣреннаго подкопа со стороны неразборчиваго торгашества, простительно и понятно стремленіе положить предѣлъ злу, понятно ополченіе противъ недруговъ.

Но хотя мы теперь въ положеніи боевомъ, хотя противъ насъ готовятся удары сильные, и, по всей вѣроятности, мѣткіе, я хочу отступиться отъ прививаемой боевой тактикой привычки тянуть во что бы то ни стало въ свою сторону, расчитывая на подобный же пріемъ и со стороны соперниковъ и на то, что вы, судьи, возстановите истину, отсѣкая крайности нашихъ мнѣній.

Болѣе вдумчивое отношеніе къ задачамъ сторонъ на судѣ убѣдило меня, что примѣнять механическій законъ діагноли силъ къ живому дѣлу правды не слѣдуетъ: двѣ крайности не намѣчаютъ вѣрнаго пути, а даютъ двумя вѣроятностями больше, что изслѣдователь попадаетъ на путь недолжный.

Я хочу вѣрить, что живое чувство справедливости можетъ угадать и въ одномъ робкомъ голосѣ болѣе правды, чѣмъ въ десяткахъ громкихъ и ловкихъ голосовъ, извращающихъ ее...

Въ настоящемъ дѣлѣ, какъ и въ большинствѣ дѣлъ, требующихъ вашего рѣшенія, собраны факты, значеніе которыхъ не общепризнано. Предстоитъ по отношенію къ нимъ выйти изъ состоянія неизвѣстности и установить опредѣленное мнѣніе.

Но задача этимъ не кончается.

За внѣшними фактами—чаемъ, травой, ящиками, за ихъ движеніемъ по направленію отъ складовъ, какъ за мускульными движеніями ногъ человѣческихъ, лежитъ вопросъ о томъ, куда и зачѣмъ это движеніе предпринимается. Траву могли везти въ складъ по ошибкѣ, и ошибка могла заключаться только въ томъ, что ея мало привезли; отъ склада могли отвезти траву, какъ нежелательную, и могли отводить отвозомъ глаза менѣе подозрительной власти.

Этикеты, которыми А. и И. Поповы украшали свои чаи, могли быть только подражаніемъ малограматнаго грамотному, могли быть случайнымъ совпаденіемъ существенныхъ буквъ—иниціаловъ одного предпріятія съ неменѣе существенными иниціалами имени другой фирмы..

Словомъ сказать, судебной власти удалось найти въ помѣщеніи А. и И. Поповыхъ, предназначенномъ для чайнаго дѣла, присутствіе подмѣси капорки. Свѣдущіе люди установили, что этотъ сортъ травы не имѣетъ на рынкѣ никакого употребленія, ни къ чему не пригоденъ и получаетъ свое значеніе лишь въ подпольныхъ сферахъ промышленности. Кажется, достаточно твердо установлено и то, что Ботинъ и Хохловъ ставили этотъ продуктъ именно этому торговому дому.

Я могу смѣло принять эти факты, какъ непоколебимые. Будь сомнѣніе въ этихъ фактахъ, обвинителю и намъ пришлось бы согласиться, что дѣло шатко. Фактическую почву надо установливать осторожно: фактическіе вопросы, это—та область, гдѣ нѣтъ мѣста догадкамъ, гдѣ каждый обвинительный штрихъ, какъ цѣна крови, долженъ быть купленъ дорогою цѣною.

Но разъ фактъ установленъ, то значеніе факта въ общей экономіи жизни даннаго лица мы можемъ устанавливать смѣлѣе: вѣдь законъ,

правосудіе и судъ имѣютъ смыслъ и право на свое существованіе только потому, что въ нашей жизни такъ много схожаго, что по образу и подобію своей обычной, чаще всего случающейся нормы мы можемъ безъ страха судить о другихъ. Придумайте, пріищите въ вашей памяти схожіе случаи: зачѣмъ честному торговцу въ своемъ помѣщеніи имѣть, зачѣмъ пріобрѣтать внушительную массу матеріала, изъ котораго фабрикуется поддѣлка того самаго товара, которымъ онъ торгуетъ?

Опыты? Но вы видѣли здѣсь, что для опытовъ достаточно щепотки травы. Мысль тѣмъ лучше сосредоточивается надъ вопросомъ, чѣмъ менѣе ненужнаго хлама окружаетъ его оболочку...

Но всякій споръ о причинѣ нахожденія капорской травы въ складѣ А. и И. Поповыхъ уничтожается, благодаря краснорѣчивому комментарію, даваемому мѣстомъ нахожденія.

Стоитъ перейти изъ складовъ чаевъ и капорки, и длинные переходы прямо вводятъ васъ въ особыя отдѣленія, гдѣ въ миніатюрѣ вся Европа имѣла своихъ неаккредитованныхъ представителей: вотъ англійское мятное масло, вотъ лаки, вотъ пріютился опольдедокъ, вотъ и касторовое масло. Тутъ невѣдомо для себя работаютъ иностранцы, работаетъ даже прибывшій съ того свѣта Алякритскій.

Очевидно, мы присутствуемъ въ лабораторіи современнаго Фауста, заключившаго союзъ съ Мефистофелемъ...

Во всякомъ дѣловомъ отношеніи, въ особенности промышленномъ столкновеніи, частныя удобства и неудобства, слабыя и сильныя стороны правилъ и установленій, ограждающихъ отношенія, сказываются во времени. Если мы хотимъ знать, въ данномъ случаѣ, что значитъ въ торговлѣ фирма и какое зло наносится воспроизведеніемъ и подражаніемъ этикету существующей давно фирмы, мы должны обратиться къ опыту странъ, гдѣ крупные торговые обороты ведутся вѣками, гдѣ и охрана интересовъ, и подкопъ подъ нихъ богаты многолѣтнимъ опытомъ. Позвольте мнѣ познакомить васъ въ этомъ отношеніи съ богатой, глубокомысленной практикой французскихъ судовъ. При заманчивости, какія имѣютъ произведенія извѣстныхъ фирмъ Франціи для всемірнаго рынка, легкомысліе и злоумышленіе давно старались вводить въ заблужденіе публику и сбывать, вмѣсто настоящихъ, фабрикованные продукты.

И вотъ какъ строго и справедливо отнеслись къ подобнымъ продѣлкамъ французскіе суды. Они признали, что сбытъ товара своего, не снискавшаго къ себѣ довѣрія на рынкѣ, подъ чужимъ этикетомъ, есть дѣяніе, равное мошенничеству и воровству.

Такимъ ложнымъ знаменемъ они признали не только случаи полнаго воспроизведенія чужого имени или знака, но и всякое внѣшнее дѣйствіе, гдѣ имѣется въ виду недобросовѣстно ввести покупателя въ обманъ, а себѣ пріобрѣсти незаконную выгоду. По мнѣнію ихъ, даже пользованіе своимъ именемъ, если при этомъ видно намѣреніе не напоминать о себѣ, а расчитывать на сходство своего имени съ именемъ, пріобрѣвшимъ заслуженную репутацію, есть дѣяніе наказуемое и наносящее ущербъ чужому законному праву.

Свой взглядъ на вышеизложенное ораторъ иллюстрируетъ далѣе примѣрами изъ жизни извѣстнѣйшихъ французскихъ фирмъ.

Нѣкто Bardou пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность папиросной бумагой съ клеймомъ J◇B. Подмѣтивъ сходство знака ◇ съ буквой O, публика стала называть бумагу JOB.

Другой торговецъ пустилъ въ продажу свою бумагу также подъ маркой JOB и защищался противъ предъявленнаго къ нему иска тѣмъ соображеніемъ, что названіе JOB получилось лишь благодаря заблужденію публики, марка же Bardou не JOB, а J◇B.

Но судъ призналъ его поддѣлывателемъ.

Тогда обвиняемый подыскиваетъ себѣ компаньона по имени JOB и продолжалъ торговать подъ этой маркой, но новый вердиктъ приговариваетъ его къ штрафу въ 5,000 фр. одновременно и на будущее время по 100 фр. за каждую открытую поддѣлку.

Осуждая виновныхъ, въ виду ихъ недобросовѣстнаго образа дѣйствій и старанія ввести судъ въ обманъ, судъ заканчиваетъ свой приговоръ словами: „правосудіе, охраняя честную и законную торговлю, не можетъ не порицать тѣхъ средствъ, къ какимъ прибѣгаютъ нѣкоторые торговцы съ цѣлью привлечь къ себѣ покупателей“.

Та же доктрина будетъ умѣстна и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ торговецъ, рядомъ съ своей фамиліей ставитъ фамилію жены, тождественную съ названіемъ какой-либо громкой фирмы, если только судъ изъ существа дѣла убѣдится, что смѣшеніе двухъ фирмъ было возможно. Самымъ простымъ примѣромъ можетъ служить та обыкновенная мошенническая уловка, когда одну фамилію или слово пишутъ крошечными буквами, а другое рядомъ — крупными, чтобы оно бросалось въ глаза. Такъ что весь вопросъ будетъ заключаться не въ правѣ, а въ намѣреніи, которое безспорно подлежитъ неограниченному усмотрѣнію судьи.

Другой примѣръ.

Въ процессѣ Chartreus поддѣлыватель настоящаго ликера „Elexir

de la Chartreuse" оправдывался тѣмъ, что онъ помощью магнетизма проникъ въ свойства монастырскаго ликера и фабрикуетъ ликеръ совершенно съ тѣмъ одинаковый и называть его иначе онъ не можетъ, ибо это значило бы неправильно обозначить истинныя его свойства; что открылъ онъ торговлю въ Chartreus; что онъ не называетъ свой продуктъ „Liqueurs de la Chartreuse ou de la grande Chartreuse", а— „Liqueurs, fabriquèes à la Pierre de Chartreuse", гдѣ и основана фирма; что его этикетъ отличается двумя медалями и, наконецъ, что фамилія его тамъ вся прописана.

Но уголовный трибуналъ нашелъ: 1) относительно п р а в а—законъ долженъ быть толкуемъ въ слѣдующемъ смыслѣ: преступленіе налицо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прибавка, убавленіе или какая бы то ни была порча могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ смѣшеніе новыхъ продуктовъ съ прежде бывшими и составляющими частную собственность; 2) относительно ф а к т а, что, безъ сомнѣнія, право на имя R. P. Chartreus не принадлежитъ безразлично каждому собственнику; что названіе, присвоенное ими ликеру и внесенное въ реестръ, составляетъ нѣчто отдѣльное отъ самаго ликера; что, стало быть, никто, ни прямо, ни косвенно, права ихъ въ этомъ отношеніи нарушить не можетъ; что никто не можетъ ни дѣлать, ни публиковать, ни писать что-либо, могущее вызвать смѣшеніе; что таково всегдашнее примѣненіе закона и что въ данномъ случаѣ и коммерческій судъ, и Гренобльская палата, и исправительный судъ въ Ліонѣ совершенно правильно поступили, признавъ, что совершенное тожество не необходимо: достаточно, если клеймо, печать, этикетъ или виньетка могутъ ввести публику въ заблужденіе, убыточное для собственника предмета...

Еще случай, хотя и грубой поддѣлки: нѣкто съ цѣлью воспользоваться фирмой Petit, пишетъ на вывѣскѣ au gagne petit („съ малымъ барышомъ"),—но это „au gagne" можно открыть лишь при усиленно внимательномъ всматриваніи...

Въ этомъ отношеніи законъ предоставляетъ судьѣ полнѣйшую свободу оцѣнки. Судья долженъ имѣть въ виду „намѣреніе, съ которымъ совершалось дѣйствіе",—а это намѣреніе раскрывается изъ той цѣли, которую преслѣдовалъ виновникъ,—изъ результатовъ, къ которымъ онъ стремился, и, наконецъ, изъ тѣхъ предосторожностей, которыми онъ обставлялъ свое дѣло и которыя, какъ замѣтилъ одинъ судъ, нерѣдко выдаютъ обманъ старательностью скрыть его.

Не нужно, чтобы поддѣлка была грубая или полная. Довольно,

если можно смѣшать поддѣльное съ настоящимъ и если это смѣшеніе старались создать.

Извѣстна громкая репутація одеколона Jean Marie Farina. Одинъ фабрикантъ принялъ фамилію Antoine Farina и считалъ себя въ безопасности за разницей имени, но по жалобѣ Jean Marie былъ приговоренъ въ тюрьму.

Еще рѣзкій примѣръ: Торговый Домъ Veuve Cliquot et Pousardin de Rheims снискалъ большую извѣстность своимъ шампанскимъ. Нѣкто Fisse подыскиваетъ себѣ въ Парижѣ компаньона по имени Cliquot, въ лицѣ агента страхового общества, вступаетъ съ нимъ въ мнимое товарищество подъ фирмой Cliquot et C_0. Управленіе дѣлами фирмы вручается приказчику Frantz въ качествѣ простого вкладчика съ правомъ сбывать застоявшіяся въ ихъ винныхъ погребахъ вина (Fisse — тоже виноторговецъ) подъ громкой маркой... Cliquot продолжаетъ служить агентомъ страхового общества.

Cliquot et Pousardin предъявляетъ къ Fisse, Cliquot et Frantz искъ о воспрещеніи послѣднимъ продавать вино подъ маркой Cliquot. Реймскій коммерческій судъ не рѣшается опорочить товарищескій договоръ и отказываетъ въ искѣ. Но Парижскій апелляціонный судъ уничтожаетъ контрактъ въ виду того, что 1) изъ представленныхъ къ дѣлу документовъ, и въ особенности изъ того обстоятельства, что Louis Cliquot не живетъ въ Реймсѣ, гдѣ находится фирма, что онъ не коммерсантъ, что во время заключенія компанейскаго договора онъ не могъ внести капитала въ коммерческое предпріятіе, и, наконецъ, изъ его положенія въ дѣлѣ явствуетъ, что A. Cliquot былъ приглашенъ въ товарищество только ради своего имени и въ надеждѣ, что при помощи этого послѣдняго новая фирма воспользуется кредитомъ, открытымъ дому Veuve Cliquot et Pousardin; точно также очевидно, что лишь ради этого имя Cliquot фигурируетъ на пробкахъ бутылокъ и помѣщено въ названіи новой фирмы; 2) такая мнимая спекуляція съ вышеуказанной цѣлью наноситъ ущербъ интересамъ дома Cliquot et Pousardin и потому должна быть прекращена, и хотя Cliquot не лишенъ права пользоваться своимъ именемъ съ торговыми цѣлями, но онъ не можетъ ссужать имъ другихъ лицъ и доставлять имъ помощью обыкновенной уступки своего права коммерческій кредитъ, которымъ пользуется нынѣ фирма вдовы Cliquot.

Кассаціонная жалоба отвѣтчиковъ была оставлена судомъ безъ послѣдствій.

Такой же примѣръ представляетъ процессъ Moreaux, гдѣ точно также судъ удовлетворилъ требованіе истцовъ въ виду недобросовѣстности и обманнаго характера сдѣлки.

Тамъ, гдѣ судъ видѣлъ передъ собой серьезную ассоціацію, онъ предоставлялъ компаньонамъ выбирать для фирмы любое изъ ихъ именъ, но подъ условіемъ, чтобы такой выборъ не служилъ скрытому желанію отбить покупателей у одноименнаго, но болѣе стараго торговаго дома.

Такъ, въ дѣлѣ Roederer et C° судъ предписалъ младшей фирмѣ писать передъ словомъ Reoderer имя Theophile буквами одной формы и одного размѣра съ первымъ словомъ и прибавить еще такимъ же почеркомъ: „maison fondée en 1864".

Итакъ, попытки поддѣлки этикета преслѣдуются, и судъ въ одномъ случаѣ, констатируя фактъ, что лицо, чье имя пишется на вывѣскѣ новой фирмы, само въ дѣлѣ не участвуетъ, капитала въ него не вложило, а ведетъ свое особое комиссіонерское дѣло гдѣ-то на югѣ Франціи, заставилъ фирму вычеркнуть его наименованіе изъ этикета. Въ другомъ случаѣ, гдѣ новая фирма располагала товарищемъ, имѣющимъ общую фамилію съ владѣльцемъ знаменитой фирмы, и имя, начинающееся одной и той же буквой, заставилъ подробно обозначать, что эта фирма—новая и что ея глава есть младшій представитель знаменитой фамиліи.

И нельзя не привѣтствовать этихъ рѣшеній.

Если бы достаточно было исковеркать болѣе или менѣе фамилію, чтобы очутиться внѣ запрещеній, налагаемыхъ законами, чтобы избѣгнуть всякаго удовлетворенія, всякой кары, то и законъ сталъ бы вскорѣ мертвою буквою, а самая постыдная конкуренція не знала бы границъ.

Суды не опасались нарушить волю закона, а въ твердомъ намѣреніи ее выполнить отсылали въ тюрьму лицъ, которыя снабжали свои этикеты рисунками, похожими на употребляемые извѣстными фирмами, или воспроизводили ихъ вполнѣ, кромѣ имени, замѣняя его другимъ созвучнымъ, напримѣръ, вмѣсто Александръ—Алексапетръ и т. п.

Я утверждаю, что и нашъ законъ охраняетъ не этикетъ отъ буквальнаго воспроизведенія, а охраняетъ право отъ всякой недобросовѣстной поддѣлки подъ него. Если преступно настроенная воля достигаетъ своей цѣли менѣе утонченнымъ способомъ, благодаря малограмотности страны, то и этотъ способъ, какъ достаточный для злого умысла, долженъ быть достаточнымъ и для кары его.

А Поповы, А. и И., это именно и дѣлали. Подъ этикетами, схожими съ фирмой К. и С. Поповыхъ, они сбывали свои низкопробные и вредные чаи.

Сбывая, они достигали разомъ двухъ цѣлей.

Вы знаете, что чай капорскій они мѣшали только въ поддѣльную обертку, а подъ литерами А. и И. они сбывали чай, равный цѣнѣ, а иногда и лучшій, чѣмъ позволяла цѣна.

Маневръ ясенъ. Этикетъ давалъ подмѣси сбытъ и барышъ—сбытчику, а дурное свойство чая подъ этимъ этикетомъ роняло довѣріе къ фирмѣ, именемъ которой они злоупотребляли. А рядомъ съ дурнымъ чаемъ предлагался чай доброкачественный подъ настоящей оберткой, А. и И., чтобы покупатель зналъ, что на смѣну дискредитированной фирмы появляется новая, хорошая фирма съ доброкачественнымъ чаемъ.

Неужели же это недостойно порицанія?!

А если достойно порицанія, то повѣрьте, что распространеніе вами на новыя нежеланныя явленія карательныхъ мѣръ закона едва ли сочтется за нарушеніе границъ, положенныхъ закономъ.

Законодатель, помоществуемый вашей опытностью, видя ваши усилія въ борьбѣ со зломъ въ его новыхъ путяхъ, вмѣстѣ съ вами не позволитъ преступленію уходить безнаказаннымъ только потому, что оно придумаетъ для одной и той же цѣли, для одного и того же результата нѣсколько видоизмѣненную форму...

Отъ васъ мы ожидаемъ, что вы не дадите злу пересилить правду и отстоите ее отъ хитроумныхъ способовъ, на которые такъ изобрѣтательна нажива...

XXI.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ.

Засѣданіе Харьковской Судебной Палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 12 февраля—18 марта 1885 года подъ предсѣдательствомъ Завадскаго.

Еще съ 1880 года въ Таганрогѣ стали циркулировать упорные слухи о томъ, что въ мѣстной таможнѣ допускаются злоупотребленія. Слухи эти дошли до свѣдѣнія административныхъ властей и возбудили среди мѣстныхъ купцовъ панику. Опасныя для дѣла лица усылались и сами уѣзжали въ далекія неожиданныя путешествія, торговые документы подвергались измѣненію и уничтоженію.

Нѣкоторые купцы впослѣдствіи послѣ возбужденія слѣдствія являлись къ слѣдственной власти и открывали и свои и чужія дѣйствія.

Въ томъ же 1880 году былъ назначенъ новый управляющій таможней Никитенко, человѣкъ безупречной репутаціи; но спустя нѣкоторое время и онъ оказался замѣшаннымъ въ дѣло.

Результаты предварительнаго слѣдствія закончились составленіемъ обширнаго обвинительнаго акта, по которому подсудимые, купцы и ихъ довѣренные, а также должностныя лица Таганрогской таможни обвинялись въ томъ, что по взаимному между собою соглашенію, дѣйствуя вполнѣ организованной компаніей, во главѣ съ обвиняемымъ Вальяно, получали изъ таможни при содѣйствіи чиновниковъ заграничные товары—чай, масло, рожки и проч., безъ оплаты таможенною пошлиною. Чиновники таможни въ таможенныхъ документахъ показывали вѣсъ товара меньше дѣйствительнаго, совершали подлоги, подчистки и проч.

Злоупотребленія эти относятся къ періоду времени съ мая 1878 года по декабрь 1881 года.

Обвиненіе поддерживали тов. прокурора Закревскій, Башкировъ и Дукмасовъ.

Со стороны казны поддерживалъ гражданскій искъ прис. пов. Рейнботъ.

Защищали: Вальяно — А. Я. Пассоверъ; Никитенко, Чуле и Ходаковскаго — Н. П. Карабчевскій; Сфаэлло и Попандопуло — Александровъ; Гази — Мотте; Паули — Желеварджіевъ; Караяна — Пеняковъ; Гойланда и Кузовлева — Клоповъ; Михайлова — Осиповъ; Бабенкова — Фонбергъ; Полякова и Апостолова — Литощенко; Новикова и Лоидиса — Гладкій; Айканова — Андреевскій; Григорова, Георгіева, А. и Н. Муссури, Сакелляриди, Писани и Николаева — Ф. Н. Плевако; остальные — Лупи, Векелеръ, Зубковъ, Липскій, Сигаевъ, Рощинъ и др. имѣли защитниковъ по назначенію.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено болѣе тысячи вопросовъ по 97 группамъ обвиненій.

Послѣ 3-хдневнаго совѣщанія присяжные засѣдатели признали 80 случаевъ злоупотребленій. Оправданы — Ходаковскій, Рощинъ, Паули, Никитенко, Апостоловъ, Поляковъ, Лоидисъ, Бабенковъ, Гизи, Сакелляриди, Писани, Гойландъ и Бураки.

Признано, что Вальяно, Сафаэлло, Муссури и Глобинъ находились въ стачкѣ съ таможенными чиновниками въ навигацію 1881 года.

На основаніи этого вердикта Палата приговорила обвиняемыхъ частью къ ссылкѣ на поселеніе въ Томскую и Олонецкую губерніи, частью подвергла оштрафованію.

Начеты въ пользу казны удовлетворены съ каждаго подсудимаго полностью.

Рѣчь въ защиту А. и Н. Муссури.

Милостивые Государи!

Ваше изумительное долготерпѣніе обязываетъ меня дорожить каждой минутой вашего времени. Я начну прямо съ доводовъ въ интересахъ А. Муссури и его злополучнаго Лепорелло — Н. Муссури.

Изъ 97 случаевъ, записанныхъ вами въ книжкахъ, обязательно предложенныхъ вамъ распорядительностью короннаго суда, моимъ кліентамъ приписываютъ 12. Надъ ними, если вы не придерживаетесь принципа дурныхъ судей: „вали все въ кучу, послѣ разберемъ“, — надъ ними есть надъ чѣмъ подумать, есть о чемъ призадуматься.

Мы уже слишкомъ поглощены фактами: масса мѣстъ, вѣсовъ, коносаментовъ, тары готовы задушить насъ; за грудой матеріаловъ не не видать людей.

Но вы, судьи, не должны позволить фактамъ возобладать надъ

собой: вы не бухгалтеры, подводящіе счетъ пропавшей казенной копѣйкѣ, вы, рѣшители судебъ человѣческихъ,— вы займитесь не фактами помимо людей, а людьми помимо фактовъ.

Защитнику Муссури нѣтъ необходимости опровергать шагъ за шагомъ обвинителя: многое для него безразлично; многое онъ готовъ признать. Особенность дѣла Муссури—та, что оправданіе его начинается тамъ, гдѣ обвиненіе предполагаетъ свой базисъ.

И прежде всего, защита не можетъ не согласиться, что въ Таганрогѣ было далеко не чисто. Казнокрадство, видимо, свело себѣ гнѣздо; представители власти видѣли въ своихъ мѣстахъ, въ своемъ дѣлѣ — прибытокъ, а въ законѣ — сѣть, по ихъ произволу захватывающую или освобождающую вольную птицу отъ обязанностей передъ общественной казной за условленную подачку.

Въ такой-то тяжелой атмосферѣ жили и дѣйствовали люди, сегодня вами судимые.

Но Тотъ, кого мы сегодня вспоминали, въ эпоху, недавно нами пережитую, насадилъ на русской нивѣ дерево правосудія и законности. Оно дало роскошный ростъ...

Теперь вѣтры и погоды ему не благопріятствуютъ: портятъ листву, сушатъ его молодые побѣги. Ростъ стѣсненъ во многихъ сферахъ, но зато общественному чувству справедливости дана возможность удовлетворить себя въ борьбѣ съ хищеніями и растратами.

Къ этой сферѣ относится и настоящее дѣло.

И, конечно, мы,— вы и все честномыслящее на Руси,— не можемъ не сочувствовать наступательному шествію обвинительной власти въ область взятки и казнокрадства, не можемъ не желать побѣды и и одолѣнія надъ врагами общественныхъ интересовъ и расхитителей государственнаго достоянія.

Но, м. г., боевыя мѣры, какъ и военныя, имѣютъ одинъ недостатокъ: сила, пущенная въ дѣло, не можетъ остановиться на точно опредѣленной точкѣ: боевой патронъ, пущенный солдатомъ въ непріятельскій лагерь, поражаетъ поселянина, пересѣкавшаго случайно линію полета пули; въ осажденной крѣпости терпятъ вмѣстѣ съ запертой арміей и мирные граждане...

Оттого-то человѣческая мысль — противъ войны, оттого-то среди торжества побѣдъ человѣческое сердце взываетъ къ миру и покою.

Но избѣжать зла нельзя, мы миримся съ нимъ, пока не переставая называть его „печальной необходимостью“.

Мирная война закона съ врагами его, къ счастію, можетъ обходиться безъ этихъ злополучныхъ жертвъ. Между поднятымъ мечомъ

карающей власти, этой арміи закона, и подсудимымъ стоитъ судъ; онъ останавливаетъ руку обвинителя и изслѣдуетъ: къ числу враговъ или мирныхъ гражданъ, живущихъ въ осажденной странѣ, принадлежитъ облюбованная жертва.

Такая задача въ отношеніи къ А. и Н. Муссури теперь выпала намъ.

Задача эта тѣмъ необходимѣе, что дѣло идетъ у насъ, на Руси, гдѣ, какъ показываетъ это процессъ, мы еще не доросли до надлежащаго чувства законности. Мы не привыкли къ охранѣ закона. Долготерпѣливо, какъ легендарный Илья Муромецъ, мы сидимъ и смотримъ, какъ совершается беззаконіе, — сидимъ и вдругъ возьмемъ и накинемся.

А какъ накинемся?

Да такъ же, какъ и въ ту старину, когда, потерявъ терпѣніе, князья шли на непокорныя племена и примучивали ихъ, не щадя ни пола, ни возраста, примучивали, чтобы на многіе годы внушить спасительный страхъ въ врагахъ своихъ передъ своей силой и своей строгостью.

Тотъ же политическій пріемъ практикуется и теперь. Мы долго молчали, на нашихъ глазахъ происходили крупныя хищенія: вдругъ мы встали и бросились примучивать Таганрогъ, примучивать грозой, захватывающей всѣхъ, кто попался на дорогѣ, не разбирая зла дѣйствительнаго отъ зла кажущагося, главныхъ двигателей дѣла отъ увлеченныхъ его движеніемъ и неустоявшихъ людей.

При этомъ вся задача наша ушла на то, чтобы отыскать всякій грошъ, утаенной у казны.

Дѣло хорошее, энергія похвальная, но мы ужъ очень не церемонимся съ людьми, лишая ихъ добраго имени и благъ. Осуждая чиновниковъ за небрежность, поверхностность, за неразличеніе мѣстъ и вѣса вводимаго товара, мы сами преслѣдуемъ и обвиняемъ людей огуломъ, насыпью, какъ насыпью везется въ Россію малоцѣнный товаръ...

Не будетъ неумѣстной просьба моя къ вамъ: оказать побольше уваженія къ людямъ. Вѣдь это — не рожки, не орѣхи, и каждый изъ привлеченныхъ заслуживаетъ вниманія больше любого многоцѣннаго товара. Человѣческая душа — дороже міра, и государство, гдѣ груды золота, но гдѣ люди гибнутъ, какъ мухи осенью, едва ли обезпечиваетъ себѣ прочность.

Сила—въ правдѣ, въ уваженіи къ человѣку, въ охранѣ его личности, а не наоборотъ...

Но и это — понятная вещь: мы такъ еще недавно стали цѣнить человѣка, такъ еще недавно промѣнять сторублеваго раба на двѣсти-рублевую собаку было и правомѣрно и выгодно и возбуждало уваженіе къ предпріимчивости, что отвыкнуть еще не успѣли, и въ погонѣ за охраной матеріальныхъ интересовъ казны, интересовъ почтенныхъ, мы не задумались надъ значеніемъ человѣческой личности и надъ невознаградимымъ ущербомъ, если, преслѣдуя имущественные тересы, поступимся, по недочету, нѣсколькими ошибочно погибшими въ общей схваткѣ людьми.

Но если это бываетъ, то не должно быть.

Охранить человѣческую личность, привлеченную по огульному обвиненію, отдѣлить ее отъ дѣйствительныхъ враговъ общества и жизни — вашъ долгъ.

Мое дѣло — представить вамъ мои въ этомъ направленіи доводы.

Зададимся жъ вопросомъ: А. Муссури и его спутникъ — враги ли закона и члены предполагаемой шайки контрабандистовъ, или — нѣтъ?

Красной нитью въ дѣлѣ Муссури, сравнительно съ другими крупными купцами Таганрога, проходитъ какъ характерный признакъ, что противъ него нѣтъ указаній на злоупотребленія ранѣе 1881 года. Въ Таганрогѣ, если вѣрить обвиненію, обходятъ таможенные законы, составляютъ точно опредѣленные, шаблонные способы хищенія, а Муссури — въ сторонѣ отъ дѣла.

Выставляя это положеніе, защитникъ затѣмъ задался вопросомъ: что же это такое?

Во всякомъ случаѣ это—не случайность. Напрасно обвиненіе старается подкопать безупречность Муссури ранѣе 1881 г. и прибѣгаетъ къ способу, явно не основательному, — къ признанію своего безсилія.

Указавъ на то, что для сравненія коносамента съ досмотромъ и отвѣса съ подводами у таможни и до комиссіи, раскрывавшей злоупотребленія, всѣ данныя—подъ рукою, защитникъ пришелъ къ убѣжденію, что обвинить Муссури въ злоупотребленіяхъ ранѣе 1881 г., значитъ явно взводитъ на него несуществующіе проступки.

Переходя къ 1881 году, защитникъ, строго говоря, не отрицалъ злоупотребленій и не защищалъ ихъ, какъ послѣдствія несовершенства таможенныхъ законовъ и общераспространенной непріязни къ пошлинамъ и налогамъ. Фигурируя гражданскимъ истцомъ въ большинствѣ послѣднихъ дѣлъ, разбиравшихся въ нашихъ судахъ (Рыковскій, Булахъ и т. п.), защитникъ Муссури не симпатизируетъ, видимо, имущественному захвату, особенно совершаемому богатыми.

Люди, которые крадутъ не по требованіямъ голоднаго брюха, а по алчности къ богатству, нашихъ симпатій не заслуживаютъ, говорилъ онъ, характеризируя настоящее дѣло.

Далѣе, защитникъ задался вопросомъ: извинительно ли было Муссури допустить злоупотребленія въ 1881 году и, если они были допущены, то прибѣгалъ ли онъ къ стачкѣ, къ подлогу и подстрекательству.

Если въ 1878—1879 и 1880 г. уже царили злоупотребленія, то приступившему къ нему въ 1881 г. не приходилось ни подстрекать; ни подговаривать.

Гдѣ зубы старой крысы проѣли дыру, гдѣ путемъ прежде бывшихъ соглашеній добились, чтобы была открыта потайная дверь, тамъ позднѣе, не сговариваясь, не столкнувшись, проползаютъ мыши, проходятъ и всѣ, кому хочется тайкомъ пробраться въ заповѣдное мѣсто.

Вопросъ въ томъ только, почему приступилъ къ нему Муссури, такъ долго съ честью носившій безупречное коммерческое имя.

По мнѣнію защиты, тутъ могло быть одно изъ трехъ: или чиновники, составившіе себѣ изъ злоупотребленія съ ввозными пошлинами доходныя статьи, принудивъ Муссури, путемъ прижимокъ, вступить въ колею, ибо имъ былъ опасенъ независимый и добросовѣстный торговецъ; или тѣмъ же руководились купцы, злоупотреблявшіе до Муссури, опасаясь, что при неучастіи Муссури они будутъ видѣть въ немъ постояннаго врага, могущаго потерять терпѣніе, отъ невозможной конкуренціи оплаченнаго товара съ контрабандой; или самъ Муссури, видя, что зло царитъ и безнаказанно проходитъ, что жалобы на чиновниковъ трудно достигаютъ результата и поведутъ къ враждѣ, что доносъ на товарищей — вещь тяжелая, что торговать при наплывѣ контрабанды невозможно, махнулъ на все рукой и дозволилъ своему эксперту пользоваться существующимъ порядкомъ.

Защитникъ напомнилъ суду разсказъ свидѣтеля полковника Озеровскаго, какъ Кубашъ (скрывшійся германскій консулъ), со слезами признаваясь ему въ своихъ злоупотребленіяхъ, въ то же время объяснилъ, что при господствѣ контрабанды приходилось или пользоваться ею или растерять всѣхъ своихъ покупателей.

Установивъ тѣ обстоятельства, которыя заставляли Муссури пользоваться существующими обычаями таможни, защита приходитъ къ заключенію, что въ его кліентѣ нѣтъ чертъ контрабандиста.

Онъ исполнялъ законъ, когда другіе его нарушали. Онъ пошатнулся тогда, когда бездѣйствіе высшихъ властей подорвало вѣру его въ правопорядокъ, когда мѣстныя власти не только не преслѣдовали беззаконія, но пошли далѣе равнодушія къ нему: онѣ преслѣдовали

тѣхъ, кто творитъ законное, заставляя ихъ поступиться своими привычками и вступить на хитрозадуманную дорогу зла и преступленія.

Переходя къ 12 случаямъ, приписываемымъ Муссури, защитникъ, избѣгая повтореній, далѣе высказался, что онъ ограничится ослабленіемъ выводовъ обвиненія, не оспаривая ихъ во всемъ.

Напомнивъ, что обвинители уже уступили ему случай съ рожками (тайный ввозъ 700 пудовъ рожковъ), отвергнутый экспертами на судѣ въ противорѣчіе съ экспертизой предварительнаго слѣдствія, онъ затѣмъ позволилъ себѣ по тремъ случаямъ (орѣхи и проч.) усомниться въ обвиненіи, такъ какъ базисомъ для экспертовъ и прокуратуры служили турецкіе коносаменты.

Случая съ халвой и винной ягодой защитникъ не отрицалъ, но просилъ по даннымъ слѣдствія уменьшить количество предполагаемаго тайно ввезеннымъ товара.

Что касается пяти случаевъ съ масломъ, то защитникъ просилъ присяжныхъ помнить, что эксперты вывели количество на основаніи помноженія подводъ на 4,5 пудовъ каждую, но такъ какъ они же признали, что бочки бываютъ и въ 30 пуд., а полубочки—въ 15, боченки же—въ 8, что больше бочки или двухъ полубочекъ или 4 боченковъ на возъ помѣстить нельзя, независимо отъ вѣса, то справедливѣе было бы экспертизѣ, взявшей maximum вѣса, опредѣлить, взявши minimum. Тогда начетъ уменьшится на $^2/_3$.

Этому выводу защитникъ находитъ подкрѣпленіе въ слѣдующемъ: если принять цифры экспертовъ, то средній вѣсъ каждаго мѣста будетъ отъ 28 до 32 пуд. Если взять цифры подсудимыхъ (въ объявленіяхъ и досмотрахъ), то—отъ 11 до 14 пуд. на мѣсто. Если же сдѣлать перемноженіе подводы на 30 — для подводы съ бочкою, на 15 — для полубоченка, или 30 пуд. — для двухъ мѣстъ, тогда получится средній вѣсъ мѣста отъ 18 до 22 пудовъ.

Между тѣмъ защитникъ представилъ справку за 4 года отъ таможни, изъ которой видно, что средній вѣсъ мѣста съ деревяннымъ масломъ не выше 21 пуда (для 81 г.) и падаетъ до 18 п. къ 84 году.

Отсюда выводъ: экспертизы грѣшатъ преувеличеніемъ, показанія обвиняемыхъ — уменьшеніемъ, а поправка экспертизы данными ими же признанными,—наиболѣе соотвѣтствующими истинѣ.

Относительно подсудимаго Н. Муссури, которому защитникъ посвятилъ затѣмъ нѣсколько словъ, онъ сказалъ.

Пока родъ людской дѣлится на господъ и слугъ, на богатыхъ и рабочихъ, доколѣ котлету, приготовленную поваромъ, ѣстъ тотъ, кому ее готовили, а не кто ее готовилъ, пока слуги, какъ руки у тѣла, хватая кусокъ хлѣба, отдаютъ его рту и желудку, — дотолѣ люди, творящіе чужую волю, должны также мало отвѣчать за свое

дѣло, какъ мало прибытку имъ отъ выгодъ, доставляемыхъ своему господину.

Въ прошлые годы Н. Муссури, служившій вѣрой и правдой своему хозяину, служилъ честными дѣлами, служилъ можетъ быть и злыми; прибытки отъ однихъ и другихъ онъ сдалъ хозяину, а потому я отъ себя и отъ имени А. Муссури прошу васъ все содѣянное Н. Муссури перенести на его хозяина...

Если вашъ приговоръ будетъ строгъ, то, видя оправданнымъ своего слугу, Муссури будетъ имѣть утѣшеніе въ сознаніи, что не погибъ тотъ, кто грѣшилъ для него, кого онъ во-время не остановилъ, — а быть можетъ похвалилъ за его ретивую службу.

Пусть же выгоды и невыгоды вѣрнаго слуги падутъ на хозяина.

Это его долгъ...

XXII.

Дѣло объ искусственныхъ аваріяхъ въ Керченскомъ проливѣ.

Дѣло объ искусственныхъ аваріяхъ въ Керченскомъ проливѣ (Франческо и др.).

Керчь-Еникальскій проливъ былъ очень мелокъ и вслѣдствіе этого для прохода большихъ судовъ неудобенъ. Пароходы приходилось перегружать, но, несмотря на это, были частые случаи посадки пароходовъ на мель. Для устраненія такого неудобства, вредно отражавшагося на интересахъ русской торговли, Керчь-Еникальскій проливъ въ 1876 году былъ правительствомъ значительно углубленъ путемъ устройства канала.

Преслѣдуемая при этомъ правительствомъ цѣль не была, однако, достигнута, такъ какъ аваріи и посадки судовъ на мель продолжались и даже чаще, чѣмъ до устройства канала.

Послѣднее обстоятельство въ связи съ состояніемъ погоды, временемъ дня и при условіи существованія одной только конторы по спасанію и перегрузкѣ большихъ англійскихъ судовъ—навело слѣдственную власть на мысль о существованіи правильно организованной шайки, которая искусственно устраивала аваріи съ цѣлью извлекать для себя доходы.

Слѣдствіемъ было установлено, что организаторомъ и душой такой шайки былъ Александръ Франческо, служившій вначалѣ матросомъ на каботажныхъ судахъ, затѣмъ кухаремъ и, наконецъ, цеховымъ лоцманомъ.

Еще до устройства канала Франческо обзавелся лодками для перегрузки судовъ и путемъ всякихъ операцій пріобрѣлъ значительныя средства, что побудило его къ расширенію своихъ операцій. Съ этой цѣлью онъ привлекъ къ дѣлу лицъ съ виднымъ общественнымъ положеніемъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и великобританскій вице-консулъ Іосифъ Колледжъ, нажившій до занятія этой должности состояніе на всякихъ темныхъ дѣлахъ. Участіе Колледжа являлось особенно важнымъ, такъ какъ всѣ контракты по спасенію и перегрузкамъ ставшихъ на мель англійскихъ судовъ заключались въ его конторѣ; этимъ, между прочимъ, объясняется и то, что жертвой шайки были только англійскія суда.

Очень важнымъ также являлось участіе начальника лоцманскаго цеха Ал. Прасолова, по указаніямъ котораго всѣ члены цеха, узнавая изъ великобританскаго консульства объ ожидаемыхъ англійскихъ судахъ, переставляли бакены съ такимъ разсчетомъ, чтобы суда садились на мель; либо, будучи сами приглашены для проводки судна, сажали его на мель. Вызывавшіеся затѣмъ пароходы Франческо своими дѣйствіями умышленно увеличивали только аварію судна. Являлась необходимость заключать договоръ съ Франческо о спасеніи судна, и для этого приходилось ѣздить въ контору Колледжа.

Такимъ образомъ всѣ дѣйствія шайки были сосредоточены въ англійскомъ консульствѣ.

Такъ какъ для компаніи Франческо было чрезвычайно важно участіе карантиннаго начальства, то къ дѣлу былъ также привлеченъ и помощникъ капитана надъ портомъ Михайлопуло.

Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ въ составъ компаніи вошли еще слѣдующія лица: англійскій подданный Иванъ Подесто, греческій подданный Анастасій Мурато, купецъ Конст. Зворано, приказчики Спиро, Кефала, Коруано, члены лоцманскаго цеха и др.

Въ отношеніи распредѣленія прибылей между членами компаніи соблюдалась строгая послѣдовательность, размѣръ дивиденда каждаго пайщика соотвѣтствовалъ положенію его въ дѣлѣ: Франческо и Колледжъ получали болѣе всѣхъ, менѣе ихъ получали Зворано и Коруано, Мурато же, Падесто и Кефало получали только жалованье.

Совокупность всѣхъ данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, привела къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что въ концѣ 1870-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ въ Керчи возникло преступное сообщество, имѣющее цѣлью путемъ умышленной посадки на мель въ каналѣ и въ проливѣ англійскихъ судовъ и созданія искусственныхъ, ложныхъ аварій достигнуть матеріальныхъ выгодъ;

2) что во главѣ этого сообщества стояли, въ качествѣ начальныхъ его составителей, купецъ Ал. Франческо и скрывшійся великобританскій подданный І. Колледжъ, которые руководили дѣйствіями остальныхъ членовъ шайки и распоряжались тѣми операціями ея, ради которыхъ она была составлена;

3) что членами этого сообщества были: купецъ Конст. Зворано, греческіе подданные Спиро, Кефала и Анастасій Мурато и великобританскій подданный И. Подеста;

4) что помощникъ капитана надъ Керченскимъ портомъ, кол. ас. Михайлопуло и бывшій начальникъ Керчь-Еникальскаго лоцманскаго цеха Прасоловъ, зная о существованіи вышеупомянутаго сообщества и его преступныхъ цѣляхъ, доставляли ему средства къ достиженію этихъ цѣлей, смотря по обстоятельствамъ, бездѣйствіемъ или превышеніемъ власти;

5) что всѣ цеховые лоцманы еникальскаго цеха, зная о существованіи сообщества и его цѣляхъ, также оказывали ему непосредственное содѣйствіе, выражавшееся въ томъ, что за получаемое отъ шайки вознагражденіе они умышленно сажали на мели поручаемыя ихъ управленію англійскія суда и переставляли входные на каналѣ бакены съ цѣлью посадки тѣхъ судовъ, шкипера коихъ принимали сами на себя управленіе ими во время слѣдованія по каналу, и

6) что нѣкоторые, непривлеченные къ настоящему дѣлу шкипера англійскихъ судовъ также принимали участіе въ дѣятельности шайки, умышленно сажая на мель и загражденія въ каналѣ и проливѣ ввѣренныя ихъ управленію суда за получаемое отъ членовъ шайки вознагражденіе.

Вслѣдствіе изложеннаго обвиняются:

1) Керч. 2-ой гильдіи купецъ Ал. Ил. Франческо, 42 л., въ томъ, что въ концѣ 1879 или въ началѣ 1880 гг. въ городѣ Керчи, совмѣстно съ другими лицами, составилъ преступное сообщество или шайку, съ цѣлью поврежденія, путемъ умышленной посадки на мель въ Керчь-Еникальскомъ каналѣ и проливѣ иностранныхъ судовъ, для извлеченія изъ сихъ умышленныхъ аварій противозаконныхъ выгодъ, посредствомъ спасенія тѣхъ судовъ и ихъ грузовъ.

2) Керч. 2-ой гильдіи купецъ К. Зворано, 50 лѣтъ, греческ. под. С. Кефала, 32 лѣтъ, и А. Мурато, 33 л., и англійск. под. Подесто 58 лѣтъ — въ томъ, что въ концѣ 1879 или въ началѣ 1880 гг. вступили съ корыстной цѣлью, въ составившееся въ Керчи упомянутое выше преступное сообщество или шайку, зная о его цѣляхъ и въ качествѣ членовъ таковой содѣйствовали достиженію этихъ цѣлей.

3) Помощникъ капитана надъ керч. портомъ коллежск. ас. К. Михайлопуло, 70 лѣтъ, и бывшій начальникъ еник. лоцманскаго цеха, капитанъ 2-го разр. Ал. Прасоловъ, 57 л., въ томъ, что тогда же и тамъ же, зная о существованіи вышеуказанной шайки и ея цѣляхъ, не только не противодѣйствовали достиженію этихъ цѣлей, но вопреки своимъ служебнымъ обязанностямъ, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, доставляли ей средства для совершенія предположенныхъ ею преступленій: Михайлопуло — тѣмъ, что допускалъ членовъ шайки въ допросное отдѣленіе керч. карантина для свиданія со шкиперами прибывавшихъ въ Керч. портъ иностран. судовъ, а Прасоловъ — тѣмъ, что, зная о преступныхъ дѣяніяхъ подчиненныхъ ему лоцмановъ еник. цѣха, не только не принималъ никакихъ мѣръ къ прекращенію ихъ злоупотребленій, но явно имъ покровительствовалъ и даже исключалъ изъ цеха тѣхъ лоцмановъ, которые дѣйствовали не въ интересахъ вышеуказанной шайки.

4) Тотъ же Ал. Прасоловъ еще и въ томъ, что, состоя начальникомъ керчь-еникальск. лоцман. цеха, при опредѣленіи на службу подчиненныхъ ему лоцмановъ того цеха, требовалъ и получалъ съ нихъ незаконные поборы.

5) Лоцмана еник. лоцманскаго цеха мѣщ. Атманаки, 42 л., Богдановъ, 45,

Барнасузовъ, 37, Влаховъ, 49, Вальянопуло, 37, Чупринъ, 39, Ткаченко 35, Кацадаки, 37, Атманаки, 56, Васильевъ, 33, Коцикъ, 45, Дракопуло, 43, Бехливановъ, 52, Попсвъ, 28, Ефимовъ, 42, Пекарниковъ, 31, Костюковъ, 27, Манераки, 52, Туфекчи, 39, Метакса, 42, Кушнаревъ, 28, Анищукъ, 40, Панаіоти, 29, Врето, 59, Деспотули, 63, Кантаржи, 34, Бурилинъ, 39, Пиченевскій, 34, Николаевъ, 57, Закъ, 34, Радити, 27, Петровъ, 62 и сынъ губернск. секрет. Виноградовъ, 45 лѣтъ,—въ томъ, что, зная о существованіи указанной выше шайки и ея цѣляхъ, въ качествѣ членовъ оной, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, содѣйствовали осуществленію предположенныхъ ею злодѣяній тѣмъ: а) что умышленно ставили на мель въ каналѣ проводимыя ими англійскія суда и б) что перемѣщали поставленные по распоряженію надлежащей власти, для безопасности мореплаванія, предостерегательные знаки, ограждавшіе входъ въ Еникальскій каналъ, съ цѣлью причинить крушеніе тѣмъ судамъ, которыя рѣшились бы слѣдовать по тому каналу безъ ихъ содѣйствія.

6) Тѣ же Франческо, Зворано, Подесто, Кефала и Мурато—въ томъ, что, состоя членами описанной выше шайки и въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія ея цѣлей, посредствомъ убѣжденій или подкупа, склоняли перечисленныхъ въ предыдущемъ пунктѣ лоцмановъ еник. цеха къ перемѣщенію поставленныхъ по распоряженію надлежащей власти, для безопасности мореплаванія, предостерегательныхъ знаковъ, ограждавшихъ входъ въ Еник. каналъ, для крушенія иностран. судовъ, слѣдовавшихъ по тому каналу.

7) Тотъ же Виноградовъ—въ томъ, что, въ качествѣ члена вышеописанной шайки, въ маѣ или іюнѣ 1881 года, принявъ по званію лоцмана команду англійск. парохода „Сольвай“ при слѣдованіи его чрезъ Еникальскій каналъ, съ цѣлью созданія аваріи того парохода умышленно поставилъ его на мель.

8) Тотъ же И. Атманаки—въ томъ, что, въ качествѣ члена описанной выше шайки, въ октябрѣ 1881 года, принявъ по званію цехового лоцмана команду англійскаго парохода „Амбрукъ“, при слѣдованіи его черезъ Еникальскій каналъ, съ цѣлью созданія аваріи того парохода умышленно управлялъ имъ такъ, что онъ неминуемо долженъ былъ стать на мель, при чемъ намѣреніе это не исполнилъ по обстоятельствамъ, отъ воли его не зависѣвшимъ.

9) Тѣ же: Ал. Франческо, К. Зворано, И. Подесто, С. Кефала, А. Мурато—въ томъ, что, состоя членами описаннаго выше преступнаго сообщества, въ концѣ 1879 и въ началѣ 1880 гг., въ видахъ созданія аварій, съ корыстною цѣлью, при посредствѣ и содѣйствіи другихъ лицъ по предварительному съ ними соглашенію, умышленно посадили на мель въ Керчь-Еникальскомъ каналѣ и проливѣ англійскіе пароходы „Сольвай“, „Ашорукъ“, „Стефанотисъ“, „Трегена“, „Ларполь“, „Дора-Тулли“, „Селиненъ“, „Нора“ и многіе другіе, каковые пароходы потерпѣли отъ этихъ умышленныхъ посадокъ поврежденія.

А посему всѣ эти лица были преданы суду одесскаго окр. суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Слушаніе дѣла началось въ Одесскомъ Окружномъ Судѣ подъ предсѣдательствомъ Тов. Предс. П. А. Крижанскаго 10 декабря, а кончилось 20 декабря 1885 года.

Присяжные засѣдатели вынесли всѣмъ подсудимымъ оправдательный вердиктъ.

Рѣчь въ защиту подсудимаго Франческо.

Гг. присяжные засѣдатели!

Я попрошу у васъ немного вниманія: я буду говорить одинъ только часъ и нѣсколько минутъ и надѣюсь, что за это время мнѣ удастся передать вамъ всю сущность моихъ мыслей и чувствъ, вызванныхъ во мнѣ настоящимъ дѣломъ.

Все, что я скажу вамъ, вы, конечно, выслушаете съ глубокимъ вниманіемъ: я не сомнѣваюсь въ этомъ потому, что это — вашъ долгъ, долгъ, состоящій въ томъ, чтобы прежде, чѣмъ произнести свой безпристрастный приговоръ, раздѣлить свой слухъ поровну, отдавъ одну половину обвиненію, а другую — защитѣ.

Но чтобъ исполнить свою задачу въ возможно короткое время, я позволю себѣ поставить, выражаясь хорошо знакомыми намъ терминами, такъ сказать, бакены и вѣхи, которые будутъ облегчать мнѣ мой путь.

Я выскажу свой взглядъ на обязанности защиты, взглядъ, который будетъ моей отправной точкой.

Защитникъ не долженъ искать новыхъ данныхъ, не долженъ стараться выставлять передъ вами дѣло въ новомъ видѣ, и этимъ самымъ возбуждать въ васъ чувство недовольства. Защитникъ долженъ руководствоваться тѣми же нравственными убѣжденіями, какими руководствуетесь и вы.

И я, конечно, не буду проповѣдовать передъ вами, что вольный грѣхъ не наказуемъ: вы не услышите отъ меня восхваленія того, что по естественному чувству человѣка считается преступленіемъ, беззаконіемъ. Я не предложу вамъ, чтобъ вы своимъ приговоромъ расчистили путь людямъ порочнымъ и вреднымъ для общества.

Я не хочу, чтобы вашъ приговоръ шелъ въ разрѣзъ съ тѣми великими нравственными идеями, которыми вы руководствуетесь. Я хочу, чтобъ вы безпристрастно высказали ваше мнѣніе.

Но вы должны помнить, что отъ васъ требуется мнѣніе рѣшительное. Если бы вы его писали, то я сказалъ бы, что концомъ вашего пера острѣе, чѣмъ мечомъ, вы касаетесь души человѣка.

Не могу скрыть отъ васъ, что, когда я слушалъ здѣсь весь этотъ прошедшій передъ вами устный матеріалъ, я волновался.

Воспитанный въ понятіяхъ, что клятва передъ Крестомъ и святымъ Евангеліемъ—священна, я болѣлъ душой, видя все то, что здѣсь происходило.

Мы видѣли, какъ здѣсь отказывались отъ своихъ словъ простые люди. Неужели же, думалъ я, русская земля такъ оскудѣла вѣрой и доброй нравственностью, что даже простолюдинъ не считаетъ преступленіемъ нарушить клятву, данную передъ Крестомъ и святымъ Евангеліемъ?

Я понимаю, что могъ найтись одинъ, другой человѣкъ, не боящійся преступить клятву; но передъ нами прошли не одинъ, не два и не десять...

И вотъ я задумался.

Если повѣрить обвиненію, которое утверждаетъ, что все, что они говорили здѣсь,—лживо, то гдѣ же порука въ томъ, что на предварительномъ слѣдствіи они говорили правду? Вѣдь, здѣсь они клялись!

Страшно—вѣрить здѣсь, а еще страшнѣе—тамъ...

Все предварительное слѣдствіе есть матеріалъ, по которому мы можемъ судить, какъ чувствовали свидѣтели, когда ихъ допрашивали.

Представьте себѣ, что въ извѣстномъ городѣ живутъ люди, изъ которыхъ каждый занимается своей работой.

И вотъ возникаетъ какое-то грандіозное, но еще таинственное дѣло, къ которому привлекаютъ безъ разбора,—берутъ и сильнаго и слабаго и на весь городъ наводятъ и ужасъ и страхъ.

Сегодня призвали Зворано въ качествѣ свидѣтеля, а завтра онъ уже въ тюрьмѣ, какъ подсудимый, и есть опасеніе, что это можетъ случиться со всякимъ.

Подъ вліяніемъ страха нетрудно столкнуться съ истиной даже людямъ обыкновенной порядочности...

Это первое.

Далѣе, мы должны разсмотрѣть, насколько безкорыстны были тѣ побужденія, которыя дали ходъ этому дѣлу.

Я долженъ сказать прямо, что совершенно убѣжденъ въ порядочности и безкорыстіи слѣдователя и чистоты его намѣреній не хочу заподозрить ни на одну минуту.

Но нужно помнить, что едва ли лучи свѣта, исходящаго отъ истины, когда-либо доходятъ къ намъ въ чистомъ видѣ: прежде чѣмъ притти къ намъ, они проходятъ сквозь извѣстную призму и преломляются въ ней.

Итакъ посмотримъ, откуда зачалось это дѣло.

Мы видѣли здѣсь свидѣтеля Гунченко, который занимался негласнымъ разслѣдованіемъ и добылъ значительную часть матеріала.

Но кто такое этотъ Гунченко?

Съ одной стороны, онъ служилъ и старался угодить властямъ, разсчитывая, можетъ быть, на похвалу и поощреніе; съ другой—хлопоталъ, и при томъ успѣшно, получить награду отъ заинтересованныхъ страховыхъ обществъ.

Такъ въ этомъ состоятъ его безкорыстныя побужденія?!.

Были тутъ еще и другія обстоятельства, которыхъ не должно бы быть въ видахъ открытія истины.

Еще при самомъ началѣ дѣла были допущены гражданскіе истцы. По закону, они должны быть допущены уже только на судѣ, когда закончено собираніе матеріала; пока же еще не собранъ точный матеріалъ, гражданскіе истцы представляются орудіемъ опаснымъ для правосудія.

Но тогда, во время возникновенія настоящаго дѣла, это еще не было разъяснено. И вотъ, благодаря, можетъ быть, именно этимъ чисто личнымъ и корыстнымъ побужденіямъ, дѣло доходитъ до того, что судебную власть прямо дурачатъ, надъ нею прямо смѣются.

Вспомните комическое положеніе, въ которое поставилъ судебную власть умершій свид. Муссури. Онъ сообщаетъ массу данныхъ, клонящихся къ обвиненію, слѣдователь съ радостью сейчасъ же записываетъ. Въ его разсказѣ даже ни разу не встрѣчается такъ часто упоминаемая въ другихъ показаніяхъ фраза: „Нѣтъ, г. слѣдователь, вы меня не такъ поняли“.

Но вотъ онъ къ своему разсказу прибавилъ еще какую-то греческую подпись, а слѣдователь, не обративъ на нее вниманія, не потрудился даже перевести ее.

А между тѣмъ въ этой фразѣ было отреченіе: Муссури подписалъ то, что показалъ въ прошломъ году!

Это, конечно, недосмотръ. Можетъ быть, слѣдователь не зналъ греческаго языка?

Нѣтъ, онъ зналъ греческій языкъ. Посмотрите, какимъ прекраснымъ русскимъ языкомъ записаны у него показанія трехъ свидѣтелей,

которые говорили здѣсь по-русски, какъ говорятъ попугаи, заучившіе нѣсколько словъ...

Словомъ, матеріалъ, предоставленный намъ предварительнымъ слѣдствіемъ, это—какая-то разорванная и притомъ плохо написанная книга, читая которую, я никакъ не могъ доискаться смысла...

Но какъ же было дѣло? Судебное рѣшеніе, это не простое житейское рѣшеніе: его нельзя отложить до тѣхъ поръ, пока соберется болѣе точный матеріалъ. Во что бы то ни стало его, это рѣшеніе, надо высказать. И я думаю, что у насъ найдется особенный матеріалъ, который не станетъ противорѣчить себѣ ни съ присягой, ни безъ присяги, ни безъ Креста и Евангелія, ни передъ Крестомъ и Евангеліемъ.

Это—матеріалъ обезпеченный. Въ матеріалѣ этомъ цифры и камни играютъ огромную роль, и свидѣтель, сказавшій, что о злоупотребленіяхъ въ Керченскомъ проливѣ „говорятъ не только люди, но и камни", сказалъ больше, чѣмъ думалъ сказать.

Въ Керчи издавна велась торговля съ иностранными судами, но условія были неблагопріятны, проливъ былъ слишкомъ мелокъ, и нужны были лоцмана и перегрузчики.

Правительство принимаетъ мѣры и углубляетъ каналъ.

Едва это совершилось, какъ оказало уже на все дѣло свое вліяніе: суда стали строиться больше и глубже сидящія, измѣняется самая конструкція ихъ и т. п.

Вслѣдствіе расширенія торговли и перегрузка принимаетъ формы обширнаго капиталистическаго производства, входитъ въ свои права борьба за существованіе, при чемъ сильный побѣждаетъ слабаго. Мы можемъ не одобрять это явленіе съ точки зрѣнія нравственной, но должны признать его естественность.

И вотъ, едва успѣли прорыть каналъ, какъ основанія для зависти и злобы уже налицо. Таковъ источникъ тѣхъ слуховъ и толковъ, которые послужили основаніемъ для этого дѣла.

Но было и другое явленіе: здѣсь говорили много о томъ, что именно со времени прорытія канала начинаются учащенныя посадки пароходовъ на мель. Это походитъ на то, какъ если бы сказали, что въ городѣ, гдѣ нѣтъ никакой эпидеміи, вдругъ сталъ умирать народъ.

Да, это странное явленіе! Но, можетъ быть, вы припомните тѣ неблагопріятныя свойства канала, о которыхъ говорили здѣсь свидѣтели, вспомните о ходатайствахъ Агишева и объ исправленіи канала.

Это уменьшаетъ число необъяснимыхъ посадокъ, но это еще не все объясняетъ. Тутъ есть еще остатокъ, который нужно изслѣдовать,

и только тогда, когда будетъ изслѣдованъ послѣдній остатокъ, можно будетъ сказать, что и самый предметъ изслѣдованія—таковъ: въ этомъ кажется, методъ позитивной науки.

Обратимся къ статистическому методу.

Намъ говорятъ, что съ появленіемъ на сцену слѣдователя вдругъ всякія посадки прекращаются. Но никто не представляетъ намъ точныхъ доказательствъ этого, а, напротивъ, мы видимъ, что аваріи были и въ 83 и 84 годахъ. Это разъ. Уже, значитъ, нужно скинуть извѣстное число изъ 52 случаевъ посадокъ.

Но изъ 52 случаевъ не мало было и безъ аварій, — придется еще кое-что скинуть.

И вотъ уже въ статистическихъ данныхъ мы видимъ не такое сильное колебаніе, какъ это кажется.

Далѣе: въ прежнее время случаи перегрузки до входа въ каналъ не считались аваріями. Колледжъ даетъ закону новое толкованіе: аваріями начинаютъ считать перегрузки и въ каналѣ. Понятное дѣло, что нѣкоторые капитаны, держащіеся стараго взгляда, не могутъ сразу согласиться съ новымъ, и вотъ именно этимъ объясняется показаніе Праута: Праутъ никакъ не хочетъ согласиться съ этимъ толкованіемъ.

Но какъ бы то ни было, а новый взглядъ, высказанный англійскимъ вице-консуломъ и агентомъ „Ллойда“ Колледжемъ, создалъ соблазнъ насчетъ страховыхъ обществъ. И вотъ мы видимъ, что въ книгахъ страховыхъ обществъ тамъ, гдѣ въ сущности были перегрузки, говорится объ аваріяхъ.

Вотъ и еще приходится кое-что скинуть съ 52-хъ, и такимъ образомъ расчетъ тов. прокурора оказывается не совсѣмъ точнымъ.

Предварительное слѣдствіе шло своимъ чередомъ, а слухи въ обществѣ—своимъ; а разъ послышался слухъ, ужъ говорятъ, что что-нибудь да есть.

И вотъ, въ обыденныхъ разговорахъ начинаютъ говорить о какой-то шайкѣ.

Но нужно различать шайку юридическую и шайку житейскую.

Возьмемъ такой примѣръ: молодые люди подвыпили и безобразничаютъ. Вонъ собралась ихъ цѣлая шайка. Это шайка—житейская.

Здѣсь было такъ. Были въ Керчи прежде мелкія дѣла, теперь образовались крупныя, явились предприниматели, которые стали, такъ сказать, командирами цѣнъ; какъ—убитымъ конкурентамъ не назвать ихъ „шайкой“! Вѣдь говоримъ же мы: „шайка капиталистовъ“ или „желѣзнодорожная шайка“?!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что конкуренты предпочитаютъ войти въ союзъ, а разъ вошли въ союзъ, образуется стачка. Они понимали, что стоитъ имъ только соединиться, чтобы назначать за перегрузку цѣны, какія хотятъ.

Здѣсь говорили много о томъ, что была опасность для русской торговли. Не видать этого изъ дѣла! Капитаны платили, и все-таки пароходы продолжали проходить во множествѣ. Цѣны, дѣйствительно, были доведены до maximum'а и, несомнѣнно, что это было злоупотребленіе съ точки зрѣнія нравовъ, но не съ уголовной.

Переходимъ къ положенію дѣлъ въ карантинѣ.

Мы видимъ на каждомъ шагу, что человѣкъ самаго демократическаго образа мыслей тѣмъ не менѣе принимаетъ простого человѣка въ передней, а даму—въ гостиной...

Не то же ли самое было въ карантинѣ? Михайлопуло, какъ человѣкъ чиновный, съ извѣстными привычками, людей достаточныхъ допускаетъ туда, гдѣ самъ проводитъ время, а болѣе простыхъ принимаетъ въ передней. Что здѣсь преступнаго?

Я не отрицаю, что здѣсь могла получиться для него выгода, но эта выгода всегда уже сама-собою вытекала, и это совершенно понятно.

Съ чисто нравственной точки зрѣнія это, конечно, несправедливо. Но представьте, что по одному и тому же дѣлу и къ одной и той же цѣли—одинъ, достаточный, стремится по желѣзной дорогѣ, а другой, бѣднякъ,—плетется пѣшкомъ. Это сплошь и рядомъ бываетъ, и это тоже несправедливо, но не преступно,—это не запрещенное дѣяніе.

Колледжъ въ Керчи въ особенномъ положеніи. Пріѣзжаетъ англійскій шкиперъ, который не говоритъ по-русски: естественно, что онъ идетъ къ Колледжу.

Говорятъ, что шкиперовъ заставляли насильно принимать тѣ или другія условія. Но неужели, если бы это было такъ, не нашелся бы между ними ни одинъ, который огласилъ бы это?

Но такого не нашлось, однако. Надо предположить, что здѣсь не было того, что здѣсь называли разбойничествомъ, а была лишь простая торговля.

Допустимъ, что у Колледжа шли переговоры о посадкѣ на мель. Но вѣдь на это безчестное дѣло не всякій же согласится; нельзя же допустить, чтобы такое дѣло не всплыло наружу. Но ни одинъ изъ шкиперовъ ни здѣсь, ни въ своемъ отечествѣ не обмолвится объ этомъ ни однимъ словомъ.

Что же это? Только догадка!

Не малую роль играло здѣсь и такое обстоятельство: для „шайки“ и для товарищества внѣшніе признаки существуютъ одни и тѣ же. И вотъ мы подъ законную форму подводили все, что намъ захотѣлось.

Ужъ если бы въ самомъ дѣлѣ это была шайка, то Франческо, конечно, согласился бы вступить въ нее за большой кушъ. Что за расчетъ рисковать изъ-за пустяковъ?!

Между тѣмъ, изъ расчетныхъ книгъ мы видимъ, что барышъ у него оставался обыкновенный,—какіе-то рубли, а сотни остались тамъ. Колледжъ бралъ себѣ львиную долу, а ему давалъ или очень мало, или расплачивался расписками, по которымъ онъ и понынѣ ничего не получилъ.

Нѣтъ, если бы это была шайка, то члены ея дѣлились бы поровну. Если Колледжъ и шкипера понимали, что совершаютъ преступленіе, то именно Франческо имъ вовсе не расчетъ было принимать въ свое сообщество. Франческо живетъ въ Россіи, гдѣ дѣйствуютъ извѣстные законы, онъ, конечно, потребовалъ бы отъ нихъ въ видахъ самосохраненія, чтобы ему указали на какія-нибудь законныя формы.

Нѣтъ, если у нихъ была шайка, то они дѣлили барышъ между собой, а Франческо только уплачивали, что слѣдовало. Если это было злодѣяніе, то вѣдь злодѣяніе всегда ищетъ тайны. Сами они были гарантированы. Они совершили свое злодѣяніе въ странѣ чужой, имѣя возможность всегда убѣжать, а Франческо былъ дома, надъ нимъ висѣли законы его страны, и вотъ этотъ самый Франческо вступитъ въ такую „шайку“ ради наименьшей доли, которая ему доставалась?

Если это была шайка, то не русская, а англійская шайка. Не мое дѣло обвинять Колледжа и шкиперовъ. Но мы это допустимъ. Скажите же, развѣ кто-нибудь изъ свидѣтелей присутствовалъ при томъ, какъ онъ входилъ въ соглашеніе съ этой „шайкой“ или слышалъ его преступные разговоры съ ними?

Нѣтъ, говорили только о торговыхъ отношеніяхъ, о сближеніи. А когда нѣтъ неопровержимыхъ данныхъ, то нужно брать наиболѣе благопріятное объясненіе. Этого требуетъ голосъ справедливости. И вотъ оно.

Въ Керчи его видѣли съ этими людьми, видѣли, что онъ ведетъ съ ними дѣла и, называя ихъ „шайкой“, называли такъ наравнѣ съ этимъ и тѣхъ, кто соприкасался съ ними. Отсюда — заблужденіе, въ которое было введено общество.

Да зачѣмъ здѣсь говорить о шайкѣ? Всякій интересъ собираетъ людей безъ всякаго соглашенія.

Я приведу примѣръ.

Не знаю, какъ здѣсь, а у насъ въ столицѣ, такъ водится. Гдѣ-нибудь въ домѣ появится покойникъ, и вотъ пономарь идетъ къ гробовщику и сообщаетъ ему, что въ такомъ-то домѣ нуженъ гробъ, можно заработать, за что получитъ маленькій доходъ. Тутъ не было никакого соглашенія, а только общій интересъ.

Контрабандисты продаютъ товаръ на рынкѣ — это преступленіе; а обыкновенные люди приходятъ покупать этотъ товаръ, потому что хотятъ купить подешевле. Они не соглашались и, конечно, не участвуютъ въ преступленіи.

Около бойкаго мѣста всѣ ходятъ безъ всякаго соглашенія. Это можетъ повести и къ сообществу,— могутъ явиться и преступныя средства, но изъ этого не слѣдуетъ, что и въ данномъ случаѣ непремѣнно было такъ.

Дѣло это блистаетъ отсутствіемъ надлежащихъ доказательствъ. Гдѣ эти всѣ лоцмана и шкипера, участвовавшіе въ посадкахъ, приведите намъ, и они, можетъ быть, докажутъ, что крушеній не было.

Франческо обвиняется въ привлеченіи къ шайкѣ и лоцмановъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ платилъ имъ по 100 руб. Если онъ состоялъ съ ними въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью умышленную посадку,—зачѣмъ же онъ платилъ имъ за благополучный проводъ?

Да платилъ онъ потому, что былъ обыкновенный грузоотправитель.

Спрашивается, почему онъ платилъ сревнительно большую сумму — 100 руб.? Да очень просто. Его дѣла шли лучше, чѣмъ другихъ, онъ получалъ больше и считалъ своимъ долгомъ платить больше.

Если бы допустить, что лоцманскій цехъ подкупался, то плата была бы не 100 руб., а гораздо болѣе: за такое преступленіе, какъ перенесеніе бакеновъ, это была бы ничтожная плата.

Тутъ слѣдуетъ остановиться и на этомъ обвиненіи — въ перенесеніи бакеновъ.

Зачѣмъ, спрашивается, нужно было это перенесеніе? Вѣдь по закону безъ лоцмана нельзя провести судно. Но если подкупленъ лоцманскій цехъ, то вмѣсто того, чтобы переносить бакены для пилотовъ, не лучше ли было бы наложить безусловный запретъ на этихъ пилотовъ, такъ чтобы безъ лоцмана въ самомъ дѣлѣ не проводилось ни одно судно?

Говорятъ, что Франческо былъ душою дѣла. Это строго наказуемое данное, но рѣшительно не обладающее какой бы то ни было ощутительной доказательностью.

Гдѣ то видимое помѣщеніе „души“? Покажите мнѣ его! Вѣдь разъ

Франческо—душа дѣла, нужно, чтобы были ясны нити, связующія его съ другими. Если бы было доказано, что лоцмана по вечерамъ ходили къ нему, если бы было доказано, что лоцманъ послѣ свиданія съ нимъ вдругъ сталъ богатъ и пр.,—ну, тогда была бы понятна связь между ними. Но ничего этого нѣтъ, и здѣсь все связано не духомъ Франческо, а духомъ подозрительности и предвзятости.

Надо отличать годный матеріалъ отъ негоднаго. Развѣ могутъ общія теоріи замѣнить точныя доказательства? А намъ вмѣсто этихъ точныхъ доказательствъ говорятъ о „пагубномъ вліяніи на русскую торговлю".

Но дѣло въ томъ, гг. присяжные засѣдатели, что, принимая во вниманіе интересы торговли или не принимая, — все равно вы должны рѣшить дѣло справедливо. При отправленіи правосудія, при рѣшеніи судьбы живого человѣка вы, конечно, не станете справляться, упадетъ ли или подымется завтра отъ вашего рѣшенія курсъ русской валюты...

Говорили о томъ, что за все заплатитъ русскій мужикъ. Вникалъ я въ дѣло и этого не видѣлъ: ничѣмъ это не доказано.

Потерпѣли англійскія страховыя общества, но и они взяли назадъ свой искъ, можетъ быть, убѣдившись въ его несправедливости, или, какъ говорили здѣсь, „не довѣряя русскому правосудію".

Что за обида! Я не взошелъ бы на трибуну, если бы хоть на минуту раздѣлилъ это мнѣніе.

Если бы англичане считали своихъ шкиперовъ виновными, они преслѣдовали бы ихъ въ своей сторонѣ, но тѣ живутъ на свободѣ. За нихъ же несутъ на своихъ плечахъ обвиненіе вотъ эти люди. А что, если вы ихъ обвините, и вдругъ черезъ 3—4 мѣсяца англичане скажутъ, что Колледжъ невиновенъ!

Защита предстательствуетъ передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, и надѣется выйти побѣдоносной.

Я, конечно, не смѣю утверждать, что въ Керчи было царство добродѣтели. Я понимаю, что конкуренція тамъ переходила границы нравственнаго, но она не переходила законныхъ границъ.

Быть можетъ, всѣ эти люди и знали, что тамъ происходятъ противозаконныя дѣла, но между ними не нашлось человѣка, столь мужественнаго, чтобы донести объ этомъ.

Это все равно, какъ иной человѣкъ везетъ какой-нибудь преступный предметъ, не зная, что это за предметъ, и думаетъ: „ой, хороша ли моя кладь".

А все-таки везетъ!

Вѣдь онъ именно, а никто другой совершаетъ преступленіе...

И развѣ вы его обвините?!..

XXIII.

Дѣло Саввы Ивановича Мамонтова и др.

Дѣло Саввы Ивановича Мамонтова и др.,

обв. въ злоупотребленіяхъ въ о-вѣ Моск.-Яросл.-Арханг. ж. д.

Дѣло это разсмотрѣно въ засѣданіяхъ Московскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 23—31 іюля 1900 года подъ предсѣдательствомъ Н. В. Давыдова.

Суду преданы слѣдующія лица: Коммерціи совѣтникъ Савва Ивановичъ Мамонтовъ, пот. поч. гражданинъ Николай Ивановичъ Мамонтовъ, поручикъ запаса гвардейской кавалеріи Сергѣй Саввичъ Мамонтовъ, пот. поч. гражд. Всеволодъ Саввичъ Мамонтовъ, дворянинъ Константинъ Дмитріевичъ Арцыбушевъ и пот. поч. гражданинъ Михаилъ Федоровичъ Кривошеинъ.

Обвиняли: товарищъ прокурора палаты П. І. Курловъ и товарищъ прокурора суда В. В. Цубербиллеръ.

Представителями интересовъ гражданскихъ истцовъ выступили: отъ Управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ — присяжный повѣренный М. П. Домерщиковъ и П. Е. Рейнботъ и отъ В. В. Третьякова — В. В. Быховскій.

Защищали: К. Д. Арцыбушева — Н. П. Карабчевскій, М. Ф. Кривошеина — Н. П. Шубинскій, С. С. и В. С. Мамонтовыхъ—М. М. Багриновскій, Н. И. Мамонтова — В. А. Маклаковъ и С. И. Мамонтова — Ф. Н. Плевако.

Центральною фигурою этого дѣла является С. И. Мамонтовъ.

С. И. Мамонтовъ, безсмѣнно въ теченіе 20-ти лѣтъ избираемый предсѣдателемъ Правленія о-ва Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги, состоялъ одновременно и главнымъ пайщикомъ т-ва Невскаго механическаго завода, штатъ служащихъ въ которомъ былъ заполненъ его ставленниками.

О-во Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги заказывало паровозы и другія части подвижного состава поѣздовъ на Невскомъ заводѣ.

Такимъ образомъ оба предпріятія, и желѣзнодорожное и заводъ, находились въ непосредственномъ завѣдываніи С. И. Мамонтова.

Въ 1899 году, въ виду дошедшихъ до министерства финансовъ слуховъ о крайне стѣсненномъ денежномъ положеніи Мамонтовыхъ, министромъ было по-

ручено чиновнику особыхъ порученій Хитрово произвести ревизію въ правленіи акціонернаго общества Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дороги.

Въ это время, т.-е. въ 1899-мъ году, о-во получило право постройки рельсоваго пути отъ Вятки до С.-Петербурга и было наканунѣ преобразованія въ грандіозное предпріятіе Сѣверныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Ревизія Хитрово обнаружила крупные недочеты и злоупотребленія. 30-го іюля 1899 года старое правленіе вышло въ отставку, а 31-го іюля во главѣ общества стало новое правленіе въ составѣ предсѣдателя Хитрово и членовъ— присяжнаго повѣреннаго Шайкевича и Грачева.

Новое правленіе, состоящее изъ упомянутыхъ лицъ, ознакомившись съ дѣлопроизводствомъ, нашло, что прежнее правленіе, во главѣ съ С. И. Мамонтовымъ, перевело изъ кассы желѣзной дороги въ кассу завода около 9.000.000 рублей подъ видомъ аванса подъ заказы, которые или были уже оплачены, или же не были даже предназначены къ выполненію.

Получаемые авансы, составившіе въ итогѣ 9.000.000 рублей, заводъ въ свою очередь переводилъ Мамонтовымъ, которымъ постановленіемъ правленія общества былъ открытъ кредитъ подъ паи завода по ихъ номинальной стоимости, превышавшей дѣйствительную на 70 процентовъ.

Кромѣ того, новое правленіе обнаружило цѣлую систему другого рода авансовъ — полученіе крупныхъ суммъ членами правленія „подъ отчетъ", якобы „на нужды предпріятія". Этими авансами прежнее правленіе пользовалось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что размѣръ растраченныхъ С. И. Мамонтовымъ авансовъ этой категоріи достигло 750.000 рублей, а Кривошеинымъ — 150.000 руб.

Кромѣ того, С. И. Мамонтовъ обвинялся въ растратѣ ренты на 400.000 р., отданной ему В. В. Третьяковымъ по договору для взноса залоговъ по контрактамъ съ казной.

Предварительное слѣдствіе подтвердило фактическія данныя этихъ злоупотребленій, въ результатѣ чего московскому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей преданы были:

1) Савва, Николай и Всеволодъ Мамонтовы и Арцыбушевъ по обвиненію въ томъ, что, состоя: С. Мамонтовъ — предсѣдателемъ правленія о-ва Моск.-Ярослав.-Архангельской жел. дороги, Н. Мамонтовъ и Арцыбушевъ — директорами того же правленія, а В. Мамонтовъ — съ 1896 года исправляя должность директора сего правленія, сознательно нарушая довѣріе означеннаго общества, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до первой половины 1899 года включительно, изъ принадлежавшихъ о-ву М.-Я.-Арх. жел. дороги суммъ передали товариществу Невскаго завода подъ видомъ выдачъ впередъ подъ заказы, сдѣланные заводу желѣзной дорогой, въ дѣйствительности полностью уже оплаченные, нѣсколько милліоновъ рублей, при чемъ 20-го іюля 1898 года часть образовав-

шагося такимъ образомъ долга товарищества Невскаго завода обществу жел. дороги въ размѣрѣ свыше 6.000.000 руб. перевели на С. и Н. Мамонтовыхъ, для чего открыли имъ у о-ва М.-Я.-Арх. ж. дороги многомилліонный кредитъ, въ обезпеченіе котораго приняли отъ нихъ по нарицательной стоимости на 6.000.000 руб. неимѣвшіе этой цѣнности паи товарищества Невскаго завода и всѣмъ тѣмъ причинили обществу М.-Я.-Арх. ж. дороги убытокъ свыше трехсотъ рублей.

2) Сергѣй Мамонтовъ — въ томъ, что, исправляя съ 1895 года должность директора правленія общества М.-Я.-Архангельской желѣзной дороги, вмѣстѣ съ другими лицами сознательно нарушая довѣріе означеннаго общества въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до первой половины 1899 г. включительно, изъ принадлежавшихъ о-ву М.-Я.-Арх. жел. дороги капиталовъ передалъ товариществу Невскаго завода подъ видомъ выдачъ впередъ подъ заказы, данные заводу желѣзной дорогой, въ дѣйствительности полностью уже оплаченные, нѣсколько милліоновъ рублей, чѣмъ и причинилъ обществу М.-Я.-Архангельской желѣзной дороги убытокъ на сумму свыше трехсотъ рублей.

3) Савва Мамонтовъ — въ томъ, что, состоя предсѣдателемъ правленія общества М.-Я.-А. жел. дороги, въ нарушеніе довѣрія акціонеровъ этого общества, пользуясь своимъ служебнымъ въ немъ положеніемъ, въ 1898 и 1899 годахъ подъ предлогомъ производства расходовъ на нужды названнаго общества, получилъ изъ кассы правленія общества 763.000 руб. и изъ кассы состоявшаго при правленіи коммерческаго отдѣла 40.000 руб., и деньги эти въ суммѣ свыше трехсотъ рублей самовольно израсходовалъ на свои личныя надобности.

4) Кривошеинъ — въ томъ, что, занимая при правленіи общества М.-Я.-А. желѣзной дороги должность начальника коммерческаго отдѣла, въ 1897 и 1898 годахъ имѣя въ своемъ распоряженіи для расходовъ на нужды означеннаго общества его деньги въ размѣрѣ 370.000 руб., часть ихъ на сумму свыше трехсотъ рублей по назначенію не употребилъ, а самовольно обратилъ въ свою пользу и израсходовалъ на свои личныя надобности.

5) Савва, Н. и В. Мамонтовы и Арцыбушевъ — въ томъ, что, состоя первый предсѣдателемъ, а послѣдніе директорами правленія общества М.-Я. жел. дороги, сознательно нарушая довѣріе акціонеровъ этого общества, изъ капиталовъ, его, безъ всякой въ интересахъ общества надобности, подъ предлогомъ производства расходовъ на его нужды, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по 25 іюля 1897 года выдавали значительныя суммы не находившимися на службѣ общества коллежскому регистратору Игнатьеву, чѣмъ причинили обществу убытокъ въ размѣрѣ свыше трехсотъ рублей.

6) Арцыбушевъ, Н., Сергѣй и В. Мамонтовы — въ томъ, что первые двое, состоя директорами правленія общества М.-Я.-А. жел. дор., а послѣдніе, испра-

занявъ эту должность, въ нарушеніе довѣрія акціонеровъ названнаго общества, умышленно, подъ предлогомъ производства расходовъ на нужды общества, изъ средствъ его въ 1898 и 1899 годахъ выдали денежныя суммы предсѣдателю правленія С. Мамонтову и тѣмъ, въ виду невозвращенія С. Мамонтовымъ этихъ денегъ, причинили обществу убытокъ на сумму свыше трехсотъ рублей.

7) Савва, Н., В. Мамонтовы и Арцыбушевъ — въ томъ, что, состоя на должностяхъ, первый — предсѣдателя, а послѣдніе — директоровъ правленія общества М.-Я.-А. жел. дор., въ нарушеніе довѣрія акціонеровъ, не установивъ должнаго порядка отчетности въ состоявшемъ при правленіи коммерческомъ отдѣлѣ, безъ всякой въ интересахъ общества надобности, изъ средствъ его, въ 1897 и 1898 годахъ, выдали начальнику означеннаго отдѣла Кривошеину для расходовъ на нужды общества денежныя суммы и тѣмъ, въ виду невозвращенія ихъ Кривошеинымъ причинили обществу убытокъ на сумму свыше трехсотъ рублей.

8) Арцыбушевъ — въ томъ, что, состоя деректоромъ правленія общества М.-Я.-А. жел. дороги, въ силу предоставленной ему довѣріемъ общества власти, въ нарушеніе этого довѣрія, воспользовался уплатой за его счетъ подвѣдомственнымъ ему коммерческимъ отдѣломъ 35.000 рублей и денегъ этихъ по принадлежности не возвратилъ, чѣмъ причинилъ обществу убытокъ на сумму свыше трехсотъ рублей.

9) Савва Мамонтовъ — въ томъ, что, получивъ отъ дворянина Владимира Владимировича Третьякова, по заключенному съ нимъ 21-го декабря 1896 г. нотаріальному договору, срокъ дѣйствія котораго былъ по нотаріальному же договору продолженъ по 23-е декабря 1899 года, принадлежавшія Третьякову 80 свидѣтельствъ государственной четырехъ - процентной ренты, на 5.000 рублей каждая, за №№ 251 — 302 серіи 183-й и за №№ 1323 — 1350 серіи 182-й, всего на сумму 400.000 руб. съ правомъ пользоваться этими цѣнностями исключительно для взноса ихъ въ правительственныя учрежденія залогомъ по контрактамъ съ казной, въ томъ же 1896 году самовольно обратилъ эти процентныя бумаги въ свою собственность и израсходовалъ на свои личныя надобности.

Всѣ эти преступленія предусмотрѣны въ отношеніи С. И., В. С. и С. С. Мамонтовыхъ и Арцыбушева — ст. 1198 Улож. о нак., кромѣ того въ отношеніи С. И. Мамонтова — 1199, 1681 ст.ст. Ул. о нак., а въ отношеніи Кривошеина — 1681 ст. Ул. о нак.

На всѣ вопросы о фактахъ совершенія преступленій присяжные засѣдатели вынесли утвердительный отвѣтъ. По вопросамъ о виновности—отвѣтили отрицательно. Такимъ образомъ всѣ подсудимые были оправданы.

Рѣчь въ защиту С. И. Мамонтова.

Надъ семьею Мамонтовыхъ оправдалось старое русское изреченіе: „отъ царской тюрьмы да отъ нищенской сумы не открещивайся".

Все, казалось, сулило благополучіе этой семьѣ: и богатыя средства, и воспитаніе въ холѣ да въ волѣ. Савву Ивановича Богъ не обдѣлилъ умомъ, душу вложилъ широкую, энергичную, отзывчивую, а что же мы видимъ?

Никогда—во всей Руси вѣдомое имя, а теперь—разореніе, паденіе, осмѣяніе, обвиненіе,—вотъ удѣлъ главы семейства, печаль котораго усугубляется тѣмъ, что, по его винѣ, здѣсь дѣлятъ съ нимъ его страшную судьбу его дѣти и, какъ сынъ, преданный ему братъ.

Въ своевольномъ хищеніи милліоновъ обвиняютъ этого человѣка, но вѣдь хищеніе и присвоеніе оставляютъ слѣды: или прошлое его полно безумной роскоши, или настоящее — неправедной корысти. А мы знаемъ, что никто, отъ обвиненія до самаго злобно настроеннаго свидѣтеля, не указалъ на это.

Когда же, отыскивая присвоенное, судебная власть съ быстротой, вызываемой важностью дѣла, вошла въ его домъ и стала искать незаконно награбленное богатство, она нашла 50 рублей въ карманѣ, вышедшій изъ употребленія желѣзнодорожный билетъ, стомарковую нѣмецкую ассигнацію да записку, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ надвигающейся грозы, говоритъ о чемъ-то страшномъ, къ счастью не сбывшемся въ его намѣреніяхъ.

Изучимъ эту трагическую исторію, постараемся уразумѣть начало и конецъ ея.

Фамилія Мамонтовыхъ — старая купеческая фамилія, члены которой давно вѣдомы, какъ люди, умѣвшіе жить и жить давать другимъ.

Савва Ивановичъ — сынъ извѣстнаго дѣятеля, сотоварища Чижова, Ѳедора Васильевича,—человѣка не безъ слѣда, и славнаго слѣда, прожившаго въ мірѣ: имя Чижова вѣдомо и въ мірѣ финансовъ, и въ наукѣ.

Савва Ивановичъ былъ ученикомъ и любимцемъ этого человѣка. Отъ отца и Чижова онъ унаслѣдовалъ, среди другихъ добрыхъ сторонъ своего духа страстную любовь къ Сѣверу, къ родному, позабытому, русскому Сѣверу, и мечтой его было послужить этому краю, связать его путями съ центромъ Россіи, приблизить къ московскому

рынку безполезно гибнущія богатства и оживить спящія силы далекаго края.

Дѣло это уже осуществилось его отцомъ и Чижовымъ: уже коротенькая линія, вышедшая изъ Москвы и дошедшая до Сергіевой лавры, пробилась къ Ростову, Ярославлю. Открывались далекіе горизонты.

Но прежде, чѣмъ войти въ дѣло, Савва Ивановичъ, тогда еще полный юношескихъ силъ, получаетъ огненное крещеніе въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго хозяйства на югѣ Россіи.

Надо было построить Донецкую дорогу. Русская финансовая власть устала вотъ того способа созиданія рельсовыхъ путей, который практиковался дотолѣ. Свидѣтель Лосевъ заронилъ своимъ показаніемъ, дышущимъ знаніемъ, точностью и умѣлымъ обобщеніемъ фактовъ, въ нашу память дорогія свѣдѣнія объ этомъ моментѣ дѣятельности Саввы Ивановича.

До той поры царилъ концессіонный типъ хозяйства, постройка съ наибольшими воспособленіями изъ средствъ казны, при стремленіи выполнить работу съ наименьшимъ расходомъ, удовлетворить минимальныя требованія подряда. Это — то хозяйство, которое создало русскихъ крезовъ, — Мекковъ, Дервизовъ, Поляковыхъ, — хозяйство, давшее возможность не только заправиламъ, но и ихъ споспѣшникамъ возможность коротать свои дни въ роскошныхъ палаццо на набережной Невы, на Ривьерѣ или близъ ласкающихъ волнъ Средиземнаго моря.

Савва Ивановичъ выполнилъ работу инымъ путемъ: руководимый уроками Чижова и заработавъ законную долю прибыли, похоронилъ удачнымъ примѣромъ старое, нерусское хозяйство, заслужилъ восторженное одобреніе отъ имущихъ власть и заботящихся объ интересахъ страны; въ своемъ первомъ самостоятельномъ дѣлѣ онъ исполнялъ работу, одушевляясь не только величиной прибыли, но еще болѣе того—значеніемъ данной ему работы, ея будущей судьбою.

Припомните слова свидѣтеля: онъ могъ удовлетворить подрядъ, положивъ рельсы меньшаго, болѣе дешеваго типа, но онъ вѣрилъ въ развитіе движенія на Дону и, не обязанный договоромъ, ставилъ рельсы, которые вынесутъ большее движеніе, принесутъ пользу — тогда, когда его дѣло уже будетъ сдано и когда выгоды прочной постройки будутъ принадлежать не ему.

Отчетливость работы онъ предпочиталъ лишней выгодѣ.

Заручившись этимъ успѣхомъ, Савва Ивановичъ принимаетъ бразды правленія на Ярославской дорогѣ. Я сказалъ уже, что это

былъ еще небольшой путь. И хозяйство велось на немъ скромно, не смѣло. Считались только съ наличнымъ движеніемъ и бюджетъ составляли помноженіемъ копеечной выгоды отъ пассажирскаго билета на число богомольцевъ, выходившихъ за Крестовскую заставу. Мамонтовъ внесъ новый пріемъ. Дорога должна оживить край, ширь ея будущихъ работъ—въ прямой зависимости отъ развѣтвленій, которыми она прорѣжетъ забытый сѣверъ и привьетъ его къ полносильному центру, къ богатому югу, къ столицамъ и къ путямъ, связующимъ Русь съ міровыми рынками. Дорога пробивается къ Вологдѣ, переносясь черезъ широкую Волгу, соревнуя съ воднымъ путемъ, устремляется съ востока на Кострому, съ запада на Рыбинскъ. Рисуются дальніе планы... Бѣлое море... Питеръ... Вятка...

И никто въ это время не мѣшалъ Саввѣ Ивановичу. Онъ стоялъ во главѣ дѣла, стоялъ безсмѣнно, единогласно избираемый не кучкой подставныхъ акціонеровъ, артельщиковъ съ чужими акціями, а получавшій свое мѣсто и свою власть вольной волей крупнѣйшихъ акціонеровъ (мелкихъ-то тамъ и не было),—акціонеровъ, ворочающихъ милліонами, совершеннолѣтнихъ, не нуждающихся для накопленія своихъ богатствъ ни въ чьей опекѣ, не исключая опеки прокурорскаго надзора. Эти люди вѣрили ему, вѣрили въ его планы, вѣрили въ его звѣзду, видѣли въ наличныхъ фактахъ результаты своей вѣры: 150-рублевыя акціи въ его рукахъ росли въ 200, 250 и 400-рублевыя, ибо приносили удивительные, изъ года въ годъ возраставшіе, дивиденды, прямо обусловленные ростомъ движенія, ростомъ дѣятельности, не обслуживаемой, а вызванной къ жизни стальными путями и призывнымъ свисткомъ паровоза.

И дѣлается это дѣло, и достигаются эти успѣхи той особенностью природы Саввы Ивановича, которая позднѣе обусловила его несчастіе.

Вы знаете, что онъ воспитанъ въ школѣ широкой предпринимательской дѣятельности, но дѣятельности, прежде всего одухотворенной идеей общественной пользы, успѣха и славы русскаго дѣла. Рядомъ съ этимъ онъ человѣкъ общихъ идей, принципіальныхъ вопросовъ, но не ихъ детальнаго выполненія.

Люди этого типа думаютъ, что и окружающіе одухотворены тѣмъ же духомъ и вѣрятъ въ тѣхъ, кто словомъ или дѣломъ раздѣляетъ ихъ взгляды. Прибавьте къ этому несомнѣнную художественность натуры Саввы Ивановича: надъ холоднымъ разсудкомъ, надъ расчленяющимъ и сочетающимъ понятія разумомъ у него беретъ верхъ воображеніе, мечта и греза. Будущее у насъ, обыкновенныхъ людей,

представляется въ неясныхъ образахъ, скорѣй въ видѣ возможностей того или другого результата нашей преднамѣренной дѣятельности, въ видѣ удачъ или неудачъ задуманнаго... У него не такъ: задуманное силой воображенія воплощается въ ясный, неотличимый отъ дѣйствительности образъ, мечта реализуется въ осуществленное, побѣдоносное, подавляющее жалкую дѣйствительность бытіе... Ему странны, ему жалки тѣ, кто такъ слѣпы, что не видятъ того, что стоитъ передъ ихъ очами... Самъ онъ стоялъ бы въ противорѣчіи съ самимъ собой, если бы отвернулся отъ этихъ образовъ въ сторону трусливой наличности.

И вотъ человѣку съ этими задатками въ себѣ, съ успѣхомъ въ законченномъ дѣлѣ на Дону, съ неперестающимъ успѣхомъ въ развитіи Ярославской дороги представился случай стать лицомъ къ лицу съ новымъ независимымъ предпріятіемъ—съ Невскимъ заводомъ.

Начало этого дѣла вы знаете. Закончивъ Донское дѣло съ прибылями въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, онъ, по совѣту сотрудника своего Титова, пріобрѣтаетъ гибнущее дѣло Невскаго механическаго завода. На заводѣ этомъ изготовлялись паровозы и предметы оборудованія движенія на дорогахъ. Тамъ же могли быть выполняемы и работы по заказамъ министерства морского. Къ заводу въ моменты паденія протягивались уже руки охотниковъ покупать за безцѣнокъ гибнущія дѣла. Мамонтовъ увлекся мыслью оставить это дѣло въ русскихъ рукахъ, ввѣрилъ дѣлу всѣ свои средства, и, вѣря дѣлу, привлекъ туда капиталы самыхъ близкихъ его сердцу людей: родни и друзей своихъ.

Мы понимаемъ его вѣру и его замыслы. Паровозное дѣло въ Россіи—дѣло относительно новое. Тутъ мы—въ зависимости отъ иностраннаго исполнителя заказа. Свидѣтели здѣсь вамъ говорили, что съ иностранными заказами бываетъ то, что полтора года ждешь паровоза и въ ожиданіи тормозишь движеніе. А вѣдь дорога безъ орудій движенія — что тѣло Адама до одушевленія его членовъ разумною душою. Какъ же не побороться за попытку создать тутъ же, въ родной странѣ, бокъ о бокъ съ своимъ дѣтищемъ — Ярославской дорогой—свое дѣло и снять иго зависимости? Какъ допустить сюда хозяйничать невѣдомыя, можетъ быть инородныя силы, которыя тутъ заведутъ колонію труда, ничего общаго съ нашими интересами не имѣющую?..

А въ заводѣ есть еще одна отрасль, послужить которой значитъ послужить уже не мѣстному или частному интересу—торговому дѣлу, а послужить интересу государственному: заводъ можетъ исполнять

заказы, обусловленные надобностью русскаго военнаго флота. Неужели же и это отдать въ невѣдомыя руки? Неужели и здѣсь не сбросить иго зависимости отъ чужихъ? Кто знаетъ? Быть можетъ, во всей своей яркости передъ мечтательно настроенной душой Саввы Ивановича носились картины того времени, когда въ ряду славныхъ русскихъ твердынь, защищающихъ отечество, будутъ мелькать и вышедшія изъ его мастерской миноноски и суда, и послужатъ дѣлу русской славы и русскаго интереса и въ моряхъ, и въ океанахъ, и здѣсь въ Европѣ, и тамъ далеко, гдѣ въ эти минуты льется русская кровь за дѣло мира и правды...

Онъ отдался новому дѣлу. Онъ вручилъ его людямъ, въ которыхъ онъ вѣрилъ и которымъ онъ долженъ былъ вѣрить, когда они вводили свои пріемы въ порученное ими предпріятіе.

Первая польза, которую можно было ожидать отъ завода,—это была польза для ввѣренной Мамонтову дороги. Самъ—хозяинъ завода и самъ—хозяинъ Ярославской дороги, онъ надѣялся, что его заводское дѣло снабдитъ желѣзную дорогу своими работами, старательно исполненными и на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

И дѣйствительно, никто не упрекаетъ даже первыхъ работъ, по первымъ заказамъ, въ непригодности и браковкѣ. Свидѣтели сказали, что была только одна неудовлетворительная сторона, это — несоотвѣтствіе типа паровозовъ (по образцамъ южныхъ дорогъ) потребностямъ сѣверныхъ дорогъ, работающихъ по преимуществу дровами. А что касается до цѣны, то работы шли по цѣнамъ ниже того, во что онѣ обходились заводу, чѣмъ открывался счетъ убытковъ, впослѣдствіи разросшійся въ громадную цифру.

Но съ этими убытками можно было мириться; это были убытки борьбы за существованіе, борьбы, имѣющей цѣлью привлечь довѣріе къ дѣлу, которое считалось до перехода къ настоящимъ владѣльцамъ за гибнувшее. Нужно было только обезпечить въ будущемъ и приливъ заказовъ и удовлетворительное выполненіе ихъ.

Но для этого недоставало оборотныхъ средствъ. Савва Мамонтовъ рѣшается поддержать дѣло авансами за сдѣланные заказы. Эти первые шаги не заключаютъ въ себѣ ничего незаконнаго. Авансы даются всюду. Дать своему заводу авансъ—непредосудительно: вѣря въ себя и въ дѣло, съ большимъ спокойствіемъ ввѣряешь ему авансы, потому что не носишь въ душѣ сомнѣнія въ возвратѣ или отработкѣ этихъ суммъ. Да у Саввы Ивановича въ этотъ моментъ дѣла не могло быть и раздвоенія интересовъ: вѣдь онъ стоялъ во главѣ дѣла между прочимъ и какъ крупный акціонеръ. Интересы дороги были и его инте-

ресами. Заводъ и дорога были для него, что двѣ руки у моего тѣла: онѣ равно мнѣ дороги, и боль, причиняемая любой изъ нихъ, мнѣ одинаково тяжела.

Когда ему указано было, что будущее завода, какъ обширнѣйшей мастерской паровозовъ, обусловлено передѣлкой и замѣной старыхъ орудій производства новыми, стоющими много денегъ, онъ усилилъ или согласился на усиленіе авансовъ. Вѣдь въ это время у него строилась дорога къ Бѣлому морю и созрѣвала завершающая его цѣли мысль о линіи Вятка — Петербургъ, линіи, которая сопровождалась перемѣной устава, образованіемъ громаднаго дѣла „Сѣверныхъ Дорогъ“ и обѣщала въ будущемъ несмѣтныя выгоды, покрывающія расходную статью, вызываемую линіей Архангельской, линіей, по преимуществу идейной, преслѣдующей великія указанныя выше цѣли, но цѣли, уходящія въ далекое будущее, а пока требующія жертвъ и расходовъ.

А когда будетъ дана Вятка, когда понадобятся сотни, если не тысячи паровозовъ для нуждъ Сѣвера и понадобятся многомилліонныя работы на изготовленіе прочихъ принадлежностей движенія, тогда скажется все значеніе Невскаго завода: онъ превратится въ громаднѣйшую собственную мастерскую будущаго Общества Сѣверныхъ дорогъ, сбережетъ не одну сотню тысячъ акціонерамъ Общества, и тогда поймутъ, о чемъ думалъ и во что вѣрилъ Савва Мамонтовъ, ввѣряя авансы заводу въ счетъ его будущаго заработка.

Но пока оборудовался заводъ и авансы имѣли или совершенно законное основаніе, или только форму излишняго довѣрія, не вызывая ни малѣйшаго чувства брезгливости къ принятой мѣрѣ, новость дѣла, излишнее увлеченіе въ погонѣ за пріобрѣтеніемъ заказовъ, между прочимъ заказовъ морского министерства, неудачный выборъ людей во главу техническаго надзора,—все это обусловливало убытки. Цѣны не соотвѣтствовали цѣнамъ другихъ заводовъ, а недостача въ оборудованіи и въ людахъ, знающихъ дѣло, увеличивала стоимость заказа для самого завода. Ущербы приняли угрожающій видъ.

Вотъ въ этотъ-то моментъ Савва Ивановичъ дѣлаетъ ту ошибку, которая привела его въ судъ. Онъ видитъ, что за заводомъ накопился значительный долгъ. Требованіе этого долга поведетъ къ ликвидаціи, причемъ, по примѣру всѣхъ случаевъ понудительной продажи, имущество пойдетъ за гроши и кредиторы потеряютъ свои деньги. Ярославская дорога понесетъ ущербъ — первый ущербъ при его хозяйничаніи, а между тѣмъ его можно избѣжать.

Исторія крупныхъ финансовыхъ затрудненій и счастливыхъ выхо-

довъ изъ нихъ вамъ извѣстна. Во-время поддержанный, поколебленный временными неудачами банкирскій домъ или многомилліонное промышленное дѣло избѣгаютъ краха и спасаются сами и спасаютъ связанныхъ съ собой кліентовъ. Незначительный толчокъ роняетъ мощную силу, если онъ нанесенъ въ моментъ, когда она пошатнулась. Савва Ивановичъ зналъ это.

Но лучше потерять меньше, чѣмъ терять больше. Правда. Но обвиняемый вѣрилъ, что въ кругъ линіи Ярославской дорого введется линія Вятка, обусловливающая такую массу заказовъ, что заводъ сможетъ отработать кредиты. А Вятка—это не праздная мечта, это дѣйствительно намѣченный путь, который, какъ вы знаете, и былъ данъ обществу Сѣверныхъ дорогъ, и только взятъ назадъ тогда, когда задолженность завода Ярославской дорогѣ и вызванныя этимъ затрудненія послѣдней побудили высшее правительство къ чрезвычайной мѣрѣ во избѣжаніе дальнѣйшихъ осложненій.

А рядомъ съ Вяткой надежды Саввы Ивановича обосновывались и приспособленіемъ завода къ нуждамъ флота. Давались заказы, исполненныя работы удовлетворяли требованіямъ, заводъ въ этомъ отношеніи былъ снабженъ средствами исполненія. Ожидался заказъ не на одинъ милліонъ изъ тѣхъ 90.000.000, которые ассигнованы на поднятіе русскихъ морскихъ силъ. Можно было съ спокойною совѣстью вѣрить въ жизненные соки должника, временно застоявшіеся, и поддержкой его, пожалуй и рискованной, спасти отъ краха и вернуть суммы, ввѣренныя ему до этого момента.

Савва Ивановичъ поскользнулся, завода не поднялъ, Ярославской дорогѣ нанесъ ущербъ. Но разсудите, что же тутъ было? Преступленіе хищника или ошибка расчета? Грабежъ или промахъ? Намѣреніе вредить Ярославской дорогѣ или страстное желаніе спасти ея интересы? Истребленіе ввѣренныхъ силъ или проигранное сраженіе, начатое полководцемъ, убѣжденнымъ, что онъ принялъ бой въ интересахъ отечества?

Сожалѣнія заслуживаетъ и тотъ растратчикъ, который, видя гибнущіе интересы свои и своихъ ближнихъ, иногда неосторожно хватаетъ чужія, на рукахъ его находящіяся средства, хватаетъ незаконно, но съ одной, какъ страсть безумная, его охватившею мыслью — спасти себя и, побѣдивъ бѣду, внести въ кассу законнаго владѣльца на минуту позаимствованныя чужія средства. Жалко потерявшаго разсудокъ игрока, проигравшаго нечаянно чужія деньги и, въ страстномъ желаніи спасти свою честь, дѣлающаго новыя и новыя ставки, кладущаго

на карту послѣднее платье, вѣдь онъ не хочетъ отнять, онъ не хочетъ раздѣться!

А здѣсь — не то. Хорошо или дурно — избранный путь имѣлъ въ виду выручить отпущенныя въ долгъ деньги. Вѣдь подъемъ заводовъ, обезсиленныхъ неудачами прежнихъ лѣтъ, въ самомъ радужномъ будущемъ только возвращалъ ущербы Ярославской дороги,—о возвратѣ суммъ, внесенныхъ въ дѣло изъ средствъ Саввы Ивановича и близкихъ ему людей, нечего было и думать.

И дѣлалъ онъ все это не тайно. Каждый шагъ, каждое распоряженіе записано, перерыва слѣдовъ отъ его воли къ дѣлу нѣтъ ни на іоту. Цифры записаны въ книги, и назначеніе ихъ тамъ отмѣчено съ общедоступною ясностью.

Хозяева дѣла, избравшіе Мамонтова и три десятилѣтія переизбиравшіе его, все знали или могли знать. Вѣдь не дѣти, не полуграмотные вкладчики лопнувшихъ банковъ, акціонеры-избиратели въ родѣ Джамгарова, Грачевыхъ, Солодовникова. Эти люди видѣли плоды власти Мамонтова и вѣрили въ удачу его плановъ. Если бы эта ошибка была противъ ихъ положительныхъ намѣреній, они удержали бы его. Жаль, что обвинители во-время не подали имъ совѣта. Можетъ быть, они тогда согласились бы на пресѣченіе кредитовъ и на списываніе со счета неотработанныхъ авансовъ; они, по указанію обвинителей, лишили бы Савву Мамонтова его мѣста, какъ хищника и грабителя, занявшаго мѣсто съ цѣлью погубить ярославское желѣзнодорожное дѣло.

Но отучнѣвшіе на доходы дороги и сгорбившіеся отъ труда отрѣзывать купоны и сосчитывать дивиденды, щедрой рукою приносимые имъ дорогой, нуждающіеся въ чужомъ совѣтѣ, названные акціонеры разсуждали иначе: они видѣли, что дорога крѣпнетъ, растетъ, развиваетъ движеніе до размѣровъ, какіе не снились имъ. Малоумные, они не понимали, что Савва Ивановичъ разоряетъ ихъ! Факты такъ очевидны для безпристрастнаго наблюденія короннаго обвиненія и гражданскаго добровольца: 150-рублевыя акціи вырастаютъ до 600, до 700 рублей, вырастаютъ до 900 рублей (но послѣдняя цѣна обусловливается иными соображеніями, о которыхъ я скажу послѣ), дивиденды съ 19 рублей достигаютъ 40 рублей, составляя чуть не учетверенную въ общемъ итогѣ капитальную сумму.

Разореніе, разореніе... Но общеупотребительная логика, которой не только учитъ насъ книга въ школѣ, но которая срослась съ нашимъ умомъ, если онъ не потерялъ спокойствія, говорила хозяевамъ дѣла другое. Она говорила имъ, что дѣло ихъ въ рукахъ смѣлыхъ,

но удачныхъ. Они, палецъ о палецъ не ударяя, пожинали плоды смѣлыхъ плановъ Саввы Ивановича... и не хотѣли никого, кромѣ его, во главѣ дѣла. Другой, можетъ быть, не ошибся бы на заводскомъ дѣлѣ, но другой, можетъ быть, и теперь бы давалъ имъ грошевые дивиденды и держалъ бы акціи на ихъ первоначальной оцѣнкѣ. Подсчитайте, было ли бы это выгодно акціонерамъ...

Вотъ почему они дѣйствовали не такъ, какъ имъ рекомендуется заднимъ числомъ. Ихъ мнѣніе расходится съ мнѣніемъ обвиненія: оно осуждаетъ ихъ въ непониманіи своего интереса, въ подчиненіи своихъ дѣлъ хищнику! Если такъ, то прежде чѣмъ начать уголовное дѣло, слѣдовало бы этихъ несчастныхъ, не понимающихъ своихъ выгодъ, отправить въ губернское правленіе и освидѣтельствовать въ умственныхъ способностяхъ, чтобы спасти ихъ капиталы.

Но не безпокойтесь о нихъ. Солодовниковы, Джамгаровы, Грачевы умѣютъ блюсти свои интересы и извлекать изъ всякой силы то, что увеличиваетъ ихъ достатки. Они не мѣшали человѣку дѣла, опытомъ извѣдавъ его способности, не мѣшали смѣльчаку, ощущая результаты его удачныхъ замысловъ, они не сомнѣвались въ продуктивности его мѣропріятій, въ цѣлесообразности его расходовъ изъ подотчетныхъ суммъ на поѣздки. Люди жизни, они, подобно свидѣтелю Лосеву, знали, что прежде чѣмъ пріобрѣсти извѣстную линію, иногда надо огромными негласными сдѣлками откупиться отъ аппетитовъ конкурентовъ, они знали, что время очистило отъ подозрѣній въ забвеніи долга людей, служащихъ въ мѣстахъ, завѣдующихъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ, но еще живы въ столицѣ тѣ частные, сановитые ходатаи, которые дорого продаютъ свое „замолвить слово“, тѣ генералы не у дѣлъ, которыхъ коснулась и обезсмертила наша литература, способные, если не сдѣлать что-нибудь, то — повредить, легши поперекъ дороги, если не сдвинешь ихъ съ пути, подавъ имъ необходимую и дорого стоющую помощь.

Когда дѣла приняли угрожающее положеніе, когда закралось сомнѣніе въ умъ Мамонтова о способности заправилъ на заводѣ справиться съ задачей, пришлось поступиться своими завѣтными мечтами и попытаться передать дѣло иностранцамъ. Сколько, думается мнѣ, безсонныхъ ночей, сколько болѣзненныхъ перебоевъ въ сердцѣ испыталъ Савва Ивановичъ, когда, въ отмѣну всего пережитаго, пришлось ему впервые постучаться въ двери къ иностранцу-капиталисту.

Приходилось это и потомъ, когда впервые выслушалъ при одномъ изъ такихъ же визитовъ Савва Ивановичъ лекцію о благодѣтельномъ учрежденіи синдиката, и хотя на душѣ его было неосторожное, про-

тивоуставное дѣло авансовъ, а все же дрогнулъ онъ передъ сущностью ему предложеннаго соучастія.

Вотъ ко времени этой поѣздки или обращенія къ иностранцамъ, кажется, и относится здѣсь мало освѣщенный фактъ двойственности баланса Невскаго завода съ наличностью, отраженной въ книгахъ. Говорятъ, что у завода каждый годъ были убытки громадные, милліонные, а отчетъ общаго собранія показывалъ ихъ въ скромныхъ цифрахъ, иногда утверждалъ и небольшую пользу. Если это такъ, то замѣчу, что, разъ показывался убытокъ, то безразлично, былъ ли убытокъ въ рубль или въ милліоны. Дивиденда уже не выдавалось. Если же выдавался дивидендъ въ годъ мнимой пользы, то это незаконно. Но, кажется — другой защитникъ, занятый больше меня цифрами, докажетъ вамъ, что Савва Ивановичъ только расписался въ дивидендѣ, а взялъ его другой пайщикъ и что эта сумма списана съ личнаго счета Саввы Ивановича.

Если это такъ, то никакой преступной цѣли здѣсь не было, а было неумѣніе составлять два счета съ особливой цѣлью въ каждомъ.

Дѣло въ томъ, что убытки Невскаго завода обусловливались не соотношеніемъ между матеріальными затратами и продажной цѣной произведеній, а массой убытковъ отъ прежней задолженности и несоотвѣтствіемъ стоимости заказа со стоимостью производства, по невѣрной расцѣнкѣ при заказѣ. Выходило, что заводъ въ данный годъ, вычитая расходы производства изъ цѣны заказа, имѣлъ или прибыль или меньшій убытокъ, обусловленный недостаткомъ оборотныхъ средствъ и недостаткомъ въ людяхъ, но на балансъ ложился бременемъ тяготѣющій долгъ. Заводъ, значитъ, самъ по себѣ оправдывалъ свое существованіе или свое упорство въ существованіи, но хозяинъ несъ ущербы отъ наложенныхъ платежей. А заводъ надо продавать. Кто же дастъ цѣну за заводъ, который рекомендуетъ себя какъ пропасть? Вотъ и надо было выдѣлить заводское дѣло съ точки зрѣнія соотношенія его расхода и прихода безъ вліянія на это тѣхъ пассивовъ, которые на пріобрѣтателя не перейдутъ.

Позвольте мою мысль иллюстрировать примѣромъ. У меня есть домъ: обошелся онъ въ 10,000 рублей и доходу даетъ тысячу рублей. Но я на постройку занялъ семь тысячъ у одного изъ тѣхъ капиталистовъ, которымъ приходится посылать деньги-проценты или просить отсрочки телеграммами въ Олонецкую губернію. Плачу ему этихъ процентовъ 1,400 рублей. Выходитъ: что ни годъ — убытку 400 рублей. Но значитъ ли это, что самый домъ есть дѣло, приносящее убытокъ? Продавая его, я говорю, купите вещь, приносящую 1,000 рублей дохода, и говорю

правду, ибо тотъ, кто купитъ и дастъ десять тысячъ, которыя у меня будутъ фондомъ покрытія моего долга,—купитъ вещь, дающую десять процентовъ дохода. Надо различать доходность дѣла отъ доходности хозяина, обремененнаго платежами, не обусловливающимися наличной дѣятельностью предпріятія.

На оцѣнку вины Саввы Мамонтова вліяетъ вопросъ о количествѣ убытка, который имъ наносился дорогѣ въ моментъ авансированія и въ моментъ, когда дорога выручала долгъ продажей паевъ. Вамъ извѣстно, что паи проданы по 30 за рубль ихъ нарицательной стоимости: разница образовала убытокъ. Мы говоримъ, что убытокъ этотъ не вѣренъ, ибо правленіе дороги, съ г. Хитрово во главѣ, продешевило и не проявило достаточной заботливости въ огражденіи интересовъ ввѣреннаго имъ дѣла. Словомъ, заводъ стоитъ несравненно дороже. А вѣдь если бы было выручено все сполна, то вся вина приняла бы почти формальный характеръ.

Эта часть дѣла—самая суть процесса. Мы утверждаемъ, что продажею заводскихъ паевъ по 30% продавцы добровольно разстались съ возможностью выручить болѣе подходящую цифру: вѣдь было же соглашеніе съ бельгійцами, въ легендарности котораго никто не упрекалъ Саввы Ивановича,—многомилліонное предложеніе.

Какъ же это случилось?

А вотъ какъ. Получили предложеніе оцѣнить съ точки зрѣнія покупателя Невскій заводъ гг. Дрейеръ и Калашниковъ, кстати нынѣ засѣдающіе въ новомъ заводскомъ управленіи. Исполняя порученіе начальства, они громаднѣйшее предпріятіе осмотрѣли будто бы во всѣхъ частяхъ въ три или четыре дня, да, кажется, и осматривалъ ихъ одинъ г. Дрейеръ. Они составили счетъ, по которому выходитъ, что больше 30% дать нельзя.

Г. Дрейеръ, дѣлая это заключеніе, былъ тогда еще въ добромъ расположеніи духа. Сначала былъ онъ и здѣсь такимъ же и стоялъ на той же цифрѣ. Вы помните этого свидѣтеля, властно, крикливо отвѣчавшаго на законный перекрестный допросъ моихъ товарищей. Когда же рядъ вопросовъ или, можетъ быть, нѣкоторая страстность ихъ ему не понравилась, то онъ заявилъ, что и два милліона за семь давать не слѣдовало, ибо заводъ, по его настоящему положенію, и ни копейки не стоилъ (въ смыслѣ додачъ за паи).

Удивительный свидѣтель-экспертъ! Или онъ не берегъ казны и бросилъ даромъ два милліона, поскольку его мнѣніе было рѣшающимъ, или онъ очень сердитъ: раздражился,—и на два милліона хочетъ оштрафовать насъ.

Недоумѣваю. Развѣ помириться на мысли, что обезсмертившаяся героиня въ пьесѣ великаго писателя, замоскворѣцкая купчиха, различавшая обыкновенные милліоны отъ особливыхъ, маленькихъ, не умерла еще!..

Нѣтъ, я не вѣрю этому неустойчивому свидѣтелю и обязанъ ему не вѣрить. Спорный вопросъ о цѣнности этого завода, къ счастью для насъ, имѣетъ отвѣтъ, произнесенный свѣдущими людьми не того узкаго кругозора, какимъ руководился г. Дрейеръ. Судомъ, по моей просьбѣ, допущено здѣсь удовлетвореніе нашего законнаго требованія огласить точное содержаніе документа высокой важности: журнала „Совѣщанія“ о пріобрѣтеніи заводовъ въ казну. Вотъ что мы тамъ читаемъ: „вмѣшательство въ управленіе дѣлами товарищества вполнѣ обезпечиваетъ дальнѣйшее существованіе завода, серьезное значеніе котораго, въ особенности для государственнаго судостроенія, не подлежитъ сомнѣнію.

По заявленію вице-адмирала Тыртова, заводъ этотъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ исполнялъ большіе заказы морского министерства съ ассигнованіемъ 90.000.000 на государственное судостроеніе; на немъ, главнымъ образомъ, сосредоточена постройка минныхъ и другихъ судовъ небольшого размѣра, а также мелкихъ механизмовъ и паровыхъ котловъ, для чего товариществомъ произведены были значительныя затраты на оборудованіе завода новыми машинами и станками, и въ настоящее время онъ можетъ успѣшно соперничать съ иностранными заводами.

Вполнѣ удовлетворительное состояніе завода въ смыслѣ его оборудованія и продуктивности засвидѣтельствовано также дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Хилковымъ и тайнымъ совѣтникомъ барономъ Икскулемъ, по мнѣнію котораго происходившія на заводѣ неурядицы объясняются не неудовлетворительнымъ состояніемъ завода, а недостаткомъ оборотныхъ средствъ и слабою организаціей управленія, обусловливаемой частою перемѣной директоровъ.“

Какъ могло случиться такое противорѣчіе между мнѣніемъ о благосостояніи заводовъ и недостаткѣ ихъ лишь оборотными средствами и людьми, высказанное умами, способными и призванными рѣшать государственно-хозяйственные вопросы,— и умомъ человѣка, имя котораго, быть можетъ, впервые огласилось дальше той конторки, гдѣ онъ несъ свою службу?

Да полно, всѣ ли эти три дня онъ осматривалъ заводъ? Судя по созерцательному характеру его заключенія, которое не требовало

обмѣра и осмотра, не удѣлилъ ли онъ часть своего дѣлового времени на уединеніе въ какомъ-нибудь, во всякомъ случаѣ отдаленномъ отъ завода клубѣ, ресторанѣ, гдѣ удобно думать о порученномъ дѣлѣ, но откуда не видать даже заборовъ и трубъ оцѣниваемаго зданія...

Странное свидѣтельство! Особливая точка зрѣнія!.. Новоустроенный заводъ оцѣнивается ниже дѣйствительности на нѣсколько милліоновъ, когда съ его стоимости, несмотря на новизну и образцовое, выдерживающее конкуренцію съ иностранными предпріятіями состояніе, сдѣлана уже общая бухгалтерская списка.

Люди дѣла свидѣтельствуютъ о нахожденіи того, что отрицаетъ г. Дрейеръ. Какъ ни больно, но свидѣтель, въ ревностномъ умаленіи дѣйствительности, напомнилъ, только въ сторону отрицанія, пріемъ безсмертнаго продавца, который, продавая свое имѣніе, говорилъ покупателю: и это — мое, и что дальше — мое, и то мое, что тамъ, дальше, чего не видать отсюда...

Въ увлеченіи услужить начальству свидѣтель, видимо, боялся передать, думая, что государственная казна заинтересована, подобно покупщикамъ съ молотка, купить на грошъ пятаковъ. Нѣтъ, ни высокое положеніе казны, какъ государственнаго хозяина, ни политика ея заправилъ никогда не руководились этимъ началомъ. Казна передастъ противъ частнаго лица, потому что лишній рубль въ карманъ частному лицу—это усиленіе его же полезной производительности, но выгадывать на вынужденной продажѣ, но пользоваться стѣсненнымъ положеніемъ продавца—этой черты не было и не будетъ въ практикѣ казеннаго хозяйства.

Я крѣпко убѣжденъ, что состояніе заводовъ соотвѣтсвуетъ тому, что мы читаемъ въ журналѣ совѣщанія — и вѣрю въ полнѣйшую обоснованность мнѣнія лицъ, подписавшихъ его.

Не идолопоклонническій страхъ передъ сильными міра диктуетъ мнѣ эти слова, не трепетъ передъ саномъ, — да они и не нуждаются въ этомъ, — а простая, свободная критика фактовъ. О состояніи заводовъ, о готовности ихъ къ выполненію не только желѣзнодорожныхъ, но и морскихъ заказовъ, о важномъ значеніи ихъ въ будущемъ говорятъ лица, компетентности которыхъ не только ввѣрены, но компетентности которыхъ обязаны своимъ состояніемъ обширныя отрасли государственнаго хозяйства, именно въ тѣхъ областяхъ, которыя связаны съ глубокимъ знаніемъ машиностроительнаго и судостроительнаго дѣла.

Мнѣ можетъ сказать обвиненіе: вы подрываете слѣдственный матеріалъ, вы умаляете значеніе свидѣтеля, показаніе котораго такъ

полно и подробно записано въ предварительныхъ актахъ слѣдствія, что не вѣрить ихъ положительному содержанію нельзя.

Нѣтъ, господа, бумага предварительнаго слѣдствія и обвинительный актъ прокурора, на актахъ слѣдствія обоснованный, свидѣтельствуютъ только о томъ, что слѣдователь дѣлалъ свое дѣло, т.-е. точно отмѣчалъ показанія свидѣтелей, а прокуроръ точно вывелъ изъ нихъ надлежащіе выводы.

Но только здѣсь, на судѣ, расцѣнивается вами истинная годность свидѣтеля. Вѣдь свидѣтель, какъ и потерпѣвшій, потерпѣвшій какъ и привлеченный, могутъ быть подъ вліяніемъ всевозможныхъ впечатлѣній и состояній духа, когда слова ихъ, по намѣренію правдивыя, въ самомъ дѣлѣ только плодъ душевныхъ движеній, иногда своекорыстнаго пристрастія къ своему интересу и т. п...

Попутно надо остановить ваше вниманіе на происхожденіи паевъ на 6.000.000 рублей въ рукахъ Саввы и Николая Мамонтовыхъ.

Говорятъ о безденежномъ полученіи ими этихъ паевъ. Это мнѣніе— просто результатъ малаго знакомства съ бытовыми условіями промышленности.

Невскій заводъ всѣмъ достояніемъ своимъ обезпечивалъ долгъ Ярославской дорогѣ. Но какъ реализовать этотъ долгъ, разъ дорога нуждается въ возвратѣ денегъ? Въ кассѣ наличности мало... Предъявить искъ и съ молотка продать заводъ? На многомиліонную покупку (тогда казна еще не заявляла своего согласія на покупку) немного охотниковъ, потому что немного людей съ свободными милліонами. Публичная продажа можетъ бросить заводъ за ничто въ руки покупателя, предложившаго самую скромную, до неприличія скромную цифру.

Сходите въ дни торговъ въ кредитныя учрежденія, и вы увидите, какъ буквально за рубль, надбавленный къ оцѣнкѣ, пропадаютъ милліонныя зданія неисправныхъ должниковъ.

Продать заводъ? Но охлажденіе иностранцевъ, замѣчаемое въ послѣдніе годы, объясняетъ временную неудачу этой попытки. Оставалось одно: превратить долгъ завода дорогѣ, какъ имущество, пошедшее на оборудованіе его и на выдержку въ неудачные годы, балансируемую ожидаемыми выгодами отъ будущихъ морскихъ и желѣзнодорожныхъ заказовъ, въ паевое дѣло. Паевой выпускъ правительство разрѣшило. Что же? Выпускать на 6 милліоновъ бумагъ на биржу? Это — ударъ, отражающійся на всѣхъ дѣлахъ. Только медленнымъ сбытомъ, по мѣрѣ подъема завода, можно привлечь капиталы. И вотъ поступаютъ такъ: дорога списываетъ долгъ съ завода, а заводъ валюту

этого долга, какъ цѣну стоимости завода въ его позднѣйшемъ состояніи, оплачиваетъ паями тому лицу, которое за него уплатитъ долгъ дорогѣ. Долгъ этотъ принимаютъ Мамонтовы и за это получаютъ паи. Паи эти они сейчасъ же вносятъ въ ту самую кассу Ярославской дороги, предъ которою обязываются погасить долгъ.

Цѣль всего этого: спокойное, безъ публичной продажи, реализованіе цѣнности завода, вырученными, по партіямъ проданными, паями, которые, какъ обезпеченіе долга, лежатъ въ сундукѣ дороги и выдаются только по представленіи вырученной за партію цѣны.

Съ точки зрѣнія обвиненія, которое соглашается съ Дрейеромъ въ оцѣнкѣ завода, выходитъ, что заводъ всего долга своей стоимостью не покроетъ. Тогда вѣдь разницы нѣтъ, получитъ ли дорога по векселямъ завода неполное удовлетвореніе, равное выручкѣ изъ продажи, получитъ ли эту выручку частью по векселямъ, частью по паямъ—въ итогѣ, въ суммѣ стоимости завода.

Справедливость требуетъ сказать, что новое правленіе ничего не сдѣлало въ интересахъ дороги. Упрекая старое правленіе, не слѣдовало бы новому съ большой заботливостью отчуждать обезпечительныя цѣнности. Но дѣлалось другое, недостаточно красивое.

Вы помните: къ Саввѣ Ивановичу ѣдетъ г. Хитрово и достигаетъ того, чтобы онъ заявилъ его кандидатомъ въ предсѣдатели новаго правленія, даже опирается на цензъ изъ акцій, которыя ему любезно вручаетъ Савва Ивановичъ, а онъ принимаетъ отъ него.

Хорошъ пріемъ. Невольно скажешь, что иногда дѣйствительно носимыя фамиліи напоминаютъ манеру старыхъ писателей давать прозвище своимъ персонажамъ по основной чертѣ ихъ характера: Правдины, Скалозубы, Стародумы...

Время возникновенія новаго правленія знаменательно. Въ это время разрѣшается вопросъ о Вятской дорогѣ. Впервые уставъ дороги мѣняется. Выпустятся новыя акціи. Старыя получатъ право на полученіе новыхъ по шести на одну. Въ мірѣ биржи и спекуляціи оживленіе. Акціи подымаются, несмотря на слухи о задолженности и неудачѣ по постройкѣ Архангельской линіи.

Въ это знаменательное время, въ неясныхъ контурахъ обрисовываются новые дѣятели, повидимому, рѣшившіе, что страдное время работъ по устройству сѣверныхъ путей прошло и приближается жатва. Савву Ивановича приглашаютъ вступить въ синдикатъ; его акціи выкупаются отъ банка, который, будучи мало освѣдомленъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, тяготится портфелемъ (акціи Саввы Ивановича лежали въ банкѣ для Внѣшней торговли): онѣ переходятъ по солидной

стоимости въ Международный банкъ. Приходится Саввѣ Ивановичу вести разговоръ о синдикатѣ, знакомиться съ дѣятелемъ, съ фамиліей не на „овъ", къ какимъ онъ привыкъ въ своемъ сѣверномъ районѣ. Услужливый юристъ, тоже съ фамиліей не на „овъ", а на „вичъ", не помню его фамиліи (въ это время подсудимый Савва Мамонтовъ поправляетъ защитника, громко напоминая фамилію Шайкевича), — пишетъ условіе сдѣлки: полторы тысячи акцій должны перейти въ портфель Международнаго банка не въ залогъ, а въ собственность.

Все спутывается... Будущая дорога перейдетъ въ руки дѣятелей, которымъ чужда идея спасти ошибку стараго путемъ солидарности между заводомъ и дорогой. Для нихъ заводъ — только неисправный должникъ, стоющій столько, сколько можно выручить отъ продажи его съ молотка. Мечты Саввы Ивановича лопаются. Его мѣропріятія, изъ которыхъ онъ тайны не дѣлалъ, которыя всѣ занесены въ книги, напечатаны въ балансахъ и утверждены своевременно общими собраніями, объявляются сплошнымъ рядомъ преступленій, и человѣка, котораго восторженно благодарили за 25-лѣтнюю службу акціонеры, получившіе по нѣскольку сотъ рублей на акцію дивиденда, которые аплодировали его смѣлымъ планамъ, — теперь, при первой неудачѣ, сбившей съ акцій лишь биржевую спекуляціонную цѣну и спустившей ее до цифры въ 500 рублей (почти вчетверо противъ номинальныхъ 150), бросаются, подъ предводительствомъ г. Хитрово, въ камеру прокурора...

Сибирское дѣло—особенное дѣло. На него набросился Савва Ивановичъ не по своей волѣ. Здѣсь говорили, что принять это дѣло его просили очень большіе люди. А просьбы эти — хуже приказаній. Не исполнишь приказанія, накажутъ тебя по 29 ст. Устава для мировыхъ судей — и все. Но просьба, не исполненная просьба, оставляетъ болѣе глубокій слѣдъ, измѣняетъ мнѣніе о человѣкѣ, рѣшаетъ его нравственную оцѣнку у сильнѣйшихъ людей. Толкала его на это и его жажда не отдавать дѣлъ въ инородныя руки, заманчивая перспектива оживить умершее дѣло и блеснуть русской сметкой.

Надо всѣмъ, конечно, господствовала надежда найти новый источникъ для полученія въ кассу дороги ошибочно истраченныхъ суммъ. И это дѣло онъ внесъ въ книги дороги и не скрылъ отъ акціонеровъ... И тутъ не было ни одного заявленія или критическаго запроса...

Остается сказать о третьяковской ссудѣ.

Я утверждаю, что это былъ заемъ, прикрытый формою ссуды. Вѣдь въ это время дѣла Мамонтова уже были трудны. Знаменитый маклеръ Шульцъ не могъ этого не знать. Г. Шульцъ не могъ не

знать, что у самого Мамонтова нѣтъ казенныхъ подрядовъ. Это было просто подражаніемъ тому, какъ прежде, чтобы увеличить отвѣтственность должника, давали ему деньги подъ вымышленную сохранную расписку, грозя обвиненіемъ въ растратѣ, если онъ въ срокъ не уплатитъ процентовъ или капитала.

Здѣсь все налицо для этого предположенія. Юноша Третьяковъ вѣрилъ Шульцу. Этотъ послѣдній бралъ гласный договоръ о ссудѣ безпроцентной и сейчасъ же сопровождалъ ее тайнымъ договоромъ о процентахъ сверхъ купоновъ. Когда защитники интересовъ г. Третьякова подавали жалобу, то они представили договоръ безпроцентный и позабыли о приложеніяхъ.

Шульцъ зналъ, что онъ даетъ деньги не Мамонтову. Передъ выдачей 400,000 рублей онъ встрѣтился на Ильинкѣ съ свидѣтелемъ Альбертомъ, тогда дѣятелемъ Невскаго завода, и крикнулъ ему: „Я вамъ приготовилъ уйму денегъ“. Нужна была только рука и голова Саввы Ивановича.

Какъ долгъ, мы его не отвергаемъ: онъ долженъ быть возмѣщенъ изъ арестованнаго имущества, какое успѣлъ сберечь къ судному дню когда-то богатый, кредитоспособный Савва Ивановичъ...

Исчерпавъ матеріалы слѣдствія, обвинитель возбуждалъ наше гражданское негодованіе противъ подсудимыхъ указаніемъ на ударъ русскому кредиту за границей, на затрудненія и ущербы казны, на страду за чужіе грѣхи бѣднаго русскаго крестьянина, который въ лицѣ казны отплачивается за ихъ грѣхи.

Иностранцы—не дѣти и знаютъ лучше насъ, что и въ болѣе сильныхъ промышленныхъ странахъ совершаются отдѣльные крахи, но они, какъ песчинка на мечѣ, не извращаютъ общаго состоянія страны.

Казна оборудовала Ярославскую дорогу оборотнымъ капиталомъ. Но оборотный капиталъ, внесенный въ пріобрѣтенную дорогу, не есть расходъ, а только видоизмѣненіе цѣнности. Обмѣнивая осенью свои деньги на сѣмена и работу, которыя мнѣ нужны въ моемъ имѣніи, я не бѣднѣю, а только въ чаяніи грядущаго урожая замѣняю металлъ трудомъ и сѣменами.

А о народѣ лучше бы не говорить. Казна купила имѣніе-дорогу за ея дѣйствительную цѣну; пріобрѣтая вмѣстѣ и право иска, казна, конечно, какъ благоразумный хозяинъ, не цѣнила иска на разоренныхъ людей выше стоимости заарестованнаго имущества.

Народъ? Сѣрыхъ людей въ числѣ хозяевъ-акціонеровъ мы не встрѣчали на общихъ собраніяхъ Ярославской дороги. Солодовниковы, Грачевы, Джамгаровы и подобные имъ въ лаптяхъ не ходятъ, а преспо-

койно выбираютъ % на капитализованные доходы и на учетверенную плату, данную имъ за акціи казной. А если не такъ, если они вамъ кажутся нищими и разоренными и удовлетворить ихъ надо нашей карой,— что жъ, подайте Христа ради имъ!..

Я не возношу на пьедесталъ Савву Ивановича. Онъ—не герой, не образецъ. Но я оспариваю обвиненіе въ томъ, что онъ умышленный хищникъ чужого.

Ущербы его ошибокъ—не плоды преступленія. Онъ погибъ отъ нетерпѣнія тѣхъ, кто быстро пожинали плоды его удачъ, но были слабопамятны, когда пошатнулся подсудимый.

Я утверждаю, что быстрота продажи имущества и смутное время ликвидаціи не выяснило настоящей цѣны и не ввело въ оцѣнку Невскаго завода той идеальной цѣнности, какую имѣетъ всякое дѣло, если оно во-время и на мѣстѣ потребностей рынка.

Правда, противъ моего послѣдняго воззрѣнія авторитетъ г. Дрейера.

Господа, значеніе и цѣнность завода, связанную съ его значеніемъ, намъ засвидѣтельствовали авторитеты, участвовавшіе въ совѣщаніи.

Если въ своей вѣрѣ ошибался Савва Мамонтовъ, если вмѣстѣ съ нимъ ошибаюсь и я, а правъ только г. Дрейеръ, то, припоминая, что противный взглядамъ г. Дрейера выводъ звучитъ въ мнѣніяхъ гг. Тыртова, князя Хилкова и статсъ-секретаря Витте, я лучше ошибусь съ ними, нежели довѣрюсь свидѣтелю г. Дрейеру...

Возраженіе обвинителямъ.

Если бы Мамонтовымъ не помѣшали—всѣ ихъ грѣхи были бы забыты и Россія обогатилась бы и новыми путями сообщенія, и прекрасными заводами, которые въ русскихъ рукахъ служили бы государству.

Упрекъ, брошенный мнѣ прокуроромъ,—упрекъ въ томъ, что здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, произнесены были неумѣстныя и неосторожныя слова,—этотъ упрекъ несправедливъ.

Между положеніемъ прокурора и защитника—громадная разница.

За прокуроромъ стоитъ молчаливый, холодный, незыблемый законъ, а за спинами защитника—живые люди.

Они полагаются на своихъ защитниковъ, взбираются къ нимъ на плечи, и... страшно поскользнуться съ такою ношей!

Если я сказалъ лишнее слово, я самъ долженъ держать и отвѣтъ: на меня негодованіе, но ни одной стрѣлы — туда!..

Несомнѣнно, что заводъ въ тяжелую минуту проданъ съ убыткомъ. Увлекся ли Савва Ивановичъ, или это была ошибка человѣческаго расчета, во всякомъ случаѣ убытки — результатъ не умысла, а несчастія...

Русское правительство никогда не желало купить рубль за грошъ. Просто выборъ Дрейера былъ неудаченъ. Этотъ человѣкъ — преданный казнѣ, что и говорить. Но Дрейеръ считаетъ цѣнность имущества только по его убыточности, забывая другія условія...

Въ торговомъ дѣлѣ много значитъ извѣстность предпріятія, его возрастъ. Газета, просуществовавшая одинъ годъ съ убыткомъ въ 20 тысячъ, по мнѣнію Дрейера, будетъ дешевле той, которая, просуществовавъ 5 лѣтъ, даетъ 50 тыс. убытку. Земледѣлецъ, вспахавшій землю съ осени и засѣявшій, по мнѣнію Дрейера, будетъ бѣднѣе того, который сохранилъ въ карманѣ 20 руб., оставивъ землю безъ обработки.

Люди, болѣе Дрейера понимавшіе, говорили, что заводъ, это — дѣло, нужное русскому народу...

Неправильно далѣе толкованіе обвинителями слова „умыселъ“. Вѣдь передъ присяжными засѣдателями судятся не д ѣ л а, а л ю д и: что можно требовать отъ людей, имѣющихъ 10 талантовъ, того нельзя требовать отъ человѣка, имѣющаго одинъ талантъ...

Законъ властенъ во всемъ, но онъ говоритъ присяжнымъ: „судите“. Это потому, что онъ считаетъ себя лишь ф о р м а л ь н о ю истиной, а вамъ, судьи, предоставляетъ искать и найти ж и з н е н н у ю правду.

Въ книгѣ, въ святость которой мы всѣ вѣримъ, — въ Новомъ Завѣтѣ, сказано, что пріидетъ нѣкогда судъ общій, на которомъ Судія будетъ судить, „зане Онъ Сынъ ч е л о в ѣ ч е с к і й“.

И вы разсудите п о-ч е л о в ѣ ч е с к и!

Здѣсь нѣтъ героевъ, но нѣтъ и преступниковъ.

Сказалась ли въ С. И. преступность по распоряженію Чижовскими капиталами, которыми онъ былъ безконтрольнымъ распорядителемъ? Газеты нападали на него, кричали, что капиталы пропали. И что же оказалось?!

Онъ выгодною операціей утроилъ эти капиталы и создалъ то дѣло, благодаря которому Кострома теперь по постановкѣ промышленнаго образованія можетъ соперничать съ любымъ уголкомъ Европы...

Сюда явились Лазаревы и обвиняютъ Мамонтова въ томъ, что жалованье рабочимъ на Ярославской дорогѣ платилось маленькое.

Однако, тамъ рабочіе жили по 20 лѣтъ и по 2 тысячи человѣкъ подписывались подъ адресомъ. Это оттого, что къ рабочимъ относились по-человѣчески, не возносились надъ ними, не углубляли пропасти...

Говорятъ, что въ Америкѣ прислуга беретъ меньше жалованья, если по условію она можетъ не снимать шляпы передъ хозяиномъ...

Московскіе лакеи ходятъ въ такихъ же сюртукахъ, какъ мы, однако, крестьяне не любятъ отсылать своихъ дѣтей въ Москву...

Человѣческое достоинство, человѣческое отношеніе—дороже рубля...

Вручаю вамъ судьбу подсудимыхъ. Судите, но отнесите часть бѣды на духъ времени, духъ наживы, заставляющій ненавидѣть удачныхъ соперниковъ, заставляющій вырывать другъ у друга добро.

Въ наше время мало работать, — надо псомъ сидѣть надъ своею работой.

Если вѣрить духу времени, то — „горе побѣжденнымъ!“

Но пусть это мерзкое выраженіе повторяютъ язычники, хотя бы по метрикѣ они числились православными или реформаторами.

А мы скажемъ: „пощада несчастнымъ!“...

XXIV.

Дѣло Московскаго Ссуднаго Коммерческаго Банка.

Дѣло Московскаго Ссуднаго Коммерческаго банка.

Засѣданіе Московской Судебной Палаты 2 — 24 октября 1876 года подъ предсѣдательствомъ П. А. Дейера.

Обвиняли тов. прокурора П. Н. Обнинскій и А. М. Симоновъ.

Защищали: Струсберга — Спиро; Полянскаго — Харитоновъ и Куриловъ; Ляндау — Куперникъ; Борисовскаго, Лѣнивова и Вишнякова — Ф. Н. Плевако; остальныхъ — Рихтеръ, Пржевальскій, Вульфертъ, Капеллеръ, Ясинскій, Шайкевичъ, Геннертъ и др.

Московскій Ссудный Коммерческій Банкъ оказался въ 1875 году не въ состояніи удовлетворить своихъ вкладчиковъ. Возникшее послѣ этого слѣдствіе обнаружило въ ряду другихъ злоупотребленій и неправильностей выдачу 7-ми-милліонной ссуды Беттелю-Генри Струсбергу подъ обезпеченіе процентныхъ бумагъ, не котировавшихся даже на биржѣ. Струсбергъ долженъ былъ Банку 7 милліоновъ рублей, чего однако въ его личномъ счетѣ не значилось, а вся сумма этого долга разнесена была въ ежедневныхъ балансахъ по разнымъ статьямъ—несогласно съ книгами Банка.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено 127 вопросовъ, содержаніе которыхъ сводится къ тому, что директора Банка Ляндау и Полянскій, принявъ отъ Струсберга денежные подарки, выдали ему незаконную ссуду въ 7 милліоновъ рублей, что Струсбергъ путемъ подкупа склонилъ ихъ къ выдачѣ незаконной ссуды, воспользовался ихъ завѣдомо преступными дѣйствіями и денегъ не возвратилъ, и что Ляндау и Полянскій составляли послѣ обнаруженія дефицита въ кассѣ ложные отчеты о состояніи счетовъ Банка на 1-е октября 1875 года.

Члены же Совѣта Банка обвинялись въ томъ, что, узнавъ въ первыхъ числахъ октября 1875 г. о невѣрномъ составленіи отчетовъ, скрывали отъ публики состояніе дѣлъ Банка, что имѣло послѣдствіемъ вовлеченіе третьихъ лицъ въ невыгодныя сдѣлки, а равно дало возможность нѣкоторымъ вкладчикамъ изъ

ихъ среды полученія вкладовъ полнымъ рублемъ. Кромѣ того, члены Совѣта Банка обвинялись въ томъ, что распродавали принадлежащія имъ акціи, чѣмъ также содѣйствовали расхищенію кассы.

Отвѣтами присяжныхъ засѣдателей признаны невѣрность и подложность отчетовъ о состояніи счетовъ Банка за 1876/5 годъ, составленныхъ Полянскимъ и Ландау, а также подкупъ Струсбергомъ директоровъ Банка.

Вовлеченіе членами Совѣта третьихъ лицъ въ невыгодныя сдѣлки также признано, но остальные пункты обвиненія отвергнуты.

На основаніи этого вердикта приговорены: къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и ссылкѣ въ Томскую и Олонецкую губерніи — Полянскій, Ляндау, Струсбергъ и Борисовскій; Шумахеръ приговоренъ лишь къ аресту на одинъ мѣсяцъ.

Остальные подсудимые члены Совѣта Банка — Лажечниковъ, Миліоти, Ляминъ, Сорокоумовскій, Крестовниковъ, Редеръ, Гивартовскій, Волковъ, Вишняковъ, Грачевъ, Лѣнивовъ, Карзинкинъ, Пренъ, Граббе, Бостанжогло и Ильинъ — оправданы.

Рѣчь въ защиту Борисовскаго, Лѣнивова и Вишнякова.

Гг. присяжные засѣдатели!

Въ виду продолжительности настоящаго процесса, съ моей стороны было бы совершенно лишнимъ повторять то, что уже было сказано, и тѣмъ отнимать у васъ понапрасну время.

Но тѣмъ не менѣе есть вещи, о которыхъ я только первый начну говорить и о которыхъ до сихъ поръ еще не было сказано, не потому что онѣ не приходили на память другимъ, а потому, что ихъ тщательно скрывали...

Настоящее дѣло представляется замѣчательнымъ и обращающимъ на себя вниманіе публики потому, что сидящіе здѣсь на скамьяхъ подсудимыхъ 14 человѣкъ, принадлежащіе къ именитымъ гражданамъ Москвы и пользовавшіеся до сихъ поръ всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ, вдругъ оказались мошенниками, ворами и грабителями.

Слѣдовательно, вся задача присяжныхъ засѣдателей, особенно трудная, состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли право обвиненіе, которое бросило всей Москвѣ перчатку и сказало: ваши излюбленные, именитые граждане, ваши городскіе головы на взглядъ прокурорскаго надзора суть грабители, воры и мошенники: вы не умѣете отличать хорошихъ людей отъ дурныхъ.

Такимъ образомъ теперь нужно обращаться къ ихъ превосходительству и спрашивать: кто хорошъ и кто дуренъ...

Поставленный мною вопросъ заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія, и потому считаю нужнымъ остановиться на немъ подробно. Можетъ быть, я проговорю часъ, два и болѣе и надѣюсь, что вы выслушаете меня съ полнымъ вниманіемъ. Я думаю, что честные люди никогда не вмѣнятъ въ вину подсудимому то, что защитникъ его не умѣлъ сообразоваться со временемъ и не пощадилъ вашего терпѣнія.

Дѣйствительно, стоитъ остановиться на настоящемъ дѣлѣ, потому что мы видимъ, что люди, которымъ мы съ удовольствіемъ подавали руку, которые защищали интересъ общества, вдругъ превратились въ каторжниковъ, въ кандидатовъ въ острогъ.

Поэтому, если у васъ даже пропадетъ лишній часъ, слушая меня, то это принесетъ великую пользу...

Повторяю, до сихъ поръ вамъ еще не сказали всего, потому что тщательно скрывали то, что оправдываетъ подсудимыхъ. До сихъ поръ вамъ представляли только то, что чернило людей, которыхъ я и вы считали еще вчера честными людьми. До настоящаго дѣла вы бы не повѣрили тому, кто сказалъ бы вамъ, что Борисовскій—воръ, Ляминъ — мошенникъ, Шумахеръ — грабитель.

Но нынѣ не только обвиненіе, но цѣлая масса гражданскихъ истцовъ тѣшатся надъ ними безо всякой надобности и разражаются ругательствами. Они говорятъ: смотрите, это — воры, это — мошенники, это — такіе люди, какихъ еще не было на свѣтѣ.

Мнѣ кажется, что слѣдуетъ относиться къ этимъ людямъ со всею справедливостью. На этихъ скамьяхъ сидѣли убійцы, государственные преступники, но и къ нимъ никогда не относились съ такими ругательствами, и до послѣдней минуты объявленія приговора мы слышали только слово: „подсудимый, обвиняемый“. Никогда еще ни представители прокурорскаго надзора, ни гражданскіе истцы не кричали до вашего приговора: воры, мошенники, грабители, никогда еще въ подсудимыхъ не кидали грязью, какъ въ настоящемъ дѣлѣ. Нынѣ въ первый разъ храмъ правосудія огласился такими криками, и нынѣ стало стыдно за тѣхъ, которые принадлежатъ къ одному съ нами сословію, какъ намъ стало стыдно, что они такъ скоро позабыли ту школу, изъ которой они вышли вмѣстѣ съ нами.

Два дня говорили здѣсь гражданскіе истцы, цѣлый день говорили представители обвиненія, — но уликъ они не разобрали. Вы постоянно слышали здѣсь только одно: „семь милліоновъ, семь милліоновъ, два милліона, пятнадцать тысячъ“. Происходитъ не судъ надъ человѣкомъ,

а гражданскій искъ въ 7.000.000 руб.— разсматривается требованіе гражданскихъ истцовъ.

Но для гражданскихъ истцовъ васъ не оторвали бы отъ домашняго очага, вы не сидѣли бы три недѣли, и не было бы собрано сотни свидѣтелей. Задача ваша состоитъ въ томъ, чтобы судить человѣческую душу, разобрать, какъ она дошла до настоящаго положенія, разсмотрѣть, какъ эти люди, у которыхъ есть средства къ жизни, которые пользуются всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ, дошли до того, что цѣлой шайкой въ 15 человѣкъ рѣшились на обманы, подлоги и мошенничества. Для того, чтобы совершить подобныя преступленія, надо, чтобы при своемъ рожденіи человѣкъ былъ со всѣми пороками. Мы видимъ здѣсь людей, которые прожили по пятидесяти лѣтъ и которые могутъ сказать тѣмъ, которые такъ чернятъ ихъ: „посчитаемся прошлымъ, кто изъ насъ больше принесъ пользы“,— и тогда пришлось бы краснѣть не подсудимымъ, а тѣмъ, которые по недостатку собственныхъ достоинствъ, желаютъ корить людей, прежде чѣмъ вы произнесете свой приговоръ...

Подсудимые, которыхъ я защищаю: Борисовскій, Лѣнивовъ и Вишняковъ, обвиняются въ трехъ преступленіяхъ.

Первое обвиненіе состоитъ въ томъ, что подсудимые, съ цѣлью не потерять дивиденда на акціяхъ Банка, не подвергнуться отвѣтственности за нарушеніе § 11 устава Банка и скрыть отъ публики критическое положеніе дѣлъ, подложно составили отчеты за 1873 и 1874 года и достигли утвержденія ихъ общими акціонерными собраніями. Вотъ первое зло, первое ужасное преступленіе, которое приписывается имъ и которое ставитъ ихъ на одну доску съ ворами.

Второе, не менѣе гнусное дѣяніе, которое имъ приписывается, состоитъ въ томъ, что члены совѣта, за исключеніемъ Волкова и Сорокоумовскаго, знали о дурномъ положеніи дѣлъ, не закрыли Банка до 11 октября и воспользовались этимъ временемъ для того, чтобы мошенническимъ образомъ сбыть свои акціи.

Вотъ два ужасныхъ преступленія, въ которыхъ обвиняются подсудимые. Если они будутъ признаны виновными въ этихъ преступленіяхъ, то они уйдутъ отсюда нравственно убитыми, честное имя ихъ будетъ отнято навсегда, они будутъ жить фиктивною жизнью...

Есть еще третье преступленіе, которое состоитъ въ томъ, что они нерадиво относились къ своимъ обязанностямъ, вслѣдствіе чего въ Банкѣ были сдѣланы неправильности, и результатомъ этого было то, что у нихъ подъ руками вынули 7.000.000 руб., которые перешли къ Струсбергу. Я долженъ сказать, что это даже не преступленіе, а

только проступокъ. Оправдаете ли вы, или обвините ихъ въ этомъ проступкѣ, честное имя ихъ не замарается. Каждый человѣкъ можетъ иногда недостаточно ревниво относиться къ своему долгу, можетъ иногда не совсѣмъ строго исполнять возложенныя на него обязанности, въ виду желанія сохранить нѣсколько лишнихъ часовъ для отдыха, — онъ можетъ не исполнять того, что возлагаетъ на него законъ.

Это послѣднее обвиненіе не страшно, потому что нѣтъ ни одного человѣка, находящагося въ этой залѣ, который бы могъ сказать, что всѣ обязанности, которыя возложены на него закономъ, въ точности имъ исполнены.

Законъ, напримѣръ, говоритъ, что, когда кончится слѣдствіе по дѣлу, то черезъ семь дней долженъ быть составленъ обвинительный актъ. Я вызову лучшаго представителя судебнаго вѣдомства, и пусть онъ скажетъ, исполняется ли этотъ законъ. Нѣтъ, мы знаемъ, что по нѣскольку мѣсяцевъ лежатъ дѣла въ палатѣ, и нерѣдко бываетъ, что подсудимый появляется на скамьѣ подсудимыхъ черезъ годъ или черезъ два.

Поэтому люди, у которыхъ въ глазахъ бревно, не должны указывать на спицу, которую они замѣтили въ глазахъ ближняго.

Я указалъ вамъ на три преступленія, въ которыхъ обвиняются подсудимые. Защищая трехъ подсудимыхъ, я имѣлъ бы право сказать три рѣчи, но скажу только одну, и вмѣсто того чтобы раздѣлить ее по личностямъ, я раздѣлю ее по предметамъ обвиненій. Сначала я посмотрю, можно ли обвинять подсудимыхъ въ подлогѣ, потомъ перейду къ вопросу о томъ, можно ли признать ихъ виновными въ нерадѣніи при исполненіи своихъ обязанностей, и, наконецъ, займусь вопросомъ о томъ, можно ли ихъ считать хищниками и грабителями кассы Банка.

Подсудимыхъ обвиняютъ въ подлогѣ, въ составленіи подложныхъ отчетовъ въ 1873 и 1874 годахъ. Человѣкъ не дѣлаетъ зла безъ цѣли: непремѣнно нужна какая-нибудь цѣль. Никто не совершаетъ преступленій для удовольствія, потому что во всякомъ случаѣ покойныя кресла въ кабинетѣ гораздо лучше, нежели та скамья, на которой теперь сидятъ обвиняемые.

По словамъ обвиненія, члены совѣта совершили подлогъ съ цѣлью не потерять дивиденда на акціи Банка. Мы знаемъ, что у большинства членовъ совѣта было по 50 акцій. Если бы дивидендъ былъ 6%, то имъ приходилось получить по 600 руб., а если бы дивидендъ былъ 8%, то они получили бы на свои акціи 800 рублей.

Я спрашиваю теперь: мыслимо ли, чтобы такія лица, какъ Лямінъ, Корзинкинъ и Бостанджогло, могли рѣшиться на подлогъ только изъ-за того, чтобы вмѣсто 600 рублей получить 800, т.-е. изъ-за 200 рублей?

Правда, что въ числѣ обвиняемыхъ есть два крупныхъ акціонера, Борисовскій и Корзинкинъ. У Борисовскаго было 460 акцій. Слѣдовательно, если бы дивидендъ былъ не 6%, а 8%, то на каждую акцію пришлось бы получить лишняго 4 рубля, а на всѣ—слишкомъ полторы тысячи рублей. Какъ бы худо ни думали о Борисовскомъ, но 1500 руб. не такая сумма, которою онъ могъ бы соблазниться, а эти 1500 руб. онъ могъ бы получить и безъ подлога...

Затѣмъ у нихъ есть еще возможность получать лишнія деньги. Вы помните содержаніе устава, который здѣсь читался. Въ немъ сказано, что члены совѣта не получаютъ никакого вознагражденія до тѣхъ поръ, пока дивидендъ не будетъ выше 8%. Поэтому, если бы члены совѣта хотѣли совершить подлогъ, то они для того, чтобы получить вознагражденіе, показали бы въ отчетѣ дивидендъ въ 10 или 12%, между тѣмъ они этого не дѣлаютъ.

Многіе скажутъ, что вѣдь все-таки можно получить барышъ и 1500 р. Я долженъ замѣтить здѣсь, что тотъ, кто владѣетъ хотя одной акціей, пойметъ, что если дѣйствительный доходъ на акцію 6%, а онъ беретъ 8%, то онъ самъ себя обманываетъ, потому что кладетъ себѣ въ карманъ то, что лежитъ въ основномъ капиталѣ. Если бъ у товарища прокурора было такое основаніе, что они сами получили 8%, а прочимъ лицамъ дали 6%, то тутъ была бы еще почва для обвиненія. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ этого не было: взявъ на себя обязанность обвинять людей, нужно глубоко знать ихъ жизнь.

Такимъ образомъ я утверждаю, что неестественно допустить, чтобы 15 членовъ совѣта рѣшились на подлогъ только изъ-за того, чтобы получить на свои акціи лишнихъ 200 руб.

Но въ обвинительномъ актѣ указана еще другая цѣль совершенія подлога, а именно та, чтобы не подвергнуться отвѣтственности, за нарушеніе § 11, п. і устава Банка. Въ этомъ пунктѣ сказано, что Банку запрещается покупка бумагъ болѣе чѣмъ на 600.000 рублей.

Но обвиненіе забываетъ, что въ отчетѣ покупка все-таки была записана цифрой большею, чѣмъ уставъ разрѣшаетъ. Гдѣ же логика и справедливость? Мы думали, что эти силы должны быть господствующими на судѣ, но настоящій процессъ доказываетъ, что какія-то третьи силы, а не эти, господствуютъ здѣсь, отстраняя и логику, и справедливость, какъ вещи, для нихъ непригодныя.

Обвиненіе умолчало здѣсь объ одной вещи, а именно скрыто то, что происходило прежде, чѣмъ отчетъ былъ представленъ совѣту для провѣрки предъ 12 членами совѣта.

Обвиненіе говоритъ, что былъ составленъ подложный отчетъ. Здѣсь было торжественно доказано, что отчетъ составленъ къ 20 марта. А между тѣмъ правленіе еще за 3 мѣсяца до этого, въ вѣдомости о состояніи счетовъ на 1 января, всѣ указанныя въ отчетѣ невѣрности уже напечатало. Значитъ, оно уже къ 1 января ввело въ книги эти невѣрности.

Обвиненіе умолчало объ этомъ обстоятельствѣ, какъ будто бы оно не имѣетъ никакого значенія.

Затѣмъ, что же называется подложнымъ отчетомъ? Обвиненіе говоритъ, что напечатано невѣрно состояніе счетовъ. По уставу, совѣтъ долженъ свѣрить предложенный ему отчетъ съ книгами; онъ и сравниваетъ ихъ съ книгами, и само обвиненіе не отвергало того, что книги эти вѣрны съ отчетами. Поэтому, если отчетъ согласенъ съ книгами, которыя ведутся неправильно, то нельзя сказать, чтобъ отчетъ былъ подложный: не вѣрны книги, которыхъ совѣтъ не ведетъ.

Я уже сказалъ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, что немыслимо допустить, чтобы члены совѣта могли составить подложный отчетъ, такъ какъ они не достигали бы этимъ указанныхъ въ обвинительномъ актѣ цѣлей.

Затѣмъ можно допустить еще третью цѣль составленія подложныхъ отчетовъ. Цѣль эта могла состоять въ томъ, что члены совѣта хотѣли скрыть предъ обществомъ недостатки тѣхъ лицъ, которымъ они ввѣрили управленіе дѣлами Банка, что они хотѣли скрыть ошибки Ландау и Полянскаго, дабы имъ не сказали въ общемъ собраніи, какихъ людей они рекомендуютъ.

Допустимъ эту цѣль. На это отвѣтъ ясенъ.

Если бы, напримѣръ, купецъ хотѣлъ прикрыть въ отчетѣ грѣхъ своего приказчика, то на другой день онъ спустилъ бы его со двора. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ мы видимъ, что приказчики эти остаются на своихъ мѣстахъ. Мы знаемъ, что Ляндау было сдѣлано только замѣчаніе, что онъ ведетъ рискованныя операціи, что отъ этихъ операцій Банкъ можетъ потерпѣть убытки, и отдаютъ его подъ власть человѣка, въ котораго вѣрила вся Москва, — именно подъ власть Полянскаго, какимъ мы знали его въ то время.

Но есть еще другія, высшія соображенія, есть иные доводы, которые сильнѣе фактовъ могутъ убѣдить васъ, что подлогъ со стороны совѣта немыслимъ.

Если, напримѣръ, приведутъ къ вамъ заслуженнаго полководца,

который совершалъ великія дѣла, и вдругъ найдутъ въ книгахъ неправильность, состоящую, для примѣра, въ томъ, что въ книгахъ показано, что на покупку сапоговъ для нижнихъ чиновъ его арміи истрачено 9 руб., а за нихъ въ дѣйствительности заплачено только 8 руб., то неужели же этотъ фактъ можетъ служить основаніемъ къ обвиненію этого полководца въ кражѣ? Не доказываетъ ли это, что человѣкъ, будучи чистъ и не запятнанъ, не досмотрѣлъ, и что здѣсь скорѣе была или ошибка, или непониманіе дѣла?

Но когда посадили сюда 15 именитыхъ гражданъ Москвы, то, указавъ только на нѣкоторыя лица, прямо рѣшили, что, если существуютъ неточности, то, значитъ, совѣтъ виноватъ въ подлогѣ, и не обратили вниманія на тотъ вопросъ, который невольно приходитъ въ голову мыслящаго человѣка: какъ эти 15 человѣкъ могли согласиться на ненужный имъ подлогъ?

Представьте себѣ засѣданіе совѣта: сидятъ люди, извѣстные своею честностью и пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ, и къ нимъ входитъ Полянскій съ неправильнымъ отчетомъ и прямо предлагаетъ совершить преступленіе! Да вѣдь для того, чтобы рѣшиться открыть имъ глаза, сказать, что здѣсь подлогъ, и звать ихъ въ сообщники, надо быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что находишься среди такихъ людей, съ которыми можно говорить о кражѣ или о подлогѣ. Даже и дурной человѣкъ, когда онъ идетъ къ такому же дурному человѣку, чтобы предложить ему совершить преступленіе, побоится сдѣлать прямо предложеніе совершить преступленіе. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ 15 именитыхъ гражданъ точно изъ удовольствія соглашаются, по мнѣнію обвиненія, совершить подлогъ.

Но, господа, родъ человѣческій не отъ дьявола происходитъ, чтобы человѣкъ совершалъ преступленія съ удовольствіемъ; родъ человѣческій имѣетъ въ душѣ своей сѣмена добрыя, указывающія на его божественную природу...

Развѣ прошлое этихъ людей таково, что обвиненіе могло сказать, что они похожи на людей, способныхъ по первому предложенію совершить преступленіе? Это не какіе-нибудь откупщики, не какіе-нибудь концессіонеры, не такіе люди, которые закрываютъ свое зло золотыми мѣшками и наживаютъ деньги подкупами сильныхъ міра сего, зная, по словамъ одного древняго владыки, что нѣтъ такой крѣпости, которая бы не сдалась предъ осломъ, навьюченнымъ золотымъ мѣшкомъ...

Всѣ эти люди жили между нами, мы всѣ знаемъ ихъ, мы всѣ знали ихъ прошлое, знали, что они всегда занимались коммерческими дѣ-

лами, и не знаемъ ни одного изъ такихъ предпріятій, служившихъ общественной пользѣ, за которыя бы они не брались. Мы знаемъ, что всякій желалъ имѣть съ ними дѣло, и во всей Москвѣ не найдется ни одного торговца, который сказалъ бы, что они не пользовались кредитомъ и когда-нибудь нарушили то довѣріе, которое имъ оказывалось.

Такіе люди, сидѣвшіе въ 1873 и 1874 годахъ въ Ссудномъ Банкѣ, представлялись такою силой, съ которой говорить о подлогахъ надо было осторожно. Общество понимаетъ это очень хорошо. Прокурорскій надзоръ пишетъ обвинительный актъ въ 120 листовъ, называетъ этихъ людей мошенниками и грабителями, и общество въ то же время выбираетъ ихъ своими представителями и поручаетъ имъ свои интересы. Вѣдь Купеческій Банкъ въ Москвѣ — самый прочный Банкъ, пользуется отличною репутаціей, и дѣла его идутъ прекрасно, а между тѣмъ пора бы этому Банку испортиться, потому что тамъ служатъ тѣ обвиняемые, которые сидятъ теперь предъ вами.

Но у общества есть великій инстинктъ, сравнительно съ которымъ книжная мудрость обвиненія есть прахъ, есть капля въ морѣ, тьма предъ свѣтомъ.

Такимъ образомъ, я утверждаю, не было имъ надобности, не было нравственной возможности совершить какой-либо подлогъ. Надъ этимъ вопросомъ поработали уже другіе мои товарищи. По ихъ усиліямъ вы видите что недаромъ мы рѣшились нападать на экспертовъ, недаромъ мы рѣшились поднять свой голосъ. Мы пришли сюда не для того, чтобы молча смотрѣть, какъ совершается судебное слѣдствіе. Мы готовились къ дѣлу честно; каждая страница дѣла, каждое слово было нами разобрано, потому что мы старались въ каждой страницѣ, въ каждой буквѣ, въ каждомъ словѣ отыскать все, что возможно, для разъясненія дѣла. Мы изучили дѣло, знаемъ его хорошо, и потому не молчимъ здѣсь.

Мы спрашивали экспертовъ: почему они считаютъ подлогомъ переносъ бумагъ на счетъ корреспондентовъ?

Намъ сказали эксперты, что, если бумага куплена, но находится не въ Банкѣ, то неправильно записывать ее на счетъ корреспондентовъ.

Мы возразили и думаемъ, что наше возраженіе крѣпко. Дѣло въ томъ, что для купца едва ли вразумительно, что находящаяся не въ рукахъ бумага можетъ быть занесена въ наличную книгу. Житейское торговое воззрѣніе здѣсь не сойдется съ конторскимъ. И объ этомъ вопросѣ надо было спросить не бухгалтера, а банкировъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вызванные эксперты Дуфнеръ и Лазаревъ — очень хо-

рошіе бухгалтеры и знаютъ, куда нужно занести ту или другую бумагу. Но банкирскихъ дѣлъ они не знаютъ.

Я приведу слѣдующій примѣръ: у многихъ купцовъ есть счетчики, которые прекрасно ведутъ книги. Но такого счетчика хозяинъ никогда не пригласитъ посовѣтоваться о томъ, какую лучше купить пшеницу, украинскую или казанскую...

Въ настоящемъ же дѣлѣ то же самое: вызываютъ бухгалтеровъ Дуфнера и Лазарева, знающихъ счетную часть, а между тѣмъ требуютъ отъ нихъ отвѣтовъ на вопросы, касающіеся банковыхъ операцій. Прежде чѣмъ вызывать эксперта, надо знать, зачѣмъ его вызываютъ. Есть люди, которые знаютъ банковое дѣло лучше, чѣмъ гг. Дуфнеръ и Лазаревъ. Такъ, напримѣръ, въ Кіевскомъ университетѣ есть профессоръ Бунге, пользующійся большимъ авторитетомъ, который въ одномъ изъ своихъ трудовъ говоритъ, что такія выраженія, какъ „условныя выгоды, спеціальные счета“ и, въ особенности, „счета корреспондентовъ“, чрезвычайно растяжимы, и что подъ послѣдній терминъ могутъ быть подведены какія угодно операціи.

Банковое дѣло не такъ просто, и случается, что лучшіе бухгалтеры иногда не знаютъ, въ какую изъ книгъ слѣдуетъ записать извѣстную статью, по ея спеціальности требующую знанія товаровѣдѣнія и теоріи банковыхъ дѣлъ. Если бы послѣ того, что вы выслушали здѣсь, васъ попросили въ банкъ и спросили, куда нужно записать бумаги, находящіяся у корреспондетовъ: въ счетъ наличнаго или въ счетъ корреспондентовъ, то у васъ явилась бы простая русская смѣтка, что то, что въ чужомъ карманѣ, то своимъ не пиши. Если вы теперь признаете, что отчетъ — не дѣло членовъ совѣта, то вамъ сейчасъ же дѣлается яснымъ, что для нихъ нѣтъ никакого резона проводить этотъ отчетъ въ общемъ собраніи такъ или иначе. Общее собраніе само по себѣ, какъ бы оно составлено ни было, не составляетъ преступленія.

Въ обвинительномъ актѣ, въ той его части, гдѣ говорится о подложныхъ отчетахъ, указывается на то, что Борисовскій являлся въ собраніе съ большимъ количествомъ голосовъ противъ того, на которое онъ имѣлъ право. Эта часть обвиненія не подведена ни подъ какую статью закона. Да такой статьи и не существуетъ, и невозможно допустить узаконенія о томъ, что владѣлецъ акцій не можетъ раздавать ихъ другимъ лицамъ. Мы знаемъ, что многія общества не могутъ составить общаго собранія вслѣдствіе того, что не является необходимое число акціонеровъ, или всѣ акціи — у немногихъ лицъ Кому неизвѣстно, напримѣръ, что всѣ акціи Козловской жел. дор.

находятся въ однѣхъ рукахъ, а нужно 40 голосовъ для того, чтобы составить общее собраніе; и вотъ для этого-то владѣлецъ акцій отдѣляетъ часть ихъ другимъ лицамъ.

Но какъ бы общее собраніе ни было составлено, важно то, какая цѣль достигается имъ. Если бы было доказано, что въ общемъ собраніи Борисовскій достигалъ какой-либо цѣли, то тогда можно бы было еще сказать что-нибудь по этому поводу. Но вѣдь вы знаете, что Борисовскій былъ учредителемъ и могъ оставаться въ своей должности три года, то-есть до 1875 года. Для Лѣнивова также не было никакого интереса въ составленіи общаго собранія, такъ какъ онъ былъ единогласно выбранъ въ члены совѣта. Несмотря на то, что самъ обвинитель прекрасно сознаетъ, что общее собраніе не можетъ считаться преступленіемъ, здѣсь сообщаются разныя мелочи. Напримѣръ, говорятъ: посмотрите, въ общее собраніе пришли дѣти Борисовскаго, на нихъ переведены акціи.

Но обвинительная власть забываетъ, что отецъ есть единственный представитель своихъ дѣтей. Обвинительная власть скрыла, что отецъ малолѣтнихъ не нуждается въ указахъ опеки, чтобы дѣйствовать отъ ихъ имени. Противъ подсудимыхъ собираютъ только всякую грязь, но не хотятъ представить то, что ихъ оправдывало бы...

Предсѣдатель. Я прошу васъ быть воздержанымъ въ своихъ выраженіяхъ.

Плевако. Я воздержусь. Прокурорскій надзоръ цитировалъ здѣсь статьи устава уголовнаго судопроизводства, которыми онъ хотѣлъ объяснить причину, вслѣдствіе которой обвинитель отправился къ прокурору Судебной Палаты послѣ того, какъ у него былъ Шумахеръ. Но этотъ уставъ не былъ прочитанъ весь. Въ немъ есть одна статья, которая гласитъ, что въ своей обвинительной рѣчи прокуроръ долженъ собирать не только обстоятельства обвиненія, но и обстоятельства, которыя оправдываютъ обвиняемаго, и что онъ не долженъ быть одностороннимъ въ своемъ обвиненіи. Этотъ великій принципъ, проведенный въ нашихъ законахъ, былъ ли соблюденъ тѣми, которые здѣсь сидятъ? Справедливо ли это? Я укажу лишь на то, что въ теченіе 20 дней прокурорскимъ надзоромъ приводились только такія обстоятельства, которыя имѣли цѣлью очернить подсудимыхъ...

Но объ этомъ я скажу еще, когда перейду ко второму отдѣлу. Теперь первый отдѣлъ конченъ. Изъ всего мною сказаннаго вы видите, что для совершенія подлога не было никакой цѣли и подсудимымъ совершать его не было никакой надобности. Ученіе объ общихъ

собраніяхъ появилось въ такомъ необдуманномъ видѣ только благодаря тому, что обвинительной власти приходится представлять обвиненіе по всѣмъ предметамъ. Здѣсь, въ судахъ, возбуждаются вопросы и финансовые, и экономическіе, и нравственные, но на судъ вызывается не экономистъ, не финансистъ, а все тотъ же прокуроръ долженъ выносить все на своихъ плечахъ. Понятно послѣ этого, что нерѣдко въ обвинительномъ актѣ выставляется за истину то, отъ чего завтра же сама обвинительная власть отказывается...

Итакъ, я сказалъ, что составленіе такихъ общихъ собраній, на которыя указываетъ обвинитель, не можетъ считаться преступленіемъ. Очевидно, что безъ перевода акцій на другихъ лицъ и не могло бы состояться общаго собранія.

Обвинитель говоритъ, что переводъ акцій на другихъ лицъ дѣлался съ той цѣлью, чтобы не допустить въ общее собраніе другихъ акціонеровъ. Но, вѣдь, всѣхъ акцій было 15.000, изъ которыхъ, по мнѣнію обвинителя, 6.000 находилось въ рукахъ обвиняемыхъ, ихъ родственниковъ и знакомыхъ. Но отчего же не являлись въ общее собраніе тѣ, у кого были остальныя 9000 акцій?!

Говорятъ, что нельзя было подавать голоса и что всегда большинство голосовъ принадлежало родственникамъ и знакомымъ членовъ совѣта, присланныхъ съ извѣстною цѣлью. Но это невѣрно. Я укажу здѣсь на свидѣтелей Стулова и Курочкина, которые сказали, что, когда они отправлялись въ собраніе, то Борисовскій никому никакихъ порученій не давалъ. Такимъ образомъ, Борисовскій и другіе не имѣли никакой выгоды въ томъ, что въ общемъ собраніи подавали голоса лица, которымъ были переданы акціи членами совѣта.

Послѣдствіемъ того, что Борисовскій, Лѣнивовъ и Вишняковъ безвозмездно служили въ Банкѣ, теперь является слѣдующее: у Борисовскаго было на 200.000 акцій, теперь онѣ не стоятъ ни копейки; Вишняковъ и Лѣнивовъ потеряли часть своихъ денегъ, и теперь ихъ же называютъ грабителями и мошенниками.

Но вѣдь грабители и мошенники наживаются, а въ настоящемъ случаѣ мы не видимъ, чтобы кто-нибудь изъ обвиняемыхъ нажился отъ крушенія Банка...

Я сказалъ вамъ, гг. присяжные засѣдатели, что второе обвиненіе, въ нерадѣніи, существенно отличается отъ обвиненія въ мошенничествѣ и подлогахъ. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, достаточно ли внимательно члены совѣта исполняли возложенныя на нихъ обязанности, все ли они сдѣлали съ своей стороны, что долженъ

сдѣлать честный человѣкъ, стоящій во главѣ учрежденія, которому ввѣрены деньги, принадлежащія разнымъ лицамъ, или же сдѣлали слишкомъ мало; все ли они сдѣлали для того, чтобы они могли сказать: насъ обманули, и потому мы были не въ состояніи предупредить несчастье,— или же они недостаточно зорко слѣдили за дѣломъ и тѣмъ навлекли безчисленныя бѣдствія.

Припомните, что обвиненіе ни однимъ словомъ, ни въ обвинительномъ актѣ, ни на судебномъ слѣдствіи, не считаетъ членовъ совѣта прикосновенными къ струсберговскимъ операціямъ и не считаетъ, что акцепты выдавались съ вѣдома совѣта. Словомъ сказать, обвиненіе говоритъ только то: вы такъ плохо исполняли свое дѣло, что, за спиною у васъ и не спросясь васъ, люди выкинули изъ вашего сундука 7.000.000 общественныхъ денегъ и отдали ихъ Струсбергу. Далѣе этого обвиненіе не рѣшается итти и не набрасываетъ на членовъ совѣта другого обвиненія.

Разберемъ теперь, насколько право обвиненіе и насколько правы мы.

Обвинительный актъ говоритъ, что всѣ подсудимые, сидящіе здѣсь, будучи обязаны по уставу Банка управлять его дѣлами, снабжаютъ директора-распорядителя подробными инструкціями по исполненію всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей: ревизовать дѣйствіе правленія и повѣрять кассу банка, опредѣлять товары и процентныя бумаги, подъ залогъ коихъ могутъ быть произведены ссуды, подробно разсматривать вопросы по операціямъ, выходящимъ изъ ряда текущихъ и наблюдать за размѣромъ покупки и продажи бумагъ, правительствомъ не гарантированныхъ,—нѣкоторыхъ изъ сихъ обязанностей вовсе не исполняли, а къ другимъ относились до крайности нерадиво.

Нѣкоторые вопросы мы здѣсь устранимъ, такъ какъ обвинитель не коснулся ихъ, и они очевидно совершенно уничтожены судебнымъ слѣдствіемъ. Такъ, напримѣръ, по вопросу о томъ, будто бы члены совѣта не снабжали директора-распорядителя подробною инструкціей, здѣсь былъ прочитанъ журналъ совѣта отъ 5 декабря 1871 года, въ которомъ сказано, что такая инструкція была дана директору-распорядителю. Очевидно, что здѣсь была допущена въ обвинительномъ актѣ ошибка, такъ какъ инструкція была дана и ею руководствовались.

Затѣмъ въ уставѣ мы не находимъ указанія на то, что инструкція должна быть даваема каждый годъ. Открылся Банкъ, написана инструкція, которая оказалась удовлетворительною, и затѣмъ уже нѣтъ надобности давать другую инструкцію.

Я пропущу пока вторую, указанную въ обвинительнымъ актѣ, обязанность членовъ совѣта ревизовать дѣйствія правленія, и упомяну объ обязанности ихъ повѣрять кассу Банка.

При всѣхъ ревизіяхъ, даже при тѣхъ, которыя производились, по мнѣнію обвинительной власти нерадиво, все-таки касса повѣрялась, и всегда касса была цѣла, и въ нецѣлости кассы члены совѣта не обвиняются.

Далѣе обвиненіе говоритъ, что члены совѣта должны были опредѣлять товары и процентныя бумаги, подъ залогъ коихъ могутъ быть производимы ссуды.

Здѣсь былъ прочитанъ цѣлый рядъ журналовъ совѣта, въ которыхъ сказано, подъ какія бумаги можно давать ссуду. Затѣмъ, на основаніи устава, опредѣленіе размѣра ссудъ зависитъ не отъ правленія, которое обязано только не давать больше 90% по биржевой цѣнѣ. Здѣсь было указано вамъ на то, — и это не опровергнуто обвинительной властью, — что во всѣхъ банкахъ при входѣ виситъ на стѣнѣ таблица, изъ которой каждый являющійся въ Банкъ можетъ видѣть, какія бумаги принимаются и какая ссуда выдается по нимъ.

Далѣе обвиненіе говоритъ, что члены совѣта обязаны были подробно разсматривать вопросы по операціямъ, выходящимъ изъ ряда текущихъ. Когда правленіе признало струсберговскія операціи выходящими изъ ряда текущихъ и сообщило объ этомъ совѣту, то онъ нашелъ первую операцію настолько выгодною, что разрѣшилъ правленію пріостановиться ликвидаціей иностраннаго отдѣленія и предложенную правленіемъ сдѣлку разрѣшилъ совершить. Затѣмъ, совѣтъ безсиленъ разсуждать о дѣлахъ, когда правленіе не сообщаетъ ему о нихъ и не говоритъ, что есть дѣла, выходящія изъ ряда текущихъ. Совѣтъ можетъ быть признанъ виновнымъ въ нерадѣніи лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что правленіе вносило на разсмотрѣніе совѣта извѣстную операцію, а совѣтъ отказался отъ ея разсмотрѣнія и сказалъ: дѣлайте, какъ знаете. Но мы знаемъ, что, когда правленіе входило въ совѣтъ съ докладомъ, то онъ никогда не оставлялъ его безъ разсмотрѣнія и давалъ свое заключеніе по этому докладу.

Затѣмъ, хорошо ли или дурно разсуждалъ совѣтъ,—объ этомъ вы не можете судить, такъ какъ это дѣло умственныхъ способностей. Здѣсь судятъ за нарушеніе устава, а не за то, умно или неумно разсуждалъ совѣтъ.

Итакъ, эти мелкія обвиненія совершенно опровергнуты.

Существуютъ еще два вопроса, самые спорные, самые страстные

въ данномъ дѣлѣ. Вопросы эти состоятъ въ слѣдующемъ: могли ли члены совѣта, по общему наблюденію, лежащему на нихъ, усмотрѣть операціи Струсберга и должны ли они были ихъ усмотрѣть при ревизіяхъ, при которыхъ совѣтъ только и можетъ разсматривать дѣлопроизводство правленія,—достаточно ли хорошо производились эти ревизіи и столько ли разъ, сколько требуется по уставу.

Если они ревизовали не столько разъ, сколько слѣдуетъ, то конечно тутъ есть вина. Если они ревизовали такъ, что операцій Струсберга нельзя было бы обойти, но они сами зажмурили глаза отъ истины,—то они виноваты. Но если все дѣлалось такъ, что самый ретивый членъ не могъ замѣтить обмана, если все подготовлялось къ ревизіи такъ, что они не могли усмотрѣть неправильностей, то они не могутъ считаться виновными.

Собирая все, что здѣсь происходило въ теченіе трехъ недѣль, обвинительная власть видитъ со стороны членовъ совѣта нерадѣніе. Обвинитель говоритъ членамъ совѣта: вы сами сознавали, что иностранное отдѣленіе никуда не годится, вы сами хотѣли его ликвидировать и послѣ этого все-таки разрѣшили ему продолжать операціи.

Здѣсь, очевидно, обвинитель недостаточно ясно понимаетъ коммерческую суть дѣла. Онъ полагаетъ, что коммерческія учрежденія имѣютъ сходство съ судебными, которыя, постановивъ извѣстное рѣшеніе, не въ правѣ его отмѣнить. Въ коммерческомъ дѣлѣ—совсѣмъ другое. Въ прошломъ году покупать пеньку было невыгодно, и члены совѣта могли постановить запретить правленію выдавать ссуду подъ пеньку. Но если затѣмъ въ слѣдующемъ году оказывается, что пенька стоитъ въ хорошей цѣнѣ, то члены совѣта, въ виду того, что этотъ товаръ исправился, могли дать правленію разрѣшеніе выдавать ссуду подъ этотъ товаръ. Вѣдь иностранное отдѣленіе было закрыто не вслѣдствіе того, что въ немъ происходили безпорядки, а вслѣдствіе того, что Ландау завелъ новое дѣло, арбитражное, и сталъ дѣлать операціи, которыхъ большинство членовъ совѣта не понимало.

Члены совѣта разсуждали совершенно правильно такимъ образомъ: подчиненный тогда у меня въ рукахъ, когда я знаю то дѣло, которое находится въ его завѣдываніи; когда же онъ умнѣе меня, когда онъ больше меня смыслитъ и заводитъ такія дѣла, которыя онъ понимаетъ лучше, нежели я, то тутъ не можетъ быть надъ нимъ надлежащаго наблюденія. Я убѣжденъ, что всѣ 15 членовъ совѣта могли приходить къ Ландау ежедневно, и Ландау подъ самымъ ихъ носомъ могъ обдѣлывать съ нѣмецкими корреспондентами какія угодно дѣла. Ландау, ведущій дѣла по новымъ операціямъ, заводящій какія-то срочныя

тратты, иностранные переводы и т. п., былъ похожъ на медика, который говоритъ о болѣзни по-латыни, стоя около больного. Онъ можетъ говорить, что угодно, а больной все-таки ничего не пойметъ.

Но члены совѣта исполняли свою обязанность тѣмъ, что разсуждали такъ. Зачѣмъ мы будемъ имѣть дѣло, для насъ непонятное, зачѣмъ мы будемъ отдавать въ руки человѣка такое производство, въ которомъ ничего не смыслимъ? Вотъ причина, почему та партія членовъ совѣта, которые называются торговцами и которые не вели дѣлъ за границей, естественно стали думать о томъ, нельзя ли закрыть иностранное отдѣленіе, и дѣйствительно постановили ликвидировать его дѣла.

Въ это время Ландау является съ новою сдѣлкой Струсберга. Я думаю, что, разрѣшая эту сдѣлку, члены совѣта вовсе не входили въ противорѣчіе со своимъ прежнимъ постановленіемъ. Правда, они не понимали дѣлъ иностраннаго отдѣленія, но предложенная сдѣлка не носила такого характера. Это было дѣло понятное всякому простому смертному, и оно состоитъ въ слѣдующемъ: купецъ имѣетъ за границей вагоны и ставитъ ихъ на русскую желѣзную дорогу; затѣмъ они привезутся въ Россію, и когда сдадутся на желѣзную дорогу, которая приметъ ихъ, когда пришлютъ накладныя, то подъ этотъ товаръ просятъ дать денегъ до расчета. Тутъ всякій человѣкъ пойметъ, что можно дать ссуду.

Говорятъ, что нужно было остановиться выдачей ссуды, потому что дѣла Струсберга находились въ это время не въ хорошемъ положеніи.

Правда, личный кредитъ можно оказывать только человѣку надежному, но подъ залогъ можно дать деньги и человѣку ненадежному. Самый надежный человѣкъ можетъ иногда не заплатить по личному кредиту; но коль скоро деньги даны подъ залогъ, то даже самый нечестный человѣкъ отдастъ ихъ, потому что не захочетъ, чтобы пропалъ залогъ.

Поэтому, когда членамъ совѣта была предложена новая сдѣлка съ Струсбергомъ, то они видѣли въ ней прямую выгоду и не могли предвидѣть, чтобы на ней можно было что-нибудь потерять: выданныя деньги они получатъ отъ русскаго желѣзнодорожнаго общества, ссуда должно быть выдана тогда, когда пришлютъ накладныя, удостовѣряющія въ принятіи товара, квитанціи въ нашихъ рукахъ, слѣдовательно, мы владѣльцы вагоновъ, а потому можемъ дать подъ нихъ по 600 рублей.

Вотъ сдѣлка, которую разрѣшили члены совѣта и которая впо-

слѣдствіи совершилась. Я утверждаю, что члены совѣта поступили вполнѣ правильно, и въ этой сдѣлкѣ нѣтъ никакой вины.

Но послѣ этой сдѣлки г. Ландау пошелъ далѣе и сталъ губить Банкъ. Здѣсь одни доказывали, что сдѣлка эта носитъ на себѣ характеръ уголовнаго преступленія, а другіе говорили, что здѣсь обыкновенная коммерческая сдѣлка. Здѣсь важно то, что Ландау долженъ былъ хорошо понимать, что купцы повѣрили Струсбергу подъ вагоны, лично же ему кредита не дадутъ. Поэтому для Ландау было важно то, что послѣдующія сдѣлки были скрыты, и, дѣйствительно, онѣ скрывались отъ членовъ совѣта.

Я прошу васъ припомнить то обстоятельство, что всѣ семь счетовъ Струсберга начаты послѣ ревизіи 16 мая. Только два счета записаны были въ книги такъ, что при ревизіи 16 мая ревизоры должны были увидѣть ихъ. Но относительно этихъ счетовъ существуетъ сомнѣніе въ томъ отношеніи, записаны ли они своевременно, или несвоевременно.

Впрочемъ, одинъ изъ нихъ безспорно записанъ несвоевременно. Ревизія была 16 мая, а счетъ этотъ былъ записанъ 19 мая, т.-е. въ то время, когда Шютта, который долженъ былъ занести этотъ счетъ въ книгу, не было въ Москвѣ.

Затѣмъ существуетъ счетъ отъ 10 апрѣля, который ревизоры должны были увидѣть. Но относительно этого счета существуетъ слѣдующее сомнѣніе: онъ записанъ 10 апрѣля, а письмо, вслѣдствіе котораго возникъ этотъ счетъ, было отъ 23 апрѣля. Такимъ образомъ, счетъ этотъ записанъ несвоевременно.

Но если одинъ счетъ записывается несвоевременно, то отчего же не предположить, что и другой счетъ былъ записанъ несвоевременно, а именно два мѣсяца спустя. Почему 16 мая не записанъ счетъ separato-conto? Потому что онъ не былъ разрѣшенъ, а между тѣмъ ревизоры налегаютъ на этотъ счетъ. Я повторяю, что коль скоро скрыли одинъ счетъ, то весьма естественно допустить, что скрывали и другіе счета.

Затѣмъ всѣ прочіе счета состоялись послѣ 16 мая, такъ что ревизовавшіе 16 мая не могли ихъ видѣть, и въ этомъ они нисколько невиноваты. Слѣдующая затѣмъ ревизія была 28 сентября.

Теперь является вопросъ о томъ, не должны ли были члены совѣта въ промежутокъ времени отъ 16 мая до 28 сентября, въ силу общаго наблюденія знать, что совершается въ стѣнахъ банка? Здѣсь я считаю нужнымъ обратиться къ уставу банка. Въ немъ говорится, что члены совѣта служатъ безвозмездно. Въ этомъ отношеніи Ссуд-

ный банкъ отличается отъ Промышленнаго и Учетнаго банковъ. Въ этихъ банкахъ все находится въ рукахъ совѣта и членовъ правленія нанимаютъ тамъ, какъ бухгалтеровъ или кассировъ. Въ этихъ банкахъ члены совѣта дѣлаютъ все то, что въ Коммерческомъ Ссудномъ банкѣ дѣлало правленіе. Членамъ совѣта Коммерческаго банка говорятъ: наблюдайте только вообще, мы васъ мучить не будемъ, собирайтесь только одинъ разъ въ мѣсяцъ. Естественно, что человѣкъ, который по закону можетъ являться только одинъ разъ въ мѣсяцъ, не можетъ быть подвергнутъ отвѣтственности за то, что совѣтъ не собирался чаще. Положимъ, что, дѣйствительно, члены совѣта бывали въ банкѣ весьма часто и каждый день приходили то Борисовскій, то Ляминъ, то Лѣнивовъ, — но они не могли составить собою совѣта.

Можетъ быть обвиненіе скажетъ, что все равно, если бы пришелъ даже и одинъ, то онъ долженъ посмотрѣть, какъ идутъ дѣла банка.

Но на это я долженъ замѣтить, что въ уставѣ банка не сказано, чтобы отдѣльный членъ совѣта могъ вмѣшиваться въ дѣла банка собственною своею властью. Если бы какой-нибудь членъ совѣта явился къ Ляндау и потребовалъ отъ него свѣдѣній по его операціямъ, то Ляндау могъ бы сказать: я васъ не знаю, какъ отдѣльный человѣкъ, вы предо мною ничего не значите,—пусть соберется совѣтъ.

Это очень понятно. У насъ существуютъ различныя судебныя инстанціи: окружный судъ, судебная палата, мировой съѣздъ. Въ цѣломъ составѣ мировой съѣздъ властенъ спросить у мирового судьи отчетъ, и судья обязанъ его дать. Но если къ мировому судьѣ явится отдѣльный членъ съѣзда и попроситъ его показать дѣлопроизводство, то судья вправѣ съ своей стороны попросить оставить его въ покоѣ и не обязанъ показывать ему свое дѣлопроизводство. Точно такой же порядокъ примѣнимъ и къ членамъ совѣта.

Говорятъ, что каждый членъ совѣта могъ наблюдать за дѣлами. Но въ уставѣ объ этомъ ничего не сказано. Слѣдовательно, нельзя требовать отъ членовъ совѣта, чтобы они чаще смотрѣли балансы и книги, чтобы они чаще требовали свѣдѣнія о каждой крупной сдѣлкѣ и чтобы ни одна крупная сдѣлка не могла возникнуть безъ ихъ разрѣшенія.

Мы спрашивали здѣсь свидѣтеля Найденова о томъ, какимъ образомъ совѣтъ можетъ наблюдать за всѣми дѣйствіями правленія. Г. Найденовъ объяснилъ намъ, что на членовъ совѣта не возложено такой обязанности, что они должны наблюдать въ томъ смыслѣ, чтобы ежеминутно стоять у кассы. Послѣ крушенія банка грозилъ всеобщій кризисъ, потому что лица, принадлежащія къ купеческому сословію

хотѣли выйти изъ всѣхъ банковъ. Они говорили слѣдующее: служа безвозмездно и будучи обязаны собираться только одинъ разъ въ мѣсяцъ, какъ можемъ мы знать, что совершается въ банкѣ во время нашего отсутствія? Если производить повѣрку каждый день, то членамъ совѣта нужно быть и въ кассѣ, и въ учетномъ отдѣленіи, и въ иностранномъ отдѣленіи. Обо всемъ этомъ намъ говорилъ свидѣтель Найденовъ. При этомъ свидѣтель сказалъ еще, что общее наблюденіе состоитъ въ томъ, что члены совѣта рѣшаютъ только общіе вопросы и судятъ объ операціяхъ послѣ ихъ совершенія по тому, что имъ подается въ видѣ отчета, и они смотрятъ, согласенъ ли отчетъ съ дѣйствіями правленія, при чемъ даютъ правленію нѣкоторыя указанія насчетъ общаго хода дѣлъ.

Вслѣдъ за показаніемъ Найденова защита обратилась къ суду съ просьбой о томъ, чтобы было прочитано удостовѣреніе министра финансовъ относительно того, какъ слѣдуетъ понимать уставъ. Но судъ отказался отъ прочтенія этой бумаги.

Не ваше дѣло, гг. присяжные засѣдатели, разрѣшать наши пререканія съ судомъ: есть другая власть, болѣе высшая, которая разрѣшаетъ пререканія между судомъ и защитой. Но вы—судъ по совѣсти, а судъ по совѣсти придаетъ каждому факту свое значеніе, едва его существованіе даетъ себя знать. Скажете ли вы теперь, что этой министерской бумаги нѣтъ, когда защита требовала ея прочтенія и когда судъ отказалъ намъ въ прочтеніи ея? Намъ не говорили, что такой бумаги нѣтъ, что ея вовсе не было написано, а сказали только, что министръ финансовъ, какъ экспертъ, долженъ былъ самъ явиться на судъ, если же онъ не явился, то бумага эта не можетъ быть прочитана. Но все-таки существуетъ тотъ фактъ, что министръ понимаетъ уставъ такъ, какъ онъ мною былъ объясненъ.

Во всѣхъ уставахъ сказано, что всякое сомнѣніе, возникающее при толкованіи этого устава, разрѣшается министромъ финансовъ, который въ этомъ отношеніи представляется высшею властью. Да это и понятно, потому что уставъ банка есть спеціальный законъ. Уставъ кредитный есть тоже законъ спеціальный, который можетъ быть разъясняемъ и дополняемъ только лицомъ, знающимъ финансовую часть. Точно также и медицинскій уставъ есть законъ спеціальный, который можетъ быть разъясненъ только тѣми лицами, которыя принадлежатъ къ медицинскому сословію.

Итакъ, я говорилъ, что посредствомъ общаго наблюденія ничего сдѣлать нельзя. Но на всякій случай и противъ этого общаго наблюденія были приняты нѣкоторыя мѣры, такъ что, если бы какой-нибудь

членъ совѣта и хотѣлъ узнать о ходѣ дѣлъ, то ему можно было бы отвести глаза. Вы знаете, какъ было организовано иностранное отдѣленіе. Во главѣ его стоялъ нѣмецъ, не говорящій по-русски. Слѣдовательно, если бы члены совѣта и приходили къ нему, то только тратили бы свое время совершенно понапрасну.

Затѣмъ около него было очень много бухгалтеровъ: Шюттъ, Полетаевъ и Ложечниковъ. Особенность ихъ состояла въ томъ, что одинъ изъ нихъ говоритъ только по-нѣмецки, а другіе двое — и по-русски и по-нѣмецки, для того чтобы объясняться съ Ляндау. Мало этого, всѣ эти бухгалтеры носили еще одно свойство: они только отъ щедротъ Ляндау получали подарки, а тотъ, кто получаетъ, служитъ тому лицу, отъ котораго онъ ихъ получаетъ.

Замѣтьте дальше слѣдующее: когда-то Милліоти, надъ которымъ здѣсь такъ много смѣялись, чувствуя, что онъ не понимаетъ хорошо бухгалтерскаго дѣла, вздумалъ провести въ директора Веденисова, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ, какъ хорошій бухгалтеръ, служившій въ Обществѣ Взаимнаго Кредита, гдѣ ему давали 6,000 руб. жалованья. И вотъ г. Милліоти рекомендуетъ банку Веденисова. При этомъ онъ имѣлъ въ виду, что теперь уже ничего не скроютъ въ книгахъ и что Веденисовъ, какъ хорошій бухгалтеръ, разберетъ всѣ неправильности и ошибки. Несмотря на то, что Веденисовъ былъ рекомендованъ банку господиномъ Милліоти, все-таки на общемъ собраніи подаютъ противъ него голоса. Свидѣтель Полетаевъ прямо признался, что, хотя онъ ходилъ на общее собраніе по чужимъ акціямъ, но тѣмъ не менѣе онъ подалъ голосъ противъ Веденисова. Изъ этого каждый пойметъ, какія мѣры принимались къ тому, чтобы обойти членовъ совѣта.

Говорятъ, что и Ложечниковъ, и Шюттъ, и Полетавъ очень опытные бухгалтеры. Но вотъ мы разсматривали здѣсь книги, и въ нихъ найдены были ошибки.

Говорятъ, что ошибокъ этихъ такъ немного, что можно сказать, что книги велись хорошо. Но дѣло въ томъ, что всѣ ошибки, которыя мы нашли, относились къ струсберговскому счету, и странно, что не было ошибокъ по другимъ счетамъ. Струсберговскій счетъ записанъ позднѣе, онъ перенесенъ не на ту страницу, наконецъ, для него существуетъ особая секретная книжка.

Мы обратили ваше вниманіе на всѣ ошибки, такъ какъ нашею обязанностью было доказать, что по струсберговскимъ операціямъ они не ошиблись, а скрывали истинное положеніе.

Упрекающіе насъ въ томъ, что мы выставили ошибки струсбер-

говскаго счета, скрывъ другія, пусть потрудятся найти эти другія ошибки. Ихъ нѣтъ. Утверждать ихъ могутъ лишь тѣ, кто не знаетъ дѣла.

Перехожу къ послѣднему вопросу по этому отдѣлу.

Итакъ, общимъ наблюденіемъ члены совѣта ничего не могли сдѣлать. Но не могла ли сдѣлать что-нибудь ревизія?

Послѣдняя ревизія была 16 мая, и затѣмъ до 28 сентября не было никакой ревизіи. Не слѣдуетъ ли вмѣнить членамъ совѣта въ вину, зачѣмъ они ревизовали такъ рѣдко. Дѣйствительно, ревизія есть единственное средство для наблюденія за ходомъ дѣлъ.

Здѣсь я долженъ представить еще одно соображеніе относительно общаго наблюденія.

Кто самъ находится у сундука своего кассира, у стола своего директора, тотъ и самъ знаетъ, что дѣлается, а, слѣдовательно, здѣсь незачѣмъ ревизіи. Самый фактъ назначенія ревизіи доказываетъ, что дѣлопроизводство находится въ рукахъ правленія, въ рукахъ директора-распорядителя, а не въ рукахъ членовъ совѣта. Я не знаю такой ревизіи, чтобы кто-нибудь с а м ъ с е б я ревизовалъ, чтобы, напримѣръ, министерство с а м о с е б я ревизовало. Итакъ, самый фактъ назначенія ревизіи доказываетъ, что посредствомъ общаго наблюденія слѣдить за дѣлопроизводствомъ невозможно.

Переходя къ вопросу о ревизіи, я долженъ исправить одну ошибку, допущенную однимъ изъ гражданскихъ истцовъ.

Вообще рѣчи гражданскихъ истцовъ были совершенно одинаковы. Это были два дня мучительныхъ страданій для подсудимыхъ, которыхъ гражданскіе истцы осыпали всевозможными бранными словами. Но между ними нашлись, однако, люди, которые не такъ сурово относились къ подсудимымъ. Я говорю про г. Владимірова. Въ своей рѣчи онъ высказалъ, что всѣ вѣрили совѣту, и, слѣдовательно, совѣтъ долженъ отвѣчать за пропавшія деньги, что совѣтъ производилъ ревизіи.

Но нигдѣ не говорится, что совѣтъ производилъ ревизіи. Совѣтъ только назначаетъ ревизію и командируетъ для этого своихъ членовъ. Самымъ фактомъ назначенія ревизіи совѣтъ исполняетъ свою обязанность. Затѣмъ, какъ исполняютъ свою обязанность назначенные имъ ревизоры — это уже не его дѣло.

Я приведу здѣсь слѣдующій примѣръ: Московскій губернаторъ обязанъ ревизовать каждый уѣздъ или самъ лично, или черезъ чиновниковъ. Лучшіе чиновники, посланные имъ, находятъ все въ порядкѣ и доносятъ объ этомъ, и худшіе чиновники, которыхъ провели

при ревизіи и которые не замѣтили существующихъ безпорядковъ, доносятъ, что все обстоитъ благополучно. Можетъ ли отвѣчать губернаторъ за то, что онъ вѣритъ тому чиновнику, который не исполнилъ въ точности того, что онъ былъ обязанъ сдѣлать?..

Затѣмъ я обращусь къ ревизіи 16 мая. Говорятъ, что она производилась небрежно, и эту небрежность видятъ въ томъ, что ревизія дѣлалась на выдержку.

Но, гг. присяжные засѣдатели, мы спрашивали представителей многихъ банковъ, и всѣ они сказали, что ревизію иначе нельзя, немыслимо производить и что во время ревизіи можно обойти каждаго.

Положимъ, что въ извѣстномъ отдѣленіи лежитъ 1.000.000, въ другомъ отдѣленіи тоже 1.000.000, въ третьемъ отдѣленіи 2.000.000 квитанцій отъ товаровъ. Но вѣдь въ одинъ день нельзя обойти всѣ отдѣленія, и пока ревизоры находятся въ одномъ отдѣленіи, могутъ быть приняты мѣры къ тому, чтобъ исправить тѣ недостатки, которые существуютъ въ другомъ отдѣленіи. Исторія русскихъ учрежденій, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, показываетъ, что нерѣдко злоупотребленія въ этихъ мѣстахъ длились по нѣсколько лѣтъ, и самыхъ рьяныхъ ревизоровъ обходили, подогнавъ дѣла такъ, чтобы все было чисто къ ревизіи. Дѣло не въ томъ, что ревизіи производились рѣдко, а въ томъ, что самая суть дѣла находилась не въ рукахъ членовъ совѣта, а въ рукахъ членовъ правленія. Если бы ревизіи производились даже каждую недѣлю, то все-таки можно было бы не замѣтить неправильностей. Мы слышали здѣсь показаніе Войнова, который сказалъ, что человѣкъ, который желаетъ погубить банкъ, можетъ сдѣлать это въ 1/4 часа. Ревизоры могутъ ревизовать дѣла банка, а въ это время въ Германіи могутъ обращаться векселя, подписанные директорами Ссуднаго Банка на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, и затѣмъ, когда придется платить, Банкъ будетъ уже безсиленъ...

Я болѣе не буду утомлять васъ по этому отдѣлу. Я утверждаю, что эти люди исполняли свои обязанности какъ умѣли и какъ понимали ихъ, и что трудовъ своихъ они не жалѣли. Ихъ дѣло было учитывать векселя, и они не жалѣли на это своего времени: они собирались въ учетномъ комитетѣ по 275 разъ въ годъ.

Правда, здѣсь было поднято обвиненіе, что они могли наживать при учетѣ векселей извѣстный %. Но, господа, клеветать можно, а доказывать трудно. Мы знаемъ, что въ банкѣ кредитовалось 6.900 человѣкъ. Гражданскіе истцы могли бы просить, чтобы судъ вызвалъ кого-нибудь изъ этихъ 6.900 человѣкъ, который могъ бы сказать,

что члены правленія взяли съ него извѣстный %, чтобы разрѣшить учетъ векселя. Но никто не заикнулся здѣсь о томъ, чтобы члены совѣта устраивали изъ этого дѣла выгодную для себя статью. Этимъ учетомъ векселей они спасали банкъ. Всѣхъ векселей было учтено въ годъ на 23.000.000 рублей, а они ошиблись только на 13.000. Учетное отдѣленіе выносило на себѣ всѣ грѣхи иностраннаго отдѣленія. Даже въ 1873 и 1874 годахъ, когда иностранное отдѣленіе работало въ убытокъ, то и тогда было выдано по 8%, благодаря только тому, что операціи учетнаго отдѣленія были выгодны.

Кто знаетъ банковское дѣло, тотъ долженъ имѣть въ виду еще слѣдующій фактъ. Прежде чѣмъ раздать 180.000 въ дивидендъ акціонерамъ, нужно было выработать проценты на вкладчиковъ, а сумма вкладовъ доходила до 10.000.000. Слѣдовательно, банкъ, работая чужими деньгами, долженъ былъ вырабатывать % и на нихъ. Чтобъ имѣть такой громадный оборотъ, нужно было много труда. Члены совѣта желали работать, и это доказывается ихъ дѣятельностью въ учетномъ комитетѣ. Ихъ ли вина, что принятая ими на себя работа оказалась имъ не подъ силу? Ихъ ли вина, что около нихъ завелись свои собственные похитители, которые обошли ихъ?

Между тѣмъ обойти ихъ было очень легко. Если бы во главѣ дѣла стоялъ только Ляндау, человѣкъ, который входилъ въ такія дѣла, о которыхъ вы слышали, то такой человѣкъ весьма скоро попался бы совѣту. Но между Ляндау и совѣтомъ стоялъ Полянскій, а этотъ Полянскій—человѣкъ очень замѣчательный. Несомнѣнно, что прошлое его прекрасно, что всѣ съ удовольствіемъ жали ему руку, что онъ былъ передовой общественный дѣятель, что каждое его слово было такъ вліятельно, что трудно было допустить, чтобъ этотъ человѣкъ когда-нибудь сказалъ неправду.

Но слабое мѣсто Полянскаго было слѣдующее: онъ школьнаго образованія не получилъ, но у него былъ прекрасный умъ, чтобы казаться развитымъ. Если кому удавалось дойти до чего-нибудь собственнымъ умомъ, тотъ сильно вѣритъ въ самого себя и благодаритъ судьбу, что она наградила его такими качествами.

Но эта способность есть въ то же время и больное мѣсто самолюбія. Ляндау понялъ, съ какой стороны надо дѣйствовать на Полянскаго. Не сразу онъ принесъ провизію отъ Струсберга, потому что очень хорошо зналъ, что Полянскій отвернулся бы. Онъ дѣйствовалъ на умъ Полянскаго. Ляндау сказалъ Полянскому: мнѣ удалось сойтись съ великимъ талантомъ. Я познакомился съ желѣзнодорожнымъ королемъ, я сдѣлался его другомъ; мы совершимъ съ

нимъ большія дѣла, удивимъ всю вселенную и будемъ говорить другимъ: слушайте насъ и благоговѣйте.

Затѣмъ пошли обширныя дѣла. Тутъ Ляндау является съ другимъ предложеніемъ. Онъ обращается къ Полянскому со слѣдующими словами: обширныя дѣла съ Струсбергомъ дѣлаются не однимъ банкомъ: банкъ получаетъ хорошія выгоды за то, что ссужаетъ Струсберга деньгами. Вы своимъ умомъ много помогли успѣшности и выгодности всѣхъ этихъ дѣлъ, и потому мы васъ наградимъ.

Я увѣренъ, что деньги были предложены не въ видѣ подкупа, а какъ подарокъ. Вчера защитникъ Ляндау говорилъ: не одинаково ли дурно взять 150.000 или 5.000 р.?! Мнѣ кажется, что здѣсь есть разница. Если я совершаю крупное, милліонное дѣло, и мнѣ дарятъ небольшой процентъ, то я могу разсуждать такъ: люди простые, неразвитые, хотятъ выразить этимъ свою благодарность. Но если мнѣ приносятъ 150.000, то я долженъ подумать, что здѣсь что-то нечисто. Слыханная ли вещь, чтобы за милліонное дѣло давали 150.000?

Всѣ деньги Струсбергъ передавалъ прямо Ляндау. Струсбергъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Полянскимъ. Ляндау посредствомъ хитростей мало-по-малу проникалъ въ душу Полянскаго, дѣйствуя на его умъ, такъ что спустя нѣкоторое время Полянскій былъ окончательно въ рукахъ Ляндау.

Получивъ первый подарокъ, Полянскій походилъ на игрока, который поставилъ на ставку чужое состояніе; у него 10.000 р., которые долженъ отдать своему довѣрителю, и изъ этихъ денегъ онъ ставитъ сначала 1.000 и проигрываетъ. Вѣритъ въ счастье, хочетъ отыграться, ставитъ другую, третью и т. д., до тѣхъ поръ, пока не отыграется или не проиграется впухъ.

Полянскій въ этомъ дѣлѣ былъ увлекшійся игрокъ. Но прежде, чѣмъ погибнуть, онъ слишкомъ вѣрилъ въ дѣло.

Въ свою очередь и всѣ члены совѣта вполнѣ ему довѣряли, такъ что ему достаточно было сказать, что все идетъ хорошо, и всѣ были спокойны. Не подлежитъ сомнѣнію, что когда дѣло находится въ рукахъ честныхъ, то тутъ можно остановиться на довѣріи. Честный человѣкъ крѣпче замка: замокъ можно сломать, но честная душа недоступна ни для какого соблазна.

Но міръ такъ созданъ, что люди падаютъ, когда мы не ожидаемъ. Я полагаю, что нѣтъ ничего удивительнаго, если члены совѣта могли ошибиться въ г. Полянскомъ.

Что еще сказать? Переходя къ концу этого отдѣла, т.-е. обвиненія въ нерадѣніи, я замѣчу, что подсудимые въ правѣ сказать, что

они съ своей стороны дѣлали все что могли и что „отъ своего вора не убережешься"...

Обращаясь къ отдѣльной дѣятельности подсудимыхъ мною защищаемыхъ, я скажу нѣсколько словъ: Борисовскій и Вишняковъ участвовали въ той ревизіи, которую совѣстно назвать нерадивою. Они первые разобрали неправильности, существовавшія въ иностранномъ отдѣленіи, и разобрали всѣ недостатки. Имъ принадлежала иниціатива ликвидаціи иностраннаго отдѣленія. Они вполнѣ вѣрили Полянскому и потому передали на его руки иностранное отдѣленіе. Всѣ свои обязанности они исполнили по совѣсти.

Третій изъ подсудимыхъ, Лѣнивовъ, первый разъ ревизовалъ 28 сентября. Назовете ли вы его нерадивымъ ревизоромъ, когда онъ, вмѣстѣ съ прочими лицами, былъ при ревизіи, которая открыла безпорядки? Вѣдь онъ могъ бы написать, что все обстоитъ благополучно. Вѣдь въ банкѣ оставалось еще около 15 или 20 милліоновъ; а вы могли видѣть, что планы Струсберга такъ велики, что потомъ ему понадобились бы и эти деньги, и онъ нашелъ бы имъ помѣщеніе.

Довольно по этому отдѣленію. Это обвиненіе не грозитъ ни чести, ни доброму имени подсудимыхъ, и я ввѣряю ихъ вашему праведному суду...

(Перерывъ на $^1/_4$ часа).

Чтобы не утомлять васъ, гг. присяжные засѣдатели, я этимъ и ограничусь по вопросу о нерадѣніи; я предоставляю вашей совѣсти судить о томъ, въ мѣру или не въ мѣру эти люди исполняли лежащія на нихъ обязанности. Я покончу съ этимъ обвиненіемъ простымъ и вѣрнымъ совѣтомъ.

Не закономъ рѣшается вопросъ о томъ, въ мѣру или не въ мѣру люди исполняютъ свой долгъ. Этотъ вопросъ разрѣшается человѣческимъ умѣньемъ представить с е б я на мѣстѣ этихъ людей. Если бы вы были на этомъ мѣстѣ, то сумѣли ли бы вы найти больше времени и вникнуть глубже въ дѣло?

Если вы разрѣшите этотъ вопросъ отрицательно, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, то вы, конечно, сочтете, что люди эти не могутъ быть признаны виновными въ нерадѣніи...

Въ началѣ своей рѣчи я сказалъ вамъ, что буду говорить по убѣжденію и исполню мою задачу. Я веду дѣло со страстью лишь тамъ, гдѣ рѣшается вопросъ о человѣкѣ. Но у меня не хватитъ душевныхъ силъ дрожать и плакать о золотомъ мѣшкѣ, какъ дрожали здѣсь тѣ, которые только и отстаивали этотъ золотой мѣшокъ...

Я перейду къ послѣднему вопросу, чрезвычайно важному. Я желалъ бы не быть здѣсь въ эту минуту, потому что силъ, данныхъ мнѣ Богомъ, можетъ быть недостаточно, чтобы снять клевету, брошенную въ этихъ людей, которые увлекли обвиненіе на путь, по которому оно идетъ. Люди, которые являлись на биржу только для того, чтобы купить подешевле, продать подороже, и которые ошиблись въ своемъ расчетѣ, начали обвинять въ мошенничествѣ тѣхъ, съ кѣмъ они имѣли дѣло. Это — тѣ люди, которые здѣсь прямо сказали, что, если бы они купили акціи по 100 рублей, а потомъ онѣ дошли бы до 200, то назадъ ихъ они не вернули бы; но имъ не удалось; вмѣсто барыша они потеряли свое, и вотъ вдругъ изъ биржевыхъ спекулянтовъ они сдѣлались плачущими жертвами, вопіющими о потерѣ своихъ достатковъ.

По обвинительному акту, всѣ члены совѣта, за исключеніемъ Волкова и Сорокоумовскаго, обвиняются въ томъ, что, узнавъ 5-го и 6-го октября 1875 года о противозаконной выдачѣ Струсбергу 7.000.000 р. и о невѣрности отчета на 1-е октября 1875 года, не пріостановили банковыхъ операцій, а продолжали ихъ, скрывая истинное положеніе дѣлъ банка, и этимъ допустили выдачу вкладовъ полнымъ рублемъ лицамъ, состоявшимъ въ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ съ членами совѣта.

Въ чемъ же тутъ видитъ прокуроръ преступленіе? Въ томъ ли, что въ банкъ приходили вкладчики и брали деньги?

Нѣтъ. Кромѣ обвиняемыхъ, знавшихъ о дурномъ состояніи дѣлъ банка, объ этомъ было извѣстно весьма многимъ лицамъ, не состоявшимъ ни въ какихъ отношеніяхъ съ обвиняемыми, и эти лица приходили въ банкъ и брали свои деньги, потому что нужно быть до извѣстной степени героемъ, чтобы оставлять свое имущество въ домѣ, который горитъ.

Видитъ ли обвиненіе преступленіе въ томъ, что продавались акціи?

Нѣтъ. Мы знаемъ, что тѣ люди, которые продавали акціи и покупали ихъ у Борисовскаго, не сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ. На биржѣ всякій старается купить то, что дешевле и продать то, что дороже,— однимъ словомъ, всякій старается сдѣлать выгодное дѣло. Никто никогда не считалъ подобныхъ дѣйствій преступленіемъ. Когда люди вмѣсто закона будутъ управляться одними нравственными началами, когда общее благо будетъ безконечно выше блага отдѣльнаго человѣка, когда между м о и м ъ и т в о и м ъ не будетъ никакого различія,— тогда этого не будетъ. Но до тѣхъ поръ, пока че-

ловѣкъ, видя нужду другихъ, все-таки не отдаетъ имъ послѣдней копейки, потому что она нужна ему самому,—до тѣхъ поръ подобныя сдѣлки не будутъ считаться преступными.

Эти сдѣлки могутъ быть названы только грѣшными. Онѣ противны нравственности, но не закону. И я не обинуясь скажу: грѣхъ было Борисовскому продавать свои акціи и грядущую бѣду сложить на другихъ, грѣхъ былъ Вишнякову допускать продажу акцій своего племянника, грѣхъ Лѣнивову и Шумахеру вынимать свои вклады; но—только грѣхъ!

Что же, обвините вы ихъ и за грѣхи? Нѣтъ, вы не смѣете, потому что грѣхъ судитъ Богъ. У грѣха есть другое средство искупленія—раскаяніе, исправленіе зла.

Представимъ примѣръ: надо ходить въ церковь, но я не хожу, и законъ не можетъ наказывать меня за это. Только Богъ можетъ наказать меня. Грѣхъ брать проценты, но законъ ихъ разрѣшаетъ, и человѣкъ, берущій съ нищаго 4 и 5 коп.,—грѣшникъ, но вы его судить не можете,—это не преступленіе.

Вы чистые люди, но и вы не безгрѣшны. А между тѣмъ, только за грѣхи привели сюда этихъ людей, а съ грѣхами этими они разсчитались такъ, какъ дай Богъ разсчитаться каждому христіанину. Вы слышали: вклады возвращены, акціи взяты назадъ отъ всѣхъ, кто добровольно предлагалъ взять ихъ. Они исправили зло, на которое поддались по мгновенному увлеченію собственными интересами, и не заслужили тѣхъ нападокъ, какимъ подвергались, и той грязи, которую въ нихъ кидали, кидали такъ много, что мнѣ хотѣлось спросить ихъ (указывая на гражданскихъ истцовъ): откуда у нихъ берется такой запасъ грязи?!...

Перейдемъ къ дѣлу. Дѣло было такъ. 28-го числа была ревизія, которая открыла, что 7.000.000 руб. нѣтъ. На биржѣ сдѣлалось объ этомъ извѣстно. Биржа имѣетъ свой особый знакъ, недоступный очень многимъ. Биржа не говоритъ: банкъ лопнулъ или банкъ получилъ хорошій барышъ. Если за акцію, которая вчера стоила 200 рублей, платятъ сегодня 250 р., то биржа и видитъ, что дѣла банка хороши; если же за акцію платятъ на биржѣ 180 р., то между строкъ биржевой таблицы читай: биржа говоритъ, что дѣла этого банка не въ порядкѣ.

На биржѣ, какъ только открылась ревизія, всѣ уже знали о положеніи дѣлъ банка. Ни Борисовскій, ни Вишняковъ, ни Лѣнивовъ не скрывали струсберговскихъ операцій, ибо только этимъ можно

объяснить, что акціи вдругъ падаютъ со 180 на 170, потомъ на 125, на 115 и т. д.

Почему акціи упали не сразу, это объясняется тѣмъ, что свѣдѣнія получались не вдругъ, потому что не сразу узнали, что Струсбергъ долженъ 7.000.000 руб.

При томъ важно было не то, что банку были должны большую сумму, а важно было то, к т о долженъ и к а к ъ? Правда, въ это время было уже извѣстно, что Струсбергъ потерялъ довѣріе, но вѣдь члены правленія сказали, что они дали ссуду п о д ъ о б е з п е ч е н і е.

Конечно, теперь, когда собрали всѣ свѣдѣнія, легко говорить, что струсберговскія бумаги ничего не значатъ. Но когда онѣ лежали въ формѣ накладныхъ, въ формѣ пріоритетовъ, то надо было быть ясновидящимъ, чтобы сказать, что эти бумаги ничего не стоятъ, а члены совѣта — не ясновидящіе.

Когда открылось, что принятыя обезпеченія не имѣютъ биржевой цѣны, то члены совѣта приглашаютъ представителей другихъ банковъ, просятъ у нихъ помощи, но имъ отказываютъ въ ней, и тогда они ѣдутъ къ министру финансовъ съ просьбой оказать помощь. Говорятъ, что не надо было ѣхать къ министру, такъ какъ цѣль не была бы достигнута. Но такъ могутъ разсуждать только люди, которые не знаютъ коммерческой жизни. Я могу здѣсь сослаться на факты.

Кому неизвѣстно, что въ Россіи былъ кризисъ, когда горные заводы оставались безъ всякихъ средствъ? Правительство летѣло къ нимъ со своими милліонами, чтобы поддержать ихъ. Эти заводы отдохнули и впослѣдствіи сдѣлались передовыми борцами по русскому желѣзнодорожному дѣлу.

Кому неизвѣстно, что одинъ изъ большихъ банковъ въ Москвѣ, именно Волжско-Камскій, получилъ огромныя субсидіи, чтобы поддержать банкъ. Наконецъ, кому неизвѣстна субсидія, которая была дана Петербургскому Коммерческому банку?

Въ виду этихъ примѣровъ члены совѣта имѣли полное основаніе обратиться за помощью къ министру финансовъ.

Въ улику совѣту ставятъ то, что рѣчь его депутатовъ предъ министромъ была не просьбой о помощи, а упрекомъ правленію. Представьте себя на мѣстѣ членовъ совѣта, на мѣстѣ людей, потерявшихъ голову, и вы поймете ихъ языкъ, этотъ возбужденный страхомъ и переполохомъ языкъ отчаянія...

Говорятъ, что послѣ обнаружившихся безпорядковъ надо было закрыть банкъ. Но мы знаемъ, что по уставу члены совѣта не могли

этого сдѣлать, такъ какъ въ немъ сказано, что ликвидація дѣлъ банка можетъ быть разрѣшена только общимъ собраніемъ.

Если 11 числа и закрылся Банкъ, то это потому, что тогда нельзя было составить ни присутствія, ни правленія, и въ это время прокурорскій надзоръ вмѣшался въ дѣло Банка. Строго говоря, нельзя сказать, что Банкъ пересталъ существовать, что онъ былъ закрытъ, а можно только сказать, что члены перестали собираться, потому что негдѣ было. Считать Банкъ закрытымъ можно только съ того времени, когда была учреждена ликвидаціонная комиссія, которая приняла дѣла Банка.

Между тѣмъ это-то незакрытіе Банка есть существенный пунктъ обвиненія. Обвиненіе говоритъ, что не потому не закрыли Банкъ, что не могли, а потому, что обвиняемымъ нужно было не закрывать его.

Но я опять спрашиваю: какъ же члены совѣта могли закрыть Банкъ, когда по уставу они не имѣли на это права? Говорятъ, что здѣсь разыгрывалась комедія. Но обвиненіе забыло о представителяхъ другихъ банковъ, которые говорили, что вопросъ о закрытіи Банка былъ разбираемъ ими вмѣстѣ съ членами совѣта весьма тщательно, и что всѣ были за закрытіе Банка, но г. Чижовъ, предсѣдатель Торговаго Банка, сказалъ: вы будете врагами всѣхъ Банковъ, если закроете Банкъ. Затѣмъ, когда было рѣшено закрыть Банкъ, то до полученія отвѣта отъ министра члены совѣта еще не знали, что будетъ впереди, какъ разыграется эта исторія и дастъ ли правительство помощь или нѣтъ.

Въ это время, кромѣ Банка, члены совѣта были вѣдь и хозяевами своихъ собственныхъ дѣлъ; и, видя, что ихъ имущество находится въ мѣстѣ опасномъ, естественно спасали его.

Гдѣ же тутъ мошенничество? Вѣдь мошенникомъ можетъ быть названъ тотъ, кто беретъ чужое, а Шумахеръ бралъ свое, Вишняковъ бралъ тоже свое, Лѣнивовъ взялъ тоже свои 30.000 руб. для того, чтобы заплатить свой долгъ по векселю въ тотъ же Банкъ.

И это называютъ мошенничествомъ!

Давно ли честная расплата съ кредиторами стала называться мошенничествомъ? Человѣкъ наиболѣе изъ нихъ образованный и развитой, г. Шумахеръ, первый понялъ, что все-таки на служащихъ въ совѣтѣ лежитъ обязанность заботиться объ интересахъ лицъ, ввѣрившихъ Банку свои деньги, и разсуждалъ такъ, что если будетъ бѣда, то по справедливости она должна отразиться на всѣхъ поровну.

Я думаю, что именно этимъ соображеніемъ и руководствовался

г. Шумахеръ, когда вносилъ въ Банкъ взятыя имъ оттуда деньги. Мнѣ важно говорить здѣсь о г. Шумахерѣ потому, что ему принадлежитъ эта идея, и идея не преступная, какъ говоритъ товарищъ прокурора, а идея честная,—о томъ, чтобы не пользоваться чужимъ ущербомъ, вмѣстѣ со всѣми нести ущербъ отъ грозившей бѣды. Эту мысль онъ сообщилъ Лѣнивову, который сдѣлалъ то же самое, т.-е. внесъ свои деньги обратно въ Банкъ.

Здѣсь говорятъ, что онъ не внесъ всѣ деньги, что онъ взялъ деньги, принадлежащія наслѣдникамъ Сенькова, которыхъ онъ не возвратилъ въ Банкъ.

Я долженъ сказать, что по отношенію къ Сеньковымъ Лѣнивовъ былъ приказчикомъ. Но можно ли порицать приказчика за то, что онъ заботился объ интересахъ своего хозяина или довѣрителя и беретъ изъ Банка обратно деньги, которыя онъ долженъ беречь? Если бъ онъ не взялъ изъ Банка тѣ деньги, которыя принадлежали Сеньковымъ, то обвинительная власть, можетъ быть, точно также посадила бы его сюда и сказала бы, что вотъ, глядите, этому человѣку ввѣрили имущество, принадлежащее малолѣтнимъ, или его вѣрителямъ, этотъ человѣкъ зналъ, что дѣла Банка плохи, и, несмотря на это, онъ не взялъ изъ Банка ввѣреннаго ему имущества,—слѣдовательно, онъ грабитель.

Но вотъ онъ взялъ эти деньги обратно, а его все-таки обвиняютъ и видятъ въ этомъ преступленіе.

Вообще обвинительная власть видитъ здѣсь во всемъ преступленіе. Берутъ деньги изъ Банка — обвинитель видитъ въ этомъ преступленіе, продаютъ акціи—въ этомъ тоже видитъ преступленіе, утираютъ слезы нищимъ, отдавая имъ деньги за понесенный ими убытокъ,— въ этомъ опять-таки видятъ преступленіе...

Надо очень дурно смотрѣть на человѣка, чтобы говорить, что все дѣлается имъ изъ корысти. Нѣтъ ничего легче, какъ бросать въ человѣка подозрѣніемъ. Прежде, чѣмъ рѣшаться сажать его на скамью подсудимыхъ, нужно взглянуть на него, какъ на человѣка. Прокурорскому надзору слѣдовало бы разобрать хорошенько тѣ факты, которые приводятся какъ улика. Судъ у насъ идетъ не старый, когда уликой представляли нерѣдко такіе факты, которые не имѣли никакого жизненнаго значенія. У насъ идетъ теперь судъ человѣческій, судъ по совѣсти, а потому надо судить не по однимъ фактамъ, но нужно войти и въ душу человѣка и освѣтить эти факты вопросомъ о ихъ цѣли и смыслѣ. Обвиненіе этого не сдѣлало, и мы должны были исполнить ту задачу, которой оно не исполнило.

Искупили ли обвиняемые тотъ грѣхъ, который они сдѣлали и который, по моему убѣжденію, не можетъ быть разсматриваемъ и обсуждаемъ судомъ присяжныхъ? Да, они совершенно искупили его! Когда Борисовскій продавалъ акціи, онъ продавалъ ихъ не нищимъ, не бѣднымъ, а людямъ со средствами, которые могли разсчитывать на выгоды. Затѣмъ, когда эти люди пришли къ Борисовскому, прося взять назадъ купленныя у него акціи, онъ возвратилъ имъ деньги. Вѣдь Банку совершенно безразлично, кто владѣетъ акціями, Иванъ или Петръ, и вкладчики нисколько не страдаютъ отъ того, что Борисовскій продаетъ акціи и что владѣльцемъ ихъ, вмѣсто Борисовскаго, будетъ Залогинъ.

Мы знаемъ, что покупателями акцій были такія лица, какъ, напримѣръ, Сазиковъ, Алексѣевъ, Залогинъ и Хлудовъ. Когда эти лица сказали, что они понесли ущербъ, то имъ предложено было получить деньги обратно. Мы знаемъ, что проданныя Сазикову 500 акцій были возвращены обратно точно также, какъ были возвращены акціи Мочалкина. Напрасно обвиненіе говоритъ, что возвращеніе послѣдовало послѣ возбужденія слѣдствія. Здѣсь Борисовскій заявилъ, что Мочалкину деньги были возвращены еще *до* возникновенія слѣдствія. Кромѣ того, здѣсь было доказано, что, едва только Купчинскій прислалъ купленныя акціи, ему тотчасъ же были возвращены деньги.

Наконецъ, намъ извѣстно, что когда продавались акціи Борисовскаго, то никогда не скрывали того, что акціи эти принадлежали Борисовскому. Никогда никто не упрашивалъ купить акціи, принадлежащія Борисовскому, а за ними приходили тѣ люди, которые желали купить ихъ, чтобы впослѣдствіи получить барышъ.

Итакъ, я повторяю, что всѣ эти лица получили обратно деньги, заплаченныя за акціи, и единственное исключеніе составляетъ Лучковъ, который потерялъ 4.500 рублей.

Я не стану смѣяться надъ его несчастіемъ, какъ это дѣлали гражданскіе истцы, смѣясь надъ Милліоти, который говорилъ, что въ его положеніи можно было голову потерять. Я только скажу, что Лучковъ хотѣлъ выгодно помѣстить свои деньги и въ этомъ ошибся. Но развѣ вы не слышали, что Борисовскій хотѣлъ отдать деньги обратно. Здѣсь, во время судебнаго слѣдствія, была сдѣлана ссылка на нѣкоего Щукина, который будто бы, по просьбѣ Борисовскаго, предлагалъ Лучкову по 50 коп. съ рубля и что онъ говорилъ объ этомъ Лучкову.

По этому поводу я обратился къ г. предсѣдателю и сказалъ, что

Щукинъ не могъ этого говорить, при чемъ просилъ вызвать сюда Щукина въ качествѣ свидѣтеля.

За два дня до предъявленія этой просьбы явился въ засѣданіе свидѣтель Протасовъ, который былъ вызванъ по просьбѣ товарища прокурора; просьба о вызовѣ этого свидѣтеля была заявлена товарищемъ прокурора во время судебнаго слѣдствія и была удовлетворена безъ всякаго замедленія. Но когда *мы* заявили такую же просьбу о спросѣ свидѣтеля Щукина, то намъ отказали.

Протасовъ былъ нуженъ чтобы подтвердить три или четыре слова, ошибкой приписанныя прокуроромъ другому лицу, и вотъ, чтобы поддержать достоинство прокуратуры, мчится курьеръ суда и приводитъ его. Но когда понадобился подсудимому свидѣтель, отъ словъ котораго зависѣла судьба и честь подсудимаго, вы помните, к а к ъ поступили съ нами... Такимъ образомъ, съ нашей стороны была полная готовность представить все дѣло въ чистотѣ и доказать, что Борисовскій былъ безусловно правъ ичто слова его были справедливы.

Такимъ образомъ Лучковъ оказывается единственнымъ человѣкомъ, который не получилъ обратно денегъ. Онъ потерялъ 4.000 и однако отказывается получить назадъ затраченныя имъ на покупку акцій деньги. Онъ сказалъ: я хочу чрезъ правосудіе получить эти деньги, я хочу насладиться страданіями тѣхъ, которые мнѣ причинили зло.

Вы видите, что за люди явились сюда обвинять!

Вообще есть очень много злыхъ людей, которые желали причинить много зла Борисовскому и другимъ. Мы видили здѣсь много такихъ людей, которые относились къ обвиняемымъ съ большою жестокостью и какъ бы хвалились тѣмъ, что вотъ имъ удалось посадить на скамью подсудимыхъ городскаго голову Шумахера. Въ этомъ дѣлѣ было много страсти, и это понятно, потому что здѣсь замѣшанъ вопросъ о деньгахъ: вездѣ здѣсь на первомъ планѣ деньги, а люди забыты. Когда у человѣка украдено послѣднее его имущество, то онъ выбѣгаетъ на улицу и сразу же схватываетъ перваго попавшагося ему честнаго человѣка, потомъ другого, третьяго и каждаго спрашиваетъ, не онъ ли укралъ.

То же самое совершается въ настоящемъ дѣлѣ.

Я могу простить тѣмъ лицамъ, которыя дѣйствительно много потеряли, но не тѣмъ представителямъ гражданскихъ интересовъ, которые, ослѣпленные гражданскимъ искомъ, говорили здѣсь много такого, за что можно только краснѣть.

Одинъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ вызывалъ здѣсь тѣни мертвыхъ, умершихъ будто бы отъ крушенія Банка. Одинъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ говорилъ здѣсь, что онъ пришелъ защищать интересы бѣдныхъ, интересы нищихъ, а между тѣмъ самъ проговорился, что онъ явился отъ Залогина, котораго я никогда не видалъ нищимъ у церковной паперти...

Затѣмъ говорятъ: пожалѣйте бѣдныхъ!

Бѣдныхъ пожалѣли прежде васъ! Тѣхъ 950 гражданскихъ истцовъ, о которыхъ съ такимъ сожалѣніемъ говорилъ г. Фальковскій, теперь уже нѣтъ, — имъ утерли слезы, и они не проклинаютъ сидящихъ здѣсь предъ вами, а можетъ быть молятъ о ихъ спасеніи.

Въ дѣлѣ имѣются бумаги, изъ которыхъ видно, что вкладчики до 2.000 вполнѣ удовлетворены. Если деньги пропали у благотворительныхъ учрежденій, то мы отдали имъ потомъ до послѣдней копейки. Мы возвратили деньги многимъ церквамъ, и не пришли за деньгами только тѣ, которые не хотѣли.

Если бъ это дѣлалось для комедіи, то мы платили бы только тѣмъ вкладчикамъ, которыхъ свидѣтельство для насъ опасно.

Мы спросимъ теперь васъ по-совѣсти: кто утеръ слезы нищимъ, — обвиненіе? Нѣтъ!

Можетъ быть гражданскіе истцы? Нѣтъ! Они заботятся только о томъ, чтобы, если мы внесемъ деньги, — чтобы ихъ Сазиковы, Залогины были удовлетворены.

Судите, какой смыслъ во всемъ этомъ дѣлѣ, какія страсти играютъ въ немъ!

Здѣсь къ обвиненію припуталась еще другая сила: на помощь ему явились гражданскіе истцы. Одинъ изъ гражданскихъ истцовъ, г. Владиміровъ, говорилъ, будто бы уголовное обвиненіе должно быть солидарно.

Но по здравому смыслу въ уголовномъ дѣлѣ каждый отвѣчаетъ за себя. Можетъ быть мысль г. Владимірова и вѣрна, но не въ этомъ случаѣ.

Неправду говоритъ г. Тростянскій, что только въ уголовномъ судѣ можно говорить объ убыткахъ. Нѣтъ, съ требованіемъ объ убыткахъ можно обратиться въ гражданскій судъ, въ которомъ сосчитаютъ ихъ на счетахъ. А васъ приглашаютъ сюда не для этого, а для того, чтобы судить по-совѣсти дѣйствія человѣка.

Вы знаете, гг. присяжные засѣдатели, что я — представитель трехъ лицъ: Борисовскаго, Лѣнивова и Вишнякова. Не осудите меня за то,

что я, можетъ быть, отнялъ у васъ много времени. Вѣдь съ меня началась защита членовъ совѣта.

Я не стану вамъ много хвалить ихъ,—они въ этомъ не нуждаются. Вы сами можете судить о томъ, могли ли эти люди сдѣлаться такъ скоро безчестными. Вы знаете ихъ прошлое, знаете тѣ огромныя заслуги, которыя они оказали обществу. Они смѣло могутъ смотрѣть въ глаза своимъ порицателямъ и хулителямъ и сказать имъ: встаньте предъ нами и укажите, кто изъ васъ дѣлалъ въ жизни больше, чѣмъ мы, укажите, чья жизнь прошла такъ незапятнанно, какъ наша...

Здѣсь со стороны обвиненія была сдѣлана попытка доказать вамъ, что прошлое Шумахера не совсѣмъ чисто. Но вы знаете, что эта попытка оказалась очень неудачною.

Я укажу вамъ на прошлое и другихъ обвиняемымъ. Отъ какой общественной должности отказывался подсудимый Борисовскій? Въ какомъ общественномъ учрежденіи онъ не служилъ? Отъ какого дѣла бѣжали Лѣнивовъ и Вишняковъ?

Всѣ они прожили слишкомъ по 50 лѣтъ, и пора имъ сходить въ могилу. Время ли имъ дѣлаться мошенниками и грабителями? Какъ могли эти люди, прожившіе всю жизнь свою честно, сдѣлаться вдругъ дурными людьми и своими дѣйствіями довести Банкъ до крушенія?

Прежде чѣмъ произнести судъ надъ ними, возьмите каждую отдѣльную личность и посмотрите на дѣйствія ея въ Банкѣ.

Возьмемъ Борисовскаго и поглядимъ, что онъ сдѣлалъ въ этомъ Банкѣ такого, чтобъ его можно было называть мошенникомъ. Въ совершеніи подлоговъ онъ не нуждался, скрывать чужія преступленія ему не было надобности, и онъ не можетъ быть судимъ за это, потому что ошибки со стороны Ляндау отразились на карманѣ Борисовскаго, какъ и на прочихъ.

Онъ обвиняется также и въ нерадѣніи. Но мы знаемъ, что по мѣрѣ силъ своихъ онъ исполнялъ всѣ свои обязанности и назначалъ ревизіи, когда было нужно. Правда, онъ не зналъ хорошенько дѣлъ иностраннаго отдѣленія, не зналъ иностранныхъ языковъ, но незнаніе не есть еще преступленіе.

Когда случилась бѣда, когда, благодаря злымъ людямъ, послѣдовало крушеніе Банка, этотъ человѣкъ сначала увлекся и сталъ продавать свои акціи, но потомъ онъ одумался, возвратилъ полученныя имъ деньги и вознаградилъ за тотъ ущербъ, который онъ лично причинилъ.

За что же остается судить этого человѣка? Развѣ можно его су-

дить за то, что онъ до сихъ поръ былъ честнымъ человѣкомъ и примѣрнымъ членомъ общества?

Возьмите его прошлое. Онъ былъ піонеромъ русской промышленности. Онъ участвовалъ въ такихъ предпріятіяхъ, которыя дѣлали честь его дѣятельности...

И вотъ за все это его посадили на скамью подсудимыхъ и теперь называютъ мошенникомъ, грабителемъ и составителемъ подлоговъ!..

Обратимся къ Вишнякову. Онъ пошелъ служить въ Банкъ безвозмездно, имѣя только 50 акцій, и никакого другого имущества у него не было. Ему не было расчета совершать подлогъ, потому что это отразилось бы весьма существенно на его имуществѣ. Онъ исполнялъ свои обязанности честно, какъ умѣлъ. Я напомню вамъ его послѣднія слова: „Вся моя вина въ томъ, что я пошелъ служить въ этотъ Банкъ."

Наконецъ, возьмите Лѣнивова. Онъ считался въ Москвѣ человѣкомъ, въ прошломъ котораго не было позорящихъ обстоятельствъ. Онъ велъ широкую торговлю, и мы ни отъ кого не слыхали, чтобъ этотъ человѣкъ, пользовавшійся большимъ кредитомъ, нарушилъ когда-нибудь оказанное ему довѣріе. Когда разразилось это несчастіе и когда, слѣдовательно, онъ могъ предвидѣть, какая его ждетъ бѣда, не лучше ли бы ему было скрыть свое имущество. Между тѣмъ онъ созвалъ своихъ кредиторовъ и отдалъ имъ все свое состояніе.

Здѣсь говорятъ, что эти люди — грабители. Но вѣдь грабители дѣлаются богаче послѣ преступленія. Между тѣмъ мы видимъ, что одинъ изъ подсудимыхъ разоренъ и потерялъ все свое состояніе, у другихъ погибли сотни тысячъ...

Защита должна беречь ваше время, и не пройдетъ четырехъ минутъ, какъ я умолкну.

Страшная минута наступаетъ для подсудимыхъ. Защита должна была сдѣлать все, что могла, но она должна щадить ваше терпѣніе.

Много тутъ перенесли они въ это время и едва ли по заслугамъ. Тяжело человѣку, чье прошлое чисто, кто сознаетъ, что и въ настоящемъ совѣсть его не замарана виною въ позорныхъ дѣлахъ, стоять два дня подъ градомъ оскорбляющихъ обращеній, допущенныхъ гражданскими истцами. Ихъ горе было сугубое, ихъ позоръ слышали здѣсь пришедшія ихъ утѣшать ихъ матери, дѣти, жены. Они должны слышать, какъ ихъ терзали, обвиняя въ похищеніи Струсберговскихъ милліоновъ, когда въ самомъ дѣлѣ эти деньги не у нихъ, а напротивъ, въ милліонахъ Струсберга лежатъ и ихъ сбереженія, отнятыя

незаконными путями, допущенными правленіемъ и Струсбергомъ. Адскія муки, медленная смерть — ихъ положеніе...

Пора покончить. Я настолько вѣрю въ то, что подлоги и мошенничество чужды имъ, что готовъ былъ бы прямо вручить обвинителямъ сѣкиру, если бы законъ каралъ подобные поступки смертью, и увѣренъ, что въ рѣшительную минуту сомнѣніе овладѣло бы ихъ душой.

Но здѣсь не мѣсто вопросу о казни, здѣсь мѣсто вопросу о правосудіи.

Мечъ этого правосудія въ вашихъ рукахъ.

Извлеките его и разсѣките... не сидящихъ предъ вами, — они да живутъ! — но тотъ узелъ клеветы и хитросплетеній, которыя враги собрали надъ головами осужденныхъ.....

XXV.

Дѣло Харьковскаго Общества Взаимнаго Кредита.

Дѣло Харьковскаго Общества Взаимнаго Кредита: Левченко и др.,

обв. въ растратѣ и небрежномъ храненіи денежныхъ суммъ.

Въ 1880-мъ году въ дѣлахъ Харьковскаго Общества Взаимнаго Кредита назначенной совѣтомъ банка ревизіей былъ обнаруженъ цѣлый рядъ злоупотребленій.

Было выяснено, что въ теченіе многихъ лѣтъ неправильно велись книги банка; что, вопреки уставу банка, не дѣлалась ежегодная провѣрка его отчетности; что банкъ производилъ недозволенныя уставомъ сдѣлки и т. д.

Производившіяся въ отдѣлѣ текущихъ счетовъ операціи не оставляли сомнѣнія въ преступномъ ихъ характерѣ. Стоявшій во главѣ этого отдѣла кассиръ и членъ правленія А. Левченко былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей банка. Онъ слылъ богатымъ человѣкомъ, виднымъ дѣльцомъ, обладающимъ въ финансовыхъ дѣлахъ большими способностями. Довѣріе къ нему какъ со стороны его сослуживцевъ по банку, такъ и со стороны публики было неограниченное, чѣмъ онъ широко воспользовался.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ путемъ неправильнаго веденія книгъ присвоилъ себѣ около 350 тысячъ рублей. Вносимыя вкладчиками деньги по его распоряженію записывались болѣе ранними числами лишь тогда, когда вкладчики являлись за своими деньгами; онъ скрывалъ вносимые въ банкъ цѣнные пакеты и учитывалъ въ свою пользу представленные банку для учета векселя. По его объясненію, неправильное счетоводство велось потому, что у него за массой работы не хватало времени, для того чтобы слѣдить за книгами, а изъ денегъ онъ присвоилъ себѣ лишь 50 тысячъ, которыя онъ обязуется возвратить.

Помимо дѣйствій Левченко, неправомѣрной казалась и дѣятельность другихъ членовъ правленія.

Было обнаружено, что банкъ принималъ къ учету векселя не только безъ подписи бланконадписателя, какъ это требуется уставомъ банка, но и безъ вся-

кой подписи; именныя цѣнныя бумаги принимались банкомъ безъ передаточной надписи и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могли сдѣлаться собственностью банка.

Правила банка о ежегодной провѣркѣ отчетности не исполнялись и за 879-й годъ, въ который больше всего было присвоено Левченко, никакихъ упущеній въ книгахъ замѣчено не было.

Всѣ эти обстоятельства привели къ заключенію, что правленіе, обязанное въ силу устава банка завѣдывать его дѣлами, относилось къ своимъ обязанностямъ небрежно, и поэтому весь составъ правленія съ предсѣдателемъ Сливицкимъ во главѣ былъ преданъ суду за небрежность при исполненіи служебныхъ обязанностей (351 и 359 ст. Ул. о нак.).

Левченко былъ преданъ суду за растрату и за злонамѣренныя дѣйствія при производствѣ ссудъ и выдачѣ вкладовъ.

Трофимовъ, ведшій книгу текущихъ счетовъ, обвинялся въ составленіи неправильныхъ отчетовъ для сокрытія преступныхъ дѣйствій (13 и 359 ст. Ул. о наказ.).

Лысогоренко — въ томъ, что, какъ депутатъ, небрежно исполнялъ свои обязанности (417 ст. Ул. о нак.).

Всѣ подсудимые были преданы Харьковскому окружному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Засѣданіе происходило съ 21 по 25 мая 1881 года.

Предсѣдательствовалъ Любовицкій. Обвинялъ Дукмасовъ. Гражданскій искъ со стороны Харьковскаго О-ва Взаимнаго кредита поддерживалъ Ф. Н. Плевако.

Защищали прис. повѣр.: Андреевскій, Стойкинъ, Бѣлинскій, Клоповъ, Сахновскій и Краснопольскій.

Присяжные засѣдатели оправдали всѣхъ, кромѣ Левченко. Онъ признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, въ присвоеніи и растратѣ какъ банковскихъ денегъ, такъ и денегъ миссіонерскаго о-ва.

Судъ приговорилъ его къ ссылкѣ на 4 года въ Омскую губернію съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца.

Я задержу ваше вниманіе на перепутьи отъ обвиненія къ защитѣ. Такъ какъ всякая задержка непріятна, то я буду немногословенъ. Меня обязываетъ къ этому и то, что матеріалъ даннаго дѣла дѣлаетъ безспорнымъ, что я хотѣлъ доказывать на судѣ: г. Левченко призналъ ущербы, нанесенные обществу взаимнаго кредита, а защита

и прочіе подсудимые серьезно не оспаривали итоговъ ущерба, опредѣленныхъ экспертизой.

Бороться со зломъ я буду не въ виду законовъ, которые формулировали въ обвинительномъ актѣ совершившійся фактъ; я буду бороться въ виду закона, вытекающаго изъ изученія приговоровъ, выносимыхъ присяжными, нашими русскими присяжными,— закона, обобщающаго факты изъ исторіи этого молодого института: этотъ законъ — значительное количество, быть можетъ нигдѣ не повторяющееся, оправданій при сознаніи вины, доходящее иногда до отрицанія подсудимымъ признаннаго факта.

Здѣсь, несомнѣнно, немалую роль играетъ все переносящая, незлопамятная, любвеобильная славянская натура русскихъ присяжныхъ; несомнѣнно, еще болѣе вліяетъ ваше знаніе среды и условій всякаго дѣла, мощно диктующихъ вамъ внѣшне непонятное, но внутренно разумное сужденіе о людяхъ и фактахъ.

Въ виду этого закона я долженъ доказать вамъ, что здѣсь нѣтъ данныхъ для отрицанія тѣхъ преступныхъ фактовъ, которые открываетъ искъ отъ общества къ виновникамъ факта.

Возникновеніе настоящаго преступленія — исторія древняя; это — исторія о возникновеніи общества взаимнаго кредита въ Харьковѣ, исторія возникновенія подобныхъ обществъ въ Россіи. Одна и та же, почти шаблонная лѣтопись: додумалось и наше общество до идеи товарищества, банковъ, какъ конкуренціи союза малыхъ капиталовъ съ крупными капиталистами. Начали возникать одни за другими многоразличные союзы. Сначала, конечно, вѣра въ идеалъ, восторгъ: служатся молебны съ приглашеніемъ чудотворныхъ иконъ, устраиваются обѣды, на которыхъ пьютъ тосты за предержащую власть, произносятъ спичи, задыхаются отъ восторга, что у насъ такъ много геніевъ и мужей добра и правды, моментально могущихъ осуществить самыя пламенныя мечты общества.

Первый день банковой жизни кончается изобильными изліяніями, объятіями, поцѣлуями, а затѣмъ банкъ вступаетъ въ свою нормальную жизнь. Избраны люди, которые должны руководить дѣломъ, избраны власти, которыя должны установить порядокъ и достигнуть тѣхъ цѣлей, которыя предположены.

Но проходитъ пора. Избранники начинаютъ забираться властью, начинается несоблюденіе тѣхъ формъ, которыя только и могутъ служить гарантіей для всякаго члена общества, что избранныя власти дѣлаютъ дѣло. Начинается извѣстная картина: большею частью одинъ человѣкъ, болѣе опытный, забираетъ все дѣло, выказываетъ большую

сноровку, избирается своими товарищами и дѣло принимаетъ форму единовластія, — великій визирь и спящій диванъ.

Но великій визирь, заправляя дѣлами банка, все-таки долженъ помнить, что власть принадлежитъ тѣмъ, кто избралъ его, и нерѣдко возвращается къ своему источнику въ формѣ перевыборовъ. Нѣкорая мягкость, доброта, снисходительность къ заемщикамъ — и для русскаго человѣка этого довольно.

Впослѣдствіи на общемъ собраніи провѣрки не дѣлается. Начинаются овація, „хорошо“, „благодаримъ“, „управляйте нами“, и „распоряжайтесь“.

Года черезъ 2—3 выражается желаніе возвеличить своихъ избранниковъ стипендіями, серьезно помышляютъ объ увѣковѣченіи дорогихъ чертъ лица благодѣтеля въ потомствѣ помѣщеніемъ его портрета въ совѣтѣ общества.

Но вотъ очарованіе прошло. Какъ ни быстро мы создаемъ, а еще быстрѣе разбиваемъ наши идолы, вѣру замѣняемъ безвѣріемъ, довѣріе къ избранникамъ — довѣріемъ ко всякой клеветѣ, ко всякому слуху о наживѣ, захватѣ, растратѣ.

У васъ въ харьковскомъ обществѣ разочарованіе тоже настало.

Но у васъ по крайней мѣрѣ разочарованіе было основательно. Левченко можно поблагодарить за единственно оказанную имъ услугу во время его управленія: онъ цѣной расхищенныхъ денегъ, правда, нѣсколько высокой цѣной, купилъ вамъ правомѣрное разочарованіе. Если онъ привелъ дѣло въ такой порядокъ, что чуть не пропали всѣ капиталы, то можно было придти къ основательному заключенію, что такой человѣкъ никуда не годится.

Великимъ визиремъ харьковскаго общества взаимнаго кредита былъ Левченко. Онъ одинъ при дремотѣ своихъ, мѣтко названныхъ „аксесуарными“, помощниковъ правилъ самовластно дѣлами общества и разрушилъ его чуть не въ конецъ.

Рождается вопросъ: какимъ образомъ общество могло такъ жестоко ошибиться относительно этого человѣка?

Левченко внушалъ довѣріе двумя своими качествами: внѣшнимъ и внутреннимъ.

Внѣшнее, это — его крупная коммерческая сила; его имущественная мощь, благодаря которой онъ былъ, по мнѣнію общества, способнымъ не только взять на себя, но и выполнить самыя цѣнныя обязанности.

Внутреннее, это — его снисходительность, вѣрность данному слову, способность не только войти, но и развести чужое горе.

Случаи, о которыхъ говорилъ Левченко, случаи, гдѣ, благодаря

ему и ему одному, спасались цѣлыя состоянія, не подлежатъ никакому сомнѣнію. Но дѣйствительно ли эти качества такъ прочны, какъ думали о Левченко его довѣрители?

Я думаю, что и въ лучшей порѣ своей въ нихъ было много кажущагося, искусственнаго. Если вы отнесетесь критически къ направленію моей задачи, то увидите, что богатство Левченко значительно суживается. Онъ дѣлается крупнымъ собственникомъ только тогда, когда касса общества переходитъ въ его руки. И немудрено. Не фабрики и шахты каменноугольныя обогатили его, а обогатила его ему одному вѣдомая шахта въ формѣ банковаго сундука, шахта, не требовавшая большихъ затратъ и снабжавшая своего владѣльца ассигнаціями и благороднымъ металломъ по желанію...

Если вы отнесетесь критически ко внутреннимъ качествамъ Левченко, то вы исключите изъ числа ихъ довѣріе.

Довѣріе — сестра вѣры. Оба качества не всегда въ ладу съ логикой. Пламенной вѣрѣ часто не соотвѣтствуетъ предметъ вѣры. Довѣріе, это — не качество того, къ кому его питаютъ, а того, кто его питаетъ. Одинъ изъ величайшихъ умовъ среднихъ вѣковъ выражался о вѣрѣ, что вѣрѣ логика не нужна: credo quia absurdum.

А Левченко не могъ не заботиться о довѣріи. Вѣдь время отъ времени власть возвращалась къ избирателямъ. Надо было дѣйствовать на нихъ однимъ изъ лучшихъ свойствъ хорошаго человѣка — дѣлами, внушающими довѣріе. Исполнять же слово, когда оно относилось къ общественному кредиту, помогать деньгами и средствами Левченко было и легко и нужно: легко — ибо ничего нѣтъ легче, какъ творить добро чужими средствами.

Не зная источника добра, люди восторгаются дѣлами дѣятеля; но дѣятель добра тогда только высокъ и святъ, когда свои добрыя желанія онъ исполняетъ своими собственными средствами, побѣждая во имя добра эгоистическую волю, неохотно разстающуюся съ тѣмъ, что нужно самому обладателю. Тогда дѣятель добра добродѣтеленъ дѣйствительно.

При изученіи дѣла мы видимъ, что не только Левченко пользовался довѣріемъ, но онъ и самъ довѣрялъ другимъ. Однако, довѣріе его къ другимъ основывалось на простомъ соображеніи, что онъ долженъ жить въ мирѣ съ обществомъ, которое избрало его, потому что при малѣйшей ссорѣ, при малѣйшихъ нехорошихъ отношеніяхъ онъ могъ потерять мѣсто, а это было бы моментомъ, при которомъ старыхъ грѣховъ нельзя было бы прикрыть и пришлось бы за нихъ разсчитываться.

Вотъ въ какомъ видѣ рисуется мнѣ нравственный образъ Левченко, — видѣ, правда, менѣе радужномъ, но зато объясняющимъ намъ бытіе въ его волѣ и тѣхъ прекрасныхъ дѣйствій, которыя и до сихъ поръ не могутъ быть забыты, и тѣхъ поступковъ, которые онъ совершалъ къ изумленію его бывшихъ, имъ очарованныхъ избирателей.

При этомъ спѣшу оговориться, что я этимъ вовсе не хочу сказать, что Левченко — злодѣй, въ родѣ Струсберга, Юханцева, что онъ изъ числа тѣхъ хищниковъ, которые не могутъ равнодушно взирать на чужое.

Я не могу не напомнить, что онъ не скрывалъ можетъ быть большей части средствъ своихъ: видно, что онъ вѣрилъ въ свое дѣло, для котораго бралъ деньги, вѣроятно, убѣжденный, что выгоды имъ задуманнаго предпріятія обезпечатъ его самовольные захваты суммъ общества. Этимъ онъ отличается отъ всѣхъ растратчиковъ, которымъ имя легіонъ, а типъ — Юханцевъ.

Онъ не скрывалъ особенно своихъ средствъ: дома его на виду и не заложены по разнымъ закладнымъ, копи также на виду, — скрыто развѣ что-нибудь себѣ на черный день. Въ немъ нѣтъ этого обыкновеннаго явленія, какъ въ другихъ растратчикахъ, что у нихъ на виду только такое имущество, которое при быстрой продажѣ ничего не стоитъ и которое свидѣтельствуетъ объ утонченномъ вкусѣ тѣхъ, которые привыкли жить на чужой счетъ.

Но какъ бы ни смотрѣть на дѣло, онъ безспорно виноватъ въ ущербѣ, намъ причиненномъ. О цыфрѣ я говорить не буду по той причинѣ, что для уголовной отвѣтственности, цыфра играетъ роль и въ скромномъ размѣрѣ 300 рублей. Точное опредѣленіе цыфры будетъ принадлежать суду, который будетъ обсуждать послѣдствія вашего вердикта, и тогда мною будетъ представленъ расчетъ.

По отношенію къ прочимъ подсудимымъ слово мое тоже будетъ недлинно. Я прежде всего, чтобы быть вѣрнымъ принятому мною, какъ человѣкомъ извѣстной профессіи, началу, долженъ заявить, что ни однимъ словомъ не стану поддерживать даже въ смыслѣ гражданскаго иска обвиненія, направленнаго противъ Житкова.

При всемъ моемъ уваженіи ко всякимъ актамъ, исходящимъ отъ судебной власти, я рѣшительно не могу понять, какимъ образомъ могло случиться такое явленіе, что, начавъ обвинительный актъ словами: „въ 1880 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, вступивъ въ число членовъ правленія, Житковъ тотчасъ началъ изучать дѣлопроизводство и открылъ безпорядки“, кончаютъ его: „на основаніи вышеизложеннаго, Житковъ обвиняется въ томъ же“.

При такой дѣятельности Житкова единственное, что гражданскій истецъ, по отношенію къ нему, можетъ заявить, это — что онъ не находитъ возможнымъ не только поддерживать какъ гражданскій истецъ обвиненія противъ него, но даже не находитъ возможнымъ признать хотя бы въ одной копейкѣ отвѣтственнымъ его передъ тѣмъ обществомъ, которому онъ хотѣлъ служить честно и добросовѣстно.

Относительно остальныхъ членовъ правленія я точно также не могу поддерживать взгляда, что они умышленно, сознательно допустили растрату.

Двухдневное изученіе дѣла убѣждаетъ, что умышленнаго отношенія съ ихъ стороны не было.

Но зато они не могутъ быть свободны отъ упрека въ нерадѣніи. Доказывать этотъ проступокъ незачѣмъ: достаточно вспомнить, что растрачено до 360.000 руб. и растрачено не вдругъ, а путемъ медленнаго процесса обмановъ по текущему счету. Этотъ фактъ самъ собой доказываетъ существованіе нерадѣнія. Достаточно было нѣсколькихъ минутъ для эксперта, чтобы онъ увидѣлъ обманы и ошибки, достаточно было нѣсколькихъ дней для незнакомаго съ банковымъ дѣлопроизводствомъ Житкова, чтобы среди преній и насмѣшекъ окружающихъ онъ скрылъ и огласилъ истину.

Что же дѣлали члены правленія?

Они дремали въ часы бодрствованія и труда. Кажется, они приходили въ банкъ не для того, чтобы трудиться и трудомъ купить себѣ право на домашній отдыхъ, а, уставши отъ домашняго труда, приходили отдыхать въ уютныя комнаты правленія! Они лѣнились изучать дѣло, какъ сдѣлалъ это Житковъ; они, наконецъ, не умѣли слѣдить за дѣломъ!

Лѣнь, и сонъ, и простота — эти прекрасныя качества, которыми надѣляетъ судьба нѣкоторыхъ изъ своихъ избранниковъ, — конечно, не проступокъ и всякій можетъ въ своей личной жизни пользоваться сколько угодно, своими дарами; но когда лѣнь берется за общественный трудъ и портитъ его, когда сонъ берется стеречь стражу, когда простота хватается за рѣшеніе серьезныхъ общественныхъ дѣлъ, — они дѣлаются преступными.

Я высокаго мнѣнія объ умственныхъ силахъ подсудимыхъ, но по отношенію къ лѣни, сну и простотѣ можно примѣнить изреченіе одного великаго писателя Европы относительно человѣческой глупости: „всякій имѣетъ право быть глупымъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ“...

Если общество избрало насъ быть хранителями его интересовъ, а мы дѣлаемся нерадивыми, тогда мы становимся отвѣтственными передъ тѣми, чьимъ состояніемъ мы распоряжались.

А что нерадѣніе было — для этого достаточно вспомнить, что фактъ самой растраты въ 360.000 руб. не доказывается здѣсь, а самъ доказываетъ то, что изъ него слѣдуетъ...

Поэтому я по отношенію къ прочимъ подсудимымъ не считаю себя нравственно имѣющимъ право отказаться отъ обвиненія, въ смыслѣ гражданскаго иска.

Я обвиняю ихъ въ нерадѣніи, результатомъ котораго было, хотя бы неумышленное, съ ихъ стороны допущеніе Левченко нанести ущербы обществу взаимнаго кредита, о которыхъ я буду представительствовать передъ судомъ на основаніи вашего вердикта.

Я думаю, милостивые государи, что мнѣ необходимо, заканчивая свою рѣчь, остановиться еще на одномъ фактѣ.

Рѣдкое другое дѣло, какъ настоящее, можетъ быть, подтверждаетъ то правило, что въ судѣ присяжныхъ является новый элементъ, обыкновенно въ судѣ коронномъ несуществующій, — такъ сказать, органическая связь съ тѣмъ обществомъ, изъ среды котораго вышелъ извѣстный дѣятель, и вслѣдствіе этого отношеніе къ нему, какъ къ своему близкому, — отношеніе отеческое, братское, полное любви, полное снисхожденія.

Я говорю, рѣдкое другое дѣло подтверждаетъ это правило, какъ настоящее.

Всѣ подсудимые, здѣсь сидящіе, не первый разъ являются передъ вашими глазами. Я думаю, вы каждаго изъ нихъ видѣли между собою, каждаго изъ нихъ видѣли въ лучшіе для него дни и, вспоминая, что силою вашего вердикта рядъ лучшихъ дней можетъ для нихъ прекратиться, можетъ начаться преждевременная осень съ бурями и непогодами, вы можете отнестись къ нимъ мягко.

Противъ мягкости уголовнаго вердикта человѣкъ, который случайно сталъ поддерживать гражданскій искъ и который, безсильно смотря на тѣ мѣста (указываетъ на мѣста защиты), завидуетъ противникамъ, не можетъ сказать ничего...

Но я долженъ сказать одно, — величайшее уваженіе общества самого къ себѣ должно состоять въ слѣдующемъ: можно прощать подсудимымъ ихъ вину, но никогда не слѣдуетъ оставлять въ ихъ рукахъ того, что они виною пріобрѣли; можно пощадить подсудимыхъ, но никогда не слѣдуетъ щадить ихъ больше тѣхъ, кому они причинили вреда.

Наказаніемъ, которое ждетъ каждаго подсудимаго, когда онъ обвиненъ вашимъ вердиктомъ, потерпѣвшій сытъ не будетъ,—ему лучше отъ этого не станетъ.

Но если преступный фактъ, совершенный извѣстнымъ лицомъ, вмѣняется ему въ вину,—тогда для потерпѣвшаго остается справедливое утѣшеніе: свое изъ рукъ недостойныхъ взять назадъ, и рукамъ, которыя не работали, охраняя чужое, сказать: отдайте намъ и свое, чтобы видѣть, какъ нехорошо потерять то, что имѣешь; мы потеряли по чужой винѣ, пусть же отвѣчаетъ тотъ, по чьей винѣ наше потеряно.

Я думаю, милостивые государи, что, какъ бы общество ни относилось мягко къ своимъ членамъ, оно должно помнить, что правосудіе есть та же математика.

Ни одинъ математикъ не скажетъ $3\times3=9$, но для моей подруги $=10$: ему $3\times3=9$ для всѣхъ.

Также и фактъ преступнаго дѣянія остается преступнымъ — все равно, сидятъ ли на скамьѣ подсудимыхъ люди, которыхъ вы никогда не видали, или люди близкіе, хотя бы даже братья, друзья.

Если вы пришли судить о фактѣ, то вы его должны назвать бѣлымъ, если онъ бѣлъ; если же фактъ не чистъ, то должны сказать, что онъ не чистъ, и пусть подсудимые знаютъ, что имъ предстоитъ умываться и умываться...

Закончу я мою рѣчь однимъ анекдотомъ изъ восточной жизни,—иногда не мѣшаетъ оглянуться и на востокъ, у котораго есть прекрасныя изреченія и прекрасные анекдоты.

Одинъ турецкій разсказчикъ говоритъ, что въ Турціи былъ судья, которому пришлось судить дѣянія своего отца; онъ присудилъ отца къ 90 ударамъ палкою и, смѣшивая слезы съ чернилами, подписалъ вердиктъ.

Во время исполненія приговора, когда отецъ претерпѣвалъ удары, сынъ стоялъ тутъ же и плакалъ, а когда удары были прекращены, онъ первый бросился обнимать и цѣловать отца.

Подражайте въ хорошемъ востоку: когда вы видите, что дѣяніе преступно, скажите, что оно преступно, а затѣмъ, оставаясь людьми, сжимайте въ своихъ объятіяхъ людей, которые заслужили наказаніе по своей собственной винѣ...

XXVI.

Дѣло Скопинскаго городского общественнаго банка.

(Рыковское дѣло.)

Дѣло Скопинскаго городского общественнаго банка.

(Рыковское дѣло.)

Дѣло это слушалось въ засѣданіи Московской судебной палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 22 ноября — 12 декабря 1884 года въ Екатерининскомъ залѣ зданія Московскихъ судебныхъ установленій подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя уголовнаго департамента палаты Терновскаго.

Суду предано 26 человѣкъ: директоръ скопинскаго городского общественнаго банка коммерціи совѣтникъ Иванъ Гавриловичъ Рыковъ, товарищи директора — Иванъ Ивановичъ Рудневъ, Василій Яковлевичъ Рудневъ, Никифоръ Васильевичъ Иконниковъ, кандидатъ въ товарищи директора Илья Максимовичъ Заикинъ, бухгалтеры — Петръ Ивановичъ Матвѣевъ, Иванъ Алексѣевичъ Швецовъ, Иванъ Алексѣевичъ Альяшевъ, Николай Павловичъ Земцовъ, письмоводитель Василій Васильевичъ Евтихіевъ, скопинскіе городскіе головы — Владиміръ Никифоровичъ Овчинниковъ и Василій Петровичъ Иконниковъ, члены скопинской городской управы — Иванъ Васильевичъ Овчинниковъ, Иванъ Николаевичъ Кистеневъ и Михаилъ Яковлевичъ Барабановъ, гласные скопинской городской думы — Владиміръ Лукичъ Шамовъ, Иванъ Васильевичъ Лазаревъ, Степанъ Яковлевичъ Барабановъ, Порфирій Васильевичъ Иконниковъ и Алексѣй Максимовичъ Заикинъ и агенты банка — Илья Михайловичъ Краснопѣвцевъ, Николай Петровичъ Шестовъ, Семенъ Гавриловичъ Оводовъ, Александръ Николаевичъ Виноградовъ, Александръ Дмитріевичъ Донской и Алексѣй Ильичъ Поповъ.

Обвинялъ прокуроръ московской судебной палаты Н. В. Муравьевъ.

Гражданскіе иски отъ имени вкладчиковъ банка поддерживалъ Ф. Н. Плевако.

Защищали подсудимыхъ: Рыкова — Одарченко, Руднева — Скрипицынъ, Матвѣева — Куриловъ, Евтихіева — Холщевниковъ, В. Я. и И. М. Заикиныхъ — Швенцеровъ, Альяшева — Муратовъ, Зайцева и В. Иконникова — Сазоновъ, Овчинникова и Донского — Высоцкій, Виноградова и Попова — Генкинъ, Оводова — Поповъ, Шестова — Бернардъ, остальныхъ — Шубинскій.

Скопинскій Городской Общественный Банкъ былъ открытъ по иниціативѣ жителей гор. Скопина въ 1863 году и просуществовалъ до 1882 года. Съ самаго его основанія вплоть до закрытія директоромъ Банка состоялъ бывшій Скопинскій городской голова И. Г. Рыковъ.

Вокругъ И. Г. Рыкова группируются всѣ остальныя лица, привлеченныя по настоящему дѣлу — директоръ правленія, товарищъ директора правленія, нѣкоторые служащіе, затѣмъ городскіе головы, на обязанности которыхъ лежалъ контроль дѣлъ Городского Банка, члены ревизіонной комиссіи Банка — гласные Скопинской городской думы, а также агенты Банка Оводовъ, Виноградовъ, Поповъ и Донской.

Злоупотребленія, открытыя предварительнымъ слѣдствіемъ, которое возникло по заявленіямъ пострадавшихъ лицъ, захватили почти всѣ операціи Банка.

Главнымъ дѣятелемъ, иниціаторомъ и руководителемъ злоупотребленія былъ И. Г. Рыковъ. И. Г. Рыковъ пользовался въ своемъ городѣ громаднымъ вліяніемъ, главнымъ образомъ среди городскихъ властей, стоявшихъ въ большей или меньшей степени въ зависимости отъ директора Банка, благодаря открытымъ этимъ лицамъ въ Банкѣ кредитамъ.

Злоупотребленія по операціи пріема вкладовъ заключались въ слѣдующемъ.

Управленіе Банка путемъ публикованія въ самыхъ разнообразныхъ провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ широковѣщательныхъ объявленій привлекло въ кассу Банка массу вкладовъ, владѣльцами которыхъ въ значительной степени явились монастыри и лица духовнаго званія изъ мѣстностей довольно отдаленныхъ не только отъ города Скопина, но даже и отъ Рязанской губерніи.

Будучи вынужденнымъ платить согласно своихъ объявленій высокіе проценты, Банкъ помѣщалъ поступающія по операціи вкладовъ суммы въ процентныя бумаги, не гарантированныя правительствомъ, что возбранялось уставомъ Банка и принесло въ виду паденія курса этихъ бумагъ громадные убытки. Для приданія публичнымъ отчетамъ размѣровъ, превышающихъ фактическое состояніе операцій, агенты Банка Краснопѣвцевъ, Донской, Оводовъ и другія лица, по требованіямъ и указаніямъ Рыкова, подавали въ Банкъ фиктивныя заявленія отъ анонимныхъ вкладчиковъ на громадныя денежныя суммы, потомъ, передъ окончаніемъ отчетныхъ годовъ, расписывались въ полученіи этихъ вкладовъ якобы обратно; между тѣмъ анонимность вкладчиковъ уставомъ не допускалась.

Велики также злоупотребленія по операціи покупки—продажи процентныхъ бумагъ. Къ 1877 году, какъ это выяснила экспертиза, Банкъ потерялъ по одной этой операціи 1.176.150 рублей. И по этой операціи были допущены фиктивныя продажи — покупки бумагъ при участіи тѣхъ же Краснопѣвцева, Оводова и другихъ лицъ.

По операціи учета векселей допущены были также многочисленныя злоупо-

требленія, заключающіяся въ томъ, что при наступленіи сроковъ векселя близкихъ Банку лицъ, не считая, конечно, самого И. Г. Рыкова, не оплачивались, а переписывались на новые сроки.

Кромѣ того открытъ былъ рядъ хищеній и полученій Рыковымъ какъ въ самомъ Банкѣ, такъ и въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ денежныхъ суммъ и обращеніе ихъ въ свою пользу. Незадолго до полнаго краха Банка И. Г. Рыковъ пытался при помощи отдѣльныхъ лицъ,—тѣхъ же Оводова, Попова и Донского, сбывать вкладные листы Скопинскаго Банка въ другихъ болѣе или менѣе отдаленныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Всѣ эти злоупотребленія, сопровождавшіяся ложными отчетами и балансами, привели къ формальному краху.

Въ 1882 году начинаютъ въ Скопинъ съѣжаться вкладчики, разражается скандалъ, и въ томъ же году Банкъ былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ.

По выясненіи кредитоспособности лицъ, состоящихъ должниками Банка, выяснилось, что большинство ихъ никакого отношенія къ торговлѣ не имѣютъ и некредитоспособны.

Обвиняемые, принадлежащіе къ городскому самоуправленію, не проявляли никакой дѣятельности въ смыслѣ контроля надъ банковскими порядками и явились такимъ образомъ попустителями расхищенія.

Обвиненіе предъявлено по отношенію къ С. Н. Оводову, А. Н. Виноградову, А. Д. Донскому и А. И. Попову — по ст. 1655 и 1666 Улож. о Наказ., по отношенію къ И. М. Краснопѣвцеву и П. Н. Шестову — ст. ст. 13, 294, 1154 Улож. о Нак., — а по отношенію къ остальнымъ — по ст. ст. 338, 339, 341, 342, 354, 359, 362, 1154, 1155 Улож. о Нак.

Требованія представителя гражданскаго истца простирались до $9^1/_2$ милліоновъ рублей.

Приговоромъ Палаты, объявленнымъ въ окончательной формѣ 2-го января 1885 года, И. А. Альяшевъ, Н. И. Земцовъ, И. М. Красильниковъ, Н. П. Шестовъ и А. Н. Виноградовъ — оправданы.

И. Г. Рыковъ, И. И. Рудневъ, В. Я. Рудневъ, Н. В. Иконниковъ и В. В. Евтихіевъ приговорены къ лишенію всѣхъ особыхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и къ ссылкѣ Рыковъ въ неотдаленныя мѣста Сибири, Рудневы и Евтихіевъ — въ Иркутскую губернію и Иконниковъ въ Томскую губернію.

В. Н. Овчинниковъ и В. П. Иконниковъ приговорены къ лишенію правъ и къ ссылкѣ въ Тобольскую губернію.

П. В. Иконниковъ, И. В. Лазаревъ, И. Н. Кистеневъ, В. Л. Шамовъ и С. Я. Барабановъ — приговорены къ лишенію правъ и къ ссылкѣ въ Томскую губернію.

И. М. Заикинъ, П. И. Матвѣевъ, И. А. Швецовъ, И. В. Овчинниковъ, М. Я. Барабановъ и А. М. Заикинъ — къ лишенію правъ и исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ отъ 1 года до 2 л. 8 мѣс.

А. И. Поповъ, А. Д. Донской, С. Г. Оводовъ — къ лишенію правъ и къ ссылкѣ въ Олонецкую губернію.

Предъявленный по настоящему дѣлу гражданскій искъ въ суммѣ 9.592.816 руб. 74 коп. Палата признала доказаннымъ, опредѣливъ взыскать эту сумму со всѣхъ осужденныхъ, кромѣ Оводова, Донского и Попова, поровну со взаимною другъ за друга отвѣтственностью.

Рѣчь повѣреннаго гражданскаго истца.

Гг. судьи, гг. присяжные!

Меня послали сюда къ вамъ вкладчики скопинскаго банка.

Они, въ лицѣ конкурснаго по дѣламъ банка управленія, поручили мнѣ просить вашей помощи и защиты противъ лицъ, разорившихъ ихъ и пустившихъ по міру.

Во исполненіе этой миссіи мнѣ слѣдовало бы сосредоточить ваше вниманіе на доводахъ, которыми устанавливается количество нашихъ вкладовъ, исчезновеніе денегъ, рядъ лицъ, по чьей винѣ погибли наши деньги, и отсутствіе въ дѣлѣ данныхъ, которыя бы позволяли оправдать, извинить вину этихъ лицъ.

Но мнѣ нѣтъ надобности утомлять васъ фактическими подробностями; вчера мастерская рука нарисовала передъ вами картину скорбныхъ дней и темныхъ дѣлъ скопинскаго банка. Изъ уваженія къ вамъ я не могу допустить, чтобы вчерашняя рѣчь вами была забыта.

Слѣдовательно, мнѣ достаточно для моихъ цѣлей ссылаться на этотъ актъ судебнаго процесса.

Но я не могу оставить безъ иного освѣщенія факты, одинаково интересующіе и обвиненіе и потерпѣвшихъ: въ иномъ свѣтѣ представляются они для представителя закона, въ иномъ — для насъ.

Законъ—это великая сила, которую можно оскорбить, но нельзя одолѣть. Сколько бы разъ ни возставалъ злодѣй на законъ, послѣдній побѣдитъ и скажетъ преступникамъ: „аще и паки возможете, паки побѣждены будете“.

Иное дѣло потерпѣвшій. Преступная воля не только можетъ оскорбить, но и вконецъ погубить его. Наше добро уже невозвратимо, наши надежды разрушены и кое-какіе крохи,—вотъ все, что мы

получимъ, если вы дадите намъ къ тому средство — обвинительный вердиктъ противъ этихъ лицъ.

Но ни рядъ разсматриваемыхъ преступленій, ни гибель средствъ стоящихъ за мной истцовъ не отнимаетъ у меня самообладанія, и я прежде всего заявляю, что, по моему убѣжденію, не всѣ и не во всемъ одинаково виновны.

Много здѣсь людей слабохарактерныхъ; много людей, чью волю побѣдила чужая, сильнѣйшая воля; есть здѣсь люди, чью совѣсть усыпили обѣщаніемъ грядущихъ благъ или заставили нѣмотствовать отъ страха ожидаемыхъ бѣдъ.

Были и такіе люди, которыхъ довели до положенія: или цѣной чести спасти свои выгоды, или цѣной выгоды спасти свою честь. На чаши вѣсовъ нравственной свободы они положили на одну—выгоды, на другую—честь. Минута борьбы. Но вотъ чаша выгодъ перевѣсила, легчайшая, съ честью, поднялась — и выборъ, а вмѣстѣ и позоръ, совершились!

Но зато голова, впервые натолкнувшаяся на преступленіе, способныя руки, ей предложившія свои услуги, тѣ преступно-настроенныя воли, которыя по первому призыву перешагнули барьеры писаннаго закона и межевыя нити нравственныхъ требованій,—онѣ здѣсь, ихъ я зову, имъ говорю: „станемъ передъ судьями, пріидите, и стяжимся!“

Да, станемъ! Я буду давать вопросы, они пусть отвѣчаютъ.

Признаете ли вы, что наше „доброе“ у васъ?

Отвѣчаютъ: да, мы взяли у васъ 12,000,000—съ этимъ и спорить нельзя.

Не въ 12 милліонахъ—вопросъ и не въ количествѣ—сила. Одинаково преступно взять чужое—100 ли милліоновъ, милліонъ, тысячу или сто рублей.

Вникнули ли подсудимые въ ту внутреннюю силу ввѣренныхъ имъ благъ?

6000 семействъ несли свои сбереженія, куски, отрѣзанные отъ будничнаго хлѣба, край отъ праздничнаго пирога, чтобы себѣ на старость припасти уголъ и не протягивать руки за общественнымъ подаяніемъ.

Сюда несъ свои скромныя вклады уставшій, трезвый работникъ, умирающій отецъ, чтобы отойти въ иной міръ съ надеждой, что его вдова не будетъ выгнана на улицу, его дѣти успѣютъ научиться и твердыми ногами выступить на житейскую дорогу. Сюда несли свои гроши одряхлѣвшіе на службѣ мирной—чиновники, на службѣ бранной—воины.

Судя по количеству вкладчиковъ (6000 чел.), вклады были мелкіе; это не праздныя суммы богачей, суммы такъ легко переходящія изъ орудій производительности въ орудія порабощенія труда и личности; это — орудія борьбы за существованіе, священная умѣренность, оплотъ противъ голода и холода и вѣчнаго раболѣпства.

И эти-то святыя блага они не соблюли, а расхитили!!

Что намъ дадутъ за это?

Здѣсь говорили и свидѣтельствовали о 15 или 18%.

Лицо, имѣющее 1000 р., получитъ 150 или 180 руб. Нищета и горе — неотвратимы!

И вотъ, чувствуя, что за это нельзя хвалить, подсудимые указываютъ вамъ на возможный лучшій исходъ нашихъ требованій. Здѣсь намекали, что, можетъ быть, продадутъ достояніе всѣхъ скопинцевъ и отдадутъ его намъ.

Не дай Богъ, чтобы законъ и судьи приняли этотъ способъ рѣшенія дѣла. Не говоря уже о томъ, что это чудовищное разореніе прибавитъ едва 5—7% къ нашимъ вкладамъ—оно ужасно: передъ картиной изгоняемаго города, передъ картиной, напоминающей вавилонское плѣненіе несчастнаго народа, невольно останавливается потерпѣвшій и говоритъ: не надо!

Подсудимый Рыковъ указалъ на другой путь: государство, говоритъ онъ, должно отвѣтить за наши грѣхи.

Слыхали мы эту теорію и знаемъ, откуда заимствуетъ Рыковъ заманчивое ученіе.

Но будемъ думать, что скамья позора — плохая кафедра, и не только не поддержитъ, а только унизитъ то ученіе, которое она проповѣдуетъ.

Нѣтъ, гг. присяжные, государства не получаютъ свою казну чудомъ съ неба, какъ манну: государственная казна составляется изъ грошей народнаго труда, а поэтому власть смотритъ на общественное достояніе, какъ на священное сокровище, которое можетъ быть расходуемо на поддержаніе достоинства власти, торжество закона, на защиту чести страны, на школу, на помощь несчастнымъ, а не на выручку отвѣтственности подсудимыхъ. Съ ними и съ ихъ дѣлами у государства нѣтъ ничего общаго. И если оно и пожелало бы придти на помощь несчастью, то вы прежде всего должны доказать вашимъ приговоромъ, что общество съ своей стороны принимаетъ всѣ мѣры, чтобы явленія подобнаго рода не могли существовать и не проходили безнаказанно.

Нѣтъ, наша надежда не въ чрезвычайныхъ мѣрахъ. Возможна ваша

болѣе реальная помощь: вашимъ приговоромъ вы дадите намъ средство отобрать у подсудимыхъ то, что есть у нихъ. Пусть будутъ тутъ не только нажитыя изъ банка деньги, пусть будутъ нажитыя трудомъ или полученныя отъ родителей. Справедливость требуетъ, чтобы тѣ, кто умѣли думать о себѣ и беречь свое, а чужое позволяли расхищать себѣ или другимъ,—тѣ должны испытать то, что испытываемъ мы.

Вашъ приговоръ дастъ намъ возможность потребовать отъ подсудимыхъ вознагражденіе и впослѣдствіи, если кто-либо изъ нихъ, скрывъ свою добычу, когда-нибудь въ будущемъ обнаружитъ ее.

Наоборотъ, если они будутъ оправданы и потомъ, когда рѣшеніе войдетъ въ законную силу, смѣло будутъ пользоваться плодами своего темнаго труда,—какая вопіющая несправедливость будетъ поражать насъ: мы—разоренные и осмѣянные, они—разорители, смѣющіеся надъ нами, надъ вами и утопающіе въ изобиліи—наградѣ ихъ беззаконія...

А если и при всемъ томъ полное возстановленіе нашихъ ущербовъ невозможно, то развѣ нравственное удовлетвореніе не имѣетъ цѣны? Развѣ сознаніе, что правосудіе и общество стали за насъ, не оставили безъ возмездія нашихъ враговъ, признали насъ за людей и наше несчастіе—за нарушенное право—не утолитъ нашего положенія, не подыметъ нашей приниженности?

Заступитесь же за насъ!..

Не стану я останавливаться и на томъ, какимъ образомъ скопинскій банкъ могъ, пожирая вклады съ такой чудовищной алчностью, обезпечивать себѣ чуть не на 25 лѣтъ новую и новую пищу для своего безграничнаго аппетита.

Скажу одно: эта огромная фабрикація обмана, подлога и растратъ имѣла стройную организацію личныхъ силъ и широко задуманную механическую систему.

Здѣсь былъ хозяинъ съ милліоннымъ оборотомъ, были ему покорные приказчики, изъ процента съ выгодъ энергично работавшіе въ духѣ его. Были комиссіонеры, скупавшіе сырой матеріалъ—вклады, были комиссіонеры, распространявшіе добрую славу фирмы. Были агенты, отыскивающіе новые рынки для сбыта скопинскихъ банковыхъ товаровъ, когда внутренніе рынки были уже достаточно наполнены ими.

Сравнимъ мы скопинскій банкъ съ машиной, и глазъ легко отличитъ: кто тутъ паровикъ высшаго давленія, гдѣ послушные поршни, цилиндры, колеса, шестерни, холодильники. Большая машина требовала значительнаго расхода на смазку—не жалѣлось денегъ на нее:

есть намеки, что смазочныя средства добывались не только изъ губернскаго города, но отыскивались агенты для покупки таковыхъ и въ столицахъ Россіи...

Отъ веселыхъ подобій перейдемъ въ серьезный тонъ дѣйствительности.

Печальная страница нашей исторіи — исторія Скопина за эти 27 лѣтъ.

Россія была призвана къ новой жизни; Вѣнценосный Руководитель своей страны, довѣряя своему народу и вѣруя въ него, призвалъ его къ самодѣятельности во многомъ, что прежде составляло исключительную задачу органовъ власти. Лучшіе люди и горячія сердца откликнулись на великій призывъ и съ молодымъ увлеченіемъ думали, что борьба кончилась, что гидра темнаго прошлаго убита.

Не тутъ-то было! Теперь мы знаемъ, что противодѣйствующихъ было много, а на скопинскомъ дѣлѣ видимъ, что они вовсе ненадолго потеряли голову.

Они, пока мы торжествовали и ликовали, присматривались, какъ новыя средства обратить на служеніе ихъ старымъ цѣлямъ. Они скоро распознали, что между безконтрольными владыками мѣстностей, неожиданно разжалованными въ простыхъ исполнителей закона, обязанныхъ помочь начинающему самоуправленію, есть люди, внутренно злорадствующіе всякой ошибкѣ его.

И вотъ, подъ предлогомъ уваженія къ самоуправленію создается формальное отношеніе властей къ голосу немногихъ лучшихъ, когда они указывали на злоупотребленія большинства.

А этого только и нужно Рыкову.

Онъ кликнулъ — и на зовъ собрались къ нему и самоучка Матвѣевъ, и другія лица, получившія свои свѣдѣнія въ питейныхъ складахъ Попова. Пришелъ Евтихіевъ и принесъ сдаваемый въ архивъ формализмъ стараго магистрата, и рѣшили, что форма еще не побѣждена, а, напротивъ, сумѣетъ занять свое мѣсто, сумѣетъ заставить равнодушныхъ людей, призванныхъ помочь усиліямъ отдѣльныхъ лицъ добиться правды, отклонить свои взоры отъ своихъ просьбъ, ссылаясь на „благополучіе дѣлъ на бумагѣ“ и на „уваженіе къ самоуправленію“.

И царилъ Рыковъ въ своемъ Скопинѣ, превративъ его въ какую-то республику, оторванную отъ цѣлаго и отъ закона, ограждающаго порядокъ въ странѣ, — царилъ, пока не насталъ грозный часъ суда.

Теперь видно, что приходится давать отчетъ за свои обнаруженныя дѣла, и всѣ подсудимые ищутъ мотивовъ для своего оправданія.

Здѣсь ссылались на свое невѣжество и имъ оправдывались.

Конечно, никто не можетъ быть обвиненъ за неисполненіе обязанности выше его разумѣнія. Но что имѣетъ смыслъ въ отношеніи къ Краснопѣвцеву, ревизорамъ,— то едва ли умѣстно въ отношеніи къ тѣмъ, кто, не понимая, *какъ* дѣлать подлоги и обманы, понимали, *что* дѣлается, и скрѣпляли своей подписью чужую работу: я говорю о Рудневѣ.

Ссылаются на семейное положеніе, на извиняющее ихъ положеніе отцовъ, братьевъ, сыновей...

Но люди, которые, разоряя банкъ, губили достояніе тысячи отцовъ и дѣтей, могутъ ли ссылаться на это?

Они умѣютъ плакать и умѣютъ трогать слезами своихъ ближнихъ.

Но развѣ *наше* горе меньше, *наши* слезы слаще?!

Что же во-время они не подумали о насъ и не утерли наши глаза, а ради своихъ интересовъ позабыли о томъ, что они дѣлаютъ и чему не мѣшаютъ?!..

Ссылаются на городскіе интересы, на то, что городъ поднялся, благодаря банку, погибъ бы безъ него.

Но развѣ можно, обогащая свой край, разорять другіе? Развѣ, кромѣ мостовыхъ, школъ и городскихъ зданій, у города нѣтъ высшаго интереса — чести и права?

Другіе ссылаются на соображенія высшаго свойства, на начала, такъ сказать, философскія. Говорятъ: не мы виноваты, а слабость власти. Насъ надо не просить, а бранить, не совѣтовать, а указывать, приказывать,— говорилъ здѣсь Рыковъ. Старый совѣтъ! Объ этой неспособности нашей къ законности, о необходимости вездѣ и всюду указки говорятъ многіе.

Лживое міросозерцаніе!

Нѣтъ, милостивые государи, ненадежна та страна, вымираетъ та народность, гдѣ у каждой вещи нужно сажать пса на цѣпи, у каждаго хранилища стража на часахъ. Если безъ этого невозможна жизнь,— жизнь не стоитъ заботъ о ней.

Общество тогда только способно жить, тогда только его будущее надежно, тогда только миръ и любовь будутъ царствовать въ немъ, когда законъ будетъ не внѣшней силой, а силой внутренней; когда законъ будетъ написанъ не на стѣнахъ и доскахъ, а на скрижаляхъ нашего сердца, когда преступники будутъ не вырываться изъ среды нашей постороннею силой, а будутъ выкидываться нами самими, какъ враждебные намъ элементы.

Говорятъ: да, мы совершили зло, но мы дѣлали и добро. Весь городъ наполненъ нашими дѣлами: богадѣльнями, школами, храмами.

Русь не обѣднѣла еще людьми, готовыми жертвовать на общее благо частью отъ плодовъ благословеннаго труда и прибытка.

Предоставьте намъ по мѣрѣ силъ самимъ отдѣлять то, что мы можемъ, и не одобряйте вашимъ приговоромъ отвратительный пріемъ преступленія — десятиной отъ неправой корысти и грабежа попытаться, какъ очистительной жертвой, покупать общественное прощеніе.

Не обойдутъ васъ эти оправданія и не возобладаютъ надъ вашимъ убѣжденіемъ. Вы будете глухи къ ихъ указаніямъ, что они любили свой городъ и радѣли о немъ.

Какой волкъ, терзая овцу, не несетъ своей добычи въ свое логовище и не дѣлитъ его со своими дѣтенышами?!.

Съ волчьей точки зрѣнія, выше этого нѣтъ добродѣтели, но человѣческій судъ не обзоветъ ли поступокъ волка звѣрствомъ и не обуздаетъ ли его?

Не забудете ни на минуту вы и того, что предстоящіе подсудимые обошли самыя обыкновенныя мѣры предосторожности, какія обычны у насъ.

Мы знаемъ, что есть люди хорошіе и плохіе. Мы отдаемъ наше добро на руки первыхъ и просимъ охранить насъ отъ послѣднихъ.

Но когда одно и то же лицо сочетаетъ въ себѣ и стража, и хищника, какъ обережешься?

Одной рукой они манятъ васъ къ себѣ, ею пожимаютъ вашу руку, васъ обнадеживая въ твердости своего слова, ее же поднимаютъ горѣ,— призывая Бога во свидѣтельство своей честности, берутъ ваше добро; вы не успѣли еще отойти десяти шаговъ, а ихъ правая рука уже опустилась, какъ въ параличѣ, не привыкшая къ добру, а ладонь лѣвой руки уже чешется инстинктомъ присвоенія, и воръ заглушаетъ охранителя.

Неужели же оправданія этихъ людей таковы, что наши интересы должны быть имъ отданы въ жертву?

Нѣтъ, они слабы, а вотъ то, что вы должны вспомнить въ связи съ нашими — благо общественное, напротивъ, диктуетъ вамъ приговоръ, какого ждетъ отъ васъ все правосудіе.

Вѣдь подсудимые нарушили законъ. Разные есть законы. Есть неудобовразумительные, нарушивъ которые, можно и не сознавать этого.

Но подсудимые не послушались закона, содержаніе котораго сознаютъ всѣ.

Не слышитъ ли каждый изъ насъ въ душѣ свой немолчный голосъ нравственнаго императива, повелѣвающаго намъ: будь честенъ, не обижай нищаго, вдовы, сироты.

Встанете ли вы на сторонѣ беззаконника?

Подсудимые нарушили нашу вѣру въ достоинство общественныхъ учрежденій и въ честность общественныхъ дѣятелей. Врагамъ нашей, закономъ дарованной, самостоятельности они дали орудіе насмѣшки надъ первыми шагами нашей гражданской свободы...

Что же, вмѣните ли вы это имъ въ подвигъ?

Мы долготерпѣливо и мягкосердечно извиняли нашимъ общественнымъ дѣятелямъ ихъ злыя дѣла, объясняли ихъ нашей непривычкой, нашей неподготовкой, снося на счетъ недостатка учрежденія то, что слѣдуетъ приписать дѣятелямъ.

Не пора ли одуматься и въ проступкахъ лицъ видѣть причину неурядицы?

Вы обязаны предъ нами — всякій гражданинъ, огорченный, озлобленный и помощи требующій, на это имѣетъ право,— вы обязаны дать намъ вѣру въ господство правды надъ неправдою. Нужно же доказать, чтобы ободрить падшихъ, что не всѣ и не все готово итти на службу злу, пѣть ему хвалу и освѣщать его въ ложномъ свѣтѣ.

Долго царило настоящее зло, долго честные люди тщетно боролись съ нимъ, искали помощи, но въ канцеляріяхъ были глухи, въ кабинетахъ — неотзывчивы тѣ, къ кому обращались оскорбленные. Только та сила, которую вызвалъ къ жизни вотъ Онъ, незабвенныя черты котораго здѣсь передъ вами,— только страшный и священный союзъ закона, власти и общества въ видѣ суда, созналъ себя давлѣющимъ для борьбы и вызвалъ зло и даетъ ему нынѣ рѣшительную схватку.

Кто побѣдитъ?

Я вѣрю въ окончательную побѣду правды. Все говоритъ за такой исходъ. Самъ случай, перенесшій это дѣло изъ уѣзднаго города въ Москву, въ столицу Россіи, не обезпечиваетъ ли успѣха?

Здѣсь, въ столицѣ, гдѣ по самому свойству одушевляющихъ ее вопросовъ, мы часто болѣе озабочены дѣлами цѣлой страны, чѣмъ своего пепелища, часто, за раздумьемъ объ общемъ благѣ, забываемъ думу мѣстныхъ интересовъ,— здѣсь только данный процессъ можетъ получить правильный исходъ, для чего необходимо, чтобы въ груди судьи билось сердце не г о р о ж а н и н а, а г р а ж д а н и н а, которому одинаково дороги, одинаково любезны всѣ веси и всѣ города роднаго края.

Судьбѣ угодно было, чтобы, перенесенное въ Москву, это дѣло

разсматривалось здѣсь, въ судѣ, не въ его обыкновенныхъ судебныхъ собраніяхъ, а, благодаря массѣ подсудимыхъ, массѣ слѣдственнаго матеріала,—въ этой исторической залѣ.

А эта зала не только величіемъ внѣшнимъ, но величіемъ идей, подымающихся въ головѣ при входѣ въ нее, способна поднять духъ дорожащаго судьбами русскаго права человѣка до необычайной высоты.

Ея созданіе совпадаетъ со славнымъ вѣкомъ, когда впервые верховная власть съ довѣріемъ призвала свой народъ на служеніе государству.

Взгляните сюда,—вотъ черты безсмертной женщины, которая съ высоты трона указала народу на первенствующее значеніе для страны закона и правосудія и призывала тѣхъ, кому дорого отечество, помочь ей въ дѣлѣ закона и служить ей въ дѣлѣ правосудія.

Взгляните сюда: тутъ Тотъ, Кто, вѣкъ спустя, осуществилъ мечты своей порфироносной бабки и призвалъ общество къ отправленію правосудія, видя въ этомъ оплотъ противъ беззаконія и неправды.

Одушевитесь же идеями права въ этой шири и глубинѣ, до какихъ достигали онѣ въ этихъ двухъ славныхъ царственныхъ свидѣтеляхъ нашей славы, исполните завѣтъ великаго законодателя и докажите вашимъ приговоромъ, что не ошибся Онъ, призывая васъ на завидную службу власти и обществу.

Пусть вашъ приговоръ, оградивъ насъ отъ враговъ, будетъ славной страницей въ исторіи суда и докажетъ умамъ сомнѣвающимся, что величайшіе интересы закона, величайшіе интересы власти, интересы общества, насъ, потерпѣвшихъ, невинныхъ и даже виновныхъ, будутъ твердо ограждены, и мы можемъ смѣло глядѣть въ грядущее, пока стеречь русскую правду ввѣрено представителямъ русской совѣсти!

XXVII.

Дѣло Лебедянскаго банка.

Дѣло Лебедянскаго банка.

Засѣданіе Московской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 10—13 октября 1887 года, въ г. Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ члена палаты А. Н. Терновскаго.

Обвинялъ товарищъ прокурора палаты М. Ѳ. Громницкій.

Представителемъ гражданскаго истца—гор. Лебедяни—выступилъ присяжный повѣренный Вышеславцевъ.

Защищали: А. М. Игумнова—Муратовъ, А. П. Попова, В. И. Алферова и П. И. Стрѣльникова—В. М. Пржевальскій, А. Н. Горшковъ не имѣлъ защитника, С. М. Рындина—Ульманъ, И. А. Чурилина, Н. С. Попова и А. А. Уланова—Ф. Н. Плевако.

Обвиняемые, привлеченные по настоящему дѣлу, группируются вокругъ А. М. Игумнова—главнаго дѣйствующаго лица.

А. М. Игумновъ, стоявшій во главѣ управленія Лебедянскимъ городскимъ общественнымъ банкомъ съ 1866 года по мартъ 1882 года, не только допускалъ явныя неправильности въ веденіи дѣла, но и былъ причастенъ къ крупнымъ злоупотребленіямъ.

Злоупотребленія эти заключались въ томъ, что Игумновъ допускалъ къ учету векселя безъ обсужденія присутствіемъ правленія. Игумновъ производилъ займы для себя въ управляемомъ имъ банкѣ не только безъ учета, но и безъ выдачи какихъ-либо обязательствъ. Векселя Игумнова въ сроки не оплачивались, а лишь переписывались съ прибавленіемъ къ нимъ суммы наросшихъ къ срокамъ процентовъ.

Къ 13 февраля 1881 года долгъ Игумнова банку достигъ суммы 198.250 р. Долгъ этотъ былъ обезпеченъ подписями его и брата и къ упомянутому сроку былъ видоизмѣненъ замѣной документовъ съ двумя подписями—векселями съ его единственной подписью.

Всѣ эти и рядъ другихъ злоупотребленій привели банкъ къ краху—вкладчики уже не могли получить въ концѣ его дѣятельности своихъ вкладовъ.

Отчеты банка съ 1867 по 1882 годъ изобиловали неправильными цифрами, искажающими дѣйствительное его положеніе.

Въ виду этихъ данныхъ, нашедшихъ себѣ полное подтвержденіе на предварительномъ слѣдствіи, директоры Лебедянскаго городского общественнаго банка А. М. Игумновъ и И. А. Чурилинъ, товарищи директора А. П. Поповъ, Н. С. Поповъ, В. И. Алферовъ, А. А. Улановъ, городскіе головы гор. Лебедяни—А. Н. Горшковъ и П. И. Стрѣльниковъ и бухгалтеръ С. М. Рындинъ были преданы суду по обвиненію въ служебныхъ преступленіяхъ и рядѣ злоупотребленій.

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей А. М. Игумновъ, А. П. Поповъ, Н. С. Поповъ и В. И. Алферовъ признаны виновными лишь въ томъ, что принимали къ учету векселя безъ обсужденія присутствіемъ правленія и безъ надлежащаго засвидѣтельствованія учета своими подписями. Остальные подсудимые признаны невиновными.

На основаніи этого вердикта Палата постановила Игумнову—сдѣлать выговоръ, а Поповымъ и Алферову—замѣчанія, но приговоръ этотъ въ исполненіе не приводить въ силу Высочайшаго манифеста.

Рѣчь въ защиту подсудимыхъ.

Мнѣ поручена Палатой защита Николая Попова, товарища директора перваго призыва, Игумновскаго періода; кромѣ того, я защищаю Чурилина и Уланова, директора и его товарища изъ второго, позднѣйшаго періода банковой жизни.

Я прошу вашего особаго вниманія ко второй части моей рѣчи, такъ какъ я—единственный, кому предстоитъ объясниться съ точки зрѣнія защиты по вопросу о дѣятельности второго призыва.

Сначала о Поповѣ.

Въ его время банкъ имѣлъ характеръ частнаго учрежденія: Игумновъ владѣлъ имъ самолично и развилъ свой собственный кредитъ до цифры, впослѣдствіи, при сложившихся обстоятельствахъ, послужившей причиною гибели Лебедянскаго банка.

Къ чести Попова, онъ, состоя товарищемъ, не дѣлалъ изъ кассы банка своей частной кассы: долгъ его въ это время не превышалъ десяти тысячъ, которыя, кромѣ тысячи съ чѣмъ-то, онъ заплатилъ, а остальныя не платитъ не по несостоятельности, а по тому, что въ виду будущаго взысканія съ него всѣхъ ущербовъ банка, судебная власть наложила на него общее запрещеніе, пріостановивъ, такимъ

образомъ, продажу его имущества, стоящаго по свидѣтельствамъ, здѣсь даннымъ, много выше его еще неуплаченнаго долга.

Кромѣ того, онъ, какъ и его злополучные товарищи по времени службы, не уличенъ здѣсь въ какихъ-нибудь личныхъ выгодахъ, извлеченныхъ изъ разрѣшенія Игумнову непомѣрнаго кредита. Онъ не былъ ни кредиторомъ директора, заинтересованнымъ въ предоставленіи ему банковой кассой средствъ на уплату частныхъ долговъ, ни должникомъ, путемъ послабленія внушающимъ своему кредитору такое же снисхожденіе къ себѣ.

Обычное явленіе въ однородныхъ дѣлахъ: позволеніе главѣ дѣла расхищать чужое за такое же дозволеніе и сотрудникамъ. Но здѣсь это отсутствуетъ: все забираетъ директоръ и нѣсколько ему излюбленныхъ лицъ, а товарищи не выходятъ изъ предѣловъ скромнаго кредита, не позволяя себѣ даже переписки въ векселяхъ, какого обстоятельства имъ и не приписываютъ.

Сотрудники въ растратахъ и злоупотребленіи банковымъ добромъ внѣшне дѣятельны, а наши злополучные товарищи перваго призыва не ищутъ мѣстъ; выбранные, не безъ отказа отъ чести, не спѣшатъ на свои посты. Николай Поповъ только черезъ годъ приглашенъ занять свой стулъ: охотники до чужого такъ долго не отсрочиваютъ себѣ права входа въ общественную кассу.

Они только косные люди, бездѣятельные.

Но отчасти въ ихъ пользу говоритъ то обстоятельство, что, по условіямъ городского самоуправленія, они почти противъ воли принимаютъ выборную должность. Правда, принудительной службы нѣтъ, отказаться можно, но, какъ вы вчера слушали, законъ не даетъ средства въ случаѣ поголовнаго отказа, и практика рѣшаетъ вопросъ обычнымъ ходатайствомъ выборщиковъ предъ кандидатомъ о принятіи должности. Сопротивляться общественному желанію трудно, и, искренно или притворно поломавшись, избранные, желанно и нежеланно, вступаютъ въ отправленіе своихъ иногда превышающихъ ихъ способности обязанностей.

Это и тѣ соображенія, которыя даны здѣсь защитниками дѣятелей первой половины жизни банка, вами будутъ приняты во вниманіе при сужденіи о винѣ или невиновности Николая Попова.

Чурилинъ и Улановъ приняли посѣянное ихъ предшественниками съ неотрицаемою цѣлью спасти интересы банка и города. Заслуги ихъ въ этомъ направленіи называются всѣми: и свидѣтелями, и сторонами.

Однако ихъ судятъ, обвиняя въ невыполненіи предписаній Думы, клонившихся ко благу города, и въ послабленіи къ Игумнову.

Я не буду оспаривать положенія обвинителя доводами, допускающими разныя рѣшенія: я просто приведу вамъ на память безспорные для васъ факты дѣла и аксіомы житейской правды, прося васъ не отказать подсудимымъ въ примѣненіи къ нимъ выводовъ изъ того и другого.

Само собой разумѣется, что я дамъ эти объясненія лишь по тѣмъ частямъ обвиненія, которыя поддерживаются прокуратурой, и при этомъ буду говорить только о Чурилинѣ. Личность Уланова я оставлю (гдѣ это надо) въ сторонѣ. Вѣдь онъ во второмъ призывѣ то же, что товарищи въ первомъ: пассивная личность.

Какъ тѣ не мѣшали неправомѣрному въ своихъ поступкахъ директору въ его отступленіяхъ, такъ этотъ не мѣшалъ своему главѣ въ его полезной и энергичной дѣятельности въ пользу города, такъ что я смѣло могу васъ просить объ одномъ: и добро, и ошибки второй директоріи сочтите дѣломъ Чурилина, не виня за послѣднія Уланова, безотвѣтнаго въ нихъ, какъ безвиннаго и во всемъ хорошемъ, что при немъ сдѣлано.

Прежде всего припомните, что Чурилинъ не ограничился, какъ Поповъ-свидѣтель и Функельманъ, только критикой предшествующаго состава, — онъ принялъ на свою шею боевое дѣло, дѣло спасенія интересовъ города, когда имъ нанесенъ былъ ударъ и грозило полное ихъ пораженіе. Если въ этой дѣятельности онъ не вездѣ достигъ успѣховъ и его упрекаютъ въ ошибкахъ, противополагая ему безошибочность мнѣній Попова и Функельмана, то не забудьте, что тѣ только говорили, осуждали и доносили, оставшись потомъ зрителями, а Чурилинъ, какъ истинный гражданинъ, бросился въ средину боя, спасая интересы города подъ ударами, какъ видите, небезопасными.

Работая въ эпоху столь опасную, онъ, по признанію благородно относящагося къ дѣлу обвиненія, не замаралъ себя никакими личными цѣлями: онъ какъ не былъ до того должникомъ банка, такъ не позволилъ себѣ ни копейки позаимствовать, ставъ во главѣ дѣла. Онъ, человѣкъ независимый и достаточный, конечно, не за ту тысячу рублей, что ему выдавали въ первые два года, и не за тѣ пятьсотъ рублей, отъ которыхъ онъ отказался на третій годъ, пошелъ служить въ банкъ: онъ отдалъ свое время и многогоднюю службу, смѣло скажемъ, безмездно городу, считая невеликой заслугой и неважнымъ гражданскимъ подвигомъ одну критическую работу.

Но, говорятъ, онъ съ самыхъ первыхъ дней своей дѣятельности велъ себя въ отношеніи къ обвиняемымъ слишкомъ снисходительно, парализуя болѣе правое и болѣе суровое отношеніе членовъ ревизіонной комиссіи, открывшей зло, членомъ которой онъ былъ.

Ему вмѣняютъ въ вину, что онъ не согласился съ членами комиссіи въ предложеніи о преданіи суду Игумновскаго состава, а присоединился лишь къ прочимъ мѣрамъ, рекомендованнымъ Думѣ ими по обнаруженіи непомѣрнаго кредита Игумнова.

Будьте добры, вспомните правило житейскаго обихода: кто не считаетъ обращенія къ суду крайней мѣрой, особенно обращенія къ суду уголовному?

Правда, при его посредствѣ торжествуетъ правосудіе, получается удовлетвореніе въ сферѣ высшаго интереса, потребности въ правдѣ, но зато какою дорогою цѣною достается оно непосредственно заинтересованнымъ! Сколько случаевъ извѣстны всѣмъ, что, пока судебно-слѣдственная власть установленнымъ порядкомъ преслѣдуетъ виновника, накладывая впредь до рѣшенія дѣла аресты на его имущество, проходитъ столько времени, что въ тотъ день, когда въ силу закона виноватый выкидывается изъ общества, выкидываются въ ямы испортившіяся имущества виноватаго, призванныя обезпечить искъ потерпѣвшаго.

Поповы и Функельманы искали интересовъ высшаго порядка, а Чурилинъ прежде всего хотѣлъ реальныхъ интересовъ города и поэтому былъ противъ преждевременнаго обращенія къ судебной власти. Это не послабленіе.

Чурилина обвиняютъ. А не при немъ ли начался истинный порядокъ въ банкѣ? Завелись всѣ книги, учреждены ревизіи, изгнаны сомнительные служащіе, закрытъ кредитъ, получено десятками тысячъ съ мало-мальски способныхъ къ платежу должниковъ? Не при немъ ли директора стали только хранителями чужаго, а не пользователями его? Не обвиненіе ли признаетъ, что ни копейкой корысти не замараны руки этого состава... и ихъ обвиняютъ?!

Гдѣ же вина? Въ чемъ она? Скажите мнѣ!

Видятъ вину въ исполненіи думскаго постановленія о непереписки просроченныхъ векселей Игумнова и въ освобожденіи нѣкоторыхъ бланконадписателей Игумнова отъ отвѣтственности, при привлеченіи къ таковой всего Игумновскаго семейства.

Но только подумайте надъ этимъ, — и основы обвиненія падутъ.

Виноватъ: еще обвиняютъ Чурилина въ неисполненіи предписанія Думы о взятіи поручительства отъ жены Игумнова, а въ замѣнѣ его бланкомъ.

Господа! кому неизвѣстно, что отвѣтственность по бланку равносильна отвѣтственности по поручительству? Кому неизвѣстно, что простое поручительство слабѣе бланка, ибо даетъ право иска на по-

ручителя только по признаніи должника несостоятельнымъ? Кому неизвѣстно, что срочное поручительство кратковременно и требуетъ поспѣшности, тогда какъ бланкъ вмѣщаетъ въ себя всѣ хорошія стороны обоихъ?

Кто знаетъ одиннадцатый томъ или внимательно прочтетъ его постановленія о бланкахъ и вспомнитъ общее ученіе о поручительствѣ по закону, тотъ согласится, что это — аксіомы и азбука юриста.

Чурилинъ освободилъ нѣсколько бланконадписателей Игумнова, когда замѣнялъ старые векселя его новыми, съ добавочной бланковой надписью членовъ семьи его покойнаго брата.

Но вѣдь этимъ пріобрѣтенъ плательщикъ, столь же состоятельный, какъ и самъ Игумновъ, т.-е. владѣющій половиной имѣнія, составлявшаго въ цѣломъ то имущество, которое цѣнится въ 300.000 руб. и которое продано конкурсомъ за 150.000 руб. Упущено при этомъ на 11.000 или 13.000 плательщиковъ. На это указываютъ и говорятъ: хорошо пріобрѣсть пятьдесятъ тысячъ, но зачѣмъ же упускать 13.000.

Но и здѣсь недоразумѣніе. Упущено ничего не было или упущено очень мало. Если бы на новыхъ векселяхъ, кромѣ бланка родныхъ Игумнова, стояли и бланки бывшихъ бланконадписателей, то вѣдь эти послѣдніе, заплативъ банку по бланку, сами бы стали кредиторами Игумнова и при продажѣ имущества его получили бы съ него по бланку изъ того имущества, которое поступило на удовлетвореніе долга банку.

Переписка протестованныхъ векселей сдѣлана два раза по поводамъ, оправдываемымъ истинно понятымъ интересомъ города. Предполагалось просить ссуду у Государственнаго банка. Поѣхали къ начальнику мѣстнаго отдѣленія, разсказали ему печальную повѣсть о протестованныхъ векселяхъ Игумнова и о задолженности его банку. Зная все это, начальникъ не сказалъ имъ, что въ виду задолженности и протеста на такую сумму векселей помощи ждать имъ нельзя. Нѣтъ, онъ сказалъ имъ: пособіе невозможно, пока не будетъ устранено такое количество протестовъ. Они поняли это такимъ образомъ, что городъ можетъ разсчитывать на ссуду, открывъ вновь кредитъ Игумнову вмѣсто протестованнаго долга.

Другая причина переписки совпадаетъ съ уплатой Игумновымъ 40.000 руб.

Опасенія Чурилина были совершенно основательны. Если бы онъ протестовалъ векселя и подалъ бы ко взысканію, то продажа имѣнія чрезъ судебнаго пристава еще болѣе уронила бы цифру стоимости имѣнія. Вѣдь и на паденіе цѣны съ 300,000 руб. на 150,000 рѣшающее

значеніе имѣло обязательное для конкурса отчужденіе имущества въ срокъ его существованія. Приставу, еще менѣе, чѣмъ конкурсъ, заинтересованному въ выжиданіи лучшихъ цѣнъ, наоборотъ, заинтересованному въ быстрой продажѣ, чтобы иначе не вызвать обвиненія въ медленности, пришлось бы продать имѣніе еще ниже. Вѣдь и въ конкурсѣ можетъ быть стачка покупателей, но конкурсъ властенъ и не утвердить торговъ, а приставъ безсиленъ отмѣнить торги, если имѣніе пошло, благодаря негласной стачкѣ халтуристовъ за безцѣнокъ.

Обвиняя Чурилина, подозрѣваютъ его въ благоволеніи къ Игумнову.

Что ему жаль было старика, — это непреступно, но Чурилинъ ни разу ни пожертвовалъ своей симпатіи интересами города и банка. Если бы онъ сочувствовалъ Игумнову больше банка, то онъ не сталъ бы спѣшить привлеченіемъ семьи его къ бланконадписанію, а попробовалъ бы искать со старыхъ бланкодателей, чтобы безъ нужды не доводить Игумновыхъ до разоренія. Или бы не сталъ освобождать бланконадписателей отъ возобновленія надписей, чтобы, въ случаѣ уплаты Игумновыми цѣною всего своего достоянія долга банку, дать этой семьѣ возможность собрать хотя гроши съ бланкодателей, такъ какъ позднѣйшій надписатель, заплативъ долгъ, идетъ къ ранѣе стоящимъ и къ самому должнику.

Нѣтъ, куда мы ни посмотримъ, вездѣ дѣятельность Чурилина является съ признаками осмысленной, на пользу города направленной дѣятельности. Правда, онъ не оказалъ во-время содѣйствія въ продажѣ имѣнія за 200,000 рублей, надѣясь получить за него триста. Но развѣ онъ могъ предвидѣть будущее паденіе цѣнъ вообще и въ частности подпаденіе Игумнова конкурсу, повлекшее за собою обезцѣненіе Игумновскаго имущества.

Результатъ продажи — не его вина. Нельзя судить человѣка по случайному результату задуманнаго имъ дѣла, — судить слѣдуетъ по намѣренію. Вѣдь если бы имѣніе продалось за цѣну, которую прежде давали, то тѣ же Поповы и Функельманы хвалили бы проницательность Чурилина, а онъ былъ бы столько же повиненъ въ удачѣ, какъ сейчасъ повиненъ въ неудачѣ. Но не будемъ подражать столь частому недостатку общежитія: духовной близорукости; люди обыкновенно судятъ по результату и привѣтствуетъ успѣхъ, а не внутреннюю работу. Спросите любую страницу исторіи, припомните свой жизненный путь, попросите сказать про себя артисту въ театрѣ, гимнасту въ циркѣ — и всѣ въ одинъ голосъ скажутъ, что за одинъ и тотъ же скачекъ въ жизни ли, на канатѣ ли мы рукоплещемъ удачѣ и освищемъ неудачу.

Но истинная оцѣнка жизненныхъ явленій требуетъ размышленія надъ ними. Надо биться съ недругомъ, предпочитающимъ впечатлѣніе разумѣнію, надо внутреннюю логику фактовъ ставить выше простой внѣшней связи вещей.

Имѣю къ вамъ еще одну не то просьбу, не то неотвязчивую мысль, которая быть можетъ не будетъ излишней въ дѣлѣ. Вы хорошо знаете, что ваши приговоры имѣютъ воспитательное значеніе для общества. Вашъ карающій хищенія и беззастѣнчивое распоряженіе чужимъ добромъ приговоръ, какъ и многіе подобные, будетъ читать вся Русь, и если гдѣ-либо по лицу ея сейчасъ есть слабыя и колеблющіяся воли, готовыя поступить такъ, какъ поступили тѣ, чьей виной разоряются банки, они задумаются и, можетъ быть, удержатся страхомъ отвѣтственности и вошедшимъ чрезъ вашъ приговоръ сознаніемъ негодности поступка.

Но иное значеніе и неосторожныхъ и суровыхъ безъ основанія приговоровъ.

Когда крушатся подобныя Лебедянскому банку учрежденія, спасти города отъ окончательнаго разоренія призываются люди энергіи и добраго намѣренія.

И вотъ подобные Чурилину люди рѣшаются взять бразды власти въ бурное время и могутъ спасти что можно отъ конечной гибели.

Но если такихъ людей, вмѣсто добраго слова, будетъ ждать суровый приговоръ, они побѣгутъ отъ зова къ помощи, они скажутъ: мы бы охотно спасли васъ, но за это насъ осуждаетъ совѣсть присяжныхъ.

Вмѣсто ихъ на пепелище придутъ не спасители, а окончательные разорители, можетъ быть хуже первыхъ...

Этого ли вы хотите?

Едва ли!

Но этого хочетъ обвиненіе.

Оно стоитъ не на вѣрномъ пути, и вы не дадите мѣста этому заблужденію...

Внося въ судебное дѣло животрепещущее слово разумно понятыхъ условій дѣйствительности, вы не постановите неумнаго рѣшенія...

XXVIII.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ банкѣ,

(д. Борисова и др.)

Дѣло это по обвиненію подполковника Сергѣя Алфимова, титулярнаго совѣтника Николая Якунина, надворнаго совѣтника Сергѣя Борисова, коллежскаго секретаря Александра Коваленко, оставного артиллеріи поручика Виталія Трухачева, коллежскаго асессора Александра Иловайскаго, дворянина Константина Марцыновскаго и коллежскаго регистратора Владиміра Исакова въ растратахъ, служебныхъ подлогахъ, хищеніяхъ и другихъ злоупотребленіяхъ слушалось въ засѣданіяхъ Тамбовскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 4-го іюня по 3-е іюля 1887 г. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Тамбовскаго окружнаго суда Муравьева.

Обвиняли — товарищъ прокурора Саратовской судебной палаты Маскалевъ и товарищъ прокурора Тамбовскаго окружнаго суда Волченскій.

Представителями интересовъ гражданскихъ истцовъ выступили: присяжный повѣренный Ф. Н. Плевако отъ Государственнаго Дворянскаго Банка, присяжный повѣренный Немировскій отъ своего имени и присяжные повѣренные Бобрищевъ-Пушкинъ, Клобуцкій и Якубовъ отъ имени отдѣльныхъ акціонеровъ.

Защищали подсудимыхъ: С. Алфимова—кандидатъ правъ Блюмеръ, С. Борисова — прис. пов. Пржевальскій, Н. Якунина — прис. пов. Шайкевичъ, В. Трухачева — прис. пов. Шатовъ, А. Коваленко — прис. пов. Телепневъ, остальныхъ — присяжный повѣренный Лятошинскій.

Во главѣ Саратовско-Симбирскаго Земельнаго Банка, открытаго въ городѣ Саратовѣ въ 1873 году, стояли Алфимовъ, Борисовъ и Якунинъ; остальные подсудимые были служащими или занимали менѣе отвѣтственныя мѣста.

Злоупотребленія въ Саратовско-Симбирскомъ Земельномъ Банкѣ, имѣвшія мѣсто въ теченіе ряда лѣтъ, дошли случайно до свѣдѣнія акціонера Банка, присяжнаго повѣреннаго Немировскаго, и побудили его подать соотвѣтствующую жалобу прокурору Тамбовскаго окружнаго суда. Въ результатѣ этой жалобы было возбужденіе предварительнаго слѣдствія, вызвавшаго почти одновременно съ быстрымъ пониженіемъ цѣнъ на акціи переизбраніе правленія Банка.

Новое Правленіе произвело ревизію дѣлъ Банка и, вопреки публиковавшихся старымъ правленіемъ отчетовъ, обнаружило неправильное веденіе счетоводства, исчезновеніе складочнаго и запаснаго капиталовъ, задолженность Банка въ размѣрѣ 456.797 рублей, массу служебныхъ подлоговъ и другихъ злоупотребленій.

Кромѣ того, было установлено, что Банку и въ будущемъ грозятъ убытки въ виду выдачъ усиленныхъ ссудъ подъ нѣкоторыя имѣнія. Въ частности къ этому роду ссудъ относится ссуда въ 1.250.000 рублей, полученная Борисовымъ подъ залогъ Кано-Никольскаго имѣнія.

По всѣмъ этимъ причинамъ, которыя нашли себѣ подтвержденіе и на предварительномъ слѣдствіи, новое правленіе пришло къ убѣжденію, что необходимо, и по положенію дѣлъ Банка и по его уставу, объявить Банкъ въ положеніи ликвидаціи.

Послѣ двухъ общихъ собраній послѣдовало 8-го апрѣля 1883 года Высочайшее повелѣніе о передачѣ дѣлъ Саратовско-Симбирскаго Банка въ вѣдѣніе Министерства Финансовъ. Размѣръ растратъ и хищеній, по заключенію экспертовъ, простирается отъ одного до полутора милліона рублей. Обвиненіе предъявлено по 1, 2 и 3 част. 354, по 362, 12, 13, 1154, 1198 и 1666 статьи Улож. о Нак.

Приговорены: Алфимовъ къ высылкѣ въ Архангельскую губернію на три года, Трухачевъ — въ Томскую губернію на 5 лѣтъ, остальные подсудимые оправданы. При этомъ Судъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ о замѣнѣ назначеннаго Алфимову наказанія 4-хъ мѣсячнымъ арестомъ безъ ограниченія правъ. Гражданскіе иски оставлены безъ разсмотрѣнія.

Рѣчь представителя гражданскаго истца, Государственнаго Дворянскаго Банка.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, гг. присяжные засѣдатели, добрая половина изъ десятка сидящихъ передъ вами подсудимыхъ была сильной, славной, обладающей властью и средствами.

Всего у нихъ было много — и денегъ, и враговъ, и завистниковъ. Не одно осужденіе, не одно злое обобщеніе ихъ дѣятельности раздавалось за ихъ спинами, но они были свободны, крѣпки, и имъ не могли вредить эти слухи, эти мнѣнія.

Теперь не то: они сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, крѣпко связанные узами карающаго закона, слабые, опозоренные. Всякое лишнее,

ненужное для насъ, но тяжелое для нихъ слово болѣзненно отзывается на нихъ, вредитъ имъ.

Поэтому, здѣсь, на судѣ, я не позволю себѣ ни одного искусственно связаннаго положенія, направленнаго къ тому, чтобы перевѣсить чашу вѣсовъ на сторону обвиненія.

Да оно и не нуждается въ этомъ. Мощное, поразительное по трудолюбію, оно дало намъ столько обличительныхъ для подсудимыхъ фактовъ, что, если вы признаете изъ нихъ доказанною лишь самую малую часть, то и тогда требованія наши будутъ всецѣло удовлетворены.

Кромѣ того, къ сдержанности меня обязываютъ и мое отношеніе къ этому дѣлу, въ которомъ я являюсь представителемъ дворянскаго банка.

Самъ банкъ не пострадалъ и неповиненъ ни въ одномъ изъ злоупотребленій погибшаго банка: дѣло ему передано для ликвидаціи уже погубленное, мертвое. Тѣ ошибки и проступки, которые допускались въ правленіи саратовско-симбирскаго банка, выносилъ другой банкъ, не нашъ: мы предъ дѣлами, до насъ закончившимися, сами стоимъ въ роли вопрошающихъ, сами ищемъ виовныхъ, а не свидѣтельствуемъ о нихъ.

Все, что совершается передъ глазами разумнаго человѣка, должно сдѣлаться достояніемъ его мысли и принять форму грамматическаго предложенія, въ которомъ части, явленія или дѣла распадаются на тѣ же элементы, на какіе распадается и предложеніе: на сказуемое, подлежащее и на случайныя части цѣлаго сужденія.

Какое же слово подходяще для с к а з у е м а г о настоящаго дѣла?

Банкъ исчезъ. Но банки умираютъ, или погибая по недостатку условій жизненности, или ихъ губятъ люди по недостатку доброй и избытку злой воли.

Нельзя отрицать, что немало банковъ погибло по первой причинѣ. Когда у насъ появилась возможность создавать ихъ, мы увлеклись, засѣяли жатву далеко болѣе потребностей рынка. Для живучести этихъ учрежденій не было почвы.

Но земельные банки внѣ этихъ условій: въ нихъ нѣтъ зависимости отъ личной кредитоспособности должниковъ, ихъ бумаги выходятъ обезпеченными съ избыткомъ заложенными имѣніями. Для того, чтобы поколебался и погибъ банкъ, надобно наличность такихъ чрезвычайныхъ явленій, какъ землетрясеніе или нашествіе непріятеля на районъ дѣятельности даннаго земельнаго банковаго учрежденія.

Но страсти, гнѣздящіяся въ груди человѣка, подчасъ опаснѣе и

разрушительнѣе титаническихъ силъ природы и демоническихъ внѣшняго врага.

Въ данномъ дѣлѣ нѣтъ внѣшнихъ условій гибели банка. Его погубили.

Такимъ образомъ сказуемое найдено...

Поищемъ подлежащее къ нашему предложенію.

По силѣ сказуемаго уже можно догадаться, кто подходитъ и кто нѣтъ къ этой роли. Пропало въ банкѣ 50 рублей мелочи, — ищите виновныхъ между сторожами, артельщиками, писцами; пропало нѣсколько тысячъ и пропажа замаскирована въ бумагахъ и книгахъ, — виновники выше первой категоріи.

Но если погибъ весь банкъ, погибъ безвозвратно, погибъ не въ одинъ моментъ похищеніемъ наличности, а погибъ путемъ системы, характера дѣятельности, то для такой гибели нужны силы, постоянно присущія банку, властныя, главенствующія.

Такими силами были предсѣдатель банка Алфимовъ и подчинявшій все и всѣхъ своему фактическому вліянію Борисовъ.

Но недостаточно отыскать два момента нашего предложенія, чтобы требовать осужденія дѣятелей. Жизнь кишитъ неправильными и губительными поступками людей, но общественная совѣсть скупа на жестокія слова. Слѣдуетъ опредѣлить общественное значеніе разсматриваемаго дѣла.

Я утверждаю, что крушеніе банка есть въ одно и то же время и крупное экономическое правонарушеніе и рана, наносимая самолюбію страны. Банки, какъ орудія кредита, — давнишняя необходимость общества; но очень долго эту потребность удовлетворяли исключительно правительственныя учрежденія, а нашу собственную самодѣятельность считали преждевременной. Только довѣріе къ нашимъ силамъ и къ нашей способности подняться выше „личнаго“ и достигнуть „общаго“ дало жизнь среди многихъ другихъ новыхъ институтовъ жизни и институту общественнаго кредита.

Фактъ неумѣлости, преступной или нерадивой, это — матеріалъ для признанія ошибочнымъ проявленія къ намъ довѣрія и ступень къ регрессу, къ возвращенію все и вся проникающей опеки, къ обремененію центральной государственной власти непосильнымъ трудомъ частнаго характера.

А если къ фактамъ крушенія присоединить еще и равнодушіе общественной совѣсти, — въ чемъ, кстати сказать, она до сихъ поръ не провинилась, — то былъ бы налицо и матеріалъ другого сорта: фактъ неумѣлости нашей отразить зло и фактъ снисходительности нашей къ явно беззаконнымъ поступкамъ общественныхъ дѣльцовъ...

Установивъ общественное значеніе разсматриваемаго дѣла и необходимость отнестись къ нему съ заслуживающею этого внимательностью къ интересамъ правосудія, вернемся къ лицамъ, имена которыхъ уже названы.

Чтобы рѣшить вопросъ: какъ погубили Алфимовъ и Борисовъ саратовско-симбирскій банкъ, необходимо представить общій характеръ этихъ лицъ, насколько это возможно.

Каждый человѣкъ въ постоянномъ образѣ дѣйствій вѣренъ своему опредѣлившемуся душевному строю.

Пусть же прошлое Алфимова и Борисова дадутъ намъ отвѣтъ на нашъ вопросъ.

Отставной полковникъ, безъ всякаго опыта въ банкирскихъ предпріятіяхъ, Алфимовъ, въ эпоху дѣловой горячки, концессій, уставовъ, когда вчерашніе поручики гвардіи вдругъ становились способными соединять желѣзными путями концы Россіи, когда дворянство, побросавъ свои помѣстья, объявило себя призваннымъ къ коммерціи, возомнилъ о себѣ, что онъ крупный и серьезный банковый дѣятель, а благодаря связямъ и знакомству — сталъ во главѣ мѣстнаго банка.

Понятно, что такой человѣкъ легко сдѣлается игрушкой и орудіемъ въ рукахъ болѣе сильнаго человѣка, особенно, если ему польстить въ его самомнѣніи.

Все прошлое Алфимова не даетъ и намека на то, чтобы онъ когда-либо унизился до грязнаго и темнаго хищенія. Врядъ ли онъ былъ способенъ перекладывать изъ кассы въ собственный карманъ,— онъ просто вѣрилъ въ геній своего племянника, вѣрилъ въ то, что питерскія спекуляціи Борисова не только обогатятъ его, но покроютъ ошибки банка въ его первые годы и доставятъ громкую извѣстность его дѣятелямъ и высшую премію его акціямъ.

Но этотъ рядомъ стоящій съ нимъ человѣкъ, болѣе сильный, могъ ли онъ быть простымъ расхитителемъ чужого достоянія?

Я не могу отказаться, что я лично зналъ этого человѣка, и не думаю, чтобы онъ былъ способенъ къ грязному хищенію. Этотъ человѣкъ твердо вѣрилъ въ свои планы и всюду видѣлъ милліоны. Онъ — спекулянтъ по природѣ, а у спекулянтовъ есть болѣзнь: смѣшеніе своихъ собственныхъ фантазій съ дѣйствительностью.

Игроковъ биржевыхъ можно сравнить съ горячими игроками въ карты. Когда игроки въ горячности проигрываютъ свои деньги,— они несчастные люди; но когда они пускаютъ въ оборотъ чужіе капиталы, ввѣренные ихъ попеченію, — они уже преступники.

Мнѣ думается, что вина Борисова только въ томъ и заключается, что онъ забылъ, что съ общественнымъ достояніемъ, которое ввѣрено не для обращенія въ милліоны, нельзя поступать такъ, какъ онъ поступилъ съ банковскими деньгами, играя ими на биржѣ, хотя, можетъ-быть, и безъ корыстныхъ видовъ. Я не думаю, чтобы Борисовъ былъ расхитителемъ банковскихъ суммъ,—тогда ему не для чего было бы прибѣгать къ такимъ сложнымъ путямъ, когда онъ могъ прямо задержать милліоны, скопившіеся въ его портфелѣ.

Но разъ два вліятельныхъ человѣка,—эти подлежащія, найдены, то что же представляютъ собою другія лица?

Коваленковъ былъ лишь современникомъ событія. Я не могу предъявить къ человѣку требованія, превосходящія его природу. Не Коваленковъ виноватъ, а тѣ, кто его, не умѣвшаго сберечь свое, посадили сберегать чужое. Этимъ лицамъ, именно, былъ нуженъ такой человѣкъ, какъ Коваленковъ,—типъ лишнихъ людей, изъ породы тѣхъ засѣдателей старыхъ судовъ, которые приглашались заваривать чай для дѣйствительныхъ судей.

Но, кромѣ Коваленкова, были и другія лица, являющіяся служебными частями предложенія. Главнымъ дѣятелямъ нужно было вести книги, которыя отражали бы не дѣйствительное положеніе дѣлъ, а для этого имъ необходимо было обзавестись такимъ лѣтописцемъ, который бы все время лгалъ и писалъ не то, что было на самомъ дѣлѣ; о дѣйствительномъ же положеніи дѣла ему предоставлялось право вести собственные мемуары, которые никогда не должны увидѣть свѣтъ.

И вотъ два лица, Трухачевъ и Иловайскій, являются такими лѣтописцами.

Но ни одинъ человѣкъ, обреченный весь вѣкъ писать одну ложь, не удержится, чтобы не написать такую неправду, которая идетъ для его пользы. Есть такіе моменты, когда никто не станетъ стоять на стражѣ чужого проступка, не требуя и себѣ выгоды. Но такъ какъ дѣятельность такихъ лѣтописцевъ въ этомъ случаѣ самостоятельна, то главные воротилы не только не принимали участія въ этихъ мелкихъ хищеніяхъ, но и относились къ нимъ съ извѣстною строгостью.

Вотъ чѣмъ и объясняется миссія Якунина, посаженнаго въ банкъ съ цѣлью улучшенія его внутренней жизни. Онъ шелъ туда съ честными намѣреніями.

Что касается другихъ придаточныхъ частей — Бока и И. Борисова и случайно присоединившагося Марциновскаго, то по отношенію первыхъ я имѣю одно обстоятельство, которое затрудняетъ меня про-

изнести слово обвиненія: въ оцѣнкахъ не упоминается ихъ именъ, они появляются въ одной лишь оцѣнкѣ Кано-Никольскаго имѣнія.

Я, конечно, сомнѣваюсь въ крупной стоимости этого имѣнія, но вѣрно, что существовали такія мнѣнія, которыя видѣли въ этомъ имѣніи золотое дно. Почему же Бокъ и И. Борисовъ не могли держаться такого же, можетъ быть, и ошибочнаго взгляда!

Но ошибки еще мало, надо сознательное преступленіе, чтобы сѣсть на скамью подсудимыхъ. Необходимо на дѣло смотрѣть съ точки зрѣнія житейской правды, отличая формальную правду отъ дѣйствительной.

Вотъ почему я не требую отъ васъ слова обвиненія, а жду лишь одного слова правды.

Слово правды — великое дѣло: оно нужно нашей странѣ.

„Дѣлающій правду, — сказалъ Владиміръ Мономахъ, блюдетъ отечество свое!“

XXIX.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Харьковскомъ Земельномъ и Торговомъ банкахъ.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Харьковскомъ Земельномъ и Торговомъ банкахъ.

Дѣло это разсмотрѣно въ засѣданіи Харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей въ г. Харьковѣ съ 21 января по 12 марта 1903 г. подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя уголовнаго департамента Харьковской судебной палаты Н. Н. Крестьянова.

Обвиняли: Прокуроръ палаты С. С. Хрулевъ и исп. обяз. товарища прокурора палаты В. И. Сокальскій.

Представителями интересовъ гражданскихъ истцовъ, Харьковскаго земельнаго банка и Ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ бывшаго Харьковскаго Торговаго банка явились, С. А. Шереметевскій и Ф. Н. Плевако.

Защищали подсудимыхъ: Е. П. Любарскаго-Письменнаго — А. М. Бѣлый, М. Л. Гольдштейнъ и А. А. Денисовъ; Н. В. Орлова — Е. Г. Левченко; М. Д. Журавлева — А. Я. Немировскій; С. Н. Голева — А. Я. Немировскій и В. А. Маклаковъ; О. Ф. Юркевича — Н. И. Михновскій; А. И. Темницкаго и И. Н. Дракина — Б. Я. Вальцъ; И. С. Лысогоренко — Б. П. Куликовъ и Б. В. Троицкій; Д. А. Абрамова — А. Я. Тауберъ и П. Г. Мироновъ; В. Н. Алчевскаго — Л. А. Куперникъ; А. П. Куксина — А. Ф. Даниловичъ; А. В. Авилова — К. П. Приходьковъ; К. К. Шафранека — Н. И. Моревъ и В. Г. Суханова — Г. Г. Гонтаревъ.

7-го мая 1901 года въ С.-Петербургѣ окончилъ жизнь самоубійствомъ коммерціи совѣтникъ Алексѣй Кирилловичъ Алчевскій, состоявшій безсмѣнно, съ самаго основанія Земельнаго банка, предсѣдателемъ правленія.

Вскорѣ послѣ трагической смерти А. К. Алчевскаго, стоявшаго во главѣ многихъ промышленныхъ предпріятій Юга Россіи, произведены были по Высочайшему повелѣнію почти одновременно ревизіи Харьковскихъ Земельнаго и Торговаго банковъ.

Во время ревизій правленіе Харьковскаго Земельнаго банка предъявило къ Харьковскому Торговому банку требованіе о взносѣ около $5^1/_2$ милліоновъ рублей, состоявшихъ за послѣднимъ въ долгу. Требованіе это не могло быть

исполнено, повлекло за собою объявленіе Харьковскаго Торговаго банка несостоятельнымъ должникомъ и послужило первоначальнымъ поводомъ къ обнаруженію крупныхъ злоупотребленій, допускавшихся въ теченіе ряда лѣтъ правленіями обоихъ Банковъ.

Злоупотребленія въ обоихъ Харьковскихъ банкахъ, тѣсно связанныя между собою, были объединены въ одно судебное производство; предварительное слѣдствіе установило рядъ слѣдующихъ злоупотребленій.

Члены правленія Харьковскаго Земельнаго банка закладывали въ разныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ процентныя бумаги, составлявшія запасный капиталъ Банка, а также закладные листы Банка, поступившіе на комиссію для продажи и представленные въ досрочное погашеніе ссудъ; значительныя суммы перемѣщались при помощи разныхъ операцій изъ Земельнаго банка въ Торговый, въ которомъ лица, состоявшія во главѣ того и другого учрежденія, пользовались неограниченнымъ и въ значительной степени ничѣмъ необезпеченнымъ кредитомъ.

Долги, получившіеся въ результатѣ залога процентныхъ бумагъ, большинство коихъ было заложено въ товариществѣ мануфактуръ „П. М. Рябушинскій съ С-ми", не вызывались необходимостью и принесли Земельному банку громадные убытки. По этимъ операціямъ — залогу бумагъ — Земельный банкъ къ 1-му января 1901 года былъ долженъ $4^1/_2$ милліона рублей, за которые его правленіемъ было уплачено въ видѣ процентовъ болѣе 600.000 руб.

Вторымъ злоупотребленіемъ Земельнаго банка были ежегодные отчеты, содержавшіе въ себѣ ложныя свѣдѣнія о доходности учрежденія. Содержаніе членовъ правленія, поставленные уставомъ Банка въ зависимости отъ его доходности, было путемъ этихъ отчетовъ искусственно увеличиваемо.

Что касается Торговаго банка, то по его счету на 15-е іюня 1901 года остались должниками его по операціи учета векселей: А. К. Алчевскій—2.005.058 р. 95 к., Орловъ Н. В. — 212.975 р., Е. П. Любарскій-Письменный — 118.600 р., А. В. Авиловъ — 64.400 р., А. П. Куксинъ — 34.300 р., С. Лысогоренко — 6.820 р. и В. Н. Алчевскій — 4.600 р., а всего 2.546·753 р. 95 к.

По ссудѣ подъ процентныя бумаги А. К. Алчевскій — 6.038.182 р., Абрамовъ Д. А.—249.500 р., В. Н. Алчевскій—186.100 р., Е. П. Любарскій-Письменный—53.700 р. и А. П. Куксинъ—23.350 р., всего—6.550.832 р.

На бумагахъ, оставшихся за Банкомъ въ виду непогашенія ссуды, Банкъ потерпѣлъ слѣдующіе убытки: на бумагахъ, заложенныхъ А. К. Алчевскимъ— 2.430.703 р., В. Н. Алчевскимъ — 51.299 р., Е. П. Любарскимъ-Письменнымъ— 21.735 р., Д. А. Абрамовымъ — 17.370 р., и А. П. Куксинымъ — 5.971 руб., всего 2,527.178 р.

Кромѣ этого члены правленія пользовались также кредитомъ въ управляемомъ ими Банкѣ и по спеціальному текущему счету, открытому имъ подъ обезпе-

ченіе %% бумагъ. При пониженіи курсовой стоимости бумагъ члены правленія не доплачивали причитающейся съ нихъ между курсовой стоимостью бумагъ и открытымъ имъ кредитомъ разницы, чѣмъ принесли банку 75.578 р. убытку.

Подводя такимъ образомъ два итога дѣятельности членовъ правленія Харьковскаго Торговаго банка,—одинъ, суммирующій общую задолженность всѣхъ членовъ правленія въ 10.239.668 р. 40 к., и другой, исчисляющій сумму причиненныхъ Банку убытковъ въ 4.775.692 р. 85 к., надо было придти къ заключенію, что и разстройствомъ дѣлъ, и въ частности объявленіемъ несостоятельности Банкъ обязанъ былъ дѣятельности обвиняемыхъ.

Въ виду изложеннаго суду Харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей были преданы слѣдующія лица:

I) Любарскій-Письменный, Орловъ, Журавлевъ и Голевъ — по обвиненію въ томъ, что, состоя членами правленія Харьковскаго Земельнаго банка по предварительному между собою уговору, злонамѣренно, съ цѣлью доставить личныя выгоды отчасти самимъ себѣ, отчасти взаимно другъ другу и А. К. Алчевскому въ въ ущербъ интересамъ Банка и вопреки его уставу, закладывали процентныя бумаги, составлявшія запасный капиталъ Банка, его же закладные листы, полученные въ досрочное погашеніе ссудъ и принятые на комиссію для продажи, заложивъ такимъ образомъ къ 25 іюня 1901 года процентныхъ бумагъ запаснаго капитала на сумму болѣе 2.000.000 р. (ном.) и закладныхъ листовъ досрочнаго погашенія на сумму болѣе 5.000.000 р. (ном.) и полученныя такимъ образомъ денежныя суммы обращали на увеличеніе оборотныхъ средствъ Харьковскаго торговаго банка, гдѣ А. К. Алчевскій, Любарскій-Письменный и Орловъ пользовались кредитомъ, въ значительной мѣрѣ ничѣмъ не обезпеченнымъ, каковыми дѣйствіями причинили Харьковскому Земельному банку убытки на сумму болѣе 300 рублей.

II) Тѣ же Любарскій-Письменный, Орловъ, Журавлевъ и Голевъ, а также Юркевичъ обвиняются въ томъ, что, состоя первые четверо въ должности членовъ правленія Банка, а послѣдній въ должности бухгалтера, по предварительному между собой уговору, изъ корыстныхъ и личныхъ видовъ, съ цѣлью утаить отъ акціонеровъ истинное положеніе дѣлъ сего Банка, скрыли неправильныя и убыточныя для него операціи, показали прибыль отъ его операцій въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, и тѣмъ увеличили размѣръ подлежащаго выдачѣ дивиденда.

III) Темницкій, Дракинъ и Лысогоренко обвиняются въ томъ, что, состоя въ должности членовъ ревизіонной комиссіи Земельнаго банка, по предварительному уговору между собою и членами правленія того же Банка, а также бухгалтеромъ Юркевичемъ, изъ личныхъ видовъ, съ цѣлью утаить отъ акціонеровъ и правительства истинное положеніе дѣлъ банка, въ докладахъ о ревизіи счетоводства и отчетности банка за 1895—1900 г. включительно, скрыли то, что въ

одобренныхъ ими и предложенныхъ ими же на утвержденіе общихъ собраній акціонеровъ отчетахъ вовсе не показаны вышеупомянутыя операціи по залогу процентныхъ бумагъ запаснаго капитала и закладныхъ листовъ досрочна гопогашенія и принятыхъ на комиссію; что въ отчетахъ и балансахъ Банка не только не показаны въ счетахъ убытковъ суммы Банка, составлявшія, несомнѣнно, большія потери банка, но таковыя скрыты включеніемъ ихъ въ счета дебиторовъ, и что завѣдомо ложно удостовѣряли, что всѣ акціи IX и X вып. разобраны.

IV) Тотъ же Любарскій-Письменный, Абрамовъ, В. Н. Алчевскій, Куксинъ и Авиловъ обвиняются въ томъ, что, состоя въ должности членовъ правленія Харьковскаго Торговаго банка по предварительному между собою уговору, съ цѣлью доставить противозаконную выгоду отчасти себѣ, отчасти взаимно другъ другу и А. К. Алчевскому, въ ущербъ интересамъ сего Банка, въ періодъ времени съ 1896 по 1901 г. включительно:

1) вопреки закону и уставу неоднократно разрѣшали и допускали въ Банкѣ какъ самимъ себѣ, такъ и взаимно другъ другу кредитъ по учету векселей, ссуды подъ процентныя бумаги въ размѣрѣ свыше 90 процентовъ ихъ биржевой цѣны, ничѣмъ необезпеченный кредитъ, а также временныя позаимствованія изъ кассы Банка подъ простыя расписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе банку убытковъ на сумму болѣе 300 рублей, и

2) вопреки уставу, неоднократно разрѣшали и допускали въ немъ А. К. Алчевскому ссуды подъ процентныя бумаги въ размѣрѣ свыше 90 процентовъ ихъ биржевой цѣны, при чемъ изъ процентныхъ бумагъ, обезпечивавшихъ эти ссуды, возвратили ему обратно акціи Алеко, горнаго общества и товарищества Харьковскаго сахаро-рафинаднаго завода, оставивъ выданныя подъ эти бумаги ссуды на сумму 737.500 руб. ничѣмъ не обезпеченными, разрѣшали тому же А. К. Алчевскому ничѣмъ необезпеченный кредитъ по счетамъ „корреспондентовъ“ и „переходящихъ суммъ“, а также временныя позаимствованія изъ кассы Банка подъ простыя расписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе Банку убытковъ въ видѣ невозвращенія ссуженныхъ денегъ на сумму болѣе 300 рублей.

V) Тотъ же Орловъ и Шафранекъ обвиняются въ томъ, что, состоя въ должности депутатовъ Торговаго банка, по предварительному соглашенію между собою и членами правленія того же Банка изъ личныхъ интересовъ, съ цѣлью утаить отъ акціонеровъ и правительства истинное положеніе дѣлъ сего Банка и допускавшіяся въ немъ противозаконныя, неправильныя и убыточныя для Банка операціи по выдачѣ ссудъ, — въ докладахъ о ревизіи увѣряя, что все счетоводство и касса Банка ими провѣрялись и все найдено въ порядкѣ:

1. Скрыли то, что члены правленія разрѣшали и допускали какъ самимъ себѣ, такъ и другъ другу кредитъ по учету векселей, ссуды подъ бумаги въ размѣрѣ свыше 90% ихъ биржевой цѣны, ничѣмъ необезпеченный кредитъ,

а также временныя позаимствованія изъ кассы Банка подъ простыя расписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе банку убытковъ на сумму болѣе 300 руб;

2. Скрыли то, что вопреки уставу члены правленія разрѣшали А. К. Алчевскому ссуды подъ процентныя бумаги въ размѣрѣ свыше 90 процентовъ ихъ биржевой цѣны, при чемъ изъ процентныхъ бумагъ, обезпечивавшихъ эти ссуды, возвратили ему обратно часть бумагъ, оставивъ выданныя ссуды на сумму 737.500 р. ничѣмъ не обезпеченными, разрѣшали тому же А. К. Алчевскому ничѣмъ необезпеченный кредитъ по счетамъ „корреспондентовъ“ и „переходящихъ суммъ“, а также временныя позаимствованія изъ кассы Банка подъ простыя расписки, послѣдствіемъ чего было причиненіе Харьковскому Торговому банку убытковъ въ виду невозвращенія ссуженныхъ денегъ на сумму свыше 300 р.

VI) Сухановъ обвиняется въ томъ, что, состоя въ должности помощника бухгалтера Торговаго банка и завѣдуя учетомъ векселей, съ цѣлью доставить себѣ противозаконную выгоду, въ ущербъ интересамъ названнаго Банка, въ періодъ времени съ 1896 по 1901 годъ включительно, получая отъ нѣкоторыхъ кліентовъ банка платежи по учетнымъ въ Банкѣ векселямъ, деньги обращалъ въ свою пользу, расходовалъ ихъ на свои личныя надобности и обратилъ въ свою пользу изъ принадлежащихъ Банку денегъ болѣе 300 рублей, не возвративъ таковыхъ и послѣ открытія сего злоупотребленія.

Описанныя преступленія предусмотрѣны: въ отношеніи Любарскаго-Письменнаго—13, 1154, 1155 и 362 ст. Улож. о Нак., въ отношеніи Орлова, Журавлева и Голева—13, 1154, 354 и 362 ст. Улож. о Нак., въ отношеніи Юркевича, Темницкаго, Дракина, Лысогоренко и Шафранека—13, 1154 и 362 ст. Улож. о Нак., въ отношеніи, Абрамова, В. Н. Алчевскаго, Куксина и Авилова—13, 1155 и 354 ст. Улож. о Нак. и въ отношеніи Суханова—1154 и 354 ст. Улож. о Нак.

12 марта 1903 года пренія сторонъ были окончены.

22 марта 1903 г. вынесенъ приговоръ, коимъ Любарскій-Письменный, Орловъ, Журавлевъ, Голевъ, Юркевичъ, В. Алчевскій, Абрамовъ, Куксинъ, Авиловъ и Сухановъ признаны виновными по 1154 и 1155 ст.ст. Улож. о Нак. и приговорены къ лишенію особенныхъ правъ и арестантскимъ отдѣленіямъ на сроки отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ лѣтъ. Темницкій и Дракинъ оправданы.

Гражданскіе иски удовлетворены въ порядкѣ ст. 648, т. X., ч. I Законовъ Гражданскихъ.

Рѣчь представителя гражданскаго истца.

Позвольте мнѣ, гг. судьи и сословные прсдставители, безъ предупредительнаго звонка войти на арену и занять подобающее гражданскому истцу скромное мѣсто въ процессѣ.

Я знаю, что первенствующее мѣсто въ немъ принадлежитъ тѣмъ, кто ведетъ трагическую борьбу, отстаивая, — одинъ общее благо, насколько оно воплощено въ дѣйствующій карательный законъ, другіе,— ведя борьбу за свою свободу, подъ внушеніемъ ли сознанія въ невинности, подъ внушеніемъ ли естественнаго чувства борьбы за существованіе, въ сторонѣ отъ вопроса о виновности.

Чуждый желанія занять доминирующее положеніе въ процессѣ, я изложу скромно и просто наши требованія.

Я прошу у васъ, гг. судьи, и надѣюсь, что не встрѣчу спора и у васъ, господа защитники, признать безспорнымъ началомъ справедливости, что потерявшій незаконно свое добро, имѣетъ право привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, кто это добро взялъ, или, обязуясь хранить его, не сумѣлъ сберечь и позволилъ его расточать тому, кому оно не принадлежало.

На этой длинной скамьѣ обвиняемыхъ есть лица, принадлежащія къ обѣимъ категоріямъ, и всѣ они повинны въ той неосторожности, которая оставляетъ на ихъ отвѣтственности наши ущербы, обусловленные потерей имущества.

Само собою разумѣется, я соблюду основное правило нашей сословной этики: я буду говорить только о тѣхъ убыткахъ, которые обусловлены дѣяніями, подсудными вашему суду, и только о тѣхъ правонарушеніяхъ, которыми обусловлены отыскиваемые ущербы.

Я обойду общія темы: онѣ умѣстны въ устахъ обвинителя, отстаивающаго общее благо, онѣ умѣстны у защиты, если защита подсудимаго можетъ быть требуема во имя назрѣвшаго новаго направленія въ правосудіи. Потерпѣвшій долженъ быть удовлетворенъ только въ своихъ правахъ.

Диссонансомъ звучатъ рѣчи потерпѣвшаго, когда онъ переводитъ на цѣну слезы жертвы, ея стоны, нарушенное здоровье, надломленное благополучіе.

Въ настоящемъ дѣлѣ насъ не упрекнутъ: и наше право и ихъ безправіе оперируютъ надъ цѣнностями. И проступокъ и нарушенное — въ атмосферѣ денегъ. Мы съ плюсомъ права, они съ минусомъ

нарушенія; у насъ статья кредита — довѣріе къ силѣ правосудія, у нихъ статья дебета — отвѣтственность передъ раздраженнымъ обществомъ. Мы просимъ возврата того, что должно быть въ нашихъ рукахъ — не болѣе.

Наши требованія изложены въ поданной исковой. Она требуетъ исправленія. Я подписалъ ее въ редакціи, поданной мнѣ ликвидаціонной комиссіей. Послѣдняя не отдѣляла рѣзко убытки изъ правонарушенія, запрещеннаго карательнымъ закономъ, отъ ущерба реальнаго. Внимательное чтеніе просьбы и данныя слѣдствія заставляютъ меня внести поправки.

Мы писали о 3.175,000 руб. Это — убытки отъ необезпеченныхъ кредитовъ, отъ возвращенныхъ залоговъ, отъ ссудъ въ надлежащемъ количествѣ, отъ запретной для членовъ банка учетной операціи въ собственномъ учрежденіи.

Прежде всего необходимо выкинуть цифру въ 141,741 р. за векселя Суханова. Члены правленія въ небреженіи по этой статьѣ не обвиняются. Не о н и, а и х ъ обманули. А къ Суханову въ подписанномъ мною прошеніи иска не предъявлено.

Я прошу признать, что требованіе къ нему не было вовсе предметомъ вашего разсмотрѣнія.

Я отбрасываю двѣ статьи въ 800 р. и 10,000 р., такъ какъ онѣ не были мною вовсе разсматриваемы на слѣдствіи. Я уменьшаю съ 704,000 р. до 701,974 р. статью по счету корреспондентовъ, открытую А. А. Алчевскому,—уменьшаю по поводу экспертизы.

Моя статья основана на удостовѣреніи ликвидаціонной комиссіи торговаго банка. По счету переходящихъ суммъ цифра иска совпадаетъ съ выводами обоихъ источниковъ, т.-е. ликвидаціи и экспертизы. Она—въ 181,958 р. Статью учета векселей, установленную экспертизой въ 240,000 руб., я уменьшаю, ибо наша ликвидаціонная цифра благопріятнѣе для подсудимыхъ и равна 228,000 руб. По спеціальному счету (по комиссіямъ) я останавливаюсь на цифрахъ 37,051 руб. и 99,351 р., а вмѣсто остальныхъ цифръ прошу признать лишь убытокъ въ принципѣ. Подсчетъ экспертовъ по бумагамъ, принятымъ въ ссуду, при неимѣніи биржевой цѣны я ограничиваю 797,305 р., по подсчету экспертизы, вмѣсто 1.121,926 р. нашего счета, оставаясь вѣрнымъ принципу: въ сомнительномъ — благопріятное для обязаннаго.

При обсужденіи нашего иска, какъ и иска по Земельному, банку встрѣтятся общіе вопросы, о которыхъ позвольте сказать нѣсколько словъ.

Передъ вами въ теченіе многонедѣльнаго процесса собрана ужа-

сающая масса матеріала, котораго не удержитъ ни одна человѣческая память. Работали эксперты, судьи, стороны (я — всѣхъ меньше).

Но пугаться этой массы не слѣдуетъ. Позвольте высказать ободряющую мысль.

Вы призваны извлекать изъ подлежащихъ вашему вниманію предметовъ и дѣлъ ихъ правовую природу, которой исказить не могутъ соображенія, вносимыя иными дисциплинами. Сколько бы ни твердили вамъ гг. бухгалтеры о непримѣнимости, неудовлетворительности законовъ, упорядочивающихъ кредитныя операціи, сколько бы ни увѣряли, что практика не считаетъ ихъ удовлетворительными и противными требованіямъ финансоваго опыта, вы ихъ не послушаете, ибо у права — свои задачи, свои цѣли, быть можетъ, и прозрѣваемыя ея непризнанными цѣнителями.

Позвольте иллюстрировать мысль.

Больной, страдающій, по внѣшнему проявленію, формой рѣдкой болѣзни... Медикъ въ интересѣ науки, въ интересѣ успѣховъ хотѣлъ бы подвергнуть больного операціи, отъ исхода которой зависитъ цѣнный вкладъ въ сокровище знанія. А вы, носители права, — вы не позволите безъ согласія больного нарушить его личный интересъ; вы, хотя бы здѣсь раздавался стоустый голосъ, отрицающій это, — встанете на его защиту, осудите своеволіе, и — благо вамъ!..

Вернемся къ ходу мыслей.

Здѣсь возбуждался вопросъ о своевременности иска объ убыткахъ по неправильнымъ ссудамъ, пока не выяснится, чего не заплатили неправильно должники.

Утверждаю, что этого момента ждать мы не обязаны. Банкъ, имѣя капиталъ, имѣетъ и почти равныя обязательства: онъ работаетъ чужими деньгами, чтобы его касса была способна удовлетворить свои обязательства, банкъ обязанъ раздавать свои деньги на срокъ не свыше 9 мѣсяцевъ. Этимъ, по опыту, обезпечивается возвратъ денегъ къ моменту наступленія банковыхъ обязанностей.

Представьте теперь, что какое-либо правленіе отдастъ деньги самому богатому человѣку въ мірѣ, — Ротшильду, напримѣръ, — отдастъ на условіяхъ, въ далекомъ будущемъ обогащающихъ нашихъ потомковъ, и отдастъ, внѣ всякаго сомнѣнія, въ надежныя руки.

Банкъ разоренъ, ибо у него не будетъ въ свое время дома нужныхъ капиталовъ. Съ Ротшильда до срока взять нельзя.

Ясно, что правленіе виновато и не можетъ отдѣлываться отъ отвѣтственности, если въ свое время Ротшильдъ не платитъ. Оно, чтобы

возмѣстить намъ ущербъ, въ правѣ, должно внести свое въ надлежащемъ количествѣ и въ надлежащее время.

Надо выработать себѣ правильное представленіе о содержаніи имущественнаго права. Это — не только цѣнность, мнѣ принадлежащая, это — цѣнность въ извѣстный моментъ времени въ моемъ обладаніи, это цѣнность въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я имѣю право ее держать. Иначе былъ бы правъ тотъ матросъ, который думалъ, что не нанесъ своему начальнику ущерба въ потерѣ его серебрянаго чайника, потому что онъ навѣрное зналъ, гдѣ его чайникъ: онъ уронилъ его въ океанъ и зналъ мѣсто, гдѣ онъ пошелъ ко дну; но все-таки былъ виновенъ въ нерадѣніи, виновенъ въ томъ, что отдѣлилъ собственника отъ его вещи.

Здѣсь отрицали значеніе удостовѣреній ликвидаціонной комиссіи торговаго банка, удостовѣряющей ущербы. Ее приравнивали къ сторонѣ въ процессѣ. Между тѣмъ ликвидаціонная комиссія есть допущенное правительствомъ временное управленіе дѣлами, призванное раздать кредиторамъ банка оставшееся имущество. Комиссія не имѣетъ никакого интереса въ полученіи излишка; она ничего не получаетъ съ банка и ничего изъ своихъ средствъ не платитъ за него. Она равна конкурсу.

Между тѣмъ, по ученію Правительствующаго Сената, приведенному моимъ товарищемъ по иску, за послѣднимъ учрежденіемъ признано аутентическое значеніе по вопросу о томъ, что осталось у несостоятельнаго и что оно стóитъ.

Встрѣтится вопросъ о непримѣнимости къ нашему дѣлу 19 ст. устава кредитнаго. Сокращая время, столь дорогое для васъ, я прошу васъ припомнить рѣшеніе Сената по дѣлу Грумбкова — оно же кременчугскаго банка. Голосъ Сената авторитетнѣе нашихъ доводовъ; въ данномъ случаѣ, его мнѣніе покоится на той справедливой мысли, что законъ, разъясняющій сущность банковыхъ операцій, не вводитъ чего-либо новаго, а ставитъ внѣ сомнѣнія то, что отвѣчаетъ существу предмета.

Умѣстно здѣсь остановиться и на уясненіи истиннаго характера дѣянія, вмѣняемаго подсудимымъ, подписывающимъ отчеты. Здѣсь высказывалась мысль, что отчетъ дѣлается актомъ незаконной воли, когда имъ скрывается сознательно какое-либо злоупотребленіе. Нѣтъ, это только одинъ изъ частныхъ случаевъ караемой невѣрности. Отчетъ можетъ быть актомъ беззаконія и при отсутствіи злонамѣренныхъ дѣйствій. Представьте себѣ, что въ какой-либо мѣстности падаютъ въ цѣнѣ земли; можетъ быть мѣстность теряетъ выгодное положеніе

въ торговомъ отношеніи. Правильныя сдѣлки по уставу стали убыточны. Въ отчетѣ, чтобы не безпокоить акціонеровъ и сохранить мѣста, члены правленія скрываютъ истину и тѣмъ лишаютъ общее собраніе возможности принять мѣры,—сократить пріемъ имуществъ въ той мѣстности подъ залогъ и т. п. Такой отчетъ—нарушеніе 1154 ст. Улож.

Я хочу сказать, что отчетъ становится подложнымъ, когда члены правленія выдаютъ бумагу, которая или не читана, или которая не отражаетъ дѣйствительности, за вѣрную картину прожитой дѣятельности общества или банка.

Можетъ быть, будутъ доказывать, что нѣкоторыя изъ инкриминируемыхъ дѣлъ не имѣютъ сходства съ тѣми, какія исчислены въ Улож. въ отдѣлѣ преступленій по службѣ.

На это я отвѣчу: статьи 1154 и 1155 вошли въ уложеніе впервые въ 1845 году. Въ объяснительной запискѣ къ этому законодательному памятнику сказано, что эти статьи редактированы по сношеніи съ министерствомъ финансовъ, во вниманіе къ особымъ обязанностямъ, которыя могутъ представляться въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Будетъ вѣрной та мысль, что законодатель этимъ хотѣлъ сказать, что въ новой сторонѣ жизни—въ области общественнаго кредита—время укажетъ тѣ формы, въ какія воплотится злая воля: законодатель же караетъ не извѣстныя формы, а тотъ злой духъ, который воплощается въ нихъ.

Этими замѣчаніями я оканчиваю свои соображенія, относящіяся къ отдѣльнымъ статьямъ моего гражданскаго требованія.

Но остановиться на этомъ нельзя. Надо же уяснить себѣ дѣло во всей его цѣлости, понять его не какъ рядъ случайныхъ, противозаконныхъ фактовъ, а какъ единую цѣльную дѣятельность.

То, что я скажу, наталкиваетъ на это.

Припомните поразительныя параллели. Случайностью нельзя этого объяснить—ихъ слишкомъ много. Вы знаете, что банки возникли приблизительно въ одно время,—какъ торговый, такъ и земельный. Съ первыхъ же часовъ жизни ихъ влекло другъ къ другу; и какъ нѣжные герои романа, они первоначально ищутъ свиданій, живутъ по-сосѣдски. Но этого имъ мало. Они срастаются. Земельный,—какъ бы супругъ въ этой четѣ. Онъ вводитъ второе учрежденіе въ свой домъ, не жалѣетъ денегъ на достойный покой для своей спутницы.

Широкой рукой собираетъ земельный банкъ капиталы и столь же широкой рукой ссужаетъ ими торговый банкъ. Во главѣ обоихъ банковъ одни и тѣ же люди. Средства банковыя служатъ однимъ и тѣмъ же

лицамъ, приснымъ и близкимъ служилому персоналу. Когда начались злоупотребленія, то однѣ и тѣ же суммы прежде, чѣмъ погибнуть, зарождались въ земельномъ, передавались въ торговый и останавливались въ рукахъ главарей дѣла. Одно и то же лицо властвовало въ нихъ; смерть одного и того же человѣка повергла ихъ въ ужасъ, и одни и тѣ же злоупотребленія оказались совершенными въ обоихъ учрежденіяхъ, начинаясь въ одномъ и заканчиваясь въ другомъ.

Съ этими предпосылками легче распознается и характеръ всего дѣла.

Никто не можетъ и не имѣетъ права утверждать, что самое учрежденіе банковъ было приступомъ къ незаконному дѣлу. Нѣтъ, подсудимые были людьми безупречными и, конечно, не хотѣли зла, когда могли итти къ прямымъ цѣлямъ...

Познакомимся съ главнымъ дѣятелемъ.

А. К. Алчевскій, иниціаторъ дѣла, едва ли вѣрно охарактеризованъ тѣми немногими, хвалебными эпитетами, здѣсь раздававшимися по его адресу.

Русскій человѣкъ — натура увлекающаяся: хвалитъ такъ ужъ черезъ край...

Мнѣ личность его представляется нѣсколько иной. Если бы однѣ геніальныя способности, то онѣ и опредѣлили бы результаты его дѣятельности.

По моему мнѣнію, это былъ человѣкъ съ неспокойной, вѣчно ищущей дѣятельности натурой, но онъ рвался съ дѣлами въ ширь, а не въ глубь ихъ. Лихорадочной, кипучей силѣ желаній не соотвѣтствовали мыслительныя силы и чувство долга.

Я не хочу этимъ сказать, что они были слабы или отсутствовали... Т е м п ы ихъ были различны.

Онъ не хочетъ чужого, но не задумывается надъ чужимъ интересомъ, когда загорится въ немъ мечта о новомъ дѣлѣ. Фантазія рисуетъ образы будущаго величаваго предпріятія, а средствъ — недостаточно.

Но вотъ въ рукахъ его — ввѣренное и онъ не можетъ поспѣшить съ критикой во имя долга, съ разсудительностью о возможныхъ неудачахъ, чтобы удержать дѣятельную руку въ предѣлахъ разумныхъ предостереженій и осторожнаго обращенія съ чужимъ.

Его печалитъ застой въ дѣлахъ, неподвижность русскихъ капиталистовъ на ряду съ предпринимательскими успѣхами иностранцевъ и инородцевъ. Онъ начинаетъ съ банка земельнаго, какъ средства вырвать землевладѣніе изъ рукъ частнаго капитала и привлечь частичныя

сбереженія къ крупному дѣлу. Но у земельнаго банка будутъ большіе временные капиталы. Ихъ придется вносить въ банки, тѣ, платя малый процентъ, будутъ получать большой, оперируя чужими вкладами. Нѣтъ, думаетъ онъ, я создамъ подспорье въ торговомъ банкѣ и капиталы будутъ работать тутъ же, въ нашемъ краѣ.

Но почему будетъ торговый банкъ благоденствовать? Да потому, что онъ будетъ вручать капиталы предпринимателямъ энергичнымъ, но лишеннымъ орудій производства. А вокругъ—для предпріятій непочатый край, и дѣло только за деньгами. Я же создамъ эти предпріятія, я же и обращу и эти капиталы на оживленіе края. И вотъ, въ часы мечтаній, которыя мы иногда считаемъ за размышленія, ему чудились достигнутые успѣхи, ощущалось удовлетворенное самолюбіе, завоеванная слава среди современниковъ, быть можетъ, историческая слава, вырисовывался монументъ, увѣковѣчивающій его дѣятельность.

Я не шучу, не насмѣхаюсь. Я глубоко убѣжденъ, что услаждала его мечта о благополучіи населенія, обогащеннаго его предпріятіями.

Условія банковской дѣятельности, уставныя формы требуютъ сотрудничества. И онъ находитъ людей. Между ними есть люди, подобно ему жадные до дѣлъ, до видной общественной службы. Къ нему идутъ люди способные, умѣлые, чувствительные къ тѣмъ благамъ, о которыхъ мечталъ онъ, надѣющіеся, быть можетъ, въ будущемъ памятникѣ Алчевскаго быть отчеканенными гдѣ-нибудь, хотя бы на барельефахъ.

Къ нему идутъ сотрудники и иныхъ качествъ, меньшихъ жизненныхъ запросовъ, отъ прирожденныхъ исполнителей чужой воли до скромныхъ скопидомовъ, которымъ не мерещится слава, которые удовлетворяются не лавровыми вѣнками, а нѣсколькими листочками изъ него для засола огурцовъ въ своемъ скромномъ домашнемъ заготовительномъ хозяйствѣ.

Неудержимый потокъ предпринимательскихъ затѣй, не ограниченный долгомъ и широтой разумѣнія общихъ законовъ роста народной жизни, соотношенія предложенія и потребленія, повелъ къ замѣшательствамъ: стали вырисовываться вдали силуэты ошибокъ и неудачъ.

Тогда-то началась борьба между истиной и ложью, борьба долга и самолюбія, борьба между признаніемъ своей неспособности, ошибочности своихъ идей и между попыткой рискнуть чужимъ, кромѣ того, что уже использовано.

Самый трагическій моментъ—въ печальномъ дѣлѣ, приведшемъ об-

виняемыхъ на скамью. Верхъ взяли соблазны самолюбія и риска, заглохнулъ голосъ долга и правды. Дѣлецъ и его сотрудники превратились въ страстныхъ игроковъ съ жаждой вернуть проигранную партію.

Счастье не было на ихъ сторонѣ, и игра затягивала петлю надъ ними. А средства — въ капиталахъ банковъ. Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо нужно, чтобы эти деньги служили только имъ, теперь нужно, чтобы онѣ ограждались отъ ссудъ постороннимъ, нужно, чтобы дѣло шло семейно, чтобы тайна блюлась, чтобы хозяева дѣла не знали о томъ, что творится въ обоихъ банкахъ.

Вся дѣятельность торговаго банка, особенно въ послѣдніе, критическіе годы дѣлъ Алчевскаго — служебная миссія его и его сотрудниковъ. Все, что незаконно обращается въ деньги земельнымъ Банкомъ, то заносится въ книги торговаго; все, что заносится въ книги торговаго — отдается Алчевскому на ставки. Теряется расчетъ, остается одна страсть самосохраненія. Въ этой борьбѣ заинтересованы всѣ, поэтому каждый трудится по-своему.

Вотъ почему сравнительно ничтожны позаимствованія отдѣльныхъ членовъ на свои предпріятія, вотъ почему люди обезпеченные, въ родѣ Голева, не позволяютъ себѣ утруждать своими операціями кассу банка, хотя по своему трудятся въ общей схваткѣ за спасеніе. Долгъ забытъ, нужно одно — средства; нужно не допускать прекращенія полномочій, проникновенія свѣжихъ силъ въ среду правящихъ. И вотъ, всѣ цѣлесообразныя мѣры налицо: общія собранія усилены своими, отчеты извращаютъ истину, пышныя рѣчи на юбилеяхъ и торжествахъ отводятъ вниманіе хозяевъ отъ печальной дѣйствительности.

Еще послѣднее средство: Алчевскій ѣдетъ въ Питеръ попытаться на этотъ разъ уже общественной казной поддержать дѣло, выпутаться изъ бѣды. Успѣха мало — отказали. Дома, въ банкахъ — ни копейки. Не только заложены цѣнности, — пущены въ обращеніе всѣ погашенные закладные листы.

Развязка грозная, безпощадная приближалась. Оставался послѣдній пріемъ: отдать въ дѣло сбереженія свои и всѣхъ участниковъ дѣла, поставить еще послѣднюю карту.

Но тутъ-то и сказалось различіе отношеній къ своему и чужому: рискуя ввѣреннымъ, дѣятели придерживали свое. Правда, Голевъ ссудилъ торговый банкъ сотнями тысячъ, но и то поспѣшилъ взять свое, какъ только погибъ кормчій и затрещали снасти корабля, на которомъ они плыли по житейскому морю.

И во всей этой печальной повѣсти ни одного яркаго, свѣтлаго

момента, въ которомъ проявилась бы серьезная рѣшимость уважить тѣхъ, чьи интересы были ввѣрены ихъ заботѣ; ни минуты раздумья передъ забытымъ долгомъ, налагаемымъ добровольно принятымъ довѣріемъ тѣхъ, кто положился на ихъ здравый смыслъ и добрую волю.

Чего же они достигли?

Они убили одно банковское учрежденіе, они нанесли трудно врачуемую рану другому.

Что за бѣда, скажутъ многіе: банкъ умираетъ, на его мѣсто найдутся замѣстители. Не все ли равно: умеръ харьковскій — торговый, народился харьковскій — коммерческій, погибъ харьковскій — земельный, его смѣнитъ какой-нибудь бѣлгородскій, курскій.

Не все ли равно?!

Нѣтъ, не все равно!

Съ той легкостью, съ какой нарушено довѣріе тысячъ лицъ, вручавшихъ свои сбереженія отъ крупнаго до мелкаго, они поселили страхъ передъ подобными учрежденіями.

Еще рядъ подобныхъ явленій, и подымутъ головы тѣ отжившія и попрятавшіяся захолустныя шейлоковскія конторы, гдѣ взимались чудовищные росты, гдѣ нужда задыхалась въ петлѣ ростовщичества...

Обвиняемые сбрасываютъ свою вину на обстоятельства, на критическія времена, на общую неблагопріятную атмосферу, въ какой имъ приходилось дѣйствовать.

Но что-нибудь да значитъ самоопредѣленіе духа, наличность способности человѣка вести борьбу съ соблазномъ? Что-нибудь да значитъ присущее человѣку чувство и угрызеніе укора, которое гонитъ краску къ щекамъ и пронизываетъ каждый нервъ, воплощаясь въ моментъ стыда и страха передъ голосомъ истины и правды? Про него забывали подсудимые и успокаивали себя, что они работали и — ошибались въ пользу великаго дѣла, промышленнаго оживленія края.

Но „большое“ не должно быть приносимо въ жертву „меньшему“...

Какъ ни важно матеріальное развитіе, какъ ни желательно видѣть народъ окруженнымъ произведеніями культуры и техники, но п р а в д а дороже. Безъ нея всѣ прочія блага создаютъ изъ насъ дресированныхъ животныхъ, и настанетъ то время, въ которое, по мѣткому выраженію Гоббса, homo hominis lupus...

Привлеченные къ отвѣту скажутъ: мы втянуты были въ полосу бурь и урагановъ.

Но въ это время и слѣдовало удвоить заботу о спасеніи повѣреннаго блага.

О, тогда бы имъ простилась подмочка и потеря части груза!

Они же озабочивались только спасеніемъ самихъ себя цѣной чужого добра...

Правильному освѣщенію процесса мѣшаетъ отсутствіе человѣка, игравшаго въ печальной исторіи главенствующую роль. Въ немъ—исходный моментъ, узлы и конечная разгадка спорныхъ задачъ, нами изучаемыхъ. Онъ ушелъ. Но могила его небезгласна.

Здѣсь прочитаны два письма...

Страшныя слова, начертанныя въ моментъ, когда вдали показался добровольно избранный имъ палачъ, палачъ не въ красной рубашкѣ, каковымъ былъ исполнитель казни въ вѣка натуральнаго хозяйства, а палачъ въ видѣ дышащаго огнемъ и дымомъ чуда техники истекшаго вѣка.

Какъ будто бы нарочно, сознательно покойный остановилъ на немъ свой выборъ. Точно слышу его голосъ, обращенный къ нему: „ты, прельщавшій меня всю жизнь умѣньемъ побороть время и пространство, врѣзываться въ глубь земли и извлекать сокрытыя въ немъ богатства, ты, одинъ изъ членовъ семьи новаго, бездушнаго, незнающаго ни жалости, ни устали хозяйства, тебѣ я вѣрилъ, въ тебѣ ошибся... Бери же меня и будь не только вдохновителемъ, но и палачомъ своихъ жертвъ“!..

Въ моментъ, отдѣляющій покойнаго отъ вѣчности, когда ясно видится вся ничтожность измѣряемаго вѣками передъ величіемъ безконечнаго, онъ не могъ поступать такъ, какъ поступалъ во дни и часы мнимой величины, называемой жизнью, не могъ, какъ бывало, въ дѣловомъ кабинетѣ банка, когда диктовались вздутые балансы, мнимыя прибыли, непонятные отчеты, искажать истину, — не могъ лгать.

И онъ сказалъ.

Но то было не слово оправданія вашего, подсудимые!

Чего бы стоило ему произнести, что вы — невинныя жертвы его противъ васъ направленнаго обмана.

Вѣдь онъ произнесъ и исполнилъ надъ собою въ тѣ же минуты страшный приговоръ, столь ужасный, что, присутствуй въ это время все человѣчество у добровольно избраннаго имъ эшафота, всѣ какъ одинъ человѣкъ, и слушатели, и потерпѣвшіе, и обвинители, и самые непреклонные судьи, въ одинъ голосъ крикнули бы: „Стой, не надо! Эта жертва, эта гибель души стократъ выше твоихъ ошибокъ“.

Онъ не оправдалъ ихъ. Онъ только пожалѣлъ, что погубилъ ихъ своимъ грѣхомъ.

Вотъ она разгадка.

— Ихъ грѣхъ въ томъ, что они шли за нимъ, помогали ему, вѣрили въ него. Въ этомъ—основаніе ихъ долга склониться передъ карающимъ закономъ, передъ нашимъ правомъ, передъ нашею судейскою совѣстью.

Мы здѣсь — представители нарушеннаго права и просимъ о немъ и только о немъ.

Но, если бы и частному лицу, подобно обвинителю, можно было подать голосъ по всей линіи вопросовъ дѣла, мы были бы счастливы утолить боль ихъ зіяющихъ ранъ.

Но довольно.

Судейское сердце обширно, такъ обширно, что законодатель, ввѣряя ему долгъ правосудія, вручилъ двѣ великія задачи: изрекать правду и изрекать милость.

Дайте же намъ правду, всю правду, а имъ всю милость.

На этомъ мы сошлись бы!..

Возраженіе защитѣ.

Имѣю нѣсколько замѣчаній. По болѣзни скажу коротко. Рѣчи защиты — квинтъ-эссенція взглядовъ съ той скамьи. Во всякой двусторонней борьбѣ есть односторонніе взгляды; каждый изъ насъ смотритъ на міръ въ окрашенныя очки. Вы возьмете на себя трудъ снять съ нашихъ доводовъ присущую имъ колоритность и выставить дѣло не въ цвѣтѣ односторонности, а въ свѣтѣ доказанной правды.

Сначала внесу поправки въ гражданскій искъ, потомъ въ методы и юридическія мнѣнія противниковъ, закончу замѣтками, относящимися къ общей характеристики процесса.

Оспаривая правомѣрность иска, высказали вѣскія соображенія объ убыткахъ отъ учета векселей и взглядъ, съ перваго раза уничтожающій одинъ изъ двухъ исковъ, либо торговаго, либо земельнаго банка,—въ самой главной части.

По учету мы, дѣйствительно, имѣемъ векселя на неправильно окредитованныхъ; они уже превращены или могутъ быть превращены въ исполнительные листы. Но эти листы дадутъ право прямого требованія съ каждаго окредитованнаго члена правленія торговаго банка, по суммѣ неуплаченнаго. А если вы признаете, что вексельная ссуда противозаконна, тогда мы имѣемъ право на искъ

изъ правонарушенія, что ставитъ каждаго изъ совиновниковъ отвѣтственнымъ за убытки, въ случаѣ несостоятельности должника.

Г. Бѣлый оспариваетъ иски, какъ двойные. Мы ищемъ тѣ же милліоны два раза, и какъ земельный банкъ, и какъ торговый. Ошеломляющее открытіе, неотразимая критика. Но только до первой мыслительной работы съ нашей стороны.

Да, мы ищемъ дважды правонарушеніе надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Земельный банкъ потерялъ, потому что они противозаконно отдали его деньги торговому банку, безъ надежды получить ихъ обратно, при несостоятельности послѣдняго. Но торговый банкъ, получивъ деньги земельнаго и состоя его должникомъ, имѣлъ право требовать, чтобы его служащіе хранили добро и противозаконно не отдавали его куда и кому не слѣдуетъ.

Поясню примѣромъ.

Купецъ въ лавкѣ имѣетъ товаръ и запрещаетъ приказчикамъ ввѣрять его въ кредитъ сосѣду, какъ ненадежному. Приказчики нарушили приказъ и отдали. По некредитоспособности сосѣда деньги не возвратятся. Приказчики виноватывъ убыткѣ и должны платить хозяину.

Представьте теперь, что приказчики эти, всѣ или нѣкоторые, ушли служить къ сосѣду. Благодарный за кредитъ, онъ принялъ ихъ и вѣрилъ имъ, а они унесли его товаръ, пріобрѣтенный у ихъ прежняго хозяина. Конечно, они отвѣчаютъ и ему за убытокъ, хотя оба дѣянія совершились надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ.

Словомъ, одной палкой можно нанести въ два пріема удары двумъ лицамъ и отвѣчать передъ обоими пострадавшими.

Внесу поправку въ свой счетъ.

Ищемъ мы ущербы отъ сдѣлокъ подъ % бумаги свыше 90% и подъ неимѣвшія цѣны. Здѣсь относительно нѣкоторыхъ доказано, что они цѣну имѣли — это первое. Потомъ нельзя не признать справедливымъ то замѣчаніе, что въ счетѣ убытковъ, составленномъ ликвидаціонной комиссіей, подсчитанъ весь убытокъ отъ реализаціи бумагъ, а въ смыслѣ ущерба, причиненнаго проступкомъ, мы должны ограничиться лишь той суммой, которая дана сверхъ должнаго при заключеніи сдѣлки. Напр., дали подъ бумагу вмѣсто слѣдуемыхъ 90 рублей 95, — нарушеніе уголовно караемое, относится къ пяти рублямъ. Прочая сумма — убытокъ операціонный, уставный.

Поэтому я и прошу васъ разрѣшить только вопросъ: противозаконно ли давать въ ссуду свыше 90% и давать подъ бумаги, не имѣющія биржевой стоимости, и были ли такіе случаи; если были, то

предоставьте намъ право взысканія убытка въ предѣлахъ, указанныхъ выше въ порядкѣ, рекомендуемомъ 779 ст. у. у. с.

Не могу не замѣтить, что притивники неправы въ спорѣ о природѣ дѣянія по возвращенію залоговъ. Неправы, отрицая наличность непополненной растраты. Неправы и эксперты, убавляющіе нашу цифру до 184,000 руб. Растрата служебная считается устраненной только взносомъ самимъ растратчикомъ полной суммы ея. Никакая сдѣлка не устраняетъ дѣянія и не переводитъ его въ иной разрядъ болѣе снисходительнаго проступка.

Въ то же время никакія обстоятельства не замѣняютъ возврата самаго предмета растраты. Законъ несомнѣнно придаетъ значеніе субъективной сторонѣ дѣла, самодѣятельности воли, путемъ возврата присвоеннаго или растраченнаго примиряющейся съ закономъ и проявляющей свое раскаяніе.

Допустивъ иное, надо было бы признать, что я могу выдѣлить изъ своего состоянія сумму и разослать ее по камерамъ прокурорскимъ съ заявленіемъ, что я покрываю всѣ нынѣ производящіяся дѣла о растратахъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ. Смѣю думать, что ни одна растрата этимъ пріемомъ не прекратится, ибо мѣра эта, не исходя отъ привлеченнаго, не измѣняетъ его отношенія къ нарушенному закону.

Въ данномъ дѣлѣ, кромѣ того, установлено, что растрата пополнялась обязательствами, — думаю, что это — пріемъ, измѣняющій частную растрату, гдѣ иногда достаточно просто о б ѣ щ а н і я исполнить, чтобы существенно измѣнить послѣдствія виновности.

Ошиблись и эксперты, уменьшая нашъ ущербъ до 184.000 р., засчитавъ въ вину ликвидаціонной комиссіи, что она не успѣла получить домъ г-жи Алчевской и должна была довольствоваться суммой, данной ей при распредѣленіи имущества, вырученнаго отъ продажи этого дома. Нельзя считать упущеніемъ, что кредиторъ не спѣшитъ вырвать полный рубль у должника, пока другіе, столь же правильные кредиторы, не приступятъ ко взысканію.

Столь же неправильна попытка — ставить въ вину ликвидаціонной комиссіи замѣну векселя г-жи Алчевской-младшей закладною на ея домъ. Такъ какъ домъ — цѣнность, предназначавшаяся на пополненіе убытковъ отъ растраты, то, замѣняя менѣе обезпечивающій интересы банка л и ч н ы й вексель г-жи Алчевской ея з а л о г о в ы м ъ актомъ въ предѣлахъ дѣйствительной стоимости дома, ликвидаціонная комиссія только замѣнила будущее, неизвѣстное и рискованное, крѣпкимъ и стойкимъ обстоятельствомъ.

Говорилось о закономѣрности кредита по счету корреспондентовъ и

по счету переходящихъ суммъ, дающихъ въ итогѣ громадный, необезпеченный кредитъ г-ну Алчевскому. Исходили изъ принципа: что не запрещено, то дозволено.

Принципъ вѣрный для лица, распоряжавшагося своими правами и своимъ добромъ. Но юридическое лицо — фикція права — не знаетъ другой дѣятельности, кромѣ уставной; это — автоматъ, движущійся только въ предѣлахъ устава — его заводной машинки. Правленіе, это — повѣренный, который не можетъ дѣлать того, что ему въ полномочіи не дали. Иначе отъ молчанія устава, не запрещающаго дарить, пришлось бы заключить, что правленіе акціонернаго Общества, движимое общественнымъ чувствомъ, можетъ пожертвовать весь основной и складочный капиталъ на какое-либо полезное общественное дѣло. Однако, какъ ни великодушно это чувство, какъ ни велики награды, какія даются частному лицу за подобный актъ щедрости,—сдѣлай это правленіе за счетъ ввѣреннаго ему капитала, его наградой будетъ только обвинительный приговоръ суда.

Теперь нѣсколько словъ общаго характера.

Всѣ защитники указываютъ на финансовый кризисъ. Онъ играетъ роль эпидемической болѣзни, которая нанесла ущербъ. Ничего беззаконнаго не было-де, а дѣятели просто дышали, вдыхали и выдыхали, въ атмосферѣ, пропитанной бактеріями, и заразили все дѣло.

Я бы согласился съ защитой, если бы факты не вносили нѣкоторыхъ неукладывающихся въ выводы особенностей.

Будь бы дѣло такъ: попали въ дѣло Алчевскаго незаконно капиталы,—можетъ быть по недосмотру въ суть дѣла и его предпріятій. Правленіе винится передъ избирателями и принимаетъ мѣры, чтобы оградить свое дѣло отъ дальнѣйшей ошибки, ставитъ карантины, предупредительныя мѣры, чтобы чума не ворвалась и не усѣяла его побѣднаго входа разрушеніями и членовредительствами.

Здѣсь же мы видимъ другое: правленіе отсылаетъ свои капиталы въ очагъ заразы, посылаетъ все до послѣдней возможности. Это уже не борьба съ эпидеміей въ интересѣ ввѣреннаго дѣла, а превращеніе средствъ банка и его дѣятелей въ санитарный отрядъ и карету скорой помощи.

Было высказано, опираясь на мнѣніе нѣкоторыхъ экспертовъ, что уставы не соотвѣтствуютъ практическимъ нуждамъ дѣла, что жизни приходится расширять ихъ опредѣленія, дѣлать трещины или надрѣзы. Кто это утверждаетъ? Правящіе въ банкѣ, бухгалтеры.

Но мы не затѣмъ ихъ пригласили. Ихъ дѣло — разобраться въ книгахъ и объяснить намъ механизмъ ихъ; дѣло заправилъ въ бан-

кахъ—указать на роды и виды сдѣлокъ, на составъ ихъ въ дѣйствительности, на относительную выгоду и удобство однѣхъ передъ другими и только.

Быть критиками уставовъ-законовъ и свидѣтельствовать о несоблюденіи и невозможности соблюденія они не призваны. Законъ, изданный не въ интересѣ только банковъ, а въ интересѣ общественнаго блага, законъ, имѣющій въ виду не вождѣленія капиталовъ и ворочающихъ ими, а имѣющій въ виду всѣ общественныя цѣли, — выше ихъ критики. Никогда не поступится онъ своими правами и никогда, ни въ какихъ моментахъ государственной жизни, будемъ надѣяться, банкиры и банковые дѣятели не будутъ сильнѣе закона.

Такъ прочь съ дороги къ истинѣ все, не должно ставшее на дорогѣ!

Еще что я хотѣлъ сказать? Да! Здѣсь старались связать дѣло банковъ съ великими реформами. Дѣятелей въ банковомъ правленіи сажали на одну тріумфальную колесницу съ историческими героями. Да, банки — естественное слѣдствіе новой пореформенной жизни, но не крушеніе банковъ. Естественные спутники великихъ дѣятелей также и скромные, въ духѣ общаго, промышленные работники,—но тѣ, кто созидалъ, укрѣплялъ и обогащалъ общественно-промышленныя предпріятія, строго блюдя ввѣренное, а не тѣ, кто, возникнувъ въ одно время съ желанными учрежденіями, не оправдывалъ довѣрія общества.

Вотъ, напримѣръ, съ развитіемъ жизни замѣнились старыя средства движенія новыми желѣзными путями. Но съ развитіемъ этихъ дорогъ развилось много спеціальныхъ способовъ потери пассажирами своего багажа. Такъ нельзя же тѣхъ, кто беретъ, и тѣхъ, кто не умѣетъ сохранить пути отъ пропажъ, считать имѣющими равное право на существованіе, какъ и тѣхъ, кто созидаетъ пути.

Конечно, гг. судьи, долгъ вяжетъ и часто бываетъ не подъ силу среднему человѣку.

Но, вѣдь, есть долгъ и долгъ.

Хранить чужое, быть вѣрнымъ слову, исполнять долгъ даже передъ врагомъ, не скрывать истины — это требованія, которыя понятны, которыя чтимы даже въ первобытныя времена, среди первенцевъ человѣчества: ирокезецъ и могиканъ отказались бы одобрить нарушителей этихъ основныхъ началъ общественности. И герои временъ Гомера неодобрительно кивали головой на говорящихъ неправду и нарушающихъ слово долга:

...Гибель они на себя навлекли святотатствомъ.
Горе безумнымъ! Они въ слѣпотѣ, незнакомые съ правдой,
Смерти своей не предвидятъ...

Кто изъ насъ, изъ в а с ъ, г.г. судьи, заглянувъ въ себя, не признается, что не всегда мы въ силахъ побороть въ себѣ гнѣвъ, побороть вожделѣніе страстей, насъ плѣняющихъ быстро, лишнее выпить или съѣсть, поселить въ душѣ месть, тяжелое чувство или томящую скорбь, что къ другому больше судьба благосклонна, чѣмъ къ намъ.

Но вы знаете, что слабое къ грѣшнымъ желаніямъ сердце легко побѣждаетъ и гонитъ иные соблазны, которые ликъ нашъ пятнаютъ, внушая укоры отъ ближнихъ.

Вотъ теперь и все, кромѣ признанія, что мнѣ было досадно на товарищей, работающихъ здѣсь на благородномъ посту защиты,—что они непослѣдовательны.

Защищая подсудимыхъ, несмотря на старательно собранныя противъ нихъ улики, они въ то же время легко обращаются съ именемъ тѣхъ, — я говорю о г.г. Рябушинскихъ — кто ничѣмъ не нарушилъ ни долга, ни законности и кого никто еще не дозволилъ себѣ осудить въ ложныхъ путяхъ труда.

Да, они богаты. Но богатство терпимо, и законно стремленіе къ нему въ строѣ настоящей міровой жизни.

Вѣдь и обвиняемые вѣрили въ него, къ нему стремились и чтили въ г. Алчевскомъ героя и открывателя сокровищъ.

Вся разница въ томъ, что первые, если сравнить богатство съ тельцами упитанными, размножали ихъ упорной работой и знаніемъ, напонимающимъ искусство библейскаго Іакова, при благосклонномъ содѣйствіи судебъ умѣли производить тѣ породы, которыя лучше цѣнятся на рынкѣ, а обвиняемые хотѣли тѣхъ же тельцовъ или желали своему герою и х ъ ж е, но позволяли замѣнить трудъ размноженія ловлей сѣтями изъ чужого стада...

Досаденъ пріемъ! Отъ него не больно тѣмъ, въ кого кидаютъ упреки. Онъ напоминаетъ ошибку дѣтей, кидающихъ камнемъ въ пролетающую и ничего имъ нехорошаго не дѣлающую птицу. Камень брошенъ неразумно: птицѣ не повредитъ онъ, ослабнувъ въ силѣ, когда движеніе вверхъ уступаетъ притягательной силѣ земли. А падая обратно, онъ подчасъ царапаетъ или ушибаетъ тѣхъ, кто бросилъ его куда не должно.

Я умолкаю.

Теперь послѣдняя очередь за вами, товарищи!

Если я ошибаюсь въ моемъ отвѣтѣ, помоги вамъ Богъ исправить ошибки для пользы тѣхъ, кто ввѣрился вамъ...